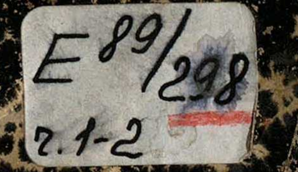
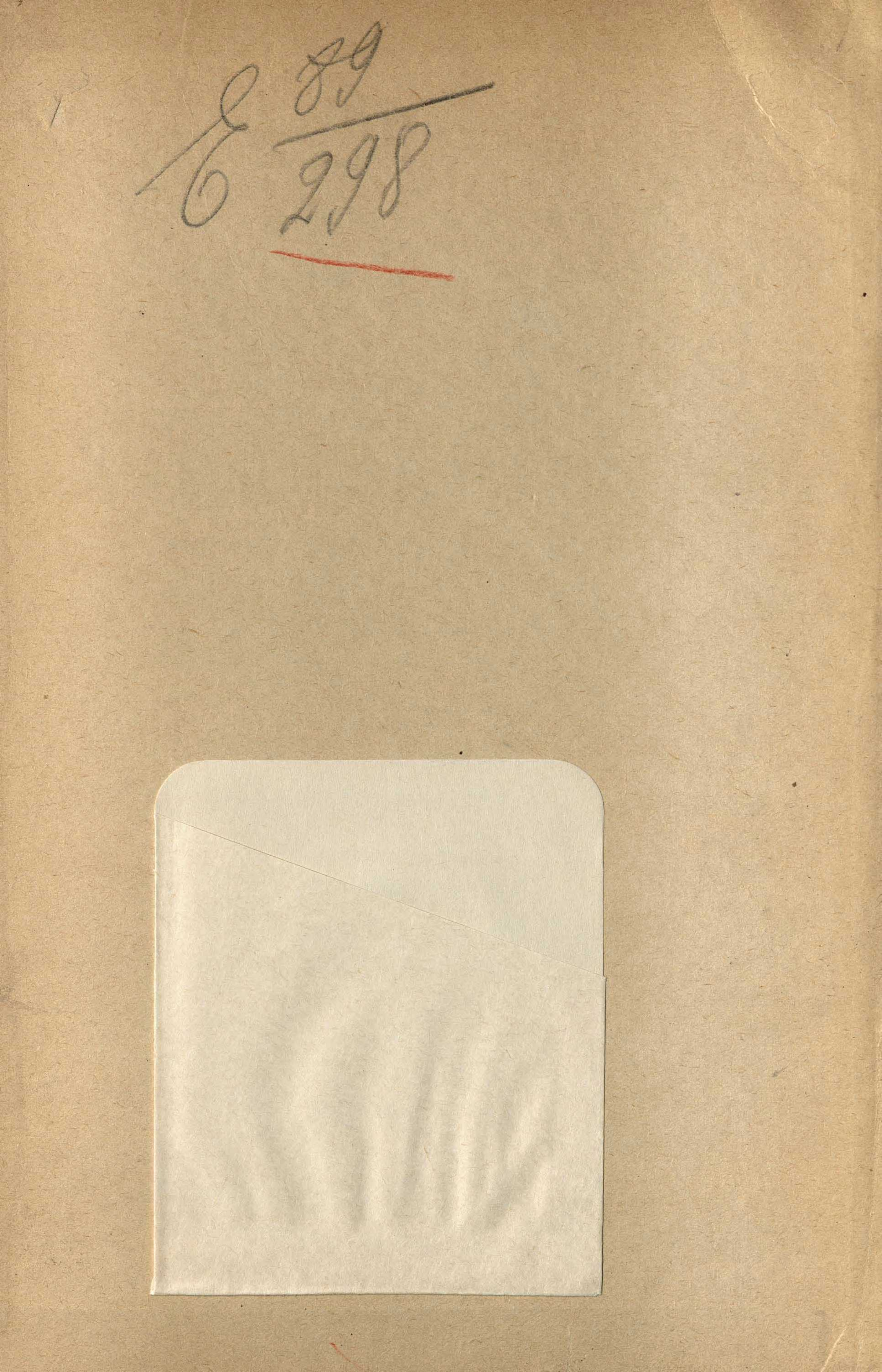

E 89
C 298

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

А. А. ИВАНОВА.

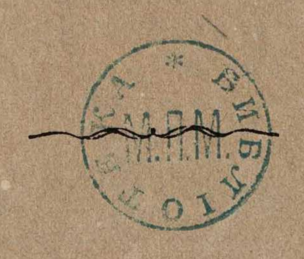
ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ I.

ОПЫТЪ
НАУЧНОЙ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКИ

сравнительно съ греческою и славянскою.

ВВЕДЕНІЕ, ФОНЕТИКА, ЭТѴМОЛОГІЯ.

КІЕВЪ.
Тѵпо-лиѳографія Е. Я. Федорова.
1878.

Содержаніе 1-ой части „Филол. Записокъ“

Дозволено цензурою. Кіевъ (27 мая 1874 г.) 28 октября 1878.

Михаилу Андреевичу

Тулову,

бывшему помощнику попечителя Кіевскаго уч. округа,

автору различныхъ трудовъ

по ѳеоріи языка и поэзіи,

съ искреннимъ почтеніемъ и съ глубокою благодарностью

за лестную благосклонность къ сему труду,

за просвѣщенную — хоть и почти безуспѣшную — поддержку и защиту
моей преподавательской дѣятельности въ 1871 году,

за добрую и цѣнную внимательность, оказанную мнѣ столько разъ лично и заочно,
какъ во время моей службы, такъ и по увольненіи,

посвящаю

сію книгу.

Авторъ.

Замѣтка.

1. Читатели приглашаются прочесть предварительно предисловіе (ч. I) и эпилогъ (ч. II) и въ особенности сдѣлать, гдѣ это возможно, поправки и дополненія, означенныя во II-й ч. на стр. 43–63 и 84; гдѣ нельзя, т. е. гдѣ измѣненіе или дополненіе слишкомъ обширно, тамъ слѣдуетъ сдѣлать ссылку на „Добавленія и Поправки" и, если требуется, зачеркнуть соотвѣтственное мѣсто въ текстѣ. — Далѣе, читатель значительно облегчитъ себѣ употребленіе „Записокъ", если не откажется отъ труда послѣдовать совѣтамъ, выраженнымъ въ ч. II-ой, стр. 43 и 82, т. е.: а) съ самаго начала обозначить вверху стр. 5–56 сей части, какіе именно §§ излагаются на тѣхъ страницахъ, и б) при первомъ же чтеніи навести чернилами на всякой черточкѣ, оттиснувшейся не вполнѣ отчетливо. — Кто это сдѣлаетъ, будетъ доволенъ.

2. О новыхъ заглавіяхъ, согласно съ которыми слѣдуетъ исправить и старыя, см. ч. II, стр. 81; о посвященіяхъ — тамъ же, стр. 78 сл.; о дополненіяхъ и поправкахъ — тамъ же стр. 82.

3. Первые 6 листовъ I-ой ч. отлитографованы съ марта по іюль 1871 г.; листы 7–10-й — въ остальные мѣсяцы того же года; листы 11–14-й — въ первой половинѣ 1872; новое заглавіе, посвященіе и обложка — въ октябрѣ 1878 (см. II, 77).

4. Такъ какъ трудъ мой непрерывно разрастался, постоянно и далеко вырываясь изъ предназначавшихся ему рамокъ (см. II, 77 сл.; 82): то я, какъ бы пытаясь одолѣть его силу и сковать его ростъ, чѣмъ далѣе тѣмъ гуще писалъ и вообще втѣснялъ въ каждую страницу какъ можно болѣе содержанія. Но такъ какъ онъ все таки пріобрѣлъ гораздо большій объемъ и доставилъ мнѣ въ нѣсколько разъ больше труда и издержекъ, чѣмъ я разсчитывалъ, то это повело къ постепенному возвышенію цѣны, тѣмъ болѣе что издаются „Записки" только въ 210 экземплярахъ, изъ коихъ 10 необходимо доставить цензурѣ. — Первоначальная подписная цѣна (см. II, 82 съ добавл. на 84-й) была 1 р.; въ томъ же году, по моемъ выбытіи изъ гимназіи (см. II, 77), я возвысилъ для новыхъ подписчиковъ цѣну до 1½ р.; съ 1872 г. — вслѣдствіе того, что изданіе разрослось, — 2 р.; по окончаніи „Грамматики", т. е. съ іюля 1872 г. — 2½ р.; съ 1873 г., по написаніи вчернѣ окончанія II-ой ч. (см. II, 77), — 3 р.; съ 1875 г., по исправленіи и дополненіи сего окончанія, — 3½ р.; съ января 1877, во время переписки, — 4 р.; съ октября того же года, послѣ новаго пересмотра той части, которая еще оставалась нелитографованною, дѣлая первую публикацію о „Филол. Запискахъ" на обложкѣ „Игоръ Древнихъ", назначилъ окончательную цѣну въ 4½ р., но при покупкѣ болѣе одного экземпляра, — 4 р. — Такаго рода возвышеніемъ цѣны я достигалъ того, что если не за составленіе „Записокъ" и не за пережитое изъ-за нихъ, то хоть за тягостную переписку (см. II, 82 и 84) получаю какое-нибудь вознагражденіе. — Впрочемъ болѣе половины тѣхъ 200 экземпляровъ, коими могу располагать, разошлось по 1 р. или и совсѣмъ безплатно; экземпляровъ 20 по 1½ р. и экземпляровъ 15 по возвышеннымъ цѣнамъ. Такъ какъ не было изданіе опубликовано, то иногороднихъ подписчиковъ есть у меня всего два десятка; впрочемъ еще нѣкоторые иногородніе пріобрѣтали черезъ посредство своихъ кіевскихъ знакомыхъ. — Теперь въ продажу поступаетъ всего лишь около 60 экземпляровъ. — Думая, что скоро окажется потребность во 2-мъ изданіи, я предполагаю сдѣлать оное также литографичнымъ, но болѣе полнымъ и болѣе четкимъ (см. ч. II, стр. IV, 81 и 82). Къ моей крайней досадѣ, рукопись, четко и изящно написанная, часто послѣ литографнаго процесса оказывается весьма неудобною для чтенія. Я еще намѣренъ поговорить съ разными спеціалистами сего дѣла, чтобы принять впредь всѣ возможныя мѣры къ устраненію этого порока (ср. ч. II, стр. 55 и 82). — Лица, пріобрѣвшіе отъ меня теперешнія „Записки", будутъ имѣть право — но безъ передачи онаго — пріобрѣсти соотвѣтственное число экземпляровъ 2-го изданія съ уступкою на одну треть или на четверть той платы, которую они внесли за 1-ое изданіе, смотря потому, подпишутся ли они до выхода въ свѣтъ 2-го изданія или въ первые два мѣсяца по выходѣ; т. е. если напримѣръ новое изданіе будетъ стоить 5 р., то кто теперь уплатилъ за 1-ое 4½ р., получитъ право пріобрѣсти новое за 3½ р. или за 3,85 и т. д. (Кромѣ сего отъ автора „Андрея Акимовича Иванова, Кіевъ, Нижне-Владимірская, д. Тальберга" можно получить и другіе его труды. — См. на обложкѣ.)

20 октября (н. ст.) 1878.

А. И.

ЗАПИСКИ
УЧИТЕЛЯ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА

А. А. Иванова

составленныя

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ ГИМНАЗІИ.

ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть I.

ЗАПИСКИ ПО ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКѢ.

КІЕВЪ.
Въ литографіи Е. Я. Федорова.
1871.

Важнѣйшія сочиненія (для будущихъ филологовъ). (См. Предисл.)

(W. Humboldt – Über die verschiedenheit des menschlichen sprachbaues und ihren einfluss auf die geistige entwickelung des menschengeschlechts. Berl. 1836 – отдѣльно и въ видѣ введенія къ сочиненію Über die kavi-sprache auf der insel Java. – Я пользовался русск. переводомъ П. С. Билярскаго подъ названіемъ „Введеніе во всеобщее языкознаніе," помѣщ. въ 7 томахъ (97–103) Журн. М. Нар. Пр. 1858–59. Это сочиненіе положило начало философскому языкознанію, но отличается темнотою и противорѣчіями при всей своей геніальности. Совѣтую прежде прочесть превосходные разборъ этого сочиненія, сдѣланные Штейнталемъ, особ. въ соч. Die sprachw. W. H-s u. die Hegelsche philosophie 1848, Urspr. d. spr. 1858, стр. 61–84 и 113–137; Typen des sprachbaues, стр. 20–75 и пр.)

*K. W. L. Heyse System der sprachwissenschaft, hrg. v. H. Steinthal. Berl. 1856 (1ая часть этой отличной книги есть и въ русскомъ переводѣ – черезъ чуръ буквальномъ – Ив. Желтова при Филол. Запискахъ 1862–64 (гдѣ есть и другія хорошія статьи) и отдѣльною книгою, Воронежъ 1864)

*M. Müller Lectures on the science of language. 1 series. Lond. 1861. – 2 series 1864 (1ое изд.) (Я пользовался нѣмецкою обработкою C. Böttger'а – Vorlesungen über die wissenschaft d. sprache. Lpz. 2 bde. 1866. – (1ый томъ въ 2 изд.) Есть и русскій переводъ: 1ый томъ вышелъ въ Спб. кажется в 1864 (пер. Кайзера), 2ой въ Воронежѣ (переводъ Лаврѣнка и Кайзера) въ двухъ частяхъ: 1ая 1866–68, 2ая 1868 сл.)

*H. Steinthal – Der ursprung der sprache, im zusammenhange mit den letzten fragen alles wissens. 2 aufl. Berl. 1858.
Его же Charakteristik der hauptsächlichsten typen des sprachbaues. 2 aufl. Berl. 1860.
— Grammatik, logik u. psychologie, ihre principien u. ihr verhältniss zu einander. Berl. 1855. и друг. соч.

(J. Grimm, Über den ursprung der sprache. 3 aufl. Berl. 1852.)

Ernest Renan De l'origine du langage, 4 éd. Paris 1863. (Есть и русскій пер. А. И. Гудкова, Воронежъ 1865).

(Conr. Hermann. Philosophische grammatik. Lpz. 1858.)

A. Pictet. Les Origines Indo-Européennes ou les Aryas primitifs. 2 tomes. Paris. 1859–63.

*Aug. Schleicher Compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen. 2 aufl. Weimar 1866; къ нему приложеніе: Indogermanische Chrestomathie. Schriftproben und lesestücke mit erklärenden glossaren. Bearbeitet von H. Ebel, A. Leskien, J. Schmidt u. Aug. Schleicher. – Weimar 1869.
(Къ гораздо болѣе обширной грамматикѣ Боппа, или лучше къ франц. переводу ея, сдѣланному Бреалемъ 1867–70, совѣтую приступить только послѣ изученія книги Шлейхера).

(L. Meyer Vergleichende grammatik der griechischen und lateinischen sprache. Bd. 1–2. Berl. 1861–65.)
Его же – Gedrängte vergleichung der griechischen und lateinischen declination. Berl.

*E. Egger Notions élémentaires de grammaire comparée pour servir à l'étude des trois langues classiques (т. е. греч., лат. и франц.). 6 éd. Paris. 1865.

F. Baudry – Grammaire comparée des langues classiques. 1ère partie: Phonétique. Paris, 1868.

G. Curtius Grundzüge der griechischen etymologie. 2 aufl. Leipz. 1866. (Есть уже и 3 изд.)

* Его же Erläuterungen zu meiner griechischen schulgrammatik. Prag. 1863.

* — Griechische schulgrammatik. 7 aufl. Prag. 1866. (На русск. яз. есть переводы Меловидова, Крейцера и передѣлка Григорьева).

R. Kühner Ausführliche grammatik der griechischen sprache. 2 aufl. 1870. (Я пользовался только первымъ изд. 1834–35. – Его краткая грамматика имѣетъ много изд. на нѣм. и русск. яз.)

W. Corssen Über aussprache, vokalismus und betonung der lateinischen sprache. 2 ausg. 2 bde. Lpz. 1868–70.
Его же Kritische beiträge zur lat. formenlehre Lpz. 1863. и Krit. nachträge z. lat. formenl. Lpz. 1866.

Neue Lateinische formenlehre. 2 theile. 1861–66. Служитъ продолж. Шнейдеровой Elementarlehre. Berl. 1819.

Merguet Die entwickelung der lateinischen formenlehre. – Berl. 1870.

*Fr. Bücheler Grundriss der lateinischen declination. Lpz. 1866.

Лучшія изъ лат. грамматикъ, мало подчинившіяся современному языковѣдѣнію, суть Zumpt'a (есть пер. Попова), Kühner'a и Madvig'a Schulgrammatiken (обѣ не переведены; у насъ есть только переводъ изъ краткихъ грамматикъ), Ананьева и, вѣроятно, также Лицея Ц. Н. (этой я еще не разсмотрѣлъ) Согласованы съ теперешнимъ состояніемъ науки только учебникъ *Schweizer-Sidler'a. Halle. 1869.

Нѣкоторыя изъ другихъ сочиненій, которыми я пользовался, будутъ обозначены въ выноскахъ.

NB. Изъ записокъ по грамматикѣ приходится на 5ый классъ только гл. III (фонетика) – съ сокращеніями; на 6ой повтореніе IIIей главы [зачеркнуто] съ пополненіемъ пропусковъ и гл. IV; на 7ой – все (кромѣ необязательной прибавки). 3ья глава составлена въ замѣну того, что изложено въ нашемъ руководствѣ Кюнера-Коссовича совершенно-неудовлетворительно и при томъ не только въ двухъ мѣстахъ грамматики, но и въ метрикѣ (см. по 3 изд. стр. 1–6, 380–393 и 394–396). Включать въ метрику то, что относится только къ грамматикѣ, и ложно и вредно, потому что пріучаетъ учениковъ къ неправой мысли, будто въ стихахъ есть какой-то особый, весьма мудреный, а не обыкновенный человѣч. (лат.) языкъ.

NB2. Почти во всѣхъ особенностяхъ моей передачи греч. словъ (см. предисловіе) я не столько вводилъ новизну, сколько возобновлялъ старину. Какъ хорошо, какъ согласно даже съ новою наукою передавались слова въ перев. свящ. книгъ – ὑπόστασις (= ὑπόστασις), Діи (въ Дѣян. Ап.), мνро и какъ безобразны гипотеза, Зевесъ, театръ и пр.! Нынѣ лучше бы сдѣлали бы изъ перваго слова гипостазисъ или гипостаза или ипостазъ; вмѣсто мνро (мύрон) вышелъ бы мирвнъ или мирр и т.д. Подробнѣе выскажусь въ печати. А. И.

13 (1) марта 1871.

Abiturus!

Исполняя ваше давнее желаніе и просьбы, я рѣшился отлитографировать свои записки. Въ изданіе это входятъ тѣ замѣтки, которыя я излагалъ вамъ, постепенно и такъ сказать концентрично расширяя, съ 5 или даже съ 4 класса. Какъ припомните, изложеніе было сначала только устное (вы сами записывали) и безъ строгой системы; съ 6 класса, убѣжденный практикою во многихъ неудобствахъ исключительно устнаго изложенія и исполняя ваши просьбы, я сталъ составлять систематическія записки и въ началѣ диктовать ихъ въ классѣ, но скоро, для сбереженія учебнаго времени, перешелъ къ постепенной выдачѣ ихъ вамъ для домашней переписки, ограничиваясь въ классѣ только устными поясненіями и дополненіями. Дальнѣйшая практика показала потребность въ изданіи ихъ литографическомъ или типографическомъ; въ настоящее время могу я прибѣгнуть только къ первому. Это изданіе освободило васъ отъ необходимости продолжать переписываніе, и даетъ вамъ возможность имѣть правильный экземпляръ, который можетъ очень пригодиться и по окончаніи курса, и можетъ послужить младшимъ вашимъ товарищамъ, и наконецъ даетъ мнѣ случай такъ высказать вамъ прощальное слово, чтобы вы могли перечитывать его и тогда, когда прекратятся между нами обязательныя отношенія. Я же позабочусь о дальнѣйшей разработкѣ этихъ записокъ для отпечатанія ихъ со временемъ; можетъ быть до того времени удастся мнѣ воспользоваться также замѣчаніями людей свѣдущихъ и сочувствующихъ дѣлу — хотя увы! — до сихъ поръ я здѣсь таковыхъ (почти) не находилъ....

Изданіе это раздѣляется на 4 части: 1) записки по латинской грамматикѣ, 2) метрика, 3) по исторіи р. литературы и 4) миѳологическія и антикварныя замѣтки. Предполагаю включить сюда также и часть того, что успѣлъ я спеціально изложить лучшимъ ученикамъ во внѣклассное время до тѣхъ поръ, пока обстоятельства позволяли мнѣ дѣлать это.. Нѣкоторые отдѣлы записокъ изложены очень сжато, потому что я всегда старался сдѣлать объемъ ихъ возможно-малымъ, оставляя много для устныхъ разъясненій.

Записки свои я старался изложить въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Потому-то грамматика и въ особенности метрика, подвергшіяся въ новое время кореннымъ измѣненіямъ, вышли у меня совершенно непохожими на то, что обыкновенно понимается подъ этими словами. О прочихъ замѣткахъ этого не скажу, потому что исторія литературы, миѳологія и древности не испытали переворотовъ. — Подробнѣе — см. ниже. — Вмѣсто неосмысленнаго и часто совершенно ложнаго и безсмысленнаго набора правилъ вы видите науку раціональную. Разумѣется, я долженъ былъ довольствоваться лишь краткимъ очеркомъ самаго главнаго: дальнѣйшее принадлежитъ университету. Но я также вполнѣ убѣжденъ 1) въ томъ, что ~~университетское~~ гимназическое преподаваніе не должно находиться въ противорѣчіи съ университетскимъ, т. е. что гимназіи должны дѣйствительно подготовлять къ университету, что онѣ не могутъ чуждаться науки, что въ нихъ не должно преподаваться ничего такого, о чемъ въ университетѣ могли бы сказать, что это вздоръ или ложь, давно отвергнутая наукою и что ученики высшихъ классовъ должны быть пріучены къ умственной работѣ; 2) что всякое ученіе тѣмъ выше и тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ оно глубже и раціональнѣе, и что гимназическое ученіе съ каждымъ высшимъ классомъ должно болѣе и болѣе освобождаться отъ элементарности. Только при этихъ условіяхъ гимназіи будутъ дѣйствительно выпускать зрѣлыхъ молодыхъ людей для университета, т. е. для университетскихъ научныхъ работъ. — У насъ многіе согласны признать эти принципы — въ большей или меньшей степени — въ приложеніи къ математикѣ, исторіи, отчасти также къ русскому и церк.-слав. языкамъ, а въ тоже время за грамматикою и метрикою классическихъ языковъ, которые должны быть центромъ гимназическаго ученія и наука о которыхъ должна быть по существу своему наиболѣе раціональною, хотятъ оставить существенными качествами — элементарность и безсмысленность!..

Главными цѣлями всего моего преподаванія и этихъ записокъ въ частности было 1) ввести васъ такъ глубоко, какъ это было возможно при ограниченности времени и разныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ среды, въ классическій міръ — этотъ источникъ современной цивилизаціи, безъ знанія котораго нѣтъ высшаго, ученаго образованія, и 2) расположить къ филологическому поприщу, на которомъ у насъ такъ мало дѣятелей и тутъ же указать вамъ путь, по которому вы могли бы твердо итти, не сбиваясь и не тратя понапрасну времени. Съ этою послѣднею цѣлью я на оборотѣ заглавнаго листа каждой тетради, а также во многихъ мѣстахъ въ текстѣ указываю на важнѣйшія сочиненія. Тѣ изъ нихъ, которыя совѣтую начинающимъ изучить прежде прочихъ, обозначаю звѣздочкою; тѣ же, изученіе которыхъ по какой бы то ни было причинѣ (трудность, ошибочность и пр.) лучше всего отложить на послѣдокъ, помѣщаю въ скобкахъ (привожу въ тѣхъ изданіяхъ, которыми я самъ пользовался).

Конечно, я бы желалъ, чтобы по филологическому пути пошли вы — communiter aut melior pars; но въ какой степени исполнится мое желаніе, въ какой степени устоите вы противъ матеріальныхъ соблазновъ (которые, впрочемъ, могутъ вовсе не осуществиться) — покажетъ будущее. Я могу однако твердо надѣяться, что вы, по крайней мѣрѣ, не увеличите собою толпы модныхъ свистуновъ, которые въ полнотѣ скиѳскаго невѣжества издѣваются надъ тѣмъ образованіемъ, которое такъ дорого современному истинно-цивилизованному человѣку. Вы знаете, что всѣми благами современной культуры, науки, искусства обязаны мы слiянію духа классическаго міра съ духомъ христіанства; знаете, что классическій міръ съумѣлъ вывести человѣчество изъ средневѣковаго варварства, возродить его для новой жизни; знаете, какіе блестательные плоды принесло классическое образованіе на Западѣ и какъ печально отзывается отсутствіе его у насъ; вы, надѣюсь, поймете, какъ вредно и какъ унизительно для нашей національной чести оставаться по образованію ниже всѣхъ европейскихъ народовъ и не стоять со всѣми ими на одной общей почвѣ — почвѣ классическаго міра. — Позволяю себѣ ожидать, что вы всѣ явитесь, по крайней мѣрѣ, проводниками этихъ мыслей въ общественную среду.

Любовь къ дѣлу и патріотизмъ заставляли меня такъ неустанно работать для васъ.

Пусть же, скажу въ заключеніе, тотъ патріотизмъ и та святая любовь къ наукѣ, образованію и источнику нашей науки и образованія — вѣчно юному классическому міру, блеставшему яркимъ свѣтомъ уже тогда, когда весь міръ былъ еще погруженъ въ варварство или въ полуварварство, перейдутъ отъ учителя къ ученикамъ, будутъ согрѣвать ихъ на всемъ служебномъ поприщѣ и заставятъ охотно переносить — если бы это было нужно ради этого дѣла — всевозможные труды, лишенія и гоненія. Пусть воспоминаніе о моемъ преподаваніи возродитъ и поддерживаетъ въ васъ мысль явиться моими преемниками и продолжателями; пусть, наконецъ, экземпляръ моихъ записокъ будетъ вамъ напоминать объ этомъ всегда и сдѣлается для васъ моимъ monumentum aere perennius!

Въ 1ой части записокъ излагаются только тѣ ~~...~~ грамматическія объясненія, которыя были приведены мною въ систему — введеніе (объ языкѣ вообще и о латинск. яз. въ особенности), латинская фонетика, латинская этимологія и — въ видѣ прибавленія — объ италійскихъ нарѣчіяхъ и о греч. яз. (что было изложено мною необязательно во внѣклассное время). — Записки эти имѣютъ главною цѣлью дать правильное понятіе о языкѣ, приподнять предъ учениками самыхъ высшихъ классовъ нѣсколько ту завѣсу, за которою скрывается міръ чудесъ, называемый языкомъ, тѣмъ самымъ внушить, по крайней мѣрѣ, болѣе развитой части учениковъ любовь и благоговѣніе къ нему, и слѣд. оказать услугу какъ тѣмъ, которые изберутъ нефилологическое поприще и потому остались бы при дѣлѣ, крайне невѣжественныхъ и вредныхъ воззрѣніяхъ на филологію и съ полнымъ непониманіемъ великого дара, называемаго языкомъ, такъ и для тѣхъ, которые захотятъ посвятить себя филологіи: эти въ состояніи будутъ твердо пойти по тому пути, который я считаю единственно-правильнымъ, наиболѣе разумнымъ и согласнымъ съ современною наукою. Steinthal — Heyse — Curtius — Schleicher — Corssen — главные мои руководители. —

Нѣсколько словъ о правописаніи. Греч. и отчасти лат. слова подвергаются у насъ произвольнымъ и немилосерднымъ искаженіямъ. Я поставилъ себѣ за правило передавать эти слова самымъ точнымъ образомъ, измѣняя лишь окончанія, но согласно съ этимол. требованіями (дѣлая, однако, на первый разъ нѣкоторыя уступки ...; напр. це, ці въ лат. слов. вм. ке, кі), напр. ъ вм. os и us, ь вм. is и пр. Долгіе звуки обозначены знакомъ долготы; въ греч. сл. показано также удареніе; греч. буквы — приближенно къ русскимъ; возстановлено θ (= новогр. ϑ, англ. th, что скорѣе должно произносить какъ т (t) чѣмъ какъ ф) и ѵ (= гр. υ, лат. y, франц. u, нѣм. ü); з въ гр. словахъ = дз. — Гр. и лат. дифѳонги ai (ae) и oi (oe) передаются чрезъ ä и ö. — Для правильной передачи оказалась необходимою буква h; взялъ я ее по примѣру нашихъ оріенталистовъ; употребляю ее какъ гр. sp. asp., напр. hОмѣръ = Ὅμηρος.

Записки по грамматикѣ.

Отдѣлъ I. Введеніе.(+)

Глава I. Объ языкѣ вообще.

§1. Понятіе о языкѣ; предметъ и раздѣленіе грамматики.

Языкъ есть выраженіе человѣческаго духа въ членораздѣльныхъ звукахъ. — Онъ создается взаимодѣйствіемъ говорящихъ и слушающихъ, т. е. цѣлымъ народомъ и потому служитъ выраженіемъ **народнаго духа** (потому-то удачно народъ и языкъ въ древне-слов. языкѣ обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ — языкъ). Необходимыя орудія его — голосовые и слуховые органы (лишенный слуха-нѣмъ). Самый дѣятельный органъ — языкъ во рту. Оттого и рѣчь у многихъ народовъ называется **языкомъ**, γλῶσσα, lingua (лат. и итал.), langue; иногда Zunge и пр.

Языкъ (см. §2 сл.) возникаетъ, образуется, развивается, распадается, умираетъ сообразно съ жизнью народа. Онъ не прирожденъ человѣку какъ нѣчто готовое и не выдуманъ имъ искусственно [почему?], но образуется постепенно, въ началѣ безсознательно, какъ невольное излiяніе въ звукахъ духовной дѣятельности человѣка на разныхъ ступеняхъ его развитія.

Высшая научная **грамматика** должна разъяснить, по возможности, исторію и духъ даннаго языка вообще и происхожденіе, измѣненія и значеніе его звуковъ, формъ и оборотовъ въ частности.

Прим. Конечно, лишь **начатки** такой грамматики могутъ быть представлены въ нашемъ курсѣ, на сколько они необходимы для осмысленности ученія и для подготовки къ универс. изученію.

Въ жизни языка различаются три совершенно-различные періода: 1) образованіе языка, 2) разложеніе его звуковой формы и раздѣленіе на нарѣчія и 3) литературное развитіе. — Это кратко разсмотримъ во **введеніи**.

Въ физически-духовной дѣятельности различаются три процесса: а) посредствомъ органовъ чувствъ получаются **ощущенія**, которыя б) будучи въ большей или меньшей степени сознаны мыслью, становятся болѣе или менѣе развитыми **представленія**ми о предметѣ, его качествахъ и дѣйствіи, а в) группы или ряды представленій приводятся ~~во въ~~ силою духа во взаимную связь или **ассоціацію** между собою. Эти процессы (которые должно строго отличать отъ научнаго мышленія въ чисто-логическихъ формахъ) соотвѣтствуютъ въ языкѣ **звуку**, **слово** и **предложеніе**, а въ грамматикѣ — **фонетика**, **этимологія** и **синтаксисъ**.[1]

Образованіе языка. §2. Ощущенія — звуки.

Мы говоримъ посредствомъ словъ; слово выражаетъ нашу мысль или наше представленіе о предметѣ, качествѣ и пр., но выражаетъ это не приставками въ концѣ (окончаніями) или въ началѣ (которыя могутъ быть и не быть), а тѣмъ главнымъ слогомъ, который называется корнемъ (см. §4). И такъ корень высказываетъ **наше представленіе**; раздѣлить корень — значитъ разбить представленіе, или отнять у слова [illegible]

1) Народъ создаетъ языкъ въ первобытномъ состояніи, и въ эту эпоху не можетъ логически мыслить. Потому грамматика есть только „наивная и фантастическая логика" народа въ его дѣтствѣ; по этой же причинѣ она у всякаго языка иная и многія не имѣютъ никакого сходства (слѣд. общей философской грамматики для всѣхъ языковъ не можетъ быть), тогда какъ логическія формы научнаго мышленія одинаковы для всѣхъ народовъ и временъ (Различіе между грамм. и логикою разъяснилъ Штейнталь особ. въ соч. Gramm., log. u. psychologie).

(+) См. въ особ. Heyse, System, 1-я ч. (стр. 1–258); Humboldt, l. l.; Steinthal Ursp. d. Spr., его-же Typen (стр. 1–106) и пр. Renan, l. l. M. Müller l. l. особ. 1-ая часть и 1–2 лекціи 2-ой ч. — Очень осторожно пользоваться: Hermann l. l. (стр. 1–172) и Ant. Schmidt Organism. d. lat. Spr. 1846.

Но представленіе есть слѣдствіе простаго или сложнаго ощущенія; потому-то и корни состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ элементовъ, т. е. звуковъ. Звуки эти характеризуютъ тѣ ощущенія, по которымъ составилось въ человѣкѣ представленіе о предметѣ и пр. Однако они возникли не прежде корня (ибо, какъ сказано, мысль выражается только цѣлымъ словомъ или корнемъ, а безсмысленные звуки человѣкъ рѣдко издаетъ), а вмѣстѣ съ нимъ. — Какимъ же образомъ звуки передаютъ ощущенія?

Въ первобытномъ состояніи человѣка всякое ощущеніе, полученное имъ (скорбь, радость, удивленіе, — даже услышанные крики животныхъ) а также собственныя желанія отражаются въ звукахъ [т. е. мозгъ, получивъ (посредствомъ чувствительныхъ нервовъ) ощущенія, невольно производитъ (посредствомъ нервовъ двигательныхъ) движенія голосовыхъ органовъ (+). Такъ отражается въ двигательныхъ нервахъ и мускулахъ не только прямое впечатлѣніе отъ предмета, но и воспоминаніе о немъ (ср. невольныя улыбка, судороги, подражаніе)]. Такіе безсознательные, преимущественно гласные и двугласные звуки, произносимые различнымъ тономъ и нерѣдко вслѣдствіе сильнаго чувства сопровождаемые сильнымъ дыханіемъ (a, u, i, ui, au, ui, ha, aha, ach и т. п., — даже bu, kar, потомъ St, т. е. стой! и пр.) дали начало междометіямъ и, потомъ, междометнымъ и звукоподражательнымъ корнямъ.

При силѣ инстинкта въ младенческомъ человѣкѣ не только внутреннія чувства и услышанные звуки природы, но и всякое впечатлѣніе даже отъ предметовъ беззвучныхъ находило себѣ откликъ въ соотвѣтственномъ звукѣ (ибо всѣ ощущенія, воспринятыя не только слухомъ, но и зрѣніемъ и пр., сходятся въ мозгъ и оттуда отражаются въ звукахъ, какъ бы переводятся на звуки: звукъ во всей природѣ передаетъ особенности предмета; напр. ?). Эти безсознательно вырвавшіеся изъ души звуки непосредственно понятны другому, такому же сыну природы, тѣмъ болѣе, что должны были сопровождаться энергическими движеніями. Тутъ явилось уже сходство не внѣшнее, а внутреннее; въ добавленіе къ прежнимъ звуковымъ образамъ явилась несравненно-большая масса звуковыхъ символовъ, т. е. предметы исторгли изъ груди человѣка такіе звуки, которые оказываютъ такое же впечатлѣніе на слушающаго, какое сами они на говорящаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ представленіе о предметѣ стало болѣе развитымъ, чѣмъ на звукоподражательной степени, явилось результатомъ болѣе сильной духовной дѣятельности, и потому требовало большей расчлененности звуковъ, т. е. и слѣд. больше усилій. Таковы звуки согласные. Потому-то совокупность ихъ составляетъ тѣло корней и выраженіе представленій, тогда какъ гласными звуками преимущественно передаются чувства.

§ 3. Значеніе отдѣльныхъ звуковъ.

Первоначально не могло быть ощущенія или представленія безъ его подобія или звука, ни звука безъ ощущенія; между ними необходимо было внутреннее сходство, хотя мы его теперь часто не можемъ познать. Укажемъ для примѣра нѣсколько символическихъ значеній звуковъ. Самый чистый и самый сильный гласный звукъ — a означаетъ нѣчто сильное, живое, широкое (lātus, valēre), u — самый глухой и глубокій звукъ — глухое, темное, ужасное (у! тьфу, fūmus, дымъ и т. п.),

(+) Для ознакомленія съ сущностью этихъ физіологическихъ процессовъ самая удобная и доступная по краткости и ясности есть книжка К. Бока Человѣч. тѣло, перев. Ѳ. Паульсона. Спб. 1870, стр. 35–45 и 13 сл.

i – самый ясный и высокій – нѣчто милое, къ чему сильно стремимся и потому служитъ корнемъ глагола и-ду (i-tum) и образовательнымъ звукомъ желательнаго наклоненія; о – и по образованію и по значенію есть среднее между а и u, а е – среднее между а и i. Характеръ дифѳонговъ опредѣляется ихъ составомъ. –

Изъ согласныхъ нѣмыхъ звуковъ губные возникаютъ (какъ у дѣтей) раньше прочихъ и означаютъ напр. движенія сходныя съ движеніями губъ: плеваніе, spuere; бросаніе, вязаніе (binden, vincire) и пр. Зубные звуки указываютъ на внѣшній предметъ: ты, tu, du, digitus; далѣе на твердое (durum), держаніе (tenere) и пр. Гортанные звуки – внутреннее ощущеніе, указаніе на субъектъ – ego, на нѣчто внутреннее и кровъ (cavum, горло, глотка, guttur, gula; хижина, casa; кожа, cutis) и пр. Continuae (см. §12), занимая средину между нѣмыми согласными и гласными выражаютъ мысль проникнутую чувствомъ. Такъ губные v и f боль (увы, vae), отвращеніе (тьфу, фи), нѣчто волнующееся, живое (вода, волна, вѣтеръ, ventus); m – мутное, нѣмое (tacitum), указаніе на страдающій субъектъ (меня, me) и потому служитъ суффиксомъ винит. пад. Зубные: s – свистъ, сильное дѣйствіе (сжать, сѣять) и потому означаетъ дѣйствующее лице и бытіе; отсюда оно – суффиксъ имен. падежа и корень глаг. esse, (ес-мь); n – нужду, отрицаніе и пр. (Плавно-язычные: l – легкое теченіе (лить, fluo), гладкое (levis и levis), льстивое (blandior), а r – ревучій потокъ, рѣку, ропотъ и т. д. Произношеніе этого звука требуетъ энергіи языка, и потому его не могутъ произнести малыя дѣти и нѣтъ его у слабыхъ народовъ (нпр. у Китайцевъ. – Почему каждому звуку свойственно опредѣленное значеніе? – Припомнить устныя объясненія).

Таково внутреннее, такъ сказать, живописное и символическое значеніе элементовъ давшихъ начало корнямъ, въ которыхъ воплотились представленія народа о вещахъ(*).

§4. Представленія – корни (слова).

Въ началѣ представленіе еще очень общее (т. е. схваченъ только одинъ признакъ предмета, который и послужилъ къ наименованію его; частности еще не поняты) и потому корни, какъ мгновенный, инстинктивный прорывъ еще не расчлененнаго представленія, односложны. Созданіе ихъ требуетъ тѣсной связи съ природою, сильнаго инстинкта и живой фантазіи. (Чѣмъ болѣе развивается человѣкъ, тѣмъ болѣе эти качества слабѣютъ и уступаютъ мѣсто разсудочности, а тогда исчезаетъ способность производить корни и даже мало-по-малу перестаетъ чувствоваться первоначальное значеніе уже существующихъ звуковъ и корней). Но невольное отраженіе впечатлѣній и представленій въ звукахъ еще не составляетъ языка: нужно, чтобы тѣ звуки стали сознаны народомъ. Человѣкъ, издавшій звуки, самъ же воспринимаетъ ихъ своимъ слухомъ, приводитъ въ связь впечатлѣніе отъ предмета съ этими звуками; увидѣвъ предметъ во второй разъ и выразивъ его тѣми же звуками, припоминаетъ прежнее впечатлѣніе и прежніе звуки, сравниваетъ, судитъ и укрѣпляетъ свое представленіе уже сознательными звуками. Тоже самое дѣлаетъ

(*) И звуки и значеніе словъ часто сильно измѣняются; потому, чтобъ понять смыслъ звуковъ какого-нибудь слова, мы должны знать его древнѣйшую форму и значеніе. (О символ. значеніи звуковъ см. у *Heyse, стр. 78 сл., 95, 116–126; Humboldt, Ж. М. Н. пр. ч. 98, отд. II, стр. 142 сл.; Steinthal, Typen, s. 252; Ев. Шмидъ, О происхожденіи языка, М. 1868, стр. 17 сл.; C. Hermann l. l. s. 149–162; Ant. Schmidt, Org. §. 11 и пр.).

и слушающій. Этими звуками выражено, какъ народъ понимаетъ предметъ (а это понимание часто совершенно не соотвѣтствуетъ сущности его). Здѣсь начало самосознанія (сознаніе собственнаго представленія, мысль о своей же мысли). Только теперь корни сознательно произносятся и вслушиваются, т.е. становятся словами языка.

Корней въ языкѣ обыкновенно бываетъ около 5–6 сотенъ. Корень иногда состоитъ только изъ гласнаго звука (a-ду, i-tum), но обыкновенно изъ одного или нѣсколькихъ согласныхъ при одномъ гласномъ (da-re, ar-āre, leg-ere, scrīb-ere).

По происхожденію корни бываютъ: 1) междометные, напр. въ словѣ ах-ать. Такихъ очень мало. 2) звукоподражательные или ономатопоэтичные; таковы kar въ словахъ каркать, crocitare, cor-vus, krähe; kuk — кукушка, cuculus, κόκκυξ, Kukuk; bu — въ быкъ, bōs, βοῦς; далѣе — громъ, трескъ, стонъ, вой, ululatus и пр. И такихъ корней не много. 3) символичные — всѣ остальные (см. § 2).

Мы мыслимъ посредствомъ языка; слѣд. мышленіе наше много зависитъ отъ корней. Они становятся средствомъ, способнымъ для воспріятія и выраженія новыхъ представленій, познаній. Такъ въ основѣ представленій equus, oculus, око, ac-er; acutus, острый, aiguille лежитъ корень ak, означающій острое, быстрое.(*) Такъ въ словѣ волкъ кор. vark означаетъ терзать и слѣд. волкъ представленъ какъ растерзыватель, хищникъ, такъ отецъ, pa-ter — отъ корня pa защищать, т.е. означало защитника и т.д.

Такъ какъ каждый народъ, вслѣдствіе духовныхъ, физическихъ и климатическихъ условій, съ одной стороны, иначе относится къ однимъ и тѣмъ же предметамъ, (т.е. поражается иными признаками ихъ), а съ другой — даже одинъ и тотъ же предметъ (по тѣмъ же причинамъ) можетъ иначе восприниматься мыслью и иначе отражаться въ звукахъ, то представленія каждаго народа о предметахъ выражаются иными корнями (1). Въ этомъ — причина искони разнообразія языковъ и ихъ судебъ.

Въ словахъ должно различать: 1) звукъ, 2) выражаемое имъ первоначальное представленіе и 3) позднѣйшее понятіе, и уяснить себѣ отношеніе между этими тремя сторонами. Напр. 1) понятіе pater выразилъ народъ 2) звукомъ pa, 3) означавшимъ вначалѣ вообще защитника. Разъясненіе этихъ сторонъ много служитъ къ характеристикѣ народа.

§ 5. Ассоціація представленій — предложеніе (внутренняя форма языка, грамматика).

По образованіи уже первыхъ корней умственная дѣятельность народа усиливается; они служатъ ему (какъ сказано) орудіями для дальнѣйшаго мышленія; новыя понятія воспринимаются посредствомъ старыхъ; далѣе — представленія развиваются и укладываются въ опредѣленныя формы, т.е. мысль доходитъ до отдѣленія отъ предмета его дѣйствій и качествъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ между предметомъ и его частями, дѣйствіями и качествами, а также между отдѣльными предметами устанавливается въ языкѣ опредѣленная связь. Эта связь расчлененіе и эта связь въ однихъ языкахъ вполнѣ сознаны и выражены граммат. формами (является предложеніе съ подлеж., сказуемымъ и связкою; опредѣленіе и дополненіе; части рѣчи, особ. глаголъ и имя; падежи, наклоненія и т.д.), въ другихъ — сознаны и выражены слабѣе, въ самыхъ грубыхъ — едва чувствуются. Словомъ, въ каждомъ языкѣ образуется грамматическая система или т. наз. внутренняя форма.

(1) Въ корняхъ можно видѣть раннія народныя міровоззрѣнія. Напр. эстетическій Грекъ назвалъ міръ κόσμος, т.е. красотою, Италіецъ mundus, т.е. чистымъ, Славянинъ міромъ (= миромъ) и свѣтомъ. Или: слово сынъ происходитъ отъ корня su и значитъ рожденный (скр. sū-nu-s, лит. sū-nù-s, готск. su-nu-s, зенд. hu-nu, греч. υἱός), а Римлянинъ тотъ-же самый предметъ по признаку питанія назвалъ сосущимъ — filius, также какъ у насъ — дитя (дитя, доить, filius — всѣ отъ одного корня dha. См. G. Curtius. Grundz. d. gr. Etymol., S. 227 и 353).

(*) См. Jul. Schmidt, die Wurzel ak im Indogermanischen. Weimar. 1866.

Звуки составляютъ только материалъ языка, обусловленный, какъ мы видѣли (§2 см.) внѣшнимъ міромъ; но отношенія между этимъ матеріаломъ, или формы, въ которыя онъ укладывается (предложенія, части рѣчи, падежи и т. д.) не даны извнѣ, а суть вполнѣ продуктъ умственной дѣятельности народа и въ каждомъ языкѣ различны. Въ эти формы укладывается, а слѣд. и обусловливается ими народное мышленіе. Во внутренней формѣ сущность языка, ибо она создается исключительно духомъ человѣческимъ и мысль не легко измѣняетъ форму, въ которую привыкла укладываться (1).

И такъ въ языкѣ должно различать кромѣ внѣшней формы или звуковъ еще внутреннюю форму или грамматическій строй; каждое слово представляетъ обѣ эти стороны въ неразрывномъ единствѣ.

§ 6. Развитіе языка вполнѣ образовавшагося.

Языкомъ вполнѣ образовавшимся называется тотъ, который вполнѣ выработалъ внутреннюю форму или грамматику. Но и послѣ того развитіе языка не прекращается: измѣняются и звуки и грамматика и значеніе словъ.

1) По внѣшнему и внутреннему строю одни языки такъ и остаются состоящими изъ корней и лишенными ясныхъ грамматическихъ формъ: языки односложные, напр. китайскій (см. §9). Слишкомъ рано разсудочность заняла мѣсто фантазіи и творческой силы народа, потому что эти силы были слабы. Въ другихъ языкахъ нѣкоторые корни становятся служебными для показанія отношеній главнаго корня (т. е. для чиселъ, падежей и пр.), но слабо прикленваются къ послѣднему, сохраняя и самостоятельное значеніе: языки приставочные. Въ нихъ корни не могутъ измѣняться для выраженія грамматическихъ формъ. Въ этихъ двухъ группахъ языковъ нѣтъ вполнѣ служебныхъ корней (формальныхъ, флексійныхъ), а слѣд. и нѣтъ настоящихъ флексій, которыя состоятъ въ томъ, что ко знаменательнымъ элементамъ неразрывно склеиваются формальные для выраженія формъ. — Наконецъ въ третьей группѣ языковъ — флексіи вполнѣ выработаны, ибо служебные корни вполнѣ утратили самостоятельное значеніе и совершенно слились со знаменательными въ одно слово въ качествѣ аффиксовъ (приставокъ) для образованія основъ, падежныхъ и личныхъ окончаній, временъ и т. д. (см. §9 и гл. IV). Какъ тѣ, такъ и другіе корни подвергаются многообразнымъ измѣненіямъ: языки флексійные, каковы арійскіе и семитскіе. Эти языки также должны были пройти первыя двѣ ступени. — Чѣмъ шире развивается народная жизнь, тѣмъ богаче вырабатывается сторона логическая и тѣмъ многостороннѣе становится синтаксисъ; оттѣнки мыслей находятъ себѣ болѣе удобное выраженіе. Это преимущественно въ языкахъ флексійныхъ. Каждый языкъ вслѣдствіе своихъ особенностей даетъ то или другое настроеніе всей умств. дѣятельности человѣка, ибо открываетъ колею для ея теченія. Потому чѣмъ богаче народъ духовными силами, тѣмъ совершеннѣе его языкъ, и на оборотъ чѣмъ совершеннѣе языкъ, тѣмъ глубже мышленіе и тѣмъ полнѣе можетъ развиваться ~~народъ~~. Наивысшаго совершенства, т. е.

(1) Языкъ можетъ принимать чужія слова, но не чужую грамматику. Если же онъ принялъ и грамматику чужую, то, значитъ, онъ умеръ и далъ начало другому языку.

превосходнаго развитія внѣшней и внутренней стороны, гибкости, полноты содержанія съ соотвѣтственною ему богатою художественною формою достигъ языкъ греческій, какъ выраженіе богатаго духовными силами народа.

2) Въ словахъ ослабѣваетъ и мало-по-малу утрачивается первоначальный, живой и пластичный смыслъ звуковъ и корней, такъ что они остаются не образами и не символами представленій, а просто знаками понятій. Такъ слова волкъ и lupus утратили первонач. значеніе „растерзывателя" и стали означать просто извѣстнаго звѣря; въ словахъ отецъ, сынъ забытъ ихъ основной смыслъ „защитника" и „рожденнаго" и т. д. Далѣе – измѣняется и расширяется значеніе словъ: такъ hostis въ др.-лат. яз. означало вообще чужеземца, bellum произошло изъ duellum (отъ duo), т. е. сначала означало борьбу между двумя, поединокъ; у насъ слово воръ еще въ прошломъ столѣтіи означало вообще „злодѣя". Въ измѣненіи значеній большую роль играетъ транспозиція и метафора понятій, напр. aries, testudo – въ военномъ дѣлѣ; ножка у стола, ручка у ножа, подошва горы (хотя эти предметы не имѣютъ ничего общаго съ частями человѣч. тѣла); корень словъ, вѣтвь дороги и пр. Также и въ прилагательныхъ, напр.: живая краска, ясный звукъ, тупой слухъ, острое зрѣніе, сладкія слова и т. д. Наконецъ конкретныя названія становятся отвлеченными; напр. духъ, душа первонач. отъ дых-аніе, представленіе (ставленіе впереди), впечатлѣніе (печать) и пр. Такъ обогащается запасъ словъ и то расширяется, то суживается ихъ значеніе.

§ 7. Звуковое разложеніе; образованіе нарѣчій и вторичныхъ языковъ.

Первоначально въ языкѣ все органично, царитъ полное согласіе между звукомъ и мыслью; языкъ исполненъ жизненности, пластичности, музыкальности; господствуютъ долгота и сильное удареніе. Но потомъ, когда первоначальное значеніе звуковъ начинаетъ забываться и слово является простымъ знакомъ безъ жизненнаго смысла (§ 6), тогда мысль человѣка не бережетъ звука и онъ становится въ полную зависимость отъ физическихъ законовъ и климатическихъ условій: начинается паденіе звуковой стороны. Измѣненія ея бываютъ особенно значительны, если племя, говорившее однимъ языкомъ, разростается и разселяется. Одна часть его занимаетъ горы, другая – равнины, одна селится внутри материка, другая – на берегу моря и т. д. Ихъ развитіе идетъ различно. Континентальные горцы сохраняютъ болѣе грубый образъ жизни, ихъ легкія сильнѣе напрягаются; ихъ звуки тверды, сильны, грубы и болѣе выходятъ изъ глубины, какъ a, k, t, r, твердое l; равнинные же поморяне смягчаются отъ мягкаго воздуха и большаго развитія: ихъ звуки ослабѣли и образуются болѣе передними органами, т. е. губами и зубами. Являются нарѣчія или діалекты. Такая противоположность есть, напримѣръ, между дорійскимъ и іонійскимъ нарѣчіями. Рядомъ съ тѣмъ измѣняется значеніе одного и того же слова по нарѣчіямъ, создаются изъ старыхъ корней новыя слова, утрачиваются старыя. Нарѣчія могутъ такъ разойтись, что почти исчезнетъ всякое видимое сходство: они превращаются въ языки и сами тогда дѣлятся на нарѣчія, нарѣчія на поднарѣчія, на мѣстные говоры и, наконецъ, на индив. особенности рѣчи каждаго человѣка.

Въ нарѣчіяхъ являются особыя звуковыя смѣны, прибавленія и отпаденія звуковъ, измѣненія ихъ – ассимиляція, диссимиляція, стяженія гласныхъ и согласныхъ и пр. Измѣненія фонетики ведутъ къ измѣненію формъ. Забвеніе этимологическаго значенія корней и приставокъ влечетъ за собою нерѣдко утрату гласныхъ слоговъ, а слѣд. и флексій, которыя замѣняются предлогами и описательными формами; пластичная долгота уступаетъ мѣсто болѣе отвлеченному ударенію, да и самое удареніе ослабѣваетъ. Съ выходомъ народа на историческое поприще совершенно исчезаетъ способность образованія флексій (послѣ еще болѣе ранней утраты силы создавать новые корни). Старые корни должны быть употреблены для означенія новыхъ понятій, а для этого нужно, чтобы тѣ корни утратили жизненный или этимологическій смыслъ.

Еще большимъ измѣненіямъ подвергается языкъ, когда онъ воспринимается другими народами. Тогда являются языки вторичные, таковы – романскіе, происшедшіе изъ нарѣчій латинскаго языка. Слова приняты этими языками какъ готовый матеріалъ, имѣющій опредѣленное, условное значеніе, но лишившійся чувственнаго смысла. Такъ напр. во франц. maison народъ ни мало не чувствуетъ жизненнаго смысла (mais ничего не значитъ), тогда какъ въ лат. mansio живъ внутренній смыслъ мѣсто остановки (manēre). Одинъ и тотъ же звукъ можетъ означать самыя разнообразныя понятія, ибо звуки перестали имѣть внутреннее значеніе и быть въ согласіи съ понятіемъ; напр. san въ словахъ: sang (sanguis), sans (sine), sens (sensus, sentio, sentis), sent (sentit), s'en (se inde), cent (centum). Эти языки лишились поэтичности, но за то въ нихъ отвлеченная мысль не стѣснена чувственнымъ значеніемъ корней и они особенно способны для точнаго выраженія всего чисто логичнаго. Съ другой же стороны утрата флексій сильно стѣсняетъ словорасположеніе или свободу рѣчи, а замѣна ихъ предлогами и описательными формами, ведя къ многословію, нерѣдко ослабляетъ, какъ бы разводитъ, рѣчь (напр. въ лат. можно сказать: 1) pater amat filium, 2) filium amat pater, 3) amat pater filium, 4) amat filium pater, а во франц. только: le père aime le fils).

Изъ арійскихъ языковъ наибольшему внѣшнему искаженію подвергся языкъ англійскій: въ немъ почти нѣтъ ни чистыхъ звуковъ, ни флексій, ни родовъ; но за то онъ выработалъ замѣчательную внутреннюю силу.

Измѣненія языковъ происходятъ по требованіямъ умственнаго и физическаго удобства: 1) мысль желаетъ для себя возможно-болѣе гибкое, послушное орудіе, лишенное всякой самостоятельности; она прибѣгаетъ какъ къ ослабленію, такъ и къ усиленію звуковъ и словъ; 2) физически же удобно и пріятно то, что требуетъ меньше времени, или меньше труда и болѣе отполировано. Отсюда – ослабленія звуковъ, ассимиляція ихъ, сокращенія въ словахъ и т. п.

Прим. Часто письмо не слѣдуетъ за этими измѣненіями языка, т. е. передаетъ слова въ ихъ болѣе древней формѣ; отсюда – большій или меньшій разладъ между языкомъ и письмомъ почти во всѣхъ литер. языкахъ (наибольшій – въ англ.). Наука имѣетъ въ виду звуки, а не буквы.

§8. Письменное развитіе языка.

Фонетическое разложеніе принимаетъ значительно-иной характеръ съ введеніемъ государственной физики и распространеніемъ письменности. Мало-по-малу одно нарѣчіе возвышается надъ прочими, принимаетъ въ себя обыкновенно элементы изъ другихъ нарѣчій и становится языкомъ государства, литературы и слѣд. общенаціональнымъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ его существованіе становится все болѣе и болѣе идеальнымъ (т.е. удаляется отъ простонароднаго говора): таковы греч. κοινή, латинскій, русскій, нѣмецкій и пр. Хотя онъ тоже подвергается звуковой порчѣ, но гораздо слабѣе, чѣмъ языки не имѣющіе письменности: письмо и особенно печать охраняютъ его. Прочія нарѣчія съ развитіемъ образованности въ массахъ мало-по-малу исчезаютъ и замѣняются, къ общей пользѣ, этимъ общимъ языкомъ, хранителемъ умственныхъ вкладовъ народа; потому что преимущественно имъ опредѣляется національность каждаго лица. Чѣмъ обширнѣе племя, тѣмъ сильнѣе можетъ развиться его литература, а слѣд. тѣмъ богаче можетъ стать въ умственномъ отношеніи и тѣмъ виднѣе можетъ сдѣлаться его культурная роль. При томъ языки раздѣляютъ народы; чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ полезнѣе для всѣхъ и каждаго.

Въ литературѣ языкъ достигаетъ высшаго развитія. Въ ней тоже проявляется народный духъ, но только посредствомъ своихъ высшихъ представителей. Писатели развиваютъ внутреннюю, умственную сторону языка, т.е. преимущественно синтаксъ (обороты, расположеніе словъ, фигуры), но въ извѣстной степени и этимологію (измѣняя значеніе словъ, „дѣлая ихъ полновѣсными", изобрѣтая новыя изъ готоваго матеріала). Измѣнять же звуки, а тѣмъ болѣе создавать новые корни они не въ силахъ. Письменный языкъ имѣетъ болѣе благородный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе отвлеченный, искусственный, условный характеръ. Онъ долженъ постепенно обновляться соками изъ народныхъ нарѣчій, чтобы не оцѣпенѣть, но вмѣстѣ съ тѣмъ и собою обновлять и развивать духъ и міровоззрѣніе народа.

Литература, служа высшимъ проявленіемъ народнаго духа, проявляетъ въ тоже время и личныя духовныя силы писателей. Онѣ выражаются какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ или въ его стилѣ. Высшій, классическій стиль возникаетъ отъ совпаденія генія языка съ геніемъ писателя. По содержанію стиль можетъ быть прозаическимъ и поэтическимъ. Это составляетъ предметъ теоріи словесности. По формѣ стиль опредѣляется степенью оригинальности, ясности и чистоты языка. Излишняя искусственность ведетъ къ манерности, недостатокъ искусства къ безцвѣтности. Дальнѣйшее разсмотрѣніе принадлежитъ стилистикѣ (латинская стилистика будетъ нами со временемъ изложена).

Примѣчаніе. Есть два главные рода письменности: 1) идеографичная (изъ знаковъ для словъ, понятій) и 2) позднѣе происшедшая изъ нея фонографичная (изъ знаковъ для звуковъ). Первая бываетъ или образною, т.е. прямо изъ изображеній предметовъ, или 2) символичною — изъ изображеній чувственныхъ предметовъ для означенія отвлеченныхъ понятій, напр. кругъ вм. безконечность

конь вм. скорости или 3) знаковою или сематичною — изъ знаковъ, не имѣющихъ внутренней связи съ понятіями, подобно цифрамъ. Первые два вида въ соединеніи съ фонографичными элементами были у Эгиптянъ въ hieроглифичной, hieратичной и демотичной письменности; 3^{ій} видъ у Китайцевъ. Фонографичная раздѣляется на слоговую и буквенную. Первая — у Японцевъ и отчасти въ санскритской литературѣ, вторая изобрѣтена Фоникіянами и отъ нихъ распространилась съ одной стороны по части Азіи, а съ другой была передана Грекамъ, отъ Грековъ же перешла къ Италійцамъ (у которыхъ различаются два главные вида азбуки — древнедорійскій отъ котораго произошли этрускія, умбрійская, оскія азбуки, и кумско-дорійскій, давшій начало латинской азбукѣ) и чрезъ нихъ къ Западной Европѣ, съ другой къ Славянамъ (кириллица и глаголица). Кромѣ фоникійской было еще нѣсколько родовъ фонографичной письменности; таковы клинообразная въ Персіи, Ассиріи и Вавилонѣ, руны у Германцевъ, какія-то „черты и рѣзы" у Славянъ. Различіе азбукъ много мѣшаетъ (сближенію народовъ и научнымъ занятіямъ) и потому многіе издавна мечтаютъ объ одной общей азбукѣ для всѣхъ языковъ (+).

Глава II. Языкъ латинскій.

§ 9. Мѣсто латинскаго языка въ ряду другихъ языковъ (++).

Всѣ языки, по ихъ формѣ, можно раздѣлить (какъ выше упомянуто, 96) на три большія группы:

1) односложные — языки дальней Индіи и Китая (изъ нихъ на низшей степени стоитъ анамскій, на высшей — Китайскій языкъ, въ которомъ хорошо выработана синтаксисъ): всѣ слова — изъ односложныхъ корней; нѣтъ ни измѣненій корня, ни флексій, ни частей рѣчи, грамматич. значеніе слова опредѣляется его мѣстомъ въ предложеніи (1), такъ что въ этихъ языкахъ грамматика почти ограничивается синтаксисомъ; вмѣсто флексій приставляются отдѣльныя слова, чрезъ что грамматическія отношенія выражаются слишкомъ матеріально, чѣмъ стѣсняется мысль (2); смыслъ часто опредѣляется удареніемъ (3).

2) приставочные или агглютинаціонные …

…, но его нельзя выдѣлить изъ слова, а служебныя слова приставляются къ знаменательнымъ какъ в началѣ такъ и въ концѣ ихъ, сохраняя однако и свое отдѣльное значеніе (4); въ нихъ, слѣдовательно, еще нѣтъ настоящихъ флексій, не выработано ясного различенія частей рѣчи и предложеній, въ особенности важенъ недостатокъ различія между именемъ и глаголомъ; нѣтъ и родовъ (5); большая часть азіятскихъ и африканскихъ языковъ, турецкіе — самые совершенные въ этой группѣ — финскіе языки; сюда же относятся и всѣ американскіе языки, составляющіе переходъ къ флексійнымъ и отличающіеся тою особенностью, что соединяютъ всѣ слова небольшаго предложенія, при помощи сокращеній, въ одно сложное слово (6).

(1) Напр. кит. ta (ta) смотря по его мѣсту значитъ великій, величина, увеличивать, очень.
(2) Кит. жин — человѣкъ, кяй — множество, жин-кяй — люди и т. п.; есть и другія слова для выраж. множ. ч.
(3) Напр. въ анам. яз. ба — три, ба — женщина, ба — придворный, ба — выжимки, ба — пощечина и пр.
(4) Напр. въ мадьярск. яз. hal (твердое l) рыба; nak — у, hal-nak — рыбѣ, hal-ak-nak — рыбамъ.
(5) въ турецк. север любитель, (или — ница) любящій (—ая), ім я, север-ім я люблю; также север-сен ты любишь, север (безъ мѣстоименія) онъ любитъ; север-із, -сіз, -лер = 1. 2. 3. л. мн. ч.; въ якутск. яз. быса портной, мін и бын я; мін-быса-бын значитъ одинаково: я (есмь) портной и я портняжничаю, крою, шью!
(6) Напр. въ мексик. яз. изъ нèуа-тл я, нака-тл мясо, куа ѣсть составляется слово ні-нака-куа я мясо ѣмъ.
(+) Лучшій опытъ такого рода есть Lepsius'a Standard Alphabet, Berl. 2 изд. 1863. — Образцы арійской письм. см. у Schleicher'a Indog. Chrestom.; 18 фон.-гр.-ит. азбукъ у Mommsen'a, Unterit. dialecte, Lpz. 1850 г., taf. I; о 8 итал. алфав. — Corssen, Ausspr. I, 1-29, о лат. азб. у Модестова „Письм." 18 сл.
(++) См. въ особ. Steinthal, Charakt. d. Typen, s. 106-331, M. Müller Lectures, passim, особ. 8^ю и 5^ю 1ой части, Schleicher, Compend., s. 2-9 и пр. — см. ниже.

3) **Флексійные** языки. Въ нихъ корни (искони раздѣляются на знаменательные и указательные, изъ которыхъ первые дали начало большею частью глаголамъ и именамъ, вторые — мѣстоименіямъ и частицамъ. Указательные корни присоединяются къ знаменательнымъ для показанія отношеній и при этомъ вполнѣ потеряли самостоятельное значеніе и совершенно слились съ ними въ качествѣ аффиксовъ (или въ концѣ — суффиксы, или впереди — префиксы или внутри слова — инфиксы); самый корень знаменательный можетъ измѣняться (усиливаться, ослабляться, распространяться, сокращаться) для выраженія отношеній или грамматическихъ формъ. Сюда относятся: а) языкъ египетскій (древній — въ іероглифахъ и пр., см. примѣч. къ § 8, и новый или коптскій) — самый низшій изъ этой группы, бѣденъ формами, аффиксы еще не вполнѣ срослись съ корнемъ; плохо различаетъ времена(1), но имѣетъ уже два рода, а слѣд. и согласованіе. Онъ служитъ какъ бы связью между мексиканскимъ и высшими флексійными языками. Нѣкоторые причисляютъ его къ семитскимъ языкамъ(+). — б) семитскіе языки (финикійскій, еврейскій, ассирійскій, арабскій); главное отличіе ихъ въ томъ, что въ нихъ корень нельзя выдѣлить изъ основы, т. е. простѣйшая, неразлагаемая часть слова въ нихъ всегда состоитъ изъ 3 согласныхъ съ 3 или 2 гласными и притомъ такъ, что согласными выражается содержаніе понятія, а гласными — отношеніе или грамматическая форма(2). Языки эти очень тонко чувствуютъ символическое значеніе звуковъ (напр. сильное a — признакъ муж. рода, нѣжное i — женскаго); грамматическія образованія (напр. собирательныя имена, множ. число, залоги) часто выражаются не аффиксами, а симв. удлиненіемъ гласнаго звука или другими измѣненіями основы(3); очень часты инфиксы; глаголъ недостаточно развитъ, напр. неопредѣл. наклоненіе и причастіе мало отличаются отъ существ. и прилагат., нѣтъ связки, а чрезъ то и рѣчь не имѣетъ той опредѣленности какъ въ арійскихъ языкахъ. Родовъ, какъ и въ египет. два — мужескій и женскій. в) арійскіе языки (большая часть европ. и нѣкоторые азіятскіе языки). Только въ арійскихъ языкахъ можно вполнѣ отдѣлить корень отъ основы и основу отъ аффиксовъ. Въ древнѣйшую эпоху языкъ арійскаго племени долженъ былъ состоять изъ однихъ корней, подобно китайскому (но, конечно, уже тогда имѣлъ задатки высшаго развитія) и потомъ пройти агглют. ступень. Флексіями выражены въ арійскихъ языкахъ тончайшіе оттѣнки отношеній понятій и при томъ аффиксы до такой степени утратили самостоятельное значеніе и такъ малы по величинѣ, такъ мало матеріальны, что, отлично служа умственной дѣятельности, ни мало ея не стѣсняютъ. Полное различеніе матеріала и формы, имени и глагола, высоко-развитый синтаксисъ, благозвучіе, соотвѣтствіе между звуками и ихъ значеніемъ — дѣлаютъ эти языки (особ. греческій) „розами между языками“.(4)

(1) Напр. ta — давать, ta-i — я даю и я далъ; во 2-3 л. ед. ч. различ. роды: tak (ты далъ и даешь), ta-t — ты дала (даешь).
(2) Напр. понятіе „писанія“ выражено въ араб. яз. звуками ktb, которые станутъ именемъ или глаголомъ, смотря по тому, какіе гласные присоединятся къ нимъ, напр. kataba — онъ писалъ, kātibun — писецъ.
(3) Напр. sāriqun воръ, sāriqatun воровка, sāriqātun воровки (мн. ч.).
(4) Часто физіолог. происхожденіе племени и его языкъ, по историч. причинамъ не совпадаютъ; напр. мадьяры и финны принадлежатъ къ кавк. расѣ, а говорятъ отраслью монг. языка; китайцы — монг. расы, а языкъ ихъ вполнѣ отличенъ отъ монг. — Языкъ народа имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ физіол. происхожденіе.
(+) Напр. М. Мюллеръ, см. Vorlesungen I, 241, хотя связь съ ними и для него не ясна. — Я слѣдую Штейнталю, Typen 231–241.

Арійское (отъ arja - почтенный) племя(+) жило первоначально въ средней Азіи, приблизительно (какъ должно предполагать) около верховьевъ рѣкъ Окса и Яксарта. Уже тамъ оно достигло извѣстнаго развитія, т. е. часть его стала земледѣльческимъ, знала жилища, суда, пряжу шерсти и льна для одежды, употребляла мѣдь, серебро и золото, жила общинами подъ властью родоначальниковъ, выработала простую религію (тоже имѣло еще развитой мифологіи), установила строгія и точныя семейныя отношенія, умѣла считать до 1000 (*); языкъ уже до раздѣленія сталъ флективнымъ. Все это составило общую основу для всѣхъ вѣтвей этого племени, послѣ того какъ оно, размножившись, стало дѣлиться и покидать прежнія жилища. Это случилось, какъ можно предполагать, тысячъ пять лѣтъ тому назадъ. Чѣмъ раньше отдѣлилась какая отрасль и чѣмъ далѣе ушла, тѣмъ болѣе долженъ былъ измѣниться ея языкъ. Обыкновенно принимаются три главныя отрасли: I) азіятская: языки 1) индійскій (съ умершими нарѣчіями санскритскимъ въ ведахъ и пр., пали у буддистовъ и пракритскимъ - отчасти въ драмахъ, и съ живыми нарѣчіями Индіи и цыганскимъ) и 2) иранскій (нарѣчія бактрійское или зендское, древне-персидское и пехлеви, изъ живущихъ - новоперсидское и армянское). II) южноевропейская: языки: 1) греческій (3 главныя нарѣчія: эолійское, іонійское и дорійское; позднѣе византійское, а теперь - новогреческое), 2) италійскій (важнѣйшія: латинское, оское и умбрійское, отъ которыхъ позднѣе романскіе языки - итал., испанскій, португ., провансальскій, франц., румынскій) и 3) кельтскій (древне-ирское и теперешніе остатки кельтскаго языка въ Ирландіи, Шотландіи, о-въ Мэнъ, Вельсъ и Бретани). III) сѣверноевропейская: 1) славянскій (древне-болгарскій или др.-цр.-слав., и новые: русское, сербское, болгарское, чешское, польское) и 2) близко-родственный ему - литовскій (древне-прусское, теперешнее прусско-литовское, жмудское и латышское); 3) германскій (готское, верхне- и нижненѣмецкое и скандинавское; три послѣднія, съ различными отраслями живутъ и теперь, конечно, въ измѣненномъ видѣ). (**)

Вѣтви арійскаго племени, разселяясь по Азіи и Европѣ, вступали въ борьбу съ туземцами - Туранами или Чудью и Иберами (остатки послѣднихъ - баски въ Испаніи) покоряли ихъ (иногда и сами подчинялись) и сливались съ ними, при чемъ и языкъ терпѣлъ различныя измѣненія (позднѣе Арійцы стали распространяться по всему земному шару и подчинять себѣ всѣ другія племена). - Не смотря на весьма значительныя измѣненія, испытанныя арійскими языками (ср. § 6) (наименѣе измѣнился, т. е. уклонился отъ первобытнаго общеарійскаго типа, языкъ древне-индійскій; наиболѣе - англійскій, отрасль нижнегерманскаго языка), они сохраняютъ еще много сходства какъ въ словарѣ, такъ и въ граммати-

(*) Все это можно видѣть изъ сличенія языковъ; если въ нѣсколькихъ отрасляхъ есть одно и тоже слово съ тѣмъ же значеніемъ, то значитъ, что это слово и обозначаемое имъ понятіе существовало до раздѣленія племени. Между многими словами сходство поразительно; напр.: лат. pater, греч. πατήρ (осн. πατερ), скр., зенд. и др.-перс. pitâ (осн. pitar-), др.-в.-нѣм. fatar; лат. mâter, греч. μήτηρ (основа - μητερ-), слав. мати (осн. матер-), скр. mâtâ (осн. mâtar-), лит. осн. moter-, нѣм. mutter; лат. frâter, греч. φράτηρ (членъ братства), скр. осн. bhrâtar, зенд. осн. brâtar-, слав. братръ, лит. brati-s, нѣм. bruder, гот. brothar; лат. domus, греч. δόμο-ς, слав. домъ, скр. дama-s и пр.; весьма сходны числит. имена, мѣстоименія и пр.

(+) Кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 13-й, см. въ особенности: Ad. Pictet, Les Origines Indo-Européennes; Duncker - Arier (в Gesch. d. Alterthums), Гильфердинга Древнѣйшій періодъ исторіи Славянъ въ В. Евр. 1868, кн. IV-V.

(**) Подробный перечень древнихъ и новыхъ языковъ см. у М. Мюллера въ Vorles. I, 396-400. - Ср. Heyse, System, 192-208.

[illegible] строя, который преимущественно принимается въ разсчетъ. Такъ какъ измѣненія въ языкахъ происходятъ по опредѣленнымъ законамъ, то научное изслѣдованіе показываетъ тожество словъ, повидимому, совершенно различныхъ, напр. лат. ego, нѣм. ich, русск. я (¹), и на оборотъ иногда совершенно сходныя слова могутъ быть совершенно-различнаго происхожденія (это особенно часто бываетъ въ языкахъ вторичныхъ, напр. во франц. neuf происходитъ какъ отъ novus такъ и отъ novem; сравн. san на стр. 11). Изъ сличенія языковъ (такъ какъ ихъ законы извѣстны и такъ какъ одинъ изъ нихъ сохранилъ одно въ болѣе древнемъ видѣ, другой — другое) можно до извѣстной степени возстановить грамматику и словарь первобытнаго арійскаго языка (+). — Языки дробились, пока не было государственной жизни и литературы; съ появленіемъ же той и другой замѣчается обратное стремленіе — къ уменьшенію числа нарѣчій и даже языковъ (ср. § 8).

Примѣч. Древнѣйшіе письменные памятники арійскихъ языковъ суть слѣдующіе: 1) Индійскаго: санскрита — веды (древнѣйшія части которыхъ восходятъ за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х.), поэмы Рамаяна и Махабхарата; пали въ буддистическихъ книгахъ на Цейлонѣ и пр.; пракритомъ говорятъ незначительныя лица въ санскр. драмахъ. — 2) Эранскаго — бактрійскій или зендскій яз. сохранился въ Зендавестѣ, древне-персидскій — въ клинообразныхъ надписяхъ времени Дарія и Ксеркса, пехлеви — въ надписяхъ съ 3го в. по Р. Х. — 3) Греческаго — Гомеръ и други древнѣйшіе поэты; подлинные памятники въ надписяхъ восходятъ до начала 6го в. до Р. Х. — 4) Италійскаго — см. § 11; подлинныя латинскія надписи не древнѣе 3го в. до Р. Х. (хотя въ спискахъ есть памятники значительно болѣе древніе); прочія италійскія нарѣчія извѣстны только изъ надписей, особ. оскское и умбрійское. — 5) Кельтскаго — древне-ирскія рукописи; 6) Литовскаго — др.-прусскій катехизъ 16го в.; теперешній прусско-литовскій языкъ ([illegible]) сохраняетъ весьма древнія формы. 7) Славянскаго — Остромірово евангеліе, писанное въ Новгородѣ въ половинѣ 11го в. на др.-болг. яз. и нѣкот. друг. памятники; 8) Германскаго — готскій переводъ библіи, сдѣланный еписк. Ульфилою въ IV вѣкѣ по Р. Х.

Изъ всего сказаннаго видно, что латинскій языкъ есть вмѣстѣ съ оскскимъ, умбрійскимъ и другими италійскими нарѣчіями (какъ то вольскимъ, сабинскимъ и проч., отъ которыхъ сохранились самые незначительные остатки; съ этрусскимъ же они въ родствѣ не находятся) нарѣчіе языка италійскаго, состоящаго въ ближайшемъ родствѣ съ кельтскимъ и греческимъ, а потомъ и съ прочими арійскими языками, и что онъ вмѣстѣ съ ними принадлежитъ къ самой совершенной группѣ языковъ флексійныхъ (болѣе о нихъ см. слѣд. §).

(¹) Первобытное арійское было agham или agam; отсюда скр. aham, бактр. azem (z = з), др.-перс. adam, греч. ἐγώ(ν), лат. egō, нѣм. ik, ich (въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ даже просто i), италіян. io, франц. je, старосл. азъ (язъ и слѣд. очень сходно съ зендскимъ; только утраченъ согласный звукъ въ окончаніи, такъ какъ старослав. не терпитъ его въ концѣ слова), русск. азъ(ъ) = jaзъ и наконецъ — я.

(+) Грамматику см. у Шлейхера въ упомянутомъ Compendium d. vergl. gramm. §. 10–14, 162–6 и проч.; а опытъ словаря представляетъ F. C. August Fick, Wörterbuch der indogermanischen grundsprache in ihrem bestande vor der völkertrennung. Mit einem vorwort v. Benfey. Göttingen, 1868. —

(++) Образцы арійскихъ яз. (санскр., зенд., др.-перс., др.-греч., др.-лат., оск., умбр., др.-ирск., др.-болг., лит. и гот.) въ Indog. Chrest. Шлейхеровой.

§ 10. Очеркъ судебъ и характеристика латинскаго языка (+).

Греко-итало-кельтское племя довольно долго жило общею жизнью по отдѣленіи отъ арійскаго корня и во время этой общей жизни полнѣе выработало основныя черты языка, религіи, быта и т. д.; но, не смотря на эту общую основу, они разошлись весьма далеко. Изъ нея выросли и многосторонній и идеальный Грекъ, стремившійся къ развитію личности и поставившій себѣ идеаломъ калокагаѳію (сліяніе добраго, ἀγαθόν, съ прекраснымъ, καλόν); односторонній въ своей логичной практичности Римлянинъ, все приносившій въ жертву государству, и воинственно-одичавшій Галлъ. — Нѣсколько времени спустя по отдѣленіи Грековъ часть итало-кельтскаго племени (Италики) вошла съ сѣвера въ Италію, другая (Кельты) пошла далѣе на Западъ. — Лишь позднѣе пришли и Греки въ Италію, югомъ, съ моря. Отъ нихъ народцы Италіи получили письмена (стр. 13).

Изъ нарѣчій языка италійскаго литературнаго развитія досталось почти только латинское, т. е. языкъ жителей Рима и его окрестностей (Latium); прочія болѣе или менѣе извѣстны только изъ надписей (См. Прибавл.). — Съ распространеніемъ власти Рима распространялся и его языкъ. Въ 1 в. до Р. Х. была Римомъ окончательно покорена вся Италія и латинскій языкъ вытѣснилъ собою какъ другія нарѣчія того же италійскаго языка, такъ и другіе языки (этрусскій, галльскій). Въ это же время наука и образованіе съ одной стороны, а администрація и управленіе — съ другой распространили латинскій языкъ по Испаніи, Галліи, Африкѣ, позднѣе — по Дакіи, отчасти Греціи, Германіи, Британніи.

Римская письменность существовала уже во время первыхъ царей (напр. annālēs maximī и пр.) (++); но языкъ того времени такъ отличался отъ позднѣйшаго, что сами Римляне цвѣтущей эпохи литературы его почти не понимали. Позднѣе (т. е. въ половинѣ 5 в. до Р. Х.) явились законы XII таблицъ. — Въ нихъ и вообще въ древнѣйшихъ памятникахъ лат. языкъ (см. § 11) отрывоченъ, рѣзокъ, точенъ, силенъ и обиленъ древними формами (въ немъ сохранились, напр., abl. и voc., утраченные Греками; но во многихъ отношеніяхъ онъ новѣе греч. языка, напр. въ образованіи страд. зал., въ значительной утратѣ дифѳонговъ), хотя уже тогда началъ онъ смѣшивать звуки (напр. medial съ tem-ē, см. § 13), сокращать долгіе слоги, особенно ослаблять окончанія (чему способствовало то, что конечные слоги не имѣли защиты въ акцентѣ) и слѣд. утрачивать древнія формы (напр. встрѣчается — хотя рѣдкое — dedro вм. dedērunt). Такъ шло дѣло до появленія искусственной литературы во 2ой половинѣ 3го вѣка до Р. Х., которой положилъ начало Грекъ Ливій Андроникъ, выступившій на сцену съ комедіею въ 240 г. и переведшій Одиссею (прав.

(+) См. G. Bernhardy Grundr. d. röm. litteratur. — 4te bearb. — Braunschw. 1865, стр. 1–363; Th. Mommsen, Römische Geschichte. 4 aufl. Berl. 1865–66: — I, 11–33, 115–119, 214–222, 225–8, 474–6, 891–8; II, 412–417, 429–438; III, 558–566, 608 сл. — В. Л. Уиблодъ l. l. въ Ж. М. Н. пр. т. 101, стр. 295–327 и 111–118; Heyse l. l. 185–200 сл.

(++) См. В. Модестова Римская письм. въ періодъ царей. Каз. 1868 (Есть и въ нѣм. обраб.: d. gebrauch d. Schrift. 1871).

да самымъ грубымъ языкомъ и безъ всякихъ литератур. достоинствъ). Вслѣдствіе образованія своей литературы, большаго образованія и вліянія языка греческаго, Римляне стали внимательнѣе относиться къ звукамъ своего языка, такъ что въ 3^мъ в. возстановилось напримѣръ, различіе между mediae и tenues, хотя все еще продолжалось сильное колебаніе въ произношеніи, а слѣд. и въ формахъ (напр. filios, filio, filius). Только Энній (239-169) рѣшительно задержалъ звуковое паденіе: онъ спасъ, что еще можно было спасти (т.е. что въ устахъ народа еще не исчезло окончательно), установилъ введеніемъ hексаметра правильное отношеніе между долгими и короткими слогами, возстановилъ значеніе согласной позиціи. Окончательно установился литературный языкъ въ избранномъ кружкѣ аристократовъ и писателей, собиравшихся въ домѣ Сципіона Эмиліана (Теренцій, Луцилій и др.) во 2^й половинѣ 2го в. - Эти реформы языка и литературы произошли главнымъ образомъ подъ вліяніемъ языка греческаго, роскошно-развитаго и выразившагося въ богатой литературѣ (а Римлянинъ былъ очень воспріимчивъ къ перенятію всего, что ему не доставало и что могло быть полезнымъ). Уже за два вѣка до Р.Х. греч. языкъ былъ почти общеизвѣстенъ въ Италіи и изученіе его и литературы его скоро стало всѣми считаться необходимымъ для всесторонняго образованія, развитія вкуса, облагороженія родной рѣчи и характера. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливалось греческое вліяніе; Римъ наполнился Греками (Graecia capta ferum victorem cepit, et artes intulit agresti Latio, говоритъ hОрацій, Epist. II, 1, 156 sq). Потому скоро языкъ аристократическаго кружка сдѣлался языкомъ всѣхъ образованныхъ классовъ Рима (sermō urbānus) и Италіи. Открывшіяся въ это же время высшія школы - сначала греческія, потомъ и латинскія - главнымъ образомъ для изученія греческой и римской литературъ и для теоретическаго и практическаго обученія ораторству, имѣли огромное вліяніе и на образованіе языка. - Какъ между тѣмъ кружкомъ, воспитаннымъ на греческой литературѣ и развившимъ въ себѣ тонкій эстетическій вкусъ, и массою народа была пропасть, такъ въ разладѣ находились и ихъ языки. Sermo urbānus (въ которомъ нѣтъ ничего absonum, agreste, inconditum, peregrinum [Quint. VI, 3]) строго избѣгалъ всего, что напоминало sermōnem plebējum (lingua rūstica s. vulgāris), а через то и самъ терялъ много свѣжести и естественности и не оказывалъ достаточнаго вліянія на массы народа, которыя продолжали говорить мѣстными нарѣчіями (ср. §8). (Въ Греціи не было такого разлада между языкомъ народа и литературы). Впрочемъ прозаическая рѣчь все еще оставалась мало выработанною.

Только въ 1^мъ в. до Р.Х. - въ вѣкъ Цицерона и Августа, когда римская литература распустилась съ невиданнымъ блескомъ, Цицеронъ (106-43) и Цезарь подняли и прозаическую рѣчь на недосягаемую высоту; онъ же и М. Т. Варронъ впервые установили правила латинской грамматики, а Катуллъ, Вергилій, hОрацій и Овидій усовершенствовали

рѣчь поэтическую. Къ этому же времени относится полное слiянiе римскаго образованiя съ греческимъ и распространенiе этого образованiя и литературнаго языка по муниципiямъ и провинцiямъ. Но теперь же провинцiальная и вульгарная латынь стала уже заявлять попытки проникнуть въ литературу; даже Варро̄нъ допустилъ ее отчасти въ свои сочиненiя.

Преимущественно языкъ этого классическаго вѣка имѣется въ виду, когда говорятъ о латинскомъ языкѣ; о немъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь и въ латинскихъ грамматикахъ; потому остановимся здѣсь для краткой характеристики латинскаго языка (а слѣд. и римскаго народа).

Какъ Грекъ и во время практической дѣятельности находилъ себѣ время для идеальныхъ стремленiй и наслажденiя искусствомъ и тѣмъ облагораживалъ всю жизнь свою; такъ Римлянинъ даже во время досуга старался быть дѣловымъ и презиралъ graecum otium; онъ отличался разсудочностью, солидностью (gravitas Romana въ противоп. греческой levitas), гордымъ нацiональнымъ самосознанiемъ, любовью къ порядку, практичностью и энергичною дѣятельностью (не такъ какъ graeculus otiosus et loquax). Сообразно съ тѣмъ и языкъ его сжатъ, силенъ (что особенно видно въ законахъ), точенъ и опредѣленъ (proprietas въ значенiи словъ, устраняющая двусмысленности), важенъ и степененъ (обилiе долгихъ слоговъ и почти полное устраненiе ударенiя съ послѣдняго слога даютъ языку движенiе медленное и какъ бы разсудительное: Romanus sermo, говоритъ Сенека, magis (т.е. quam graecus) se circumspicit et aestimat et praebet aestimandum), логичностью (напр. употребленiе временъ такъ логично, какъ ни въ какомъ другомъ языкѣ). За то онъ уступаетъ греческому въ изяществѣ и звучности (характеромъ латинскаго языка признаетъ Сенека potentiam, греческаго — gratiam), гораздо бѣднѣе словами для выраженiя оттѣнковъ понятiй и ощущенiй, не имѣетъ достаточно гибкости для образованiя отвлеченныхъ и сложныхъ словъ, а слѣд. менѣе удобенъ для поэзiи и философiи. Въ то время какъ тонко развитой и эстетичный Грекъ разливается въ безконечномъ обилiи отвлеченныхъ и живописныхъ сложныхъ словъ, Римлянинъ довольствовался для своего обихода болѣе практичными словами; вмѣсто сложныхъ словъ употреблялъ 2-3 отдѣльныхъ слова, вмѣсто отвлеченныхъ существит. (хотя не лишенъ возможности къ образованiю ихъ, ибо имѣетъ окончанiя -tio, -tas и др.) въ случаѣ нужды прибѣгаетъ къ болѣе тяжелому герундiю. Греческiй языкъ оказалъ сильное и благотворное влiянiе на латинскiй, сдѣлалъ его гораздо болѣе развитымъ, смягчилъ гуманностью его суровую и мощную волю. Писатели 1го в. до Р.Х. старались недостаточность природной гибкости и пластичности вознаградить — для практическихъ цѣлей — ре̄торическими украшенiями рѣчи и съ необыкновеннымъ вкусомъ выработали превосходную, художественно-перiодичную прозу (особенно Цицеронъ), отличающуюся ритмомъ (numerus), которая при томъ можетъ разнообразиться поразительно-краткими

изрѣченіями. Латинская періодическая гораздо болѣе величественна и болѣе сложна чѣмъ греческая, образцовая по простотѣ и естественности. Съ другой стороны, поэтъ Катуллъ приспособилъ латинскую рѣчь къ лирической поэзіи и метрикѣ; онъ и Вергилій, Горацій, Овидій выработали изящную мелодію стиха.

Въ 1мъ в. по Р.Х. образованіе охватило большія массы народа въ провинціяхъ. Писатели нѣсколько пренебрегли художественностью слога, но тѣмъ сильнѣе старались заставить языкъ слѣдить за всѣми изгибами мысли и сдѣлали его болѣе богатымъ и энергичнымъ; синтаксисъ стала гибче и развитѣе, но потеряла много въ стройности и гармоніи; стиль сдѣлался нѣсколько манернымъ. Проза получила поэтическую окраску, поэзія - риторическую; рѣчь стала болѣе отрывочною и сжатою; изъ стремленія къ краткости исчезли многія частицы. Словарь обогатился множествомъ словъ, особенно научныхъ и техническихъ; слова эти были частью новообразованы изъ латинскаго матеріала, частью заимствованы изъ греческаго и изъ lingua vulgāris. По стилю сюда относятся архитекторъ Витрувій (хотя онъ жилъ въ концѣ 1аго в. до Р.Х.), Курцій, Квинтиліанъ, Ювеналъ, Светоній, Тацитъ и пр. (послѣдніе два жили и во 2мъ в.).

По мѣрѣ паденія народной жизни падали и языкъ и литература. Во 2мъ в. изсякла жизнь подъ правительственнымъ гнетомъ, а вмѣстѣ съ этимъ и литература сдѣлалась пустою и языкъ сталъ представлять вмѣсто мыслей надутыя фразы, неорганическую смѣсь старинныхъ и новыхъ словъ и оборотовъ и массу провинціализмовъ. Провинціи (Африка, Испанія, Галлія) доставляли ослабѣвшему Риму писателей. Образованіе все еще расширялось въ массахъ, но становилось болѣе и болѣе тощимъ.

Въ 3мъ и слѣдующихъ вѣкахъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе грубѣло общество; невѣжество развивалось; библіотеки мало-по-малу закрывались; знаніе греческаго языка и литературы и даже классическихъ римскихъ писателей становилось рѣже и рѣже; римскіе литераторы перестали быть образцами для провинціаловъ, и потому послѣдніе переполнили письменный языкъ мѣстными и вульгарными словами и оборотами. Языкъ одичалъ, синтаксисъ огрубѣла; долгіе звуки болѣе и болѣе сокращались; сильно измѣнялись и исчезали гласные и согласные, ослабѣвали и утрачивались флексіи, измѣнялись роды словъ и пр. (напр. hic aevus; vinus, coelus и пр. вм. vinum, coelum; saevis вм. saevus, floriet вм. florebit; вульгарныя слова въ литературѣ, напр.: bucca и rostrum вм. ōs, caballus (cheval) вм. equus, pipio (pigeon) вм. columba и пр.). Впрочемъ, должно замѣтить, что во всѣ времена находились писатели, употреблявшіе довольно-чистый языкъ. У юристовъ и у нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей онъ былъ вообще болѣе чистъ, силенъ и точенъ. Литература и языкъ пережили имперію и даже нѣсколько оправились при Θеодорихѣ въ началѣ 6го в.. Но въ слѣдующемъ столѣтіи наступилъ конецъ латинскому живому языку и его литературѣ.

Германскія племена, сокрушившія римскую имперію, усвоили себѣ латинскій языкъ, или, точнѣе, народныя нарѣчія его, но измѣнили, передѣлали ихъ и внесли много своихъ элементовъ. Отсюда образовались *романскіе* языки (см. стр. 11, 15 и 16), перешедшіе и въ Америку со времени ея открытія. Кромѣ того латинскій языкъ оставилъ по себѣ болѣе или менѣе значительный слѣдъ въ языкахъ Германіи, Англіи (а слѣд. также и Америки и другихъ частей свѣта), Греціи, Африки и пр., а множествомъ его словъ пользуются и всѣ народы цивилизованнаго міра. Ни одинъ языкъ не имѣлъ даже подобія такой величественной участи. Литература его передала новымъ народамъ, какъ бы въ извлеченіи, все существенное, что было выработано классическимъ міромъ и послужила основою новоевропейскаго образованія. Большая часть ея (какъ и греческой литературы), къ несчастью, погибла въ вѣка варварства. — Продолженіемъ ея служатъ необыкновенно-богатая средневѣковая и новая латинская литература.

Примѣч. Латинскій языкъ и по смерти жилъ какъ языкъ государства, международный, церкви, ученыхъ, монаховъ, хотя и въ неиспорченномъ видѣ, съ измѣненными значеніями многихъ словъ и съ огромною примѣсью чуждыхъ элементовъ (средневѣковой лат. языкъ, разнообразный по странамъ). Карлъ В. въ 8 в. стремился возстановить чистоту лат. языка и поддерживать знаніе его и римской литературы посредствомъ хорошихъ школъ. Въ 12^{мъ} в. лат. языкъ выступилъ въ рифмованной поэзіи во Франціи. Послѣ этого прогресса подвергся языкъ полнѣйшей барбаризаціи въ концѣ 12, 13 и 14 вѣкахъ. Но въ 14 же и 15 вѣкахъ Петрарка, Boccaccio, Греки, пріѣхавшіе, послѣ паденія Константинополя, въ Италію съ драгоцѣнными классиками, произвели *возрожденіе* наукъ и искусствъ (renaissance), когда всѣ бросились съ жаромъ на изученіе греко-римской литературы. Это движеніе началось въ Италіи, оттуда перешло во Францію и въ другія страны. Слабымъ отголоскомъ его было основаніе у насъ академій въ Кіевѣ (въ 1ой половинѣ 17 в.) и Москвѣ (во 2ой половинѣ того-же вѣка). Почти только съ этого времени началось у насъ изученіе языка и литературы Римлянъ. Со времени „возрожденія" ученые старались писать на чистомъ латинскомъ языкѣ, поставивъ себѣ идеаломъ языкъ Цицерона. — До 19 в. большая часть ученыхъ сочиненій выходила на латинскомъ языкѣ; многіе и теперь пишутъ на немъ. Наконецъ, вездѣ въ Европѣ онъ считается главнымъ образовательнымъ предметомъ въ высшихъ школахъ, готовящихъ къ ученому поприщу (гимназіяхъ и т. п.).

§ 11. Важнѣйшіе памятники древне-латинскаго языка.

Древнѣйшее состояніе языка узнаемъ мы, главнымъ образомъ, изъ надписей; впрочемъ, изъ дошедшихъ до насъ въ подлинникѣ самыя раннія не древнѣе начала 3го в. — Образцы, которые мы сейчасъ приведемъ, имѣютъ огромное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ — грамматическомъ, литературномъ, антикварномъ, историческомъ.

a) *Carmen frātrum arvālium.*

Къ числу религіозныхъ корпорацій, существовавшихъ уже въ самыя первыя времена Рима (или даже до Рима) относятся *Frātrēs arvālēs* и *Saliī* (Преданіе приписываетъ учрежденіе первыхъ въ числѣ 12 — Ромулу, вторыхъ — въ томъ же числѣ — Нумѣ). Saliī служили Марту (Marti Gradīvō). — Въ мартѣ, т. е. въ началѣ года и весны они въ оружіи,

съ пляскою и пѣснями ходили по городу, воспѣвая Марта, Яна и знаменитыхъ мужей. Ихъ carmina были самимъ Римлянамъ непонятны (Hor. Ep. II, 1, 86; Quint. I, 6, 40); почти таковыми остаются для насъ сохранившіеся отрывки и потому ихъ не приводимъ(+). — Уже больше понятенъ весьма древній гимнъ арвальскихъ братьевъ, сохранившійся на мраморной доскѣ, вырѣзанной, впрочемъ, въ довольно позднее время — 218 г. по Р.Х. (найдена въ Римѣ въ 1778 г.). Эта корпорація возникла изъ 11 сыновей Акки Ларенціи и Ромула для служенія Deae Diae (а также Марту и другимъ богамъ). Въ маѣ совершали они процессіи по полямъ и молили о небесномъ благословеніи для нихъ. Памятникъ не вполнѣ сохранилъ древнія формы. Вотъ онъ съ вѣроятнымъ переводомъ(++):

Enos, Lases, juvate! (трижды каждый стихъ). т. е.	Nōs, Larēs, juvāte! (ter).
Neve lue rue, Marmar[1], sins[7] incurrere in pleores[2]!	Nē luem ruem (= ruīnam), Mamers, sine incurrere in plūrēs! (?)
Satur fu[3], fere Mars, limen sali sta berber![4]	Satur estō, fere Mars, līmen salī siste fervere! (?)
Semunis[5] alternei[6] advocapit[8] conctos!	Sēmōnēs alternē advocābit cunctōs! (?)
Enos, Marmar, juvato!	Nōs, Mamers, juvātō!
Triumpe! (5-21).	Tripudiā!

Сочинено Сатурновымъ стихомъ (См. Метрику, гл. V).

1) Marmar = Mars Mars или Mamers. — 2) другіе объясняютъ: flōrēs. 3) fu есть imper. отъ корня fu. 4) другое объясненіе: in līmen insilī! stā! verberā! (līmen). 5) = sēmōnēs вм. sēmihomōnēs (sēmihominēs). — 6) вѣроятно — нарѣчіе, т.е. alternīs versibus; по другимъ nom. plūr. — 7) sins есть imperat., какъ ēs и ēs. 8) advocapit по друг. = advocāte.

б) Отрывки изъ Законовъ XII таблицъ (450 г. до Р.Х.) (+++).

(Таблицы эти существовали еще въ 3 в. по Р.Х., но до насъ дошли только отрывки изъ нихъ у писателей и притомъ съ обновленнымъ языкомъ. Мы приводимъ ихъ въ формѣ, возстановляемой однимъ ученымъ (хотя она не безспорна).

	(Переводъ буквальный)
Iousus poplei sofraciaque[1] suntod.[2] Quodcomque postremom poplos jousit, id jous ratomque estod.	Iussa populī suffrāgiaque suntō. Quodcumque postrēmum populus jusserit, id jūs ratumque estō.
Preivileciad nei endo[3]rocantod. Fortei sanateique sirempse[4] jous estod.	Prīvilēgia nē irrogantor. Fortī sanōque aequāle jūs estō.
Sei pater fidiom ter venom duit, fidios af patred leiber estod.	Sī pater filium ter vēnum det, filius ā patre līber estō.
Sei quips nox fourtom faxsit, sei im aliquips occisit, joured caesos estod. Sei quips diu fourtom faxsit, fuste feritor.	Sī quis nocte fūrtum fēcerit, sī eum aliquis occīderit, jūre occīsus estō. Sī quis diū fūrtum fēcerit, fuste feritor.

1) О смягченіи c (k) и g см. стр. 17 и 18 и § 13. 2) Объ этой и о другихъ древнихъ формахъ см. гл. V. — 3) endo = in. 4) вм. sirempse = sic-rem-pse, т.е. eadem, proinde ac ea (++++).

в) Надпись на Columna rostrata C. Duilii (†), разбившаго карѳагенскій флотъ въ 260 г. до Р.Х. въ подлинникѣ не сохранилась. Она была вырѣзана на бронзѣ, а теперешній отрывокъ, найденный

(+) См. о нихъ у Модестова, Римск. Письм., стр. 130–150 (въ нов. изд. 122–136).

(++) Издана въ самомъ точномъ видѣ у Fr. Ritschl'я Priscae latinitatis monumenta epigraphica, p. 30, tab. XXVI и у Mommsen'a Corpus inscriptionum latinarum antiquissimarum, Berol. 1863, fol. p. 9 sq. (Этими великолѣпными изданіями я пользовался изъ унив. библіотеки, благодаря В.И. Модестову). См. объ этомъ гимнѣ Модестова Р.П. 115–130 (нов. изд. 107–122), Mommsen'a Röm. Gesch. (4 изд.) I, 225 f., Ed. Munk Gesch. der röm. literatur (3 theile. 1858–61) I, 32 f. — Bernhardy G. d. r. L. 189 ff.

(+++) Ed. Munk, Geschichte der römischen literatur. I, 45 ff.

(++++) См. объ этомъ словѣ Corssen'a Aussprache etc. II, 847, 604 и I, 777 f.

(†) Сохранившійся отрывокъ помѣщенъ съ пополненіями у Mommsen'a Corp. inscr. latin. p. 37–40 и Ritschl'я Pr. lat. mon. epigr. p. 82–88 и tab. XCV (Ричль и Моммзенъ пополняютъ различно; вставку отд. буквъ дѣлаемъ курсивомъ).

въ 16-мъ вѣкѣ (1565 г.) высѣченъ на мраморѣ, вѣроятно, во время Клавдія (41–54) съ поддѣлкою древняго языка и потому имѣетъ важность (Въ скобкахъ помѣщаемъ дополненія):

...Secestanos[s] gravid et diuturnod hostiom opsidio[d] exemet lecione[sque[1] adortos Poenos ma]ximosque macistratus[2] [eorom, qui post dies] novem castreis exfociont, Macel[am opidom vi d] pucnandod cepet enque eodem macistratud bene] rem navebos marid[3] consol primos c[eset copias] clasesque[4] navales primos ornavet pa[ravetque;] cumque eis navebos claseis poenicas omn[eis] item max[u]mas copias Cartaciniensis praesente[d Anibaled] dictatored olorom in altod marid pucn[andod vicet], vique nave[is] cepe[t] cum socieis septer[esmom unam, quinqueresmos]que triresmosque naveis X[XX, merset XIII, auro]m captom numei ⊕⊕⊕ DCC[5] [... arcen]tom captom praeda numei ⊕ [........ omne] captom aes ⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕ [⊕⊕⊕⊕⊕⊕⊕. pri]mos quoque navaled praedad poplom [donavet primosque] Cartacini[ensis ince]nuos [duxit in triumpod ....] (Начала и конца нѣтъ).

1) О смѣшеніи звуковъ c и g сравн. Зак. XII табл. на стр. 22. – 2) Въ подлинникѣ ошибочно: maximosque macistratos. 3) i для означенія ī (см. § 13) стало употребляться только во время Суллы (см. Corssen, l. c. I, 19 f.) и слѣд. здѣсь неумѣстно. 4) удвоеніе звуковъ въ письмѣ (classis и т. п.) введено только Энніемъ. 5) ⊕ значитъ mille; число этихъ знаковъ означаетъ число тысячъ.

г) Надписи на гробницахъ Сципіоновъ разнаго времени (одна изъ нихъ – сына Сц. Барбата – открыта въ 1614 г., прочія въ 1780) (†). Написаны, по всей вѣроятности, сатурновымъ стихомъ (++).

1) Эпитафія Л. Корн. Сципіона (сынъ Барбата), бывшаго консуломъ въ 259 г. (самая древняя) (+++).

Honc oino[1] ploirume co[s]sentiont R[omanei]	т. е. Hunc ūnum plūrimī cōnsentiunt Rōmānī
Duonoro[2] optumo fuise viro [viroro],	Bonōrum optimum fuisse virum,
Luciom Scipione. // Filios Barbati,	Lūcium Scīpiōnem. Fīlius Barbātī,
Consol, censor, aidilis // hic fuet a[pud vos];	Cōnsul, cēnsor, aedīlis hīc fuit apud vōs;
Hec cepit[3] Corsica Aleriaque urbe [pugnandod].	Hīc cēpit Corsicam Aleriamque urbem pugnandō,
Dedet[5] Tempestatebus // aide mereto[d votam].[4]	Dedit Tempestātibus aedem meritō vōtam.

1) oino = oinom = unum (см. § 14 и 15 и гл. V). Этотъ памятникъ представляетъ интересный образчикъ колебанія въ произношеніи, напр. oino, duonoro и др., но въ Luciom сохраняется m. 2) = duonorom т. е. bonorum (древнее du или dv перешло въ b, см. § 15). 3) Колебаніе и слѣд. неясность выговора: hic fuet, но hec cepit. 4) Болѣе подробныя объясненія частью можно извлечь изъ главъ III, IV, V и VI, частью дѣлаются устно (Ср. о стихѣ Метр. гл. I и V). 5) Здѣсь синкопа въ arsi (см. Метр. § 9, 2. и гл. V).

2) Эпитафія Л. Корн. Сципіона Барбата (отецъ предыдущаго). Хотя она помѣщена на болѣе древней гробницѣ, но высѣчена позднѣе, т. е., вѣроятно, лѣтъ за 200 до Р. Х. Scipio Barbatus былъ консуломъ въ 298 г. до Р. Х., цензоромъ въ 290 г. (++++).

	Переложеніе
Cornelius Lucius[1] // Scipio Barbatus.	Cornēlius Lūcius, Scīpiō Barbātus.
Gnaivod[2] patre[1] prognatus // fortis vir sapiensque,	Gnaeō patre prōgnātus, fortis vir sapiensque,
Quoius[3] forma virtu[tei] parisuma[4] fuit;[1]	Cūjus forma virtūtī parissima fuit;
Consol, censor[1] aidilis // quei fuit[1] apud vos,	Cōnsol, cēnsor, aedīlis quī fuit apud vōs,
Taurasia[1], Cisauna // Samnio cepit,	Taurāsiam, Cisaunam, Samnium cēpit,
Subigit omne[1] Loucanam // opsidesque abdoucit.	Subigit omnem Lūcāniam obsidesque abdūcit.

1) Подчеркнутые слоги употреблены какъ долгіе, но позднѣе сократились (см. § 14). 2) Gnaivos, отъ котораго позднѣе произошли naevus и Gnaeus, Gneus, – отъ корня gen и первонач. значеніе его есть „рожденный, сынъ". 3) = cūjus, см. гл. V. Prōnōm. 4) т. е. parissima, хотя pār въ класс. эпоху не имѣло степ. сравненія.

(+) См. Corp. Inscr. lat. ant., ed. Th. Mommsen p. 11–21. – Bernhardy, Gesch. d. r. lit. 200 ff. Munk (съ ошибками) l. c. 40 ff.
(++) Düntzer въ „Philologus" за 1869 г. опровергаетъ (но не совсѣмъ убѣдительно), какъ въ этомъ такъ и во многихъ другихъ памятникахъ сатурновъ стихъ. – Иктъ обозначаетъ (толстыми точками) по Ritschl'ю (его же и дополн.).
(+++) См. Ritschl Pr. lat. mon. p. 34 и tab. XXXVIII; Mommsen C. I. L. p. 11 и 18 (n° 32); Schleicher Indog. Chrest., s. 191; Bernhardy Gesch. d. röm. lit. 188 f.; Munk l. c. (не точно), 40. – Вотъ видъ 1-го стиха: HONC·OINO·PLOIRVME·COSENTIONT R (††)
(++++) См. Ritschl, p. 32, tab. XXXVII; Mommsen C. I. L. p. 16 sq. (n° 30); Schleicher Indog. Chr., s. 192; Munk 40, Mommsen R. G. I, 458 и 476.
(†) См. Corssen Ausspr. etc. 79 и 82. (††) Выписана ~~эта~~ строка изъ Schleicher'а, ибо Ritschl'я теперь не имѣю подъ рукою.

Отдѣлъ II: Фонетика.(+)

Глава III. Система звуковъ языка.

§ 12. Образованіе звуковъ языка.(++)

Звукомъ называется впечатлѣніе, воспринятое мозгомъ посредствомъ слуховыхъ органовъ (т. е. уха и слухового нерва). Это впечатлѣніе происходитъ отъ колебаній воздуха. Если эти колебанія происходятъ неравномѣрно, то ощущаемъ шумъ; если же они равномѣрны, совершаются съ періодическою правильностью и при томъ съ извѣстною скоростью, то ощущаемъ музыкальный звукъ. Въ каждомъ музыкальномъ звукѣ мы можемъ различить:

1) его силу или напряженность, что зависитъ отъ широты волны, т. е. отъ величины того пространства, которое проходится каждою частицею воздуха;

2) высоту или тонъ — отъ быстроты колебаній. Низшій музык. тонъ слышимъ при 60 колебаній въ секунду, высшій — при 8,000 (если менѣе 60, то слышно что-то въ родѣ шопота, а если болѣе 8000 — то визгъ);

3) окраску звука или его тимбръ (или тэмбръ, timbre), что зависитъ отъ особенностей легкихъ побочныхъ тоновъ, сопровождающихъ каждый тонъ, эти легкіе тоны — отъ формы волнъ, а форма волнъ — отъ свойствъ инструмента. Одинъ и тотъ же музыкальный звукъ [напр. c̄] имѣетъ различную форму, смотря по тому, будетъ ли онъ произведенъ флейтою, скрипкою, человѣч. голосомъ и т. д. Такъ форма волны одного и того же звука можетъ быть или или или или или или. — Словомъ, тимбръ звука зависитъ отъ инструмента или органа.

Звуки языка производятся воздухомъ, выдыхаемымъ изъ легкихъ и подвергающимся дѣйствію голосовыхъ органовъ. Голосовыми органами называются тѣ, посредствомъ которыхъ образуются звуки языка. Это суть: легкія, гортань (съ голосовыми связками), полости рта (съ языкомъ, язычкомъ, мягкимъ и твердымъ нёбомъ, зубами и губами) и носа. Органы рта дѣйствуютъ попарно, и именно языкъ и нижняя губа подвижны, активны, а небо, зубы и верхняя губа спокойны и только пассивно принимаютъ давленіе. [Вѣроятно, есть незамѣтныя (но имѣющія большое значеніе) различія въ мозгу и голосовыхъ органахъ каждаго народа, а отъ этого зависитъ, въ значительной степени, различіе звуковъ одного языка отъ звуковъ другого и разнообразіе въ выговорѣ у каждаго народа.(+++) Кромѣ того] у каждаго человѣка голосъ имѣетъ особую высоту и особый тимбръ, потому что у каждаго есть особенности въ голосовыхъ органахъ (наиболѣе отличаются дѣти отъ взрослыхъ, мужчины отъ женщинъ; напр. у мужчинъ гортанныя связки (chordae vōcālēs) почти въ 1½ раза длиннѣе женскихъ).

(+) Изложена въ замѣну того, что есть въ Граммат. Кюн.-Колос., 2 изд. стр. 1—20 и 373—375. (Въ 3 изд. разбито это, совершенно неумѣстно, на три части: стр. 1—6, 380—393 и 394—396). — § 12 не имѣетъ себѣ соотвѣтственнаго у Кюнера, но совершенно необходимъ для осмысленнаго усвоенія всей фонетики или и вообще грамматики.

(++) C. L. Merkel. Physiologie der menschlichen sprache (physiologische laletik). Mit eingedr. holzschnitten, lithogr. taf., noten u. sprachlauttabellen. Lpz. 1866, стр. 1—347. — M. Müller l. l. II, 88—151; Heyse 262—97, 74—80, 115—124.

(+++) Это предположеніе высказалъ Aug. Schleicher: Über die bedeutung der sprache für die naturgeschichte des menschen. Weimar. 1865, стр. 9. — Ср. § 4 (стр. 8) и § 7 (стр. 10) этихъ „Записокъ“.

Изъ звуковъ языка только гласные принадлежатъ къ музыкальнымъ тонамъ, потому что только при произношеніи гласныхъ гортанныя связки приходятъ въ достаточно быстрое и періодическое сотрясеніе (онѣ бываютъ тогда натянуты); при образованіи же согласныхъ онѣ или вовсе не сотрясаются (бываютъ опущены или ослаблены) или сотрясаются слабо и не періодически, такъ что согласные суть только виды шума. — Каждому гласному звуку — какъ въ обыкновенной рѣчи, такъ и особенно въ пѣніи — можно дать (т. е. болѣе или менѣе напрягая голосовыя связки) различный тонъ или высоту (ср. ниже объ акцентахъ); но независимо отъ того ему присущъ и природный тонъ, т. е. гортанныя связки при произношеніи каждаго гласнаго звука сотрясаются съ различною быстротою (наименѣе сотрясаются при u, наиболѣе при i; оттого i въ пѣніи можетъ быть поднято на такую высоту, какая недостижима для u). Этотъ природный тонъ каждаго гласнаго звука можно въ особенности различить при произношеніи полушепотомъ(+). И такъ, высота или тонъ каждаго гласнаго звука обусловливается: а) его природою, б) волею произносящаго и в) особенностями голоса (т. е. голосовыхъ органовъ) каждаго человѣка. — Кромѣ того при образованіи каждаго гласнаго звука ротъ принимаетъ особую форму, т. е. оказывается какъ бы инымъ инструментомъ, и слѣд. даетъ звуковой волнѣ (тону) иную форму; слѣд. каждый гласный звукъ является окраскою или тимбромъ тона. — Наконецъ каждый гласный звукъ можетъ быть произнесенъ съ различною силою или удареніемъ, иктомъ, т. е. съ различнымъ количествомъ воздуха (См. ниже объ удареніяхъ). — И такъ, въ каждомъ гласномъ звукѣ можно различать: а) его высоту (обусловливаемую тремя взаимодѣйствующими причинами), б) его тимбръ и в) его силу.

Звуки языка раздѣляются: 1) по способу произношенія и 2) по органамъ, которыми образуются. — По способу произношенія дѣлятся они на гласные — vōcālēs и согласные — cōnsonāntēs; согласные же на мгновенные или нѣмые, explōsīvae или mūtae, и продолжительные или полугласные (полусогласные), continuae или sēmivōcālēs; mūtae могутъ быть mediae (мягкіе), tenuēs (твердые) и aspīrātae (придыхательные), а sēmivōcālēs дѣлятся на spīrāntēs (придыхающіе), liquidae (плавные) и nāsālēs (носовые); наконецъ spīrāntēs могутъ быть мягкіе (звучные) и твердые (глухіе). — По органамъ дѣлятся звуки: 1) на gutturālēs (гортанные) — какъ тѣ, которые произносятся одною гортанью (a, h), такъ и тѣ, которые образуются въ глубинѣ рта, близъ гортани; 2) palātālēs (нёбные), при произношеніи которыхъ дыханіе прижимается языкомъ къ нёбу; 3) dentālēs (зубные) — къ зубамъ; 4) linguālēs — образуются трясеніями языка и 5) labiālēs (губные) — губами.

Звуки языка образуются чрезъ усиленное дыханіе, которое въ гортани можетъ получить звучность, вокализоваться, а во рту подвергается различному дѣйствію его органовъ (модифицируется); въ немъ неопредѣленная масса воздуха сближеніемъ органовъ какъ бы дѣлится на части, расчленяется. — Гласные отличаются отъ согласныхъ

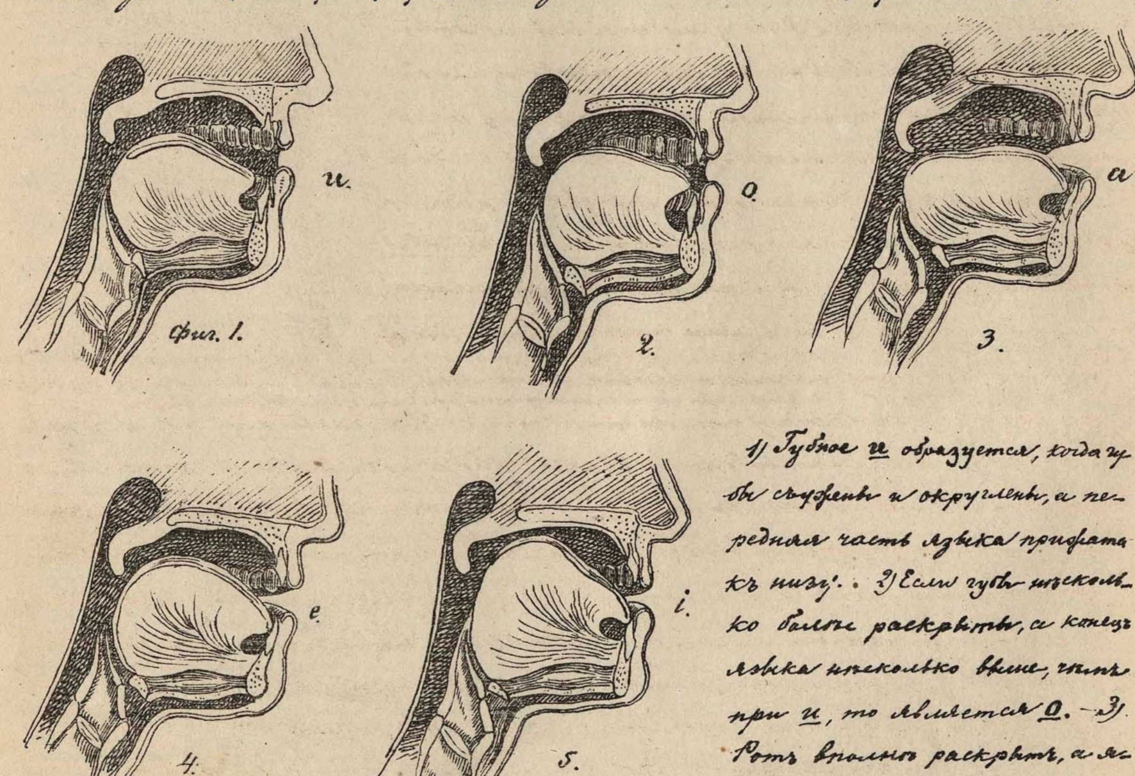
(+) Эту природную высоту тона гласныхъ Merkel l. c. s. 109 изображаетъ такъ:

u o oᵃ a ö ü ä e i

Должно, впрочемъ замѣтить, что изслѣдованія о присущей каждому гласному высотѣ тона очень затруднительны и потому вопросъ этотъ еще не рѣшенъ безспорно. Напр. высота u по Меркелю есть d–dis, по Helmholtz'у — f, по другимъ c, c (см. Merkel s. 47–59); но въ общемъ всѣ согласны.

тымъ, что менѣе расчленены и слѣд. легче произносятся и имѣютъ музыкальный тонъ (меньшая расчлененность есть слѣдствіе того, что активные и пассивные органы рта вовсе не соприкасаются и даютъ воздуху вполнѣ свободный проходъ, а музыкальность происходитъ, какъ сказано, отъ того, что при произношеніи ихъ сильно и періодически сотрясаются или вибрируются гортанныя связки). Гласные звуки могутъ быть произнесены коротко и протяжно. Нормальный долгій звукъ = 2 короткимъ, но можетъ быть болѣе или менѣе сокращенъ и удлиненъ (О внутреннемъ, символичномъ значеніи звуковъ см. §§ 2 и 3).

Самый глухой (темный, низкій) звукъ — u, самый звонкій (ясный, высокій) — i; они составляютъ переходъ къ согласнымъ v и j. Самый чистый, наиболѣе удаленный отъ согласныхъ звукъ есть a. Это три основные звука арійскаго языка. Средину между a и u занимаетъ o, а между a и i — e (+).

1) Губное u образуется, когда губы сужены и округлены, а передняя часть языка прижата къ низу. 2) Если губы нѣсколько болѣе раскрыты, а конецъ языка нѣсколько выше, чѣмъ при u, то является o. — 3) Ротъ вполнѣ раскрытъ, а языкъ въ естественномъ положеніи — гортанное a. — 4) Ротъ менѣе раскрытъ, задняя часть языка приподымается, а larynx нѣсколько выдается — e. 5) Середина языка высоко горбомъ подымается къ нёбу, а губы образуютъ длинную щель — нёбное i. — Эти пять звуковъ суть самые чистые гласные. Кромѣ нихъ есть множество менѣе опредѣленныхъ. Такъ между a и e находится ä, между o и e есть ö (франц. eu); между u и i помѣщаются ü (фрц. u, греч. υ, лат. y) и слав. y (ы) или ь (++).

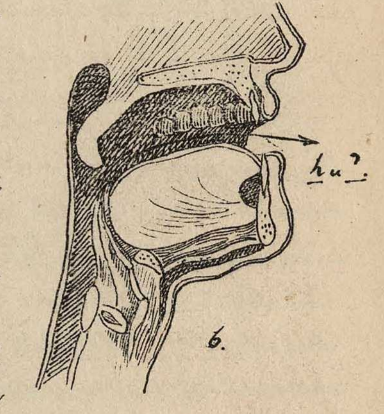
Дифѳонги (δίφθογγος двузвучный, двугласный отъ δι- или δις- въ сложныхъ = bis и φθόγγος — звукъ) происходятъ, если воздухъ былъ изгнанъ изъ легкихъ не въ два-

(+) Прилагаемые рисунки заимствованы изъ М. Мюллера (Vorles. II, 112—138), откуда обязательно согласился перерисовать ихъ Вас. Ал. Тренинъ.

(++) Славянскіе звуки — во избѣжаніе недоразумѣній — обозначаю также латинскими букв. (по чешск. обр.).

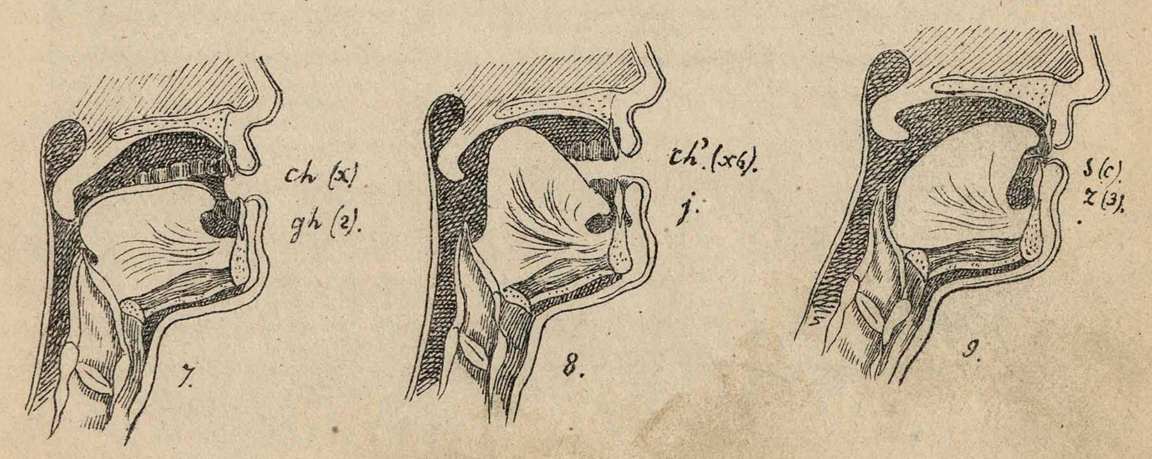
въ одинъ пріемъ для двухъ звуковъ, а органы рта изъ одного положенія быстро переходятъ въ другое, такъ что оба звука произносятся безъ перерыва, т. е. составляютъ одинъ слогъ, въ которомъ второй звукъ произносится лишь въ половину. Въ первой части диφоонга находятся (обыкновенно) болѣе сильные звуки, а во второй — болѣе слабые; напр. ae, ei, ou и пр. (самый лучшій диφоонгъ есть ai, ибо состоитъ изъ соединенія самаго сильнаго съ самымъ слабымъ звукомъ).

Согласные звуки болѣе расчленены и слѣд. болѣе опредѣленны чѣмъ гласные (потому что при образованіи ихъ органы рта дѣятельнѣе участвуютъ) и не имѣютъ музыкальнаго тона. Они суть ничто иное какъ шумъ, производимый усиленнымъ дыханіемъ при прохожденіи черезъ гортань, ротъ и носъ. Шумъ этотъ можетъ получить большую или меньшую звучность отъ сотрясенія стѣнокъ рта и носа, нѣкоторой вибраціи гортанныхъ связокъ и пр. Это усиленное дыханіе есть источникъ всѣхъ звуковъ. Оно можетъ произойти или при широко-раскрытой гортанной щели; такъ что гортанныя связки бываютъ ослаблены и не колеблятся; или при суженной щели, когда гортанныя связки нѣсколько дрожатъ. Въ первомъ случаѣ выходитъ h или (c) spīritus asper (выпущена болѣе значительная, но менѣе звучная масса), во второмъ — ʼ spīritus lēnis (менѣе широкая но болѣе звучная струя). Первое даетъ начало твердымъ (глухимъ) согласнымъ, второе — мягкимъ (звучнымъ). — Мягкіе могутъ произнесены только вслухъ; если ихъ произносить шепотомъ (напр. д, б), то выходятъ твердые (т, п).

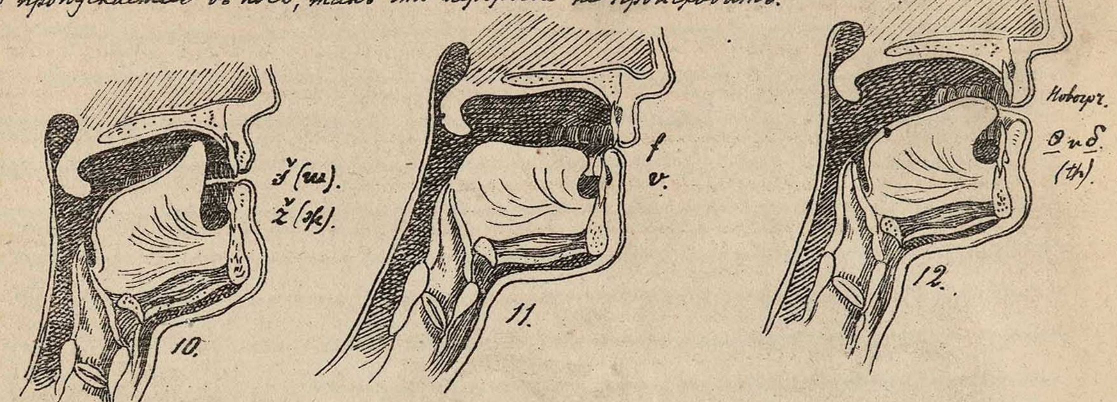

Sēmivōcālēs (continuae) отличаются отъ mūtae (explosīvae) тѣмъ, что могутъ быть произносимы долгое время, тогда какъ mūtae не могутъ быть произнесены долѣе одного мгновенія. Это различіе происходитъ отъ того, что при произношеніи первыхъ вышедшая изъ легкихъ струя воздуха встрѣчаетъ во рту только затрудненія къ проходу (но не перерывъ), а при образованіи вторыхъ — рѣшительный перерывъ на мгновеніе, вслѣдствіе полнаго соприкосновенія тѣхъ органовъ рта, которыми образуются. Mūtae суть наиболѣе расчлененные звуки, а sēmivōcālēs занимаютъ середину между mūtae и vōcālēs.

Spīrantēs суть не что иное, какъ усиленное дыханіе (h или spīr. lēnis), прираженное къ различнымъ частямъ рта, но такъ, что всегда остается щель для

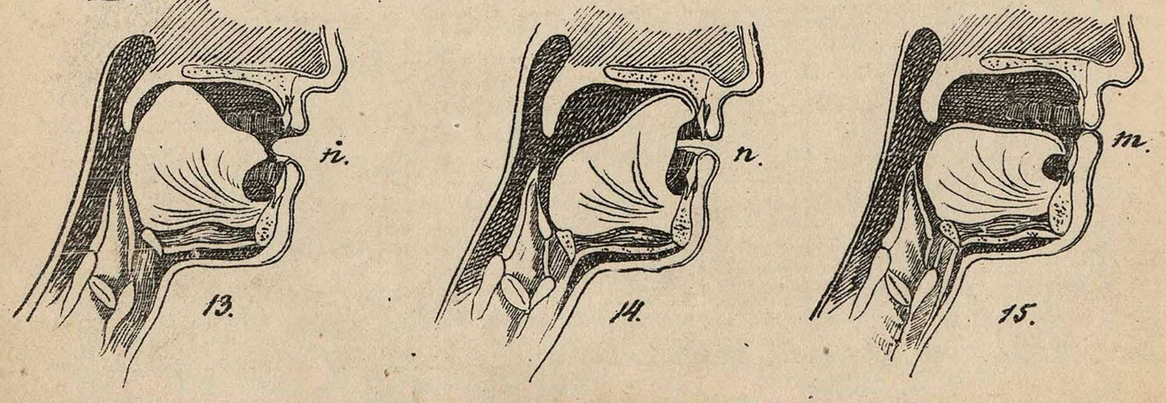
для дальнѣйшаго прохода его. При liquidae выдыхаемый воздухъ задерживается концомъ языка, но находитъ себѣ выходъ по бокамъ его, а при nāsālēs звуковая струя хотя и задерживается во рту (полнымъ соприкосновеніемъ органовъ), но за то пропускается въ носъ, такъ что перерыва не происходитъ.

<u>Spīrāntēs</u> бываютъ глухія (твердые) и звучные (мягкіе): 1) <u>gutturālēs</u>: <u>h</u> и <u>ʾ</u> (spīr. lēn.) образуются въ самой гортани (ʾ слышно предъ каждымъ гласнымъ звукомъ, не имѣющимъ передъ собою другаго согласнаго); далѣе — если при проходѣ этой звуковой струи (<u>h</u> или <u>spīr. lēn.</u>) въ ротъ задняя часть языка приподымается къ язычку (и, следов., стѣсняетъ проходъ), то являются (вм. <u>h</u>) твердое <u>ch</u> (а<u>х</u>ъ) и (вм. ʾ) мягкое <u>gh</u> (ко<u>г</u>да); — 2) <u>pālātālēs</u> — если середина языка высоко подымается къ мѣсту соединенія мягкаго нёба съ твердымъ: <u>ch</u> (<u>х</u>ь, нѣм. i<u>ch</u>) и <u>j</u> (<u>j</u>ungo, <u>я</u> = <u>ja</u>; ch : j = h : ʾ); 3) <u>dentālēs</u> — языкъ стѣсняетъ струю звуковую около верхнихъ зубовъ, въ узкой щели: <u>s</u> и <u>z</u> (<u>с</u>ело, <u>з</u>ерно; s : z = h : spīr. lēn. и т. д.); 4) <u>linguālēs</u> — языкъ изогнуто концомъ своимъ приближается къ твердому нёбу (близъ основанія зубовъ): <u>š</u> (ш) и <u>ž</u> (ж, наприм. <u>ш</u>ить, <u>ж</u>ить); 5) <u>labiālēs</u> — нижняя губа сближается съ верхними зубами: <u>f</u> и <u>v</u> (<u>ф</u>осфоръ, <u>в</u>ода). Кромѣ этихъ есть средніе звуки; такъ новогреч. <u>θ</u> и <u>δ</u>, англ. <u>th</u> (которое иногда произносится твердо, какъ <u>θ</u>, а иногда мягко, какъ <u>δ</u>) суть средніе между зубными нѣмыми и зубными придыханіями (spīrāntēs), т. е. между <u>t</u> и <u>s</u> и между <u>d</u> и <u>z</u>; а также слав. <u>c</u> (<u>ц</u>, нѣм. <u>z</u>) и <u>dz</u> (итал. <u>z</u>); далѣе <u>č</u> (<u>ч</u>) и <u>ǧ</u> (<u>ч</u>ервь, итал. giorno) суть средніе между зубными нѣмыми и придыханіями язычными (между <u>t</u> и <u>š</u> и между <u>d</u> и <u>ž</u>) и пр.

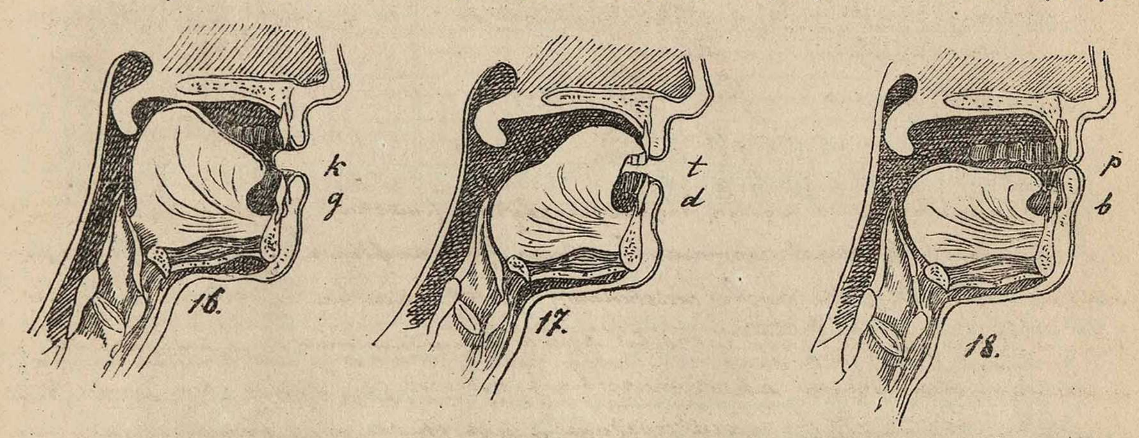
<u>Liquidae</u> суть linguālēs <u>r</u> и <u>l</u>; первое — образуется вслѣдствіе дрожанія конца языка, загнувшагося къ верхнимъ зубамъ, а второе — вслѣдствіе колебанія краевъ его; здѣсь спереди проходъ воздуху преграждается, но онъ находитъ его по бокамъ языка (этихъ звуковъ есть разные виды).

<u>Nāsālēs</u> — гортанное <u>ṅ</u>, зубное <u>n</u> и губное <u>m</u> (a<u>ṅ</u>cora, <u>n</u>ōme<u>n</u>, <u>m</u>are) происходятъ, если

при образованіи g, d и b пропустимъ, во время соприкосновенія тѣхъ органовъ, которыми они образуются, воздухъ не черезъ ротъ, а въ носъ, такъ что струя воздуха не испытываетъ перерыва (т. е. въ то время какъ, напр. для b сомкнутыя губы и прекращаютъ выходъ воздуху, этотъ возвращается назадъ въ глубину рта, язычекъ же опускается къ языку и пропускаетъ воздухъ через глотку въ носъ).

Mūtae или explōsīvae возникаютъ, если образующіе органы (языкъ и нёбо и пр.) раннимъ соприкосновеніемъ прервутъ на мгновеніе струю воздуха; въ тотъ моментъ, какъ эти органы опять расходятся, воздухъ съ силою врывается и мы слышимъ k, t, p и пр. Они, какъ и spīrantēs, бываютъ твердые (гортанная щель расширена) и мягкіе (щель съужена).

1) guttturālēs: k (глухое, tenuis) и g (звучащее, media). — задняя часть языка подымается вплоть до мягкаго нёба, но тотчасъ же и опускается; 2) dentālēs — t и d: конецъ языка упирается въ зубы, потомъ отскакиваетъ, и 3) labiālēs p и b: губы послѣ полнаго сомкнутія расходятся и пропускаютъ задержанную струю.

Aspīrātae суть mūtae, сопровождаемые сильнымъ дыханіемъ (h): kh, gh; th, dh; ph, bh.

Примѣч. 1. Если при произношеніи каждаго изъ согласныхъ звуковъ приподнять среднюю или заднюю часть языка къ нёбу, то этотъ согласный звукъ сдѣлается отчасти нёбнымъ или, какъ говорятъ, смягчится; напр. t' (кость, утюгъ = утьугъ или утʼугъ, тётя = тʼотʼа), d' (гвоздь), s' (рысь), n' (конь), m' (мясо = мʼасо или мьасо, семь), b' (звѣзь), p' (цѣпь), r' (рябой = рʼабой) и пр. Во всѣхъ такихъ случаяхъ несогласно съ выговоромъ употребленіе въ письмѣ я, ю и т. п. (которыя = ja, ju или jy и пр.), ибо въ тѣхъ словахъ нѣтъ j, а есть только утонченіе или нёбное смягченіе согласныхъ. Въ большей части языковъ такое смягченіе мало распространено.

Примѣч. 2. Главные звуки арійскихъ языковъ представляются въ слѣдующей таблицѣ (тѣ изъ нихъ, которые есть въ русскомъ языкѣ, подчеркнуты, а звуки латинскаго языка представлены въ особой таблицѣ (см. стр. 30), такъ что удобно сравненіе этихъ языковъ и между собою и видно, чего у нихъ нѣтъ изъ полной системы звуковъ. Кромѣ того въ русск. яз. многіе согласные смягчаются. — Пр. 1).

	Cōnsonantēs								Vōcālēs	
	Mūtae s. explōsīvae			Continuae s. sēmivōcālēs						Diphthongī
				Spīrantēs			Liquidae	Nāsālēs		
	tenues	mediae	aspīrātae	твердые	мягкіе	сложные				
Gutturālēs	k	g	kh gh	ch (h)	gh (ʼ)			ṅ	a ā } ă, e, ē	ai, ae, ao, au (ōi)
Palatālēs			ch'	j					i ī	ei, eu.
Linguālēs			š	ž	č ǧ (ит.)		r, l (l, l')		o, ō } ö	ii, (iu). oi, oe, ou
Dentālēs	t	d	th dh	s	z	c (лат.), z (ит.); θ и δ (новогр.)		n	ü, ǖ (лат. y) } y (=ы)	üi, yi. ui
Labiālēs	p	b	ph bh	f	v			m	u ū	(öi, öu).

Кромѣ исчисленныхъ есть много другихъ звуковъ въ разныхъ языкахъ, но большею частью они суть видоизмѣненія изложенныхъ. Вообще можно сказать, что звуковъ есть безчисленное множество, такъ какъ одни и тѣже звуки произносятся каждымъ народомъ и даже каждымъ человѣкомъ съ различными возможными измѣненіями и оттѣнками.

§13. Звуки и буквы латинскаго языка(+).

Систему звуковъ латинскаго языка представляетъ слѣдующая таблица:

	Cōnsonantēs.						Vōcālēs	
	Explōsīvae s. mūtae.			Continuae s. sēmivōcālēs.				
	tenuēs.	mediae.	aspīrātae.	spīrantēs.	liquidae.	nāsālēs.	brevēs et longae.	diphthongī.
Gutturālēs.	k (c, q)	g	(ch = греч. χ)	h ʾ		ṅ	a ā } e, ē, ǟ	ai, ae, au.
Palātālēs.				j			i ī }	ei, eu.
Linguālēs.					r, l (ṛ, ḷ)		o ō } ö	oi, oe, ou.
Dentālēs.	t	d	(th = греч. θ).	s, мягкое s (з).		n.	(y. ȳ) } + (ы)	(yi)
Labiālēs.	p	b	(ph = греч. φ)	f v		m.	u ū	ui.

Примѣчанія: 1) Въ таблицу звуковъ не включены x и z, потому что каждая изъ этихъ буквъ означаетъ два звука, отдѣльно показанные въ таблицѣ (x = ks, а z = дз). Въ самое позднее время стало x звучать какъ ss и s (отсюда — ит. massimo = maximus), а z (употреблявшееся только въ греч. словахъ) какъ з (такъ и у Грековъ въ позднѣйшее время).

2) Aspīrātae и y и yi употребляются почти только въ греческихъ словахъ и потому помѣщены въ скобкахъ (въ лат. яз. почти только pulcher, brachium, но первое правильнѣе писать pulcer, а второе возникло, вѣроятно, подъ вліяніемъ греч. βραχίων; вмѣсто inchoāre должно говорить и писать incohāre). И такъ aspīrātae не были любимы Римлянами. Въ позднѣйшемъ греч. яз. (какъ и теперь у Грековъ) aspīrātae превратились въ соотвѣтственные spīrantēs.

3) Сравненіе таблицъ показываетъ, что изъ звуковъ русскаго языка нѣтъ въ лат. языкѣ, главнымъ образомъ, шипящихъ и смягченныхъ согласныхъ, а изъ латинскихъ звуковъ нѣтъ въ русскомъ, въ особенности, долгихъ и большей части дифтонговъ.

4) Въ настоящее время латинская азбука состоитъ изъ 25 буквъ. Но первоначально Римляне заимствовали изъ 24 буквъ кумско-дорійскаго алфавита (см. стр. 13) только 21, т. е. исключили какъ ненужныя для нихъ Θ, Φ и X (см. табл.); скоро по той же причинѣ покинули и Z, такъ что осталось только 20 буквъ [a, b, c (= русск. г), d, e, f, h, i, k, l, m, n, o, p, q, r, s, t, u, x]; лишь во 2ой половинѣ 3 в. до Р. Х. было изобрѣтено (Сп. Карвиліемъ) g, (см. прим. 5), потомъ въ началѣ 1го в. до Р. Х. возстановлено z и введено y, такъ что явилось 23 буквы. — i и j равно какъ u и v обозначались одною буквою (I и V), такъ что различали гласное и согласное I и V (для послѣдняго импер. Клавдій пытался ввести знакъ Ⅎ, но безуспѣшно, такъ же какъ не посчастливилось и двумъ другимъ его буквамъ).

5) Первоначально буква C (‹, ‹ изъ греч. Γ) служила для означенія звука г, а K — для звука k. Но позднѣе (т. е. уже въ 5 в. до Р. Х.) Римляне такъ слабо чувствовали различіе между этими звуками (подобно теперешнимъ Саксонцамъ), что C стало употребляться для того и другого (ср. стр. 17, 22 и 23), а K осталось какъ бы окаменѣлымъ лишь въ очень немногихъ словахъ (преимущ. предъ a: Kalendae, Kaeso). — Когда же (подъ вліяніемъ греч. языка, см. стр. 18 и выше Прим. 4) возстановилось различеніе ихъ ~~то была изобрѣтена~~ буква G (т. е. прибавили только къ C черточку) для передачи звука г, а C стало всегда означать только звукъ k. — Но ка

(+) См. Corssen, Ausspr. etc. I, 1–346; L. Meyer Vgl. gramm. I, 27–143; Baudry, Gramm. comp. I, 73–82; Schleicher, Comp. 79 f., Heyse, System 267–285. — О римской азбукѣ см. стр. 13 этихъ „Записокъ" и выноску, гдѣ указаны важнѣйшія сочиненія, къ которымъ можно прибавить Mommsen'a Römische Gesch. (4 Aufl.) I, 214–222. — О правописаніи см. W. Brambach, Die Neugestaltung der lat. Orthographie. Lpz. 1868. — Когда идетъ рѣчь о звукахъ, то должно себѣ всегда припоминать изложенные способы образованія ихъ.

лебаніе [въ выговоръ] продолжалось и позднѣе, что можно видѣть, напримѣръ, изъ vīcēsimus и vīgēsimus, neg-ōtium вм. nec-ōtium.– Подобнымъ же образомъ нечетко различались t и d (оттого mentīri и mendax), особенно въ окончаніи словъ (aput и apud) и p и b (потому populus и pūblicus.–

6) c всегда, т.е. и передъ e и i произносилось какъ k. Только въ 1мъ в. по Р.Х. ci, а также ti, а еще позднѣе и di и gi (сначала въ простонародьи) начали ослабѣвать передъ слѣдующимъ гласнымъ звукомъ, т.е. c стало переходить въ ч (č) и ц, t въ ц, d въ дз, g въ дж (ǧ). Но окончательно это совершилось значительно позднѣе (здѣсь i превращалось въ j, которое отличается способностью разрушать звуки; также и само оно стало переходить въ дж и ж).

7) Въ 3мъ стол. по Р.Х. b стало произноситься по мѣстамъ какъ v, т.е. muta, ослабѣвъ, начала переходить въ spirans (отсюда итал. lavoro и пр.) Это же произошло и въ греч. языкѣ, но гораздо раньше.

8) h часто не произносилось, напр. herus и erus, humerus и umerus, nihil и nīl.

9) n имѣло гортанный звукъ передъ гортанными звуками: ancora, angelus и т.д. (въ греческомъ письмѣ оно изображалось въ подобныхъ случаяхъ черезъ γ т.е. g, напр. ἄγκυρα, ἄγγελος). Предъ s и въ окончаніяхъ словъ (иногда и въ другихъ случаяхъ) n получало слабый носовой тонъ (подобный слав. юсамъ, франц. n въ on), а оттого и совсѣмъ исчезало: quotiēs и quotiens, sermō вм. sermon.

10) m въ окончаніи словъ также имѣло еще болѣе слабый, глухой, носовой звукъ и потому предъ гласною слѣдующаго слова совсѣмъ не произносилось; также и въ сложеніяхъ, напр. coorior вм. com-orior и пр.

11) l было твердымъ въ окончаніяхъ слоговъ и послѣ согласныхъ: sōl, silva, clārus; среднимъ – въ другихъ случаяхъ: legō, lātus, fidēlis и пр.; мягкимъ – второе изъ ll: ille, millia (а потому и просто mīlia), villa, Metellus.

12) Иногда и s въ окончаніи словъ не произносилось, напр. laterāli', nuntiu(s) и пр. Это преимущественно въ [болѣе] древнемъ языкѣ, а позднѣе – въ простонародьи.

Гласные. 13) Первобытные гласные звуки суть a, i, u. Прочіе произошли отъ смѣшенія, ослабленія и усиленія этихъ. Знакъ ⊦ изобрѣтенъ импер. Клавдіемъ (41–54), предписавшимъ употреблять его (вмѣстѣ съ 2 другими новыми буквами (Ⅎ = v и Ↄ = ps = ψ греч.) въ офиціальныхъ документахъ. Эта буква должна была передавать звукъ подобный нашему ы. Въ болѣе древнее время Римляне означали его посредствомъ u, потомъ (со времени Цезаря) черезъ i (иногда черезъ y). Этотъ не вполнѣ чистый звукъ встрѣчался преимущественно передъ губными.– Были и другіе нечистые, неопредѣленные гласные звуки; таковы ō изъ дифтонга oe (утвердилось въ 1мъ в. до Р.Х.), ē и потомъ прямо e — изъ дифтонга ae (окончательно и повсемѣстно распространилось такое произношеніе его въ 3мъ в. по Р.Х. (Въ греч. яз. ai также перешло въ ä и e, а oi въ i). Также былъ средній звукъ между e и i, который изображался то черезъ e, то черезъ i, то черезъ ei (напр. heic, hic, hec).

14) Долгіе звуки – ā, ē, ō, ū – иногда изображались удвоеніемъ буквы, напр. paacem, ree, juus, или знакомъ надъ ними (apex ′ или ˉ и пр.): cásus, lēx, sōlus, jūs и пр.; а долгое i – черезъ ei или удлиненіемъ буквы: initeī (= īti), hīc.

15) Въ классич. періодъ литературы сохранились только дифтонги au, ae, oe; остальные же или совсѣмъ исчезли (т.е. превратились въ долгіе гласные звуки или въ дифтонги ae и oe), или же сохранялись только въ немногихъ случаяхъ. Такъ eu въ neuter, neutiquam, neu, seu, ceu, heu, ehea и въ греч. словахъ; ui – иногда въ cui, huic. Въ позднѣйшее время оставался только одинъ дифтонгъ au, да и тотъ не всегда (Въ новогреч. также почти нѣтъ дифтонговъ). Въ русскомъ есть почти только такіе, въ которыхъ 2й звукъ есть i: ай, эй, ой, уй и рѣдко (хотя въ письмѣ часто) ій ый

§ 14. Слоги (+).

Для произнесенія гласнаго звука необходимо дыханіе; оно предшествуетъ ему и слѣдуетъ за нимъ или слабо, напр. ἀ' или сильно hah (также ἀh и hἀ). Но spiritus есть начало согласныхъ звуковъ: онъ можетъ подвергнуться во рту модификаціямъ или расчлененію и тогда является опредѣленный согласный звукъ, который, слѣд., будетъ произнесенъ въ одинъ пріемъ съ гласнымъ (подобно дифтонгамъ, см. стр. 26 сл.), напр. ἀβ, βά, ῥάβ. Словомъ, каждый гласный звукъ начинается и сопровождается согласнымъ, произносимымъ безъ перерыва. Онъ вмѣстѣ съ нимъ образуетъ звуковое единство, которое называется слогомъ. Но spir. lenis такъ мало слышенъ, что его обыкнов. не считаютъ за особый звукъ и на письмѣ не изображаютъ, а потому можно сказать, что слогъ можетъ состоять изъ одного гласнаго звука или дифтонга [почему не болѣе?] вмѣстѣ съ однимъ или нѣсколькими согласными, произнесенными въ одинъ пріемъ, безъ перерыва, такъ что образуется или цѣлое слово или рѣзко-опредѣленный отдѣлъ слова. При произношеніи слога, состоящаго изъ нѣсколькихъ звуковъ, выпускается однимъ духомъ достаточный по количеству и напряженности запасъ воздуха для всѣхъ звуковъ слога, а органы рта должны непрерывно, быстро и энергически принимать самыя разнообразныя положенія. Отсюда слѣдуетъ: 1) что слогъ не можетъ заключать слишкомъ большаго числа согласныхъ звуковъ и 2) что звуки его не должны находиться между собою въ слишкомъ большомъ разладѣ по своей натурѣ. Иначе произнесеніе было бы весьма затруднительно; впрочемъ, каждый народъ въ различной степени способенъ переносить эти трудности. Слогъ, состоящій изъ согласнаго съ гласнымъ называется открытымъ (напр. βα), а изъ гласнаго съ согласнымъ — закрытымъ: ab. Во многосложныхъ словахъ согласный звукъ, находящійся между 2 гласными, причисляется обыкновенно ко второму слогу, хотя бы по происхожденію принадлежалъ къ одному корню съ первымъ гласнымъ звукомъ, напр. a-mo (кор. am). Исключеніе составляютъ составныя слова, напр. ab-eo и т. п. — Если будутъ рядомъ два одинаковыхъ согласныхъ звука, то они распредѣляются между двумя слогами, напр. sa-git-ta. — Если внутри слова будетъ нѣсколько различныхъ согласныхъ, то въ греч. и лат. языкахъ обыкновенно всѣ тѣ соединенія согласныхъ, которыя допускаются въ началѣ словъ (см. ниже „О согласныхъ“) относятся ко второму слогу, напр. di-sco (ср. scamnum), re-gnum (gnā-tus), ca-strum (struō), но ar-bor, mon-tes (а не a-rbor, mo-ntes, ибо сочетанія въ родѣ rb и nt въ началѣ словъ, какъ будетъ показано ниже, не допускаются).

Слоги латинскаго языка раздѣляются на короткіе и долгіе. Нормальный долгій слогъ (какъ и долгій звукъ) = 2 короткимъ; но такое точное, правильное отношеніе есть только въ поэзіи (да и тамъ не всегда, см. Метрику, стр. 10 и 11), ибо тамъ оно необходимо для ритма; въ прозѣ же можетъ быть безконечное разнообразіе.

(+) См. Merkel, l. c. 304–330; Heyse 297 ff., 326 ff.; Baudry Gramm. comp. 9–13; Corssen, Ausspr. II, 613–669; Westphal, Metrik, II, 66–96. — Zumpt, Lat. gramm. 10 aufl. Berl. 1850, s. 12 ff.

Время потребное для произнесенія обыкнов. короткаго слога и звука принимается за единицу и называется морою (mora). Слоги какъ и звуки могутъ быть ирраціонально-долгими (т. е. короче 2 моръ) и иррац.-короткими (менѣе одной моры) Ср. §16.- Знакъ долготы есть ¯, краткости ˘, напр. ă-mā-rĕ. Извѣстная продолжительность слога (его долгота или краткость назыв. количествомъ (quantitas).

Слогъ бываетъ долог҃ъ (syllaba longa) по двумъ причинамъ: 1) по природѣ, nātūrā, если въ немъ гласный звукъ долог҃ъ: amāre, amāns, lēx, lēgis; 2) по положенію, positiōne, если за гласнымъ звукомъ, хотя бы и короткимъ, непосредственно слѣдуютъ два или болѣе согласныхъ звуковъ (все равно - тогоже или слѣдующаго слова): lĕctum (хотя lĕgō), nĕx (но nĕcis), ut nōn (хотя отдѣльно ŭt; Nēmo adeō ferus est, ut nōn mītescere possit. Hor. Ep. I, 1. 39), bonus vir (хотя bonŭs), magnā struēs (отд. magnă).- Въ первомъ случаѣ гласный звукъ произносится протяжно, во второмъ - коротко, но слогъ все таки выходилъ долгимъ, т. е. требовалъ столько же времени, сколько слогъ съ долгимъ гласнымъ звукомъ.

Прим. Причина позиціонной долготы заключается отчасти въ томъ, что произношеніе каждаго согласного звука требуетъ нѣсколько, хотя и очень мало, времени, но главн. образ., по всей вѣроятности, въ томъ, что Греки и Римляне затрудняли(сь) при произношеніи нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ сряду, такъ что послѣ каждаго изъ нихъ былъ маленькій перерывъ. Самую полную позицію образуютъ согласные нѣмые.- Если же въ слогѣ долгій гласный звукъ сопровождается нѣсколькими согласными, то говорящій, при произношеніи долгаго звука, собиралъ столько силъ, что могъ произнести тѣ согласные безъ перерыва; потому то слогъ долгій nātūrā требуетъ столько же времени, сколько долгій positiōne; напр. lēx (ē), lūx (ū), stānt (ā) также двуморны какъ и nĕx (ĕ), nŭx (ŭ), dănt (ă); по природѣ звука различаются lū-strum лужа и lŭ-strum очистит. жертва (¹). Впрочемъ, въ слогахъ долгихъ по положенію не всегда можно знать, долог҃ъ ли въ немъ звукъ или коротокъ. [Почему?].

Изъ правила о позиціи есть слѣдующія исключенія:

1) v послѣ звука k не образуетъ положенія, напр. ă-qua; также r и отчасти l послѣ нѣмыхъ произносятся такъ удобно и легко, что слогъ съ короткимъ гласнымъ звукомъ остается короткимъ; но въ случаѣ нужды (собств. въ поэзіи) и здѣсь могло происходить удлиненіе слога. Отсюда правило: mūta cum liquidā образуютъ слабое положеніе, positiō dēbilis; напр. pătres, locŭples (но mātris, но māter). Нѣкоторые изъ такого рода слоговъ преимущественно встрѣчаются какъ долгіе, напр. nīgrī, pīgrī, rūbrī (nĭger, pĭger, rŭber), другіе - обыкнов. какъ короткіе: locŭples, arbĭtror, genĕtrīx. Интересны стихи: Et prīmō similis volŭcrī, mox vēra volūcris (Ov. M. 13, 607) и Nātum ante ōra pătris, pātrem quī obtruncat ad āram. (Verg. Aen. II, 663). Но предлоги ab и ob въ сложныхъ словахъ передъ r и l всегда становятся

(¹) Чтобы вполнѣ понять это, должно обратить вниманіе на то, что многія племена, напр. Китайцы, Гавайцы, совершенно не въ состояніи произнести нѣсколько согласныхъ звуковъ сряду и потому при заимствованіи иностр. словъ вставляютъ гласный звукъ послѣ каждаго согласнаго; напр. Китайцы вм. Christus говорятъ Килисету (M. Müller II, 177 f. и 158). Совершенную противоположность имъ представляемъ мы, произносящіе многія довольно жесткія стеченія согласныхъ, напр. взводъ, мечтамъ, пожитной; но и мы не могли бы, въ послѣднемъ словѣ нѣсколько переставивъ звуки, произнести безостановочно крт (корптой), т. е. передъ р слышны задержка и придыханіе, которое даже можетъ вокализоваться, т. е. можетъ возникнуть гласный звукъ для облегченія выговора. Такія вставки бывали и у Римлянъ, напр. у Плавта techina = τέχνη, drachuma = δραχμή (ср. §19. 3 а). Чехъ, говоря по франц., произноситъ почти ferançais, obejet, т. е. вставляетъ очень короткое e muet. - Греки и Римляне занимали въ этомъ отношеніи середину между нами и, напримѣръ, Китай-

долгими, напр. ăbluō, ŏbruō. – Въ греч. же словахъ нерѣдко m и n послѣ mutae не образуютъ положенія, напр. Dăphnē, Tĕcmēssa.

2) Открытый короткій слогъ въ концѣ слова передъ начальными двумя согласными слѣдующаго слова часто остается короткимъ (впрочемъ, такіе случаи избѣгаются поэтами); напр.: Saepĕ stilum vertas, iterum quae digna legi sint (scripturus) Hor. Sat. I, [illegible] (Но если два согласныхъ принадлежатъ различнымъ словамъ, то слогъ передъ ними будетъ всегда долгъ; напр.: Quī fit, Maecēnās, ut nēmō, quam sibi sortem (Hor. Sat. I, 1. 1), хотя fit, ut, quam).

3) Вообще Римляне были гораздо менѣе Грековъ чувствительны къ согласной позиціи (т.е. менѣе затруднялись въ произношеніи нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ сряду). Потому у древнихъ комиковъ, придерживавшихся обычн. разговорнаго языка часто употребляются какъ короткіе такіе слоги, которые въ болѣе отдѣланномъ языкѣ всегда долги; напр. встрѣчаются ĭlle, ĭste, ăbdūce, ĭnde, habĕnt, ŏrnātus (но также и ille и пр.). Возстановлено значеніе согласной позиціи въ литературѣ Энніемъ (см. стр. 18), а усовершенствовали его дѣло поэты августова времени (по греч. образцамъ). Но въ живомъ языкѣ народа она болѣе и болѣе слабѣла; такъ что въ 3 в. по Р.Х. и образованные люди въ своей рѣчи еле почти не соблюдали (напр. встрѣчаются cūrĭăm renovāre, ĭnjūria, dĭgnitās и пр.).

§15. Интонація (+).

1. Каждый гласный звукъ, а слѣд. и слогъ произносится съ извѣстною силою (напряженіемъ, crassitūdo), съ извѣстнымъ тономъ (музык. высотою, altitūdo) и съ извѣстною продолжительностью (longitūdo или quantitās; о ней см. §§14–16). (О всемъ этомъ см. стр. 24–25). – Но въ каждомъ словѣ, взятомъ отдѣльно, мы произносимъ одинъ слогъ съ бо́льшею силою или удареніемъ (т.е. съ большею ~~массою~~ массою воздуха и съ болѣе энергич. дѣйствіемъ дыхат. органовъ); такой слогъ назыв. сильнымъ, а прочіе слабыми (¹). Мысль наша сообщаетъ ему наиболѣе энергіи и чрезъ то какъ бы господство надъ цѣлымъ словомъ; къ этому сильному слогу примыкаютъ и ему какъ бы подчиняются прочіе, болѣе слабые, слоги того же слова. Итакъ, удареніемъ обусловливается единство и самостоятельность слова. Обозначимъ его точкою надъ звукомъ [какъ въ музыкѣ (˙) или (^) надъ нотою; обыкнов., но не точно, обозначаютъ его (´)]; напр. дёрево, карти́на, человѣкъ. Оно должно быть болѣе сильно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ есть долгіе звуки безъ ударенія.

цами, т.е. они гораздо болѣе чѣмъ мы чувствовали жесткость стеченія согласныхъ, а потому не имѣли такихъ трудныхъ сочетаній какія есть у насъ и произносили даже употребительныя у нихъ сочетанія съ по ½ т. задержкою, такъ что слогъ выходилъ двуморнымъ; но были свободны и отъ слабости, которая свойственна Китайцамъ и нѣкоторымъ другимъ племенамъ. [До сихъ поръ только Baudry (l.c. p.12) понялъ суть этого дѣла, но и онъ не все пояснилъ, напр. почему lēx не будетъ длиннѣе чѣмъ nēx; начатки вѣрнаго пониманія можно видѣть и у Heyse, s. 327 f. Совершенно неудовлетворительны объясненія Корссена (II, 614 f. и 618) и Вестфаля (II, 72 ff.), хотя они, повидимому, опираются на древнихъ грамматиковъ. Если каждый согласный звукъ требуетъ для себя по своей натурѣ ½ моры, то почему же онъ въ новыхъ языкахъ этого не требуетъ, и даже, на оборотъ, мы встрѣчаемъ въ нѣм. яз. Nāse, но năsse и т.п.? 2) какимъ образомъ сохраняется ритмъ поэзіи, если на мѣстѣ 2-морнаго слога являются слоги въ 3 и 4 моры? – Въ дальнѣйшія подробности входить здѣсь не мѣсто.]

(+) Этотъ § вмѣсто Кюн.-Косс. 3 изд. стр. 5–6. При примѣч. у Кюнера, особ. въ перев. Коссов., не вѣрны. – См. Korssen Ausspr. II, 794–1000, его же Krit. beitr. 568–586; Baudry Gr. comp. I, 14–30; Heyse 328–337; Schmidt Leitfaden 1–18; Westphal Metrik II, 20–26; Гумбольдтъ l. c. 516 въ Ж. М. Н. Пр. C, 317–321. – Kühner Ausf. gr. gr. I, 250 ff.; Curtius gr. gr. 26–31; Merkel 330–397 и особ. 412–428 (текстъ съ ошибками, но полезны).

Усиливался и обыкнов. вмѣстѣ съ тѣмъ повышался первонач. тотъ слогъ, которому говорящій придавалъ наиболѣе значенія, т.е. или коренной, — такъ какъ въ немъ заключается основное понятіе слова — или слогъ одного изъ аффиксовъ, точнѣе опредѣляющихъ широкое значеніе корня. Позднѣе, когда значеніе составныхъ частей слова стало менѣе чувствоваться, повышеніе ослабѣло и пришло въ бо́льшую или меньшую зависимость отъ эвфоническихъ условій. Такъ оно имѣетъ наклонность соединяться съ долгими слогами и обыкнов. не бываетъ слишкомъ далеко отъ конца, особенно если конечные слоги долги (ибо ему трудно было бы удержать свою силу и власть надъ слишкомъ тяжелою массою звуковъ на концѣ). Потому въ лат. и греч. языкахъ удареніе бываетъ не далѣе 3го слога отъ конца и еще болѣе стѣсняется количествомъ предпослѣдняго слога въ лат. яз. и послѣдняго — въ греч.(1). Если два слова соединяются въ одно, то оба могутъ сохранять свое удареніе; но въ одномъ изъ нихъ оно ослабѣваетъ, а другое, именно болѣе значительное (обыкнов. второе) удерживаетъ свою силу и чрезъ то является господствующимъ надъ цѣлымъ сложнымъ словомъ и даетъ ему единство; напр. чистописаніе.

Прим. Отъ слогового ударенія должно отличать реторическое удареніе, т.е. усиленіе голоса надъ тѣмъ словомъ предложенія, которому говорящій придаетъ наиболѣе значенія и которое является какъ бы центромъ предложенія (Я сказалъ это; я сказа́лъ это; я э̊то сказалъ). Въ стройно-составленномъ періодѣ каждое предложеніе объединяется и отличается отъ прочихъ своимъ удареніемъ.

Въ предложеніи многія слова теряютъ свое удареніе и примыкаютъ къ болѣе значительному [все слабое стушевывается предъ сильнымъ], — или къ началу или къ концу его; напр. въ словахъ „Я говорю о немъ же" о и же произносятся безъ ударенія и составляютъ какъ бы одно слово съ „немъ". Примыкающія къ началу слова называются безтонными — ἄτονα, а къ концу — энклитиками — encliticae (т.е. vōcēs, ἐγκλιτικαί отъ κλίνω клоню и ἐν на, т.е. наклоняющимися къ другимъ словамъ). — Безтонно (точнѣе: слаботонно) въ лат. яз. употреблялись особенно часто предлоги, далѣе относительное и неопр. qui, отриц. ne и nē (но не при повел. накл.), nōn; напр. circum lītora, ab ōrīs, in castrīs, abhinc, adhūc, quotánnīs, nēquicquam, nefārius, nōnnēmō, nōnnihil. Но говорящій можетъ обратить на нихъ особенное вниманіе и тогда они произносятся съ повышеніемъ голоса, напр. círcum lītora. — Въ качествѣ энклитикъ употребляются также предлоги (mēcum), относ.-неопред. qui съ происшедшими отъ него нарѣчіями и союзами quam, cubī и пр. (sīquis, tánquam, sīcubī), глаголы vīs (quīvīs), libet (quīlibet), es, est, esse (которые потому даже утрачиваютъ свое e: vocitātast), въ особенности же слѣдующія частицы, всегда произносящіяся безъ собственнаго ударенія, т.е. никогда не употреблявшіяся самостоятельно, и потому по преимуществу называющіяся энклитиками: que, ve, вопр. ne, met, te, ce, pte, pse. Приставочныя слова могутъ срастись съ главнымъ въ одно слово (compositum), въ которомъ мѣсто ударенія опредѣляется по общимъ правиламъ; напр. ádmodum (вм. ad modum), prōcōnsul, quamóbrem, néfās, sīquándō и пр. (ср. русск. во́-время вм. во вре́мя), а потомъ могутъ и совершенно слиться, т.е. подвергнуться такимъ измѣненіямъ, что въ такомъ видѣ ...

(1) Въ скр. яз. удареніе можетъ быть на всякомъ слогѣ, даже иногда на 7мъ отъ конца, напр. ábubōdhiṣāmahi (мы хотѣли бы узнать, отъ корня budh знать), но и на послѣднемъ: babandhimá (мы связали); въ русскомъ яз. удареніе также не имѣетъ опредѣл. мѣста, но рѣдко бываетъ далѣе 3го или 4го слога отъ конца (напр. величественнѣйшая на 6мъ); въ нѣмецк. яз. удареніе весьма однообразно, но логично, ибо (за немногими исключеніями) на знаменат., т.е. на коренномъ слогѣ или на префиксѣ; во франц. яз. — на послѣднемъ; въ польск. — на предпосл. слогѣ.

не могли употребляться отдѣльно, напр. māvīs (изъ mage или magis vīs), īlicō (вм. in locō а это изъ in locō), sū-rgō (изъ sub-rĕgō, sub-rēgō). Съ теченіемъ времени чѣмъ однообразнѣе становилась интонація и чѣмъ болѣе слабѣлъ вокализмъ, тѣмъ болѣе происходили такія соединенія и слитія словъ. Во время имперіи это было гораздо чаще чѣмъ прежде (rēspūblica вм. rēs pūblica и пр.).

2) Въ новыхъ языкахъ интонація очень ослабѣла, сдѣлалась безцвѣтною: мы, какъ и другіе новые образованные народы, произносимъ обыкнов. всѣ слоги коротко и въ одномъ тонѣ, а одинъ изъ нихъ съ нѣсколько большею силою или удареніемъ. Однако въ рѣчи страстной, взволнованной выражаемъ чувства весьма различными тонами и съ гораздо болѣе сильнымъ удареніемъ, особ. въ восклицаніяхъ (напр. о! охъ! ахъ! ну! ужасно! славно! и пр.). Также въ простомъ народѣ она болѣе жива чѣмъ въ образованныхъ классахъ. Но въ раннемъ состояніи языка, при господствѣ въ народѣ чувства и фантазіи (стр. 7), интонація была несравненно разнообразнѣе и сильнѣе, ибо рѣчь была вообще страстно-поэтическою и звучною.

Рѣчь Грековъ и Римлянъ еще много сохраняла юношеской свѣжести въ хорошую свою пору. Слоги произносились различными тонами и нерѣдко различіе было очень велико; сильный слогъ былъ обыкнов. вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе высокимъ. Слѣд. греч.-римскій акцентъ былъ существенно различенъ отъ нашего ударенія: онъ означалъ не столько силу сколько музык. высоту тона (происходящую отъ числа колебаній); это выражается и самыми названіями – accentus (отъ ad и canō, т. е. припѣвъ), προσῳδία (тоже что ac-centus) или τόνος (собств. натянутость струнъ лиры, за тѣмъ тонъ; τείνω тяну) (1). Акцентъ (т. е. извѣстная высота) какъ и удареніе (т. е. извѣстная сила) необходимо принадлежатъ каждому слогу, но обыкн. употребляются эти слова въ значеніи главнаго акцента и ударенія (т. е. прочіе слоги не точно считаются какъ бы лишенными того и другого). Хотя обыкн. акцентъ соединяется съ усиленіемъ голоса (удареніемъ, иктомъ, ictus), но это не было необходимо (2); потому въ стихахъ акцентъ и иктъ часто бывали на различныхъ слогахъ (хотя большею частью совпадали), напр. Ármă vĭrúmquĕ cănṓ, Trōjáe quī prī́mŭs ăb ṓris (Verg. Aen. I, 1). Различными тонами или модуляціею выражались различные оттѣнки душевнаго настроенія. Вслѣдствіе долгихъ звуковъ, различныхъ акцентовъ и икта рѣчь Грековъ и Римлянъ, особ. поэтическая и ораторская, художественно обработанная и проникнутая извѣстнымъ ритмомъ (numerus) въ чередованіи звуковъ, была похожа на речитативъ оперъ. Но все чувственное, пластичное въ каждомъ языкѣ мало-по-малу исчезаетъ, рѣчь становится болѣе и болѣе отвлеченною. Такъ и въ лат. языкѣ въ 3 в. по Р.Х. количество, музык. акцентъ и икты ослабѣли и слились, такъ что осталось только слабое удареніе (3).

(1) Accentus est dictus ab accinendō, quod sit quasi quidam cujusque syllabae cantus. Apud Graecōs quoque ideō προσῳδία dicitur, quia προσᾴδεται ταῖς συλλαβαῖς. – Diom. II, 430 (ed. Keil). – Интерваллъ между высокими и низкими слогами могъ по Dion. Halик. (de compos. 11) простираться въ греч. яз. почти на цѣлую квинту. У Римлянъ разстояніе не могло быть много меньше. – Haec varietās, говоритъ Цицеронъ (de or. III, 61. 227), et hic per omnēs sonōs vōcis cursus et sē tuēbitur et actiōnī affert suāvitātem.

(2) По мнѣнію Шмидта (Leitf. d. Rhythmik u. Metr. S. 12 ff.) ударенія или икты падали первонач. на коренные слоги, потомъ преимущественно на долгіе, потомъ стали склоняться къ акцентовымъ слогамъ и наконецъ произошло полное совпаденіе высокихъ слоговъ съ сильными (Ср. Метр. § 4 и 5). Слогъ, на которомъ находится главный акцентъ слова (или просто акцентъ) наз. высокимъ, прочіе – низкими.

(3) Т. е. вмѣстѣ съ юношескою свѣжестью народа исчезла живая, сильная и звучная интонація, замѣнившись болѣе идеальн. удареніемъ, которое перешло и въ ром. языки (напр. dolōrem – douleur). – Тоже произошло и въ греч. яз.

Въ греч. и лат. языкахъ акценты или тоны раздѣляются на главные и побочные. — Въ словѣ можетъ быть только одинъ главный акцентъ (который и просто наз. акцентомъ); слово, потерявшее его, лишилось самостоятельности и приникнуло къ другимъ.

<u>Главные</u> акценты суть: 1) сильный, <u>острый</u>, высокій, accentus acūtus (summus tonus); знакъ его (´). Онъ означаетъ тоже, что въ музыкѣ положеніе ноты на верхней линіи. Съ этимъ тономъ могутъ произноситься какъ короткіе такъ и долгіе звуки (при извѣстныхъ условіяхъ); находится онъ не далѣе 3го слога отъ конца. Напр. régĕrĕ ( ), hómĭnēs ( ), nébŭlă ( ), ămátō ( ) и пр. — 2) <u>падающій</u> (облеченный), circumflexus, т. е. начинающійся высоко, но потомъ понижающійся — по самой натурѣ своей принадлежитъ только <u>долгимъ звукамъ</u> (не слогамъ) и бываетъ только на одномъ изъ двухъ послѣднихъ слоговъ; знакъ его (^). Этотъ тонъ подобенъ тому, съ какимъ мы произносимъ односложныя восклицанія удивленія, особ. смѣшанныя съ нѣкоторымъ презрѣніемъ; напр. тáкъ, rēx, rēgēm, mīrāenā и т. д.

<u>Примѣч.</u> Противоположный падающему и мало отличный отъ остраго есть акцентъ <u>повышающійся</u>, т. е. начинающійся низкимъ, но оканчивающійся высокимъ тономъ. Онъ изображается такимъ же знакомъ какъ и острый акцентъ, соотвѣтствуетъ вопросит. тону (напр. тáкъ? дá?) и можетъ быть, конечно, только на долгихъ звукахъ, напр. при стяженіи въ дифтонгъ такихъ двухъ звуковъ, изъ которыхъ <u>второй</u> до стяженія былъ съ акцентомъ; напр. deinceps (изъ de-ínceps), dēcutius и т. п. (Ср. въ греч. ἦν = ēāv, но ἦν = ēev. — О немъ мало свѣдѣній).

<u>Побочные</u> акценты бываютъ: 1) низкій, <u>тяжелый</u>, gravis (какъ бы опускающійся къ низу, какъ тяжелая вещь, и потому наз. gravis). Въ такомъ тонѣ произносятся всѣ неглавные слоги слова, обыкнов. называющіеся лишенными акцента; знакъ этого акцента (`); напр. hòmĭnès ( ); но обыкн. онъ не изображается, ибо и безъ того легко подразумѣвается. — 2) Нѣкоторые изъ этихъ побочныхъ слоговъ произносятся въ нѣсколько высшемъ тонѣ чѣмъ прочіе, который называется <u>среднимъ</u>, medius. Онъ слышенъ преимущ. въ первой части сложныхъ и производныхъ словъ, но не бываетъ на слогѣ сосѣднемъ главному слогу слова; напр. (обозначимъ его, для удобства, знакомъ ̀, а низкіе оставимъ безъ обозначенія) misericórdia, lòngitūdō, īracúndus (но perficiḗmus, а не pèrficiḗmus, ибо предлоги суть atona; incónditus а не ìncónditus (хотя <u>in</u> здѣсь значитъ <u>безъ-</u>, <u>не</u>) — ибо слоги соприкасаются).

3) Мѣсто главнаго акцента въ лат. яз. (и въ другихъ итал. нарѣчіяхъ) очень точно опредѣлено; оно находится почти въ полной зависимости отъ количества предпослѣдняго слога (1). <u>Общее правило</u>: Акцентъ (за немногими исключеніями) не бываетъ въ лат. языкѣ на послѣднемъ слогѣ [акцентъ на послѣднемъ слогѣ свидѣтельствуетъ о живости народа и языка, торопливо стремящихся къ концу и лишь тамъ выражающихся съ полною силою; но это несогласно со степеннымъ, неторопливымъ движеніемъ римской рѣчи]; въ 2-сложн. словахъ онъ обыкн. бываетъ на 1^мъ^ слогѣ; въ многосложн. — или на предпосл. слогѣ, если этотъ слогъ долгъ, — или на 3^мъ^ отъ конца, если предпослѣдній коротокъ, и именно такъ:

I. 1) Въ <u>односложныхъ</u> словахъ съ короткимъ гласнымъ <u>звукомъ</u> (хотя бы слогъ <u>по положенію</u> былъ долгъ) острый тонъ: rém, dúx (dŭcis), quá (nōmin.).

2) Въ односл. словахъ съ долгимъ гласнымъ <u>звукомъ</u> тонъ падающій; напр. rês, <u>lûx (lūcis), quâ (abl.)</u> и пр. кромѣ (отрицат.-повелит. <u>né</u> и утверд. <u>nē</u> (отриц. <u>nē</u> и <u>nē</u> и вопр. <u>nĕ</u> — безъ акцента)).

(1) Въ гр. яз. акцентъ въ зависимости отъ <u>послѣдн.</u> слога, но пользуется гораздо большею свободою: тамъ опредѣлено только, гдѣ онъ <u>не</u> долженъ быть, а въ лат. — гдѣ <u>долженъ</u> быть.

II. Въ двусложныхъ словахъ акцентъ предпослѣдняго слога бываетъ: 1) падающимъ, если гласный звукъ этого слога долгъ, а послѣдній слогъ коротокъ; 2) острымъ — во остальныхъ случаяхъ; напр. mâtĕr, aûfĕr; но mátrēs, aûfert (ĕ); óbstăt (ибо ŏb есть короткое), păter, pătrēs.

III. Въ многосложныхъ словахъ: 1) если предпослѣдній слогъ долгъ, то онъ произносится съ акцентомъ острымъ или падающимъ на тѣхъ же основаніяхъ какъ и въ 2-сложн. словахъ съ долгимъ начальнымъ слогомъ; напр. mātrôna, ămâtŏ, но mātrónae, ămátō; далѣе cōnféctus (ē, ибо făciō), puélla (ē, ибо puĕr, puĕri). Не всегда, впрочемъ, можно узнать долгъ ли слогъ по природѣ или только по положенію). — 2) Если же предпослѣдній слогъ краткій, то на 3-емъ отъ конца всегда острый акцентъ; напр. hŏmĭnēs, hŏmĭnĕm, rĕxérĭmŭs, mŏnébĭmŭs, mŏnémĭnī.

Прим. 1. Сообразно съ этими правилами акцентъ мѣняетъ свое мѣсто при флексіяхъ словъ; напр. accípiō, но áccipis (хотя cápis), accipíminī, accipiêris; Cicerō, Cicerônis и т. д.

Прим. 2. Говоримъ mátrēs, mātrónā (abl.), monéminī, monébimus, а не mâtrēs и пр., потому что напряженіе голоса не можетъ ослабѣть, когда ему предстоитъ произнести еще два слога или одинъ долгій; но въ rês, mātrônā и т. д. онъ свободно отпускается.
(Изложить подробно, когда употребляется acūtus и когда gravis!)

Исключенія: 1) Энклитич. слова всегда притягиваютъ акцентъ на послѣдній слогъ того слова, къ которому примыкаютъ, и этотъ акцентъ всегда острый (въ греч. нѣсколько иначе); напр. terráquĕ и terrā́quĕ (не térrăque и не terrâque); utérque, utráque, utróque; egómet, mihímet, hícĕ, illéne, siquándō, síquis и пр. (также и въ греч.: εἴτις, οὔτις, ὥσπερ и т. д. а не εἶτις и пр.). Но если энклитика срослась съ другимъ словомъ въ одно, то мѣсто и качество акцента опредѣляются общими правилами: hîc (не híc, хотя híce), îdem, aliquándō, úndique, néutique. На этомъ основаніи различаются itáque = et ita и такъ (два слова) и utíque (et uti) отъ ítaque итакъ (одно слово), потому, и útique всячески (Иногда трудно рѣшить, слѣдуетъ ли въ извѣстномъ случаѣ видѣть два слова или же одно слитное; тогда лучше принимать за одно и давать ему акцентъ по общимъ правиламъ; напр. лучше deínde чѣмъ déinde, ántequam чѣмъ antéquam).

2) Акцентъ падающій бываетъ на послѣднемъ долгомъ слогѣ, если онъ сталъ послѣднимъ только потому, что послѣ него исчезъ еще слогъ; таковы: а) слова на -âs (род. -ātis) и -îs (р. -ītis), въ которыхъ имен. пад. нѣкогда былъ сходенъ съ род.; напр. Maecēnâs (вм. древняго имен. Maecēnâtis), Samnîs (изъ Samnītis); б) передъ вопрос. n сократившимся изъ nĕ, напр. audîn (изъ audīsnĕ), vidên, habên (= habēsne) и пр.; в) передъ энкл. c сокращ. изъ ce; напр. illîc, istûc, hîc; г) въ повел. накл. глаг. dūcere сложнаго съ предлогомъ; напр. prōdûc (ибо вм. старой формы prōdūce); (д) въ рѣдкихъ сокращеніяхъ въ 3 sg. perf.: amât = amāvit, audît = audīvit, cupît = cupīvit). — Если передъ n (= nĕ) короткій гласный звукъ, то акцентъ острый; напр.: bonán, satín (= satisne), а также употребляются vidén, habén и пр.

3) Глаголы faciō и fīō, сложенные съ глагольными основами на ē (2 спр.) сохраняютъ свой обыкнов. акцентъ, а въ приставочныхъ глаг. основахъ есть свой, болѣе слабый (medius); напр. càlefácis, tèpefîs, tèpefît или tèpefît. (Также во время имперіи sàtisfácit, vènumdát, но во время республики отдѣльно: sátis fácit, vênum dát и пр. — Только въ такихъ словахъ, какъ tèpefît, vènumdát (и т. п. и въ упомянутыхъ bonán, vidén) острый акцентъ бываетъ на послѣднемъ слогѣ).

4) Острый акцентъ бываетъ на предпосл. короткомъ слогѣ въ сокращ. формахъ род. и зват. пад. многосл. собств. именъ съ основою на -io- (им. -ius), напр.: Vergíli, Mercúri (вм. Vergilīi и -lie).

5) Греческія слова, употреблявшіяся въ лат. формѣ, получали акцентъ по правиламъ лат. языка; если же греческая форма оставалась неизмѣнною, то часто сохранялся и греч. акцентъ. Послѣднее стало общимъ правиломъ въ 1 в. по Р.Х., послѣ того какъ поэты, а потомъ и прозаики приняли за правило употреблять тѣ слова въ чисто-греческой формѣ; напр. āĕ́ră, Pallās, Pallădŏ́s (вм. ā́ĕrĕm, Pállās, Pállădĭs).

Прим. 3. Интонація играетъ огромную роль въ судьбѣ слова: высокіе слоги обыкновенно хорошо сохраняются, тогда какъ низкіе ослабѣваютъ, сокращаются и исчезаютъ (см. §16). — Имѣя это въ виду (а также и по другимъ соображеніямъ), должно признать, что въ древнѣйшемъ лат. яз. акцентъ не былъ такъ связанъ количествомъ предпослѣдняго слога, т.е. что онъ иногда могъ быть и на 3-мъ отъ конца, при долгомъ предпослѣднемъ, а также и на 4-мъ отъ конца. Напр. лат. cógnitus заставляетъ предполагать древнюю форму cógnōtus (а не cognṓtus); также íllius могло возникнуть изъ íllīus (а не изъ illī́us); сокращ. формы amā́runt, amā́stī должны были произойти изъ amā́vērunt (черезъ amā́vērunt), amā́vistī (а не изъ amāvḗrunt, amāvī́stī); pū́blicus изъ pṓpulicus, naúfragus изъ nā́vifragus, ábjete изъ ábiete. (Тоже было и въ греч. языкѣ, отчасти даже въ позднѣйшемъ)(x). — Въ эпоху упадка лат. яз. съ утратою долготы иногда переставлялась интонація; напр. vī́ginti, trī́ginta (отчего и произошли франц. формы съ утратою слога gi: vingt, trente), Dárius (вм. прежняго Dārī́us).

(+) См. Corss., Baudry, Kühner l.c.

Глава IV. Измѣненія звуковъ.

А. Звуки гласные (+x)

§ 16. О звуковыхъ измѣненіяхъ вообще (См. предвар. §13, прим. 13–15).

Звуки латинскаго (какъ и греч.) языка дѣлятся на короткіе и долгіе (ср. §14); долгіе звуки не первоначальны; они происходятъ отъ слитія двухъ короткихъ въ одинъ звукъ и по другимъ причинамъ (см. ниже). Какъ тѣ такъ и другіе непрерывно стремятся къ ослабленію (см. §7), въ особенности если слово разрослось чрезъ аффиксы. Долгіе звуки мало-по-малу сокращаются или являются ирраціонально-долгими (т.е. становятся равными не 2 короткимъ, а напр. 1¾, 1½, 1¼ кор. и т.д.), пока не превратятся въ короткіе; короткіе (т.е. = 1 морѣ) также сокращаются, слѣд. становятся иррац.-короткими (дѣлаются = ¾, ½, ¼ морѣ и т.д.) и исчезаютъ, т.е. какъ бы испускаютъ послѣднее дыханіе послѣ долгаго колебанія между жизнью и смертью; словомъ звуки по своей протяжности могутъ быть безконечно-разнообразны. Кромѣ сокращенія звуки подвергаются еще собственно-ослабленію, т.е. переходу въ болѣе слабые, болѣе неясные звуки (напр. a можетъ переходить въ e, i). Наилучше сохраняются слоги высокіе (см. выше на этой стр.); акцентъ могущественно защищаетъ ихъ; наиболѣе страдаютъ низкіе звуки (а слѣд. и слоги) въ концѣ словъ; исчезать могутъ только звуки безакцентные. — Иррац.-короткіе слоги употребляются поэтами, смотря по требованію размѣра, то какъ иррац.-короткіе, то какъ полные короткіе; иррац.-долгіе то какъ вполнѣ долгіе, то какъ короткіе и потому называются ancipites, напр. leŏ̄, mihĭ̄ (Нѣкоторые изъ нихъ такъ мало сократились, что употребляются почти всегда какъ долгіе, напр. amatō̆; другіе же такъ много, что почти всегда какъ короткіе, напр. egŏ̄; третьи употребляются безразлично). — Но ра-

(xx) Вмѣсто Грамм. Кюн.-Косов. 2 изд. стр. 5–7, 12 сл. и 373 сл.; или 3 изд. стр. 380 сл., 387 сл. и 394 сл. См. Corssen Ausspr. I, 323–792 и 813–819; II, 1–793 и 1011–28; его же Kr. Beitr. 508–567; L. Meyer I, 95–182 и 285–316; Brambach Lat. orthogr. 71–207; Baudry I, 30–70 и 207–212; Heyse 287–326; ср. 350–5; Schleicher Compend. 80–102; Bopp–Bréal Gr. comp. I, 31–41, 70 сл., 74 сл. и пр. (вмѣстѣ съ санскр.). — Для греч. яз.: см. Kühner Ausf. gr. I, 2 изд.; Schleicher 55–78; Curtius Gr. gr. 10–24; его же Gr. Etym. 640–661 и др.; для др.-болг. и русск.: Schleicher 119–137; Bopp 161–172 и pass.; Буслаевъ Ист. гр. I, 25–59.

домъ съ ослабленіемъ видимъ мы и стремленіе къ усиленію звуковъ, т. е. или переходъ въ болѣе сильные звуки или удлиненіе — преимущественно для выраженія болѣе интенсивныхъ понятій, а также въ вознагражденіе за утрату сосѣдняго звука и пр. Въ поэзіи же нерѣдко долгіе звуки, а въ конц. стиховъ и короткіе, удлиняются такъ, что являются слоги 3- и 4-морные (см. Метр. стр. 10 и 11). — Кромѣ того измѣненія звуковъ часто обусловливаются вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ; отъ этого зависитъ большая или меньшая ассимиляція, диссимиляція, стяженія звуковъ, вставки и пр. Самымъ сильнымъ измѣненіямъ подвергся языкъ въ позднѣйшую свою эпоху, особ. въ народныхъ нарѣчіяхъ (но мы этого почти не будемъ касаться). — Въ основѣ всѣхъ звуковыхъ перемѣнъ (кромѣ усиленія) лежитъ стремленіе или облегчить рѣчь и сгладить ея шероховатости или выиграть время (хотя бы съ усиленіемъ труда). Переходы звуковъ происходятъ обыкн. не скачками, а вслѣдствіе постепеннаго, продолжительнаго, незамѣтнаго измѣненія, через что является множество среднихъ, неопредѣленныхъ звуковъ (таковы: ä, ö, ü, ŀ и пр., не имѣющіе знака; таковы были и въ др.-церк.-слав., т. е. др.-болг. яз., звуки ъ и ь и пр. Ср. § 13. прим. 13).

Первобытные гласные звуки (см. стр. 26) суть: a, i, u; чистые, опредѣленные звуки суть a, e, i, o, u. По степени своей силы они слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: a, o, u или e, i; а по степени звучности такъ: i, e, a, o, u.

§ 17. Ослабленіе и усиленіе короткихъ звуковъ.

Система ослабленія гласныхъ звуковъ можетъ быть наглядно представлена такъ:

A
å ä (т. a склоняющееся къ o и къ e)
o ö e
U ü или y I. Дальнѣйшее ослабленіе ведетъ къ исчезновенію звука.

Переходъ въ тотъ или другой звукъ часто зависитъ отъ сосѣдняго согласнаго звука: такъ u имѣетъ особенную наклонность къ l, e къ r, i къ n и s.

Усиленіе происходитъ или посредствомъ приставки гласнаго звука o или e, рѣдко a (напр. ou изъ u, ei изъ i) или удлиненія гласнаго (ū изъ u), или перехода въ болѣе сильный звукъ (o изъ e). — Кромѣ того усиленіе происходитъ посредствомъ вставки носоваго звука, т. е. n передъ гортанными и зубными и m — передъ губными [напр. jungō, findō, rumpō отъ корней jug (jugum), fid (fidi), rup (rūpi)]. См. § 21. 2.

На знаніи звуковыхъ законовъ основывается знаніе и пониманіе грамматики, стро[я] и историческихъ судебъ языка. — И такъ:

ослабѣваетъ до:	усиливается до:
1) a — o, u, e, i, (исчезаетъ)	ā, ō.
2) o — u, e, i, (исчезаетъ).	ō.
3) u — (ŀ), e, i, исчезаетъ.	ou, ū; рѣдко au.
4) e — i, исчезаетъ.	ē, ŏ.
5) i — (ь), исчез.; превращ. въ e.	(ei), ē, ī, рѣдко ae, oe. (1).

Прим. Исчезновеніе гласнаго звука въ началѣ словъ (sum вм. es-um) называется афэрезью (ἀφαίρεσις отнятіе отъ ἀπό отъ и αἱρέω беру); внутри слова передъ согласными (patris вм. pateris) — синкопою (срѣзываніемъ; συν съ и κόπτω рѣжу, сѣку), а передъ гласными (nullus вм. neullus) — эклипсью (выталкиваніемъ; ἐκ вы-, изъ, θλίβω толкаю) или элизіею (ēlīsiō); въ окончаніи словъ (dīc изъ dīce) — апокопою (отрѣзываніемъ).

(1) Говоря объ измѣненіяхъ, мы принимаемъ за основныя тѣ формы, которыя сохранились въ древнѣйшихъ памятникахъ лат. яз. и слѣд. опускаемъ почти всѣ измѣненія, происшедшія въ доистор. его эпоху. Поэтому основными признаемъ 5 звуковъ, а не три, и говоримъ, напр., что въ т. н. 2 скл. us есть изъ os, а не as.

Примѣры:

a ослабѣваетъ (особенно послѣ префиксовъ) (замѣчать корни!):

1) = **o** (рѣдко въ лат. яз. въ истор. время): √part (pars, partior) port-iō (это должно читаться такъ: „отъ корня part, который есть въ неослаб. видѣ въ словахъ pars, part-ior, произход. по ослабленіи portiō"; такъ и далѣе); √scab (scab-ō) scobs, scob-īna; (отъ Ramnes – Rōmānī), farreum – horreum [гр. äол. βροχέως вм. βραχέως (слав. кратко, коротко; поганъ = pāgānus)].

2) = **u** (преимущ. послѣ гортанныхъ и передъ губными и l): √cap (cap-iō) oc-cup-āre; √cat (quat-iō) con-cut-iō; √sal (sal-sus) in-sul-sus [гр.-äол. σύρξ вм. σάρξ мясо].

3) = **e** (внутри слова): √cap (cap-tus) ac-cep-tus; √fac (factus) con-fec-tus); √fal (fal-lō) fe-fel-li; √part (part-ior) impert-iō; однако ab-actum [гр. аор. ἔ-ταμ-ον, praes. τέμνω режу].

4) = **i** (въ концѣ слова): √cap (cap-iō) ac-cip-iō; √fac (fac-iō) per-fic-iō; √cad (cadō) ce-cid-ī; √sap (sapiens) in-sip-iens; √man (man-us) ē-min-us и cominus. – Однако com-par-ō, im-pār, im-paris, per-fac-ilis [гр. и слав. нѣтъ; русск. носи̃ вм. нося].

(5) исчезаетъ весьма рѣдко и не иначе какъ по переходѣ въ другой звукъ: cal-āre, но nōmen-clātor вм. nōmen-cul-ator; въ концѣ – никогда. [гр. ἄρ и ῥά изъ ἄρα].

Интересно: Ἡρακλῆς въ Hēreclēs, Herclēs, Hērcolēs, Hercules.

усил.
6) = **ā**: √ac (ac-iēs) āc-er; √plac (plac-ēre) plāc-āre; √pac (pac-iscor) pāx, pācis, pācāre; √da (datus) dā, dās; √fa (fa-teri) fā-ri, fā-ma и пр. [гр. √λακ звучать, pf. λέ-λāκ-α и -ηκα].

7) = **ō**: √da (da-re) dō-num, dōs, dōtis [√τραγ (ἔτραγ-ον) praes. τρώγω лакомлюсь].

o 1) = **u** (особенно передъ l, s, m): √vol (vol-ō) vul-t; оконч. -us т. муж. и ср. р. 3 скл. произошло изъ болѣе древняго -os, a -um 2го скл. изъ -om: novu-s, novu-m (изъ novo-s, novo-m); corpus, genus (изъ corpos, genos, род. corpos-is (r), gener-is изъ genos-is); также -ur = or: robur (robor-is); уменьш. -ulus изъ -olo-s, напр. famulu-s, но filiolus; въ 3 pers. pl. -unt изъ ont(i): fer-unt (вм. fer-ont). Передъ r по б. ч. сохраняется o: melior, но melius (то и другое изъ melios). – Нерѣдко это u, происшедшее изъ o соверш. исчезаетъ (см. объ u.) [Въ греч. отъ ὄνομα имя – συν-ώνυμος соименный).

2) = **e**: изъ болѣе древнихъ vort-ō, voster позднѣе vert-ō, ves-ter; въ voc. 2 decl. e изъ o (ибо гласный зв. основы есть o): eque, bone; gener-is изъ *genos-is (какъ corporis; * значитъ, что такая форма не сохранилась) [Гр. nom. γένος родъ, gen. γένε(σ)ος].

3) = **i** (рѣдко): изъ exanimo-s вышли exanimu-s и exanimi-s; il-licō изъ in locō; inquil-īnus отъ in-col-ere; въ т. н. 3 и 4 скл. (род.) -is изъ -os (us); senātūs = senātuis изъ senātuos; nōminis изъ nōminus (os) [Гр. √νο (νό-ος питье) ἔπιον я пилъ); русск. Римъ = Rōma; малор.: винъ, писля = онъ, послѣ].

(4) исчезаетъ – рѣдко: neptis вм. nepōtis; въ оконч. -trix вм. -tōrix: victor – vict(o)rix; ūn(o)-oculus; часто исчез. пройдя черезъ u; см. ниже). [Гр. ζνύξ съ согнутымъ колѣномъ отъ γόνυ; сл. рало = орало].

усил.
5) = **ō**: √son (son-us, son-āre) per-sōn-a; √voc (voc-āre) vōx, vōc-is; √gno (nota) nōmen, ī-gnō-tus; √od (od-ium) ōdi [гр. ῥήτωρ хотя ῥήτορ-ος; √δο (δίδομεν) sg. δίδω-μι даю; рус. в. а: клоню-кланяюсь].

u 1) = **i** и **i** (передъ губными; т. е. перех. въ i, а потомъ въ i): lubet въ (libet) lib-et; in-clu-tus въ in-cli-tus; dat.-abl. 4 decl. pl. -ibus изъ болѣе древняго -ubus, напр. mani-bus; также fructi-fer изъ fructu-fer (ибо основа т. н. 4 скл. оканчивается на u); cornu – bicorni-s. Также измѣняется и u происшедшее изъ o: optu-mu-s – (opti-mus) opti-mu-s. Ср. выше o = i [Гр.-äол. ἴψος вм. ὕψος высота. – Ср. въ сл. и р.: духъ – дыханіе; рыжій – рдѣ-ти; рукою (= jy) – рукой].

2) = **e** (оч. рѣдко): legun-dus, faciundus перешли въ legendus, faciendus (здѣсь u изъ o: *-ondus).

3) исчезаетъ происшедшее изъ o: въ т. н. 2 скл. утрачено -us послѣ r: vir(us), puer(us), ager(us) (лишь въ немногихъ словахъ сохраняется -us послѣ r: numerus, umerus, herus, virus ядъ); vinculum и vinclum; въ уменьш. puel-la (изъ pueru-la), bacil-lus (изъ bacilu-lus). Рѣдко исчезаетъ

настоящее u: man-cipium (вм. manu-cipium), man-suetus [грч. ἦλ-θον вм. ἤλυ-θον я пришелъ; руск. рд-тъ вм. древн. рѫд-тити (ъ = ŭ); что б(ъ) изъ что-бы].

Усил. 4) = ū, ou: √nub (prō-nub-a) nūb-ō; √luc (luc-erna) louc-em, lūc-em, lūx; √duc (duc-em) doucō, dūcō; √us (us-tus) ūr-ō; jous – jūs; ruber – rūfus; sū-s хотя su-is [грч. σῦς или ὗς (хотя род. σῦ-ός или ὗ-ός; λύθρον владѣность. λούω мою; φυγή бѣгство, φεύγω бѣгу; руск. слышать и слушать, слухъ (у или оу в слав. = ū), слов-о отъ √слу; бѫд-ѫти-бѫд-и(?)].

5) = au: √us (us-tus, ūr-ō) aur-ōr-a (гдѣ au есть двойное усиление, а √ur удвоенъ) [грч. αὔ-ω (отъ √υ – лат. √us) засыхаю; руск. слав-а (√слу), плав-ать отъ плы-ть, плыв-у].

e 1) = i (въ окончании слога): √sed (sed-eō) as-sid-eō (но внутри слога e: as-ses-sum); √leg (leg-ō) col-lig-ō; √men (men-s) me-min-ī; nōmen – nōmin-is [грч. ἐσ-μέν есмы, но ἴσ-θι будь; слав. √рек (рек-ѫ) про-рицати; повел. рьц-и].

2) исчезаетъ: √es (es-t) (e)s-u-m; √gen (gen-ui) gi-gn-o, mali-gn-us; pat(e)r-is; dīc(e); hi-c(e); ain(e) = aisne), vidēn; n(e)ullus; sup(e)ra, in-f(e)ra; √reg (reg-ō) pe-rgo, su-rgo. [грч. γί-γν-ομαι дѣлаюсь отъ √γεν; πατ(ε)ρός, отцы, μή 'γώ вм. μὴ ἐγώ nē ego; руск. сутъ вм. *ес-утъ (√ес)].

Усил. 3) = ē: √teg (teg-ō) tēgula; √reg (reg-ō) rēg-em; √leg (legō) lēx, lēg-is, lēg-ī, col-lēg-a; √sed (sed-eō) sēd-ēs; √se (ser-ō) sē-men; √ed (ed-ō) ēd-ī [грч. φιλέω люблю, fut. φιλή-σω; слав. √рек (рек-ѫ) аор. рѣхъ].

4) = ō: √teg (teg-ō) tog-a; √men (men-s) mon-eō; √nec (nex, nec-is, per-nic-iēs) noc-eō; √pend (pend-o) pond-us; √fer (fer-ō) fors [Грч. φέρ-ω несу, φόρο-ς дань; сл. рек-ѫ – про-рок-ъ; вез-у-воз-ъ, возъ].

i 1) исчезаетъ (оно такъ слабо, что при всякомъ случаѣ между согласными и отчасти передъ гласными и въ концѣ словъ пропадаетъ; посредствующая ступень есть руск. ь, т. е. небное смягчение согласнаго: ut(i); est(i); ūc-e-r изъ ācr-is; men-s вм. ment-s изъ men-ti-s, min-or вм. min-ior; sem(i)animus (древн. faxo изъ facisō) [грч. δός изъ δοθ, δό-σι дай; πότνα изъ πότνια госпожа; слав.-р.: естъ; лью (ли-ть) (сл. жьд-ати, руск. ждать); Дмитрий вм. Ди-митрий].

2) помѣняется въ e: (особенно передъ r и носовыми) leg-e-re, leg-e-ris и пр., хотя leg-i-mus, leg-i-tur и пр.; nāvi-m и nāve-m; (послѣ r) amābāris и amābāre; (передъ стечениемъ согласныхъ въ ном., хотя бы одинъ изъ нихъ выпалъ передъ s) отъ √dic есть jū-dec-s (dic-is), eque-s вм. *equit-s (род. equit-is); далѣе mage изъ magis и пр. [грч. √δικ (δείκ-νυμι показываю) ion. δέξω].

Усил. 3) = ei, откуда ī, ē: √dic (dic-āre) deic-ere, dīc-ere; √ī (itum) ei-tur, ītur; omneis-ēs и -īs (acc.); √fid (fid-ēs, fid-ēlis, per-fid-us, per-fid-ia) feidō, fīd-ō (cōn-fīd-ō, dif-fīd-ō), fīd-us, īnfīd-us, fīd-ūc-ia [грч.: ἔ-πι-ον (imp.) я пилъ, но praes. πί-ω пью; ἴ-μεν идемъ, εἶ-μι иду; слав: жьд-ати – о-жид-ати; чьт-ѫ, аор. чисъ (вм. чьт-съ); сущ. руск. честь; вид-ѣть, вѣд-ать].

4) = ae (рѣдко): √mis (mis-er) maer-eō, maes-tus; √im (im-itor) aem-ulus [грч. ἰθ-αίνω грѣю, αἴθ-ομαι горю; руск. пи-ть, на-пай-вать].

5) = oe, oe: √fid (fid-ēs, fid-us) foid-os, foedus [грч. ἴδ-μεν знаемъ, οἶδ-α знаю; руск. пи-ть, пой-ть].

§18. Образование, измѣнения и сокращение долгихъ звуковъ и дифтонговъ.

I. Долгие звуки и дифтонги возникаютъ по различнымъ причинамъ:

1) Вслѣдствие усиления или подъема звуковъ, – о чемъ см. §§ 16 и 17.

2) Подъ влияниемъ согласныхъ, и именно: a) въ замѣну за выпавший согласный звукъ (языкъ хочетъ вознаградить себя за потерю и какъ бы заполнить образовавшуюся пустоту) (§21.4.a): напр. ex-ā-men (āg-men, √ag), mā-jor (вм. māg-jor, отъ √mag, ср. mag-is); pē-s (вм. pĕd-s, ped-is), ariē-s (вм. ariet-s); ī-dem (= īs-dem); equō-s (acc. pl. вм. *equom-s, *equon-s); fructūs (acc. pl. = *fructun-s) [грч. πᾶ-ς каждый вм. πά-ντ-ς, τι-θεί-ς вм. τιθεντς положенный; πούς вм. ποδς стопа, δεικνύς вм. δεικ-νύ-ντ-ς показывающий,

слав. рѣ-хъ вм. *рек-хъ и пр.]; — б) передъ n, за которымъ слѣдуетъ s или f; напр. mēnsa, cōn-sol, cōnfiteor (здѣсь не только слогъ долгъ по положенію, но самый звукъ удлиняется, ибо n здѣсь имѣло слабый носовый звукъ, стремилось исчезнуть; ср. cō-sentiont на гробн. Сцип. 2го; стр. 23); — в) вслѣдствіе превращенія согл. v въ u (см. § 23); напр. au-cep-s (av-is и cap-io), seu изъ sive и пр., а въ поздн. нар. яз. и l въ u; отсюда фр. faucon = falcōnem и пр.

3) Отъ стяженія двухъ звуковъ въ одинъ слогъ, преимущ. для устраненія зіянія (см. § 19). Здѣсь два случая: а) оба звука вполнѣ сливаются въ одинъ звукъ; напр. amō изъ amā-ō, filī изъ +filie, tibīcen изъ +tibii-cen (tibia и can-ō), fructūs изъ fructu-is и -ēs; это наз. синерезою (συν-αιρέω-собираю, стягиваю); — б) оба звука не вполнѣ сливаются, а только стягиваются въ дифѳонгъ (такъ что безакцентный звукъ, а если оба безакцентны, то второй произносится лишь вполовину); напр.: vītāī и vītāē изъ vītāī; часто dein, deinde, cui и т. д.; это наз. синизесью (συν-ίζω вмѣстѣ сажу). Ей много содѣйствовало выпаденіе согласныхъ (наприм. ēiciō изъ ēiciō вм. ē-jiciō) и превращеніе v въ u (см. выше).

2. Дифѳонги и долгіе звуки, каково бы ни было ихъ происхожденіе, непрерывно стремились къ ослабленію и сокращенію. Латинскій языкъ (въ противоп. греческому) не любилъ дифѳонговъ, такъ что послѣ пол. Р. Х. оставался въ употребленіи почти только au, да и тотъ стремился перейти въ ō или ū (ср. § 13, прим. 15). Долгіе звуки, особенно не имѣющіе акцента, не только измѣнялись въ другіе долгіе, но и сокращались (ср. § 16) и даже иногда исчезали. — Измѣненія долгихъ звуковъ и дифѳонговъ (кромѣ переходовъ въ таковые же короткіе, — о чемъ см. ниже) суть слѣдующія:

ā въ ē: hālō, an-hēl-ō; въ ī: juvenālis — juvenīlis [въ іон. нар. часто: χώρη = χώρα].

ō въ ū: bōbus (вм. bov-bus) — būbus; dator, -tōris, но da-tūru-s; въ ī: gnō-tus — cognitus и иногда исчезаетъ: vic-trīx, victrīcis вм. +victōrix, +victōrīcis (см. примѣч. на стр. 39).

ū въ ē: только въ pē-jerus, dē-jerus вм. per-jūrus, dējūrus (отъ jūs).

ai въ ae и ī (болѣе древнее ai = гр. αι вездѣ перешло въ лат. яз. въ ae, а это послѣднее (через ǟ, ē) въ ī, особ. въ сложныхъ словахъ. — Ср. § 13. пр. 13): aequus — in-īquus, quaer-ō — in-quīrō, caed-ō — ce-cīd-ī; prae — prī-mus (искл. haer-eō — ad-haereō) [ср. сл. сѣд-ѣти, р. сид-ѣть].

ei въ ī и ē (ср. § 17: i = ei): изъ virtūt-ei позднѣе virtūt-ī; heic въ hīc и (рѣдко) hēc; nom. plur. leiber-eis, — -ēs, -īs, ē lībert-ī; acc. sg. omneis, -ēs, -īs. — Сокр. въ ĕ: montei (abl. у древн.) monte. (Греч. дифѳ. ει передается обыкн. чрезъ ī, рѣже — гл. обр. послѣ r — чрезъ ē; напр. Dārīus и Dārēus = Δαρεῖος) [ср. греч.-бѳот. ῑ-μι вм. εἶμι иду; въ новогр. вездѣ ei превр. въ i, ai въ e, но на письмѣ остаются].

oi въ oe и ū: oinos, oenos, ūnus; poena — pūniō; oitier — ūtier — ūtī [бѳот. Fυκία = Fοικία домъ]; въ позднѣйш. лат. oe превратилось въ ō, ē [въ новогр. οι и υ въ i, но письмо сохран. οι и υ].

au въ ō и ū: plaud-ō, ex-plōd-o; caus-a, ac-cūsō; Claudius — Clōdius [въ новогр. произн. какъ рѣдк. av].

eu рѣдко въ лат. яз. (§ 13, пр. 15), часто въ греч. словахъ; напр. Orpheus [въ новогр. произн. какъ лат. ev].

ou было только въ древн. языкѣ, въ классич. же вездѣ перешло въ ū: douc-ō — dūcō (ср. § 17: u = ou) [въ греч. рано стало ου произноситься какъ ū; также и во фр. яз. ou = u, au = o, ai = e].

3. Кромѣ того каждый долгій звукъ стремился перейти въ таковой же короткій, особенно передъ другимъ гласнымъ (для ослабленія зіянія, см. § 19) и въ концѣ словъ, преимущ. передъ согласными (ибо конечные слоги не были въ лат. яз. защищены акцентомъ), такъ что составилось общее правило: гласный передъ гласнымъ

и въ окончаніи словъ передъ согласными (кромѣ s и c) коротокъ (за немногими исключ. см. § 142.5); явились многіе ancipites (§ 16). Таковы напр. ancipites: moneō, octō, legerūs, dederunt, mihī и пр. Вмѣсто neibei, nisī, patreid (patrēd, patrē), itā, dabam, amāt, ferar, animāl, stimāt, nefās, monet, audīt, fuit, egō, duō, consōl, censōr, siēm (sīm) и пр., бывшихъ въ употребленіи въ древнѣйшее время и отчасти сохранившихся въ 3 и во 2 вѣкахъ до Р.Х. (сравн. образцы др.-лат. яз. въ § 11), явились въ вѣкѣ Августа только формы съ сокращенными гласными; сократившіяся они могли и исчезать; такъ уже въ древн. яз. dedro = dederant; подобн. amā(vē)runt и пр. Такое ослабленіе продолжалось и послѣ того непрерывно (напр. со 2го в. по Р.Х. въ глаголахъ почти всегда ŏ: audiŏ, monueŏ, кромѣ повел. накл., въ которомъ обыкн. ō), такъ что въ 4 в. по Р.Х. долгота почти исчезла.

Изъ этого видно, что въ языкѣ была огромная масса ирраціональныхъ звуковъ. Но въ большей части стиховъ, особ. въ дактиликахъ, ирращ. слоги не допускаются, а потому поэты употребляли ихъ то какъ вполнѣ долгіе, то какъ короткіе, смотря по тому, въ какой степени они сократились; иные употреблялись безразлично. Если слогъ, обыкнов. встрѣчающійся долгимъ, принимается за короткій, то это называется συστολή (συστολή стѣсненіе), что бываетъ въ 3 p. pl. perf., 1 сп. глаголовъ, въ собств. именахъ; напр. Obstipui, steterunt que comae et vox faucibus haesit (Verg. Aen. III, 48); Minacis aut Etrusca Porsenae manus (Hor. Epod. 16.4); также alterius, illius и пр.

Наоборотъ звукъ сильно сократившійся можетъ въ арси, особенно передъ цѣзурою, возстановить свою долготу; передъ цѣзурою иногда удлиняются даже такіе слоги, которые всегда были короткими. Удлиненіе звука въ началѣ и срединѣ слова называется διαστολή (растяженіемъ), а въ концѣ слова — ἔκτασις (ἔκτασις вытягиваніе); напр. Priamides multis Helenus comitantibus adfert (Verg. Aen. III, 48), Et maris Ionii transieritis aquas (Ov. Pont. IV, 5. 6). — Эктасисъ словахъ оканчивающихся на согласный: Invalidus, etiamque tremens, etiam inscius aevi (Verg. Georg. III, 189); рѣдко бываетъ она въ словахъ, оканчивающихся короткимъ гласнымъ звукомъ. (Син. Метр. стр. 10); Стихи: Lavinia. Nocturna rumores ponebat ante salutem; — Et densis aquila pennis obnixa volabat.

§ 19. Переносы гласныхъ, обусловленные стеченіемъ звуковъ.

1) Зіяніе (hiatus) или несовсѣмъ удобное для произношенія стеченіе двухъ гласныхъ звуковъ (хотя бы между ними было h), въ особенности если первый изъ нихъ есть звукъ широкій a или o (и еще болѣе, если ā или ō) устраняется (*):

а) внутри слова посредствомъ стяженія обоихъ гласныхъ звуковъ въ одинъ долгій или дифѳонгъ (συναίρεσις или συνίζησις, см. § 18.1), напр. am-ō (изъ am-aō), amā-runt (= amā-(vē)runt), cōgō (= coigō), senatūs (= -uis и -ues), nīl (= nihil = ne hīlum), īdem (вм. iidem); vītae изъ vītai, Phaeton (вм. Phaëthōn), quoad, alvei и пр. Но u, i, e + гласн. зв. могутъ оставаться и безъ сліянія: fuit, fluunt, fīō, fierī и пр.

[Срав.: γένους = γέν-ε(σ)ος рода; γένη = γένεε и γένεα (nom. dual. и plur.); ἥρω изъ ἥρωα (= herōem); νοῦς = νόος, также сліяніе, напр. добраго изъ добра-аго (вм. добра-јего) или φιλείτω — φιλεέτω пусть онъ любитъ; въ сл. ѥ, ꙗ, ю; ь, ъ, н; напр. дьяволъ вм. διάβολος]

б) между двумя словами такимъ сліяніемъ двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ, при которомъ первый звукъ былъ слышенъ лишь отчасти (какъ въ муз. побочная нота напр. ♪), а второй — вполнѣ; количество же слитнаго слога опредѣляется вторымъ изъ сливающихся слоговъ; напр. deserto in littore должно читать desert° in littore, m въ окончаніи слова (такъ слабый носовой звукъ, см. § 21. 2 c), что зіяніе имъ не устранялось

(*) Каждый языкъ болѣе или менѣе избѣгаетъ зіянія; санскр. же (почти) нигдѣ не терпитъ его ни внутри слова, ни между словами.

т.е. слово считалось какъ бы оканчивающимся на гласный звукъ, напр. centum an.- Такое слитіе называется — συναλοιφή (συναλοιφή; συν-αλείφω вытеть, мажу, сглаживаю). Напр. стихъ Горація (Sat. I, 3. 20) „Nullane habēs vitia? Immō alia et fortasse minōra" довольно читать такъ: Nullan' habēs vitia? Imm' ali' et fortasse minōra. — Исключеніе составляютъ est, es, esse, которыя, употребляясь энклитично, сами утрачиваютъ начальный гласный звукъ: audīta 'st, bonum 'st (а не audīt' est, bon' est; ср. стр. 35) [Греч. μὴ ἄλλοι пе. alii; κἀγώ = καὶ ἐγώ et ego; ποῦ 'στίν вм. ἐστίν quomodo est]. — Должно замѣтить, что hiulcae vōcēs избѣгались хорошими ораторами и поэтами; если же образовалось такое стеченіе, то зіяніе — одинаково и въ прозѣ и поэзіи — или устранялось посредствомъ συναλοιφή, или, по кр. мѣрѣ, ослаблялось.

Ослабляется зіяніе и внутри слова и между словами сокращеніемъ перваго звука если онъ долгъ; напр. fi-erī (вм. fī-erī), audi-erim (изъ audī-(v)erim), mone-ō (вм. monē-ō), prae-esse, alterius и пр. — Insulae Ioniō in magnō, quās dīra Celaenō (Verg. Aen. III, 211) [Ἀτρεΐδαι τε καὶ ἄλλοι ἐϋκνήμιδες Ἀχαιοί Hom.). См. §18, 3.

Сглаживаться въ συναλοιφή могутъ почти только незащищенные акцентомъ слоги, — а именно таковы въ лат. яз. конечные слоги, а односложныя слова по большей части безтонны (см. §15.1). Самое удобное слитіе бываетъ, когда первое слово оканчивается на краткій и короткій звукъ, а слѣд. начинается слогомъ долгимъ по природѣ или, по крайней мѣрѣ, по положенію. Передъ словами же, начинающимися короткимъ слогомъ, легче всего подвергаются συναλοιφή и слѣд. допускаются двух- и многосложныя слова, оканчивающіяся на слабые гласные e и i, рѣже на a и o, еще рѣже на m; труднѣе всего сливаются долгіе звуки или дифтонги, особ. въ односложн. словахъ. — Чѣмъ затруднительнѣе было въ извѣстномъ случаѣ устранить зіяніе, тѣмъ рѣже такіе случаи встрѣчаются, т.е. тѣмъ тщательнѣе они избѣгались въ художеств. рѣчи.

Если слить было затруднительно, то нерѣдко остается зіяніе, или полное или ослабленное. Такъ a) изъ односл. слов, оканчивающихся на долгій гласный звукъ или на m, могутъ сливаться со слѣдующимъ короткимъ гласнымъ только немногія слабо[illegible]ныя (напр. quam, nam, sī и вообще нескол.; далѣе quī ед.ч., tum и нѣк. др.); сохраняющія же высокій тонъ (dō, vim, vē и т.д., а также междом. ō, prō, heu и др.) или остаются неизмѣнными (преимущ. въ thesi) или только сокращаются (особ. въ arsi; см. выше). Напр. (примѣры приводятся изъ поэтовъ, потому что только размѣръ стиховъ можетъ доказывать намъ συναλοιφή и зіяніе, хотя то и другое одинаково свойственно и обыкнов. рѣчи): безъ сокр.: Num vesceris istā. || Quam laudās, plūmā? cocto num adest honor īdem. (Hor. Sat. II, 2, 28). O ego nōn fēlix, quam tū fugis! (Hor. Ep. 12, 25). Сокращ.: Sī mē amās, inquit, paulum hīc ades (H. Sat. I, 9, 38). передъ долгимъ сливается: Nec mī aurum poscō. (Enn. 200 V.); Dum ex parvō nōbīs tantundem haurīre relinquās (Hor. Sat. I, 1. 52). — б) Долгій звукъ или дифтонгъ многосл. слова, находясь въ thesi, нерѣдко не только не сливается, но и не сокращается даже передъ слѣдующимъ долгимъ; напр.: Illīc, unde abiī, redeō, nēmō ut avārus (Hor. Sat. I, 1, 108); Nūbibus esse solet, aut purpureae Aurōrae (Ov. Met. III, 184); ослабл.: Ter sunt cōnātī impōnere Pēliō Ossam || Scīlicet, atque Ossae frondōsum involvere Olympum (Verg. Georg. I, 281); но въ arsi сливается даже съ короткимъ: Tōtae adeō conversae aciēs omnēsque Latīnī (V. Aen. 12, 548).

в) Сохраняются и долгіе и короткіе звуки въ цѣлости предъ паузами, напр. въ окончаніи стиховъ, предъ точкою и т.п., иногда и передъ малою паузою: Et bis: „iō Arethūsa! iō Arethūsa!" vocāvit (Ov. M. V, 625).

Прим. Въ обыденной рѣчи гораздо чаще встрѣчалось зіяніе и гораздо слабѣе устранялось оно чѣмъ у позднѣйшихъ ораторовъ и поэтовъ. Это видно изъ болѣе древнихъ (менѣе обработанныхъ) поэмъ и въ особенности изъ комедій. Такъ, у Плавта могли сглаживаться даже два слога; напр. Peperisse eam audīvī; или: si meō arbitrātū liceat и пр. – Иногда у нихъ m принималось за полный согласный звукъ; напр. у Энніа 336: Insignita ferē tum mīlia mīlitum octō. – Это изрѣдка встрѣчалось и позднѣе, напр. въ слѣд. стихѣ даже съ удлиненіемъ предыдущаго гласнаго звука: Ō mē fēlīcem! ō nox mihi candida et ō tū! (Propert. II, 15). [Въ греч. также бывали сильныя сокращенія; напр. ἤ οὐκ, но вообще такъ зіяніе гораздо болѣе терпѣлось, особ. внутри словъ; напримѣръ, δηϊόῳεν 3 pl. opt. отъ δηϊόω убиваю]. – (Ср. о зіяніи и объ устраненіи его: Метр. стр. 20, 21 кнц. 22, 24 нач.)

2) Несходные по природѣ своей звуки нерѣдко сближаются, чтобы устранить жесткость или болѣе выгладить рѣчь (assimilātiō), а за то сходные часто расходятся для устраненія монотонности или однообразованія (dissimilātiō). Измѣняется или предшествующій звукъ подъ вліяніемъ слѣдующаго или на-оборотъ.

a) Ассимиляція бываетъ или между гласными, раздѣленными согласнымъ звукомъ, или между двумя непосредственно сосѣдними звуками: въ обоихъ случаяхъ бываетъ полная ассимиляція (приравненіе звуковъ), или же – неполная (уподобленіе, т. е. звуки становятся болѣе сходными, но не одинаковыми); она можетъ быть или прямою – если первый звукъ уподобляется второму, или обратная – если второй первому.

α) Полная ассимиляція между разъединенными звуками – всегда прямая; напр.: nihil, ni-hilum вм. ne-hilum (т. е. мысль подчинила e звуку i, который она еще только готовилась произнести); также facilis (хотя facultas), exilium (но exul, т. е. u измѣнилось для ожидаемаго послѣ l звука i). – Между сосѣдними – рѣдко: diī вм. deī. [Въ греч. нѣтъ; въ слав. обратная: добра-аго вм добра-jего, добру-уму = добру-jему; о мнѣніи вм. о мнѣніи].

β) Неполная – между рядомъ помѣщенными звуками – или прямая: напр. i переходитъ передъ a, o, u въ болѣе близкое къ нимъ e: e-am, eō, e-unt (вм. i-am и пр. отъ √i); или обратная: a послѣ i превращается въ болѣе близкое къ нему e: luxuria и -iēs и пр.

б) Диссимиляція: i послѣ i переходитъ въ e; напр. pi-etās вм. piitas (ср. vēritās), arietis (хотя mīlitis), aliēnus (но dīvīnus); также послѣ i и e бываетъ, вмѣсто u, болѣе близкое къ нимъ o: filiolus, lineola (хотя hortulus и т. п.); кромѣ ii въ особ. избѣгается еще uu а также vu; поэтому и въ старомъ языкѣ всегда было restituendus, fruendus, хотя въ старину всегда говорили capiundus, legundus и т. д.; далѣе, только въ I в. по Р. Х. установились формы (novus, servum, vulgus, mortuus) вм. прежнихъ (novos, servom, volgus, mortuos), тогда какъ въ другихъ случаяхъ o гораздо раньше перешло въ u: bonus, hortum и пр.

3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гл. обр. при трудномъ стеченіи согласныхъ, для облегченія выговора, являются прибавочные гласные звуки внутри и, изрѣдка, предъ началомъ слова; таковыми могутъ быть въ лат. языкѣ только легкіе гл. i, e, u (почти никогда o и a).

a) Вставка (эпенѳесисъ). i: agr-i-cola, leg-i-mus, mina вм. греч. μνᾶ; e – особенно передъ r (ср. §17): āc-e-r (вм. āc-ris), ag-e-r, rub-e-r, pulch-e-r (вм. agrus и пр.), leg-e-ris и т. д.; – u (особенно передъ губными): s-u-m (вм. (e)s-m(i)), s-u-mus, Alcumēna вм. Ἀλκμήνη (Hercoles и Hercules вм. Ἡρακλῆς). Нѣкоторыя слова употребляются то безъ вставки, то съ нею, напр.: teg-mentum, teg-u-mentum, teg-i-mentum. Если вставка соединяетъ два корня или корень съ флексійнымъ окончаніемъ, то называется соединит. гласнымъ [Въ греч.: прил. ἀλ-ε-γεινός отъ ἄλγος боль; φέρομεν = ferimus; р. ог-о-нь (вм. сл. огнь, лат. ignis) и пр.]

б) Представка (прóѳесь или прóсѳесь) почти только въ народн. нарѣчіяхъ; напр. ĕnōs = nōs (см. стр. 22), istatua, ispiritu [откуда фр. e-sprit. — Въ грч. напр. ἐ-χθές вм. χθές вчера; μέ и ἐμέ меня; въ русск. простонар. и-метить, а-рзаной и пр. — Въ грч. и русск. встрѣчается еще эпúѳесь, т.е. прибавка къ концу слова οὑτοσί этотъ-то; менѣе вм. менѣ, слав. мьнѣ].

4) Гласный i и отчасти e производятъ смягченіе согласныхъ (см. § 23). — Гласные i и u иногда сгущаются въ родственные имъ согласные j и v; напр. genva, parjetis (особ. въ поэзіи), amā-vī (вм. amā-fui) [слав. би-ти би-jенъ, рюти ръвъ; рус. за-втра вм. за-утра; малор. вухо = ухо].

б. Звуки согласные (*).

§ 20. Допускаемыя сочетанія звуковъ и окончанія.

Согласные звуки также подвергаются многочисленнымъ измѣненіямъ преимуществ. вслѣдствіе стремленія человѣка облегчить себѣ рѣчь или ускорить ее (см. §§ 7 и 16). — О нѣкоторыхъ свойствахъ и измѣненіяхъ согласныхъ уже сказ. § 12, прим. 1–12. — Легче всего произносятся тѣ слова, въ которыхъ каждый гласный звукъ смѣняется согласнымъ. Но часто бываютъ стеченія и нѣсколькихъ согласныхъ — не болѣе трехъ въ началѣ и концѣ словъ и не болѣе 4хъ въ срединѣ слова (напр. monstrum). Впрочемъ Римляне произносили стеченія согласныхъ не совсѣмъ свободно; на этомъ затрудненіи основывается правило о согласной позиціи (см. стр. 33). — Сочетанія звуковъ внутри слова гораздо разнообразнѣе чѣмъ въ началѣ и въ концѣ (ибо ~~тутъ есть~~ такихъ согласныхъ распредѣляется между двумя гласными); только внутри слова допускается соединеніе двухъ нѣмыхъ; они могутъ быть различныхъ органовъ, но должны быть одного рода, т.е. оба или тверды или мягки (напр. pp, pt, bd, но не bp, pd, bf и т.д.). Въ началѣ же и концѣ словъ могутъ сочетаться между собою только mūta, liquida, n и s (ибо такія сочетанія легче и тѣснѣе прочихъ; ср. стр. 32) и притомъ такъ: въ началѣ словъ только mūtae и f съ l, r (clārus, grex, prī-mus, frāter, flāo) и s + mūta tenuis (p, t, c), за которою также можетъ слѣдовать еще r и (рѣдко) l (spuō, scribō, stlis) и иногда kv (quatio), sv (suāvis) и gn (gnarus); но во всѣхъ случаяхъ не допускается обратнаго порядка (т.е. l, r + mūta или mūta + s, или rc, ng, vs), въ концѣ же словъ, на-оборотъ, терпятся только liquidae, nāsāles (l, r, m, n), s и mūtae t, c, рѣдко мягкія b, d (sōl, ācer, sum, nōmen, corpus, caput, fac, ab, ad), или сочетанія nt (и рѣже) rt, lt, st и nc (т.е. liquidae, n и s + t и n + c, напр. sunt, fert, vult, est, nunc) или n, r, c, p + s; въ послѣднемъ случаѣ можетъ еще быть r или l, а предъ p только r (fons, fers, fēlix (= -ics), ops; arx, falx (т.е. falcs), stirps. Если этимологія приводитъ къ иному стеченію звуковъ или къ иному звуку въ окончаніи, а также если вообще сочетаніе звуковъ не совсѣмъ удобно и можетъ быть облегчено; то происходитъ или утрата, или перестановка звуковъ, или ассимиляція, или диссимиляція, или вставка гласнаго (см. § 19, 3) и т.п., такъ что видъ словъ и флексій весьма обусловливается звуковыми законами. — Сказанное кратко и наглядно можно изобразить такъ: Въ началѣ слов: mūta + liquida (+ n) (+ v) или s + mūta ten. (+ r, l) + v.

Въ концѣ слов на-оборотъ: liquida + mūta ten. (n) или (r, l +) mūta ten. + s (только передъ s не быв. t)

(*) Вмѣсто Грамм. Кюн.-Кокос. 2 изд. стр. 7–12 и 373 сл. или по 3 изд. стр. 382–387 и 395 сл. — См. Corssen. Ausspr. I, 30–323 и 793–812; II 1002–1011; его же Kr. Beitr. 1–507; его же Kr. Nachtr. 26–304. L. Meyer I, 27–95; 182–285 и 312–316; Brambach 208–303; Baudry I, 71–212; Heyse l.c.; Schleicher 238–273; Bopp 2 изд. 44–66 и разн. [Для грч. см. Kühner l.c.; Schleicher 206–38, Curtius Gr. gr. l.c. и Gr. Et. 122–640 и др.; для др.-слав. и русск. Schleicher 290–310; Буслаевъ Ист. гр. 3 изд. I, 59–85; кратко у Поливанова 11–17]

[Въ грец. сверхъ того допускаются въ началѣ словъ mūta + m или s, также s + nāsālis или media, а иногда и двѣ mūtae или двѣ nāsāles (конечно, не одинаковыя); въ концѣ же словъ только ν, ρ, ς, далѣе ξς и ψς, передъ которыми могутъ быть еще ρ, λ, ν. Въ древне-болг. яз. могли быть въ окончаніи словъ (какъ и въ тепер. итал.) только гласныя потому всѣ согласныя послѣ нихъ отпадали, а м и н оставляли носовой отзвукъ на предшествовавшемъ гласномъ: рѫкѫ вм. рѫкам (вин.); имѧ вм. имен].

§ 21. Перемѣщеніе, вставка и утрата звуковъ.

1) Перемѣщенію или метаѳесису (μετά-θεσις) особенно подвергается звукъ r, главнымъ образомъ вслѣдствіе его наклонности находиться послѣ гласнаго звука; напр. ternī вм. trīnī (trēs), sperno perf. sprē-vi; иногда corcodīlus вм. crocodīlus и пр. [Грч. καρδία вмѣсто κραδία сердце; наше сердце вм. старосл. срьдьце, волкъ вм. влъкъ = грч. λύκος вм. Fλύκος] ср. ...г.

2) Вставка-эпенѳесисъ. Между губными m и зубными t и s рождается, какъ бы для примиренія ихъ, звукъ средній между ними — p (почему онъ средній?); напр. sum-psī, em-p-tum. — Для усиленія корня (§ 17) вставляется иногда въ глаголахъ передъ зубными и гортанными n (точнѣе, передъ гортанными ṅ, см. § 13 прим. 9), а передъ губными m: sci-n-do (√scid; scidī), tan-go (√tag, tac-tum), ru-m-po (√rup, rup-tum) [Грч. ἀν-δ-ρός мужч. им. ἀνήρ; ἄμ-β-ροτος безсмертный; слав. по-греб-с-ти; в-н-ем-лю; одѣ-в-ать и одѣ-j-ати вм. одѣ-ати — для устраненія зіянія; простонар. н-д-равъ; въ русск. (и сл.) бываетъ еще проѳесисъ: восемь, о н-емъ, j-есмь и пр. (и вофранц.: [ante = др.-фр. ante слаг.] amita)].

3) Отпаденіе звуковъ бываетъ въ началѣ и въ концѣ слова; первое наз. афэресисъ, второе — апокопэ.

а) Афэресисъ. Изъ двухъ согласныхъ, коихъ сочетаніе въ началѣ словъ не терпится, исчезаетъ первый; напр. vīginti вм. dvī-ginti; nix вм. snix; иногда g передъ n: (g)nōscō; d передъ j: Iovis вм. Djovis; отпадаютъ и два согласныхъ: lis изъ стараго stlīs. — Иногда отпаденіе бываетъ даже передъ гласнымъ; такъ k передъ u: ubī, unde вм. cubī, cunde (ср. ali-cubi, ali-cunde отъ √co) [Грч. напр. ῥέω вм. σρέω теку; (русск.) Митрій вм. Дмитрій; Мелья; областн. мотрѣть вм. (с)мотрѣть].

б) Апокопэ. Утрачивается въ окончаніи второй изъ удвоенныхъ согласныхъ и двухъ иныхъ; напр. os, fel, mel вм. oss, fell, mell; lac вм. lact. — Но и послѣ гласнаго звука стремились къ исчезновенію согласные, особ. d, далѣе m, s и t; такъ d исчезло въ abl. и въ imper.: terrā(d), equō(d), estō(d) и пр.; m такъ слабо въ окончаніи словъ произносилось (вмѣстѣ съ гласн. было похоже на слав. ѫ и ѧ), что не устраняло зіянія предъ слѣдующимъ гласнымъ звукомъ (см. § 19.1.b) и нерѣдко совсѣмъ исчезало, напр. oino = ūnum (см. стр. 23), особ. въ 1 лицѣ глаголовъ, напр. amō вм. amāom (сохраняется въ sum и inquam); s исчезло въ nom. sg., напр. puer(s), ācer вм. ācris(s), въ nom. plur. основъ на o и ē (т. наз. 1 и 2 скл.), вообще колебалось, напр. amābāris и -āre (есть слѣдующій стихъ Эннія: Tum laterāli' dolor, certissimu' nuntiu' mortis). Утрачивались даже два звука, напр. nt: (fēcēre изъ fēcērunt); ns (въ nom. sg., напр. sermō вм. sermōns); могутъ опускаться b и cs въ предлогахъ ab и ex передъ согласными (ср. § 13, прим. 9. 10 и 12). [Въ грец. напр. πόδα вм. πόδαν, ρεдετ; ἦσαν вм. ἦσαντ erant; ἄψι и ἄψις до; въ слав. всякій согл. въ концѣ, напр. сынъ вм. сынъс].

4) Выпаденіе внутри и въ окончаніяхъ словъ или ἔκθλιψις согласныхъ сопровождается обыкнов. удлиненіемъ предшествующаго гласнаго въ замѣнъ за утрату согласнаго (§ 18.1):

а) Зубные звуки по б. ч. не терпятъ другъ друга; такъ d, t и часто n выпадаютъ передъ s; напр. pē-s вм. ped-s (pedis), suā(d)-si, mon(t)-sum, prō(d)-sum, pariē-s (вм. pariet-s), mē-si (вм. mitt-si), quotiēns и quotiēs, acc. pl. equōs (вм. equons), formōsus вм. formonsus, (nom. sg.) sanguis (вм. sanguin-s). — Но n обыкн. остается, если послѣ него выпало уже t или d; напр. sapien(t)s, aman(t)s, frōn(t)s и frōn(d)s и пр. [Грч. λαμπά(δ)ς, κόρα(κ)ς стражы (acc. pl.), μείζους изъ μείζονες mājōrēs, πᾶ(ντ)σι; (сл. и) рус. па(д)-лъ; (сонъ вм. сон-нъ (съп-нъ)), чи-съ вм. чьт-съ, pr. чьт-ѫ].

Прим. 1. Нерѣдко удлиненный гласный звукъ позднѣе опять сокращался, напр. segĕs изъ segēs (segĕt-s), milĕs и пр. См. §18.3.

б) d въ префиксахъ prōd (prōd-esse), red (red-īre) и sēd (sēd-itiō) обыкн. утрачивается передъ согласными; напр. prō-fuī, re-moveō, sē-parō (re-periō, но pf. rē-pperī или reperī (изъ вм. *red-peperī)

в) s обыкн. исчезаетъ предъ мягкими, носовыми и плавными (ср. §23.е), напр. pō-nō (вм. pŏs-nō, pos-uī), audĭn изъ audisne, ī-dem (is) (но ējus-dem; trans-dō и trā-dō); corpu(s)-lentus; рѣдко между гласными: Cere-ālis (вм. Ceres-ālis) [Въ греч. же s обыкн. исчезаетъ между гласными: γένε(σ)ος рода, а также и въ началѣ слова, напр. ἕξ = лат. sex, т. е., точнѣе, переходитъ въ ʽ = h; въ русск. царь вм. цѣсарь (caesar)].

г) Гортанные c и g, стоящие между звучными r и l съ одной стороны и зубными t и s съ другой, выпадаютъ [r, l + (c, g) + t, s; напр. rct, lgs и пр.]: sar(c)-tus (sarc-iō), tor(c)-tus, tor(c)-sī (torqu-eō), indul-tus, indul-sī (indulg-eō), spar-sī, spar-sum (sparg-ō). (Но въ оконч. слова такия сочетания терпятся: falx, merx, см. §20). Иногда выпадаетъ c и между n и t: quin(c)-tus (quinque). Также иногда c и g, даже находясь послѣ гласныхъ, выпадаютъ передъ m и n; напр. dē-nī (dĕc-em), exāmen (хотя ag-men, отъ √ag). — Изрѣдка g передъ v: nix (= nic-s вм. *snig-s, см. выше п. 3а.), genet. nivis вм. nigvis (но обыкн. въ такихъ случаяхъ утрачивается не g а v, какъ сейчасъ увидимъ).

д) h и губные v и m въ предлогахъ com и circum часто исчезаютъ между гласными (послѣ чего или остается зiянie или является синэресь; §§18.3. и 19.1), напр. nēmō (= nē-homō), nīl изъ ni-hil, mī = mihī, prae-beō (вм. prae-hibeō); deus = dīvus, bo(v)um, audī-eram изъ audī-v-eram, Gnae(v)us; co-hibeō и пр. (кромѣ com-itium), circu(m)-itus. Иногда и передъ согласными: vē(num)-dō, bō-bus (изъ bŏv-bus) и пр. (ср. §23.ж). — Звукъ v часто колеблется послѣ c и g: loqu-ī но loc-ūtus; coqu-ō, coc-tus; ungeo и ungu-eō; ungu-ō, но unc-tum, unxī (т. е. unc-sī) (+). [Гр. F = v нигдѣ не сохранилось, напр. ἕσπερος = vesperus, ὄϊς изъ ὄFις = ovis; русск. государь (въ нар. прост.) осударь; ...]

е) Передъ j утрачиваются многие согласные звуки (см. §13. прим. 6); напр. mā-jor вм. măg-jor (ср. mag-is), ā-jō (= ăg-jō), sē(d)-jungō, pē-jerō (= per-jūrō), dī-jūdicō (dis), trā-jiciō (trans) и пр.; но и само j, особ. послѣ согласнаго звука, выпадаетъ передъ i: cōn-iciō вм. con-jiciō; ēiciō и пр. — [Въ позднѣйш. нар. нарѣчіяхъ, а также въ греч. и русск. яз. j произвело смягченіе согласныхъ §23].

ж) При трудности для произношения стеченія нѣсколькихъ согласныхъ выпадаетъ одинъ изъ нихъ; напр. su(b)s-cipere, o(b)s-tendō, cor(d)-culum, di-scō вм. *dic-scō, √dic. (Трудность же иногда облегчается и перестановкою звуковъ: mix-tus (т. е. mics-tus) и mis-tus вм. misc-tus (отъ misc-eō); ср. выше п. 1). Иногда утрачиваются и два изъ трехъ согласныхъ: sē-decim (вм. sex-decim).

Прим. 2. Нерѣдко — что видно уже изъ п. д — исчезаетъ и цѣлый слогъ (т. е. или исчезновеніе гласнаго влечетъ за собою утрату согласнаго или наоборотъ); напр. mēn-s изъ *ment-s вм. ment-tis, amā-stī (изъ amā-vi-stī), mā-lō (= mage-volō, т. е. исчезли два слога), sti-pendium (= stipi-pendium) и пр. — Образцы сильныхъ сокращеній: fortasse = forte-an-si-vis; edepol = *ē-deus-Polidences (*ē-de-Pollux). Еще болѣе въ роман. яз.: напр. изъ Augustus осталось во франц. только û (août); изъ metipsissimus произошло même (итал. medesimo) и т. д.

§22. Измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ сосѣднихъ согласныхъ.

Сюда относятся ассимиляція и диссимиляція, обыкнов. для облегченія выговора, а послѣдняя иногда и для устраненія однообразія.

1. Ассимиляція бываетъ (какъ и между гласными, см. стр. 46) или полная (приравненіе) — когда одинъ звукъ такъ подчиняется другому, что вполнѣ приравнивается ему, или неполная (уподобленіе), когда онъ только становится болѣе близкимъ къ нему или по органу или по способу произношенія. Та и другая бываетъ или прямою, когда

(+) Трудно рѣшить, утрачивается ли здѣсь коренное v, или оно, напротивъ, только вставляется. Смотр. Bендry l. c. p. 113–116, гдѣ приведены мнѣнія и другихъ ученыхъ.

I. Гревин.

первый звукъ стремится сблизиться со вторымъ, имѣющимся пока только въ мысли, или обратною, если послѣдующій подчиняется предыдущему, уже произнесенному. Въ первомъ случаѣ требуется большая быстрота и энергія мысли: Прямая гораздо чаще обратной.

а) Полная: α) прямая: особенно часто нѣмые и плавные передъ плавными и носовыми сравниваются съ послѣдними; напр. отъ √sup (sup-erus, sup-rēmus) sum-mus, √sed (sed-eō) sel-la; puer — puel-la, pater — parri-cīda. Иногда зубные передъ s переходятъ въ s: pos-sum вм. pot(e)-sum, cēs-sī вм. †cēd-sī (но чаще исчезаютъ, см. §21.а). Губные b и m передъ s въ s только въ jus-sī, jus-sum (jub-eō) и pres-sī, pres-sum (prem-o) [Греч. напр. γράφ-ω пишу, γράμ-μα письмо].

Прим. Наибольшею склонностью къ ассимиляціи отличаются предлоги: такъ ad приравниваетъ свое d всякому звуку кромѣ b, v, m, j и отчасти n: напр. ac-cēdō, at-tingō (но ad-moveō, ad-bibō, advocō, ad-notō и an-notō и пр.); ob и sub вполнѣ ассимилируютъ свое b предъ губными и гортанными: op-pōnō, sug-gerō (но ob-noxius и пр.); com и in передъ плавными и носовыми: col-locō, ir-rumpō, con-nītī, im-memor; inter и per иногда передъ l: intel-legō, pel-lūcidus (но и per-lūcidus, inter-luō и пр.); dis и ec (= ex) передъ f: dif-fidō, ef-ferō. Также въ мѣстоим. quid часто ассимилируется d передъ q, напр. quic-quid, quic-quam, (но также quid-quid, quid-quam) [Въ гр. напр. συλ-λέγω вм. συν-λέγω col-ligō; κάβ-βαλε изъ κάτ-βαλε сбросилъ].

β) обратная: s послѣ плавныхъ въ тотъ же плавный, какъ то: въ прев. ст.: pulcher-rimus, facil-limus (вм. -simus); въ imperf. conj.: fer-rem, vel-lem (вм. -sem), и въ praes. inf. fer-re, vel-le (вм. -se, ср. es-se).

t послѣ s переходитъ въ s въ образованіи супина и прош. прич., им. въ слѣд. случаѣ: если корень оканчивается на зубные d или t, то эти звуки передъ супиннымъ суффиксомъ -tum должны (вслѣдствіе диссимиляціи, см. ниже п. 2) перейти въ s, а этому s приравнивается слѣдующее за нимъ t, причемъ одно изъ этихъ ss иногда утрачивается (т.е. dt и tt въ st-ss-s); напр.: отъ √fid (fi-n-d-ō) †fid-tus, †fis-tus, fis-sus; √pat (pat-ior) pas-sum; √fod (fod-io) fos-sa (есть прич. употр. какъ сущ.); √ed (ed-ō) †ed-tum, †es-tum, es-sum, ē-sum; √claud (claud-ō) clau-sum [Въ греч. примѣры обратной ассим.: χέῤῥος изъ χέρσος грубый; ἵκ-κος (поэт. ἵπ-πος) изъ ἵκ-Fος equus = ekvus; въ русск. напоминаетъ ее напр. два-дцать, произн. двац-ать = два-дес-ять].

б) неполная: α) прямая: мягкіе гортанные и губные звуки передъ твердыми становятся твердыми, потому что иначе произнести почти невозможно (почему? см. стр. 27 сл. и 32); напр. √reg (reg-ō) rec-tus, rexī (т.е. rec-sī); √scrib (scrib-ō) scrip-tum, scrip-sī. Гортан. spir. h въ такихъ случаяхъ превращается въ нѣмой звукъ: veh-ō, vec-tum, vexī (т.е. vec-sī), а губн. spirans v замѣняется гортанною muta c; напр. vīv-ō, vic-tum, vixī (ибо vīv-ō, можетъ быть, изъ †vigv-ō; см. §21, п. 4 г. и д.); также fluō, struō, ибо = †fluvō (fluv-ius) †struv-ō. Въ письмѣ это не всегда выражается, напр. urbs, ob-trūdō, хотя говорится (а иногда и писалось) urps, optrūdō. [Гр. напр. λέγω говорю, λεκ-τός dicendus; γράφ-ω пишу, fut. γράψω (т.е. γράπ-σω); въ русск. говори(т)ся (но не пишется:) корош-ка, обсѣ (= вся), бес(с)толковъ].

Твердые же передъ плавными и носовыми иногда становятся мягкими, т.е. болѣе звучными (tenues въ mediae); напр. quattuor — quadrāginta, īlex, īlic-is — īlig-nus, †nec-legō — neg-ligō, sec-āre — seg-mentum и пр. (ср. §23) [Гр. διώκ-ω преслѣдую, διωγ-μός преслѣдованіе; также передъ mediae: γράφω пишу, γράβ-δην письменно; русск. где изъ къде, сватъ — свадьба].

Губныя mutae (p, b) передъ n, а n передъ губными измѣняются въ m; напр. отъ √sop (sop-īre) som-nus; √sab (sab-īnī) Sam-nium; in въ im: im-pōnō, im-buō (im-maneo, — ср. выше прим.) [Греч. √σεβ (σέβομαι чту) σεμ-νός почтенный, важный; ἔμ-πειρος вм. †ἔν-πειρος опытный].

Губное m передъ гортанными, зубными и j переходитъ въ болѣе близкое къ нимъ n (зубное): con-cors, con-gerō (com), tan-quam (tam), an-hēlō (am напр. am-plector); tan-tum (tam), eun-dem (eum), con-sul (com), con-jux (com). [Слав. дѫм-ѫ въ дѫ-ти; ем-лю въ ѧ-ти].

β) обратная: нѣмое t часто послѣ носовыхъ и плавныхъ переходитъ въ болѣе звучное и слѣд. болѣе близкое къ нимъ s (въ образованіи супина и прич. прош.): man-sum (вм. -tum), pul-sus, spar(g)-sum и пр. (однако: can-tum, cul-tus и др.) (Ср. выше а β).

2) Диссимиляція бываетъ особенно при столкновеніи двухъ зубныхъ нѣмыхъ (ср. 1. а. β.), т. е. t и d передъ t переходятъ въ s: eques-ter вм. equit-ter (отъ нос. e см. стр. 42: i=e), es-t = ed-t, claus-trum (claud-ō), potes-tās вм. potens-tās изъ potent-tās, — потому что иначе произнести очень трудно [Грч. напр. отъ πιθ варить есть прил. πισ-τός вѣрный; русск. крас-ть = крад-ть; плес-ти (вм. плет-ти)].

Com передъ f и v въ con (т. е. губное и носовое m передъ губными spīrantēs въ зубное и носовое n): напр.: cōn-ferō, con-vocō, потому что чрезъ то облегчается произношеніе и становится болѣе звучнымъ.

Иногда стремятся разойтись звуки не рядомъ стоящіе; вслѣдствіе стремленія такихъ звуковъ къ диссимиляціи, послѣ корней со звукомъ l слѣдуетъ окончаніе -āris а не -ālis, употребляющееся въ другихъ случаяхъ; напр. singul-āris, popul-āris, хотя plūr-ālis, mortālis, hiem-ālis и т. д. (впрочемъ -āris древнѣе, см. § 23. г.). По той же причинѣ merī-diēs вм. medī-diēs (§ 23 в). [Въ греч. напр. τί-θη-μι вм. θί-θη-μι и мн. др. под.; русск. февраль вм. феврарь; простон. калидоръ вм. корридоръ].

§ 23. Смягченіе согласныхъ.

1) Твердые согласные склонны (подобно гласнымъ и по тѣмъ же причинамъ) переходить въ болѣе слабые или мягкіе, напр. tenuēs въ mediae, mūtae въ spīrantēs, spīrantēs въ vōcālēs и т. п.

а) Tenuēs иногда переходятъ въ mediae; напр. t въ d: aput, set въ apud, sed; mentīrī — mendax; p въ b: populus — pūblicus (= populicus); отъ удвоеннаго √po (pō-tus) произ. bi-bō; c въ g: neg-ōtium (вм. nec-ōtium); vīgintī вм. vīcintī (изъ dvi-decen-tī = два-десяти), vīcēsimus и vīgēsimus. Но всѣ эти смягченія нѣмыхъ суть довольно спорадичны и иногда обусловливаются вліяніемъ другихъ звуковъ (См. § 13. прим. 4 и 5. и § 22. 1. б. а.) [Грч. ὄγδοος вм. ὄκτοος восьмой, ἕβδομος вм. ἕπτομος седьмой; русск. просвира вм. просфора; мал. одъ и видъ вм. отъ; фр. abeille = apicula].

б) Зубное d + губн. u или v, т. е. du, dv, переходитъ въ среднее между этими звуками b; напр. древнее duonos въ bonus, duis — bis, duellum — bellum (Грч. иначе: δίς изъ δϝίς = bis отъ δύο = duo = два).

в) Изрѣдка d и n переходятъ въ l и r, напр. lēvir вм. dēvir [слав. дѣверь, гр. δαήρ]; ol-ēre отъ √od (odor), merī-diēs изъ medī-diēs (см. § 22. 2), lympha изъ nympha [др. русск. Лука Жирята вм. Жидята].

г) r иногда смягчается въ l (да и вообще l произошло изъ r въ доистор. эпоху): греч. λείριον, лат. līlium, plūrālis (болѣе древнее) напр. вм. -āris (ср. § 22. 2). О трехъ видахъ звука l см. § 13, пр. 11. [Грч. κρύπτω и καλύπτω скрываю; русск. крикъ и кликъ; (малор.) лыцарь вм. рыцарь — отчасти вслѣдствіе диссимиляціи].

д) Сильное ослабленіе согласныхъ нѣмыхъ есть переходъ ихъ въ spīrantēs, что преимуществ. бываетъ подъ вліяніемъ i, j и отчасти e. Это въ особ. произошло въ поздн. народныхъ нарѣчіяхъ и потомъ еще болѣе въ ром. языкахъ; такъ b въ v; c(k) въ ц, ч и с(s); t въ ц и с(s), g въ дж и ж, d въ дз, x въ з, z въ з. См. § 13, прим. 1, 2, 6 и 7. — Иногда и въ другихъ случаяхъ fixus (т. е. fic-sus) вм. fig-tus [Грч. εἴκατι перешло въ εἴκοσι — двадцать; въ новгр. ζ = з, β = в(v). и пр. — Въ слав. такое смягченіе обычно: духъ, душе, дуси и т. д.].

е) s между гласными — и иногда передъ плавными — вслѣдствіе ихъ звучности, превращается въ болѣе звучное r (или исчезаетъ, см. § 21. б.), напр. majōrēs изъ majōsēs, generis (s), er-am (√es), arbōs и arbor, laudor (= laudō-sē), car-men (√cas), diur-nus (отъ diēs). Исключаются: asinus, nāsus, vāsis, rosa, miser и также въ сложныхъ: nisi, praesēns, dē-siliō, гдѣ оно, впрочемъ все таки смягчено, ибо произносится какъ з. Не переходитъ оно въ r и въ томъ случаѣ, если передъ нимъ исчезъ какой-нибудь согласный звукъ; напр.: dīvi-sī (вм. dīvid-sī), formōsus (вм. -ōnsus).

ж) Согласные v (которое въ лат. яз. можетъ быть только послѣ гласныхъ и послѣ l, r, k и s, напр. alvus, arvum, aqua, suāvis) и j часто переходятъ (особ. въ поэзіи) въ гласныя (ср. стр. 26 и 47); напр. solū-tum (solv-ō), locū-tum (loqu-ī), relicuus вм. reliquus, su-ētus и svētus (svescō); etiam = et jam, Pompeī вм. Pompeje, Gāius вм. Gājus, Trōius вм. Trōjus; суффиксъ -io изъ -jo, напр. med-iu-s, окончан. сравн. ст. -ior вм. -jor, напр. doct-ior (ср. mā-jor) и пр. Это называется diaeresis (διαίρεσις распущеніе; διά чрезъ, раз-, λύω пускаю, solvō). Потомъ это u или i можетъ сливаться

съ другимъ гласнымъ въ одинъ долгій звукъ или диφθонгъ (§ 18.1. и 19.1.а.): Jū-piter изъ +Jou-piter, prūdēns изъ +proudēns вм. prŏv(i)dēns), vōtum вм. +vŏv-tum (vov-eō), lau-tum и lō-tum (= lav-tum) [Греч. λούω вм. λόϝω мою; оконч. ср. ст. -ίων вм. -jων, ибо j исчезло въ греч.; малор. усй (всѣ), удова].

3) Въ позднѣйшихъ нар. нарѣчіяхъ даже l переходило въ u и i; потому то напр. изъ лат. falcōnem (acc.) фр. faucon, collum — фр. col; cou; отъ planus — итал. piano и пр. [бѣлор.: давау = давалъ, пошоу и т. п.; въ великор. нар. скои = сколь, щавей и т. п.; также в въ й: кравчій и крайчій; домой изъ домовь]. (+).

Прибавленіе къ фонетикѣ:
Обзоръ случаевъ долготы и краткости звуковъ (++).
§ 24. Начальные и внутренніе звуки.

Только количество конечнаго звука каждаго слова можетъ быть опредѣлено правилами; количество же начальныхъ и внутреннихъ звуковъ лишь отчасти подводится подъ правила; остальное узнается практически и отчасти соображеніемъ и аналогіею. — Часто только количествомъ какого нибудь звука отличается одна форма отъ другой (напр. nom. via, abl. viā; praes. venĭmus, pf. vēnimus и пр.) или даже одно слово отъ другого; напр.: acer кленъ, ācer острый; cănĕ — собакѣ, cānē сѣдое; comes спутникъ, cōmēs привѣтливѣе; cupidō — dat. abl. adj., cupīdō nom.; dicēs pr. conj. отъ dicāre, dīcēs — fut. ind. отъ dīcere; educat отъ educāre, ēdūcat отъ ēdūcere; diffidit — pf. отъ diffindō, diffīdit pr. отъ diffīdō; labor трудъ, lābor падаю; lepŏrēs зайцы, lepōrēs красоты; levis легкій, lēvis гладкій; mală бѣдою, māla яблоки, mālā щекою; manibus рукамъ, mānibus манамъ; parĕnt родитель, pārēns повинующійся; pilă мячемъ, pīla дротики, pīlā колонною; pālus столбъ, palūs болото; pŏpulus народъ, pōpulus тополь; velis — pr. conj. отъ volo, vēlis парусамъ; venire приходить, vēnīre продаваться и др.

Прим. Нижеизложенныя правила съ исключеніями относятся преимущ. къ золотому вѣку римской литературы (вѣкъ Августа, см. стр. 18 сл.); въ болѣе древнемъ языкѣ было больше случаевъ долготы, чѣмъ здѣсь показано; въ позднѣйшемъ — больше случаевъ краткости. См. § 18.3.

1. Коренной гласный звукъ обыкн. сохраняетъ свое количество во всѣхъ словахъ того же корня; въ производныхъ и сложныхъ словахъ остается неизмѣннымъ количество основныхъ словъ (напр. ămō, ămor сущ. и гл., ămābilis, red-ămō и пр.), хотя бы звуки измѣнились (căp-iō, ac-cĭp-iō, oc-cŭp-ō, ac-cep-tus; aequus, in-īquus и пр.).

Но нерѣдко коренной звукъ удлиняется то въ производномъ или сложномъ словѣ, то въ простомъ и основномъ (§ 16 и 17: случаи удлиненія вслѣдствіе утраты согласнаго, напр. mā-jor form. măgis, bōs, bŏvis, а также вслѣдствіе сліянія гласныхъ, напр. cōgō = coigo; здѣсь опускаются: см. § 18.1). Напр.:

a: lăbāre и lābī; păc-iscor — pāx, pācis, pāc-āre; plăc-ēre — plāc-āre; făteri — fā-rī и пр.; măcer — mācerō; nătāre — nāre; stăbilis, stăbulum, stă-tim, stă-tua и пр., но stā-re, stābam и т. д.; dă-re и пр. но dās, dā (lār, sāl, mās, pār, lāris и т. д.)

e: lĕg-ō — lēx, lēg-is, lēg-āre, col-lēga; rĕg-ō — rēx, rēg-is, rēg-ula; sĕcus — sēcius; sĕd-eō, sedīle, (assid-uus, in-sid-iae) sēd-āre, sēd-es, sēd-ulus (as-sīd-ō); sĕ-r-ō — sē-men, sē-mentis; tĕg-ō — tēg-ula.

i: dĭc-ō, -āre, dĭc-āx, con-dĭc-iō, maledĭc-us и т. п. но dīc-ō, -ere; fĭd-ēs, fĭd-ēlis, per-fĭd-us, но fīdō (dif-fīdō), fī-ūcia, fīd-us, in-fīd-us; ĭ-tum (сущ.), amb-ĭtus (сущ.), amb-ĭtiō, но ī-re, amb-ītus (прич.); linō, (но) lĭnum, līnea, lĭtera; lĭquō, lĭqueō, lĭquidus, lĭquor (сущ.), но līquor (гл.); suspĭcio (гл.), su-spĭc-or, но su-spīc-iō (сущ.); utī, ubī, ibī въ сложныхъ словахъ часто сокращаются.

(+) Народныхъ лат. нарѣчій и романскихъ языковъ мы должны были касаться очень мало, хотя они представляютъ много интереса. О нихъ см. Hugo Schuchardt'а Der Vokalismus d. Vulgärlateins, 3 Bde, Lpz. 1866–68, Diez Gramm. d. rom. Sprachen 3 Bde; Aug. Brachet Gramm. historique de la langue française. Paris (1867), pp. 89–142, Egger, Notions p. 19 sqq. (Послѣднія двѣ книжки особенно рекомендуются начинающимъ филологамъ).

(++) Ви. Грамм. Кюн.-Коссов. 2 изд., стр. 12–17 (или 3 изд. стр. 387–393). — Пособіями служили мнѣ, кромѣ Кюнера: Ant. Grimm Doctrina metr. 1838, pp. 7–46; Habenicht. Grundz. d. lat. pros. u. metr. 2 Afl. Lpz. 1868, стр. 5–16, и грамматики Grotefend'а 1829–30, m. I, стр. 172–180; Billroth'а, 4 изд. 1848, стр. 21–36; Zumpt'а 10 изд. 1850, стр. 14–25; Putsche 12 изд. 1856, стр. 326–332; Madvig'а 3 изд. 1857, стр. 9–15, Ананьева 1865, стр. 7 сл. и 145–153; Ellendt-Seyffert'а 7 изд. 1867, стр. 272–276. — Составленъ этотъ обзоръ съ чисто-практич. цѣлью и при томъ въ то время, когда въ 1ой гимназіи употреблялось еще руков. Кюнера въ пер. Носова, не заключающее въ себѣ подобнаго обзора. Впрочемъ, усвоиваться онъ, собственно, долженъ постепенно, практически, по мѣрѣ встрѣчающихся случаевъ, начиная съ 1го класса; такимъ путемъ въ 2–3 года узнаютъ почти все изложенное здѣсь, а тогда все можетъ быть легко повторено систематически. — Ученики должны знать, съ 1го кл., и соблюдать въ произношеніи количество каждаго слога въ каждомъ словѣ. Знаю по опыту, что при такомъ условіи знаніе незамѣтно и легко пріобрѣтается и усвоивается. Начинать же это дѣло только при чтеніи поэтовъ (как дѣлается нерѣдко) въ такой степени неразумно, что и говорить о томъ совѣстно. (Въ 1ой Кіев. гимназіи оно строго теперь дов. удовлетворит.)

O: nota (сущ.) — nōtus, nōmen и пр.; molestus — mōlēs; od-iūm — ōdī; personō — persōna; sopor — sōp-īre; vocō — vōx, vōcis, vōcālis (въ mōbilis и др. o удлин. въ заключ. зад.)

U: dux, duc-is — dūc-ō, dūc-is; prō-nuba, in-nuba — nūbō; lucerna — lūx, lūc-is, lūcēō и пр.; ruber — rūf-us; trudis — trūdō.

Изрѣдка гласный звукъ, переходя въ другой, принимаетъ и количество: hom-ō — hūm-ānus; sec-ō — sīca; nō-tus — cognī-tus и пр.; jūr-ō — dē-jer-ō, pē-jer-ō; da-re — dōs, dōnum.

2. Vocālis ante vocālem brevis est, хотя бы въ другихъ случаяхъ она была долга и хотя бы между ними было h; напр. monē-ō (изъ monē-re), prae-altus, trăhō.

Искл.: а) старый род. 1 скл. на āī: Romāī (1).

б) Зват. ед. 2 скл. собств. имен на ājus, ējus: Gāī, Pompēī.

в) род. дат. ед. 5 скл. ēī если передъ e есть i: diēī (но fidĕī, хотя въ древн. яз. было fidēī).

г) род. ед. īus въ 12 прил. и мѣстоимѣніяхъ; alīus, illīus и пр. (но только въ alius всегда ĭ; въ другихъ нерѣдко сокращается, а въ alterius даже обыкн. ĭ, отчасти потому, что иначе это слово не укладывается въ гекзам.(2)).

д) въ словахъ Dīus и Dīāna (но часто и Dĭāna).

е) въ гл. fīō (fīunt, fīam, fīēs и пр.) кромѣ fĭerī и fĭerem; но въ древнихъ ... было всегда ī: fīerī и т. д.

ж) въ междом. ēheu и ōhē.

з) въ греч. слов., если въ греч. яз. долгій звукъ или дифтонгъ; напр. Aenēās, Īō, Īus, āēr, Agēsilāus, Alexandrīa и пр. (Αἰνείας, Ἰώ, Ἴους, ἀήρ и пр.); кромѣ platea, chorēa (въ гр. ει) и academīa (въ гр. ī).

3) Гласный звукъ передъ j долгъ (но не потому, чтобы j было какимъ то двойнымъ звукомъ, а просто случайно или вслѣдствіе утраты согласнаго, см. §21,e); исключаются сложныя съ jugum: bĭjugus, quadrĭjugus.

4) Коренный звукъ бываетъ короткъ:

а) во всѣхъ глаг. 3 спр. на -iō (ior), напр. facio, capiō, patior;

б) въ глаг. съ perf. на -ui: mon-eō, vetō, colō, aperiō; исключ.: dēbeō (= de-hibeō), flōreō (flōs), pōno (= pŏsnō) и pāreō.

в) въ перфектахъ съ удвоеніемъ (здѣсь короткій звукъ и собств. въ корнѣ и въ удвоеніи), напр. pĕ-pŭl-ī; исключ.: cĕcīd-ī отъ caedō [и pe-pēd-ī].

5) Коренной звукъ — долгъ въ двусложныхъ перфектахъ и супинахъ (хотя бы въ praes. онъ былъ краток): vīd-ī, vīsum (vid-eō), mōvī, mōtum (moveō). Исключ.:

а) 7 перф.: bibi, dedi, steti (stō), stiti (stō и sistō), fidi, scidi и tuli (въ первыхъ 4хъ кор. звукъ находится собств. въ удвоеніи, а въ остальныхъ 3хъ удвоеніе утрач.: tuli изъ tetuli).

б) 10 супиновъ: da-tum, ra-tum, sa-tum, sta-tum (sistō), i-tum, ci-tum, li-tum, qui-tum, si-tum, и ru-tum (последнее прямо произведено отъ корня неудлиненнаго).

6) Въ сложныхъ словахъ вставочные (соединительные) гл. звуки, а также конечные звуки именныхъ и глагольныхъ основъ (образующихъ первую часть сложнаго слова) — какъ въ лат. такъ и въ греч. словахъ — коротки; напр.: tegumentum, omni-potens, archi-tectus, agri-cola, sacro-sanctus, pate-facio, philosophus, Poly-phēmus и пр. — Но если первая часть слова есть не основа, а слово въ извѣстной формѣ, то сохраняетъ свое количество: agrī-cultūra, intrō-dūcō; также звуки

будутъ долгими, если утраченъ согласный, напр. stīpendium = stipi-pendium и пр.; далѣе scī-licet, vidē-licet, въ сложныхъ съ diēs: bīduum, trīduum, merī-diēs, prīdiē, postrīdiē, quotīdiē; въ греч. словахъ, если въ греч. долгій: geōmetra, Mīnō-taurus и нѣк. др. (но quandō-quidem).

7) Въ глагольныхъ формахъ.

а) Отличит. признаки спряженій: ā 1го, ē 2го, ī 4го, ĭ или (передъ r) ĕ — 3го спряженія — сохраняютъ количество при слова передъ согласными во всѣхъ формахъ; только въ 3 спр. въ imp. ind. является ē: legēbam; а perf. и sup. часто образуются безъ этихъ звуковъ: domui, moni-tum, rectum, aperui и пр. — Кромѣ того:

б) a, o, u всегда долги въ глаголахъ (docē-bā-mus, legerātis, amā-tō-te, lec-tūrus); e — обыкн. долго, исключая:

α) передъ -ram, -rim, -rō (amā-ve-ram и т. д.); β) въ оконч. -beris (amā-be-ris), γ) нерѣдко въ 3 pl. perf. ind. (напр. dedĕrunt) (наконецъ въ 3 спр. передъ r, гдѣ 1е, 2е и 4 спр. имѣютъ ā, ē, ī; напр. legere (inf. act. и imp. pass.), legeremus);

iī — кратко, исключая: α) perf. -īvi во всѣхъ глаголахъ имѣетъ долгое ī; не только audiō — audīvī, но и cupiō cupīvī и т. д.; β) суп. оканчивается на -ītum во всѣхъ глаголахъ, имѣющихъ perf. на -īvī, напр. audī-tum, cupītum (но: moneō, mon-ui, mon-ĭ-tum и т. д.).

γ) оконч. 1 и 2 pl. -īmus, -ītis имѣютъ ī въ тѣхъ случаяхъ, когда 2 sg. оканчивается на īs; напр. sīmus, velītis, audīmus и т. д. (но legĭmus, vēnĭmus — perf.); въ perf. conj. и fut. ex. въ 1. 2. pl. (равно какъ и въ 2 sg.) i anceps: dederītis и т. д. (но чаще короткое чѣмъ долгое).

δ) Въ глаголахъ на -urio чаще ŭ, напр.: ēsuriō, parturiō; но: ligūriō, prūriō, scatūriō.

8) Падежныя и производныя формы именъ.

а) Въ -ābus, -ēbus, ōbus (ōba) предпосл. звукъ долгъ, въ ubus и -ibus краток, кромѣ būbus и sūbus.

б) Слова на o имѣютъ въ род. ōnis, дат. ōni и т. д.; исключ.: Macedŏnes, Saxŏnes, Lingŏnes, Teutŏnes, и др.

в) Въ окончаніяхъ -ālis, -āris, ānus, -īvus, -ōsus предпосл. звукъ долгъ (naturālis, vulgāris, hūmānus, nāt-īvus, odi-ōsus), а въ -icus и idus коротк. (bellĭcus, cupĭdus). Искл.: amīcus, mendīcus, pudīcus, aprīcus, antīcus, postīcus (и umbilīcus).

г) Прилаг. отглагольныя оканч. на -ĭlis (doc-ilis, facilis, laudābilis), а производныя отъ существ. на -īlis (hostīlis, puerīlis). Искл.: humĭlis и parĭlis.

д) Въ прил. на -inus обыкнов. ī (dīvīnus, genuīnus, peregrīnus, vicīnus); но ĭ — если означается время (crastĭnus, diutĭnus, pristĭnus) или вещество (adamantĭnus, crystallĭnus, fagĭnus). Однако: matutīnus, vespertīnus и repentīnus.

е) Греч. мужские patronymica на -ĭdes, -ădēs имѣютъ обыкн. предпосл. звукъ короткій (Priamĭdēs, Atlantiădēs), но въ производныхъ отъ именъ на -eus и -clēs всегда -īdēs; напр. Pelīdēs (Peleus), Hēraclīdēs и др., также: Amphiaraīdēs, Corōnīdēs, Bēlīdēs, Lycurgīdēs.

ж) Въ женскихъ patron. (-ais, eis, ītis, -ois, -ōtis, -īnē и -ōnē) предпосл. слогъ долгъ (Achāis, Ptolemāis, Chrysēis, Oceanītis, Minōis, Icariōtis, Nērīnē, Acrisiōnē); исключ.: Danăis, Thēbăis, Phocăis, Nērĕis.(+)

(1) Для краткости удерживаются названія 1, 2, 3, 4–5 скл. и 1, 2, 3–4 спр., хотя они неудовлетворительны. См. отд. III, гл. V.

(2) Въ „Metr." 526, n° 17 приведено alterius изъ Терентіана съ ī.

(+) Болѣе подробные перечни см. у Гримма, Гротефенда и н. др. — Остальные случаи хорошо усваиваются практикой.

§ 25. Конечные звуки.

I правило: На концѣ словъ ă, ĕ, y̆; ī, ō, ū.

Исключенія: (1)

1) ā: а) отв. ед. 1 скл.: terrā (2).
б) зв., отв. ед. 1 скл. гр. на -ās: Aeneā (но отъ словъ на -ēs зв. есть то ē, то ā, то ă: Anchīsē или Anchīsā, Atrīdā).
в) Изрѣдка и въ им. гр. на -ā: Gelā (Verg.).
г) зв. ед. 3 скл. гр. на -ās, antis: Atlā.
д) 2 л. повел. 1 спр.: amā, кромѣ putā въ знач. „именно".
е) Indēclīnābilia (напр. suprā, trīgintā) кромѣ itā, quiā и ējā (впроч. въ числит. иногда ă: trīgintă).

2) ē: а) им., зв., отв. ед. 1 скл. гр. на -ē, -ēs: crambē, Anchīsē.
б) зв. ед. 3 скл. гр. собств. именъ на -ēs: Sophoclē.
в) им. мн. ср. р. гр. 3 скл.: Tempē, cētē.
г) въ отв. 5 скл.: diē (а слѣд. и въ hodiē, quārē, rēfert важно), а также въ famē и requiē и въ сокращ. формѣ род. дат. 5 скл.: fidē и т. п.
д) 2 л. повел. 2 спр.: monē (однако: cavĕ, tacĕ, valĕ, vidĕ).
е) нарѣчія произв. отъ прил. 2 скл.: rectē (кромѣ benĕ, malĕ, temerĕ, infernē и supernĕ); также въ нар. ferē, fermē и обыкн. въ междом. ŏhē.
ж) односл. слова (напр. mē) кромѣ энклитикъ: ce, pse, pte, que, te, ve и вопр. ne. Отриц. есть nē (напр. nē dīcito, nēquam, nēquicquam и пр.) кромѣ nĕfās, nĕfastus, nĕfārius, nĕfandus, nĕque и nĕqueō. Неотд. предлогъ re- (= red) обыкн. корот., но иногда rē: rējicio, rē-tulī, rēperī.

3) ȳ: только въ сокращ. дат. гр. вм. yi (рѣдко), напр. Cotȳ.

4) ī: а) Въ греч. словахъ 3 скл., какъ то: им. ед. sināpī; зват. и дат. ед. словъ на -is: Alexī (зв.), Daphnidī (дат.) и дат. мн. на -si: Trōasī (всѣ эти случаи изрѣдка встрѣч. у поэтовъ).
б) въ частицахъ quasĭ, nisĭ (но отдѣльно nī и sī), также въ sĭ-quidem; далѣе utĭque и utĭnam (хотя utī).
в) anceps: mihĭ, tibĭ, sibĭ, ibĭ, ubĭ, cuĭ (въ сложныхъ: ibĭdem, alibĭ, ibĭque и ubĭque, но necubĭ, sīcubĭ, ubĭnam и ubĭvīs).

5) ŏ: duŏ, egŏ, illicŏ, cedŏ (пожалуй), modŏ (и сложн. dummodŏ, quōmodŏ (но сущ. modō), quandŏ-quidem (отд. quandō), древн. endŏ = in.
anceps: а) въ нѣкот. сущ. 3 скл. въ имен. пад.: homŏ, nēmŏ, leŏ, Nāsŏ и др. (чаще ō чѣмъ ŏ); но въ гр. всегда ō: Dīdō.
б) иногда въ двуслож. глаголахъ: amŏ, negŏ, vetŏ, volŏ, quaesŏ и нѣкот. друг.; (рѣдко въ другихъ формахъ и друг. глаголахъ).
в) octŏ, citŏ и prŏ- (prō- отдѣльно всегда долгое; въ сложн. словахъ prō преимущ. тамъ, гдѣ утратилось или ослабло прямое значеніе предлога, напр. prŏcella, prŏficiscor, а prō — гдѣ оно живо чувствуется: prō-videō, prō-cēdō). [Подробнѣе: prŏ въ procella, procerēs, procul, profānus, profārī, profectō, profestus, proficiscor, profiteor, profundus, pronepōs, propinquus, properō, propitius, protervus; во всѣхъ остальныхъ словахъ ō, хотя въ нѣкот. изъ нихъ иногда встрѣчается и какъ короткое, напр. prŏpāgō (родъ виноградной лозы), prŏpellō и др.] Въ греч. слов. обыкн. prŏ (prologus), иногда prō (propōla).

6) ŭ только въ древн. яз. въ endŭ (= endo) т. е. in, noenu(m) (= ne oinom) т. е. nōn и когда опускалось s: amatu.

---

(1) Порядокъ изложенія таковъ: 1 скл.: слова лат., слова греч.; 2-ое скл. лат., пот. греч. и т. д.; имен. пад. прежде род., род. — прежде дат. и т. д.; за именами слѣдуютъ мѣстоименія, за мѣстоименіями глаголы, за глаг. — неизмѣн. слова. Словомъ — расположены случаи въ той системѣ, по которой построена грамматика. Если ученикъ будетъ всегда имѣть въ мысляхъ эту систему, то гораздо легче усвоитъ и прочнѣе сохранитъ въ памяти этотъ перечень. — Впрочемъ, при правильномъ изученіи языка онъ почти все это (кромѣ нѣсколькихъ рѣдкихъ случаевъ) узнаетъ уже въ первые 2—3 года ученія (см. сноски на стр. 52 и 53). — Собств. этотъ обзоръ назначается не для высшихъ классовъ, а преимущ. для 3 и 4 классовъ; этимъ объясняются отступленія отъ научности въ пользу практичности. — Изложено очень сжато: это пріучаетъ къ вниманію и облегчаетъ обзоръ.

II правило: ās, ēs, ōs; ĭs, ŭs, y̆s.

Исключенія:

1) ăs: а) только два лат. слова: anăs, -ătis и văs, vadis (но vās, vāsis) (впрочемъ văs сомнительно).
б) им. ед. 3 скл. гр. -ăs, -ădis: lampas, Pallas.
в) вин. мн. 3 скл. гр.: crāterăs, hērōăs, Macedonăs.

2) ĕs: а) им. ед. 3 скл. неравносл., если въ род. предпосл. слогъ краткій, напр. mīlĕs, -ĭtis, segĕs, -ĕtis, obsĕs, -idis (искл.: abiēs, ariēs, pariēs, -ĕtis, pēs, pĕdis и Cerēs, -ĕris.
б) им. мн. 3 скл. гр.: Thrācĕs, Arcadĕs и им. вин. ср. р. ед. гр. 3 скл. (рѣдко): Cynosargĕs (= гр. ες).
в) ĕs — 2 л. indic. praes. и imper. отъ esse; также въ сложныхъ (adĕs, potĕs) (но ēs = edis).
г) предлогъ penĕs.

3) ŏs: а) въ гр. словахъ гдѣ = гр. ος, т. е.: въ им. ед. 2 скл.: Dēlŏs; им. ед. ср. р. 3 скл. chaŏs; род. ед. 3 скл. Palladŏs (но гдѣ въ греч. ως, тамъ и въ лат. ōs, напр. Mīnōs).
б) въ лат.: ŏs, ossis (но ōs, ōris), exŏs, -ossis; также compŏs и impŏs, -ŏtis.

4) ĭs: а) дат. и отв. мн. во всѣхъ случаяхъ, т. е. 1 и 2 скл. (terrīs, hortīs), 3 скл. гр. словъ на -ma (poēmatīs) и мѣстоимен. (nōbīs, vōbīs, hīs, quīs = quibus).
б) им. ед. 3 скл. неравносл. словъ съ род. на -ītis, -īnis и -entis, напр.: Samnīs, Salamīs, Simoīs; иногда долгое въ sanguĭs (inis) и pulvĭs (eris).
в) вин. мн. 3 скл. = ēs, напр. omnīs, trīs.
г) 2 л. ед. 4 спр., напр. audīs, а также въ fīs, vīs, sīs (и сложн.: calefīs, quīvīs, possīs и пр.), velīs, nōlīs, mālīs, а иногда (по требов. стиха) и въ perf. conj. и fut. exact.: dederĭs и т. п. (ср. § 24. 7. в. г.)
д) нарѣчія forīs и grātīs.

5) ŭs: а) им. ед. 3 скл. неравносл., если род. въ предпосл. слогѣ имѣетъ ū; напр.: virtūs (-ūtis), palūs (-ūdis), tellūs (-ūris) и въ словахъ sūs и grūs (-is) (но corpŭs, ŏris; genŭs, -ĕris, pecŭs, -ŭdis).
б) род. ед. 3 скл. гр. словъ на -ō: Iūs, Sapphūs.
в) род. ед., им. вин. зв. мн. 4 скл.: fructūs.
г) им. ед. гр. словъ 3 скл., напр. Amathūs, untis, tripūs, -ŏdis; исключ.: pŏlypŭs, ī (вм. pŏlypūs, odis) и Oedipŭs, odis и -ī.

6) ȳs — рѣдко: а) въ им. п. нѣкоторыхъ гр. слов., напр. Tēthȳs; б) въ им. и вин. мн., т. е. вм. -yes и yas, напр. Erinnȳs.

Прим. Изъ этого перечня видно, что imparisyllaba 3-го скл. на s съ предшед. гласн. имѣютъ въ им. ед. послѣдній слогъ долгій или короткій, смотря по тому, каковъ предпосл. слогъ въ косвенныхъ падежахъ (vēritās, mercēs, līs, dōs, virtūs; но: anăs, segĕs, lapĭs, compŏs, corpŭs); исключаются: 5 словъ на -ēs (см. выше) и односложн. mās (măris), bōs (bŏvis), sūs (sŭis) и grūs (is) и греч. на -ȳs, -y̆os.

III правило: Гласный передъ conс. (кромѣ s) въ концѣ словъ — коротокъ (О гласн. передъ s — см. II-ое правило).

Исключ.: 1) Слова на c (lāc, illūc) кромѣ făc, nĕc, donĕc, hĭc (им.) и hŏc.
2) Им. пад. ед. односл. словъ (sōl, sōlis; sāl, sălis; pār, păris; nīl) и двусл. liēn и сложныя съ pār (dispār и пр.); но: fĕl, mĕl, vĭr и cŏr.
3) Въ греч. словахъ, если въ гр. яз. долгій звукъ; напр. им. ед.: āēr, spinthēr, delphīn; вин. crambēn, Aenēān; род. мн. -ōn: metamorphoseōn; еврейск. собств. им. на -ēl (у христ. пис.): Gabriēl и пр. Исключ. Lacedaemŏn (вм. -ōn) и слова на -ŏr (вм. -ōr): Hectŏr, rhētŏr и пр.
4) Слѣд. лат. односл. неизм. слова: cūr, nōn, quīn, sīn, ēn и неотдѣлимыя частицы prōd и sēd (prōd-esse, sēd-itio) (Прочіе кор.: ĕt, ăd и т. д.)

---

(2) [къ 1-ому столбцу]. Слово ablātīvus передано, по примѣру проф. Шерцля, словомъ отводительный; ибо творительный есть въ сущности иной падежъ (съ иными суффиксами), для котораго есть лат. назв. instrumentālis (см. Отд. III. гл. V.

Отдѣлъ III. Этимологія (+).

Глава V. Имена и мѣстоименія (++).

§26. Корень и аффиксы.

Уже выше (§§2-9) пояснено: 1) что корень (radix) есть вначалѣ безсознательное звуковое отраженіе впечатлѣній отъ предмета (т.е. отъ какой-нибудь стороны его), а потомъ сознательно употребляемое народомъ выраженіе его представленій о предметѣ, его свойствахъ и т.п., или же только указаніе на предметъ; что корни всегда односложны и языкъ первонач. состоялъ изъ однихъ корней; 2) что они раздѣляются на знаменательные и указательные; 3) что въ нѣкоторыхъ языкахъ указательные (отчасти и знамен.) корни, служившіе для точнѣйшаго опредѣленія другихъ корней, мало-помалу срослись съ послѣдними, утративъ самостоят. значеніе (хотя могутъ существовать и самостоятельно, напр. m въ словѣ sum есть остатокъ корня мѣстоим. 1го л., являющійся и отдѣльно, въ видѣ главнаго корня словъ mē, mihi, meus и пр.) и спустившись на степень аффиксовъ (суффиксовъ, префиксовъ и инфиксовъ), чрезъ что явились части рѣчи и флексіи, т.е. односложные языки мало-по-малу превратились въ языки флексійные (стр. 9 и 14) и 4) что въ индоевр. языкахъ гласные звуки и въ главномъ и въ приставочныхъ корняхъ (аффиксахъ) могутъ усиливаться по этимол. причинамъ, а по оконч. образованіи языка и тѣ и другіе корни, по фонет. причинамъ (§7) могутъ ослабѣвать и даже утрачиваться, что иногда ведетъ къ обогащенію языка новыми словами или новыми граммат. формами. — Имѣя теперь въ виду вполнѣ сформировавшійся языкъ латинскій (какъ и другіе арійскіе языки) мы корнемъ впредь будемъ называть только главный корень слова, а приставочные — аффиксами. —

Корнемъ называется тотъ слогъ, который даетъ начало и значеніе словамъ. Но обширное значеніе корня (см. напр. √ak на стр. 8 и) точнѣе опредѣляется аффиксами. Ими выражаются всѣ тѣ отношенія и формы, въ коихъ можетъ быть мыслимо или представлено главное понятіе: какъ бытье, дѣйствіе, качество, существующія въ извѣстномъ времени и пространствѣ, въ связи съ другими понятіями и съ лицомъ говорящаго и пр. — Изъ аффиксовъ въ арійскихъ языкахъ господствуютъ суффиксы (Примѣромъ инфикса есть вставка носоваго звука n или m въ основу praesentis (см. §17 нач., §21. 2 и гл. VI), напр. ju-n-g-ō, la-m-b-ō, откуда онъ иногда переходитъ и въ имена: ju-n-c-tus, ju-n-c-tūra и пр.; образецъ префикса есть въ греч. augmentum, напр. ἔ-λεγ-ον, impf. я говорилъ, отъ √λεγ; чаще въ романскихъ языкахъ; напр. изъ народно-лат. ad illum, de illum возникли итал. allo, dello, потомъ al, del и франц. (съ измѣн. l въ u, см. §23. з) au и du. Сюда же относятся и русскіе предлоги, когда ими образуется грамматич. форма, именно будущ. вр., напр. по-йду, на-чну, при-мусь и т.д.)

(+) Въ этотъ отдѣлъ должны бы войти образованіе и флексія словъ (то и другое и по формѣ и по значенію); но словообразованіе до сихъ поръ не было изложено мною систематически; окончившіе теперь курсъ ученики изучали его по руков. Кюн.-Комов. стр. 259-272 лишь съ моими поправками и дополненіями. Прочимъ ученикамъ я его вовсе не преподавалъ систематически, отлагая это дѣло до изданія „Записокъ", въ которыхъ намѣренъ былъ помѣстить также переработку этого отдѣла Кюнера. Но измѣнившіяся мои обстоятельства заставляютъ меня ускорить работу и слѣд. отказаться теперь отъ того намѣренія. См. объ этомъ Schleicher 351-512, Bopp-Bréal (только о глаг.) III, 398-465; Heyse 350-390, L. Meyer I, 319-449 и весь 2й томъ; M. Müller рам., особ. 7я лекц. 1й и 2й серій и пр.; руковод. идеи у Curtius, Erläut. 133-148; для греч. яз. его же Gr. Gramm. 185-198; для ром. языковъ Brachet 258-303; для русск. Буслаевъ I 100-186 и пр.

(++) См. Schleicher Comp. 341-350, 374-659; Bopp (Bréal) I, 221-447 и весь 2й томъ, а также прекрасныя введенія Бреаля, т. II, стр. XVIII-XXXVIII и т. III, стр. I-XXXVII; Corssen ll. cc. passim; Neue I и II, 1-787; Heyse 415-422, 433-454 и 360-370; Egger 29-184; L. Meyer Vgl. Gr. I, 319-429; его же Gr. u. lat. Decl. (1-110); Bücheler Lat. declin. (1-69); Merguet Lat. Formenlehre 7-166 (весьма полезна какъ провѣрка всѣхъ существующихъ положеній, но иныя взгляды автора могу себѣ объяснить только желаніемъ быть во всемъ оригинальнымъ); Curtius Erläut. 40-74, 154-171; 184 сл. — Для ром. яз. Schuchardt Vocal. рам., Brachet 146-183 и Egger l. l. Для русск. и цксл. яз. Буслаевъ Ист. гр. 3 изд. I, 88-100, 131-135, 217-268 и II, 56-65, 193-7; его же о препод. отеч. яз. I 104-34 (по 1 изд.) и Поливановъ 59-115 (понятіе „флексія" очень не точно опредѣлено у Буслаева, I, 89 и совсѣмъ неправильно у Поливанова 18).

Корень можетъ: 1) а) оставаться въ своемъ обычномъ видѣ, напр. teg-ō, da-re, или же б) только измѣнить согласный звукъ подъ вліяніемъ сосѣдняго, напр. tec-tum (вм. teg-), quad-ringenti (вм. quat-); 2) усиливаться — для означенія продолжительности, оконченности, повторяемости, энергичности и пр. — а) или посредствомъ удвоенія, напр. bibō, murmur, tu-tud-ī и пр., или б) удлинненіемъ гласнаго, напр. tēg-ula; dā, dōnum, или в) переходомъ гласнаго въ болѣе сильный звукъ, напр. tog-a, или г) вставкою носоваго звука, напр. rum-p-ō (ср. rup-tum), jung-ō (ср. jug-um); 3) ослабѣвать — по фонетич. причинамъ — а) переходомъ гласнаго въ болѣе легкій звукъ, напр. dedī (√da), ad-di-tus или б) смягченіемъ согласнаго: dēvir въ lēvir (ср. греч. γραφ, γλαφ, γλυφ), или в) утратою согласнаго или гласнаго звука, напр. s-u-m отъ √es; pēs вм. +ped-s, līs вм. stlis (всѣ эти виды ослабленія могутъ быть одновременно) и 4) иногда даже совсѣмъ исчезать; напр. prae-tor вм. +prae-i-tor утратило √i; прич. ens (употреблявшееся только послѣ Р.Х. въ филос. яз., въ средн. р., какъ переводъ греч. τὸ ὄν сущее) осталось вовсе безъ корня (какъ и греч. ὤν м. и ж. р. и ὄν ср.) (См. §§ 17, 18, 21 и 24). Отдѣльные звуки корня, а тѣмъ болѣе цѣлые корни могли утрачиваться, конечно, только тогда, когда перестало чувствоваться жизненное значеніе ихъ, т.е. когда слова получили только условный смыслъ (См. стр. 11). Нерѣдко съ фонетич. порчею связывается позднее видоизмѣненіе коренного понятія.

Суффиксы раздѣляются на ѳематичные, служащіе для образованія основъ, и флексійные — для образованія слова, его грамматич. формъ, т.е. падежныя и личныя окончанія (первые обозначаются черточками съ обѣихъ сторонъ, напр. -a-, послѣдніе только спереди, напр. -a). Суффиксы также могутъ усиливаться по этимолог. причинамъ (ибо и они были некогда самостоятельными корнями), напр. amā-tō (повел.), terrā-ī (древн. род. п.), vic-tōr- (хотя vic-tr-īc- вм. +vic-tor-ic-), но они въ особ. подвергаются сильнымъ ослабленіямъ, сокращеніямъ и другимъ измѣненіямъ и часто утрачиваются.

Ѳематичные суффиксы подраздѣляются на первичные и вторичные. Первичными называются тѣ, которые непосредственно примыкаютъ къ корню, напрям. lup-o-, eq-vo-, eq-va- (√ek изъ ak), victor-, а также тѣ, которые присоединяются къ глагольной основѣ для образованія основъ именныхъ (прич., неопред. накл., названій дѣйствія и дѣятеля и пр.); напр. въ amā-nt-, audī-tor-, delē-tu- суффиксы -(e)nt-, -tor-, -tu- считаются также точно первичными, какъ и въ reg-ent-, rec-tor-, rec-tu-, хотя въ первомъ случаѣ они приставлены къ глагольной основѣ, образованной посредствомъ суффиксовъ -ā-, -ē-, -ī-, а во 2-мъ прямо къ корню (т.е. для образованія именъ глагольная основа всегда какъ бы принимается за корень). — Вторичными суффиксами называются всѣ остальные, т.е. присоединяющіеся къ готовымъ именнымъ основамъ; напр. -īno- въ eq-v-īno- (им. пад. equīno-s, позднее equīnu-s) отъ eq-vo-, -īc- въ vic-tr-īc- отъ vic-tor- и пр. Вторичныхъ суффиксовъ можетъ быть нѣсколько въ основѣ; напр. въ sapi-ent-is-si-mo- есть √sap, два первичныхъ суффикса -i- и -ent- (ибо посредствомъ -i- образуется глагольная основа sapi-, отъ которой посредств. -ent- причастная sapi-ent-) и три вторичныхъ суффикса: -is- (= -ios- суфф. сравн. ст. напр. въ mag-is), -si- и -mo- суфф. превосх. степ. (ср. max-si-mo-); въ amā-ba-(m) есть -ba- не первичный, а вторичный суфф., ибо служитъ для образ. глаг. формъ, а не именъ.

Флексійные суффиксы суть, напримѣръ, -s для именит. пад. (оно есть остатокъ корня указат. мѣстоименія въ первобытной формѣ -sa), -os — для род. пад., -m (= mi = me = ma) — 1-го лица и пр.

527. Основа и слово.

1. Основою или осною (thema) наз. та часть слова, къ которой примыкаютъ флективные суффиксы. По б. ч. она состоитъ изъ корня съ аффиксами, нерѣдко безъ нихъ; часто и корень и аффиксы усиливаются (стр. 56) для образованія основы. Обыкн. основа безъ флексійныхъ суффиксовъ еще не составляетъ слова и (безъ нихъ отдѣльно) не употребляется. Исключеніе составляютъ только: a) тѣ слова, въ которыхъ этотъ суффиксъ или утраченъ (слѣд. все таки былъ нѣкогда), или заміненъ удлиненіемъ гласнаго звука въ корнѣ или въ основ. суффиксѣ (напр. им. под. sāl (отъ основы sal) вм. sal-s, ср. грец. ἅλ-ς; др. имен. terrā); б) им.-вин. пад. нѣкоторыхъ словъ средн. рода, напр. genus, грец. γένος, сл. ... ; такія слова являются въ языкѣ чѣмъ-то недоразвившимся и потому лишены рода (см. § 29); в) зват. пад., ибо онъ есть восклицаніе, въ родѣ междометія, не составляющее части предложенія и потому не вполнѣ заслуживающее названія слова; въ немъ основа можетъ быть цѣлою и (чаще) ослаблена, напр. eque, ἵππε, боже, отче (см. § 30 и 31, 2) въ сложныхъ словахъ, напр. sacro-sanctus, λογο-γράφος, паро-ходъ и пр. (Основа обозначается черточкою позади себя; напр. terra-, genus-, суть основы, terra, genus имен. пад.).

Основы дѣлятся на простыя и составныя; простыя подраздѣляются на первичныя и вторичныя; а составныя на сложныя и соединенныя. Чѣмъ болѣе суффиксовъ или основъ въ словѣ, тѣмъ болѣе суживается и слѣд. тѣмъ точнѣе опредѣляется его значеніе. — Первичныя основы производятся непосредств. отъ корня (который можетъ являться въ самомъ разнообразномъ видѣ, а иногда и утрачиваться; стр. 56). безъ суффиксовъ или же съ первичн. суффиксами; напр. безъ суфф.: duc- есть и корень и основа слова dux (т. е. duc-s; грец. ὀπ-ς ὄψ слово; в слав. вѣдъ въ вѣдѣти); въ словѣ lēx- есть √lec (lec-erna), осн. lēc-; въ словахъ cor-rigō, su-rgō основу представляетъ ослабленный √reg; съ перв. суфф.: lup-o- (им. пад. lup-o-s, позднѣе lupu-s, отъ √lup вм. √luk; грец. λύκ-ο вм. Fλυκ-ο-, им. λύκος, слав. вълкъ; первобытный арійскій √vark, см. стр. 8 и 10); eq-vo-, eq-va- (√ek, ak), dīv-o-, сокращ. de-o (√div), am-ā- (напр. въ amā-mus), amā-nt- есть основа причастія amāns; vic-tor-, junc-to- (прич., √jug), prae-tōr- (здѣсь √i исчезъ, а суфф. tor- удлиненъ въ tōr-), men-ti-; hos-ti- (слав. па-мя-ть, гос-ть, грец. μῆτι- мудрость и пр.).

Вторичными основами называются образовавшіяся отъ первичныхъ основъ посредствомъ одного или нѣсколькихъ втор. суффиксовъ, напр. lup-īno- (волч-ій), dīv-īno-, eq-v-it- (им. eque-s, грец. ἱππεύ-, им. ἱππεύ-ς кон-никъ, всад-никъ), vic-trī-c-, maxi-mo-, aequi-tāt-, can-ti-tā- (напр. въ can-ti-tā-mus), sapi-ent-is-si-mo-, ce-cid-erā- (plqpf) и проч. Такимъ способомъ могутъ быть образованы прилаг. основы отъ существительныхъ и наоборотъ, глагольныя отъ именныхъ и глагольныхъ, именныя отъ именныхъ и глагольныхъ.

Сложною основою называется такое соединеніе нѣсколькихъ основъ въ одну, каждая отъ образуется одно новое понятіе, напр. au-cup- (им. au-cep-s = avēs capiēns, хотя отдѣльно cup, cep- есть только корень и нѣтъ слова cups, ceps; такъ же русск. птице-ловъ, хотя отдѣльно ловъ не значитъ «ловящій»; грец. ὀρνιθο-θήρα), arti-fic- (въ arti-fex = artem faciēns, хотя сама по себѣ fex не значитъ faciens), tubi-cen- (= tubā canēns), longi-manu-(s) (= longās manūs habēns), agri-cola- и т. д. (русск. водо-возъ, земле-копъ, святотатецъ, долгорукій, ... ; грец. ... были такими словами, напр. μακρό-χειρ- долгорукій, φιλό-λογο-ς и пр., ...).

Соединенною основою называется сопоставленіе нѣсколькихъ основъ, не образующее новаго понятія, ибо послѣдняя изъ нихъ употребляется и отдѣльно въ томъ же значеніи, напр. sacro-sanctu(s), per-magnu(s), cale-facito, и т. д. (русск. законоучитель и т. п.; грец. γορο-διδάσκαλο-ς и проч.).

Прим. 1. Отъ составныхъ основъ должно отличать сложеніе цѣлыхъ словъ (въ извѣстной формѣ) подъ однимъ главнымъ акцентомъ (§ 15), напр. agri-cultūra (здѣсь agrī есть род. п., а agrī въ agri-cola есть ослабл. основа вм. agro-), lēgislātor, quamvīs, quamobrem, abstineō. Иногда такія слова сливаются нераздѣльно, напр. seu = sīve = sī vīs (изъ sei vols, sei есть locat. отъ sī, а vols, vīs — 2 лицо отъ √vol), fortasse (см. 2е прим. на стр. 49е) и пр. Иногда вторая часть такихъ сложныхъ словъ до того ослабѣваетъ, что становится суффиксомъ; напр. окончаніе франц. нарѣчій -ment, и(тал.) ...

и фр.-сфр.-mente есть не что иное какъ лат. отвод.-пад. mente, нпр. фр. seulement, ит. solamente и др. фр. = лат. sola mente.

Основа не есть еще какая нибудь часть рѣчи и часто бываетъ одна и таже для имени и глагола, нпр. duc- есть основа въ dux и dūc- въ dūc-ō; rēg- въ rēx и reg- въ reg-ō; planta- въ сущ. (planta) и глаголѣ (planta-t) и пр. Однако въ языкѣ мало-по-малу нѣкоторыми суфф. стали преимущ. или исключ. образовываться глагольныя основы, другими — именныя и при томъ въ опред. значеніи; такъ суфф. -tor-, -ent- означаютъ дѣйствующее лицо, нпр. arā-tor-, fer-ent- (гр. ἀροτήρ-, φέρ-οντ-; сл. ора-тель, вѣ-тръ, бер-ѫт-); -tro- — орудіе, нпр. arā-tro- (гр. ἄρο-τρο-, сл. ора-ло); -os- (-us-, -es-) — названіе дѣйствія или слѣдствія его, нпр. gen-os- (гр. γέν-ος, сл. слов-ес-); -to- — прич. прош. страд.: da-to- (гр. δο-τό-, слав. би-то-), -ti- отвлеч. сущ., нпр. men-ti- (сл. па-мять, гр. μῆ-τι-); -io- весьма частый суфф. для образов. вторичныхъ прилаг. и сущ., напр. patr-io- (гр. πάτρ-ιο-, сл. отьч-ь-; ь = jъ = jo = io); -sko- начин. глаг., нпр. adole-sco- (гр. ἡβά-σκω-) и пр. Но есть и исключенія: языкъ долго колебался прежде чѣмъ закрѣпилъ за суффиксами опредѣленное значеніе (напр. hos-ti-, гос-ть-, гр. πό-σι-супругъ — вовсе не отвлеченны и суть рода муж.).

Также первонач. основою, т. е. ея суффиксами, не опредѣлялся и родъ; но постепенно, въ теченіи долгаго времени, языкъ усвоилъ имъ нѣкоторое обозначеніе родовъ; такъ суфф. -a- (первонач. -ā-) сталъ принадлежать преимущ. женск. роду, а -o- (первон. -a-) и -u- — муж. и ср., напр. lupo- м., lup-a- ж., jug-o- ср. (гр. λύκο-м., сл. влько-, χώρā- страна ж., ζυγό-, иго- ср.), но со многими исключ.: напр. collēg-a-, scrīb-a-, ad-vēn-a- м. р. (гр. νεα-νίā-, р. юноша-, κριτά- (им. κριτή-ς) судья и др.); основы женск. р.: tribu-, dom-u-, ac-u- (гр. ὁδό- путь, λιγνύ(ς) дымъ и др.; въ слав. нѣтъ такихъ); основы на -i (особ. отвлеч. на -ti-, -ni-) чаще ж. р., согласныя основы чаще м. и ср. р. чѣмъ ж. Согласно съ тѣмъ основы именъ прилаг. м. и ср. р. оканчиваются на -o-, ж. — на -a-, напр. novo- м. и ср., nov-a- ж. (гр. νέϝ-ο-, νέϝ-ᾱ-, сл. ново-, нов-а-); прилаг. основы на -i- и на согл. звуки одинаково принадлежатъ всѣмъ родамъ; напр. facili-, mājōs- или māj-ōr- (гр. μείζον-) и пр. (30, 1 — 31, 1. е.; ср. § 29, 1).

2. Словомъ наз. опредѣленная часть рѣчи и предложенія, обыкн. снабженная (или бывшая снабженною) показателями отношеній выражаемаго имъ понятія въ предложеніи — флексійными суффиксами; напр. -s означаетъ самост. слова (им. п., нпр. lupo-s, λύκο-ς, въ сл. утрачено), -i указываетъ на мѣсто (мѣст. п.), -m или -mi — 1ое лицо и т. д. Но иногда просто основа становится словомъ (см. стр. 57), т. е. въ этихъ случаяхъ отношеніе остается не выраженнымъ грамм. формою (какъ въ нефлексійныхъ яз. (стр. 9 и 11). Слово возникаетъ только въ предложеніи (+); предложеніе же есть ассоціація нашихъ представленій, выраженная въ кажущейся логической формѣ (§ 55 и 1).

Прим. 1. Опредѣленіе слова, какъ основы обыкн. снабженной флексійными суфф., относится и къ неизмѣняющимся словамъ (нарѣч., предл., союз.), ибо и они суть нѣчто иное, какъ мѣстоименія, или имена, иногда глаголы, окоченѣвшія въ извѣстной формѣ; напр. quam, partim суть acc.; domi, ubi — loc., occultō(d), prō(d), sēd — abl.; puta (именно) — глаголъ; sive, quamvīs, scilicet — сложныя слова.

Слово по своему образованію и составу (см. стр. 57) бываетъ простымъ, составнымъ и связнымъ. Простое заключаетъ въ себѣ одну основу, составное — двѣ или болѣе, связное — состоитъ изъ двухъ или болѣе словъ (не основъ). Простыя подраздѣляются на первообразныя (первичныя) и производныя (вторичныя); составныя — на сложныя и соединенныя; связныя — на сцѣпленныя и слитныя (++). Таковы: 1. а) первообразныя: duc-s, lūc-s (гр. ὄψ т. е. ὄπ-ς); reg-ō, fer-t, cor-rig-ō (гр. λέγω говорю, сл. ес-мь и пр.); lupo-s (позднѣе lupu-s), deo-s, dīvo-s, equo-s, dic-tu-s, amā-ns (вм. amant-s, см. § 21, 4. а); съ утрач. суффиксами: sāl, eq-vā, victor (позднѣе: equa, vic-tor); безъ флекс. суфф. genos (позднѣе genus), nōmen (гр. ἄλ-ς, πατήρ, отецъ, θεό-ς богъ, θεά богиня, γένος; сл. имя, небо, вльк (ъ), жена) и т. д.

б) Производныя: lupīno-s (волчій, ἵππιο-ς конный), dīvīno-s, eques (ἱππεύ-ς кон-никъ), victrīc-s, maximos, aequitā-s, cantita-t, sapientissimu-s, ceciderā-tis и т. д. Въ произв. живо чувствуется зависимость отъ первообр.

2. а) Сложныя: au-cep-s, arti-fec-s, tubi-cen, longi-manu-s, agricola (гр. θηρο-θήρᾱς, μακρό-χειρ, φιλό-λογο-ς; русск. птице-ловъ, водо-возъ и т. д.); б) соединенныя: sacro-sanctu-s, per-magnu-s, cale-faciō (гр. φορο-διδάσκαλο-ς, рск. ф-ро-учитель). Въ составныхъ словахъ только вторая часть принимаетъ флексійные суфф. и становится словомъ, а первая остается на степени основы.

3. а) Сцѣпленныя: agri-cultūra, quamvīs, rēspublica и т. д. (гр. νεώς-οικος корабл. домъ; рск. много-трудный). б) Слитныя: seu, neu, fortasse, edepol и т. п. (такихъ особенно много въ романскихъ языкахъ).

Прим. 2. Изрѣдка встрѣчаются слова, составленныя изъ иностраннаго и туземнаго; напр. epi-tog-ium отъ гр. ἐπί и лат. toga; epi-rhedium отъ греч. ἐπί и галл. rhēda съ лат. отн. суфф. -io-, нпр. parasītā-ri и пр.

Прим. 3. Въ словахъ, заимств. изъ иностр. языковъ, обыкн. измѣняется только окончаніе, напр. τρίμετροι, trimeter, триметръ; но народъ нерѣдко совершенно ихъ передѣлываетъ на свой ладъ; напр. Pollux изъ Πολυδεύκης.

(+) Развитіе этой мысли см. въ особ. у Heyse 390-414, Kühner Ausf. gr. gr. II, 1-16 (1870 г., 2е изд.), Буслаева Грамм. II, 79-96.
(++) Эти названія не совсѣмъ удовлетворительны и здѣсь я ихъ впервые употребляю, въ надеждѣ, что кто нибудь укажетъ мнѣ лучшія.

carcer изъ κάρκαρον; въ поздн. народн. нарѣч. напр. colpus изъ colaphus = κόλαφος пощечина [отсюда во фрз. colp. coup] ударъ; въ рус. нар. слесарь = нѣм. schlosser. въ нѣм. armbrust = лат. arcuballista; часто во фр. яз. двойныя формы одного и того же лат. слова — народныя и ученыя (съ разными значеніями): raison и ration отъ ratio; у насъ изъ лат. magister вышли: магистръ (лат.), (гоф)-мейстеръ (нѣм.), мастеръ (нѣм.), (бурго-)мистръ (нѣм.-фр.), (пти-)метръ (фр.), маэстро (ит.)].

§ 28. Понятіе о частяхъ рѣчи и флексіяхъ.

1) По различнымъ значеніямъ въ предложеніи слова именуются частями рѣчи, которыя бываютъ или знаменательными или формальными (уже у Аристотеля φωναὶ σημαντικαί и φωναὶ ἄσημοι). Знамен. выражаютъ цвѣтное содержаніе, формальныя (служебныя) обозначаютъ тѣ формы, въ которыхъ его мыслимъ, или временныя, пространств., причинныя и образныя отношенія однихъ представленій къ другимъ и къ намъ самимъ. Къ знаменат. относятся имена (кромѣ числит.), глаголы (кромѣ вспомогат., служащихъ связкою, т.е. играющихъ роль одинаковую съ флекс.-суффиксами глаголовъ) и нарѣчія, произвед. отъ именъ и глаголовъ; къ служебнымъ — всѣ остальныя слова. Корни этихъ двухъ разрядовъ словъ обыкн. различны (см. стр. 14 и 55), но иногда формальный корень становится корнемъ знаменат. слова, т. е. форма дѣлается содержаніемъ понятія, напр. ūn-io, μον-αχος, ин-окъ; наоборотъ, знаменательный корень можетъ иногда (особ. во вторичныхъ языкахъ, стр. 11) до такой степени утратить свое значеніе, что является только въ служебной роли и даже въ качествѣ аффикса. Таковы homo въ словѣ nēmō (= nē-homō), hīlum въ nihil, nīl (= nē-hīlum); далѣе напр. вспомог. глаголы, бывшіе прежде знамен. словами; напр. √as, es (es-t, ἐσ-τί, есть) первон. значилъ „дышать", „жить"; √bhu (fu-ī, ἔ-φυ, бы-ть, bi-n) означалъ „расти", „возникать"; лат. stare и habēre стали въ ром. яз. вспомогат. (напр. фр. j'ai été = ego habeō statum; итал. sono stato = sum status, а по смыслу то и другое только = fui; также наше „стать" употр. нерѣдко какъ вспом. глаголъ); homo во фр. стало мѣст. on; pas изъ passus стало во фр. яз. отриц. частицею; отъ in casā — предл. chez; mente стало суфф. въ ром. языкахъ; scilicet, рус. хотя и пр. стали служ. частицами, хотя происходятъ отъ глаголовъ; — сущ.

Въ имени сущ. (nōmen substantīvum или просто nōmen, ὄνομα (+)) первонач. выражалось представленіе народа о предметѣ по его признаку (++); потомъ это имя стало б. ч. просто условнымъ обозначеніемъ предмета; прилагат. (n. adjectīvum, ἐπίθετον) и глаголъ (verbum, ῥῆμα) именуютъ отдѣльно какой-нибудь атрибутъ, признакъ предмета, но первое — какъ нѣчто самостоят., противопоставленное субъекту и находящееся въ покоѣ, неизмѣняющееся, второй — какъ тѣсно связанное съ субъектомъ (ибо суффиксъ глагола тѣсно его связываетъ съ подлежащимъ) и при томъ какъ преходящее, измѣнчивое („дерево (есть) зелено" и „дерево зеленѣетъ"); послѣднее свойство сохраняетъ и причастіе (participium, μετοχή), но можетъ его утрачивать, напр. potens, могучій, sapiēns, prūdēns. Знамен. нарѣчіе (ἐπίρρημα, adverbium) точнѣе опредѣляетъ как.-нб. атрибутъ, а не самую натуру предмета и этимъ отличается отъ именъ и глаголовъ. Мѣстоименіе (prōnōmen, ἀντωνυμία) и мѣстоименныя нарѣчія не опредѣляютъ предмета, а только указываютъ на него или на его качество, т.е. обозначаютъ формальное отношеніе его къ говорящему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какую роль онъ играетъ (1е, 2е, 3е). Мѣстоименія и числительныя бываютъ существительныя и прилагательныя. — Мѣстоименіе, достигшее высшей степени отвлеченности, является въ видѣ члена (articulus, ἄρθρον), дающаго болѣе точное выраженіе мысли, въ видѣ аффиксовъ и предлоговъ (praepositio, πρόθεσις), вмѣстѣ служащихъ для обозначенія отношеній главнаго понятія, и, наконецъ, въ видѣ союзовъ (conjunctio, σύνδεσμος), такимъ же образомъ показывающихъ отношеніе между цѣлыми предложеніями, какъ предлоги и аффиксы между отдѣльными понятіями. — Иногда на степень частицъ спускаются и знамен. слова. Междометіе (interjectio) есть какъ бы неразвившееся предложеніе (Греки причисляли его къ нарѣчіямъ; за особую часть рѣчи признали его Римляне и помѣстили вм. члена, чтобъ сохранить число 8) (xxx).

2) Имена (какъ сущ. такъ и прилаг., со включеніемъ числит. и отглагольныхъ), мѣстоименія и глаголы называются измѣняющимися, ибо являются въ различныхъ грамм. формахъ; нарѣчія, предлоги и союзы — неизмѣняющимися. Измѣненія тѣ называются флексіями. Точнѣе, флексія есть совокупность грамм. формъ, которыми выражаются роль и отношенія даннаго понятія въ предложеніи. Флексія именъ и мѣстоименій называется склоненіемъ (dēclīnātio), — глаголовъ — спряженіемъ (conjugātio). Флексія состоитъ преимущ. въ приставкѣ падежныхъ и личныхъ

(+) Привожу и греч. названія, ибо лат. и русскія представляютъ буквальный переводъ съ греческаго.

(++) Можно сказать, что вначалѣ всякое сущ. было прилагат., ибо означало признакъ предмета; различіе только въ томъ, что этотъ признакъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и названіемъ предмета, а теперь прилаг. означаетъ признакъ, отвлеченный отъ предметовъ. Напр. dēva-s значило первон. блестящій, потомъ — богъ, dīvus, deus, и въ санскр. оно не утратило еще основного значенія и имѣетъ сравн. и превосх. степени. (Porphyr. III, 7. — 4-ое изд.)

(xxx) Въ слѣд. стихахъ есть всѣ части рѣчи: Πρὸς δ' ἐμὲ τὸν δύστηνον ἔτι φρονέοντ' ἐλέησον (Il. 22, 59); Neu nimis ad caelum properans, nē [illegible] ille.

суффиксовъ къ основѣ, нерѣдко также въ усиленіи основы въ замѣну суффикса или на помощь ему, а иногда и въ другихъ измѣненіяхъ ея(*); напр. въ замѣну суфф. удлиненіе въ им. п. sāl (род. salis), lār (род. laris), гр. πατήρ (род. πατέρος или πατρός). вмѣстѣ съ суфф.: equō-rum (хотя основа - equŏ-, а суфф. -rum = som). Флексійные суффиксы присоединяются къ основѣ или непоср., напр. vōc-s, op-s, fer-t, или посредств. соедин. гласн., напр. rēg-i-bus, s-u-m, fer-i-mus (который нерѣдко становится непремѣнною принадлежностью извѣстной формы, такъ что бываетъ трудно отличить его отъ суффикса).

Слова чисто-формальныя (предлоги, союзы) не могутъ имѣть флексій какъ потому, что въ нихъ нѣтъ собственнаго содержанія, такъ и потому, что они уже имѣютъ форму (въ которой какъ бы окаменѣли); прилаг. мѣстоименія, членъ и прилаг. числительныя склоняются не по своей натурѣ, а вслѣдствіе граммат. потребности согласованія.

Во всѣхъ случаяхъ не имен. пад. и не неопред. накл. бываютъ началомъ слова, а основа, отъ которой и имен. пад. и неопред. наклоненіе производятся наравнѣ со всякою другою формою.

Прим. Изъ сказаннаго видно, какъ ложно избитое опредѣленіе, что слово состоитъ изъ корня и окончанія и что корень есть неизмѣняющаяся, а окончаніе измѣняющаяся его часть; ибо 1) должно отъ корня строго отличать основу (хоть онѣ иногда совпадаютъ); 2) корень можетъ сильно измѣняться; 3) не измѣняется окончаніе, а мѣняется, т.е. для каждой формы основа принимаетъ иную приставку.

§ 29. Отношенія именъ и мѣстоименій: родъ, числа, падежи.

1. Родъ (genus). Только одушевл. предметы могутъ по своей натурѣ быть мужескаго или женскаго рода. Но народная фантазія, одушевивъ и олицетворивъ безжизненные предметы, снабдила ихъ тѣмъ или другимъ родомъ, смотря потому, какое впечатлѣніе они произвели на него, т.е. какими ему показались — сильными, дѣят., возвышенными, грубыми, или же слабыми, пассивными, скромными, нѣжными и т.п. Но иные предметы не производили ни того ни другого впечатлѣнія: они остались неолицетворенными, и слѣд. безполыми, neutrius generis, т.е. не имѣющими ни того ни другого рода.(**) Съ другой стороны сюда же относятся и тѣ одушевленные предметы, которые еще не вполнѣ могли называться мужчинами или женщинами (наше дитя, гр. τέκνον) и тѣ, которые разсматривались какъ вещь, напр. mancipium. Родъ прилагательныхъ и мѣстоименій именъ зависитъ исключит. отъ потребности граммат. согласованія съ существительнымъ.

Примѣч. Отъ различныхъ сторонъ въ каждомъ предметѣ и отъ различнаго отношенія каждаго народа къ одному и тому же предмету и даже къ той же сторонѣ его (вслѣдствіе многихъ условій, ср. § 1, стр. 9), одинъ и тотъ же предметъ можетъ стать въ одномъ языкѣ мужескимъ, въ другомъ — женскимъ, въ третьемъ — лишеннымъ рода (напр. дерево и δένδρον n.g., arbor f., baum m.). Да и въ каждомъ языкѣ должно было часто происходить сильное и долгое колебаніе, прежде чѣмъ слово окончат. было причислено къ извѣстному роду. Такъ finis, grex долго колебались между муж. и ж. родомъ, vulgus между м. и ср., penus между всѣми родами и мн. др. (въ русск. яз. еще въ настоящемъ столѣтіи слово „ступень" было м. р., а теперь женск.). Родъ животныхъ по б. ч. нисколько не обусловливается ихъ естественнымъ родомъ (поломъ), а только народною фантазіею.

Родъ именъ первонач. ничѣмъ не обозначался въ языкѣ; позднѣе, какъ замѣчено (стр. 58), нѣкоторые деминутивные суффиксы стали принадлежать преимущ. извѣстному роду, такъ что родъ до извѣстной степени сталъ обозначаться основою; на помощь ей явились въ этомъ дѣлѣ флексійные суффиксы, но почти только въ падежѣ им. и отчасти вин. Такъ какъ только предметы олицетворенные, — слѣд. муж. или ж. рода — могутъ быть дѣйствующими, т.е. подлежащими, то они одни могли обозначаться суффиксомъ имен. пад. или подлежащаго — s (сокращ. изъ -sa; стр. 56; a) сюда же происх. греч. относ. мѣстоим. ὅ-ς и накл. членъ ὁ); neutra же не имѣютъ этого s: въ нихъ имен. пад. всегда одинаковъ съ винит., и или вовсе не имѣютъ падежн. суффикса (corpus, ἔπος рѣчь, слово), или характеризуются (только въ мѣстоименіяхъ) суффиксомъ t или d (= русск. то = гр. мѣстоим. и члену τό; напр. quid, aliud, ибо этотъ звукъ кажется какъ бы мертвымъ сравнит. съ -s; см. § 3), или пользуются суффиксомъ вин. пад. — m (dōno-m, bono-m); другими словами, они не имѣютъ настоящ. имен. пад., или — что тоже — могутъ быть только пассивными подлежащими согласно со своей безжизненной натурой. Исключ. составляютъ въ лат. яз. только прилаг. одного оконча-

(*) Здѣсь кстати замѣтить, что у насъ слово „флексія" совершенно извращенно понимается не въ смыслѣ родового понятія, котораго видъ суть склоненіе и спряженіе, а въ смыслѣ самаго суффикса флексійнаго. Вслѣдствіе этому г. Буслаевъ, очень смутно понимающій это слово, ибо хотя онъ на стр. 89 и 187 I т. (по 3 изд. 1868-69) правильно объясняетъ слово „флексія" словомъ „измѣненіе", но тутъ же противорѣчитъ нѣсколько разъ себѣ, называя флексійные суффиксы флексіями; такъ и въ другихъ мѣстахъ, и нигдѣ не употребляетъ названія флекс. суффиксъ; а Поливановъ (стр. 18) такъ таки прямо говоритъ, что окончаніе назыв. флексіею: „Измѣненіе флексій" нелѣпо.

(**) Такъ и гр. οὐδέτερα; въ русск. тоже — средними, въ нѣм. безжизненными (sächlich), въ санскр. klība-, т.е. скопцами.

нія, напр. compos, felix, dives, перенесшіе личную форму и на безжизненные предметы (почему?). — Также во множ. числѣ neutra отличены въ им.-вин. пад. суффиксомъ -ā (позднѣе -ă). Тогда какъ муж. и ж. слова имѣютъ (или имѣли) и тамъ -s и притомъ им. пад. отличный отъ вин. Позднѣе языкъ отчасти провелъ въ им. п. ед. ч. различіе и между м. и ж. родомъ, охарактеризовавъ первые сильнымъ звукомъ -s, а вторые, въ замѣнъ того, расширеніемъ полнаго звука -a до -ā; такимъ образомъ произошли первон. (въ ар. яз.) akva-s и akvā, откуда позднѣе въ лат. equo-s, equā, потомъ equa. Вообще женскій родъ преимущ. характеризуется полными или звучными или нѣжными звуками и формами (a, ā, i, ī), мужескій — менѣе полными, но сильными, энергичными (s, r), средній — краткими, глухими (t, m); но далеко не во всѣхъ случаяхъ такъ. — Далѣе, ж. р. также образуется посредств. осмат. суффиксовъ отъ основъ муж. р., напр. отъ victor- посред. -īc- составляется victr-īc-s, leō — leaena (гр. λέων, λέαινα; рск. левъ, львица) и пр. — Колебанія въ родѣ часто сопровождались колебаніями и въ формѣ слова: напр. joci и joca, epulum и epulae, penus съ род. penī, penūs и penoris, также penum penī и penō, penūs; tonitrua и tonitrus и мн. др. Иногда сохранялась старая форма, хотя родъ измѣнялся; такъ vulgus, vīrus и pelagus сохраняютъ форму муж. рода, хотя стали средними (vulgus нерѣдко употреблялось и въ муж. родѣ, а въ pelagus только возстановленъ греч. родъ, но въ греч. оно склоняется какъ γένος, Римляне же то -us приняли не за осн., а за флекс. суффиксъ). Вообще языкъ даже въ позднѣйшее время далеко не вполнѣ различалъ роды особыми формами; въ прилаг. это различеніе проведено полнѣе чѣмъ въ сущ. — Нерѣдко языкъ обращаетъ себѣ на пользу, между прочимъ и для означенія родовъ, даже чисто-фонетическую порчу; напр. въ болѣе др. лат. яз. ācris, celeris, потомъ ācer, celer одинаково принадлежали муж. и ж. роду; позднѣе испорченными формами ācer, celer стали обозначаться муж. р., а неиспорченныя ācris, celeris и т. п. остались исключ. за женскимъ; также сравн. степ. имѣла одинаковую форму для всѣхъ родовъ, напр. mājōs или mājor, а потомъ отсюда mājor стало м. и ж. р., mājus — ср.; но въ другихъ падежахъ этого различія нѣтъ (также и въ слав. яз. напр. новъ м. р. отличается отъ ново ср. р., хотя оно также произошло отъ ново(с)). Въ позднѣйшемъ языкѣ забыто первон. значеніе родовъ. Въ ром. языкахъ осталось только два рода изъ 3хъ лат., ибо слова ср. р. большею частью слились съ муж.; въ англ. яз. всѣ неодуш. предметы не имѣютъ рода или суть neutr. gen.; но въ поэзіи нерѣдко олицетворяются и тогда становятся муж. или ж. р.; также въ прозѣ ship корабль ж. р.)

2. Чиселъ (numerus) первон. было три — единств. singularis, двойств. — duālis и множ. plūrālis. Но двойственное, живое, наглядное число уступило свое мѣсто болѣе отвлеченному множественному (подобно всему пластичному въ языкѣ), оставивъ по себѣ въ лат. яз. слабые слѣды въ им.-вин. м. и ср. р. словъ duō, ambō и въ словѣ (d)vī-ginti. Падежи множ. ч. частью образуются особыми суффиксами, частью приставкою -s къ соотвѣтств. пад. числа единств. (s, какъ бы еще разъ указывая на предметъ, символически означаетъ его множественность). Двойств. число по формамъ есть видоизмѣненіе множ-го. [Въ гр. яз. оно сохранилось, но очень рано исчезло въ эол. нар., потомъ въ дор., наконецъ и въ общегреч. языкѣ. Прилож.); въ Нов. Завѣтѣ уже нѣтъ двойств. ч. Лучше сохранилось оно въ др.-цер. сл. яз., но въ русск. есть только нѣкоторые остатки его въ словахъ: два, двѣсти, очи, уши, колѣни и въ сущ. послѣ слова два, а по этой аналогіи и послѣ три и четыре.]

3. Падежей (casus, πτώσεις) было первонач. 8, которые, во вниманіи къ ихъ близости по формамъ и значенію, лучше всего расположить въ слѣдующія три группы: 1) nominativus именит., vocativus зват., accusativus — винит.; 2) genitivus родит.(1), ablativus отводительный(2), instrumentalis — творит.; 3) dativus дат. и locativus — мѣстительный. — Изъ нихъ имен. есть падежъ подлежащаго и сказуемаго, какъ относящагося къ подл.; винительный есть падежъ объекта, на который простирается дѣйствіе; слѣд. онъ стоитъ въ связи съ глаголомъ; зват. — не связанъ съ предложеніемъ и потому не имѣетъ особаго суффикса; этимъ падежемъ служитъ просто основа, которая можетъ быть усилена и ослаблена, или же вм. него употр. именит., во множ. же числѣ всегда пользуются; neutra не имѣютъ особаго

(1) У Нѣмцевъ вошло теперь въ моду писать genetivus, но Корссенъ (Ausspr. II, 297) доказалъ, что genitivus правильнѣе.
(2) Неправильно (какъ уже замѣчено въ выноскѣ на стр. 58) считать ablat. и творит. за тождественные падежи: и значеніе и суффиксы ихъ различны. — Творит. означаетъ орудіе, на вопр. чѣмъ; ablat. — переходъ изъ мѣста, на вопросъ откуда, за тѣмъ, постепенно, на вопросъ отчего, почему и наконецъ чѣмъ, т. е. онъ въ лат. яз. мало-по-малу принялъ на себя также функціи твор.-го, который потому и исчезъ; въ слав. же языкахъ исчезъ отвод., передавъ свои функціи родит. Двойную натуру лат. отвод-го замѣтилъ уже Квинтил. I, 4. 26: Cum dīcō „hastā percussī" nōn ūtor ablātīvī nātūrā, nec, si idem graece dīcam, datīvī." — Названія отвод. и мѣстит. заимствую я изъ статьи Лерхе въ Ж. М. Н. Пр. о трудѣ Шерцля о санскр. мѣстоим. — Мѣстит. лучше было бы мѣстный и по смыслу и по аналогіи съ прочими.

зват. п. (ибо неестественно обращаться съ воззваніемъ къ безжизненному предмету); ихъ винительно-именительный пад. въ случаѣ нужды употр. и вм. зват. Так. обр. neutra имѣютъ только 6 падежей вм. 8. — Родит. показываетъ происхожденіе и принадлежность и слѣд. стоитъ въ связи съ отводит. — исходъ изъ мѣста и потому часто даетъ бытіе нарѣчіямъ; творит. — орудіе или средство, а также сопровожденіе (съ кѣмъ?) (также нѣм. mit, фр. avec употр. въ томъ и другомъ значеніи). — Дат. означаетъ болѣе отдаленное отношеніе къ дѣйствію и потому бываетъ какъ при глаголахъ такъ и при прилагат.; мѣстит. указываетъ на мѣсто (гдѣ?).

Изъ нихъ лат. яз. сохраняетъ въ ед. ч. 7 падежей (loc. и voc. лишь отчасти, а neutra — 5), утративъ instrum., во множ. же только 4, ибо dat., loc. и abl. выражаются одною формою, а вм. voc., какъ сказано, во мн. ч. всегда nom. (neutra только 3). [Слав. яз. имѣетъ въ ед. ч. также 7 пад., но утраченъ отвод., а не твор. (neutra — 5), во мн. ч. 6 (вм. зват. годится им.; neutra 5). Двойств. ч. искони имѣло только 3 формы, сохранившіяся и въ др.-болг. языкѣ: 1) имен.-зват.-вин.- 2) род.-мѣстн., 3) дат.-твор.-отвод.). Въ русск. также — кромѣ двойств. ч.; особый винит. сохранился только въ ж. р. ед. ч. — Греч. яз. имѣетъ въ ед. ч. 5 пад. (neutra-3): имен., зват., вин., род. и дат. и нѣкоторые остатки отъ прочихъ. Но собств. дат. п. тамъ сохраняется только въ 1 и 2 склон.; въ 3-мъ же въ значеніи дат. дѣйствуетъ мѣстительный; этотъ дательно-мѣстительный падежъ принялъ на себя и функціи творительнаго, а родительный — отводительнаго. Во мн. ч. 4 пад. (neutra 3). Въ двойств. только 2: 1) им.-зв.-вин-й, 2) дат., замѣнившій собою и всѣ другіе падежи. Въ 5 в. по Р.Х. въ народныхъ лат. нарѣчіяхъ изъ 7 лат. падежей осталось только два — nominativus и accusativus; прочіе 4 выражались посредств. accus. съ предлогами, или, точнѣе, явились одинъ casus rectus и одинъ casus obliquus (это отчасти вслѣдствіе звуковой порчи, отчасти потому, что варвары не могли усвоить себѣ тонкостей лат. падежей), напр. caballus(-s) и caballo(m) (или -u(m)) и во мн. ч. caballi и caballos; pastor и pastore(m), мн. pastores. Потому и въ ром. языкахъ было сначала два падежа, напр. ит. ед. ч. cavallos и cavallo, pastor и pastore; мн. ч. cavalli и cavallos, pastori (по образцу 2-го скл.) и pastores; въ др. фр. ед. ч. cavals и caval, pastre и pasteur; мн. caval и cavals, pasteurs. Потомъ вин. сталъ употребляться и вмѣсто имен. (что окончат. укрѣпилось въ 14 в.), но въ итал. во мн. ч. наоборотъ вм. вин. им.; отсюда произошли ит. ед. ч. cavallo, pastore, мн. cavalli, pastori; фр. ед. ч. cheval, pasteur, мн. chevaux, pasteurs для всѣхъ падежей (x есть только неправильн. письм. знакъ вм. s; вообще въ старофр. яз. писали на концѣ безразлично x, s и z, ибо они одинаково произносились съ(?) и позднѣе одинаково перестали произноситься, §13, пр. 1; l превратилось въ u, §23, 3; наконецъ дифтонгъ au измѣнился въ o, §18, 2, а s (x) перестало произноситься, §21, 3. б. и так. обр. изъ лат. caballos и pastōrēs произошли въ фр. ševō и pastör. Въ иныхъ словахъ, на-оборотъ, исчезъ винит., а сохранился имениг., напр. fils, soeur, т. е. fis, sör].

Примѣч. Предлоги, имѣя одинаковое значеніе и происхожденіе съ падежными суффиксами (§28, 1) являются какъ бы на помощь къ нимъ, частью потому, что ограниченнымъ числомъ падежей не могутъ быть съ достаточною ясностью выражены всѣ возможныя отношенія (напр. импер. Августъ находилъ, что includere in carmen и т. п. яснѣе, чѣмъ классическіе обороты includere carmini или carmine и потому предпочиталъ говорить и писать съ предлогами), частью потому, что сила суффиксовъ съ теченіемъ времени слабѣетъ отъ частаго употребленія и фонетической порчи. Потому, чѣмъ долѣе живетъ языкъ, тѣмъ большую роль играютъ въ немъ предлоги; напр. у насъ мѣстит. п. употребляется теперь только при помощи предлоговъ (отсюда и названіе — предложный), напр. въ Кіевѣ, тогда какъ въ старину обходился и безъ нихъ: Кіевѣ; такъ какъ въ гр. яз. чрезъ сокращеніе числа падежей оставшіеся должны были обозначать слишкомъ разнообразныя понятія, то содѣйствіе предлоговъ было неизбѣжно, тогда какъ въ лат. яз. родит. и дат. пп. обходятся безъ нихъ. — По утратѣ же суффиксовъ и слѣд. флексіи (какъ въ ром. языкахъ), предлоги вполнѣ вступаютъ въ ихъ права, замѣняя ихъ собою, и потому весьма часты.

§ 30. Склоненіе именъ (dēclīnātiō, κλίσις).

1) Каждый падежъ, выражая опредѣленное отношеніе, долженъ былъ обозначаться однимъ опредѣленнымъ суффиксомъ (за нѣкоторыми исключеніями), примыкавшимъ ко всякой именной основѣ, а слѣд. искони могло быть только одно склоненіе (+). Но такъ какъ основы заканчиваются различными звуками, то испытали различныя же фонетич. измѣненія, которыми обусловливаются также различныя измѣненія сростшихся съ основами одинаковыхъ суффиксовъ. Отсюда произошло въ позднѣйшее время кажущееся различіе склоненій: не флексійные суффиксы различны, а окончанія основъ.

Согласно съ различными окончаніями основъ (и имѣя въ виду, что первонач. было только 3 гласныхъ звука a, i и u, см. стр. 26 и 40) можно раздѣлить всѣ имена на 2 большія группы (склоненія): 1) съ основами на самый полный гласный звукъ, никогда не переходящій въ согласный, т. е. первобытное a (гласное склоненіе) и 2) съ основами на согласные звуки и на гласные i и u (согласное склоненіе). Эти послѣдніе разряда помѣщаются въ одной группѣ какъ потому, что согласныя основы очень склонны принимать i, такъ и потому, что i часто утрачивается (напр. opi-s op-s, menti-s mēns), такъ, наконецъ, и потому, что гласные i и u очень родственны

(+) Эта плодотворная мысль была выражена и (благодаря санскриту) доказана Боппомъ, а у насъ впервые была высказана 20 лѣтъ тому назадъ (но до сихъ поръ остается почти неизвѣстною) въ магистерской диссертаціи: V. Zacharovic De una eademque omnium latinorum nominum declinatione. Petropoli, 1851. Къ сожалѣнію, у автора познаній было мало, смѣлости много, вслѣдствіе чего онъ наполнилъ свою книжку или старыми баснями, напр. „Lingua graeca latinae mater est" (что нѣсколько разъ повторяетъ: pp. 4, 6, 12, 32), или курьезами, напр. что dat. и abl. „alter ex altero natus esse videtur" (p. 8), или его генезъ формъ (p. 10 sqq.) или вся стр. 16 (почему is въ род. 3 скл. а не īs), или о вставкѣ r и b (p. 18 sq., 21 и особ. 24 sqq.), или „verbi esse radicem E esse, sed non es" съ характеристическою прибавкою „ut Kühnerus vult" (p. 38), или „Ablativum absolutum in lingua latina nunquam extitisse" (p. 40) и т. д. — На Боппа онъ ссылается, но почти его не читавши и не зная.

съ согласными j и v, отъ чего происходитъ частый переходъ первыхъ во вторые и наоборотъ (стр. 26, §19.4., §23. ф.); по этимъ причинамъ вполнѣ смѣшиваются эти три рода основъ [сюда же, конечно, относятся и основы на дифѳонги, но таковыя въ лат. и слав. языкахъ не сохранились въ чистомъ видѣ, напр. navi-(s) = гр. ναῦ-(ς), слав. свекров-; только греч. слова въ лат. яз. иногда удерживаютъ дифѳонгъ, напр. Orpheu-s].

Но первоначальное -ā- позднѣе осталось въ видѣ -ā- или -a-, а первоначальное -a- въ видѣ -o- (еще позднѣе въ лат. — но не въ греч. — -u-; въ слав. -o- и -ъ-), т. е. первая группа подраздѣлилась на двѣ. Так. обр. вышли три группы основъ или 3 склоненія: 1) -a-, 2ое -o- (лат. позднѣе -u-; слав. -o- и -ъ- = лат. ŭ), 3) согласное съ -i- и -u- (въ гр. υ вм. u; а также дифѳонги; въ слав. -ъ вм. u, ь вм. i). Такое дѣленіе принято теперь во всѣхъ греч. грамматикахъ.

Далѣе, -ā- въ нѣкоторыхъ словахъ (гл. обр. прилаг. -i) измѣнилось въ -ē- (māteriā; mātériē-s) (также и въ греч. въ -η), а слова съ основами на -u- стали въ позднѣйшее время сливать это -u- съ гласною суффикса флексіи (род. fructūs вм. болѣе древняго fructu-is); на этомъ основаніи лат. грамматики составили изъ -u-основъ — 4ое склоненіе, а изъ -ē-основъ — 5ое; но въ греч. грамматикахъ онѣ не отдѣлены отъ 3го и 1го. — Такъ какъ 5ое склоненіе есть только видоизмѣненіе 1го, а 4ое — 3его, то дѣленіе на три склоненія выше въ научномъ отношеніи и, поддерживая связь съ греческою грамматикою, полезнѣе въ практич. отношеніи; то мы дѣлимъ одинаково латинскія, греческія и слав. имена на три склоненія (точнѣе „группы"), обозначая ихъ словами: a-склоненіе, o-склоненіе и согласное склоненіе, или же римскими цифрами I, II и III; арабскія же цифры 1, 2, 3, 4 и 5ое употребляемъ въ обыкновенномъ смыслѣ [Такъ въ недалекомъ будущемъ, по всей вѣроятности, поступятъ и прочіе грамматики, по крайней мѣрѣ германскіе (нѣкогда и въ греч. грамм. считали 5 склоненій)]. Iое подраздѣляемъ на a-основы и ē-основы = 1 и 5; IIое = 2ому; въ IIIемъ различаемъ согласныя, -i-, -u- (= 3ему) и -u-основы (= 4ому). [Въ слав. почти, а въ русскомъ вполнѣ, слились o- и u-основы, ибо одинаково въ муж. р. им. п. измѣнились въ -ъ; напр. сынъ = sūnu-s (см. выноску на 8ой стр.) склоняется почти также какъ вълкъ = vlukо-s (см. стр. 57), а потому мы ихъ безъ различія помѣщаемъ во 2омъ скл.; согласныхъ основъ очень немного сохраняется (и то не вполнѣ) въ др.-слав. яз. и вовсе нѣтъ въ русскомъ, ибо последовали аналогіи основъ на -i (см. выше) (и отчасти основъ на -o- и -a-), напр. у насъ въ род. падежѣ матери (какъ кости), неба, но въ сл. матерe, небесе].

Основы и родъ многихъ словъ колеблется (какъ замѣчено въ §29.1); таковы: penо-s (penu-s, род. penī) m. f., penu-s m. и penū n. (род. penūs), penu-m n., penus n. (род. penor-is); pecu-s (основа pecud-) f., им. п. и основа pecus (р. pecor-is) n., pecū (р. pecū-s) n.; domu-s, colu-s — между o- и u-склоненіями (напр. domōrum и domu-um, т. е. здѣсь начатки того смѣшенія, которое вполнѣ совершилось въ слав.); vās, vāsis, но во множ. по o: vāsa, vāsōrum; epulu-m и epulae; locu-s во мн. locī и loca (здѣсь языкъ позднѣе воспользовался этою случайностью для передачи оттѣнковъ: locī librōrum, loca terrārum), saevitia и saevitiē-s, luxuria и luxuriēs и мн. подобныя (см. Kӱн-Koec. 3 изд., стр. 70 слл.).

Изъ основъ на ē и u не образуются въ лат. и сл. яз. прилаг. имена (въ греч. есть съ основами на -υ- (-ει)), но есть въ лат. прилаг. основы на -u, расширенныя посред. остат. суфф. -i- (въ слав. посред. -къ); таковы: tenu-i-s [сл. тонъ-къ, скр. tanu-s], levis вм. *legu-i-s (§21, 4. г.) [сл. льгъ-къ, гр. ἐ-λαχύ-ς, скр. laghu-s], suāv-i-s вм. *suadu-i-s [сл. сладъ-къ, гр. ἡδύ-ς, скр. svādu-s], brevis вм. *bregu-i-s [гр. βραχύ-ς, сл. кратъ-къ]. — Прилагат. съ основами на -o суть м. и ср. р. (напр. novo-s, novo-m, miser(u-s), miseru-m) и имѣютъ себѣ соотвѣтств. женскія на -a (nova, misera) [Также и въ гр. и слав.; напр. гр.: νέϜο-ς, νέϜο-ν, νέϜᾱ новый; δίκαιο-ς, δίκαιον, δικαίᾱ справедливый; ἐχθρό-ς, ἐχθρό-ν, ἐχθρᾱ́ враждебный; ἀγαθό-ς, ἀγαθό-ν, ἀγαθή добрый; слав. новъ (ъ = u-s = o-s), ново (o вм. o-m; см. §20 конц.), нова; синь (ь = jъ = iu-s), синје (је или ѥ = jo = io-m), синя (я = ja = ia). — Въ греч. иногда отъ o-основъ производятся прилаг. 3 родовъ (2хъ оконч.): ἀθάνατο-ς m. f., ἀθάνατο-ν n.]. Отъ основъ на -i есть прил. всѣхъ родовъ — 2хъ оконч.: facili-s m. f., facile (вм. *-i) n.; ācris m. f., ācre n., позднѣе и 3хъ оконч. (§29, 1) āc-e-r, ācri-s, ācre [въ гр. тоже, весьма нерѣдко: ἴδρι-ς m. f., ἴδρι n. опытный; въ слав. нѣтъ]; отъ основъ на согласныя есть прил. одного окончанія для всѣхъ родовъ: dīve-s вм. *dīvit-s; rapāx-s, позднѣе и 2хъ оконч.: major m. f. majus n. [Въ гр. также одного оконч., напр. ἅρπαξ вм. *ἅρπαγ-ς, и 2хъ: σώφρων m. f., σῶφρον n. разумный; μείζων, μεῖζον большій (есть и 3хъ оконч.) (въ сл. нѣтъ)].

2) Примѣч. Въ прилагаемыхъ таблицахъ помѣщается согласное склоненіе на первомъ мѣстѣ, ибо въ немъ падежные суффиксы наименѣе пострадали. Въ немъ можно различать столько оттѣнковъ, сколько есть звуковъ въ концѣ основъ. Слова ср. р. везде отдѣлены отъ муж. и ж. Для сравненія помѣщаются слав. и греч. склоненія (греч. — отдѣльно, какъ потому, что были отдѣльно изложены, см. стр. 4, такъ и для большей ясности, какъ неизвѣстныя). Таблицы эти должны уяснить генезисъ лат. формъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тожество ихъ съ греч. и слав. — Въ началѣ каждаго падежа показанъ его суффиксъ въ двоякомъ видѣ: 1) въ скобкахъ — въ древнѣйшей, но обыкн. не въ первоначальной, а въ той, которая ближайшимъ образомъ вытекаетъ изъ сравненія формъ лат., греч. и слав. (напр. род. пад. -os-, а не -as-); 2) въ древней, собств.-лат. формѣ. — Постепенное измѣненіе ихъ безъ всякаго труда пойметъ и замѣтитъ тотъ, кто усвоилъ себѣ фонетику. — Такъ какъ имѣлось въ виду генетически изложить формы, то было удобнѣе сдѣлать это на однихъ и тѣхъ же словахъ, чѣмъ на разныхъ. Звѣздочка (стр. 41) помѣщается, когда ни одно слово не сохранилось въ данной формѣ, но напр. genos безъ звѣздочки, ибо сохранилось въ надписяхъ Venos, opos. — Формы классическія подчеркиваются, а тѣ, которыя по образованію юнѣе классич. (напр. consilī), помѣщаются после нихъ, хотя бы преобладали въ архаич. время.

Склонения		III Согласное (и i-u) склонение. Латинское (masc. fem.)	III Латинское Neutra	III Славянское	II (o-) склонение. Латинское	II Славянское	I (a и e) склонение. Латинское	I Славянское
Окончания основ.		Mutae: gutturāl. c, g; labiāl. p, b; dentāl. t, d (nti). Semivocālēs: Nasālēs m, n; Spīrantēs s, r; liquidae r, l; i, ū (u-cul)	-en-(-in-), -ar, -arr-, (-ell-); -os-(-er-), -or-, -ur-, -ēr-; i, u (u-cul)	masc. fem.: -ъ-(ь), -ер-, -ов (гласн.); Neutra: -ен-, -ес-, -ят (= -ent)	Masc. fem. Neutra: -o-(-u-), -io-(-iu-)	Masc. Neutra: -o-(-ъ-), -jo-(-jь, -ь-), -ja-(-je-)	Fem. masc.: -ā-(-a-), -iā-(-ia-); Fem. masc.: -ē-, (-iē-)	Fem. masc.: -a-; Fem. masc.: -ja-(-ia-, -ie)
Образцы основ.		duc- m.f., lēg- f., jūdic- m., salic- f., rēmig- m., strig- f. (strigi-), arc- f. (arci-), conjug- m.f., fēlic- adj. m.f.; stirp- f., urb- f. (urpi-), chalyb- f., inop- adj. m.f., caelib- adj. m.f., princep- (cipi-) m.f., aucup-, cep- m.f.; ariet- m., milit- m., front- m., merit- f., frond- f., ped- m., vad- m.f., virtūt- f., pecud- f., obsid- m.f., ferent- (-enti-) adj., dīvit- m.f., praecipit- m.; hiem- f., sanguin- m., tubicen- (cin-) m., sermōn- m., ordōn- (din-) m., carn- f., nātiōn- f., rēn- m., Macedon- m.; bov- m.f., arbos- (-os-) f., lepōs- (ōr-) m., lepor- m., ciner- m. (-is-, -er-), Cerēs- f. (-er-), nūbes- f., majōs- (-ōr-) adj. m.f.; māter- f., pater- m., dator- m., sal- m., sōl- m., (vigil-) adj. m.f.; igni- m., ovi- f., hosti- m., menti- f. (menti-), nocti- f., ācri- adj. m.f., celeri-, vigili- adj. m.f.; sū- m.f., grū- (grui-), Orpheu- m.; senātu- m., arcu- m., acu- f., socru- f.	nōmen- (nōmin-), carcer-, vēr-, itiner- (iter-), farr-, nectar-, mell-; corpos- (-us, -or-), genos- (-us, -er-), robor- (-ur-), fulgur-, aequor- (-or), vās-, alt-, aes-, mūs- (rūs-), mājōs- (-ōr-) adj.; capit- (capit-), lact- (lacte-), cord-, alēc-, (poēmat-), dīvit-, ferent-, inop-; mari-, calcari-, animāli-, ācri-, mīti-, acri-, celeri-, facili- adj.; pecu-	камен- m., матер- f., свекры- f. (свекръв: ъі = ū; ъв: u из ov), кость- f. (пѫть- m.); имен-, агнят-, небес-; (ū (ъ): сынъ см. II скл.)	lupo- m. (lupu-), humo- f., agro- m., puero- m., deo- m., (deio-), novo- adj. m., saturo- adj. m., filio- m., Egregio- adj. m.; jugo-, dōno- (dōnu-), novo-, saturo-, Samnio-, egregio-	вълко-, сынъ-, огнjо-, краjо- (сынь, край), ново- adj. m., синjо- adj. m. (синь); иго-, (морjо) море-, (р. море) конjо-, ново-, синjе (синjе)	lupā f., deā f., scrība m., Aenēā (гр. m.), māteriā f., novā adj. f., egregiā f.; aciē- f., diē- m., rē- f., plēbē- f., māteriē- f.	жена- f., воевода- m., вода- f., нова- adj. f.; земля- f. (= землjа), судія- m., синjа f.
Падежи: Singulāris. Nom.	Суффиксы: -s	-c-s (= x); -p-s; [t]-s, [d]-s; m-s, [n]-s, -n-[n]; -[r]-s, [s], r-[s], -l-[s]; i-s (ē-s); u-s; u-s: dux, lēx, jūdex, salix, rēmex, strix, arx, conjux, fēlix; stirps, urbs (urps), chalybs, inops, caelebs, princeps, auceps; ariēs, mīles, frōns, merces, frōns, pēs, vas, virtūs, pecus, obses, ferēns, dīves, praeceps; hiems (hiemps), sanguis, tubicen, sermō, ordō, carō, nātiō, Macedō, rēn; bōs, arbos (arbor), lepōs (-or), lepus, cinis, Cerēs, nūbēs (mājōs), mājor; māter, pater, dator, sāl, sōl, vigil; ignis (ēs), ovis, hostis, (mentis), mēns, noctis, ācris (ācer), celeris (celer), (vigilis); sūs, grūs (gruis), (Orpheus); senātus, arcus, acus, socrus	Вместо имен. употребляется просто основа, которая служит также и вин. acc. и voc.: nōmen, carcer, vēr, iter (itiner), far, nectar, mel; corpos, -us, genos, -us, robor, -ur, fulgur, aequor, vās, aes, mūs, mājōs, mājus; caput, lacte, lāc, cor, alēc, (poēma), dīves, ferēns, inops; mare, calcar, animal (animāle), mīte, ācre, celere, facile; pecu	камы (матиі), (р. мать и матерь), (свекры), кость (пѫть); Основа: имя, агня, небо	-os (-u-s) [u-s]; Accusat. (вм. Nom.): -o-m (u-m), -io-m (iu-m): lupos, lupus, humus, puer (ue-s), (agrus) ager, (deios) deius, deus, novos (-u-s), saturus (-u-s), filius, egregius; jugom, jugum, dōnom, -u-m, Samnium, novom (um), saturum, egregium	-ъ (-ь), -ь (-ь), -и (-ь), -о, -е: вълкъ, сынъ, огнь, край, новъ, синь; (вм. Nom.): иго, море (море), конье, ново, сине	-ā, -a (ā-s): lupā, deā, scrība, (Aenēā-s), māteriā, novā, egregiā; iē-s, -ēs: aciē-s, diē-s, rē-s, plēbē-s (plēb-s), māteriēs	а: жена, воевода, вода, нова; я: земля, судья, синяя
Voc.	~	Вместо звательного употребляется именительный. Но въ греч. б. г. основа: Orpheu, Atlā, Sophocles или Sophoclē.		Какъ именит.: мати, свекры или усил. основа: кости (на ī, ь = ī) и по некот.: камени, матери	Ослабленная основа звука — Nōmin.: lupe; puere, puer; deus; filie, filī. Cl.: egregie; но deus.	Ослаб. o въ e и усил. ъ [ь] въ у (ъ): сыне и сыну, огню, краю, новъ, синь. Neutra — вм. Nom.	Nōmin. вм. Vocat.: dea, nova, aciēs и т. д. Въ греч. основа: Aenēā.	Ослабл. основа: а въ о, ja въ jo: жено, земле. Прил.: нова, синя.
Acc.	-am, -em, -m	Согл. + em, (e), а также иногда по -i-: -i-m и (какъ согл.) em; u-em, u-m: duc-em, aucup-em, matrem; nāvim и nāve-m, mītem, ācre-m; su-em; arcu-m	См. Nōminātīv.	камен-е[м], матер-е[м], кость[м], а также и камень (noi)	-o-m, -u-m; (-om, -um): lupo-m, lupu-m; и т. д. filio-m, -iu-m (-iom, -ium)	сынъ[м], огнь[м], край[м] и т. д.	-am (гр. -ā-n); -iem, -e-m: dea-m, Aenēā-n; diem и т. д.	-ѫ = -a-m (р. -у): жену; -ѭ = -ja-m (р. -ю): землю
Gen.	-os (после согл. осн.)	Согл. +os, -us, -es, -is (-u, -i); -i-is, -eis, -īs, -is (-i); u-is (вм. ū-is): duc-os, duc-us, duc-es, duc-is; ovi-is, oveis, ovis, su-is. (duc-u) (duc-i) ovis (ovī); nūbis. -u-os, -u-us, -u-is, -ū-s, -ū, -ī: acu-os, acu-us, acūs (acū, acī).	nōmin-us, nōmin-is; corpos-is, corpor-is; genes-is, gener-is; itineris (iteris), capit-is; maris; pecū-s, pecū; farris; acris; mājōs-is, mājōris.	камен-е(е) имен-е, матер-е(е), агнят-е, свекръв-е, небес-е, кости (и з ī s)	o-os, -o-is, -eis, -ei, -ē, -ī; или io-os, -io-is, -ieis, -iei, -iī, (-ī): lupei, lupī; filiī, filī.	вълка (по -o) и сыну (по u), огня и огню и т. д.	-ā-os, -ā-is, -ā-s, -ai-s, -ae, -ās (-ēs): deais, deaes, deās (deēs) (и т. п. с чем. гласн.); āi, ai, ae (ē): deaī, deae; diēi: -i, diē-is, diēs, diē-ī (diei), diē	-ы (р. ы), -ѩ (р. и): жены; землѩ
Abl. (Слав. Instr. -bhi)	(ot) -ed (часто прав. лишн. окон.)	Согл. +ed, -e, но часто и по i, а i усилен. в ei: -ei-ed, -ei-d, -īd и -ī; duc-ed, duc-e и пр.; или по i, какъ напр.: ignei-ed, igneid, ignēd, ignīd; ignē, ignī, igne (иногда e искл.: lapi). -u-ed (вм. ū-ed); su-e(d). -ū-ed, -ū-d и ū: acū-d, acū.	или по i, съ упраз. d: ei, ē, ī, e: nōmin-e(d), fēlīc-ī(d), marī(d); ferentī и ferente, и т. д.	Instrum. -мь (= bhi). Согл. м. р. идутъ по i: камень-мь, пѫтьмь; ж. р. на i по i: костьѭ (= кости-ja-мь).	ō-ed, -ōd, -ō: lupō-d, lupō; -iō-d, -iō: filiō(d).	Instr. -о-мь (II), ъ-мь (по III); -емь: вълкомь и вълкъ-мь; краjемь	ā-ed, -ā-d, -ā: deā-ed, deā-d, deā; ē-ed, ē-d, -ē: rēd, rē.	Instr. -о-ѭ (= a-ja-мь), je-ѭ (= ja-ja-мь): женоѭ, землеѭ
Dat.	(-oi) -ei	Согл. +ei, -ē, -ī; i-ei, -ei, -ē, -ī; также u-ī (вм. ū-ī); u-ei, -u-ī (u-i), -ū: duc-ei, duc-ē, ducī; ignei, ignei, ignē, ignī; su-ī; arcu-ei, arcu-ī (arcui), arcū.	nōmin-ī, marī, cord-ī и пр.: pecu-ī, pecū.	-и (= ī): матер-и, имени, кости и пр.	o-ei, -ō-i, -ōi, -ō; -iō: deo-ei, deō-i, deoi, deō; filioi, filiō.	-у (по III = ū); у (= u): сынов-и и сыну, морю-и, морю.	ā-ei, ā-ī, āi, ae, (-ā, ē): deā-i, deai, deae (deā, deē); ē-ei, -ē-ī, (-ē); diē-ī, diē.	-ѣ (= a-i); -и (= ja-i): женѣ, земли
Loc.	-i	Согл. по образцу -i, т. е. -i-i, ī; u-i, ū; сохранился въ немногихъ словахъ, ибо смешался съ dat. и съ ablāt., утратившимъ d: Lacedaemon-ī и Lacedaemon-e; rūrī.		Согл. по i, т. е. и (= ī): матери, кости (= dat.)	o-i, oi, ei, ē, ī; -iei, iē, ī (смешался съ род. у [?]): humī, domī, quintē, quinti	-ѣ (по I) и у (по II): сынѣ и сыну; -и (= jѣ): огни.	-ā-i, -āi, -ae; ē-i, -ēi, ē: Rōmae, diē.	-ѣ; и (= dat.): женѣ, земли
Plurālis. Nom. Voc.	-es	Согл. и u-основы идутъ по i, а i усиливается въ ei, след.: -ei-es, -eis, -ē-s (ī-s); -u-ēs, u-ēs; -u-es, -ū-s. ovei-es, oveis, ovē-s (ovī-s); duc-ēs; su-ēs; arcu-ēs, arcū-s.	Согл. -ā, -ă; -iā, -i-a (причем по i): nōmin-ā, nōmin-a, genera, mell-a, maria; mājōr-a, ferent-ia; pecu-a.	е (= ес): камен-е; но б. г. по i: и: кости; Neutra: а: имена, небес-а, матери, агнят-а.	-o-es, -ois, -eis, -es, -is; или: oe, -oi, -ei, ē, ī. Neutra: ā, a: lupo-es, lupois, lupeis, lupēs, lupīs, lupoe, lupei, lupī; dei, diī, dī. juga	-и (= -ы); ове (-ес): сынн и сынов-е; и (= ji): кони. Neutra: а: ига, моря	-ā-es, -ā-s или: ā-e, -āi, -ai, -ae (ā): deā-es, deās, de-ā-e, deai, deae (deā); -ē-es, ē-s: diē-es, diē-s.	Вин. вм. имен.: жены, земли (рек-ы, -и).
Acc.	-s (къ acc. sing.)	-em-s, -em-s-eis, -ēs, -īs; -um-s, -un-s, -ū-s: datōrēs; oveis, ovēs, ovīs; suēs; arcum-s, arcuns, arcūs.	Какъ Nominativus.	Все по i: ы (ис): кости, камени. Neutra = Nom.	-om-s, -on-s, -ōs: lupon-s, lupōs; -ion-s, iōs: filiōs. N. = Nom.: dōna	-ы (= ъ м с): сыны. -ѩ: огнѩ. N. = Nom.: -a, -ja	-am-s, -an-s, -ās (осск.) -ā-s: dean-s, deans, deā-s; -em-s, -en-s, -ēs: diē-s.	-ы, -ѩ: воеводы, судиѩ
Gen.	-sōm, -ōm	Редко +sōm, -rom, rum (bove-rum); обыкн. -ōm, -om, -um (и без m: ō, u): mātrom, matr-um, duc-um (boum), urbi-um, nocti-um, arci-um, menti-um, nūbi-um; ferent-um и ferenti-um; su-um; acu-um (acū-m)	nōmin-um; corpos-um, corpor-um, capit-um, poēmat-um, mājōr-um, mari-um, ācri-um; pecu-um.	-ъ (= ъ-м = um): камен-ъ, имен-ъ и т. д.; -ий (и ъ: ium): костий.	Удлин. основа: -ō-rom, -ō-rum (и -āro, -ō-rū): deārum; также: ōm, um: deom	-ъ (-м), -ь [м], -ий [м]: вълкъ, игъ, огнь, крај, копий.	ā-rōm, ā-rom, a-rum: dearum; -om-um: deum; ē-rom, ērum: diērum.	-ъ (= um); ь (= jum): женъ; землъ.
Abl. Dat. Loc.	Слав. -bhi: -bōs	Instr. суфф. bhi-s = ми, но м часто выбрасывается. bos, bus. Согл. +bos (очень редко): bō-bus, bū-bus; также sū-bus; обыкн. по i: -i-bos, i-bus: mātri-bus, ācribus, duc-i-bus, su-i-bus, -u-bus (-i-bus), -i-bus: acu-bus, (aci-bus), aci-bus. Loc. (слав. = ст.-ср. -хъ)	nōmin-i-bus, corpori-bus, capiti-bus, mari-bus, и т. д. pecu-bus.	Сл. instr. м. и ж. р. по i; neutra по -ми: каменьми, матерьми, (р. и. пенами); Dat. по i: -ьмъ, -емъ: костьмъ, матеремъ, кременемъ, небесемъ; Loc. по i: -ьхъ, -ехъ: именехъ, костьхъ, матер-е-хъ.	Instr. o-bōs, -i-bos, -i-bus (parvi-bus); или o-bs, -o-is, -ōis, -ōis, -oes, -eis, -ēs, -īs: lupois, lupoes, lupeis, lupēs, lupīs, -i-īs, īs: diīs.	-ы (= ъ-ми); и (= ь-ми): сыны, огни, краи. Dat. -о-мъ; je-мъ: сыномъ, краемъ. Loc. -о-хъ, -ѣхъ, чаще -ѣхъ (по I); и ихъ: сынохъ, -ѣхъ, -ихъ; краихъ	ā-bōs, -ā-bos, -ā-bus (deā-bus); ā-ōs, -ā-is, -a-is (осск.) -e-is, -īs: deais, deeis, deīs; -ās: deās. ē-bus: diē-bus, rē-bus.	Instr. -а-ми; -ja-ми: жена-ми, земля-ми; Dat. -а-мъ; -ja-мъ: жена-мъ, земля-мъ; Loc. -а-хъ; -ja-хъ: жена-хъ, земля-хъ.

Въ слав. есть еще двойственное, dualis; въ лат. остатки въ duō, ambō и (d)viginti (§29,2,32,3).

Nom. Voc. Acc. Суфф. -a, -e: III скл. -въ по i: и (=ье): кости, матери, имени и т.д.; II скл. -a (=оа) иногда и y (=ъе=ъа): сына и сыну, а слид. и на (т.е. ja въ м. joa): огня, края (ю); neutra -ѣ (=ai=ae) или и (=jѣ) по -a (I скл.): изѣ, мори. - I скл. -ѣ, -и: женѣ, земли.

Gen. Loc. Суфф. -ū = ст. оу. III скл.: камен-у, матеру (и по -i: матер-i-ю), имену и пр.; кості-ю (=костij-у; во избѣж. зіянія i измѣнилось въ ij, см. §19, 1.a. 4. и §21, 2.); II скл. -у (=ъу), -ю (=jo-у): сыну, краю, морю и пр.; I скл. -у (=ау), -ю: жену, землю.

Dat. instr. (abl.). Суфф. первоб. bhjām-s; въ слав. (-ms довѣрно утративъ, §21, 3. с.) изъ пред. bhjā, отсюда -mja, какъ в рск. дву-мя, нака-незъ) -ма: III скл. по -i: -ьма или -е-ма: кость-ма, матерь-ма, небес-е-ма и т.д.; II -ъ-ма, обыкн. -о-ма и je-ма: сынъ-ма, сыно-ма, огнье-ма, морье-ма, краье-ма; I скл.: -а-ма, ja-ма: жена-ма, земля-ма.

3) Простѣйшие образцы греческихъ склоненій.

Склоненія		III-е (согласное, -i- и -υ=u-) склоненіе.	II-е (-o-) склоненіе.	I-е (-a-, -ē-) склоненіе.
Основы. Singul.		ῥητορ- m. orator; πόσι- m. мужъ; πόλι- f. городъ; σῦ- (συ) sū-s свинья; βοτρυ- m. виногр. кисть. Neutra: γενος- (γενεσ-) родъ, πραγματ- дѣло.	λύκο- m. волкъ, ὁδό- f. путь, ζυγό- n. иго.	νεανία- юноша, πολίτα- (πολίτη) m. гражданинъ, χώρα- f. страна, γλῶσσα- языкъ f., δίκα- (δίκη-) f. правда.
Nom.	суфф. -s	ῥήτωρ, πόσι-ς, πόλι-ς, σῦ-ς, βότρυ-ς; γένος, πρᾶγμα (основа).	λύκο-ς, ὁδό-ς; ζυγό-ν (acc.)	νεανία-ς, πολίτη-ς, χώρα, γλῶσσα, δίκη.
Voc.	—	ῥῆτορ, πόσι, πόλι, σῦ-ς, βότρυ	λύκε, ὁδέ	νεανία, πολῖτα, χώρα, γλῶσσα, δίκη.
Acc.	-αν, -ν	ῥήτορ-α, πόσι-ν, πόλι-ν, σῦ-ν, βότρυ-ν	λύκο-ν, ὁδό-ν	νεανία-ν, πολίτη-ν, χώρα-ν, γλῶσσα-ν, δίκην.
Gen.	-os	ῥήτορ-ος, πόσι-ος, συ-ός, βότρυ-ος; γένε(σ)-ος, γένους, πράγματος	(λύκο-ος) λύκου, ὁδοῦ, ζυγοῦ	(νεανία-ος) νεανίου, πολίτου (=-ā-o), χώρα-ς, γλώσση-ς, δίκη-ς
Dat.	(-ai) -ei	ῥήτορ-ι (πόσι-ι) (πόσει) πόσει, συ-ί, βότρυ-ι; γένε(σ)ι, γένει, πράγματ-ι	λύκῳ, ὁδῷ, ζυγῷ	νεανίᾳ, πολίτῃ, χώρᾳ, γλώσσῃ, δίκῃ
Loc.	-i		(οἴκοι (domi), πέδοι (humi))	χαμαί (humi).
Instr.	(-bhi) -φι(ν)	у Гомера: ναῦφι(ν) (navi), στήθεσ-φι(ν) (грудью), σὺν ὄχεσ-φι(ν) (съ колесницею) и др.	Ἰλιό-φιν.	βίη-φι (vi).
Abl.	(-ot) -ως	[Adverbia: σωφρόν-ως (разумно)] [Есть и другой суффиксъ -θεν, -θε:	φίλω-ς (любезно)] οὐρανό-θεν (coelitus)].	
Pluralis N.V.	-ες	ῥήτορ-ες, πόσι-ες, σύες, βότρυ-ες; Neutra -a: γένε(σ)-α, γένη, πράγματ-α.	λύκοι, ὁδοί; Ntr. -a: ζυγά	νεανίαι, πολῖται, χῶραι, γλῶσσαι, δίκαι
Acc.	-c (-ns)	ῥήτορα-ς, πόσια-ς (ποσῖ-ς), σύ-ας (σῦς), βότρυ-ας	(λύκον-ς) λύκου-ς, ὁδούς; (=-o-a)	νεανία-ς (-ā-ς изъ -αν-ς), πολίτα-ς, χώρα-ς, γλώσσα-ς, δίκα-ς.
Gen.	(-sōm) -ων	ῥητόρ-ων, ποσί-ων, συ-ῶν, βοτρύ-ων; γενέ(σ)-ων, γενῶν, πραγμάτ-ων	λύκων, ὁδῶν, ζυγῶν (-ων = -o-ων)	νεανιῶν (νεανιά-ων), πολιτῶν, χωρῶν, γλωσσῶν, δικῶν. (-ῶν = -ά-ων и потому акц. всегда на посл. сл.)
Loc.	(-su) -σι	= dat. ῥήτορ-σι, πόσι-σι, συ-σί, βότρυσι; γένε-σι, πράγμα-σι = loc.	λύκο-ι-σ(ι), ὁδοῖς, ζυγοῖς(ι)	νεανία-ι-σ(ι), πολίταις, χώραις, γλώσσαις, δίκαις(ι) = loc. (θύρα-σι (foris), Ἀθήνησι (Athenis))
Instr.	(-bhi-) -φιν	не отличается отъ ед. ч.: ναῦφιν (кораблями), ὄρεσ-φιν (горами)	θεό-φι(ν) (богами)	ἀγελη-φιν (стадами).
Dualis N.A.V.	(-e) -e	ῥήτορ-ε, πόσι-ε, σύε, βότρυε; γένε(σ)-ε, γένη, πράγματ-ε.	λύκω, ὁδώ, ζυγώ (ω=oe)	νεανία, πολίτα, χώρα, γλώσσα, δίκα (ā = -ā-e).
D. G. и пр.	(bhjām) (φιν) -ιν	Всѣ идутъ по -o-, т.е. оканчив. на -οιν: ῥητόρ-οιν, ποσί-οιν, συ-οῖν, βοτρύ-οιν; γενέ(σ)-οιν, γενοῖν, πραγμάτ-οιν	λύκοιν, ὁδοῖν, ζυγοῖν (οιν вм. -o-ῑν).	νεανίαιν, πολίταιν, χώραιν, γλώσσαιν, δίκαιν. (-αιν вм. -ā-ῑν).

Прилагательные греч. (какъ и лат. и слав.) вообще склоняются какъ сущ., сообразно со своими основами. Здѣсь замѣтимъ только, что: 1) тѣ прил. ж. р., которыя въ ж. р. идутъ по 1 скл. (на -ā и -η) согласуютъ въ nom. и gen. pl. свой акцентъ съ акцентомъ муж. р., напр. δίκαιαι, δικαίων (не δικαῖαι и δικαιῶν); 2) въ сравн. ст. на -ιον- часто происходитъ въ acc. sg. m. f. и nom. и acc. pl. всѣхъ родовъ выпадение звука ν (§21, 4.a), а за тѣмъ непремѣнно crasis или synizesis (§§18, 1. b. и 19, 1. a); напр.: μείζο(ν)α, μείζω (acc. sg. m. f. и nom.-acc. pl. n.); μείζο(ν)ες и μείζο(ν)ας (nom. и acc. pl. m. f.) - въ μείζους.

§ 31. Примѣчанія къ таблицамъ склоненій (+).

1/a) Основа есть какъ бы общій падежъ, сохраняющійся отдѣльно въ зват. п. (въ им.-вин.-зв. п. нѣкоторыхъ слов ср. р.) и въ составныхъ словахъ (стр. 57. 58) и служащая подкладкою всѣмъ какъ бы частнымъ падежамъ. - Къ указаннымъ въ таблицѣ основамъ прибавимъ слѣдующія: g и c: greg- m. (reg- m.) (arpados m. f. и femin.: pāc-, lūc-, vōc-, nec-, silic-, rādic-; t и d: masc.: nepōt-, lapid-; m. f.: custōd-, praed-; fem.: anat-, aetat-, seget-, quiēt- (quiē-), lit-; s: masc.: mūs- (mūr-), mūs- (mūr-), glīs- (glīr-); adj.: vetus- (veter-), plūs- (plūr-); далѣе ass- (assi-), plēbes- (plēbi-, plēb-, plēbē-); neutr. (ossu-) oss-.

Во многихъ случаяхъ приведена основа въ двухъ и болѣе видахъ. Это означаетъ, что слово или имѣетъ параллельныя формы отъ разныхъ основъ (напр. plēbes и plēbēs и plēbs) или что одни падежи образуются отъ одной основы, другіе - отъ другой. Въ послѣднемъ случаѣ обыкн. им. п. отличается отъ прочихъ падежей и вторая форма есть только фонетич. видоизмѣненіе первой; напр. genos и genus въ им. пад., а genes-, gener- въ прочихъ; болѣе древнія формы поставлены впереди (aes, aes-, aer-). Но иногда идутъ дѣйствительно различныя основы; таковы: им. iter, прочіе падежи отъ itiner- (но встрѣчается и въ им. itiner, а косвенные падежи отъ iter-); также supellec-(s) въ им. п., supellectili- въ прочихъ (§21, 4. г. д.); senec-(s) въ им., seni- въ прочихъ; отъ nigv- есть въ им. nig- (nix = nic-s), въ прочихъ niv-.

(Ср. о колебаніяхъ въ основахъ слова §§ 29, 1. и 30, 1.)

Но наибольшее смѣшеніе происходитъ отъ того, что согласныя основы принимаютъ -i- (напр. им. под. въ твор. вм. ferentī и ferent-e, род. мн. parent-i-um, но и parent-um), а i- основы могутъ утрачивать свое i (напр. им. noct-s изъ nocti-s), lac изъ болѣе древняго lacte (=lacti) и пр. (см. стр. 62 сл.); по этой причинѣ не ... (вообщ. прилагат.)

(+) Сюда не входитъ б. ч. то, что ясно изъ самихъ таблицъ, напр. постепенное измѣненіе звуковъ. Изученіе таблицъ и примѣчаній во всей подробности излишне. Въ преподаваніи я ограничивался болѣе короткою таблицею, которую писалъ на доскѣ, и исключ. устными объясненіями (стр. 3), но это было неудобно. - Къ сожалѣнію, не все въ таблицахъ можетъ быть названо безупречнымъ. Но этотъ неизбѣжный здѣсь недостатокъ вполнѣ исчезаетъ предъ тою громадною и плодотворною выгодою, которую она доставляетъ, давая возможность разумно проникнуть въ строй языка, осмыслить его формы и видѣть ихъ родство съ нашими. Слав. и греч. языки перваго ведутъ ... преимущ. служебную роль для лат. яз. и постепенно ... обдуманно и послѣдовательно ...

всегда можно решить, на -i- или на согласный звукъ первонач. оканчивалась данная основа. (Еще гораздо большее смѣшеніе въ слав. яз.) — Нѣкоторые основы считаются согласными только потому, что утрачен гласный звукъ, обыкн. -i-, но иногда и -o- (напр. vās- вм. vāso-), -u- (oss- изъ ossu-, напр. древн. nom. pl. ossu-a, позднѣе oss-a) и -e- (им. ед. plēb(s) вм. plēbes). — Женскія основы на -es- сохраняютъ это -es- только въ им. ед. (напр. отъ nūbes- им. nūbes), а въ прочихъ падежахъ идутъ по -i- (см. ниже) (нпр. nūbis, nūbi-um; кромѣ Ceres-) или по -ē- (plebē-i) [Иногда и въ genet. пад. слѣдуютъ по -i-: nūbis, famis; Наоборотъ, нѣкоторыя основы на -i- иногда въ им. ед. слѣдуютъ аналогіи основъ на -es-, нпр. встрѣчаются cīves, apes вм. cīvis, apis.] — Такъ какъ конечное -o- основъ ослабѣло и потемнѣло въ -u- (стр. 41), то произошли двойныя формы въ им. и вин. ед. ч., нпр. lupo-s, lupo-m и lupu-s, lupu-m. — Наидолѣе оставалось o послѣ u и v (§19, 2. б), напр. mortu-os, serv-om. Такъ какъ въ этихъ падежахъ не отличалось u, происшедшее изъ o, отъ исконнаго -u- основъ (т. е. т. н. 2е скл. отъ 4го), то иногда происходило смѣшеніе въ склоненіи -o- и -u- основъ; напр. въ dat. domō и domu-ī, часто въ род. ед., напр. senātī (по -o-) вм. senātūs (по -u-), [рѣдко на оборотъ, нпр. Jānūs вм. Jānī. Первому u (происш. изъ o) соотвѣтствуетъ въ греч. -o-, второму -υ. Въ слав. -o- и -u- одинаково превратились въ м. р. въ -ъ, чрезъ что произошло полное смѣшеніе этихъ двухъ группъ основъ, отсюда — двойныя формы, напр. род. сына и сыну]. — Во многихъ словахъ -u-, происшедшее изъ -o-, ослабѣваетъ до -i- (стр. 41), чрезъ что образуются двойныя (или тройныя) формы во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ падежахъ, напр. hilarus (изъ hilaro-s) и hilari-s (см. Кин.-Кос., стр. 38). — Въ им. п. ед. ч. стремились исчезнуть o(u) и i особ. послѣ r м. и рѣже ж. р., чрезъ что являлись параллельныя формы; нпр. puer, celer вм. болѣе древнихъ pueru-s (o-s), celeri-s [Вслѣдствіе того многія прилаг. 3го скл. на -er принимаютъ въ косв. п. формы прил. 2 скл. на -er, нпр. род. equestris и equestrī. Иногда исчезаетъ и послѣ l: (fădo)s. — Больше объ им. п. см. ниже этой и Им. п. часто вліяетъ на формы другихъ падежей; см. напр. ниже 2. 1. Въ гр. сл. напр. иногда род. Atlae вм. Atlantis, см. нач. стр.]. — Наконецъ отъ основъ на -ia образовались и сохранились во всѣхъ падежахъ на -ie (materies).

б) Согласныя, -i- и -u- основы средн. р. служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ имен.-вин.-зв. п. безъ всякаго суффикса, но испытывая нѣкоторыя фонет. измѣненія. Такъ lac, os, cor, fel вм. +lact (изъ lacte, lacti), +oss, +cord, +fell (см. §21, 3. б.) [Также въ греч. πρᾶγμα вм. +πρᾶγματ, см. ibid. и §20 въ концѣ; въ сл. ягня вм. +ягнят, имя вм. +имен и небо вм. +небос или небес, см. тамъ же]. 2) i — или ослабляется въ -e (mare, acre, mīte) или исчезаетъ (послѣ -al и -ar), напр. animal, calcar вм. болѣе древнихъ animāle, calcāre (§17, i. 1. 2.), а вмѣстѣ съ этимъ соединено 3) сокращеніе гласнаго передъ согласнымъ; animal вм. animāl, — что происходитъ и въ другихъ родахъ, нпр. datŏr вм. datōr, mājor вм. mājōr и пр. [въ греч. ос. (напр. ἴστωρ) a въ слав. вовсе нѣтъ основъ на -i- ср. р.]. 4) u удлиняется въ ū: pecū, cornū [въ греч. не удлиняется, въ слав. нѣтъ такихъ основъ ср. рода]. 5) основы на -os- сохраняютъ это -os- или обыкн. только измѣняютъ его въ -us; въ прочихъ же падежахъ нерѣдко оно ослабѣваетъ въ -es, а такъ какъ s находится между гласными, то превращ. въ r (§23, е), и вм. -os- и -es- являются -or- и -er- (corporis, gener-is), иногда -ur- (fulgur-is). Это r изъ косвенныхъ иногда переносится и въ им. пад., напр. bicorpor, fulgur, robur (въ прочихъ падежахъ -or-, нпр. robor-is) (Все это бываетъ и въ словахъ м. и ж. р., напр. honōris изъ honōsis, arbor-is изъ arbos-is, а отсюда и въ им. иногда двоякія формы, напр. honos и honor, arbos и arbor, или же только r, а въ однос. всегда -ōs: mōs) [Слѣд. r въ концѣ основъ часто есть первоначальное (māter, fater, dator, vēr), часто произошло изъ s: honor, odor, labor, arbor, robur и пр.] [Въ гр. яз. -s- между гласными совсѣмъ исчезаетъ (§21, 4. в); въ им.-вин. пад. всегда -os-, нпр. γένος, а въ прочихъ всегда -e(s)-, нпр. γένε-ος; въ слав. въ им. п. -с должно было отпасть (§20 кнц. и 21, 3. б.), а въ прочихъ падежахъ всегда, какъ в греч. -ес-, напр. небо(с), небес-е]. — 6) Въ прилаг. съ согл. основою въ им.-вин.-зв. п. ср. р. служитъ не основа, а им. пад. м. и ж. р. (§§ 29, 1; 30, 1; 31, 2. а.)

в) Гласный звукъ конечнаго слога согласной основы, являясь въ косвенныхъ падежахъ въ открытомъ слогѣ (стр. 32) внутри слова, обыкнов. хорошо сохраняется, если защищенъ акцентомъ (стр. 39, §§15 и 16), напр. mercēdis, animālis, sermōnis; если же не имѣетъ акцента, то обыкнов. сокращается, ослабѣваетъ, иногда утрачивается, а въ им. пад. онъ въ такихъ случаяхъ б. ч. лучше сохраняется, находясь въ закрытомъ слогѣ (нерѣдко передъ двумя согласными) или даже усиливается вслѣдствіе утраты одного или двухъ согласныхъ. Нпр. въ род. principis, artificis корни cap и fac болѣе ослаблены чѣмъ въ им. prin-ceps, artifex (болѣе старую форму чѣмъ cip представляетъ cu-cupis); отъ основы и им. п. caput въ род. имѣемъ capitis, а въ составныхъ словахъ ослаб. и a въ i: prae-cipitis (хотя имѣетъ акцентъ); въ им. исчезли i и t, но a ослабѣло только до -e: prae-ceps (см. объ a на стр. 41). Усиливаетъ i до e въ им. пад., напр. въ jūdec-s (√ dic), mīles (вм. +mīlit-s) (см. стр. 42); исключая calix, salix (salic-is), strix (strig-is); но ī не измѣняется, нпр. fēlix (fēlīc-is); въ косв. пад. arietis, abietis, parietis есть e вм. i вслѣдствіе диссимиляціи (стр. 46). Часто удлиненный звукъ опять сокращается: mīles, sanguīs вм. mīlēs, sanguīs и мн. др. Въ м. и ср. р. -en- въ им. п., -in- въ прочихъ, нпр. tubicen, nōmen, род. tubicinis, nōminis; въ им. genos, genus, а въ прочихъ genes-, gener- и др.: Наоборотъ, им. corpus, robur, mājus, а въ прочихъ o сохранилось: corporis, roboris, mājōris. — Въ основахъ м. и ж. р. на -ōn- сохраняется въ косв. пад. -ōn- если было снабжено акцентомъ, напр. sermōnem, nātiōnem; въ противн. случаѣ ослабѣло оно въ -on-, -en-, -in-, -n-: hómōn-em (см. прим. къ §15 на стр. 39), hómōn-em, hómen-em, hóminem {наконецъ o совсѣмъ исчезло: отсюда франц. hom-me (вм. hom-ne(m)) съ ассимил.}; исчезло ō въ carnem; но въ им. п. сохраняется ō (позднѣе и 7уже -ŏ) въ замѣнъ за утрату -ns (homō вм. homōns)

Неакцентованное е часто выпадаетъ въ косв. пад., напр. patrem вм. paterem (но въ старину сохранялось, напр. Diespiteris; очень рѣдко исчезало и въ имен., напр. patr) [Въ гр. колеблется; напр. πατρός и πατέρος; въ русск. отца вм. слав. отьца.- Въ греч. сохраняется удлиненіе въ им. п. в замѣнъ за -s: πατήρ, ῥήτωρ и пр.; въ слав. небо, хотя въ другихъ случаяхъ -ес а не -ос: небеса, небес-ный]. Долгое -ū основъ sū- и grū- (grū- впрочемъ, есть м. б. только стяженіе изъ grui-) сохраняется передъ согл., а передъ гласными сокращается въ -ŭ: suem (§18, 3., §19, стр. 45 и §24, 2) [въ гр. также сокращается кромѣ им. и вин. п.: σῦς, σῦν; въ слав. ы передъ гласн. разлагается въ -ъв]; короткое же -u сливается съ гл. зв. флект. суффикса (artus, §18, 1. b. и 19, 1. a) [тоже и въ слав. сыну; въ гр. не сливается: βότρυ-ος].

3) Основы на -ē- суть (какъ выше замѣчено) б. ч. ослабѣвшія основы на -ā, что случилось въ томъ случаѣ, когда этому -ā предшествовало -i (т. е. здѣсь ослабленіе подъ вліяніемъ ассимиляціи, §19, 2. a. β). Но въ то время какъ -ā сократилось въ -a, всегда -ē оставалось долгимъ. Б. ч. для -iē- есть паралл. формы на -ia-, и обыкн. -ia- чаще, напр. amicitia-, pigritia-, tristitia- и пр.; -iē- чаще только въ canitiē-, effigiē-, intemperiē-, planitiē-; не имѣютъ паралл. формъ: aciē-, faciē-, rabiē-. Такъ какъ им. п. этихъ словъ оканчивается на -ē-s, то по ихъ образцу стали склоняться и нѣкоторыя основы на -iēs- и -iēt-, которыя въ им. пад. также должны были оканчиваться на -iēs, напр. diēs-, quiēt- (т. е. они отбросили, подъ вліяніемъ имен. п. свое s и t и удлинили e, черезъ что и произошло смѣшеніе основъ, а слѣд. и склоненій; что здѣсь основа первон. оканчивалась на согл. зв., видно изъ hodiernus, quietis и т. п.); далѣе, сюда же перешли и односл. слова на -ēs- (безъ предш. i) для сохраненія своего единственнаго гл. звука -ē: rēs, spēs (ср. spērāre). Наконецъ есть и двусл. на -ēs (безъ i), въ которыхъ -i, вѣроятно, утрачено, какъ fidēs, plēbēs.- Нѣкоторыя изъ нихъ колеблются между -e и -i склоненіемъ (между 5 и 3), какъ plebē(s), famē(s) и plebi-s, fami-s, а иногда и i утрачиваютъ въ им. п.: plebs (обыкн. основы plebes- и fames- идутъ по i; только fames- въ им. и абл. п. по e: fames, fame) [въ нар. напр. иногда [illegible]. Въ гр. есть также смѣшеніе ā и ē (η), но оно ограничивается формами ед. ч.: δίκη, им. мн. δίκαι].

4) [О слав. яз. замѣтимъ, что въ немъ сохранилось мало словъ, идущихъ по согл. склон. (б. ч. ср. р.), да тѣ склонны принимать формы основъ на -i (напр. вин. камен-е по согл., но и камен-ь по -i; ср. лат. nāvi-m и nāve-m); обыкн. же согласныя основы распространились поср. -i-, т. е. послѣдовали аналогіи основ на -i, нерѣдко даже идутъ по -a- и -o-.- Вообще въ немъ гораздо болѣе смѣшиваются склоненія, чѣмъ въ лат. (основы свекры- и пѫти- приведены лишь въ нѣкоторыхъ формахъ и помѣщены въ скобкахъ, ибо представляютъ много уклоненій отъ прав. формъ).- Въ русск. яз. вовсе не сохранилось согласнаго склоненія; въ немъ всѣ таковыя основы ж. р. пошли по -i, отчасти по -a (р. ед. матер-и, дат. мн. матер-ямъ), м. и ср. по -o (камень, камня; небо, неба).- Такъ какъ слав. яз. не терпѣлъ согл. звуковъ въ концѣ словъ (стр. 48, §§20 и 21), то основ. суфф. -ес- долженъ былъ утратить свое с въ им.-вин.-зв. пад. (напр. небо вм. небес = лат. nūbes, гр. νέφος-, νέφεος и скр. nabhas- облако), но сохраняетъ его въ прочихъ, тогда какъ греч. и лат. сохраняютъ его въ им., но утрачиваютъ или измѣняютъ въ r- въ прочихъ падежахъ.- Русскій яз. также вполнѣ утратилъ этотъ суфф., кромѣ мн. ч. двухъ словъ - небеса и чудеса и нѣкоторыхъ производныхъ прилагат.: древесный, чудесный и пр. [ѧ и ѫ часто оставляли въ концѣ словъ носовой призвукъ на предшеств. гласномъ, напр. имѧ, гдѣ ѧ = польск. ę (флекс. in) вм. ен (въ русск. ѧ въ я)]. Всѣ слова этого рода въ русск. склоняются по -o- (какъ иго, лѣто).- Между -o- и -ъ- основами (см. стр. 63-66) исчезло почти всякое различіе, ибо имен. пад. м. р. тѣхъ и другихъ одинаково оканчивается на ъ, какъ и въ лат. на -us (ъ = u вм. -ъс = -os и us), оказало вліяніе на прочіе падежи; здѣсь почти по всѣмъ формамъ проведено это смѣшеніе, зачатки котораго мы видѣли въ лат. domō-rum и domu-um и т. д.- ь также имѣетъ двоякое значеніе; онъ или = -ĭ (кость) или = -jъ = jo-. Потому то слова на -ь относятся ко 2ому склон. и къ 3ему скл. Но по той же причинѣ произошло уже въ слав. смѣшеніе тѣхъ и другихъ, напр. пѫть заимствуетъ нѣкоторыя формы изъ 2-го скл.; огнь склоняется по 2ому [illegible] формъ въ немъ ь = i, а не jъ (что можно видѣть изъ сличенія съ другими языками, напр. лат. ignis, скр. agnis). Въ русск. же языкѣ это довершено: въ немъ всѣ слова на -ь м. р. идутъ по 2ому, ж. по 3ему [illegible], не говоря уже о слав., но мало падежей. Вообще въ греч. яз. склоненія сохранились въ большей чистотѣ чѣмъ въ лат. и слав.]

5) О родѣ именъ сущ. (о прилаг. см. §29, 1. и 2, §30, 1 въ концѣ) замѣтимъ, что отъ согласныхъ, i и u основъ производятся сущ. всѣхъ родовъ, но изъ основъ на -tāt- чаще ж. р. чѣмъ м. и ср. [тоже и въ гр.; въ слав. мало и сущ. ср. р.], а на -tion-, -tāt- (r, e, n, s) чаще муж. чѣмъ ж. и ср. [такъ и в гр.; въ слав. ихъ весьма мало]. Основы на -men суть ср. р. напр. nōmen, semen [въ гр. нѣтъ; въ сл. имен-, сѣмен-]. Изъ основъ ср. р. на -en- происходитъ и герундій при помощи аффикса -do- [въ нѣм. неопред. накл., напр. seh-en].- Слова съ основами на -ōs- (-ōr-) суть м. р. (honōs, honōr-) (кромѣ прил. ср. ст., которыя всѣхъ родовъ, но [illegible] -ōs- = -ons, см. §33), на -ūs- (-ūr-) ср. р. (кромѣ mūs- м. и tellūs- ж.).- Но основы на -ŏs- съ видоизмѣненіями -us-, -es-, -or-, -ur-, -er- (какъ и

§31. въ греч. и сл.) суть ср. р., кромѣ arbos- ж. и lepos- м. и одного прилаг. всѣхъ родовъ - vetus; съ тѣмъ же суфф. въ видѣ -is, -er- образуются основы муж. р.: pulvis, cinis, cucumis- (послѣднее колеблется между согл. и i-скл., напр. въ вин. cucumer-em и cucumi-m; основы на -es, сохраняющія это es только въ им. пад., а въ прочихъ идущія по -i- или по -ē-, суть рода ж.; напр. nūbes, р. мн. nūbi-um, mōles и др. и сущ. и прилаг. pūbes (колеблющееся между согл. и -i-склоненіями, напр. род. pūber-is и pūbis. Что здѣсь основа оканчивается на -es- видно частью изъ производныхъ, напр. moles-tus, pūber-tas, частью изъ сличенія съ другими языками; ср. о nūbes- на 67 стр. Иногда, какъ выше замѣчено, они и въ им. ед. слѣдуютъ аналогіи основ на -i-, напр. famis, aedes вм. aedes, plēbis и plebs и др.). Исключ. dies, м. р., иногда ж. — Къ основамъ ср. р. на -es- относится также неопред. накл. (praes. и pf. inf.): es-se, reg-er-e и пр. (см. гл. VI).
— Основы на -i- суть преимущ. ж. р. (такъ и в сл. и греч.), рѣже м. и ср. [въ греч. вообще мало, а въ слав. вовсе нѣтъ такихъ сущ. ср. р.], а на -u- обыкнов. м., гораздо рѣже ж. и ср. [такъ и въ греч.; въ слав. только муж. и сплошь ж. къ основамъ м. р. на -u- относится supinum, т. е. отглаг. сущ. употр. в двух вин. и отлож.: vec-tu-m, vectu [въ слав. въ вин., напр. вести]. Основы на -o- суть р. муж., рѣже ср. и еще рѣже ж. (такъ и въ греч.; въ слав. нѣтъ ж.), а основы на -a и -ē суть ж., иногда муж., но нѣтъ ср. [такъ и въ греч. и сл.; только въ греч. -ē- встрѣчается в одномъ ед. ч., а в слав. вовсе нѣтъ такихъ; слав. -e- бываетъ послѣ -i- и -o-, напр. море изъ морје = морја].

2) Nominativus sing. a) III скл. Суфф. -s указываетъ на самостоятельность имени въ предложеніи или на принадлежность атрибута самост. понятію. Отъ основъ, приведенныхъ выше (1. а.), им. п. ед. ч.: grex, rēx, Cappadox; pāx, lux, vōx, nex, silex, rādix; — nepōs, lapis; custos, praes; anas, aetās, seges, quiēs, lūs; — mās, mūs, glīs; vetus, plus; ās, (ossu-m, ossū) os; plebes (plebis, plebs). Наибольшимъ измѣненіямъ подвергается основа въ этомъ падежѣ на основаніи звуковыхъ законовъ; такъ x (т. е. cs) какъ вм. c-s, такъ и вм. g-s, а b-s произн. какъ ps (§22, 1. б. a; также и въ греч.: ξ = κς вм. κς, γς, χς, напр. ἅρπαξ, осн. ἁρπαγ- гарпагъ; ψ = πς вм. πς, βς, φς, напр. φλέψ, осн. φλεβ- жила); зубн. t и d предъ s выпадаютъ (ср. гр. χάρι(τ)-ς gratia, λαμπά(δ)-ς), также n въ словахъ sangui-s (позднее sanguis) и м. б. pollis (гр. δελφί(ν)-ς), но frōn-s = front-s и frond-s и т. п. (§21, 4. a.) [изрѣдка однако встрѣчаются и frō-s, frūs, infā-s и т. д., какъ и въ греч. Atlās и т. п.; но иногда и Atlans; ср. гр. τεθείς положенный = τεθέντ-ς, но обычно иначе: φέρων вм. φέροντ-ς; у Римлянъ въ класс. эпоху греч. слова обыкн. сохраняли свою форму, напр. dracōn, dracontis, но иногда и dracō, -ōnis, а по этому образцу и Plato и Platon] и v въ bō-s (§23, ж.) [въ гр. βοῦ-ς]; но чаще сохраняется n, а утрач. -s, напр. rēn, а обыкн. утрачиваются и n и s, напр. homō. Нерѣдко сверхъ -i исчезаетъ (выше, п. 1. и §17, i. 1) и тѣмъ обусловливаетъ довольно сильныя измѣненія: men-s, nox, praeceps вм. ment-s, noct-s, praecipit-s изъ mentis и т. д.; особенно послѣ r, которому предшествуетъ согл. звукъ или e; въ первомъ случаѣ вставляется e въ им. п., напр. āc-e-r вм. ācr изъ ācris, celer изъ celeri-s (§17, i. 1; 19, 3. a.; 21, 3. б.; 29, 1); сохраняется въ м. р. -i-s послѣ r въ mediocris, muliebris, lūgubri-s, sēmestri-s, illūstri-s и пр. (но и тут не всегда). Объ e не только в artifex, но и въ mīles, jūdex и т. д. см. §17, i. 2. и выше 1. в.

Суффиксъ этого падежа сохраняется послѣ mutae (хотя бы онѣ утратились, напр. pē-s вм. ped-s; такъ и в гр. ποῦ-ς вм. πόδ-ς), m, v (есть въ лат. по одному слову), послѣ одной или двухъ указанныхъ основ на n и послѣ гласныхъ i, ū и u (но и тутъ оно слабо произносилось и стремилось исчезнуть; см. §13, пр. 12. и §23, 3. б.). Всѣ остальныя основы 3-го склон., т. е. по -n-, -l-, -r- и -e- лишились этого суффикса [какъ и въ греч., кромѣ ἅλ-ς], въ томъ числѣ и тѣ, въ которыхъ послѣ r и l утрачено i, напр. āc-er, vigil; основы же на -n-, какъ замѣчено выше, обыкнов. утрачиваютъ и -n, кромѣ tubicen и т. п., pecten, Anien (но и Anio) и rēn, lien. Объ ō см. стр. 66 в концѣ и §25, I. 5. a.

Въ замѣнъ за утрату суффикса, а также вм. зубнаго звука, выпавшаго передъ суфф. -s, удлинялся первонач. предшеств. гласный звукъ, напр. māter (ср. гр. μήτηρ, дор. μάτηρ, бот. māteir), ariēs, pulvīs (§18, 1), но позднѣе б. ч. сократился (§§18, 3. и 21, 4. a. прим.). Гласный передъ конечнымъ -s остался долгимъ только α) въ женск. основахъ на es, напр. nūbes, sēdes и т. п. и въ pūbes; β) въ томъ случаѣ если онъ былъ долог и до утраты согласнаго звука, напр. virtū-s, осн. virtūt- (кромѣ ср. ст. mājus, form. majōris) и еще въ нѣкоторыхъ словахъ (см. §25, II, 2. a. и прим.). Передъ другими же согласными всегда сокращались даже звуки бывшіе искони долгими (mājor, dator) за немногими исключеніями (§25, III). О переходѣ r = s изъ косв. падежей въ имен. и о двойныхъ формахъ въ им. п., напр. honōs и honor, nūbes и nūbis, cīvis, cīvēs и пр. см. выше 1, а. б. г. е. (Изрѣдка встрѣчаются и pūber, cucumer, veter- и др. вм. pūbes, cucumis, vetus).

Им. пад. ср. р. служитъ просто основа безъ суфф., испытывающая однако здѣсь различныя измѣненія (см. 1. б.). Только въ прилаг. ср. съ согласною основою суфф. -s изъ м. и ж. р. перенесенъ и на средній (конечно, когда было забыто его значеніе), напр. ferens, dīves (§29, 1.; 30, 1.; 31, 1. б.). — О герундіи см. 1. е. стр. 67. О колебаніяхъ, напр. os, ossu-m, ossū; tonitrū и tonitru-m n. и tonitru-s m. срвн. §30, 1. и 31, 1. a.

б) Во II скл. слова муж. и (немногія) ж. р. сохраняютъ s (хотя и тутъ оно стремилось исчезнуть, напр. lupo, bupo, filio, Mario); послѣ r, особенно слѣдующаго за согл. или за -e, обыкнов. утрачивается (подъ вліяніемъ многочисл. основъ и им. падежей на -r) -o-, а за нимъ и s (см. §31, 1. a.) и въ такомъ случаѣ между согл. и r вставляется e въ им. п. (ср. выше 2. a.): напр. puer, satur, ag-e-r, vir и т. д. вм. puero-s, или puerus, saturus, virus, agrus или agros (= греч. ἀγρό-ς). Осталось о (u) послѣ r въ немногихъ словахъ: herus, umerus, numerus, vērus, barbarus, mātūrus, dextru-s, oviparus, carnivorus; въ нѣкоторыхъ колеблется: prosperus, superus, inferus

socerus, uter-s и prosper и т. д. [Иногда (но не въ класс. яз.) исчезало o (u) и после i, напр. Clōdi-s = Clōdiu-s (какъ въ оск. нар.), а также и безъ s, напр. Clōdi; изрѣдка и въ другихъ случаяхъ, напр. damnā-s вм. damnāt-s изъ damnātu-s (см. Прибавл. объ оск. нар.); иногда исчезало и цѣлое -ius, напр. ebr изъ ēbrius. — Объ ослабленіи прилагательныхъ на -os (-us) въ -is и о смѣшеніи -o- и -u- склоненій (2-е и 4-е, напр. domus и пр.) см. 1.a. — s здѣсь сохраняется въ трехъ словахъ ср. р. бывшихъ прежде муж.: vīrus, volgu-s, pelagus (§ 29, 1); впрочемъ neutra вм. им.

б) I скл. имѣетъ два вида: одинъ удерживаетъ полный звукъ ā, но лишился суфф. -s; въ другомъ ослабло ā (подъ вліяніемъ i) въ ē (§§ 30, 1 и 31, 1, 2.), но за то сохраняется -s: materiā и materiē-s. Въ древнемъ языкѣ было ā, позднѣе -ă (т. е. около того времени, когда abl. сталъ утрачивать свое d, см. ниже 6.) Образецъ ā можно видѣть выше, въ стихѣ Эннія въ концѣ § 18. [Въ греч. было оно до. г. долго, что иногда сохранялось и у лат. поэтовъ; § 25, I, 1. б.] Слова м. р. утратили s позже женскихъ, напр. scrība, aurīga и др. (до насъ дошло оно въ двухъ словахъ изъ глубокой древности: paricīdā-s изъ зак. Нумы Помпилія и hosticapās изъ зак. XII т.) [Ср. Оск. нар.] У Грековъ въ м. р. оно обыкн. сохранялось, но иногда (у Гомера) исчезало, напр. ἱππότα вм. ἱππότη-ς конъюнктивъ[*].

[г] Въ слав. яз. суфф. s и вообще согласные звуки въ концѣ должны были исчезнуть (см. § 31, 1. д.); потому камы вм. *камен(с), какъ въ лат. homō вм. *homens (n, исчезая, усилило и потемнило e въ ō): имя сохраняетъ слѣдъ отъ н; небо (см. l. c.). — Въ русс. матерь, камень — вин. (по -i) принятъ за имен. — О двоякомъ значеніи -ъ (= o-s и u-s) и -ь (= i-s и -iu-s или ju-s) см. тамъ-же. — й есть тоже, что ь 2-го скл., т. е. = jъ = ju-s; различіе все въ томъ, что ь бываетъ послѣ согласныхъ, а й послѣ гласныхъ. — Въ русск. яз. -ъ и ь исчезли, т. е. перестали произноситься, слѣд. слова стали оканчиваться въ имен. и мн. друг. падд. на согл. звуки; гдѣ былъ -ь, тамъ согласный звукъ смягченъ (см. прим. 1 на 29 стр. и § 17, i. 1). — Объ им. ср. 2 скл. см. вин.

3) **Vocativus sg.** § 27, 1. см. § 29, 3. Только во 2-мъ скл. есть особенный зват. п.; въ другихъ же всюду (кромѣ греч. слов) имен. вм. зват.; иногда такъ и во 2-мъ скл., напр. deus, рѣдко въ другихъ словахъ, напр. у Плавта: dāmeus ocellus. — e послѣ r утратилось (какъ въ им. -us), напр. puer вм. болѣе древняго puere. — ī вм. -ie въ filī, genī (вм. древняго filie и пр.) и въ собств. именахъ съ основами на -āio-; -ēio-; -io-, напр. Gāī, Pompēī, Mercurī (объ акц. см. стр. 38 внизу; о колич. § 24, 2. a) (въ греч. словахъ какъ въ греч. яз.: Atlā, Aenēā и пр., съ нѣкоторыми отступленіями). [Въ греч. обыкн. основа, рѣже — им. п., напр. ὦ-ς; есть и колебанія, напр. θεός и изрѣдка θεέ; φίλος и φίλε, cāre. — Въ слав. усил. или ослабл. основа, рѣдко — им. п.; въ прилаг. же всегда им. вм. зват. — См. табл. — Въ русск. почти нѣтъ (т. е. вм. него им.) зват. пад.]. — О neutra см. стр. 61 сл. и ниже accūs.

4) **Accūsātivus sg.** Лат. суфф. -em вполнѣ сохраняется послѣ согл. основъ, а послѣ гласныхъ сокращается въ -m. См. о немъ § 3. — Отъ основъ на -i должно бы быть -i-m, но такъ сохраняется въ немногихъ словахъ (vīs, sitis и пр. — см. Кюн.-Кох.); въ другихъ колеблется между -i-m и -e-m (§ 17, i, 2.), а въ большей части словъ -e-m, такъ что i-основы перестали отличаться отъ согласныхъ основъ. — О супинѣ см. § 31, 1. е. — Объ -o-m и -u-m во 2 скл. см. § 31, 1. a. — Neutra III-го скл. не принимаютъ суфф., но u вм. него удлиняется: pecū (§ 31, 1. б. и 2. a), а II-го скл. принимаютъ -m и съ нимъ переходятъ и въ им. и зв. пад. — Это -m слабо произносилось во всѣхъ родахъ и нерѣдко утрачивалось, напр. bono patre, magna manu; и въ ср. dōno, vīno, vīnu. Въ старину эта утрата замѣнялась удлиненіемъ гласнаго (примѣры см. на стр. 23-й), почему иногда писали напр. dice вм. diē = diem: (ср. § 12, пр. 1?). [есть нарѣчія ср. этого падежа: partim, tandem, primum, multum, plēs, facilē.] [Въ греч. яз. конечное m вездѣ превратилось въ n (ν) или же исчезло; изъ суфф. -aν (= am) послѣ гласныхъ основъ остается только -ν, а послѣ согласныхъ — только -α; но есть искл., напр. отъ ἔρις — ἔριν, вм. ἔρι-ν вм. ἔριδ-α. — Neutra — какъ въ лат. — Въ слав. въ 3 скл. отъ -em сохраняется -е (камен-е), во 2-мъ -em исчезло безъ слѣда (через что вин. сталъ сходенъ съ им.; напр. въ им. сынъ есть вм. *сынъ-с, а вин. вм. *сынъ-ом), а въ 1 скл. оставило носовой призвукъ и потемнило гласный a въ ж (вм. aam) = польск. ą (франц. on). — Въ русск. носовой звукъ совсѣмъ исчезъ, потемнивъ гласную до у (т. е. ж въ у, ѩ въ ю = jу). — О neutra см. § 31 1. д. — Во 2 скл. neutra хорошо сохраняютъ o и въ слав. и рек. языкахъ, напр. иго вм. *иго-м = jugo-m = ζυγό-ν; ю = лат. -io-m.]

[*] Въ оск. нар. имена м. р. на -a- принимали -s, напр. Marā-s (см. Прибавл.). — Что и ж. имена иногда его имѣли, доказываетъ какъ формою -iēs, кот. могла произойти только изъ -iās, такъ и соотвѣтствіемъ индоевроп. скр. слова на -ī = jā = лат. iā- = -iē, какъ-то vṛkīs (вм. *vṛk-jā-s) волчица, sihīs (= *sinh-jā-s) львица, а одинъ разъ даже въ прич. частица -s даже послѣ ā ж. р. въ словѣ gnā-s, жена въ возв. смыслѣ (Schleicher, 1. 528). — Merguet, допуская это (l. c. p. 19 сл. 26), доказываетъ однако (стр. 9 сл., 49 сл.), что основы на -s, -r, -l, -n никогда не имѣли sors суфф. -s (да и Корссенъ (I, 816) въ томъ же склоняется. Вездѣ теперь въ словахъ подробностей заимствуемъ (въ виду того, что отдѣльные переводъ книги Merguet) ...) даже неправдоподобно, чтобы языкъ, чувствуя потребность обозначать подлежащее во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, не чувствовалъ ея почему-то при этихъ словахъ; о продолженіи безсуффиксного "vna" не можетъ быть и рѣчи, ибо онъ прекратился уже до раздѣл. арійскаго плем. — 2) Въ разныхъ яз. находятся остатки суфф. -s и послѣ упомян. звуковъ, что неопровержимо доказ. его существованіе; такъ послѣ l (въ одномъ словѣ, им.) въ греч. ἅλ-ς = sal (s); послѣ r: гр. дор. μάκαρ-ς скастильскій и. χέρ-ς рука (Kühner Ausf. gr. Gr. I, 201 и 331); послѣ n: лат. sangui-s, греч. часто, напр. δελφῖ-ς, μέλα-ς, черный, κτείς (вм. *κτέν-ς) гребень; 3) Объ утратѣ -s (слѣд. о томъ, что оно было) свидѣтельствуетъ и удлиненіе гласныхъ: ῥήτωρ, ποιμήν (осн. ποιμέν-) пастухъ, χείρ вм. χέρ-ς, μήτηρ, δυσ-μενής (= скр. durmanās) непріязненный и др. въ разныхъ ар. яз.; лат. nūbēs, arbōs, sāl и др. — 4) Немногочисленность словъ, сохраняющихъ s послѣ r, l, n, очень просто объясняется тѣмъ, что сочетанія rs, ls, ns вообще не любимы (miser-rimus, facillimus, formō-sus вм. formonsus, viās, оск. viass вм. vian-s; гр. ἄρρην мужескій вм. ἄρσην, ἤγγειλα аор. я возвѣстилъ вм. ἤγγελ-σα, ἐκτείνα, ἔκτεινα, τούς вм. τόν-ς и пр., а s-s въ оконч. словъ легко переходитъ въ -s; такіе же случаи какъ sors, mēn-s, mon-s ничего не доказываютъ, ибо въ нихъ s было болѣе энерг. вслѣдствіе утраты -t, т. е. sor-s какъ бы вм. sorss изъ *sort-s; въ fer-s сохраняется s потому что яз. дорожитъ личными суфф. — 5) Возраженіе Merguet, что при столкнов. ns утрач. n, а не s (via-s, formōsus), не имѣетъ большого значенія: языкъ вытягивается изъ одинак. трудностей нерѣдко различными способами: въ гр. δελφῖ-ς и δελφῖν вм. *δελφῖν-ς, λιμήν гавань вм. *λιμέν-ς, но κτεί-ς изъ κτέν-ς и пр.; лат. sangui-s, но pecten, а въ ordō, sermō и т. д. исчезли и n и s, т. е. ихъ борьба кончилась взаимнымъ истребл.; скр. яз. очень ловко воспользовался невыносимымъ для него стеченіемъ ns въ acc. pl. для различенія родовъ, оставивъ въ м. р. n, а въ ж. -s; напр. navān = novōs, navās = novās, то и другое изъ *navan-s; avīn и avīs изъ avins (ovēs) и въ другихъ случаяхъ яз. нерѣдко слѣдуетъ разл. принципамъ (см. напр. Кр. II, 191, 292 и мн. др.); иногда можно понять причину этого. — Въ нем. яз. fem. въ gen. sg. не имѣютъ s, а въ гот. онъ всегда имѣли, напр. tuggōns (Zunge), также какъ masc. sunaus (Sohnes) и n.: vaurd-is (Wortes). — Несомнѣнно, что вм. им. ... въ nom.

5) **Genitivus sg.** Суфф. -os сохранился при нѣкот. основахъ на -u, напр. magistrātu-os (ср. § 19, 2. б.); въ видѣ -us въ словахъ nōmin-us, Vener-us и пр.; какъ -es въ salūtes и др. Такъ какъ въ род. п. i-основ сократилось -is (вм. *īs = ēis или eis, что разъ встрѣчается въ словѣ parenteis, -но часто въ оск. нар.), то въ этомъ пад. уничтожилось различіе между согласными и i-основами. Въ древнемъ и поздн. яз. -s нерѣдко утрачивалось, напр. Castoru, Iovi, sōli, nepōti; въ класс. же яз. (иногда въ греч. словахъ, напр. Neoclis и Neocli и почти основ. на -u, напр. senātu, cornū; послѣднія иногда и по II скл. senāti, quaesti и др. - Вообще о колебаніяхъ между III и II скл. см. § 31, 1. а.

Утрата -s, встрѣчающаяся въ видѣ исключенія въ III скл., стала правиломъ во II и I. - Во II скл. въ древ. гораздо чаще ī чѣмъ ei (а въ nōm. pl. наоборотъ); также вм. filī и т. п. чаще говорилось filī [въ эпоху упадка иногда -e, напр. dīvē = dīvī]. - Изъ I скл. сохранились формы: Prosepnais (= Prōserpinae), Diānaes, terrās, viās, escās, (Diānēs), terrāī, terrāi, (terrai) въ класс. яз. обыкн. terrae (позднѣе ae произносилось какъ ǟ, ē, см. § 13, пр. 13, а потому иногда и писали terre, а въ самое позднее время встрѣч. даже i: terri]. Древнее окончаніе -ās окрѣпло въ выраженіяхъ pater и māter familiās. - Въ -ē-склоненіи колебанія: fidēī и (позднѣе) fidē-ī, но aciēī (что въ связи съ акц., стр. 39). Древній яз. сохранилъ -s напр. diēspiter, diēs (= diēī), rabiēs и др. Еще Цицеронъ иногда употреблялъ такъ, но вслѣдствіе сходства съ имен. эти формы замѣнились формами на -ī; бывало въ кл. яз. и просто -ē, напр. aciē. - О долготѣ -ēī, -ē-ī см. mati.

[Въ гр. яз. -os сохраняется вполнѣ въ 3 скл., иногда даже усил. въ ωs, причемъ и гл. основы также усиливается, напр. πόλε-ως вм. *πόλεjος. - Въ сл. во 2 скл. а объясняется тѣмъ, что первон. основы этихъ словъ оканчивались на -a (§ 30, 1, т. е. волкъ въ первоб. яз. былъ varka-s); о двойныхъ формахъ - см. ibid. и § 31, 1. д. - (сыну = сыну) какъ въ лат. senātū). - Въ I скл. ы и ѧ вѣроятно образовались подъ вліяніемъ acc. sg. и pl.]. (+).

6) **Ablātīvus sg.** Въ класс. эпоху -d осталось только въ словахъ rēd, prōd, sēd. - Согласныя основы смѣшались съ основами на -i и потому тѣ и другія имѣли ī и e. Въ класс. время ī удерживали тѣ слова, которыя вин. оканчивали на i-m, а также б. ч. прилагат.; многія (какъ и въ вин. колебались между ī и e (см. Кюнер); точнаго разграниченія не было. - Имѣютъ -ē (по 5 скл.): famē (и иногда) tābē, lābē, sordē. - Сократилось ō въ hōdiē, quōmodo. - Сюда же относится и суп. на -ū, замѣняющій собою и дат. пад. - (ср. § 31, 1. e. и 4). - Abl. многихъ словъ стало нарѣчіемъ, какъ occultō(d), prīmō(d), extrā(d). - Сюда же относятся и нарѣчія на -ē(d). doctē, (древнее) facilumēd = facillimē. - Остатки другого суфф. -tus сохраняются въ нарѣчіяхъ, напр. coeli-tus [Въ гр. и слав. этотъ пад. замѣненъ б. ч. родит. съ предл.; остатки его въ (греч.) нарѣч. на -ως и -θεν, -θε (см. Jacob.) и въ слав. предл. о-тъ].

[7) **Instrūmentalis sg.** (въ лат. исчезъ, см. § 29. 3.) въ греч. сохраняется у Гомера, но въ значеніи не только твор., но и мѣст., дат. и отлож.; въ началѣ -φι, вѣроятно, было для ед. ч., а -φιν для множ., но у Гомера они употреб. безразлично. - Этому φι соотвѣтствуетъ въ слав. -мь (ибо первон. bh обыкн. переходитъ въ гр. въ φ, въ сл. въ м или б, въ лат. въ f или b), а въ русск. остается только -м (пишется неправ. -мъ, напр. сыно-м(ъ)). Слова ж. р. передъ -мь принимаютъ -ja-, а -ja-мь измѣняется въ ja-м, ѭ или ѩ; потому вѣро-ѭ и т. д. (Въ сербск. яз. безъ -ja: др.-срб. вѣро-мь и вѣро-вь, теперь вѣро-м); въ рск. ю (ою)].

8) **Dativus** и **locativus** sg. смѣшиваются въ лат., слав., греч. и нѣк. друг. яз., ибо они очень родственны и по формѣ и по значенію (см. § 29, 3.); въ лат. они смѣшиваются также съ род. и отлож., утративши -s и -d, а въ греч. замѣнили собою и твор. - Въ др. яз. есть dat.: matrē, Iūnōnē; senātuei; въ класс. вр. иногда senātū и т. п. (о смѣшеніи: pinū и pinō, Iānō и Iānuī см. § 31, 1. a.); ē въ dat. 3 скл. сохранилъ и класс. яз. въ юридич. формулахъ jūrē dīcundō, aerē faciundō. Изъ 2-го скл. сохранился дат. populōi Rōmānōi и др.; изъ перваго -āi (но род. āī, (и потому) иногда и дат. āī), ae, напр. Loucīnā. - Въ лат. есть еще суфф. -bei, -bī, сохраняющійся только въ мѣстоим., напр. tibī и пр. [Можетъ быть въ именахъ -ei есть сокращеніе изъ -bei, какъ и во мн. ч. -eis, -is изъ -bis(bus)].
О супинѣ на -ū см. № 6.

Loc. въ собств. значеніи сохраняется въ лат. яз. въ именахъ городовъ (Rōmae, Corinthī, Lacedaemonī, иногда Graeciae у Цицер.), въ словахъ domī (также съ опредѣл.: meae, tuae, suae, nostrae, vestrae и alienae) humī, rūrī, въ нарѣчіяхъ herī, māne (также sī, utī, quī) и въ выраженіяхъ domī bellīque, domī focīque, domī militiaeque (но не на оборотъ), а въ болѣе древнемъ языкѣ также въ diē quintei, quintē и quintī и т. п.; также въ postrīdiē, prīdiē, quotīdiē. Колебаніе между e и ī, напр. māne и mānī, lūcī и lūce. Лат. яз. не любилъ короткаго i въ концѣ: оно или исчезало (animal, est), или измѣнялось въ e (mare, Lacedaemone) или удлиннялось, напр. Lacedaemonī.

[Въ гр. loc. (въ собств. значеніи) обыкн. съ предлогами, иногда безъ нихъ: (ἐν) Λακεδαίμον-ι; есть въ нарѣчіяхъ еще суфф. οι, напр. οἴκο-οι (въ домѣ). Въ 3 скл. loc. - вм. dat. - i-основъ обыкн. усил. въ ei, ej, отсюда πόλει. - Въ сл. (дат.) сынови усилено ъ въ ов (какъ въ лат. ou въ ou) (прежде и безъ нихъ: Kіевѣ); въ loc. сынѣ форма по I скл., ибо ѣ = ai, что объясняется какъ въ род. a (см. № 5). - Въ рск. мѣст. всегда съ предлогами.

Praes. и perf. infin. суть окончанія дат. п. отъ основъ на -es; esse, regere, vel-le вм. *vel-se, и e первон. вѣр. было долгое; колебаніе: fierī и fiere [Тоже и въ греч. (но отъ основ на -ai?) εἶναι быть, φευγέμεναι бѣжать и пр. - (Въ слав. (но отъ отвлеч.) основ. на -ть, напр. им. пад. сущ. мощ-ть, да-ть (по-дать); дат. - инфинит. и неопр. накл. мощ-ти (√мог), да-ти].

9) **Nōminātivus (и Voc.) plūrālis.** - Суфф. -es есть сильная расширеніе суффикса ед. ч. -s для означенія множественности; въ neutra выражается это попарно посред. широкаго и удлиненнаго звука -a. - Суффиксное s сохраняется въ III скл., но исчезло во II и I (вѣроятно, потому, что им. былъ очень сходенъ съ дат. и отлож.); есть однако остатки во II скл. (magistreis, -rēs, -rīs), въ мѣстоим. (§ 32, 3) и въ оск. и умбр. нар. (см. прб.) - Вм. deī есть diī (§ 19, 2. a. a.) и dī. - Въ перв. скл. рѣдко -ai (tabelai, forma часто въ gen. и dat. sg), одинъ разъ ā (Matrōna, m. б. = ās). ā ср. р. оставалось въ класс. вр. долгимъ въ числит. (trigintā), изрѣдка и въ именахъ (прим. изъ Верг. см. Meyer § 9, 2). -a къ согл. и къ i-основамъ просто примыкаетъ, а съ -o- сливается (такъ и въ слав. и греч.). - Прилаг. 3-го скл. ср. р. вообще идутъ здѣсь по -i, кромѣ vetus и срав. ст. (veter-a, mājōr-a), но complūra и complūria; въ древн. языкѣ было pestilenta (вм. -ia) и т. п. [Въ гр. e-a сокращ. въ η: γένη вм. γένε-α изъ *γένεσ-α].

10) **Accūs. pl.** - -n- передъ -s въ лат. и гр. утрачивается (§ 21, 4. a.); -īs (вм. -ēs) нерѣдко имѣютъ основы на -i, рѣдко согласныя. [Иногда гл. сокращается: forēs, manūs, domōs, bonās]. [Въ критск. нар. сохран. ν: ἵππον-ς, τόνς; въ III скл. -α-ς вм. *-ανς, одинаково въ ῥήτορα-ς, ἵππα-ς, хотя въ им. ед. ῥήτορ-а, но cῦr. - Слав. кости = *кость-с или *кость-нс (нс утрачено, но удлиннилось ь въ и (ī)); подобн. же образ. объясняются ы и ѩ въ 2 и 1 скл.].
(Бопп. Sr. I 412-430, Schleicher 554-561, Heyse 438, Kühner I, 287, Meyer Decl. 26-32; другіе иначе).

(+) Род. ед. представляетъ нѣкот. трудности для объясненія; обыкн. принимаютъ 2 суфф.: -as и -sja (въ первоб. видѣ). Мы думаемъ (и со временемъ постараемся доказать), что оба они произошли изъ -sjas, т. е. изъ того суфф., которымъ Morgue (?) хорошо объясни(лъ) -ins(?) (Ср. выноску на 72 стр. - Сколько было бы споровъ о род. ж. р. въ нѣм. яз., не имѣвшемъ s уже въ самомъ древнемъ періодѣ (ahd. zungūn, mhd. zungen, nhd. zunge), если бы не б. готск.!

11) Genitivus pl. -rom, -rum иногда принадл. и 3ему скл.: изъ др.-лат. яз. приводятся rēgerum, lapiderum, boverum и др. Наобор. -ōm, -um бывало нерѣдко и во 2 скл.: Rōmānom, deom, vīnum, talentum, а иногда и в 1ой скл. преимущ. в м. р.: agricolum, indigenum, рѣдко в ж. р.: drachmum. — m (не в класс. яз.) часто утрачивалось: deōro, Rōmānō, dīgnōrō, -ōrū, multū. — Согл. основы въ этомъ падежѣ особ. часто идутъ по -i-: mūrī-um, urbium; согласныя i-основы только въ этомъ падежѣ ясно проявляютъ свое -i-: nocti-um, cīvitāti-um; наобор. иныя теряютъ -i-, напр. can-um, juven-um. — Многія колеблются между согл. и -i-: parent-um и parenti-um, cīvitāti-um и cīvitāt-um; некоторыя между i и o: ancīli-um и ancīli-ōrum (и между o и u: versō-rum вм. versu-um). — [Греч. утрат. -s; въ 1ой скл. акц. всегда бываетъ на послѣдн. слогѣ, кромѣ прилаг. (§ 30, 3). — Слав. объяснено уже в табл.]

12) Dativus (abl., loc., instr.) — Въ лат. собств. являются этотъ суфф. (= bhjam-s) въ видѣ -bi-s (т. е. дат. ед. bī + s). Нерѣдко встрѣчается -bos, -bus и в 1 скл., особ. в словахъ ж. р., произвед. отъ соотвѣтств. муж.: deābus, fīliābus, lībertābus, но и deīs, dīīs, fīliīs и пр.; иногда и въ прилаг.: paucā-bus, dextrā-bus (сокр. -ā). Изрѣдка попадается и во 2ой скл.: amīci-bus, fīlibus, parvibus, diibus и dībus (= diīs). Обыкн. же во 2 и 1 скл. [правильно] -īs. — Наобор. в 3 скл. бываетъ иногда -īs: omnīs, moenīīs (и въ оск.); въ класс. яз. преимущ. в грч. сл. на -mat-: poēmat-īs (и poēmati-bus, рѣдко по греч. -poēmasi(n)). — u (4 скл.) въ класс. яз. сохраняется въ немногихъ словахъ; обыкн. (греч. bus) ibus; колеблются: lacu-bus и laci-bus и пр. (всегда u-bus только в tribu-bus и arcu-bus).
[Латинскому -bos = сл. -мъ; ср. № 7. — Въ грч. locat. служитъ вм. dat., однако языкъ провелъ в 1 и 2 скл. искаж. решение, расширивъ основу посред. -i- для дат. п. и безъ -i- для местн. — Суфф. -su измѣнился в грч. в -σι, в слав. в -хъ (см. на -хъ §32,3), которое перешло в -хъ. — Смѣшение основъ в слав. теперь понятно безъ объясненій. Instr. -ми: -мь = -bhis = -bhi = -φιν = φι; но см. № 7. — Dualis объяснено на стр. 66].

§ 32. Мѣстоименія.

1) Содержаніе мѣстоименій состоитъ въ указаніи (см. § 28, 1); свою словную знаменательность они могли легко утрачивать и так. обр. становились членомъ, предлог., союз. и аффиксами. Члена въ лат. яз. нѣтъ; въ грч. ὁ, ἡ, τό произошли изъ относ. мѣст. ὅς, ἥ, τό, бывшаго прежде указат. (ср. указ. мѣст. нѣмецк. der, die, das, употребл. как относит. и как членъ). Въ слав. употр. при прилаг. въ знач. члена мѣстоим. и, ja, je (одного корня с лат. is, e-a, i-d), слившееся позже с прилаг. въ одно слово; напр. новъ = грч. νέος, а новый = грч. ὁ νέος и т. д. — Въ русск. почти забыто значеніе этой приставки.
Мѣстоименія раздѣляются на существит. и прилаг. — Говорящій, указывая на себя или на своего собесѣдника, или обозначая дѣйствіе, возвращающееся на указанное уже подлежащее, не имѣлъ надобности обозначать мѣстоименіемъ родъ; но в другихъ случаяхъ это было нужно. Потому мѣстоименія дѣлятся на неродовыя и родовыя. Къ первымъ относятся личныя сущ. мѣстоим. 1, 2 л. и возвратн.
Склоненіе мѣстоименій, особенно личныхъ, представляетъ столько особенностей вслѣдствіе смѣшенія различныхъ корней и сильного измѣненія ихъ (отъ употребленія и древности), что ихъ неудобно было помѣстить вмѣстѣ с именами, да и здѣсь они могутъ быть представлены лишь в самомъ краткомъ видѣ, съ немногими поясненіями. Рядомъ съ лат. помѣщаются формы грч. и слав.

2) Корни неродовыхъ мѣст. суть 1 л. ma, 2 л. tva, возвр. sva. Они измѣнились в лат. въ me, te, se или mi, ti, si; в грч. в με, σε, ἑ, в слав. въ мe, тe, сe (мя, тя, ся). — Возвратное первонач. въ всѣхъ арійск. яз. относилось, какъ до сихъ поръ в славянскихъ, ко всѣмъ лицамъ (остаток напр. в лат. lavor = lavō-se, moveō, но рано стало въ большей части языковъ относиться только к 3 лицу (...)).

Singularis. I. N. V. 1. egō; ἐγών, ἐγώ; азъ (а). (См. о немъ выноску на стр. 16). 2. tū; τύ (дор.), σύ; ты (в лат. и слав. удлиненное из u из = лат. ŭ. — О окончании t в s см. § 23, 3). — 3) (т. е. возвр.) нѣтъ. — II. Accus. (суфф. -m) 1. me; ἐμέ, μέ; мя; 2. tē; τέ (дор.), σέ; тя; 3) sē; ἕ (= σέ, см. § 21, 4, б), ся. — Въ лат. и грч. утраченъ суфф. -m; в слав. есть следы его -мя = мьн и т. д. — Въ лат. удлин. вслѣдствіе утраты, а древнѣйш. и аналогія съ abl. часто говорили в доклас. вр. mēd, tēd, sēd, забывъ аблативное значеніе этого -d. — III. Gen. (суфф. -os) 1) mi-s, me-ī; ἐ-μοῦ, μοῦ (= μέ-o); мене (р. мена); 2) tīs, tu-ī; τε-ο (дор.), σοῦ (= σέ-o); тебе (р. теба); 3) (sis) su-ī; οὗ (= ἕ-o), се-бе (р. себа). — Правильныя лат. формы mi-s, ti-s, si-s отм. (оскл.). mi встрѣчаются только въ древн. яз.; позднее вм. них употр. me-ī и т. д. ... род. п. ср. р. мѣстоим. прилаг. (...). — IV. Ablāt. (суф. ed) 1) mēd, mē, 2) tēd, te, 3) sēd, sē. — Въ грч. другой суфф. -θεν: 1) ἐμέ-θεν, 2) σέ-θεν, 3) ἕ-θεν. — Въ слав. instr. мъно-ю, тобо-ю, собо-ю — отъ распростр. основы (См. §§ 30 и 31). — V. Dat. (суфф. первон. -bhjam, откуда в лат. -bei, -bi и -hei, -hī (а в имен. -ei, -i), в грч. -φιν, -φιν, -ιν): 1) mi-hei, mi-hī; сокращ. mei, mī; ἐμίν (дор.); 2) tibei, tibi; τε-ϊν (Hom.); 3) si-bei, si-bi; ἑ-ϊν (Hom.). — Въ грч. собств. дат. встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ и рѣдко; в слав. его вовсе нѣтъ. Вмѣсто него в этихъ языкахъ употр. locat. (суфф. -i): 1) ἐ-μο-ί, μοί; мн, мънѣ; 2) σοί; ти, тебѣ; 3) ἑοῖ, οἷ; си, себѣ. — Древнія формы ми, ти, си заимствованы позднѣе изъ распростр. мъня и т. д. (Ср. § 31, 8).

Pluralis. (суфф. -s) I. N. V. 1) enos, nōs; ἡμεῖς, мы; 2) vōs, ὑμεῖς, вы; 3) σφεῖς m. f., σφέα n. (нѣтъ). II. Accus. (суфф. -s) 1) enō-s, nō-s; ἡμέας, ἡμᾶς; ны; 2) vō-s; ὑμέας, ὑμᾶς; вы, 3) σφέας, σφᾶς m. f., σφέα n. — III. Genit. (суфф. -sōm, -ōm, -um, -um). 1) nos-tr-um, nostrī, иногда nostrō-rum; ἡμέων, ἡμῶν; на-съ (gen. и loc.); 2) vos-trum, vostrī, иногда vostrorum; ὑμέων, ὑμῶν; ва-съ; 3) σφέ-ων, σφῶν. — Въ лат. яз. вм. род. п. мн. ч. личныхъ мѣстоименій употр. род. мн. и ед. ч. мѣстоименій притяжат. (ср. выше gen. ед.); nostrōrum (-ārum), vostrōrum въ этомъ значеніи только въ древн. яз. — Въ слав. gen. и loc. сходны: но в gen. -съ = su(m), sōm, а в loc. = su; в других случаях это -съ перешло в -хъ (см. § 31, 12); в русск. род. насъ (т. е. прежде нас) употр. и вм. вин. — IV. Dativus (abl. instr.) (суфф. перв. -bhjam-s, откуда -bīs, -bis, -is, грч. -ιν, тогда какъ въ ед. -ιν (...)). 1) nō-bīs (nīs); ἡμῖν; на-мъ; 2) vō-bīs, ὑμῖν, вамъ; 3) σφίν (Hom.), aeol.; аттич. σφί-σι есть собств. loc. в знач. dat.). — Въ слав. еще instr. (суфф. -ми) 1) на-ми, 2) ва-ми. —

Dualis — въ грч. и слав. I. Nom. Acc. Voc. νῶϊ, νώ; мл. N. въ, acc. на; 2) σφῶϊ, σφώ; ва; 3) σφωέ. — II. Dat. (и gen. и прич.) 1) νῶϊ-ιν, νῷν, 2) σφῶϊν, σφῷν; 3) σφω-ϊν; слав. Loc. gen.: 1) на-ю, 2) ва-ю. III. Dat. instr.: 1) на-ма, 2) ва-ма.

3) Родовыя мѣстоименія вообще склоняются какъ имена прилаг., но съ различными отступленіями. Основы часто удлиняются или усиливаются, чтобы съ большею выразит. и настойчив. указать на предметъ. Часть, по той же причинѣ, составныя основы; вторая часть нерѣдко совершенно спускается на степень энклитики.

Возьмемъ основы: м. и ср. р. is-to- (составл. изъ мест. is и to- = гр. τό, сл. то; склоняется только 2-ая часть) quo- (сл. ко-, къ-), ho-, i- (сл. и = jь), alio-; ж. р. is-ta-, qua-, ha-, e-a- (вм. i-a), alia-. (Класс. формы будутъ подчеркнуты).

Singularis. I. Nom. Суфф. м. и ж. р. -s здесь обыкн. утраченъ (но въ гр. б. ч. сохр.: ὅς, но какъ членъ ὁ = Ж., см. § 29, 1); въ ср. р. суфф. -t, -d; основы quo- и ho- въ м. и ж. р. распростр. посредств. усилит. частицы -ī (ср. гр. οὑτοσ-ί этотъ-то), которая сливается съ основою, а ho- сверхъ того принимаетъ во всѣхъ родахъ и во всѣхъ падежахъ еще указат. частицу -ce, позднѣе сокращ. въ -c (въ нѣкот. пад. оно срослось съ мѣстоим., въ другихъ мѣстоим. обыкн. употр. безъ него. Потомъ было забыто значение этого c и языкъ воспользовался имъ для различения родовъ, чиселъ и падежей: hīc — им. ед., hī — им. мн.; haec — им. мн. ж. р., haec — ср.). И такъ nom.: 1) is-te (вм. is-to-s; o ослаб. въ e, § 17, a. 2, такъ же какъ въ ille вм. др. ol-los, ollus) (гр. ὁ-ς (ὁ), ἡ = ж., τό, ὅ вм. τό-τ; сл. тъ, та, то, сравн. § ut), ж. ista, ср. is-tu-d, 2) quo-ī (какъ въ умбр.), quei, quē, quī, но и qui-s (которое энергичнее выдѣлено) (сл. къ-то, чь-то), f. qua-i, quaī, quae (quī) и тоже qui-s; также безъ -ī: qua (ali-qua); n. quo-d и qui-d; 3) ho-i-ce, hei-ce, heice, hī-ce, hē-c, hī-c (потомъ иногда hi-c); ж. ha-i-ce, haī-ce, hae-ce, hae-c; ср. ho-d-ce, ho-c-ce, hō-ce, ho-c (позднѣе hōc). — 4) e-is, īs, is, ж. ea (въ муж. р. коренъ по своей малости (вѣроятно) усиленъ какъ и въ слав. тоже и въ слав.; а въ ж. р. основа расширена такъ какъ будто он въ муж. было i-os; e-a вм. i-a, см. § 19, 2. a. β); ср. i-d, (слав. и, на, ie; въ гр. весьма рѣдкое ἵ) — 5) alio-s, aliu-s, (ali-s, см. § 31, 1. a. и 2. δ), alia, aliu-d (ali-d)

II. Accus. 1) is-to-m, is-tu-m; f. ista-m, n. is-tu-d (гр. τό-ν, τή-ν, τό и ὅ; слав. тъ, тѫ, то. — 2) quo-m, que-m, quam, quod, quid (кого, чь-то) (quom, quum, cum сохранилось позднѣе только въ видѣ союза). — 3) hon-c, hun-c (n вм. m, § 22, 1. б. a. въ концѣ), f. han-c, n. hō-c (какъ въ им.). — 4) em, im (древн.), позднѣе eo-m, eu-m (т. е. расширено посред. o, какъ въ им. п. ж. р.), ea-m, id (въ греч. чрезв. рѣдкое ἵ-ν; слав. и, ѭ, je). — 5) alio-m, aliu-m (ali-m), alia-m, aliu-d.

III. Genit. (его формы оставляемъ почти безъ разъясненій, ибо весьма спорны и представляютъ много трудностей) одинаковы для всѣхъ родовъ: 1) (istoi-ius, istei-ius, istr-ius) istīus (гр. м. н. τοῖο, τοῦ; f. τῆς; сл. м. н. то-го, f. то-ѩ) (съ длин. суфф. ж. р.). — 2) (quo-īus?), quō-jus (quōju, quoī), cūjus (сл. ко-го, чь-со, позднѣе чесо-го). — 3) hōjus, hūjus (hujus, hu-is). — 4) eijus, ējus (je-го м. н., je-ѩ f.) — 5) aliūs, alīus. (+) — Встрѣчаются односложныя cūjus, hujus и т. п., а также istī, illī и пр. для всѣхъ родовъ, или же особо для ж.: istae, illae (но нигдѣ eae). — Иногда -īus по видимому solīus, alīus.

IV. Ablat. 1) m. n. is-tōd, istō; f. istād, istā (греч. остается въ частицахъ τῶς, ὥς такъ; есть въ нихъ образъ и instrum. тоже чѣмъ, почему, гдѣ; въ слав. съ расшир. формами: м. н. тѣ-мь, тою-ѭ). — 2) м. н. quō-d, quō; f. quā-d, quā (сл. instr. цѣ-мь, чи-мь). — 3) m. n. hō-d-ce, hōc-ce, hōc; fem. hād-ce, hāc-ce, hāc. — 4) eōd m. n., eō; f. eād, eā (сл. instr. м. н. и-мь, f. je-ѭ; р. и-мъ, ею). — 5) aliōd, aliō; aliād, aliā.

V. Dativus. Мѣстоимения, оканчивающiяся въ род. п. на -īus, jus, имеютъ въ дат. для всѣхъ родовъ -ī [которое почти также трудно объяснить какъ и -īus]: 1) is-tei, is-tī (гр. τῷ м. н., τῇ f.; слав. м. н. то-му, f. то-й). — 2) quoi-ei, quoī, cuī, обыкн. cuī (ко-му, че-му). — 3) ho-ī-c(e), huic, huic. — 4) ei-ei, ē-ei, ēī (распростр.), eī, iī, (ei) (слав. je-му м. н., je-й f.). — 5) aliī, (alī). — Но какъ въ род. кромѣ формъ на -īus, иногда употреблялась обычная на -ī, такъ и въ дат. рядомъ съ ī попадается -ō для м. и ср. р. и -ae для ж. р., какъ-то: istō, nullō (даже у Цезаря), tōtō, neutrō, aliō, illō, ipsō и ж. istae, illae, nullae, aliae, alterae, tōtae, ūnae. — Наконецъ были древняя форма на -bī сохраняется въ нарѣчiяхъ съ мѣстн. значенiемъ: cubī (отъ √ко или quo въ ali-cubī, sī-cubī, ne-cubī), сокращ. u-bī; въ i-bī, ali-bī и пр.

VI. Locativus остался въ нарѣчiяхъ: 1) is-toi-ce, istei-ce, istīc — 2) quoi, quei, quī (напр. quī fit? — Gaudēre aliquī mē volō, хотя значение здѣсь скорѣе аблативное, чѣмъ локативное). — 3) hoi-ce, heice, heic, hīc, (hī), и далѣе dein-de, utī, uti и пр. тоже и въ греч. ποῖ, οἷ куда, гдѣ, дор. τουτεῖ дотуда, потому. — Слав. то-мь, то-й; ко-мь, че-мь; je-мь, je-й).

Pluralis. I. Nom. (какъ имя): 1) m. istī, n. is-ta, f. is-tae (гр. м. τοί, οἱ; n. τά; f. ταί, αἱ; сл. m. ти, n. та, f. тѣ). — 2) m. quei-s, откуда какъ quēs такъ и quei, quī; n. qua (или распростр. посред. ī) quai, quae; f. quae (къ-то и чь-то не имеютъ мн. ч.) — 3) heis и he-is-ce, hīs-(ce), hei-(ce), hī; n. и f. расширяются посред. ī, а neutrum кромѣ того отличено посред. ce, c: n. hai-ce, haec, fem. hae, иногда haec. — 4) eeis, i-eis, eis, īs, или iei eī, iī (какъ бы отъ -e-o- (см. nom. и acc. sg.), ī; ср. e-a, ж. e-ai, e-ae (сл. м. и ср. ja, ж. jѧ). — 5) m. aliī, n. aliae, f. alia.

II. Accus. (какъ имя) 1) m. is-tō-s, n. is-ta, f. is-tā-s (гр. м. τόν-ς (дор.), τούς; n. τά, f. τάς = τάν-ς; слав. m. f. ты, n. та). — 2) m. quōs, n. qua и quae, f. quās. — 3) m. hōs, n. haec, f. hās. — 4) m. eōs, n. ea, f. eās (см. nom. pl.) (сл. m. f. jѧ, n. ja). — 5) m. aliō-s, fem. aliās, n. alia. — Nom. acc. pl. n. отъ основы qui сохраняется въ союзѣ quia.

III. Genit. 1) is-tō-rum m. n., istārum f. (гр. τῶν и слав. тѣхъ — для всѣхъ родовъ; -хъ = съ см. стр. 71). — 2) quō-rum, quā-rum. — 3) hō-rum, hā-rum. — 4) e-ō-rum, e-ā-rum (сл. и-хъ). — 5) aliō-rum, aliā-rum.

IV. Dat. (abl. - loc.) какъ имя, для всѣхъ родов.: 1) is-tī-bus, istī-eis, is-tīs (гр. loc. dat. m. n. τοῖ-σι, τοῖ-ς; f. ταῖ-σι, ταῖς. — Слав. dat. тѣ-мъ, loc. gen. тѣхъ; instr. тѣ-ми). — 2) qui-bus, quīs. — 3) hī-bus, hīs. — 4) ī-bus m. n., eā-bus f., или ei-eis, ē-īs, e-īs, i-īs — всѣхъ родовъ (сл. dat. и-мъ, loc. и-хъ, instr. и-ми). — 5) aliīs. — (Сохранились формы: oloes, olleis, illeis, illīs).

Dualis. I. Nom. Acc. Въ лат. остались только ambō, duō m. n., duā f. (см. § 29, 2); но ж. р. обыкн. въ формѣ им. ч. -duae, а въ acc. и м. р. часто во мн. ч.: ambōs, duōs; ж. ambās, du-ās (Гр. м. н. τώ, f. τά. — Сл. м. та, f. n. тѣ; m. ja, f. n. и).

II. Genet. (ambō и duō въ формѣ мн. ч.): m. n. ambō-rum, duō-rum; f. ambā-rum, duā-rum.) (Слав. gen.-loc. то-ю; je-ю, m. f. n.

III. Dat. (abl.-loc.-instr.) ambō-bus, duō-bus m. n., ambā-bus, duā-bus f. (смѣшеніе двойств. со множ. ч., ибо -bus изъ мн. ч., а долгое ō — изъ имен. двойств.); Слав. тѣ-ма, и-ма — всѣхъ родовъ (русск. дву-мя, тремя), Гр. dat. gen. τοῖν, ταῖν.

Прочiя мѣстоименiя склоняются подобно этимъ, или же и вполнѣ какъ имена. Заметимъ только что 1) есть удвоенныя мѣстоим.: quisquis (откуда и союзъ quamquam; т. е. acc. sg. f.) и сложныя: quisque, alteruter и др.; 2) притяжат. мѣст. производятся отъ личныхъ: me-us, nos-ter (ср. итал. loro, франц. leur изъ лат. illorum); древняя форма была mi-us (позднѣе me-us), слав. mi-e, откуда mī; 3) иногда сущ. имена становятся мѣстоимѣнiями (см. § 28, 1.): nēmō, nīl (Nil igitur mors est, ad nōs neque pertinet hīlum, Lucr. III, 483); также и во франц.: rien = rem, on = homō, l'on = illum hominem; 4) лат. ille дало начало члену въ роман. яз.: ит. il, lo, la; gli, li, i, le; фр. le, la, les; исп. lo, la, los, las

(+) Формы род. п. вообще, а -īus въ частности, причинили много заботъ филологамъ (ср. выноску на стр. 70). — Форму -īus объясняютъ Bopp (I, 419 сл.) изъ перестановки -sja въ jas или изъ суфф. ж. р. -sjās, Merguet (85) изъ -jas, L. Meyer (decl. 32) и Curtius (55) изъ -jas, а поэтому изъ слитiя: illī-us = illī-jas; по Schleicher'у (§ 628-630) основа расширена посред. i, а за тѣмъ суфф. -ius, который „dunkel"; Bücheler (39), Rossbach (Method. gr. gr. 1870, I, 144) и Corssen (Beitr. 547 ff., Ausspr. I, 307. 706, особ. II, 672-77 и 1020 f.) принимаютъ обыкн. суфф. -us = os = as, передъ кот. основа получила по Bücheler'у неясное i, по Rossb. — двойное i, а по Corss. — мѣстн. указат. -ī. — Но прежде Corss. думалъ (N. J. f. ph. 1853, p. 237) что здѣсь sja перешло въ -jus, а къ нему еще суфф. -s (по Rossb. -īus = гр. -σιο); по другимъ -io = ejo и sja, а sja по Wilhelm'у, De pron. rel. 30 sq. = суфф. nom. двойное ja, и т. д., по Bonny и Шмидту = sa и ja, а по M. Müller'у (I, 360) = прил. суфф. -tja, гр. -σιο; — по Захарову р. 37 — суфф. -us, а ī „sine dubio" отъ корня. — Изъ этого же видно, что по Windisch'у — расширена основа посред. ī и суфф. -us, а по Krüger'у, Pott'у и Düntzer'у — указ. на основѣ + -īus; по Андреяну — суфф. прил. мѣст. -tjas (cūjus, a, um), по Benfey'ю — ср. степ. -ī-jāns. — Вѣрнее всего, по нашему мнѣнiю, Meunier (L. Mém. de ling. 1868) видитъ здѣсь род. п. istī + т. п. + īus, энкл. род. отъ √ī. — Иные видятъ quo-ī-us, cūjus, hujus, вѣрнѣе принять полный род. п. — ējus (какъ въ слав. добра-го, добраго. — Ср. два рода ч. ч. ко-го, чь-со-го).

§ 33. Степени сравненія прилагательныхъ и нарѣчій.

1. Степенями сравненія выражается отношеніе одного предмета къ другому или къ другимъ по степени качества; качество обозначается именемъ прилагательнымъ, потому и степени сравненія свойственны только прилагательнымъ и произведеннымъ отъ нихъ нарѣчіямъ. Отношеніе между двумя предметами выражается степенью сравнительною; между многими - или сравнительною, если одинъ противопоставляется прочимъ, такъ что послѣдніе, въ сравненіи съ нимъ, принимаются какъ бы за единую внѣшнюю группу съ безразличными членами (haec arbor est altior illā или illīs), или превосходною, если онъ избирается изъ среды прочихъ, какъ наиболѣе выдающійся между ними, изъ коихъ каждый можетъ обладать качествомъ въ различной степени (haec arbor est omnium altissima). Первоначально формы степеней имѣли болѣе обширное значеніе и употребленіе чѣмъ теперь: онѣ употреблялись во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось дѣлать какой бы то ни было выборъ, выключеніе, сопоставленіе; такимъ то образомъ языкъ умѣлъ выработать напр. числительныя порядковыя, которыя суть ничто иное какъ прилагат. сравн. или превосх. степени, смотря по тому, былъ-ли выборъ между двумя (prior, alter, uter) или нѣсколькими предметами (prīmus, quartus и т. д.); также притяж. мѣстоименіе nos-ter есть степень сравнит., какъ противоположное понятію vos-ter и т. д. Сравнит. и превосх. степени могутъ быть усилены другими словами, напр. multō mājor, longē maximus (πολὺ μεῖζον гораздо большій) и пр., и ослаблены, напр. paulō mājor (μικρῷ μεῖζον немного большій). Формы степеней сравненія нерѣдко принимаютъ и абсолютное значеніе, напр. dūrius (т. е. какъ бы тверже обыкновеннаго), dūrissimus (очень твердый). Сверхъ того абсолютная степень качества (безъ сравненія) можетъ быть выражена частью особыми опредѣлит. словами, напр. valdē, satis, parum, nimis [πάνυ, ἅλις, οὐ πάνυ, ἄγαν, весьма, довольно, мало, слишкомъ], или приставкою нѣкоторыхъ предлоговъ къ началу слова, напр. prae-altus, per-magnus, sub-albus (ὑπέρ-υψηλος превысокій, ὑπό-λευκος бѣловатый), или особыми суффиксами, напр. pulchel-lus, parvu-lus [гр. μικκύλος, маленькій, малюсенькій; ἡδύ-λος dulci-culus, сладенькій, сладковатый].

Сравнит. и превосх. степени иногда выражаются описательно (magis pius, maximē dubius и пр.), но обыкн. посредствомъ приставки нижепоказанныхъ суффиксовъ (тематичныхъ) къ основѣ положительной степени. Нѣкоторые древнѣйшіе суффиксы такъ ослабѣли съ теченіемъ времени, что сравнительная и превосходная степени стали считаться за положительную; отсюда явилась потребность усилить, обновить и подкрѣпить тѣ суффиксы.

2. Gradus comparātīvus (ὄνομα συγκριτικόν), сравн. степень; суффиксы ея:

а) -ro-, напр. supe-ro-s, īnfe-ro-s (гр. ὑπέρ, нѣм. uns-e-r); оно утратило компаративное значеніе въ такой степени, что отъ этихъ словъ вновь образуется сравнит. степень, т. е. къ -ro- приставляется для этой цѣли еще суфф. -iōr- (= *ions-), напр. supe-r-ior.

б) *-jons- (слѣд. nōm. sg.: *-jons-s m. f., *jons ntr.), самый употребит. въ лат. языкѣ, но довольно рѣдкій въ греч., а въ слав. хотя и господствуетъ, но въ распространенномъ видѣ. Изъ него по звуковымъ законамъ въ лат. яз. выходятъ: -jōs- (§ 21, 4. a.), -iōs- (§ 23. ф.), откуда или -iōr- (§ 23. c.), -ior- (§ 18. 3.), или -iūs- (§ 18. 2.), -ius- (§ 18. 3.), -is- (§§ 18, 1. b.; 19, 1. a), -e- (§ 21, 3. б.; 17, i. 2.), и совсѣмъ исчезаетъ; или съ утратою -i (j): -ōs- (-ōr-), -ūs- (-ūr-), -or- (-ur-), а въ народныхъ нарѣчіяхъ иногда и съ утратою s (r), такъ что остается только -o-. - Передъ этимъ суффиксомъ исчезаетъ гласный звукъ основы, напр. dūr-ior вм. *dūro-ior. - Въ старину именит. пад. единств. ч. одинаково оканчивался для всѣхъ родовъ, но въ классич. время въ именительномъ падежѣ мужескаго и женскаго рода стало господствовать -ior (-jor), а въ именит. и винит. средняго -ius (-jus). - Окончаніе -jor (-jus) есть только въ mājor, mā-jus (acc. mājōr-em, ma-jus) вм. *mag-jor (§ 21, 4. e.) отъ √mag (ср. mag-nu-s, mag-is); обыкн. -ior, -ius, напр. dūr-ior, dūr-ius (отъ основы dūro-), facil-ior (отъ осн. facili-), dīvit-ior, сокр. dīt-ior (отъ dīvit-) и т. д. -or-, -us есть только

въ minor, min-us; -ius, -ur только въ plo-us, plus (въ ед. ч. есть только ср. р., во множ. всѣхъ родовъ plūres, дрв. pleores, см. § 11. a.), служащемъ сравн. степ. для plērus, plerique; -is есть въ magis (= mag-ius) satis, nimis, bis а также и въ соединеніи съ другими суффиксами сравн. и прев. степеней (см. ниже 2. и 3.г); -е въ mage; въ вульг. нар. иногда исчезало r; напр. встрѣчаются majo, mino. (во фрц. magis превратилось въ союзъ mais, minus — въ mes- mé-, напр. més-estimer, mépriser). Этотъ же суффиксъ -ions- въ видѣ -iens, -iēs послужилъ къ образованію числит. нарѣчій: sexiens и sexies и пр. и существительнаго tertius [illegible] bis ter (bitterus: [illegible] = triens) и quater (§ 34.в).

[Въ грч. -jons- перешло въ -ιον-; отсюда nom. sg. msc. и f. оканчивается на -ίων (= -ιον-ς см. §§ 30. з. и 31. г.), ntr. -ιον; напр. κακ-ίων, κάκ-ιον отъ κακό-ς худой; μείζων, μεῖζον major, вм. *μέγ-jων отъ μέγ-ας mag-nus. — Въ слав. изъ -jons- вышло msc. nom. acc. -ій (= -ius), ntr. -je (= -jus), напр. м. мьн-ій (= *min-ius = *minios-s), ntr. мьн-je; nom. pl. ms. расширенъ посредствомъ j и идетъ по 3 скл.: мьн-ьш-е (= мьн-jьс-je), а остальные падежи м. и ср. р. — по 2му скл. т. е. приняли приставку -jo-, напр. ген. мьн-ьш-а; въ соотвѣтствіи съ этимъ ж. р. образованъ поср. суфф. -ja-, т. е. въ им. п. оканч. на -ьши (= -jьс-ja или -ius-ja) напр. мьн-ьши, и идетъ по 1му скл. (такое же образованіе есть и въ прич., см. § 42. 3. а, б). Чаще въ слав. распростр. формы на -ѣй, -ай; напр. м. р. сильнѣй, ср. сильнѣje, ж. сильнѣйши: глѫбочай, глѫбочаje, глѫбочайши и т. д. Въ русск. меньшій, глубочайшій и т. д. произведены отъ основы косвенныхъ падежей и приняли приставку -jo (-ій), -а, е = je].

б) -tero- (nōm. -tero-s) — рѣдко въ лат. и еще рѣже въ слав. языкахъ, въ которыхъ сгладилось его компаративное значеніе, но съ полною силою господствуетъ въ греч. яз.

Лат. -tero-, nōm. -ter(u-s), -tera, -teru-m, напр. ex-terus, al-ter, dex-ter, nos-ter, uter (вм. *cu-tero-s отъ √co, cu, который есть въ мѣст. qui, къ-то, ко-й и пр., см. § 32. 3). Здѣсь также забыто значеніе суфф., что отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ прилаг. образуются новыя сравн. и превосх. степени, напр. ex-terior, ex-trēmus.

[Грч. -τερο-, nōm. -τερο-ς, -τέρᾱ, -τερο-ν, напр. δικαιότερο-ς, δικαιο-τέρᾱ, δικαιότερο-ν отъ δίκαιο-ς справедливый, σοφώ-τερο-ς и пр. отъ σοφό-ς мудрый (гл. ο удлинняется, если предыдущій слогъ коротокъ, чтобы дать первой части болѣе силы для выдерживанія тяжести суффикса) и пр.; также δεύτερο-ς, δευ-τέρᾱ, δεύ-τερον второй, πό-τερο-ς который изъ двухъ, іон. κό-τερο-ς = ко-торы-й = u-ter (т. е. *cu-ter). — Въ слав. есть остатки: вътор-ый, ко-тор-ый и je-теръ (= нѣкоторый)].

г) -is-tero- (nōm. -is-tero-s), т. е. соединеніе суффиксовъ -is- (= -ius-) и -tero (-toro) есть остатки въ лат. яз., довольно употребителенъ въ грч., нѣтъ въ слав. Въ лат. — съ поблекшимъ значеніемъ — только въ словахъ: mag-is-ter, minis-ter и sin-is-ter (-is-tra, -is-trum) [Грч. напр. λαλ-ίσ-τερο-ς, -ισ-τέρᾱ, -ισ-τερο-ν отъ λάλο-ς болтливый].

3. **Gradus superlātīvus** (ὄνομα ὑπερθετικόν), превосходная ст. Суффиксы ея:

а) -to- (nōm. -to-s) (самостоятельно) встрѣчается только въ числит. пор. — въ лат., грч. и слав.

Лат. -to-, nōm. -to-s (-tu-s), -ta, -to-m (-tu-m), напр. quar-tu-s, quin-tus, quo-tus, -ta, -tum.

[Грч. -το-, nōm. -το-ς, -τη, -το-ν почти во всѣхъ числит.; напр. πρῶ-το-ς, πρώ-τη, πρῶ-το-ν (1е), τρί-το-ς, τρί-τη, τρί-το-ν (3е), τέταρ-τος, τετάρ-τη, τέταρ-το-ν (4е) и т. д. — Слав. -тъ, -та, -то: четвер-тый, пя-тый].

б) -mo- довольно распространенъ въ лат. яз., но почти не употр. въ грч. и слав.

Лат. -mo-, nōm. -mo-s (mu-s), -ma, -mo-m (-mu-m), напр. mini-mus, infi-mus, sum-mus (вм. *sup-mus, § 22, 1. a. a.); также въ числит. pri-mus, septi-mus и пр. [Въ грч. только въ ἕβδο-μο-ς, -μη, -μον сед-мой; въ русск. и сл. только въ сед-мо-й и вось-мо-й].

в) -tomo- (т. е. соединеніе суфф. -to- и -mo-, такъ какъ сила одного казалась недостаточною) есть только въ лат.; nōm. -*tomo-s, -tumo-s, -timu-s, напр. op-tumo-s, op-timus, optimus, postumu-s, ul-timu-s, in-timus; послѣ гортан. -sumo-, -simu-: maximus, т. е. mac-sumu-s отъ √mag (§ 22. 1. б. a.), потомъ maximu-s; послѣ r и l звукъ s въ simo- подвергается полной ассимиляціи (§ 22. 1. a. β), напр. miser-rimus, veter-rimus, mātūrrimus, facillimus.

[Въ грч. есть соединеніе этихъ простыхъ суфф. въ обратномъ порядкѣ -μα-το- въ словахъ ἑβδό-μα-το-ς 7ое и ὕ-πα-τος послѣдній; въ особенности же удвоеніе -τα-το-, поср. котораго обыкн. образуется прев. ст. въ грч., т. е. всегда, когда для сравн. ст. послужилъ -τερο-; напр. δικαιό-τατο-ς, -τάτη, -τατο-ν; σοφώ-τατο-ς и т. д. (съ удлин., какъ въ сравн.)].

г) -isto- т. е. соединеніе суфф. сравн. ст. -is- (см. выше 2. б. и г.) съ суфф. превосх. степ. -to-. Въ лат. есть слѣды его въ устарѣломъ словѣ fidusta (ea, quae maxime fidei erant. Fest.), въ нарѣчіяхъ juxtā, praestō и въ существ. arista, crista. [Въ греч. суфф. -ιστο- сохраняетъ свою силу и употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда сравн. степ. образуется суффиксомъ -ιον-; напр. κάκ-ιστο-ς, κακ-ίστη, κάκιστο-ν; μέγιστο-ς и т. д. — Въ сл. нѣтъ есть въ литов.]

д) -is-to-mo- т. е. соединеніе трехъ суффиксовъ; есть только въ лат., гдѣ посредствомъ его обыкн. образуется прев. ст. — Nom. -is-tu-mo-s, -is-ti-ma-s встрѣч. (soll-istimo-s отъ sollus цѣлый, невредимый; обыкн. съ ассимиляціею (§ 22. 1. а. β.): -is-su-mo-s, -is-si-mu-s, напр. dūr-issimu-s, mātūr-issimu-s, doct-issimu-s, ūtil-issimu-s.

[Въ греч. есть -ισ-τα-το-, параллельный суффиксу ср. ст. -εστερο- (см. 2. г.), напр. λαλ-ίστατο-ς, λαλ-ιστάτη, λαλ-ίστατο-ν. — Изъ сказаннаго видно, что въ слав. и русск. языкахъ почти нѣтъ превосх. ст. Она замѣняется различными способами, напр. наи-лучшій, самый лучшій, самый добрый, лучшій изъ всѣхъ].

Многія прилаг. во всѣхъ языкахъ по значенію и по другимъ причинамъ не имѣютъ степеней сравненія. — Въ ром. языкахъ почти исчезло образованіе ихъ посред. суффиксовъ, нпр. фр. grand, plus grand, le plus grand; итал. grande, più grande, il più grande.

4. Склоняются прилаг. ср. и пр. степ. въ лат. и гр. вообще какъ имена, т. е. лат. на -iōr- и гр. на -ιον- по согласному скл., остальныя по -o- и -a- скл.; напр. gen. mājōr-is и μείζον-ος для всѣхъ родовъ, maximī и μεγίστου m. и ntr., maximae и μεγίστη-ς f., abl. mājōre и т. д. [Только въ гр. въ acc. sg. m. f., nom. acc. pl. всѣхъ родовъ нерѣдко бываетъ экоммисъ звука ν, а потомъ сνнäресъ или сонийзесъ, нпр. μείζω вм. μείζον-α (acc. sg. m. f. и nom.-acc. pl. ntr.), μείζους вм. μείζονες и μείζον-ας (nom. и acc. pl. m. f.) — Въ слав. см. выше 2. б.; напр. nom. pl. мьн-ьш-е m., мьн-ьш-ѧ f., мьн-ьш-а ntr.; gen. мьн-ьшь о. д.].

5. Нарѣчіями отъ прилаг. основъ на -o-, слѣд. полож. и превосх. степ., служитъ, какъ выше замѣчено (§ 31. б), въ лат. обыкн. отлож. пад. именъ прил. въ нѣсколько измѣненной формѣ, т. е. на -ē (вм. ēd = ōd), напр. doctē, doctissimē, doctissimē (facilumēd въ одномъ древн. пам.; ср. оск.), часто въ полож., рѣдко въ превосх. ст. и безъ измѣненія, т. е. на -ō, напр. occultō(d), rārō, prīmō. Въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ -ē сократилось, особ. въ bene, male (см. § 25, I. 2. е.) — Отъ нѣкоторыхъ основъ полож. ст. на -o- и почти отъ всѣхъ согласныхъ и -i-основъ производятся нарѣчія полож. ст. на -ter (что, вѣроятно, есть сокращеніе компар. суфф. -tero-; въ вин. пад.; ср. i-teru-m, гр. πρό-τερο-ν прежде), нпр. firmi-ter (рядомъ съ firmē), sapien-ter, levi-ter. Наконецъ иногда полож. и превосх. и всегда — сравн. степенью нарѣчій служитъ вин. пад. ед. ч. ср. р. тѣхъ же степеней (§ 31, 4), напр. multum, facile; plūrimum, prīmum; doct-ius, melius, magis и mage (вм. +mag-ius, см. выше 2. б.). — Въ ром. языкахъ нерѣдко сохраняются латинскія нарѣчія, напр. итал. bene, франц. bien и пр., но обыкн. вновь образованы посред. mente и ж. р. им. прилаг. (§ 27, прим. 1. и § 28, 1), напр. ит. buona-mente, фр. bonnement = bonā mente. Зачатки такого употребленія встрѣчаются и въ лат. класс. яз., часто — въ вульгарном.

[Въ гр., какъ упомянуто (§§ 30. 3., 31. б), нарѣчія полож., отчасти сравн., а иногда превосх. степеней произошли отъ отлож. пад. и оканчиваются на -ως, напр. δικαίως jūste, δικαιο-τέρως jūstius, δικαιο-τάτως jūstissimē; κακῶς male, κακιόνως pējus и пр. (Акцентъ бываетъ тотъ же и тамъ же, какъ въ gen. pl. прилаг.). Обыкн. же въ качествѣ нарѣчій сравн. и превосх. степ. употребляется вин. пад. ср. р. именъ прилаг., и именно сравн. степ. въ ед. ч., превосх. — во множ.; напр. δικαιό-τερον и δικαιό-τατα, κάκιον и κάκιστα. — Въ русск. и слав. вин. ед. ср. р. служитъ и нарѣчіемъ: хорошо, лучше, наилучше и т. д.].

§ 34. — Имена числительныя (nōmina numerālia).

1. Числительныя опредѣляютъ только форму, въ которой мысль наша представляетъ предметъ, а не свойство, не содержаніе предмета; поэтому они, также какъ и мѣстоименія, относятся къ словамъ формальнымъ, служебнымъ, хотя происходятъ (можетъ быть за немногими исключеніями) отъ знаменательныхъ корней, т. е. отвлеченными стали изъ конкретныхъ. — Форма есть одинъ изъ признаковъ понятія; слѣд. числительныя по своей природѣ родственны съ прилагательными; но мысль наша можетъ и форму представлять самостоятельно, отвлечь ее отъ предмета и дать ей независимое бытіе; на этомъ основаніи числительныя могутъ являться и въ видѣ существительныхъ; въ такихъ форма стала содержаніемъ; напр. единица,

десятокъ, сотня и т. д. – Слав. и рск. пошли еще дальше: въ нихъ всѣ числит. колич., начиная отъ „пяти", стали почти существ.; это видно какъ изъ суфф. большей части изъ -ть, посред. котораго образуются преимущ. отвлеч. существит. (шес-ть, девя-ть и пр.; ср. па-мять = ла. menti-(s)), вслѣдствіе чего они и склоняются по образцу существ. ж. р. ед. ч. на ь, напр. шес-ти, шесть-ю; такъ и изъ того, что послѣ числ. колич. въ им. или вин. п. и съ нѣкот. предлогами стоитъ сущ. въ род. мн., т. е. является только опредѣленіемъ къ нимъ; напр. пять человѣкъ, по пяти человѣкъ. Но въ другихъ случаяхъ проявляютъ они и прилаг. натуру, напр. пяти человѣкамъ, о пяти человѣкахъ и т. д. – Въ лат. же и гр. они всегда остаются прилаг., напр. quinque homines, πέντε ἄνθρωποι и пр. (Здѣсь хорошо видно различіе между логикою и граммат.; см. §1. съ выноскою). – Только mille въ ед. ч. иногда склоняется какъ сущ., напр. mille hominum (вм. обыкн. mille homines), а во мн. ч. и двойств. стало таковымъ: duo mīlia hominum (duo mīlia ducenti homines есть эллиптич. выраженіе вм. duo mīlia (hominum et) ducenti homines). Прочія числительныя (порядковыя, множит., раздѣлит., пропорціональныя) производятся отъ колич. и суть во всѣхъ языкахъ имена прилагат. (кромѣ упомянутыхъ сущ. десятокъ, сотня и т. п.); наконецъ, какъ отъ существ. такъ и отъ прилагат. числительныхъ образуются еще нарѣчія числительныя.

Прим. Отъ числит. должно отличать производныя сущ. имена (хотя бы они по виду были вполнѣ тождественны съ числит.), напр. двойка (въ картахъ), троица (божеств. и праздникъ), семикъ, поединокъ, ūnio и т. д.; здѣсь одинъ изъ признаковъ предмета или отвлеч. понятія послужилъ къ укрѣпленію его въ нашемъ представленіи и слѣд. къ наименованію въ языкѣ.

Счетъ почти во всѣхъ языкахъ имѣетъ въ основѣ своей десятичную систему, на которую навела сама природа числомъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ (поэтому есть слѣды у нѣкоторыхъ народовъ и двадцатичной системы; напр. у Гренландцевъ число 20 выражается словомъ „человѣкъ"; во фр. quatre-vingt; есть также слѣды и 5-ричной и 4-ичной системъ).

Такъ какъ числит. имена арійскихъ языковъ, поражая своимъ сходствомъ, представляютъ однако много спорнаго и труднаго для разъясненія происхожденія и частныхъ отличій; то мы, сопоставивъ колич. и порядковыя имена трехъ языковъ, ограничимся лишь немногими замѣчаніями, которыя намъ кажутся наиболѣе нужными и притомъ наиболѣе вѣрными и простыми (+). О прочихъ числительныхъ лишь кратко упомянемъ.

2. Количественныя. cardinālia.

1. лат. oi-no-s, oe-no-s, ū-nu-s, a, -o-m (-u-m) вѣр. отъ усиленнаго указат. i (i-s, e-a, i-d) (см. §51, 7. i. 5. и 32. 3) и суфф. -no. [Въ гр. латинскому oi-no- соотвѣтствуетъ только οἴ-νη f. единица, тузъ въ игрѣ въ кубъ (κύβος, tessera) или въ кости; въ слав. мѣстоим. и-нъ и въ сложн.: ино-къ, ино-рогъ (единорогъ), вьнѣ; число jed-инъ, рск. од-инъ. – Въ гр. 1. есть ἕν ntr., εἷς msc. (gen. ἑν-ός) = *ἕν-ς = *sem-s = *sam-s (ср. лат. sem-el, sim-plex, sin-guli; слав. самъ); f. μία = *σμία = σμία = *σεμ-ια, *сам-ія].
2. duō, обкн. duo m. ntr.; duae, дрвн. duā, fem. [гр. δύω, обкн. δύο; слав. два, двѣ o. g.]; duō и duā суть дв. ч., а duae мн. (duā вышло изъ употр.).
3. trēs m. f., tria ntr. (осн. tri-) [гр. τρεῖς m. f., τρία n.; слав. три o. g.].
4. quātuor (вм. quatuor-es), quator [гр. τέτταρ-ες m. f., τέτταρ-α n., или τέσσαρ-ες, бéот. πέτταρ-ες (= *κετϝαρες); сл. четыре o. g.].
5. quinque [гр. πέντε и (äол.) πέμπε; слав. пять (родств. съ пясть)]. – 6. sex [гр. ἕξ, дор. Ϝέξ; слав. шесть].
7. septem, въ сложн. septu-(ā-gintā и др.) [гр. ἑπτά; слав. сед-мь вм. *сем-мь = *септ-мь; рск. се-мь].
8. octō имѣетъ форму двойств. ч. (какъ duō и ambō) и можетъ быть есть остатокъ 4-ичной системы [гр. ὀκ-τώ; сл. ос-мь; р. восемь].
9. novem [гр. ἐν-νέα (съ просоесью §19. 3. 8. и удвоеніемъ ν); слав. девя-ть. – 10. decem [гр. δέκα; сл. деся-ть].
11. ūn-decim вм. *ūni-decim = *ūno-decem [гр. ἕν-δεκα; сл. jединъ-на-деся-те или деся-ть; рск. одиннадцать].
12. duo-decim [гр. δώ-δεκα; сл. два-на-деся-те или деся-ть; рск. двѣ-на-дцать].
13. tre-decim [τρεισ-καί-δεκα; сл. три-на-десять, р. тринадцать. – 14. quatuor-decim [τεσσαρες(α)-καί-δεκα; слав. четыре-на-десяте, рск. четырнадцать. – 15. quindecim [гр. πεντε-καί-δεκα; сл. пять-на-десять, р. пятнадцать].
16. sē-(sex)-decim [гр. ἑκ-καί-δεκα; сл. шесть-на-десяте]. – 17. septen-decim [гр. ἑπτα-καί-δεκα; слав. седмь-на-десять]. – 18. decem et octō, обкн. duo-dē-vīginti [гр. ὀκτω-καί-δεκα, сл. осмь-на-десять, р. восемнадцать].
19. decem et novem или decem novem, обкн. un-dē-vīginti [гр. ἐννεα-καί-δεκα; девять-на-деся-те р. девятнадцать].
20. vīginti = *dvi-decen-tī (§§21, 3. a. и 23. a); оно есть остатокъ двойств. ч. (§30, 2.; vi-ginti: trī-ginta = двѣ-сти или двѣ-сти: три-ста.) [гр. εἴκοσι = *ἔϝ-κοσι = дор. ϝεί-κατι, ϝί-κατι; сл. дъва-десяте или два-десять; р. два-дцать].
21. и т. д. vīginti ūnus или ūnus et vīginti и т. д. [гр. εἴκοσι εἷς, или εἴκ. καὶ εἷς, или εἷς κ. εἴκ.; два-десяте jединъ и т. д.].
30. trīgintā = *tria-gintā = *triā-decen-tā (объ -ā см. §31, 9.). [гр. τριά-κοντα; сл. три-десять; рск. три-дцать].
40. quadrā-gintā = *quatuorā-decinta [гр. τεσσαρά-κοντα; сл. четыредесяте; рск. сорокъ изъ новогр. σαράκοντα].
50. quinquā-gintā [гр. πεντή-κοντα; сл. пять-десятъ (не десяте или десять, ибо послѣ 5 и далѣе долженъ быть род.)]
60. sexā-gintā [гр. ἑξή-κοντα; сл. шесть-десятъ]. – 70. septuā-gintā [ἑβδομή-κοντα; седмь-десятъ].
80. octō-gintā [гр. ὀγδοή-κοντα, сл. осмь-десятъ]. – 90. nōnā-gintā [ἐνενή-κοντα; девять-десять; р. девяносто].
100. cento-m, centu-m [гр. ἑ-κατό-ν = *ἕν-κατο-ν; слав. съто = *сѫто; русск. сто].
200. ducentī, -tae, -ta [гр. διακόσιοι, -αι, -α; дор. διā-κατίοι; слав. дъвѣ-сти; русск. двѣ-сти (дв. ч.)].
300. tre-centī и т. д. [гр. τριā-κόσιοι и т. д.; сл. три-ста]. – 400. 500. 700. 800. и 900 n-c измѣнилось въ ng (§22, 1. 5. α. и §23. a), т. е.: 400. quadrin-gentī [τετρα-κόσιοι, четыре-ста]. – 500. quingentī [πεντακόσιοι, пять сотъ].
600. sex-centī [ἑξακόσιοι, шесть-сотъ]. – 700. septin-gentī (вм. septem-) [ἑπτα-κόσιοι, седмь-сотъ].
800. octin-gentī [ὀκτα-κόσιοι осмь-сотъ]. – 900. nōn-gentī [ἐνα- или ἐννα-κόσιοι девять-сотъ].
1000. mīlle, мн. ч. обыкн. mīlia (слѣд. основы mīlli- и mīli-); въ этомъ словѣ арійскіе языки

(+) См. въ особенности: Pictet, Les origines II, 564–579; Bopp-Bréal II, 209–254; Schleicher 494–512; Corssen, passim. Главнымъ сочиненіемъ считается Pott'a, die quin. u. viges. Zählmetode, 1847. (но я его не читалъ).

расходятся, слѣд. его не существовало до раздѣленія племени (см. стр. 15) [грч. χίλιοι, -λιαι, -λια. - Слав. тысѫшта или тысяшта, рск. тысяча; родственно только съ нѣм. tausend].
1000. decem mīlia и т. д. [грч. μύριοι, -αι, -α вм. δεκάκις χίλιοι; сл. десять тысяштъ или тьма].
(Въ романскихъ языкахъ сохраняются лат. числит. количеств., но иногда въ сильно-измѣненномъ и сокращенномъ видѣ, напр. фрц. on-ze = лат. ūn-decim, итал. un-dici).

Въ лат. яз. склоняются только ūnus, duo и trēs, далѣе сотни и mīlia (pl.). Особенности: gen. sg. ūnīus, рѣдко ūnius o. g. (но иногда и ūnī m. n., ūnae f.); dat. sg. ūnī (иногда ūnō m. n., ūnae f. См. §32, з. III. и V.). Слово duō, а также ambō (ἄμφω оба), удержали форму двойств. ч. только въ nom. acc. m. n.; въ остальныхъ падежахъ, а отчасти и въ acc. msc., замѣнили ее множественною (duae вм. duā, duōrum, duōs и duo и т. д.); въ dat.-abl. duō-bus, duā-bus удлиннились o и a подъ вліяніемъ имен.-вин. пад. Слѣды того, что склонялись нѣкогда и прочія числит. колич. видны въ quadrā-gintā, quinquā-gintā (nom.-acc. pl. ntr.), vī-gintī (см. 20.) и пр. [Въ грч. склоняются 1, 2, 3, 4; потомъ сотни и χίλιοι, въ русск. - всѣ, но недостаточно; въ сл. 11-90. не склоняется вторая часть, т. е. десяте (вин.-им.) и десятъ (род.)].

3. Порядковыя ordinālia б. ч. произведены - что лежитъ въ природѣ вещей - отъ основъ соотвѣтственныхъ колич. поср. суфф. прев. ст. -mo-, иногда -to- (§33, 3. а. и б.) [въ грч. и слав. наоборотъ: обыкн. -to-, иногда -mo-]. Только первыя три числа представляютъ особенности.
1. pri-or, prius или prī-mus, -ma, -mum (§33, 1., 2. б., 3 б.; вѣр. отъ prae, §18, 2.) [Грч. πρό-τερο-ς, -τέρᾱ, -τερο-ν (§33, 2. в.); πρῶ-το-ς, πρώ-τη, πρῶ-το-ν (§33, 3. а.), дор. πρᾶ-το-ς. - Слав. прь-въ, -ва, -во, или прь-въ; обкн. опред.: прь-вый; рск. первый].
2. al-ter, -a, -u-m (ср. ст. §33, 2. в.) и sec-undus, a, -um (отъ √sec въ sequor, см. §42, 3. 2.) [гр. δεύ-τερο-ς, -τέρᾱ, -τερο-ν; слав. вътор-ый, рск. в-тор-ой].
3. ter-tiu-s (съ метаѳесью въ √tri; см. §§21, 1. и 17, i. 2) [грч. τρί-το-ς, -τη, -το-ν, эол. τέρ-το-ς (прев. ст.); слав. тре-тии (=лат. -tius)].
4. quar-tu-s (= *quatr-to-s = *quatuor-to-s) [грч. τέταρ-το-ς, -τη, -το-ν (= *τέτϝαρ-το-ς); сл. чет-връ-тъ и -връ-тъ; рск. чет-вер-тъ].
5. quin-tus изъ quinc-tus [грч. πέμπ-το-ς; слав. пятъ; обкн., какъ и проч. порядк., съ опредѣл. -и: пя-тый, -taja, -toje].
6. sex-tu-s [грч. ἕκ-το-ς (вм. *ἕξ-το-ς); слав. шес-тъ, или обкн. шес-ты-й и т. д.; рск. шес-тъ и шес-то-й].
7. septi-mu-s [грч. ἕβδο-μο-ς (вм. *ἕπτο-μος, §23. а.) и древн. ἑβδό-ματο-ς (§33, 3. в.); сл. сед-мы-й (= *септ-мо-й); рск. седь-мо-й].
8. octāv-u-s [грч. ὄγδο-ο-ς (вм. *ὀκτοϝ-ος, §23, а.); слав. ос-мы-й (вм. *окт-мо-й); рск. вось-мо-й].
9. nō-nu-s (изъ *novi-mo-s) [грч. ἔνα-το-ς и ἔν-να-το-ς (вм. *ἐ-νεϝα-το-ς); слав. девя-ты-й; рск. девя-ты-й].
10. deci-mu-s [грч. δέκα-το-ς, сл. деся-ты-й]. Такъ и далѣе: 11. ūn-deci-mus, 12. duo-deci-mus; 13-19. отдѣльно единицы и десятки: tertius decimus и т. д. [Въ грч. 11-19. вполнѣ слѣдуютъ количественнымъ: 11. ἑν-δέκατος, 13. τρεισ-και-δέκατος, 14. τεσσαρα-και-δέκατος и т. д.; въ слав. отдѣльныя слова, изъ коихъ только единицы порядковыя, а десятокъ - количеств., напрш. 11. прь-вый (-aja, -oje) на десять и т. д.; но въ русск. срослись (колич. единицы съ пор. десятками): 11. одинадцатый, 12. двѣ-на-дцатый и т. д.]. - 18. и 19. въ лат. б. ч. duo-dē-vīcēsimus и un-dē-vīcesimus.
20-90. Десятки образованы въ лат. яз. поср. суфф. прев. ст. -tomo- (§33, 3. в.); оканчиваются они на -cēsimus или -gēsimu-s, что произошло такимъ образомъ: -*(de)centi-tomo-s, -*cent-tumo-s (§21, прим. 2; §17, i. 1. и 2.), *cens-tumos (§22, 2.), *cēns-sumu-s, -cēn-sumus (§21, 1. а. β., §18, 1. б. а. и β), наконецъ -cē-sumus (§21, 4. а.), -cēsimus, -cē-simus (§17, и. 1. и §13, прим. 13) и -gē-simus (§23, а.); напр. 20. vī-cēsimus и vī-gēsimus; 40. quadrā-gēsimus и т. д. до 90. nōnā-gēsimu-s [Въ грец. и десятки образованы поср. суфф. -το-, а изъ *κοντ-τό-, *-κοντα-τό- вышли *-κοσ-τό-, -κοσ-τό-; по этому 20. εἰκοσ-τό-ς, 30. τρια-κοσ-τός и т. д. - Въ слав. образуются прилагат. поср. суфф. -но-, напр. два-десяти-нъ и т. д.; въ рск.: суфф. -о-: два-дцаты-й вм. *два-дцат-о-й и т. д.; особенности: сороковой и девяностый].
(23. въ лат. vīcēsimus tertius или tertius et vīcēsimus и т. д.; 28. duo-dē-trīcēsimus или vīgēsimus octāvus, или octāvus et vīgēsimus; 29. undē-trīgēsimus и т. д. - Грч. 23. εἰκοστός τρίτος, или τρίτος καὶ εἰκοστός, или τρεῖς καὶ εἰκοστός; рск. двадцать третій и т. д.)
100-900. Окончаніе лат. -ēsimu-s заимствовано сотнями изъ десятковъ въ то время, когда уже было забыто его происхожденіе, ибо порядковыя сотни возникли гораздо позднѣе десятковъ; напр. 100. centēsimus, 200. ducentēsimus, 400. quadringentēsimus и т. д. [Если бы они были прямо образованы поср. суфф. -tomo-, то вышло бы *cent-tumu-s, *cēn-sumus (§22, 1. а. β.), *cēsimus, а не centēsimus. - Въ грч. суффикс. -στο- (можетъ быть = -ιστο-, §33, 3. г.) напр. 100. ἑκατο-στό-ς, -στή, -στό-ν; 200. διακοσιο-στό-ς и т. д. - Слав. суфф. -о-: 100. сът-ый, 200. дву-сътый; рск. сотый и т. д.].
1000. Въ лат. и грч. какъ сотни: millē-simus [грч. χιλιο-στό-ς; сл. и рск. суфф. -но-: тысяшть-нъ, рск. тысяч-ны-й].
10.000. deciēs (всегда adverb.) millēsimus и т. д. [грч. μυριο-στό-ς вм. δεκάκις (adv.) χιλιο-στός; рск. десяти-тысячный].
(Изъ романскихъ языковъ италіянскій сохраняетъ и порядковыя латинскія; но во франц. количественныя такъ измѣнились, что оказалась потребность для сохраненія связи съ ними образовать уже отъ измѣненныхъ (французскихъ) количественныхъ новыя порядковыя; напр. ит. quinto (= quintus), фр. cinquième отъ cinq; но Charles quint).

4. Distribūtīva, раздѣлительныя - есть только въ лат. яз., въ коихъ образуются поср. суфф. -no- (кромѣ 1. sin-gulī), напр. 2. bīnī, bī-nae, bī-na (= *dvī-nī); 3. ternī и trī-nī; 4. quater-nī, 5. quī-nī (= *quinc-nī), 6. sē-nī (= *sex-nī), 7. septē-nī, 8. octo-nī, 9. novē-nī, 10. dē-nī (= *dec-nī). 20. vīcē-nī (вм. *vīcent-nī = *vīcentī-nī). 50. quinquā-gēnī, 90. nōnā-gē-nī. 100. cent-ēnī (гдѣ окончаніе десятковъ -ē-nī употреблено какъ суфф.; ср. centēsimus; иначе изъ centi-nī вышло бы *cē-nī, какъ вы:) 200. du-cēnī (= *ducentī-nī). 900. nōn-gē-nī и т. д. - 1000. singula mīlia (рѣдко millēnī) и т. д. [Въ грец. и слав. описательно, напр.: σύν-δυο, ἀνὰ δύο, εἰς δύο, κατὰ δύο = bīnī; сл. и рск. по два и т. д.].

5. Multiplicātīva на -plex o. g., напр.: 1. sim-plex (ср. кол. грец. 1. и sin-gulī), 2. du-plex, 3. tri-plex, 4. quadru-plex .... 10. decu-plex, ... 100. centu-plex [грч. на -πλοῦ-ς, -πλῆ, -πλοῦν, напр. 1. ἁ-πλοῦς простой, одинакій; 2. δι-πλοῦς двоякій, двойной; 3. τριπλοῦς троякій; 4. τετρα-πλοῦς; 10. δεκα-πλοῦς, 100. ἑκατοντα-πλοῦς].

6. Prōportiōnālia на -plus, -pla, -plum: 1. simplus простой, одинокій; 2. du-plus, 3. tri-plus, 4. quadru-plus .... 10. decu-plus ... 100. centu-plus и пр. [Греч. на -πλάσιο-ς, -πλασία, -πλάσιο-ν, напр. 2. δι-πλάσιος двойной, дву-кратный, вдвое большій; 3. τρι-πλάσιος тройной, троекратный; 4. τετρα-πλάσιος, 10. δεκαπλάσιος, 100. ἑκατονταπλάσιος].

7. Substantīva numerālia - въ лат. собств. нѣтъ (1. ūniō, monas) [въ грец. съ суфф. -αδ-, nom. -ά-ς f., нпр. 1. ἑνάς, (обкн. μονάς отъ μόνο-ς sōlus) единица; 2. δυάς двойка; 3. τριάς тройка, троица; 10. δεκάς десятокъ; 100. ἑκατοντάς сотня].

8. Adverbia numerālia: 1. sem-el, 2. bis (= dvis; -is - суфф. ср. ст., §33, 2. б.), 3. ter (вм. *ter-s = *ter-is, ср. ст.), 4. quater (s); прочія оканчиваются на -iēns, обкн. -iēs (= -iōns ср. ст. §33, 2. в.), нпр.: 5. quinqu-iēns и -iēs; 6. sexiēns и sexiēs... 10. deciēs... 20. vī-c-iēs, 100. centiēs... 1000. milliēs и пр. [грч. 1. ἅπαξ, 2. δίς = bis, 3. τρίς; прочія на -άκις, нпр. 6. ἑξάκις. Рск. дважды; 5. пять и т. д.].

Глава VI. Глаголъ(+).

§35. Опредѣленіе и раздѣленіе глагола.

1. Глаголъ выражаетъ дѣйствіе, исходящее отъ субъекта или воспринимаемое имъ, т. е. во всякомъ случаѣ поставленное въ зависимость отъ субъекта и находящееся съ нимъ въ неразрывной связи. Хотя многіе глаголы обозначаютъ состоянія (стою, спишь, зеленѣетъ и т. д.), но не иначе какъ преходящимъ, временнымъ, ~~какъ бы~~ какъ бы текущимъ или движущимся (см. §28, 1), т. е. существующимъ въ извѣстное время и слѣд. тоже въ видѣ дѣятельности (ср. нѣм. нар. выраженіе ich thue schlafen — ich schlafe, тоже въ англ. и пр.). Не только выражая дѣятельность, но и указывая (личными суффиксами) на субъектъ, и, посредствомъ внутренней связи (т. е. сцѣпленіемъ суффикса съ основою), показывая въ лат. (и вообще въ арійск. яз.), что дѣятельность та принадлежитъ субъекту, — словомъ, сливая въ одно понятіе субъектъ съ его дѣятельностью, или заключая въ себѣ сказуемое съ подлежащимъ и связкою, глаголъ въ одномъ словѣ представляетъ цѣлое нерасчлененное предложеніе. Дѣйств., нерѣдко цѣлое предложеніе состоитъ изъ одного глагола, и, на оборотъ, никакое предложеніе не можетъ обойтись безъ глагола выраженнаго или, по крайней мѣрѣ, подразумѣваемаго (Sta Minerva! т. е. docet); онъ даетъ единство, стройность и жизнь массѣ отдѣльныхъ представленій. Потому то глаголъ есть самая важнѣйшая, самая знаменательная и самая логичная часть рѣчи; отсюда и его названія ῥῆμα, verbum, глаголъ, др. рус. рѣчь, т. е. слово по преимуществу (κατ᾽ ἐξοχήν). Въ глаголѣ съ особенною полнотою проявляется, такъ сказать, душа языка и народа.

Хотя часто сказуемымъ бываетъ не глаголъ, а существ. или прилаг., но и въ такихъ случаяхъ необходимъ глаголъ, устанавливающій связь между такимъ сказуемымъ и подлежащимъ, или дающій имени возможность и силу стать сказуемымъ (хотя самъ нерѣдко опускается). Такіе глаголы бываютъ самаго отвлеч. характера и называются вспомогательными (§28, 3, 7). Впрочемъ и они, какъ и другіе глаголы, первонач. имѣли вполнѣ реальное, пластичное значеніе, которое съ теченіемъ времени улетучилось; однако во всѣхъ языкахъ сохраняютъ они рядомъ съ формальнымъ и знаменательное значеніе. По своей отвлеченности самый удобный для абстрактной рѣчи, а потому и самый распространенный, есть глаголъ быть, лат. esse, гр. εἶναι, нѣм. sein и т. д.; напр. hic liber est bonus, гдѣ est не имѣетъ никакой знаменательности и вовсе не чувствуется; въ русск. и совершенно опускается: эта книга (есть) хороша. Но въ выраженіяхъ: „mihi est hic liber", „у меня есть книга" сохраняетъ свою знаменательность (вѣрнѣе, существованіе) и является сказуемымъ (въ греч. это различіе выражается и интонаціею, напр. въ первомъ случаѣ οὗτος ὁ βίβλος ἐστὶ καλός; во 2мъ. напр. ἐμοὶ ἔστι ὁ βίβλος). Первонач. же этотъ глаголъ имѣлъ болѣе пластичный смыслъ — „дышать, жить". — Въ романскихъ языкахъ изъ лат. глаголовъ не только esse, но даже stare и habere стали вспомогат., напр. фр. j'ai été bon, итал. sono stato buono; зачатки такого употребленія, т. е. ослабленіе значенія этихъ словъ можно видѣть и въ лат. яз., напр. у Циц.: dē Caesare satis dictum habeō (вм. dixi); у Цез.: cōpias, quās habēbat parātas (вм. paraverat), у Лукр. amplexi habent, далѣе mihi persuāsum habeō, cognitum habeō и пр. (ср. у Геродота κτησάμενοι ἔχουσι, они пріобрѣли). — Но въ j'ai un livre, j'étais chez moi и т. д. эти глаголы остаются и въ ром. яз. знаменательными. Въ русск. также кромѣ быть часто употребляется въ качествѣ вспомогат. стать, а изрѣдка и имѣть, напр. „я имѣю сдѣлать"; въ нѣм. haben и werden; въ гр. πέλω, πέλομαι бываю, ἔφυν бывалъ, τελέθω бываю, ὑπάρχω бываю. Ср. §28, 1.)

(+) См. Schleicher соб. 16. о глаг. 351–374 и 660–840. о глаг.-именныхъ формахъ 376–476; Bopp-Bréal I, 220–270 и почти весь томъ III; Heyse 350–360, 380 ff., 391 ff., 398–403, 412 f., 422–433, 454–475; L. Meyer I, 129–449 и б. ч. 2го тома, но въ особ. 1–78; Neue II, 188–488; Corssen ll. ll. passim; Merguet l. c. 167–270 и дополненіе къ этой книгѣ подъ загл.: Die ableitung der verbalendungen aus hilfsverben u. die entstehung der lat. e-declination. Berl. 1871, ss. 34, 25–41; Schuchardt Vokal. passim (см. Index III, 343); Egger 73–99; Hermann l. c. 207–234; Brachet 184–228. — Curtius Gr. Etym. passim; Erläut. 74–148, 171–189; Gramm. 81–195, 233–292; Kühner Ausf. gr. gr. I, 490–698; II, 79–222. — Буслаевъ Грамм. I, 100–119, 187–217; II, 110–164; Препод. р. яз. II, 149–158; Половановъ 20–47. — Въ недавнее время явились у насъ крайне странныя теоріи — почти фантазіи — о русскомъ глаголѣ (И. Некрасовъ — О значеніи формъ русскаго глагола. Спб. 1865, а г. Богородскій утвердился даже его превзойти), но достаточно обличающія духомъ удали, соединенной съ почти полнымъ незнакомствомъ авторовъ со сравнит. и общимъ языкознаніемъ и съ частными грамматиками другихъ языковъ, что имъ и не мѣшаетъ упрекать другихъ въ недостаткѣ научнаго, твердаго основанія (Некрасовъ, стр. 112) и журналы — и т. п. числа.

2. По своему значенію или по характеру своей дѣятельности глаголы дѣлятся на transitīva, переходящіе, которыхъ дѣйствіе прямо направлено (или можетъ быть направлено, хотя бы въ данномъ случаѣ это не было сдѣлано) на объектъ, какъ на цѣль (въ вин. п.) такъ что онъ является страдающимъ (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова), напр. бить, ferīre, τύπτειν; любить, amāre, φιλεῖν, — и intrānsitīva, непереходящіе, которыхъ дѣятельность не можетъ быть такъ направлена; послѣдніе подраздѣляются на объективные, которыхъ дѣятельностью косвенно затрогивается (или можетъ затрогиваться) другое лицо или предметъ, напр. помогать кому, auxiliārī, succurrere (alicui), βοηθεῖν (τινί), и субъективные, коихъ дѣйствіе ограничено сферой субъекта, напр. идти, īre, ἰέναι; сидѣть, sedēre, ἕζεσθαι. Но многіе глаголы, обыкнов. употребляющіеся въ качествѣ непереходящихъ, могутъ стать въ извѣстномъ значеніи переходящими, и на оборотъ; напр. adīre приходить и adīre alqm. посѣщать кого, обращаться къ кому; consulere alicui совѣтовать кому, заботиться о комъ, и consulere alqm. просить совѣта; flēre плакать и оплакивать, mūtāre мѣнять и мѣняться, deflectere отклонять и отклоняться (въ греч. напр. κλίνειν клонить и клониться, ἄγειν вести и весться, или же нѣкоторые глаголы въ одной формѣ имѣютъ транзитивное, въ другихъ — интранз. значеніе, напр. φαίνω казать и казаться, являться (ср. §§39,1. греч. и 40); много и во франц. и въ нѣм. яз., напр. décliner, changer; fahren везти и ѣхать (и везтись), brennen горѣть и жечь, ziehen тянуть и тянуться; иногда и въ русск.: косевать землю, писать танецъ, служить службу; вода бѣжитъ изъ береговъ и др.]. Наконецъ каждый транзитивный глаголъ можетъ быть употребленъ интранзитивно, напр.: пишу письмо (транз.), пишу другу (интр. объективн.) и просто пишу, т. е. занимаюсь писаніемъ (интр. субъект.). — Первоначальное значеніе глаголовъ было среднимъ между непер. и перех., — что выражается часто и въ формѣ (§36.1.2.) — и языкъ долго колебался, прежде чѣмъ успѣлъ закрѣпить за извѣстными глаголами то или другое значеніе и употребленіе. Вполнѣ не достигъ этого ни одинъ языкъ, что видно какъ изъ приведенныхъ примѣровъ и смѣшенія формъ, такъ и изъ того, что нѣкоторые глаголы (въ каждомъ языкѣ) управляютъ различными падежами, напр. meminisse alcjs. и alqm, μεμνῆσθαι τινός и τινά, помнить о комъ и кого. Глаголы сходнаго значенія могутъ управлять различными падежами въ разныхъ языкахъ, что зависитъ преимущ. отъ различія корней, выражающихъ различныя воззрѣнія на дѣло (§4), напр. juvāre alqm, но наше помочь, греч. βοηθεῖν, да и лат. succurrere и auxiliārī съ дат.; слушаю кого, audiō alqm, но въ греч. обыкн. съ род. ἀκούω τινός и пр. — Нерѣдко отъ приставки предлоговъ интранз. глаголъ становится транзитивнымъ (иногда на оборотъ), напр. amb-īre, in-venīre, рус. обойти, находить; ferre (φέρειν) differre (διαφέρειν).

3. Нѣкоторые глаголы употребляются безъ подлежащаго и потому называются безличными, impersōnālia, ибо говорящій, не зная кому приписать извѣстное дѣйствіе, или же обращая вниманіе на самое дѣйствіе, а не на дѣятеля, довольствуется тѣмъ неопредѣл. указаніемъ на подлежащее, которое заключается въ суффиксѣ. Они являются въ формѣ:

а) 3 л. ед. ч. дѣйств. зал. — Такъ обозначаются явленія природы напр. tonat, pluit, grandinat (греч. βροντᾷ гремитъ, но говорилось также Jūpiter tonat, Ζεὺς βροντᾷ) и духовныя настроенія, напр. paenitet, decet, oportet [греч. напр. μεταμέλει paenitet, πρέπει decet, δεῖ и χρή oportet; русс. следуетъ, нѣтъ изъ нѣсть = не есть, идетъ въ смыслѣ въ согласенъ; въ нѣм. и франц. на помощь ослабѣвшему или и совсѣмъ утраченному личному суффиксу явились неопред. мѣстоименія es, il: es donnert, es gibt (il tonne, il pleut)]

б) 3 л. ед. ч. возвр. или страд. зал. — этою формою выражается дѣйствіе какъ бы возвращающимся къ неизвѣстному дѣятелю и сосред. сосредоточеннымъ въ извѣстномъ кругу: напр. crēditur, vidētur, concurritur, ītur, mihi persuāsum est, eundum est и т. д.; всѣ непереходящіе глаголы могутъ быть въ такомъ смыслѣ употреблены въ возвр. или страд. зал. (ср. §36,1) [греч. напр. φαίνεται; ἰτέον ἐστὶν = eundum est; въ русс.: кажется, думается, спится, и вѣрится и плачется, особ. въ нар. яз.: пропѣвано, скакано, похожено и пр. (Буслаев. II, 157 ал., Некр. 287); нѣм. es versteht sich, es wird gelesen = man liest, es ward gelaufen и т. д.; франц. il est dit à qu'un, il s'en suit, cela s'entend и пр.]

в) 3 л. мн. ч. дѣйств. зал. — Путемъ убѣжд. большею опредѣленностью указывается на субъектъ, т. е. по крайней мѣрѣ обозначается, что дѣйствуетъ нѣсколько лицъ, напр. dīcunt [λέγουσι, говорятъ. Во франц. и нѣм. 3. sg. act. съ мѣстоим. on (= homō) и man (изъ существ. mann; ср. §28,1. и 32 кн.), напр. on dit, man sagt; ит. dicono и si dice].

г) 2 л. ед. ч. дѣйств. зал. — Отъ предыдущей отличается эта форма какъ большею живостью, такъ и тѣмъ, что въ первой говорящій имѣетъ въ виду нѣкоторыхъ людей, а здѣсь всѣхъ, т. е. онъ какъ бы создаетъ себѣ вымышленное лицо или же обращается къ своему собесѣднику, какъ къ представителю всѣхъ возможныхъ лицъ; особ. часто въ imperf. conj., напр. dīcerēs, putārēs, или въ imperat. nē praepropere jūdicātō, nōsce tē ipsum [греч. γνῶθι σαυτόν, познай себя; тише ѣдешь — дальше будешь и пр.]

4. По степени развитія или силѣ своей дѣятельности глаголы дѣлятся на:

а) incohatīva, начинательные или постепенные, оканчивающіеся въ praes. ind. на -scō, inf. -scere, напр. viole-scō, pūbescere, inveterāscere [также и въ греч., напр. ἡβάσκω = pūbēscō; слав. и русск. большею частью на -ѣю, напр. молодѣю, зрѣю] (См. §§37.3.б. и 38.I.3.д).

б) durātīva или длительные; въ лат. нѣтъ особой формы, напр. dūrāre, monēre, regere [въ грец. есть изрѣдка; такъ φορέειν носить есть длит. (неопред.) относит. φέρειν нести; въ русск. еще: возить и везти, водить и вести и др. — Длительный особенно противополагается въ слав. и русск. окончат. (совершенный, мгновенный, однократный) видъ; напр. двинуть для двигать, махнуть для махать и т. д. Въ грец. нашему оконч. виду соотвѣтствуетъ аористъ. § 36,3].

в) causālia или factitīva, виновные, означающіе „дѣлать чѣмъ-нибудь", „заставлять быть чѣмъ-нибудь" и т. п.; напр. līberā-re отъ līber(o-s), sēdāre отъ sedēre [грч. ἐλευθερό-ειν освобождать отъ ἐλεύθερο(-ς) свободный; δουλό-ειν порабощать (а δουλεύειν работать, быть рабомъ, δοῦλο-ς); русск. освобождать, т. е. дѣлать свободнымъ, ложить отъ лежать, поить отъ пить, усыплять (sōpīre) отъ с(ъ)пать [ср. нѣм. tränken и trinken, senken и sinken, fällen и fallen, legen и liegen]].

г) intensīva, усиленные или напряженные, съ inf. на -tāre, -sāre; напр. dictāre относит. dīcere, jactāre (jacere), cursāre (currere). [Въ грч. частокъ inf. на -άζειν, напр. ῥιπτάζειν jactāre относит. ῥίπτειν jacere. Въ русск. народн. яз. напр. „вожать, вожать и водать" относит. „водить", „давать" для „дать"].

д) frequentātīva, учащательные или многократные, напр. dictitāre, cursitāre (ср. § 37, 3. а. α) [Въ греч. напр. στενάζειν много и сильно стонать, вздыхать, есть frequ. для στένειν. — Русск. б. ч. въ народн. яз., напр. важивать, двигивать, махивать, напивать, бывывать (въ чешск. есть даже bývávávati)]. Frequentātīva и intensīva во всѣхъ языкахъ обыкн. смѣшиваются, такъ что нельзя ихъ точно и строго разграничить.

е) dēsīderātīva, желательные, напр. ēsurīre для edere, parturīre относ. parere [Въ грч. напр. βρωσείειν ēsurīre относит. βιβρώσκειν edere, γελασείω мнѣ хочется смѣяться относ. γελάω смѣюсь].

ж) dēminūtīva уменьшительные на -llāre, напр. cantillāre относ. cantāre, canere; ustulāre относ. ūrere [грч. изрѣдка на -ύλλειν, напр. ἐξαπατύλλειν немножко обманывать, относ. ἐξαπατᾶν или ἐξαπατεύειν (просто) обманывать. Въ русск. почти нѣтъ (ср. заигрывать; въ млр. есть, кажется, „поющочки" cantillāre. — Нѣм. lächeln для lachen)].

(Примѣч. Въ слав. и русск., иногда и въ другихъ языкахъ, предлогами можетъ измѣняться видъ глагола; напр.: идти, пойти, найти, прійти; играть, сыграть, заиграть, поиграть и т. д.).

5. По образованію дѣлятся глаголы на первообразные (первичные, основные, коренные, prīmitīva) т. е. тѣ, которыхъ всѣ или хоть нѣкоторыя формы произведены непосредственно отъ корня при помощи глагольныхъ (безтематичныхъ и флексійныхъ, или однихъ флексійныхъ) суффиксовъ, и производные (dērīvāta), коихъ всѣ формы образованы отъ готовой именной основы (dēnōminātīva) или основы другого глагола (хотя бы имя или глаголъ, отъ основы которыхъ произведенъ данный глаголъ, въ языкѣ не сохранились, — что часто бываетъ) — съ приставкою или безъ приставки вторичныхъ суффиксовъ; напр. regnā-re отъ regno-(m), грч. βασιλεύ-ειν царить, царствовать отъ βασιλεύ-(ς) царь и т. д. — См. выше causālia, intensīva, incohātīva и пр. и § 37, 3.

Глаголъ, вслѣдствіе своей подвижности и гибкости, можетъ соединяться въ одно слово только съ предлогами (ибо прочія слова дѣлали бы его значеніе слишкомъ тяжелымъ, чтобы оно могло быть удобно проведено по временамъ, наклоненіямъ и т. д.), напр. cōn-ficiō, rē-spondeō [δια-πράττω совершаю, ἀπο-κρίνομαι отвѣчаю] и пр. Исключеній мало; напр. составныя съ нарѣчіями: male-dīcere, satis-facere, sat-agere, и связныя съ нарѣчіями, напр. mālō, и съ именами: animadvertō, vēndō, vēnēō (вм. болѣе древнихъ male dīcere, animum advertō, vēnum dō и т. д. см. стр. 38). — Глаголы или глаг. основы соединяются только съ facere и fierī, напр. com-monēfaciō, calē-faciō, tepē-fīō и пр., и съ licet, таковы: scī-licet, vidē-licet и ī-licet; сюда же могутъ быть отнесены и многія глагольныя формы, какъ: amā-bam, amā-verō (грч. aor. I, plqpf, слав. aor. и impf., серб. и малор. fut.; фрц. fut. и condit., нѣм. impf. и пр.). Но глаголъ можетъ образоваться отъ составной именной основы, напр. aedifi-cāre (отъ именной основы aedi-fic-, (nōm. aedi-fec-s), belli-ger-āre отъ belli-gero- (nōm. belli-ger), au-cup-ā-rī отъ au-cup- (nōm. au-cep-s) и т. д. (т. е. хотя говорится bellum gerere, но нельзя слить ихъ въ одно слово: bellum или bellō- или bellī-gerere, а должно сначала составить именную основу belli-gero- (nōmen agentis) и уже отъ нея — глаголъ belligerāre). — [Въ греч. такихъ глаголовъ очень много, а исключеній, подобныхъ упомянутымъ латинскимъ, почти нѣтъ; напр. οἰκο-δομέ-ω = aedi-ficō отъ οἰκο-δόμο-(ς) aedi-fec-(s), но нельзя сказать *οἰκο-δέμω, какъ и въ лат. нѣтъ *aedi-faciō, хотя и есть слова οἶκο-ς домъ и δέμω строю; ἱππο-τροφέω коней содержу, питаю, отъ ἱππο-τρόφο-(ς), а не просто *ἱππο-τρέφω; въ рск. нельзя сказать *„домо-строю", но можно составить „домостроительствую" отъ „домо-строи-тель-ство". — „Благо-творю" и т. п. очень искусственны].

§ 36. Отношенія выражаемыя глагольн. формами: залоги, наклоненія, времена, числа, лица (спряженіе).

1. Залогъ, genus, διάθεσις есть форма выраженія или оборотъ глагола, показывающій въ какомъ положеніи находится подлежащее относит. дѣятельности глагола. — Есть три соотносительныхъ оборота:

а) genus activum, ἐνεργητική, дѣйствительный: подлежащее является дѣйствующимъ или источникомъ дѣйствія, напр. honōrō alqm, τιμάω τινά, чту кого; intr.: dormiō, ὑπνῶ, сплю; sum, εἰμί, есмь.

(см. ниже nº 5)
Въ окончаніи этой формы есть личные суффиксы, т. е. корни личныхъ мѣстоим. въ пад. им. или 3.;

б) genus passivum, страдат., παθητική, если подлежащее является въ положеніи страд. относит. дѣйствующаго объекта, т. е. воспринимающимъ дѣйствіе другого; напр. λύομαι [въ греч. только въ аор. и буд. вр. есть особая форма, да и тамъ не всегда; обыкн. же возвр. зал. служитъ вм. средн. и страд., напр. τύπτομαι; также и въ русск. чту-сь или описат.: я (есмь) чтимъ; въ лат. страд. залогъ также изъ возвр.].

в) genus medium или reflexivum, возвратный, μέση, если дѣйствіе подлежащаго имѣетъ обратное отношеніе къ самому же подлежащему; послѣднее является вмѣстѣ и дѣйствующимъ и страд. отъ своего же дѣйствія, или дѣлающимъ что-нибудь себѣ, для себя, въ себѣ и т. п. Въ лат. нѣтъ особой формы, напр. λύομαι τε. — ибо возвратная форма получила значеніе и названіе страд., passivum, но иногда она сохраняетъ и старое, возвратное значеніе, напр. aer movetur, laetor, reminiscor. См. также безличныя выраженія, §35, з. б. [Въ греч. эта форма проведена по всѣмъ временамъ, наклоненіямъ и глагольнымъ именамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляется и въ страд. значеніи, кромѣ аор. и отчасти futur., напр. τύπτομαι, р. чтусь, сл. чьтѫ сѧ].

Прим. Собственно-страдательный залогъ ни въ одномъ языкѣ не получилъ особой формы; лишь зачатки его видны въ нѣкоторыхъ языкахъ (греч., скр.); обыкнов. же онъ или образуется описательно, т. е. посредств. глагола съ прич., или занялъ формы возвратнаго залога. Так. обр. я чту-сь значило первонач. я чту себя; потомъ смыслъ возвр. мѣстоименія -сь (= ся = сѧ) до такой степени выветрился, что имъ стало обозначаться только дѣйствіе сосредоточенное, вращающееся около субъекта, — вообще направленное на него, наконецъ, направленное на него со стороны другого дѣятеля. Такой способъ выраженія болѣе нагляденъ, менѣе отвлеченъ, чѣмъ чисто-страдат., гдѣ субъектъ является вполнѣ бездѣятельнымъ. — Такъ и лат. passivum есть ничто иное какъ reflexivum (см. ниже nº 5. б. и § 41), къ коему возвр. мѣстоименіе se (вм. разныхъ падежей, по крайней мѣрѣ вин. и дат. — мѣстоим.), служившее первонач. для всѣхъ лицъ (§ 32, 2), срослось съ активною формою, утративъ свое коренное значеніе и б. ч. измѣнившись въ r. И въ другихъ языкахъ возвратная форма часто употребляется вм. страд. [напр. фрц. le soleil s'éclipse, se couche, cette écriture se lit bien; въ итал. обыкн. такъ, и въ другихъ случаяхъ, напр. si dice или dicesi говорит-ся = есть говоримо или говорятъ; нѣм. die Sonne verfinstert sich, es versteht sich и пр.; также и въ разныхъ неарійскихъ языкахъ. — Въ нѣкоторыхъ же языкахъ, какъ литов., древне-сканд., возвр.-страд. залогъ вполнѣ образованъ какъ въ лат. и слав., т. е. съ мѣстоим. se для всѣхъ лицъ; это нерѣдко встрѣчается и теперь въ народн. нѣм. яз., напр. wir haben sich (= uns) getrennt, ich hielt für sich (= mich). Также и въ греч. мѣст. ἕ = se, ὅς = suus и т. п. часто имѣло возвратное значеніе для всѣхъ лицъ, особ. въ александр. эпоху. — Въ греч. яз. medium имѣетъ болѣе древнюю форму: онъ образуется (какъ въ скр., зенд.) приставкою къ основѣ двухъ суффиксовъ того же лица, изъ коихъ первый въ пад. имен., второй — въ косв. (вин. и дат. — мѣст.); напр. оконч. 1 л. лица -μαι = -μα-μι и значитъ я меня или я мнѣ. Также въ слав. возвр. зал. обыкн. сѧ, т. е. пад. вин., но бывало (особ. послѣ неперех. гл.) и си, т. е. дат. п. (напр. съжалити-си; ср. онъ плачетъ себѣ, спитъ себѣ и т. п.); однако обѣ эти формы рано ослабѣли и потому смѣшались, такъ что сѧ употреблялось безразлично въ томъ и другомъ значеніи. Отсюда и въ русск. безразлично -ся (= сѧ) и -сь (= си), напр. мыть-ся и мою-сь, гдѣ -ся и -сь = себя, также какъ молиться и молюсь, браниться, посылать-ся, гдѣ -ся и -сь означаютъ себѣ, которое можетъ быть какъ дат., такъ и родственнаго съ нимъ мѣстн. пад. (§§ 29, з.; 31, в. 12; 32, 2)] (+).

Въ чисто-возвратномъ и пассивномъ значеніяхъ (т. е. такъ, чтобы субъектъ былъ представленъ воспринимающимъ свое же или чужое дѣйствіе) могутъ по своей натурѣ употребляться, конечно, только транзитивные глаголы; но такъ какъ, съ одной стороны, первоначальное значеніе глаголовъ было среднимъ между транзитивнымъ и интранз. (§ 35, г), т. е. колеблющимся, неопредѣленнымъ, и таковымъ же было значеніе нѣкоторыхъ формъ, которыя позднѣе считались чисто пассивными (см. § 42, з. б.), — а съ другой, мѣстоименія возвратныя или личныя, послужившія суффиксомъ возвратнаго залога, могли быть разныхъ падежей, которые, утративъ большую часть своей силы, такъ смѣшались, что дали этимъ мѣстоименіямъ возможность обозначать просто сосредоточенность дѣйствія, — то въ каждомъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно безлично (т. е. когда нѣтъ опредѣленнаго субъекта), и неперех. глаголы могутъ принимать возвратно-страд. форму и создавать изъ себя пассивно-именныя формы (см. § 35, з. б. и § 42, з. б. и г.); иногда и въ личной

+) Только такимъ обр. можетъ быть, по нашему мнѣнію, удовл. объяснена возвратная форма многихъ глаголовъ въ лат., греч. и слав. Напр. въ словахъ жечься, браниться, кусаться и т. п. -ся (сь) есть, безъ сомнѣнія, вм. си пад. мѣст., и прибавлено для означенія характер. свойства, заключеннаго въ субъектѣ, которое въ извѣстн. случаяхъ проявляется, напр. огонь, крапива жжется (если ихъ коснуться), конь брыкается и т. д. Пытались это объяснить въ русск. яз. К. С. Аксаковъ (Р. Бес. 1859, nº 6), кій предполагаетъ здѣсь род. п., а г. Н. Некрасову вопросъ о падежѣ кажется граммат. тонкостью, на кую не стоитъ тратить время! (стр. 68 сл.). — О возвр. мѣстоим. въ греч. см. Kühner B. I. II, 495–497. — Что въ лат. pass. r = se, впервые понялъ Боппъ (см. III, 75–78), и эта мысль стала общепринятою. Рѣшились отвергать ее только Моммзенъ (Unter. Dial. 224 f., 235 f., 359), Merguet (258–261) и недавно (какъ я узналъ изъ Revue critique 1872, nº 13) Benfey, видящій здѣсь осн. Var. — Но они не выдерживаютъ критики.

формы, особ. въ болѣе древнюю эпоху каждаго языка. [Франц. яз. дошелъ до того, что изъ двухъ формъ — страд. и возвратной — составилъ одну, напр. въ perf.: il s'est appelé, je me suis appelé и т.д.; даже интранз. глаголы могутъ быть употреблены въ этой слитной страдательно-возвратной формѣ и притомъ лично; напр. il s'en est allé; изрѣдка и въ русск. нар. нарѣчіяхъ, напр. сажено-сь, борото-сь — безлично].

г) Наконецъ, нѣкоторые глаголы стали исключительно употребляться въ формѣ возвратной (пассивной), т.е. или утративъ активную форму и пассивное (возвратное) значеніе, или пріобрѣтя для возвратной формы активное значеніе сходное или несходное со значеніемъ сохранившейся активной формы; это такъ назыв. dēpōnentia отложительные (т.е. отложившіе съ себя возвр.-страд. значеніе; въ русск. грамм. — общіе), напр. potior, хотя въ болѣе древнемъ языкѣ (напр. у Плавта) было potiō, а potior употреблялось въ пассивн. смыслѣ; также въ древн. яз. были laetāre, recordāre и пр. Даже и въ позднѣйш. яз. встрѣчаются подобныя колебанія и слѣд. двойныя формы, напр. populor и populō, fābulor и fābulō, mūneror и mūnerō, fabricō и fabricor, fluctuō и fluctuor, mereor и mereō, sentiō, но assentior (въ древн. яз. встрѣчается и наоборотъ: sentior и assentiō), pascō и какъ dēpōn. pascor (напр. прич. pascēns значитъ и „пасущій" и „пасущійся") и пр. [Въ гр. часто, напр. βιάζω и βιάζομαι принуждаю, ἀκούω и ἀκούομαι слушаю, особ. fut. ἀκούσομαι. Въ древне-русск. было „намѣревать" (= намѣреваться), „касать", „коснуть" и др.; теперь „учусь" = disco, а не doceor; „тружусь" въ знач. работаю, хотя вначалѣ значило тружу себя; тружу вовсе не употребл., но есть произв. отъ него — утруждаю]. — Одни изъ dēpōnentia имѣютъ транзитивное значеніе, напр. hortor, vereor alqm. [гр. δέχομαί τι принимаю что, αἰδέομαί τινα стыжусь кого], другія — интранзитивное, какъ объективное: ūtor alqā rē [пользуюсь чѣмъ, χρῶμαί τινι], grātificor alicui (χαρίζομαί τινι поздравляю кого), такъ и даже и субъективное: proficiscor [πορεύομαι отправляюсь], третьи — и то и другое, напр. obliviscor alcjs. и alqm [ἐπιλανθάνομαί τινος и τινα забываю о комъ и кого. — Въ рус. всѣ интранз., ибо въ нихъ ся (СА) т.е. винит. пад. замѣнило собою прочіе падежи (т.е. каждый глаголъ сталъ считаться уже снабженнымъ винит. падежемъ, хотя оно какъ вин. [illegible]), напр. стараюсь съ инф. пад., пользуюсь съ твор., стыжусь съ род., молюсь съ дат. и пр. Есть dēpōnentia и въ другихъ языкахъ, напр. фр. se repentir, нѣм. sich schämen. — Въ гр. различаются dēpōnentia mediī и passīvī, смотря потому, какую форму имѣютъ въ аористѣ (futurum обыкн. возвр.-ф. какъ съ возвр., такъ и со страд. значеніемъ, §41). Возвратною формою выражается въ гр., слав., фр. и взаимное дѣйствіе, напр. μάχεσθαι, сражаться, se battre]. — Нѣкоторые лат. глаголы имѣютъ только въ перфектныхъ временахъ пассивную форму — sēmi-dēpōnentia: audeō, gaudeō, soleō и fīdō со сложными (но въ болѣе древн. яз. были perfecta: ausī, gāvīsī), также taeduit и pertaesum est, placuit, libuit, licuit, piguit, puduit и placitum est и пр. Въ многихъ только partic. perf. pass. получило активное значеніе (см. §42, 3. б.) [Въ греч. это часто бываетъ, особ. часто fut. активныхъ глаг. имѣетъ возвратную форму, а fut. ex. — почти всегда]. — Есть, наоборотъ, и такіе глаголы, которые при акт. формѣ имѣютъ страд. смыслъ; таковы fīō, vāpulō, vēneō (изъ vēnum eō).

[Прим. 2. Въ романскихъ языкахъ лат. пассивная форма не сохранилась и замѣнилась описательными выраженіями изъ глаголовъ esse, stare и прич., или изъ акт. форм. съ мѣст. в возвр. знач.]

2. Наклоненія и отглагольныя имена. Наклоненіе, modus, ἔγκλισις, есть форма глагола, показывающая, въ какомъ отношеніи находится дѣятельность къ воззрѣнію или чувству говорящаго. а) Indicātīvus, изъявит., ἡ ὁριστική, означаетъ дѣйствіе, которое въ представленіи говорящаго является дѣйствит., фактичнымъ (хотя бы на самомъ дѣлѣ его не существовало, напр. буд. вр. — „прочту", или было только возможнымъ, напр. „онъ можетъ завтра умереть"). Поэтому оно употребляется въ рѣчахъ прямомъ, категорич. утвержденіи, отрицаніи и вопросѣ о фактѣ. — Indicātīvus не имѣетъ никакого модальнаго (семат.) суфф., т.е. личные (флек.) суффиксы въ им. пад. просто примыкаютъ къ темпоральной основѣ (иногда при помощи соед. гласной). —

б) Conjunctīvus, сослаг., ἡ ὑποτακτική, означаетъ дѣйствіе, которое въ представленіи является лишь какъ представленіе о фактѣ, а не самый фактъ (хотя бы на самомъ дѣлѣ оно было вполнѣ реальнымъ). — Conj. употребляется въ различныхъ значеніяхъ (subjunctīvus, dubitātīvus, potentiālis, concessīvus, adhortātīvus, optātīvus, conditiōnālis) и обозначается суффиксомъ -ā-, помѣщаемымъ между темпоральною основою и личными суффиксами [въ гр. иногда -ο- = -ω-; въ слав. нѣтъ, или выражается описат.: я дѣлалъ бы, рек. я дѣлалъ бы].

в) *Optativus*, желательное, ἡ εὐκτική представляетъ дѣйствіе желаемымъ, возможнымъ, искомымъ и пр. Оно очень родственно съ conj. и отчасти съ imper. и fut. ind., а потому въ лат. слилось съ conj. и съ fut. ind., [а въ слав. заменило собою исчезнувшій imperātivum.; въ греч. существуетъ самостоят., рядомъ съ conj. — Суфф. его есть -ia-, -iā- (или -ja- -jā-), послѣ гласныхъ часто -i- (можетъ быть отъ √i идти). Эти суффиксы испытали различн. фонет. измѣн. (§38, II, 2.3.; III, 2.]

г) *Imperātivus*, повелит., ἡ προστακτική объясняетъ дѣйствіе желаемое или требуемое лицомъ говорящаго. Оно не имѣетъ модальнаго суффикса и по формѣ отличается отъ изъяв. накл. только тѣмъ, что личный суфф. находится въ зват., а не въ имен. пад., или же выражается и просто темпор. основою безъ суфф. — Накл. изъяв. соотвѣтствуетъ пад. именительному, повел. — зв-му, а сослаг. и желат. — косвеннымъ. Ind. и imper. не вполнѣ заслуживаютъ названіе „наклоненіе", ибо не имѣютъ мод. суффикса. — Ind., conj. и opt., а въ греч. и imper., могутъ быть различныхъ временъ. [Ром. языки выработали условн. накл. conditionālis; лат. impf. въ нихъ утраченъ и замѣненъ сослаг-мъ; также въ слав. (и рус.) вм. повел. стало дѣйствовать желательное].

Глагольное понятіе можетъ быть выражено также въ видѣ имени, образованнаго отъ глагольной основы. Сюда относятся: во первыхъ, собственно глагольно-именныя формы (существ. и прил.), которыя рядомъ съ именными свойствами (падежи, роды) сохраняютъ и глагольныя (какъ-то залогъ, управленіе падежемъ, времена, виды и опредѣляются, подобно глаголу, не прилаг. а нарѣчіемъ). Таковы существит.: infinītivus, supīnum и gerundium, и прилагат. — причастія, participia. — а) Infinītivus (τὸ ἀπαρέμφατον, неопред.) есть отглаг. существ. форма, означающая дѣйствіе въ его неопредѣленной всеобщности. Въ лат. и греч. оно бываетъ разныхъ временъ, въ слав. и рус. только одного времени, но разныхъ видовъ. Сходнаго значенія суть б) supīnum или достиг. накл. — въ лат. и слав. — и в) gerundium — только въ лат., замѣняющій собою косв. падежи неопр. накл. — 2) Причастіе, participium, μετοχή, представляетъ дѣйствіе въ видѣ прилаг. аттрибута; оно во всѣхъ языкахъ бываетъ разныхъ временъ, но наиболѣе развито, какъ и infin., въ греч. (см. §42).

Во вторыхъ, отъ глаг. основъ образуются посред. различныхъ суфф. настоящія имена сущ. и прилаг., т. е. не сохраняющія глаг. особенностей; таковы nōmina actiōnis, agentis и пр. Часто глагольно-именная форма дѣлается вполнѣ сущ. или прил-мъ (т. е. теряетъ глагольныя свойства), напр. vīsum (acc.) есть supīn. и сущ. (смыслъ); amāns virtūtem есть прич., а amāns virtūtis — прилаг.; другія никогда не встрѣчаются съ глаг. свойствами, напр. potens могущій. — Но иногда и отглагольныя имена сохраняютъ управленіе глаголовъ, напр. у Плавта: quid tibi hanc cūrātiō est rem? (вм. hūjus reī); у Цезаря: diēs quindecim supplicātiō dēcrēta est (вм. diērum); у Ливія vītābundus castra hostium и пр. [По русски напр. занятіе науками вм. наукъ (studium litterārum)].

Наконецъ, какъ прямо отъ глаголовъ (рѣдко), такъ и въ особ. отъ глаг.-именныхъ формъ производятся нарѣчія, которыя могутъ даже спускаться до степени предлоговъ и союзовъ.

3. Время, tempus, χρόνος. Глаголомъ выражаемая дѣятельность; дѣятельность состоитъ въ развитіи и измѣненіи содержанія; развитіе и измѣненіе происходятъ во времени; потому-то только глаголъ и отчасти глагольно-именныя формы обозначаютъ время. Время само-по-себѣ непрерывно, нерасчленено; но дѣйств. лицо относительно себя (субъективно) различаетъ настоящій моментъ, прошлые и будущіе, а къ настоящему можетъ отнести не только тотъ одинъ моментъ, въ который произноситъ слово, но и болѣе или менѣе длинный рядъ предшествовавшихъ и будущихъ моментовъ. — Далѣе, въ каждомъ времени мы можемъ представить дѣйствіе (объективно) продолжающимся или оконченнымъ; отсюда въ лат. яз. есть 6 граммат. tempora: для настоящаго — praesēns (ὁ ἐνεστώς) и perfectum (ὁ συντελικός), для прошедшаго — imperfectum (ὁ παρατατικός) и plusquamperfectum (ὁ ὑπερσυντέλικος), для будущаго — futūrum и futūrum exactum (ὁ μέλλων и ὁ μέλλων τέλειος). Изъ нихъ praes., perf. и fut. называются главными (первичными), а прочія историческими (вторичными) временами. — Впрочемъ всѣ эти 6 tempora имѣетъ только изъяв. накл. (въ страд. зал. собств. только три, ибо perf., plqpf. и fut. ex. выражаются описательно), въ conj. есть только 4, ибо нѣтъ обоихъ будущихъ (они замѣняются посредствомъ четырехъ прочихъ или описательными выраженіями), въ imper. — одно, въ двоякой праесентной формѣ (изъ коихъ вторую называютъ imperat. fut., такъ какъ она болѣе относится къ будущему, хотя всякое повелит. накл. обладаетъ оттѣнкомъ буд. значенія, ибо въ сущности всякое повелѣніе можетъ быть исполнено только въ будущемъ); infinītivus — 3: praes., perf. и fut. (но fut., а въ страд. зал. и perf., выражаются описат.), въ particip. — 2, и именно въ дѣйств. залогѣ praes. и fut., а въ страд. — perf. и fut. (послѣднее не точно называется futūrum и вѣрнѣе есть part. necessitātis). Должно однако замѣтить, что слова praesēns, perfectum и пр. имѣютъ различное значеніе, смотря по наклоненіямъ и именнымъ формамъ. Такъ въ ind., которымъ означается дѣйствіе какъ реальное, существующее объективно, tempora имѣютъ вышепоказанное значеніе, съ тою только особенностью, что plqpf. и fut. ex. показываютъ не просто оконченное дѣйствіе, но и предшествующее другому дѣйствію того же времени (за нѣкоторыми

исключеніями) a perf. употребляется для обозначенія не только дѣйствія, оконченнаго въ настоящее время, но и вообще оконченнаго относит. настоящаго момента, слѣд. прошлаго, безъ отношенія къ другому дѣйствію настоящаго или прошедшаго времени, словомъ безъ всякаго точнѣйшаго опредѣленія; въ такомъ случаѣ оно отчасти соотвѣтствуетъ греч. аористу (ὁ ἀόριστος, т. е. неопредѣленный) и нашему прошедшему соверш. вида; слѣд. perf. заключаетъ въ себѣ значенія собств. перфекта и (отчасти) аориста; поэтому различаютъ perf. praes. и perf. historicum. — Въ сослагат. накл. каждая форма означаетъ дѣйствіе, которое сознается, представляется мыслью говорящаго какъ существующее или существовавшее въ мысли, въ представленіи, и потому выражаетъ его продолжаемость или оконченность не объективно, а относительно смысла субъекта; потому perfectum означаетъ такъ дѣйствіе, которое мыслится, a plqpf. — которое мыслилось оконченнымъ, совершившимся, хотя бы послѣднее не предшествовало другому прошедшему; слѣд. perf. conj. есть всегда praesens, а не historicum, a plqpf. соотвѣтствуетъ историческому perf. ind. — Вм. fut. и fut. ex. conj. употребляется просто praes. и perf. conj.; когда идетъ рѣчь о будущемъ для настоящаго, и impf. и plqpf. conj. — о будущемъ для прошлаго, а вм. fut. I. conj. нерѣдко допускаются и требуются и описат. выраженія изъ part. fut. act. (не pass.) и praes. или impf. conj. глагола esse. Такъ какъ inf. и part. не имѣютъ сказуемой силы, т. е. просто обозначаютъ дѣйствіе, не показывая, чтобы оно исходило отъ какого нибудь субъекта, то они характеризуютъ дѣйствіе само по себѣ (объективное), а не время (субъективное), т. е. въ нихъ praes. просто означаетъ продолжаемость, a perf. — оконченность дѣйствія, не показывая къ какому времени оно относится; слѣд. оно можетъ относиться ко всякому времени; время его обозначится глаголомъ (vīvō legēns, vīvēbam legēns, vīvam legēns); part. fut. act. означаетъ дѣйствіе готовое начаться, предстоящее (actiōnem instāntem), a part. fut. pass. или gerundīvum — долженствующее начаться — безъ отношенія къ опредѣл. времени (sum, eram, erō и т. д. amātūrus, amandus и т. д.). И такъ въ inf. и part. есть объективное обозначеніе, въ conj. — субъективное, а въ ind. — сліяніе субъективнаго съ объективнымъ. — Темпоральные суффиксы помѣщаются непоср. послѣ корня или общей глагольной основы. — Всѣхъ простыхъ глагольныхъ и глаг.-именныхъ формъ въ лат. яз. 29, а со сложными (кромѣ т. наз. conj. periphr.) — 36 (не считая лицъ, чиселъ, родовъ). — Наконецъ замѣтимъ, что есть въ лат. яз. и слѣды древняго аор.: ind., conj., pft. A. и ind. F.

[Въ греч. яз. tempora имѣютъ нѣсколько иное значеніе: perf., plqpf. и fut. ex. не показываютъ, чтобы дѣйствіе случилось прежде другого дѣйствія, а означаютъ просто дѣйствіе оконченное и слѣдствіями своими существующее въ наст., прош. или буд. вр. Поэтому тамъ нѣтъ perf. hist. За то тамъ есть особая форма во всѣхъ 3хъ залогахъ — aoristus, соотвѣтствующій нашему совершенному (оконч.) виду. Аористъ въ изъявит. накл., подобно нашему прошедшему сов. вида, означаетъ дѣйствіе оконченное относительно настоящаго момента (все равно, теперь или прежде), слѣд. главнымъ образомъ прошлое (потому ind. aoristi снабженъ, какъ и impf., аугментомъ, т. е. префиксомъ ε-, указывающимъ на прошлое); aor. ind. отличается отъ impf., какъ наше прош. соверш. вида отъ прош. несов. вида, напр. aor. ἔδωκα я далъ, но impf. ἐδίδουν я давалъ; онъ часто употребляется, какъ всегда въ рѣч., вм. perf. и plqpf.; а иногда и вм. оконч. fut., какъ и у насъ praes. соверш. вида почти всегда имѣетъ будущее значеніе, напр. дамъ; παθὼν (прич. аор.) δὲ καὶ νήπιος ἔγνω (aor. ind.), пострадавъ, и глупецъ пойметъ (здѣсь сходятся настоящее, прошедшее и будущее значенія въ общемъ понятіи оконченности (или моментальности)). Conj., opt., imper. и infin. aoristi имѣютъ уже презентное значеніе (и потому лишены аугмента) и такимъ образомъ относятся къ соотв. формамъ praesentis, какъ наши сослаг., повел. и неопр. накл. соверш. вида къ тѣмъ же формамъ вида несоверш.; напр. aor. conj. δῶ, opt. δοίην я далъ бы, а praes. conj. διδῶ, opt. διδοίην я давалъ бы; imper. aor. δός дай, imper. praes. δίδου давай; inf. aor. δοῦναι дать, inf. praes. διδόναι давать, т. е. вообще аор. означаетъ моментальность дѣйствія. Наконецъ part. aor. означаетъ дѣйствіе оконченное (въ наст., прош. или буд.) относительно другого дѣйствія, выражаемаго глаголомъ, тоже какъ наше прич. прош. соверш. вида, напр. δούς давшій, давъ. — Нашему „дававшій" нѣтъ соотвѣтственнаго въ греч. яз., но за то тамъ есть part. perf. — Сходство между формами аориста и нашего соверш. вида видно и въ томъ, что запрещеніе выражается въ греч. обыкн. посред. imper. praes., а не aoristi, а въ русск. обыкн. посред. несоверш. вида. Наконецъ, еще сходство видно и въ томъ, что хотя греч. яз. имѣетъ perf. и plqpf., но охотнѣе употребляетъ вм. нихъ аористъ; у насъ вовсе нѣтъ pf. и plpf. — По образованію, часто и по значенію, различаются въ греч. два аориста въ каждомъ изъ 3хъ залоговъ, два perfecta и два plqpf. act. и два fut. pass., т. е. всего насчитывается 10 tempora activi, 8 medii и 4 passivi; но ни одинъ глаголъ не имѣетъ всѣхъ этихъ формъ. — Изъяв. накл. имѣетъ всѣ времена, сослагат. и повел. не имѣютъ impf. и plqpf. и futura, въ желат. а также въ неопр. накл. и прич. нѣтъ impf. и plqpf.; слѣд. всего насчитывается 96 глагольныхъ и глагольно-именныхъ формъ (не считая лицъ, чиселъ и родовъ), между коими только двѣ б. ч. выражаются описат. (pf. conj. et opt. med.). — Въ старослав. были praes., perf., impf., plqpf., aor. и fut. ind. activi; но простыми формами выражались только praes., impf., aor. и иногда fut. Аористовъ, какъ и въ греч., было два, изъ коихъ иногда развивались еще два — того же значенія. — Времени страд. зал., какъ замѣчено, собственно не было, ибо они

составлялись описательно изъ прич. и глагола быть, или заменялись возвратными формами, т.е. активными + ся. — Infin., impér. и supin. имели только по одному времени, part. act. было 3: praesens и два perf., part. pass. — два: praes. и perf. (последнее могло образоваться без посред. двухъ различныхъ суффиксовъ; но число формъ обогащалось видами. — Все сказанное о слав. (древне-болг.) языкѣ относится и къ русскому, кромѣ того, что въ немъ нѣтъ perf., imperf. и plqpf., а изъ причастій 2го прош. дѣйств. стало употребляться почти исключит. въ знач. глаг. прош. врем. (impf. и aor.) Слав. и русск. представляютъ много особенностей въ своихъ т. наз. видахъ или степеняхъ (длительной, соверш. начинат., соверш. оконч., многокр. и однокр., ср. § 35, 4), которыми характеризуются различные оттѣнки дѣйствія и до извѣстной степени восполняется недостатокъ временъ. Въ этихъ языкахъ менѣе субъективной отвлеченности, болѣе объективной [illegible] и наглядности, чѣмъ въ другихъ. — Нѣкоторые глаголы имѣютъ и [illegible] praesens, напр. плаваю, летаю, въ противоп. дѣйств. praesentia — плыву, лечу. — Времена лат. и греч. яз. мы можемъ передать довольно близко только возвратно-пассивными оборотами; напр. praes. домъ строится; perf. д. выстроенъ (есть), impf. д. строился, plqpf. былъ выстроенъ; aor. выстроился, fut. д. будетъ строиться, fut. ex. д. будетъ выстроенъ (или построится прежде чего-нибудь другого)].

Вообще въ лат. яз. выражены съ наибольшею логичностью отношенія одного дѣйствія къ другому и къ представленію субъекта; въ слав. и особенно въ русскомъ слаба эта логичная сторона, но за то живо схвачены различные моменты и оттѣнки дѣйствія; наконецъ, греч., занимая по характеру середину между ними и уступая въ нѣкоторыхъ сторонахъ тому и другому, въ цѣломъ возвышается надъ ними. Въ немъ нѣтъ такой разумной и строгой выработки во взаимныхъ отношеніяхъ между дѣйствіями, какъ въ лат., но многосторонне обрисовано какъ самое дѣйствіе, такъ и отношеніе его къ представленію говорящаго, и тонкости глагольныя проведены и по именнымъ формамъ; съ другой стороны онъ гораздо логичнѣе славянскаго глагола. Словомъ, будучи свободенъ какъ отъ [illegible] разрозненности, такъ и отъ дѣтской простоты, онъ сумѣлъ съ юношескою полнотою силъ умѣрить одно другимъ, соединить ихъ въ гуманномъ и прелестномъ гармоническомъ единствѣ и своими многочисленными (но безъ излишества) формами выразить съ удивительною ясностью тончайшіе изгибы мысли, — въ чемъ ни одинъ языкъ въ мірѣ съ нимъ не можетъ сравниться.

[Изъ лат. формъ сохранились въ ром. яз.: pr., impf., pf. ind., pr. и plqpf. (въ значеніи impf.) conj., pr. inf., pr. и pf. part., отчасти ger.; исчез. почти: plqp., fut. и fut. ex. ind., impf. и pf. conj., imper. (кромѣ pr. conj.) pf. и fut. inf., sup., prt. fut. и весь страд. зал., кромѣ pt. pf. — Вмѣсто того вновь выработаны fut. ind. и pr. cond. и составлены описательно: pf., plqp. и pf. anter. и fut. ex. ind., pf. и plqp. conj., pf. condit. и pf. inf. act. и весь страд. зал.]

4. Числа (numerus, ἀριθμός), какъ и въ именахъ первой [illegible] (§ 23, 2), но въ лат. и русск. отъ двойств. ч. глаголовъ не осталось и слѣда [въ слав. хорошо сохранилось; въ гр. оно постепенно выходило изъ употребленія, такъ что съ 3го в. до Р.Х. почти не встрѣчается; 1 л. акт. зал. не имѣло 2го ч. числа въ греч., но есть въ слав., а также въ гр. med. и pass.; 3 pers. dual. отличается въ гр. отъ 2 двойств. только въ историч. формахъ всѣхъ залоговъ (т.е. въ impf., plqp. и aor. indic., pr., perf. futur. и aor. opt.); въ слав. вездѣ для 2 и 3 двойств. одна форма (въ древнѣйш. слав. она не отличалась отъ 2 plur.)].

5. Лица, persona, πρόσωπα, при каждомъ времени и числѣ — съ упомянутыми огранич. въ двойств.; imper. не имѣетъ 1го л. (въ слав. есть въ двойств. и множ., но потому, что тамъ вм. imper. есть собств. optat.). Числа и лица выражаются одними и тѣми же флексійными суффиксами; только съ ними глагольная основа становится глаголомъ и частью предложенія, какъ именная основа съ падежными суффиксами — именемъ. Часто передъ суфф. (пов. предл.) удлиняется конечный гласный звукъ основы (а иногда это удлиненіе распространяется и на прочія числа. Личные суффиксы суть корни личныхъ мѣстоименій въ пад., т.е. въ значеніи именит. или зват. сначала примкнувшіе энклитически (стр. 35 и 38), а потомъ сросшіеся съ глаг. основою (§§ 26 и 32, 2(+)). Личные суффиксы также могутъ усиливаться (стр. 56). — Въ греч. и сл. главныя времена (т.е. praes., pf. и fut.) обоихъ indic. и весь conj.) нѣсколько различаются личными окончаніями отъ историч. или вторичныхъ (т.е. отъ impf., plqp. и aor. ind. и отъ всего opt.): въ первыхъ искони были болѣе полные суффиксы, во вторыхъ — они сократились вслѣдствіе тяжести основъ, обусловленной аугментомъ (т.е. корнемъ указ. мѣст., указывающимъ на прошлое) или оптативнымъ суффиксомъ. Лат. яз., утративши аугментъ, слилъ оба разряда въ одинъ, употребивъ сокращ. окончанія для ед. ч., а полныя для множ. — Возвр.-страд. залогъ въ греч. имѣетъ особыя окончанія; но въ аор. страд. (не возвр.) такія же какъ въ древнѣйшихъ формахъ акт. дѣйств. — Объ этихъ зал. въ гр., лат. и сл. см. выше, прим. 1. — Въ impr. суфф. то усилены, чтобъ выражать настойчивость приказанія, то ослаблены или и вовсе отброшены — какъ слѣдствіе стремит. желанія, порывистаго нетерпѣнія; въ первомъ случаѣ напряженіе на лицѣ, во 2мъ на дѣйствіи.

(+) Какъ на примѣръ отечеств. курьеза укажемъ на увѣреніе г. Некрасова, что „мѣстоименія образуются изъ окончаній глагола, изъ его флексій"!!! (стр. 21) и что въ числѣ этихъ окончаній даже [illegible] съ [illegible] какъ личныя мѣстоименія"! (стр. 25, 27, 101), такъ что даже возникло изъ какого-то day! (168 въ примѣчаніи и 25.

§36.

Личныя суффиксы мы приведемъ сначала въ томъ видѣ, какой они должны были имѣть въ первобытномъ арійскомъ языкѣ, потомъ припомнимъ форму принятую ими корнями въ качествѣ отдѣльныхъ мѣстоимѣній (§32) и наконецъ укажемъ, какимъ измѣненіямъ подвергались они въ качествѣ суффиксовъ въ каждомъ изъ 3хъ языковъ, располагая такъ, чтобы каждый изъ этихъ языковъ служилъ дополненіемъ и поясненіемъ другому. — m, спустившееся до слабаго n, обозначаемъ: —n. Сверхъ того укажемъ, какими звуками сталъ заканчиваться глаголъ по утратѣ суффикса, ибо въ такомъ случаѣ языкъ отчасти перенесъ на нихъ, присвоилъ имъ значеніе суффикса. — Формы не встрѣчающіяся, но предполагаемыя въ качествѣ переходныхъ и необходимыя для объясненія прочихъ, обозначаемъ какъ всегда ˣ. Въ заключеніе упомянемъ, гдѣ именно встрѣчается каждая форма.

A) Activum. — a) Singularis.

I. арійск. **ma** (въ мѣст. me, mi см. §32, 2.)

Звуки остающіеся по утратѣ суффиксовъ:

Лат. ———— m ˣ—n —
Перв. грец. -μι ————
Втор. гр. ———— ˣμ — ν
Слав. перв. — мь ———— —n (въ ж)
" втор. ———— ˣм
Русскій ———— м' (=мь). м.

} Исчезаетъ — ō, -o (вм. ˣō-n и вм. ˣaō-n); ī.
— ω. ———— α.
———— α
(см. русск.)
— у (= ж; ю = jу = ѩ = ˣjō-n = ˣjō-м = ˣjō-мь = jō-mi). ѣ

Лат. -m — въ sum и inqua-m, въ ind. историч. и въ conj. всѣхъ временъ (со включ. fut. 3 и 4 спр. = conj.), но слабо звучало (см. §§13, пр. 10 и 19, 1. б.; 21, 3. б.; 31, 4. н.; 32, 2. accus.); исчезло въ ind. главныхъ вр., но въ praes. и fut. ex. ind. тематич. суффиксъ былъ передъ нимъ усиленъ въ -ō; ко и осталось признакомъ 1го л. и иногда сокращалось въ -o; -ī есть въ pf. ind. — [Гр. -μι — въ praes. ind. т. наз. глаголовъ на -μι (см. §38, I. 1. А.) и в opt. глаголовъ на -ω (§38, I, 1. б.). — ω = лат. -ō есть въ praes. и fut. ind. глаголовъ на -ω, fut. ex. и во всемъ сослаг. накл. всѣхъ глаголовъ; -α — въ perf. I и II и aor. I; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ -ν. — Слав. -мь въ praes. 5 глаг. (ѥс-мь, ѣ-мь, вѣ-мь, да-мь, има-мь); въ остальн. ж (ѩ) = гр. ω = лат. ō = ˣa̅n; -ѣ (вм. -ѣ-м) въ aор. и impf. Русск. м' (пишется мъ) (см. стр. 29) только въ ес-м', а въ остальн. -у изъ ж (т. е. носовой звукъ исчезъ, потому -м (пишется неправ. -мъ) только въ ѣм и дам.; въ остальн. у изъ ж (т. е. носовой звукъ исчезъ, потомъ ихъ гласную; -ю = ѩ).] [Лат. ō сохраняется и въ итал. яз., но во франц. оно или измѣнилось въ е (j'aime) или совсѣмъ исчезло, напр. je tien = teneō; съ 14 в. стали неправ. писать tien-s и т. п. по образцу 2го л.].

II. ар. **tva** (мѣст. tū, te, ti, cú, ты и пр.)

Остающіеся по утратѣ суффикса:

Лат. - tō(d), tō ti ———— — s
Гр. перв. -σα, θα —— θι — σι ———— — ς
" втор. ————
Слав. перв. си ши; русск. шь, ш', — ш
" втор. ———— ˣс

} Исчезаетъ c, ā, ē, ī; согласный звукъ (r, c).
o-ν; ε, ᾱ, ει, ου; η.
е; а. и, ѣ, ѣ; и, й, ь.

Лат.: tōd, tō, т. е. усиленный суфф., есть въ imper. сильной формы (d въ др. яз., впр., подъ вліяніемъ 3 лица); ti въ perf. ind., s въ остальныхъ случаяхъ, кромѣ слабаго imper., гдѣ оно за немногими исключеніями (es и др.) исчезло, оставивъ на концѣ слова -e, -ā, -ē, -ī (которыя иногда сокращаются) и r (fer), а нѣкоторые [послѣ c] утрачиваютъ здѣсь и -e, такъ что остается согласный звукъ на концѣ (dic). — (s осталось и во фр. яз., но произносится теперь только передъ словами, начинающимися гласнымъ звукомъ) [Гр. -σα — преимущ. въ ион. нар. въ (глаг. на -μι, pr. ind., рѣдко въ α) и въ pf. ind. perf. (οἶσ-θα новѣ), -θι въ imper. aor. и praes. нѣкоторыхъ глаголовъ на -μι (ἴσ-θι будь), -σι только въ ион. pr. ind. въ одномъ словѣ ἐσ-σί (еси), обыкн. просто -ς, при чемъ темат. суфф. ε усил. въ ει въ тѣхъ случаяхъ, когда въ 1 л. o въ ω (т. е. в. praes. и fut. ind. глаголовъ на -ω, въ fut. ind. (и во всемъ conj. всѣхъ глаголовъ), а въ остальныхъ случаяхъ просто ς безъ усиленія, кромѣ imperat., гдѣ ς сохраняется только въ aor. II нѣкоторыхъ глаголовъ на μι (δός дай). — Обыкн. оно исчезло въ imper., но заменилось своеобр. прибавкой въ imper. aor. I; -ε въ praes. imp. большей части глаголовъ на -ω и всегда въ perf. imper.; -α, -ει и -ου въ praes. imper. verborum contr., а η, ει, ου въ praes. imp. глаголовъ на -μι. — Слав. -си въ 4хъ гл. (ѥси, ѣси, вѣси, даси); въ остальныхъ praes. ind. -ши, ко через посредство ˣшь, ˣш' перешло въ русск. въ ш (пишется шь); во всѣхъ формахъ везд? исчезло c и потому impf. оканч. на -е, aор. на -е, -а и -ы, -ѣ; imper. (opt.) на -и, й, ь.]

III. ар. **ta** (мѣстоим. -to-, -tu-, -te- въ is-to-s, is-tu-s, is-te; греч. τό; слав. то, тъ, удвоен. въ то-тъ).

Остающіеся звуки:
(въ народн. нарѣч.: e, a)

Лат. — tōd, tō ———— t (d)
Гр. перв. τω(τ) τι — σι ———— ˣτ
" втор. ———— ˣτ
Слав. перв. ти — ть; русск. т' т
" втор. ———— ˣт

} Исчезаетъ -ει, -ᾳ, εῖ, οῖ; ῳ, ῃ, ῇ, εῖ; ε.
-ε; ᾱ, ει, ου, η, ῡ, ω, ῳ; αι, οι, ῳ, οῖ.
е; а, и, и, ѣ; и, й, ь.

Лат. -tōd, т. е. усиленный и удвоенный суфф. (ср. наше тотъ), — въ сильномъ imper., позднѣе -tō; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ -t, ко слабо произносилось и потому нерѣдко изображалось чрезъ d (§13, пр. 5 и §23, a) и даже совсѣмъ исчезало въ древн. и нар. яз. (напр. fece) (Во фр. есть слабые остатки, напр. il dit, гдѣ t произносится только передъ гласными; часто возстановляется t только въ вопросахъ, напр. aime-t-il? [Гр. -τω въ imper. -τι только въ ἐσ-τί (есть); -σι въ дор. нар., а въ аттич. только въ praes. ind. глаг. на -μι (τί-θη-σι кладетъ); -ς въ эол. нарѣч.; въ аттич. нарѣчіи въ глаг. на -ω суфф. -τι, пройдя через ˣτ совсѣмъ исчезъ, но темат. суфф. -ε- удлиннился въ ει — какъ во 2 лицѣ и въ тѣхъ же формахъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, какъ в глаг. на ω, такъ и на -μι этотъ суфф. отпалъ безъ слѣда! За тѣмъ являются окончанія въ первичн. формахъ: -ει — въ ind. praes. глаголовъ на -ω, fut. и fut. ex. ind. всѣхъ глаг.; -ᾳ pr. ind. и conj. гл. на -άω; -εῖ pr. ind. гл. на -έω и въ аттич. fut. ind.; -οῖ — въ pr. ind. и conj. глаг. на -όω; -ῳ и -ῃ въ praes. и aor. II conj.

глаголовъ на -μι, а η кромѣ того въ praes. conj. гл. на -έω; -η въ conj. во всѣхъ остальныхъ случаяхъ; (-ει только въ pr. ind. εἶ (еси и идешь); -ε въ pf. I и II. ind. всѣхъ глаголовъ; во вторичн. формахъ: -ε въ impf., aor. II ind. глаг. на -ω и aor. I ind. всѣхъ глагол.; -α въ impf. гл. на άω; -ει въ impf. отъ -έω и нѣкот. глаг. на -μι и въ plqp. всѣхъ глаг.; -ου въ impf. гл. на -όω и на которые на -μι; -η въ impf. и aor. 2 ind. нѣкот. гл. на -μι, въ praes. и aor. 2 opt. всѣхъ глаг. на -μι и отчасти въ praes. opt. verbor. contr.; -ῡ въ impf. нѣкот. гл. на -μι, -ω въ aor. II ind. нѣкот. гл. на -μι; -αι въ aor. I opt. всѣхъ гл.; -οι въ pr., pf., fut. 1. и 2. opt. всѣхъ гл. и въ aor. II. opt. гл. на -ω; -ῷ въ pr. opt. глаг. на -άω; -οῖ въ аттич. (contr.) fut. opt. гл. на -έω.
— Слав. -ти встрѣчается только одинъ разъ въ ся-ти (inquit); обыкн. -ть, откуда въ рск. -т' — только въ ес-ть, а въ областныхъ нарѣч., особ. въ малор., и въ другихъ глаг. (говорит' и пр.); обыкн. въ рск. -т (говори-т; здѣсь неправ. пишется -ъ; слѣдовало бы или ничего не писать послѣ -т или писать -ь, какъ во второмъ л., напр. будешь, хотя говорится будеш); въ обл. нар. иногда исчезаетъ: буде. — Во вторичн. формахъ въ сл. -т вездѣ утрачено, какъ во 2 л. *-с, а потому тутъ 3е л. во всѣхъ случаяхъ сходно со 2мъ (см. выше); но аор. иногда заимствуетъ -ть изъ первичн. формъ, напр. бысть и бы.]

б) Plurālis.

I. ар. -ma-si изъ корней 1го и 2 л., слѣд. = я и ты, а потому: мы (ср. si въ ἔσ-σί, je-си и пр.)

Лат. —— -mu-s —— —— mu' (иногда въ др. яз.; §13, пр. 12; §21, 3. б. — Итал. -mo, фр. -ns, напр. aimo-n(s)).
Греч. (перв. и втор.) —— με-ς (дор.), об. -με-ν
Слав. —"— —— мъ —— руск. -м.

Въ лат. три раза встрѣчается -mūs, вѣроятно, только по требованію метрики.

II. ар. tva-tva, откуда ti-si, т. е. ты + ты = вы (ср. ti въ amās-tī, si въ ἔσ-σί).

Лат. —— -tō-te (умбр. -tū-to), -tis (вульг. -tes), te (ит. -te, фр. -t(es), -s (z), которое исчез.)
Грч. (перв. и втор.) —— —— τε
Слав. —"— —— —— те, руск. -те.

Лат. -tō-te (и умбр. tū-to), т. е. усиленный суфф., есть въ сильномъ imper.; -tis — вездѣ въ ind. и conj. (opt.), но въ вульг. иногда -tes (откуда ит. te, фр. частью -tes), напр. ē-tes = es-tis, частью (z) = s, напр. aime-z). — [Руск. -те, ибо передъ е всегда въ русск. смягчается согл. звукъ (стр. 29), напр. буде-те произносится буде-т'е].

III. ар. an-ta, an-ti т. е. онъ + тотъ (слѣд. два мѣстоим. 3 л.) = они (an = нѣмецкому ён-ъ).

Лат. — -ontō, -untō —onti —— —— ont, unt (народн. un, ot, —— a, u) — e.
Грч. перв. -όντων —— —— -ντι (дор.) -ᾱσι, -ουσι
" втор. —— —— —— —— —— -(ε)ν.
Слав. перв. —— —— —— ѫть (ѧть); русск. —— —— -ут', ут (-ат).
" втор. —— —— —— —— ѫ, ѧ.

Лат. -ontō, -untō въ imper.; -onti сохранилось только въ tremonti (carm. sal. см. §11, а); ont (об. -unt) въ ind. и conj.; послѣ гласныхъ о обыкн. исчезаетъ во всѣхъ языкахъ (ср. acc. sg. и пр. на стр. 64); -e бываетъ только въ perf. ind. вм. -ont, напр. fēcēre (въ вульг. яз. встрѣчаются fecerun, dedrot, dedr-o, fecru и т. п. — Въ ит. -on-o, т. е. съ эпифонич. -o (-ent), кое перестало произноситься, слѣд. исчезло). [Грч. -όντων, послѣ гласныхъ -ντων (где ν есть собств. эвфонич., но совершенно приросло къ суфф.) — въ imper. — Другая форма imper. -τω-σαν новѣе и составл. изъ 3 sg. imper. -τω + σαν (= εσ-αν отъ τες); -ᾱ-σι (= *ᾱν-σι = ᾱν-τι) въ praes. ind. глаг. на -μι; -ουσι (= -ονσι = -οντι) въ indic. глаголовъ на -ω; въ conj. всѣхъ глаголовъ есть ωσι (*ωντι); во вторичныхъ формахъ -ν, но ε послѣ α исчезаетъ, слѣд. -α-ν вм. *α-εν, напр. въ aor. I; -ο-ν вм. -ο-εν въ aor. 2. — Въ слав. ѧть, ѧ есть смягчение изъ ѫть, ѫ; ср. ѩть, ѭть, ѩ, ѧ; р. -ут' только въ сут'; обыкн. ут (ют), ат (ят)]

Примѣч. 3. Въ русск. есть еще новая сложная форма на -м-те (imper.) = мъ-те = мы + вы, напр. пойдем-те.

[б) Dualis. I. Въ грч. нѣтъ, т. е. употр. 1 pers. pl. — Слав. -вѣ; позднѣе -ва для м. р., -вѣ для ж. и ср. (ср. §32, 2. 3)
II. — Грч. -τον вм. *το-ς, какъ 1 pl. -με-ν вм. με-ς; т. е. ς отпало, а эвфон. -ν приросло. Сл. древн. та, позднѣе -та м. р., -тѣ ж. р.
III. Греч.: перв. -τον (какъ во 2 л.), втор. -την, imper. -των. — Слав. -те, новѣе -та и тѣ какъ во 2 л. (ср. §32. 3)].

В. Mediō-passīvum.

Отличит. звукъ его есть въ лат. яз. -r = re = se, примыкающее къ каждому лицу соотвѣтствующаго temporis activi, кромѣ описат. формъ. Подробнѣе — выше въ прим. 1. въ §41. — Здѣсь кратко перечисляемъ, на что оканчивается каждое лицо. Sing. 1. вездѣ -r присоединенное къ 1 sg. act. по опущеніи m, напр. amo-r, ame-r и т. д. — 2. въ ind. и conj. -i-s, примыкающее ко 2му л. той же формы act., которого s здѣсь переходитъ въ r; слѣд. оконч. ind. и conj. есть -ris, сокращенно -re; imper. въ сильной форме есть act. + r, а въ слабой act. + re. — 3 sg. и pl. ind. и conj. присоединяется -u-r къ 3 sg. и pl. act., а въ imper. r — къ imp. act. — 1 plur. имѣетъ r на мѣстѣ s activi (regimus, regi-mu-r); 2е pl. вездѣ -mini вм. -tis и -te act. (§41. 42) (Слѣд. Sg. 1. -r, 2. -ris (-re), 3. -tur, tor; pl. 1. -mur 2. -mini, 3. -ntur, ntor. — Оконч. mini есть собств. прич.)

[Въ грч. medio-pass. образуется иначе (см. пр. 1). — Оконч. medii sg. 1. — перв. -μαι (= *μα-μι), втор. -μην (вм. *ма-т съ удлинн.). — 2. перв. -σαι (= *σα-σι); но σ между гласн. обыкн. выпускается, а -αι сливается съ предшеств. гласн. звукомъ обыкн. въ η (въ verba contr. также въ -ᾳ, -ῃ и -οῖ); втор. -σο (= *sa-s); послѣ ε является -ε-σο, откуда -ου (въ imper. aor. 1. есть -σαι, а въ прочихъ imper. -σο). — 3. перв. -ται (= *ta-ti), втор. -το (= -ta-t); imper. -σθω. — Plurālis. 1. -μεθα (перв. и втор.), поэт. также -μεσθα. — 2. σθε (перв. и втор.); 3. перв. -(ο)νται (изъ -ανται; потому иногда -αται); втор. -(ο)ντο; imper. -σθων и σθω-σαν (Ср. imper. 3. pl. act. -ντων и -τωσαν). — Dualis. 1. -μεθον — образовано изъ 1 pl.; эол. -μεθεν. — 2. -σθον. — 3. перв. -σθον (какъ 2е л.); втор. -σθην; imper. σθων. — Многое въ этихъ формахъ не ясно. — Изъ собственно пассивныхъ формъ fut. I и fut. II. имѣютъ медіальныя окончанія, а aor. I и II какъ aor. II act. гл. на -μι.

Въ слав. сѧ (иногда си) было еще отдѣльнымъ словомъ и могло ставиться какъ передъ глаг. активнаго залога, такъ и послѣ него; въ русск. -ся, -сь уже приросли къ концу глаг. какъ суффиксы].

Примѣч. 4. Родовъ глаголъ не выражаетъ. Исключеніе составляетъ только въ слав. двойств. ч. въ обновленной формѣ. — Въ русск. яз. въ прош. вр. ед. ч. глаголъ, повидимому, имѣетъ родъ, но это потому, что, какъ сказано (стр. 85) у насъ вм. прош. вр. глагола употребляется причастіе прошедшее, а глаголъ опущенъ, напр. я былъ, -ла, -ло вм. я есмь былъ и т. д. — Въ нѣкот. сериал. вспом. гл. съ прич. (§37 в).

6. Спряженіемъ называется флексія глагола (§ 28). Флексіею глагола въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть названо снабженіе основы флексійными суффиксами, т. е. личными окончаніями, дѣлающими глаголъ глаголомъ, т. е. частью рѣчи и предложенія; ~~хотя~~ эти суффиксы съ теченіемъ времени изглаживаются и нерѣдко утрачиваются (см. выше № 5), но не иначе, какъ передавъ свой духъ, свою силу основѣ. Суффиксы же наклоненій и временъ суть собственно безлатичные; но такъ какъ и ими выражаются граммат. формы, то флексіею или спряженіемъ (conjugātiō) глагола въ обширномъ и обыкн. смыслѣ называется проведеніе основного глагольнаго понятія по всей совокупности отношеній, къ выраженію которыхъ оно способно, т. е. по залогамъ, наклоненіямъ, временамъ, числамъ, лицамъ и глагольно-именнымъ формамъ (+).

Древнѣйшія формы глагола суть простѣйшія, напр. es-t, er-a-m и т. д.; потомъ, съ ослабленіемъ значенат. звуковъ является потребность выразить понятіе болѣе полными, болѣе опредѣленными формами, т. е. частью усиленіемъ суффиксовъ (напр. es-tōd), частью описательно посред. вспомогат. глаголовъ. Эти вспомогательные глаголы въ раннюю эпоху языка и народа сливаются со знаменательными; отсюда legē-bam, ama-vī и т. д. Еще позднѣе и эти приставки могутъ до такой степени поблѣднѣть и исказиться фонетически, что нерѣдко становятся для позднѣйшихъ поколѣній неясными, не достаточно выразительными и понятными, такъ что народный духъ или усиливаетъ звуки, повторяетъ суффиксъ, вообще подновляетъ и подкрѣпляетъ старую форму (напр. лат. messuī, гдѣ срослись два перф. суфф. -s- и -ui-, народно-лат. съ 6 в. по Р. Х. итал. esse-re, vole-re, вм. лат. es-se, vel-le, грч. impf. ἐλέ-γω-σαν, польск. jest-e-m (отъ 3 л. jest) вм. древн. jesm и пр.), или мало-по-малу вовсе покидаетъ омертвѣвшую и вывѣтрившуюся форму и замѣняетъ ее новыми описат. выраженіями изъ прич. или неопред. накл. со вспомогат. глаголомъ. Отсюда обиліе описат. формъ въ романскихъ и другихъ новыхъ языкахъ. Изрѣдка и эти описательныя формы срастаются въ одно слово (напр. итал. dirò, франц. dirai и пр. — см. § 37, 1.).

Мы сначала разсмотримъ образованіе общей глагольной основы, потомъ перейдемъ къ изложенію глагольныхъ формъ, наконецъ, отглагольныхъ именъ.

§ 37. Корень и основа глагола.

1. Глагольный корень, конечно, всегда знаменателенъ и обыкн. не отличается отъ именного (т. е. отъ одного и того же корня могутъ быть одинаково образованы и глаголы и имена); но часто знаменательность глагола до того утончается, что онъ становится вспомогат., формальнымъ (§ 28, 1.; 35, 1.; 36, 6.). При дальнѣйшемъ ослабленіи онъ можетъ сдѣлаться даже просто суффиксомъ для образованія новыхъ глагольныхъ формъ; таковыми напр. въ лат. pos-sum, amāv-erō, amāv-eram и пр. являются глаголы sum, erō, eram; въ amā-bam, amā-vī есть глаголы fuam, fuī [также въ грец. fut., напр. λύ-σω слож. съ есмь praes.-fut. отъ √es = лат. esō, erō; во франц. je dirai = je dire ai = j'ai (à) dire = ит. io dir-ò = лат. ego dīcere habeō, гдѣ страшно-пострадавшій фонетически глаг. habeō и сначала ставшій вспомогательнымъ (прованс. dir vos ai = je vous dirai) опустился наконецъ до степени суффикса; также въ малор. fut. играти-му суфф. -му = иму, т. е. имѣю; въ серб. fut. (играт̂ю слож. съ тю (ću) = ότ̂и т. е. хоћу) въ польск. прош. był-em (był-e-m, był-e-m), był-eś, był (-ła, -ło безъ суфф.), byliśmy (były-śmy), byli-ście, byli (безъ суфф.) — глаголъ есть сросся съ прич. былъ] — Также ослабленный глаголъ является въ качествѣ частицы, напр. въ лат. quamvīs, sī-ve и seu, scī-licet, vidē-licet, ī-licet, въ русс. ес-ли (= есть-ли), нѣтъ (= нѣсть = не есть), буде (= будеть), бы и б(ъ) = слав. аор., хотя (прич.) и пр. (Ср. §§ 27, пр. 1; 28, 1. 36, 6; 38, III. 2. и пр.).

Иногда глагольное понятіе выражается только въ нѣкоторыхъ формахъ извѣстнымъ корнемъ, а въ другихъ инымъ, напр. въ лат. яз. s-um, er-am, er-ō происходятъ отъ √es, а fuī, fuerō, fu-tūrus отъ √fu; ferō отъ √fer, a tul-ī отъ √tol (ср. tol-lō), который въ tlātum, lātum испыталъ метаѳезъ и утрату звука (въ грч. напр. φέρ-ω = fer-ō отъ √φερ, но аор. ἤνεγκον отъ √νεκ съ редупл. (§ 20, 3. б.) = слав. √нес въ нес-ти и пр., а fut. οἴ-σω отъ οἰ; наше и-ду отъ √и, а шедшій отъ шед; ес-ть отъ √ес, но бы-лъ, бу-ду отъ √бы = лат. fu. — Франц. гл. être изъ 3 корней: es, напр. il est, je suis, fu, напр. je fus, sta, откуда été = status съ проч.; итал. отъ 3 лат. гл.: īre (j'irai = ire habeō), vādere (je vais = vādo), adnāre (aller = др.-фр. aner = ит. andare). Въ началѣ значеніе было различно (+++)

(+) Въ древности слова συζυγία и conjugātiō означали сопряженіе, сведеніе въ одну группу глаголовъ извѣстнаго разряда; измѣненіе же ихъ называли dēclinātiō, dēclīnāre (verbum какъ и nōmen). См. Steinthal Geschichte d. Sprachwiss. bei d. Griechen u. Römern. Berl. 1863., ss. 579, 658 f., 685.; L. Lersch Die Sprachphilosophie der alten (3 част. 1838–41) II, 218 ff., 254 f. здѣ много указ.

(++) Я слѣдую Буслаеву, Истор. гр. II, 133. — Боппъ ошибочно видитъ здѣсь дую дѣлать (См. Bopp-Bréal III, 304 sv.).

(+++) Попытку разъяснить эти аномаліи въ грч. и лат. см. Curtius Erläut. 128–131 и Gr. Etym. II, 98 f., 270. — Объ aller см. Brachet l. c. 223 sv.

2. Глагольныя измѣненія существенно отличаются отъ именныхъ тѣмъ, что представляютъ коренное понятіе въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ и положеніяхъ. Оно является здѣсь какъ бы текучимъ, тогда какъ въ именахъ — въ твердомъ, плотномъ видѣ. Потому-то, въ отличіе отъ именъ, глаголъ имѣетъ не одну, а нѣсколько основъ, т. е. за отнятіемъ личныхъ суффиксовъ окажется для каждаго времени и наклоненія, а также для каждаго отглагольнаго имени особая основа; напр. въ глаголѣ, происходящемъ отъ √am, есть основа praes. ind. amā-, praesentis conj. — amē-, impf. ind. amā-bā-, impf. conj. amā-rē-, pf. ind. amāvis-, pf. conj. amāveri- и т. д. — Однако эти многочисленныя основы развиваются (посред. приставки темпор. и модальныхъ суффиксовъ) изъ немногихъ главныхъ темпор. основъ, им. въ лат. яз. изъ präsentной и перфектной (не считая аористной, отъ которой въ лат. яз. есть лишь малые остатки) а глагольно-именныя формы частью отъ тѣхъ-же основъ, частью отъ общей глаг. основы, напр. amā-, rego-, tundo- суть präs. основы, отъ которыхъ образуются praes. ind., conj., imper., inf. и part., impf. ind. и conj. и fut. ind.; amāv-, rex-, tutud- суть общія перф. основы, отъ которыхъ происходятъ perf. ind., conj. и inf., plqpf. ind. и conj. и fut. ex. ind.; отъ общей глаг. основы образуются supin., part. perf. pass., pt. fut. act. и др. Далѣе, главныя темпоральныя и глагольно-именныя основы происходятъ въ свою очередь отъ общей глагольной основы, каковою въ первообр. глаголахъ (§ 35, 5. и ниже) бываетъ просто корень (reg, tud), а въ производныхъ — основа имени или другого глагола, съ особыми суффиксами или безъ нихъ и б. ч. совпадающая съ präsentною основою (amā). — Темат. суффиксы, а слѣд. и основы глагольно-именныхъ формъ считаются первичными, а въ чисто темпоральныхъ формахъ могутъ быть какъ первичными такъ и вторичными (§§ 26 и 27); общая основа производныхъ глаголовъ есть вторичная, напр. отъ основъ planta- (nōm. planta), can-tu- (nōm. can-tu-s), au-cup- (nōm. au-cep-s), custōd- (nōm. custōs), metu- (nōm. metu-s), men- (perf. me-min-ī) производятся общія глагольныя основы plantā- (inf. plantā-re), cantā- (pr. ind. cantā-s), aucupā- (impf. aucupā-bātur), custōdī- (pr. custōdī-s), metu- (pf. metu-ī), monē- (fut. monē-bō) и т. д.; основа начин. гл. in-veterā-sc- (pf. inveterā-vī) есть основа глагола invete-rā-re (sc. есть спеціальный präs. суфф.). — Основа первообр. глаголовъ также можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и именною, напр. duc-, can- служатъ общею основою не только глаголовъ (dū-xī, duc-tu-m; can-ō, ce-cin-ī, can-tu-m), но и сущ. dūc-s, tubi-cen; но здѣсь ни глаголъ не производится отъ имени, ни имя отъ глагола, а оба непоср. отъ корня или общей основы. — Глагольная основа обыкн. не образуетъ первой части какой-нибудь составной (глагольной или именной) основы; также обыкн. не составляется составная или связная глагольная основа (§ 27, 1. 2.) изъ простыхъ именной и глагольной или изъ двухъ глагольныхъ основъ; но можетъ быть образована отъ составной именной основы (больше объ этомъ см. § 35, 5).

Глаголъ считается производнымъ, если таковъ видъ его общей основы, хотя бы не сохранилась въ языкѣ та глагольная или именная основа, отъ которой данная основа произведена. Но часто глаголъ имѣетъ видъ производнаго только въ нѣкоторыхъ формахъ, особ. въ präsentной и родственныхъ съ нею; такой причисляется или къ производнымъ, если въ языкѣ есть та первичная основа, отъ которой произошла его основа, или къ первообразнымъ, если нѣтъ такой; напр. praes. monē-mus имѣетъ производную форму, а mon-uī первообразную, но глаголъ этотъ есть производный, ибо производится отъ общей основы глагола me-min-ī; а habēre, спрягающійся какъ monē-re, должно причислить къ первообр., ибо нѣтъ слова съ основою hab, отъ коей онъ могъ бы быть произведенъ. — Почти всѣ глаголы, имѣющіе präsentную основу на -ē (т. е. производные 2-го спр.) показываютъ въ прочихъ формахъ основу первообразную; также и многіе другіе, напр. haurī-re, но hausī, haus-tum; sancī-re, но sanc-sī и sancī-tum рядомъ съ sanc-tum; venī-re, но vēnī, ven-tum. Наоборотъ, первообразные cupere, petere, arcessere и др. имѣютъ въ перф. и накл. ныхъ формахъ видъ производныхъ, cupīvī, petī-vī, arcessī-tum и т. д. Многіе колеблятся даже въ одной и той же формѣ, особ. въ болѣе древнемъ языкѣ, напр. sonā-vī и sonuī, necā-vī и (ē)necuī, lavā-re и lave-re, fervē-re и ferve-re, tergē-ō и tergō, sancī-tum и sanc-tum, oblinere и oblinī-re; особ. часто бываетъ такое колебаніе между глаголами первообр. и произв., одинаково оканчивающимися въ 1 sg. praes. ind. на -iō (т. е. между 3 и 4 спр.), напр. вм. morī, parere встрѣчаются morīrī, parīre; наоборотъ: вмѣсто potī-tur, potīrer и т. д. иногда говорилось poti-tur, pote-rer и т. д.; также orēris, ефort-tur и пр., вмѣ adorī-ris, adorī-tur и т. д. (См. еще 3 а. прим. 3) [Въ гр. напр. πορέω и πέρθω разрушаю, δαμάω и δάμνημι укрощаю, ὠθέ-ειν и ὤθειν толкать. — Особ. часто въ слав. и русск. есть по двѣ основы, напр. гори-шь, но горѣ-ть, бере-шь, но бра-ть, поје-шь, но пѣ-ть,

въ[?]-мъ, по вводъ-хх]. Словомъ, между глагольными основами издревле оказываются колебанія и смѣшенія подобныя тѣмъ, которыя мы видѣли между именными основами (§31, 1. а). Побѣда обыкн. остается за какою-нибудь одною формою, но иногда сохраняются обѣ. Иногда особенность презентной основы проникаетъ и въ основы прочихъ формъ; напр. вставочное n въ jung-ō отъ √jug (ср. jugum) перешло и въ pf. junxī и въ sup. junc-tum; pingo, pinxi, pictum отъ √pig; но perf. также и безъ n: pupig-ī; -sco изъ praes. в pf.: papavi и т. д.

Отъ многихъ основъ не образуются нѣкоторыя формы, или, иначе, многіе глаголы не употребляются въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. ajo, malo и пр. — Это — verba defectiva. — Въ вышеупомянутыхъ (§37, 1.) глаголахъ, образующихъ свои формы отъ различныхъ основъ и даже корней (es-se, fu-ī) должно видѣть въ сущности нѣсколько недостаточныхъ глаголовъ, tribus unitis представляющихъ глагольное понятіе во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, къ выраженію которыхъ способенъ языкъ.

3. Общая основа производныхъ глаголовъ бываетъ трехъ разрядовъ:

а) Именная или первичная глагольная основа расширенная суффиксомъ -aja- (въ его древнѣйшей формѣ), причемъ въ отглагольной основѣ сверхъ того б. ч. усиливается коренной гласный звукъ. — Сюда относятся преимущ. глаголы со значеніемъ виновнымъ, переходящимъ, но иногда и непереходящимъ и длительнымъ (см. §35, 4).

Прим. 1. -aja- произошло собств. изъ окончанія именной основы -a + суфф. -ja-; но такъ какъ въ первоб. языкѣ основы на -a- далеко превосходили числомъ всѣ остальныя вмѣстѣ, то a какъ бы срослось съ -ja- и изъ тѣхъ стали образовываться глагольныя основы отъ всякой основы уже поср. суфф. -aja- (вм. ja; но есть въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ja-; см. §36, 2; 38, I, 3. б. II, 2, б). — Первичные глаголы, отъ которыхъ возникли производные, б. ч. не сохранились и часто могутъ быть открыты только изъ сличенія съ другими языками.

Это -aja- въ лат. яз. за утратою звука -j- въ 1. sg. pr. ind. является въ видѣ -ao-, -eo-, -io, а во всѣхъ остальныхъ формахъ стянулось въ -a-, -e-, -ī- [въ гр. въ 1 sg. и 1. 3. pl. в -αο-, -εο-, -οο- и рѣдко -ιο-, а въ остальныхъ случаяхъ -в -αε-, -εε-, -οε-, -ιε-, а потомъ часто слѣдуетъ συναίρεσις или συνίζησις, кромѣ -ιο- и ιε-; въ слав. въ -ajo-, -aje- и -ѣjo-, -ѣje- и -ie-; jo- и -i- (= ѣjѣ = ѣjѣ = ѣjѣ)].

α) -ā- (ao-) — въ лат. наиболѣе распространено; напр. отъ основъ на -a-: comā-re, comā-mus, comāvī, comā-tum (отъ coma-), plantā-re и т. д. (planta-); отъ основъ на -o-: fūmā-mus (fūmo-s), dōnā-s (dōno-m); сюда же относятся произв. отъ прич. на -to-, -so-, служащіе интенсивными для соотвѣтственныхъ простыхъ глаголовъ, напр. dictā-re (отъ dic-to-m) и собств. значитъ „сказанное сказать", cursā-re, hortā-tur (у Эннія есть еще horitur); также отъ основъ на -tita- (frequentativa), напр. dictitā-re, itităre и пр. — Далѣе, по этой аналогіи и отъ согласныхъ основъ, напр. nōminā-re (nōmen-), laudā-re (laud-), rēmigā-re (отъ rēmig- изъ rēmo- и ag-, nōm. rēmex), также castigare, levigā-re и пр. безъ соотвѣтств. сущест.; отъ основъ на -u: напр. domā-re (domu-s), aestuā-re (aestu-s), sinuā-re (sinu-s); отъ основъ на -i: testā-rī (testi-s); отъ глаголовъ, напр. sēdā-re отъ sedeō; безъ соотв. имени или глагола amā-re, adulā-rī и мн. др.

[Въ гр. почти только отъ основъ на -a- и -o-, напр. 1 pl. κομάο-μεν, inf. κομάειν или κομᾶ-ν (отъ κομᾶ- = лат. coma-) = comā-re; τιμάε-τε или τιμᾶ-τε (τιμή честь) чтите; δαμάε-τε = лат. domā-te отъ глаг. осн. δαμ- (въ δάμ-ν-η-μι) и пр. — Сл. дѣлаjе-ши по дѣла-ти, дѣла-хъ и пр. (отъ дѣло-), готоваjе-мъ (готово-); отъ глаг.: съ-бираjе-мъ отъ съ-бере-мъ, въз-гора-ти (горѣ-ти)].

β) -ē- (-eo-) (б. ч. съ интранз. знач.); напр. dēlē-re, dēlē-mus, dēlē-vī, dēlē-tum отъ глаг. основы li- (въ li-nō, dē-lib-ūtus [см. Curtius. Etym. 328 f.]), (ex-)olē-re, -olē-vī (но и -oluī), -olē-tus; такую же форму имѣютъ и первообр. съ основою на -ē-, какъ то flē-re, nē-re, plē-re, crē-sco (crē-vī, crē-tum) (въ будущ. яз. было и silēvit, см. Schuch. l. c. II, 46 f.). Обыкнов. же производныя основы на -ē- встрѣчаются только въ презентныхъ формахъ (см. выше. 2); а въ этихъ формахъ приняли и нѣкоторые непроизводные; наоборотъ, въ прочихъ формахъ производные послѣдовали аналогіи первообразныхъ глаголовъ. Многіе изъ нихъ и другихъ глаголовъ вовсе не имѣютъ perf. и въ особ. супина, pt. pf. pass. и pt. fut. act. — Часто старая основа на -ē- сохраняется только въ отгл. именахъ, происшедшихъ изъ прич., напр. Monē-ta, Genē-ta, vegē-tus, acē-tum, arborē-tum, dūmē-tum, rosē-tum; частью можно ее видѣть въ переходныхъ формахъ въ болѣе древн. языкѣ, напр. merē-to (§11, 2. 1.), timē-… [напр. др.-умбр. taçe-z вм. *ta-dus, Calvedius, Cande-dus, sole-dos и др.; частью въ итал. нарѣчіяхъ [напр. др.-умбр. taçe-z вм. *taçe-ts изъ *tace-tus; Kale-ruf = *cali-dos бѣлолобый, famelia = familia]. — Напр. отъ глаголовъ: monē-re, monē-s (но pf. mon-uī, sup. moni-tum) есть виновн. (на-по-мина-ть) отъ √men (въ me-min-ī по-мн-и-ть); непереходн. pendē-re висѣть (pende-re вѣшать, pondus вѣсъ), jacē-re (jace-re); отъ прилаг. основъ на -o: cānē-re (но pf. can-uī, безъ суп.) отъ cāno- (nōm. cānus), flāvē-re отъ flāvo- (безъ pf. и суп.); miserē-rī (misero-); рѣдко отъ другихъ основъ, напр. отъ i: putrē-re (putri-s), отъ согл. сущ. основъ: flōrēre (flōs-), decē-re (decus-) (pf. flōr-uī, безъ суп.); часто безъ соотв. именныхъ

или глагольной основы (такъ что они должны быть причислены къ первообр.; стр. 89): habē-re, arcē-re, vīdē-re, merērī и пр. [Въ греч. такія основы чаще прочихъ (αο-, οο- и ιο-), напр. φορέο-μεν носимъ отъ глаг. осн. φερ- (напр. въ φέρο-μεν несемъ); б. ч. отъ основъ на -о-: φιλέε-τε любите отъ φίλο-ς другъ; ἀρκέω = лат. arceō. - Въ слав. и рус. непереход., напр. умѣе-мъ, умѣти отъ умъ; зеленѣе-те, зеленѣ-мъ отъ зелено- и пр.].

γ) -ī- (-io-) б. ч. отъ именныхъ основъ на -i-, напр. fīnī-re (fīnī-mus, fīnī-vī, fīnī-tum) отъ fīni-(s), mollī-mus отъ molli-(s), partī-rī отъ parti-s); но нерѣдко и отъ основъ на -о- и -а- и согласныхъ; напр. транзит. pūnī-re (poena-), custōdī-re (custōd-, nom. custōs); интранз.: servī-re (servo-s), saevī-re (saevo-s); отъ основы на -u-: gestī-re (gestu-s); dēsīderātiva - отъ отглаг. сущ. на -tōr-, -sōr-, напр. parturī-re отъ *par-tor, ēsurī-re отъ ēsor- (вм. *ed-tor-, §22, 1. a. β.). Отъ глаг.: sōpī-re есть виносл. (усып-ля)ть - отъ √sop с(ъп-а)ть (но первообр. глаголъ утраченъ; ср. som-nus, sop-or; безъ соотвѣт. имени или глагола: nūtrī-re, dormī-re и др. [Въ греч. мало, - и только отъ именныхъ основъ на -ι-, напр. κονῑο-μεν пылимъ отъ κόνι-ς пыль; μηνίε-τε гнѣвитесь отъ μῆνι-ς гнѣвъ. - Въ слав. и рус. causātīva, напр. отъ именъ: хвали-ть (хвала), пыли-ть (пыль), гнѣви-ть (гнѣвъ); отъ глаголовъ: мори-мъ (отъ мре-мъ, моръ), сади-ть (отъ сид-ѣ-ть), пои-ть вм. *поjи-ть (пи-ть) и пр.].

Прим. 2. -aja- могло также измѣниться въ -ō- (греч., готск., лит.); слѣды такого образованія видны въ лат. яз. въ словахъ nōscī, nō-tus, pō-tum, aegrō-tus и нѣкоторыхъ другихъ [Въ греч. нерѣдко, напр. δουλόο-μεν порабощаемъ отъ δοῦλο-ς рабъ, χρυσόε-τε золотите отъ χρυσό-ς золото; ἀρῶ или ἀρόω = arō (arāō)].

Прим. 3. Такъ какъ -ā-, -ē-, -ī- имѣютъ общій источникъ въ -aja-, то встрѣчаются колебанія въ выборѣ одного изъ этихъ звуковъ; напр. dēnsā-re и dēnsē-re, singultā-re и singultī-re, calvē-re и calvī-re и пр. [Въ греч. напр. δαμάω и δαμόω; ἀράω, древн.-іон. ἀρόω и ново-іон. ἀρέω вижу и пр.].

б) Именная основа становится общею глагольною безъ всякаго суффикса; таковы основы на -u- (но отъ такой общей образуется празентная основа посред. суфф. -ja-; см. §38, I. 3. 2.), напр. statu-ō, pf. statu-ī (отъ statu-s); metu-it pr. и perf. (metu-s), acu-it (acu-s) и пр. [Въ греч. таковы напр. μεθύ-ω я пьянъ отъ μέθυ-(n.) вино; δακρύ-ω плачу (слезюсь) отъ δάκρυ- n. слеза; γηρύ-ω звучу отъ γῆρυ-ς f. звукъ; а также очень часто и отъ согласныхъ основъ, напр. τε-τελεσ-μαι pf. med. я совершился отъ τέλος- конецъ. Но также посред. именного суфф. -υ- (а въ соединеніи съ предшеств. гласною -ευ-), напр. βουλεύ-ω совѣтую отъ βουλή- совѣтъ; δουλεύ-ω работаю отъ δοῦλο-ς рабъ (всѣ они, какъ и въ лат., принимаютъ въ praes. -jo-). Въ слав. отчасти соотвѣтствуютъ этимъ производныя основы именныя съ суфф. -ов- (вм. -ъв-, развившимся изъ -ъ-), отъ коихъ образуются глагольные съ суффиксами -ja- и -a-, напр. куповати (купъ), воевати (вои = *вojъ; см. §30, 2; 31, 2.2.).

в) Основа глагола, какъ первообр. такъ и производнаго, становится, безъ всякаго суфф., общею основою новаго произв. глагола; такъ образованы verba incohātiva (принимающіе только въ празентной основѣ суфф. -scō-, §38, I. 3. 2., а въ остальныхъ формахъ совпадающіе съ формами тѣхъ глаголовъ, отъ коихъ произведены). - Многіе утратили начинат. значеніе. - Они б. ч. отъ производныхъ основъ на -ē- и, подобно тѣмъ глаголамъ, отъ которыхъ произведены, обыкн. не имѣютъ perf. и особ. супинея, напр. exolēsco, -olē-vī (и -oluī), -olē-tus; adolē-scō, -olē-vī, ad-ultus (глаг. *olē-re не встрѣчается); con-ticē-sco (tacē-re) и пр.; безъ pf. и sup.: aegrē-scō, albē-scō, calvē-scō, flāvē-scō, hebē-scō, tumē-scō, līvē-scō, mace-scō (aegrēre и т. д.); гораздо рѣже отъ другихъ основ, напр. отъ основъ на -ā-: inveterā-scō, -ā-vī, -ā-tum (т. е. отъ основы гл. in-veterā-re, который въ свою очередь есть произв. по a. a. отъ прилаг. осн. veter- (vetus-), labā-scō (labā-re); отъ основъ на -ī-: ob-dormī-scō, -ī-vī, -ī-tum (dormī-re), scī-scō (scī-re); отъ первообр. основъ безъ соед. гл.: dī-scō вм. *dic-scō (§21, 4. ф.), др.-лат. e-scit вм. *es-scit въ буд. знач.; также super-escit, ob-escit); съ соед. гл. i, e (§19, 3. a.): con-cup-ī-scō (-īvī, -ītum) (cup-ere), re-vīv-i-scō и vīv-e-scō, re-vīxī, re-vic-tum (vīv-e-re), al-e-sco, aluī (al-e-re), trem-e-scō и trem-i-scō (trem-e-re).
- Очень многіе, какъ первообр., такъ и произв. глаголы, основами своими давъ бытіе начинательнымъ, сами совершенно исчезли. Отъ части такихъ произв. глаголовъ сохранились лишь perf., рѣдко supīnum, какъ-то: vesperā-sci-t (pf. vesperā-vit), īrā-sco-r (īrā-tus); crēbrē-sco (crēbuī), re-crūdē-scō, dūrē-scō, macrē-scō, mātūrē-scō, ob-mūtē-scō, nigrē-scō, in-nōtē-scō, raucē-scō (pf. rauxī), sānē-scō, ob-surdē-scō, ēvānē-scō, vīlē-scō. - Не имѣютъ perf. и sup.: puerā-scō, puellā-scō, gemmā-scō, integrā-scō; aegrē-scō, arborē-scō (сохранилось прич. въ видѣ сущ.: arborē-tum), dītē-scō, dulcē-scō, glabrē-sco (съ прич. въ видѣ существ. glabrē-tum), grandē-scō, gravē-scō, ignē-scō, mītē-scō, mollē-scō, re-morbē-scō, pinguē-scō, plūmē-scō, silvē-scō, sterilē-sco, iuvenē-scō; съ колеблющеюся основою te-nerē-scō или tenerā-sco; наконецъ въ др. яз. были lactēscō, longī-scō, fruni-sco-r и др. - Начинат. глагола съ общею первичною основою, отъ коей не сохранились празентныя формы первообразныхъ глаголовъ, но большею частью сохранились perf. и sup., суть безъ соедин. гл.: crē-scō (crē-vī, crē-tum), (g)nā-sco-r (nā-tus), (g)nō-scō, pa-scō, pō-scō, quiē-scō, древніе глаг. dispec-scō, con-quē(c)-ni-scō; съ соед. гл.: apī-scor, ob-līv-i-scor, paci-sco-r, pro-fic-i-sco-r, ulc-i-scor (др. fut. ex. ul-sō). - Происходящіе отъ первообр. основъ б. ч. утратили начинат. значеніе, напр. di-scō (вм. *dic-scō, pf. di-dic-ī), crē-scō (crē-vī), pa-scō, quiē-scō, na-scor, pō-scō (въ послѣднемъ словѣ празентный суфф. -scō- совершенно сросся съ корнемъ, такъ что

вошелъ въ общую глагольную основу (см. выше 2. кн.), напр. pf. porose-t, отсюда и въ disco, напр. discitūrus, нерѣдко и въ нѣкоторыхъ другихъ (изъ лат. слога esc-, isc- возникло во фр. ss. -iss-, -iss, напр. fleurissais = florēscēbam, fleurissant = florēscentem, fleuris = florēscō) [Гр. напр. ἡβά-σκω цвѣту, мужаю отъ ἡβά-ω, которое въ свою очередь отъ ἥβη юность, цвѣтъ; ἀλδή-σκω увеличиваюсь, расту отъ ἀλδαίνω увеличиваю, питаю; μεθύ-σκω опьяняю отъ μεθύ-ω пьянъ (μέθυ вино), φά-σκω говорю отъ φη-μί говорю (слѣд. утрачено начинат. значеніе); иногда съ удвоеннымъ корнемъ, напр. γι-γνώ-σκω = (g)nō-scō и пр. Въ слав. нѣтъ такихъ; лишь по значенію имъ частью соотвѣтствуютъ произв. на -ѣю, -аю (по α.α. и β.), зрѣю, мужаю, частью съ прäз. суфф. -no- (-ne-, -ну-), напр. молк-не-тъ (молчать, молкъ), тихнетъ (тихъ), кис(д)-нет(кисл)(*)

Образованіе глагольныхъ формъ (спряженіе).

A) Activum.

§38. Прäзентная основа съ производными отъ нея формами.

I. Отъ прäзентной основы образуются praes. ind., imper., conj., infin. и part.; impf. ind. и conj., fut. ind. и gerund. Для образованія первыхъ двухъ формъ присоединяются къ основѣ только личные суффиксы, для остальныхъ — остат. и флексійные. Здѣсь излагаемъ сначала образованіе основы, потомъ глагольныхъ формъ; о глаг.-именныхъ формахъ см. §42.

1. Такъ какъ къ каждой основѣ примыкаютъ обыкн. одни и тѣ же суффиксы для выраженія извѣстнаго отношенія, то искони могло быть только одно спряженіе, какъ и одно склоненіе; позднѣйшее же, б. ч. кажущееся, различіе спряженій частью зависитъ отъ различія основъ (ср. §30,1), частью отъ сохраненія въ языкѣ нѣкоторыхъ древнихъ формъ рядомъ съ фонетически измѣнившимися, частью отъ древне-различныхъ осн. суфф.

По образованію прäзентной основы можно раздѣлить глаголы на два разряда:

A) на чисто-коренные, т.е. тѣ, прäзентная основа которыхъ состоитъ просто изъ корня (простого, усиленнаго, удвоеннаго; который можетъ фонетически быть ослабленнымъ и сокращеннымъ) безъ всякаго суфф.; если къ такой основѣ примкнуть личные суфф. непосредственно (нерѣдко при помощи соединит. гласн. (s-u-m)), то возникаетъ praes. ind. — Отъ такого древнѣйшаго образованія есть въ лат. яз. только малые остатки (въ наибольшей полнотѣ и чистотѣ является глаг. отъ √es); обыкн. же такіе глаг. послѣдовали вполнѣ или отчасти аналогіи различныхъ группъ 2-го разряда [Въ гр. сохранились они несравненно лучше и полнѣе; сюда относится большая часть т. наз. глаголовъ на -μι (т.е. тѣхъ, кот. въ 1 sg. praes. ind. оканч. на -μι), напр. εἶ-μί ес-мь; въ слав. сохраняются только 4 глаг. такого рода: jес-мь, ѣ(д)-мь, вѣд-мь и дадь-мь]. Большая часть этихъ глаголовъ въ лат. грамм. называются неправильными; нѣкоторые изъ нихъ и недостаточн. (§37,2 etc).

B) на глаголы, которыхъ прäзентная основа снабжена остат. суффиксомъ: — все остальные. [Въ гр. т. наз. глаголы на -ω, въ слав. на -ѫ]. Послѣдніе дѣлятся на двѣ группы:

a) тѣ, частью первообразные, частью производные 2-го и 3-го разр. (§37,3. Б и В), которыхъ прäзентная основа развивается изъ общей глагольной поср. суфф. -o-, -jo-, -no-, -sko-, -to-. Это глаголы т. наз. 3-го спр. въ лат. грамм. [въ гр. verba pura и impura на -ω, нѣкоторые на -μι; въ слав. т.н. 1-го спр.] — Звукъ -o- (первонач. -a-) этихъ суффиксовъ сохранился только въ 1 sg. ind. (гдѣ онъ даже усиленъ, какъ увидимъ ниже, II,1,-b-ō), а въ древн. яз. и въ 3 pl. (гдѣ позднѣе -u-; за тѣмъ въ другихъ формахъ древній яз. отчасти представляетъ -u-, которое въ классич. перешло (черезъ i) въ -i- (остатокъ въ классич. яз. есть quaesu-mus рядомъ съ новою формою того же слова, но съ другимъ значеніемъ, quaeri-mus, ибо „нерѣдко языкъ обращаетъ себѣ на пользу даже чисто-фонетич. порчу" (§29,1) и желая ни одной формы оставить праздною), а передъ -r- въ -e- [въ гр. также сохраняется -o- въ 1 sg. и въ 3 pl., а въ остальныхъ ослабло до -e-; въ слав. есть слѣды -о- въ ѫ 1 sg. и 3 pl., въ остальн. формахъ -е-].

(*) Обыкн. дѣлятъ начинат. глаголы лат. языка на первообр. и производные, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на отъименные и отглагольные. Мы думаемъ, что такое дѣленіе несостоятельно и причисляемъ все inchoativa къ производнымъ и отглагольнымъ: 1) смыслъ этого требуетъ; прежде чѣмъ выразить начинательность какого-нибудь дѣйствія, языкъ долженъ былъ выразить самое это дѣйствіе; здѣсь припоминаемъ мнѣніе Гонна о прочихъ производныхъ глаголахъ (III, 898 etc), одно изъ тѣхъ остроумныхъ его мнѣній, которымъ онъ не всегда остается вѣренъ до конца: прежде чѣмъ появилось выраженіе „заставляю слышать" (скр. çrāvajāmi — транскрипція по образцу Шлейхерова) или „желаю слышать" (скр. çuçrūshāmi) или „самъ слышимый" (скр. çrūjĕ), должно было существовать „слышу" (скр. çr̥nō-mi), хотя первое легче объясняется корнемъ çru, чѣмъ прäзентною основою çr̥nu-. Потому что 2) думаемъ, что въ тѣхъ немн. случаяхъ, гдѣ для начинательныхъ нѣтъ соотвѣтств. неначинат., должно признать (въ противупол. напр. Корссену, II, 282 ff.), что таковые утрачены, а не производятъ непоср. отъ именъ. Эта мысль подкрѣпляется въ особ. общею глаг. основою, видною и въ непредѣльныхъ формахъ; напр. puerā-scō, vesperā-vit, trā-tus, dūrē-scō (и даже какъ ...), rancē-sco (и даже какъ ...) въ видѣ суп. и прич. напр. quiē-tus, viē-tus, arborē-tum, glabrē-tum явственно показываютъ глагольныя основы puerā-, vesperā-, trā-, dūrē-, rancē-, quiē-, viē-, arborē-, glabrē- и т. д., и тѣмъ необходимо заставляютъ предполагать глаголы (исчезнувшіе) *vesperā-re, *puerā-re, *trā-re, *dūrē-re, *rancē-re, *vīlē-re, quiē-re, viē-re, arborē-re, glabrē-re и т. д. Подобнымъ и L. Meyer [illegible] [illegible] ... (II, 315) что никогда существовали глаголы obsolē-re, exolē-re, *viē-re, quiē-re, и оклоняется (II, 368) признать это и въ другихъ [illegible] напр. puerā-re, grandā-re [illegible]

б) производные 1го разряда (§37, 3. а.), которыхъ общая глагольная основа, оканчивавшаяся вначалѣ суффиксомъ -ā- (= -ao- = -aja-), служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, и прäзентною безъ всякаго новаго суффикса [въ 1 sg. ind. и гръ. -o- усиливается въ -ō-] [въ грч. verba contracta и на -ίω; въ слав. т. наз. 2ое спр.]. Вслѣдствіе того, что -ā- (a-) въ части этихъ глаголовъ измѣнилось въ -ē- (e-) и -ī- (-i-) [а въ грч. и -oo- или -ou-] эта группа подраздѣляется на три: α) съ основою на -ā- (-ao-), т. назыв. 1ое спр. (1 sg. ind. -ō = -aō, умбр. -ā̆u, грч. -άω и -όω, слав. -ajѫ); β) съ основою на -ē- (eo-), т. наз. 2ое спр. (1 sg. ind. -eō, грч. -έω, слав. -ѣjѫ); γ) съ основою на -ī- (-io-), т. наз. 4ое спр. (1 sg. ind. -iō, грч. -ίω, которое не сокращается, слав. -jѫ).

Должно замѣтить, что въ спряженіи происходитъ большое смѣшеніе основъ, т. е. многіе глаголы, состоящіе въ прäзентныхъ формахъ въ одной группѣ, переходятъ въ прочихъ формахъ въ другія группы (§37, 2); иногда даже и въ praesens формы колеблется, напр. tergō (по α.) и tergeo (по б. β.), es-t (по А.) и edi-t (по Б. а.), dǐ-s (по б. α), dă-mus (по А.) и (ad-)dis (по α.) и пр.

2. Чисто-коренныя прäзентныя основы (см. выше А) суть слѣдующія:

α) изъ простого корня; таковы: es-, напр. es-t, ed-, нпр. es-t (= *ed-t, §22, 2; но также и по Б. а. или 3. спр. - edi-t), vol-t, fer-t, in-qui-t, da-t (da-re слѣдуетъ отчасти аналогіи глаголовъ на -ā-, т. е. 1ому спряж., прочія - 3ему) [Грч. √εc, напр. εἶ-μί, лесб. ἔμ-μι вм. ἐc-μι, sum; слав. jес- и ѣд-, нпр. jес-мь и ѣ(д)-мь].

б) изъ корня съ усиленнымъ или удлиненнымъ гласнымъ звукомъ: преимущ. √ei, ī, напр. ī-mus (но ǐ-tum), quī-re (ne-quī-re); въ большей части формъ сходны съ производными на -ī (Б. б. γ. или 4 спр.); далѣе cī-re по 4 и 2ому; stā-re б. ч. по 1ому (stă-tus нпр.), nā-re (nă-tare), flā-re, fā-rī (fă-teri) - вполнѣ по 1ому; flē-re, nē-re, plē-re слѣдуютъ вполнѣ образцамъ 2го спр. (flēvi, flē-tum). Во всѣхъ этихъ глаголахъ, кромѣ ī-re и quī-re, гласный звукъ удлиненъ по аналогіи производныхъ глаголовъ [Въ грч. εἶ-μι, бост. ἔ-μι иду, но во мн. ч. и въ повел. безъ усиленія: ἴ-μεν идемъ, ἴ-θι иди. - Въ слав. только √ѣд-, нпр. ѣ(д)-мь безъ усил. √ед].

в) изъ удвоеннаго корня (о значеніи усиленія и удвоенія см. §§16 и 26, стр. 40 и 56): всѣ таковые помимо въ лат. яз. по 3ему спр. (по группѣ Б. а.): √sa- (sa-tum), нпр. se-ri-mus (вм. *si-si-mus, т. е. 2ое s между гласными перешло въ r, а ослабло до i-, которое передъ r потемнѣло въ e); √sta- (sta-tum), нпр. si-stis (вм. *sti-sti-s; √bi-, напр. bibi-t; въ послѣднемъ словѣ удвоеніе вполнѣ срослось съ корнемъ, т. е. вторглось и въ другія формы, напр. bibi-tum. [Въ грч. если корень оканчивается на гласный звукъ, то послѣдній въ sg. ind. удлиняется, напр. δί-δω-μι даю, а 1 pl. δί-δο-μεν отъ √δο; τί-θη-μι кладу вм. θι-θη-μι (§22, 2.), 1 pl. τί-θε-μεν отъ √θε; ἵ-cτη-μι ставлю = *cί-cτη-μι (§21, 4. б.) вм. *cτί-cτη-μι, 1 pl. ἵ-cτα-μεν отъ √cτα; δί-δη-μι вяжу отъ √δε. - Въ слав. praes. утрачивается гласн. звукъ; потому да-с-ть вмѣсто *да-д-ть (§22, 2.) вм. *да-да-ть; да-мь вм. *да-д-мь съ буд. знач. (Inf. безъ удвоенія: да-ти)].

(Надо быть потому, что акцентъ въ ед. ч. [падаетъ] на кор. слогъ (какъ кажется), а во мн. ч. ближе къ концу [illegible])

3. Для образованія прäзентныхъ основъ прочихъ глаголовъ группы Б. а. (3ое спр.) служатъ различные суффиксы, которыхъ происхожденіе и значеніе забыто народомъ и остается досель темнымъ:

а) -o- (-u-, -i-, -e- = первобытному a) (*), которое присоединяется (удлиняясь въ 1 л. ед. въ -ō-):

α) къ чистому простому корню, напр. √leg-, основа прäs. lego-, откуда напр. 1 sg. legō, 1 pl. legi-mus, legi-mus, 2 pl. legi-tis, vehi-tis и т. д. [Грч. λέγο-μεν, λέγε-τε (собирать, говорить; λέγω - solvō); слав. везе-мъ, везе-те и т. д.]; корень сокращенъ напр. въ pe-rgō (= *per-regō), su-rgō (= *sub-rigō, *sub-regō).

β) къ корню съ усиленнымъ гласнымъ звукомъ, напр. douci-s, позднѣе dūci-s отъ √duc (§17, и. 4. и 18, 2), deici-tis или dīci-tis отъ √dic (§17, i. 3.), pluit вм. plūi-t изъ ploui-t и пр. [Грч. φεύγο-μεν бѣжимъ отъ √φυγ, λείπε-τε оставляете отъ √λιπ, τρίβο-μεν тремъ отъ √τριβ; сл. плове-ть отъ √плу, поје-ши отъ √пу (§22, 1. Б. а.)].

γ) къ корню усиленному инфиксомъ n, которое передъ губными переходитъ въ -m (§17, стр. 40, §22, 2. §26, стр. 55 и 56), напр. findi-s (√fid, напр. въ fidi), -cumbi-t (√cub, нпр. cubui); прочіе глаголы суть: fingō, frangō, fundō, jungō, lambō, linquō, mingō, устар. pancio, ningit, pandō, pangō, pingō, pinsō, pungō, rumpō, sanciō, scindō, stringō, tangō, tundō, vincō (Нерѣдко этотъ инфиксъ проникаетъ и въ непрäзентныя формы, нпр. pf. -punc-si, но и pupug-ī, punctum и пр.) [Въ грч. рѣдко: λαμβάνω отъ √λαβ (сущ. λαβή-ма и пр.); въ слав. въ двухъ praes. съ будущ. значеніемъ: лѧгѫ (√лег) и сѧдѫ (√сѣд, inf. сѣс-ти)].

δ) къ удвоенному корню: gi-gni-t вм. *gi-geni-t отъ √gen. По этому образцу идутъ удвоенные безъ суффикса (см. выше 2. в.) [Грч. γί-γνο-μαι вм. γί-γενο-μαι рождаюсь отъ √γεν, πί-πτο-μεν падаемъ отъ √πετ; есть и съ инфиксомъ μ: √πλ πί-μ-πλη-μι наполняю. - Въ слав. нѣтъ таковыхъ].

378). - 3. Что и т. наз. первообразные (коренные) начинательные суть также производные и отглагольные, видно какъ изъ начинат. значенія ихъ, - правда, весьма поблекшаго, - такъ и изъ того, что рядомъ иногда попадаются и неначинательные отъ того-же корня (напр. disco и dic-o, pro-ficiscor и pro-ficiō, e-scit и est, sci-scō и sciō), такъ и изъ прочихъ формъ (напр. crē-vi, crē-tum, какъ flē-vi, flē-tum, наводятъ на *crē-re какъ и на flē-re. - Въ особенности древній яз. представляетъ доказательства въ пользу этого мнѣнія сохраненіемъ формъ первичнаго глагола, впослѣдствіи вышедшаго изъ употребленія; напр. встрѣчаются suēre, nanci-tor слѣд. *nanci-re, ul-sō вм. *ulc-sō отъ *ulc-ere и т. д., тогда какъ позднѣе только suē-scō, nanci-scor, ulci-scor и т. д. Это показываетъ, какъ юное поколѣніе, мало по малу сближаясь по значенію со старымъ, вытѣсняло собою послѣднее. - Что первичный глаголъ можетъ исчезнуть, давъ начало производному, видно напр. изъ σόφίω = у-свѣтляю = скр. svāpáyāmi, тогда какъ перв. гл. = съп-и-ю = скр. svápi-mi въ лат. исчезъ (см. Bopp III, 419 ког., Schleicher 359 f., L. Meyer I, 429, Corssen Btr. 507; Ausspr. I, 484; II, 64, Curtius, Et. 260 и пр.). - Наконецъ 4) наше объясненіе избавляетъ насъ отъ странной необходимости принимать вмѣстѣ съ Шлейхеромъ (788 и пр.) произв. отъ произв. за первичные.

(*) Bopp (III, 110), Schleicher (763), Corssen (II, 50 f.), Meyer (II, 1), Merguet (171) и пр. принимаютъ это o = a за суффиксъ, а Curtius (Gr. 84, Et. 659 f.), Heyse (356), Neue (II, 317 f.), Kühner (I, 149. 520), Буслаевъ (197 и сл.) - за соедин. гласную. Противъ послѣднихъ [illegible] замѣтилъ Корсенъ, что принимать соед. гл. между гл. и согл. есть тоже, что считать клей за соедин. средство между клеемъ и деревомъ, а во 2) никто не показалъ, какимъ обр. соед. гласная можетъ усиливаться, какъ въ 1 лицѣ глаг., нпр. legō; удлиненіе противорѣчитъ ея натурѣ [Если у Гомера (Curtius Erläut. 140) есть ἀγορ-ηςεσέτην и т. п., то это также подъ вліяніемъ аналогіи съ [illegible] (гдѣ [illegible]), также по требованію [illegible] причинитъ [illegible] вм. [illegible], т. е. какъ бы расширена основа]. - У Буслаева (198 и пр.) и Помяловскаго (32 пр.) даже ѥ считается за соед. гл.

б) -no- (-nu-, -ne-, -ni- = -na-) — въ лат. послѣ гласныхъ и r: li-ni-s (pf. lēvi, sup. li-tum), si-ni-t, cer-ni-mus (pf. crē-vī), sterni-tis, sper-nu-nt; изрѣдка и въ другихъ случаяхъ; такъ послѣ m въ con-tem-no-; послѣ s въ pō-no- вм. pōs-no- и устар. dē-gū(s)-no-. Изъ древняго языка сохранились также формы произведенныя отъ коренныхъ präsentныхъ основъ (см. выше а.): da-nu-nt, ob-ī-nu-nt, prōd-ī-nu-nt, red-ī-nu-nt, ex-plē-nu-nt, ne-quī-no-nt, in-seri-nu-ntur; далѣе отъ präs. основы на -o-: soli-nu-nt, отъ произв. осн.: ferī-nu-nt, наконецъ, въ соединеніи съ инфикс. n и съ суфф. -sco- (см. ниже, г.) [Въ грч. частью въ видѣ -va-, напр. δάμ-να-μεν укрощаемъ, кое въ ед. ч. усилив. въ -νη-, напр. δάμ-νη-μι (есть также δαμ-νά-ω и безъ приставки δαμάω и δαμόω), частью, какъ въ лат., въ видѣ -νο-, напр. πί-νο-μεν пьемъ; иногда -νο- приставляется къ корню, усиленному инфиксомъ -ν(-αν-), напр. μα-ν-θά-νο-μεν учимся (√μαθ), λαμβά-νε-τε получаете (√λαβ); сверхъ того въ грч. есть еще -νυ-, въ ед. ч. -νῡ-, напр. δείκ-νῡ-μι показываю, 1pl. δείκ-νυ-μεν. — Въ слав. и русск. такъ образуется praes. съ будущ. оконч. вида и съ начинат. (непереход.) знач., напр. ста-не-мъ, двиг-не-те, но inf. ста-ти, aor. двигъ (ср. §37, 3. в. extr.)].

в) -jo- (-ju-, -je-, -ji- = -ja-, вѣроятно означавшее первонач. „идти"; ср. §§36, 2.; 37, 3. α, ниже II, 2.5. и 6; 39. и пр.), котораго j утрачивается передъ -i-, -e- (§21, 4. е.), слѣд. вездѣ, кромѣ 1sg. и 3pl., гдѣ оно сохраняется въ видѣ -i- (§23. ж.), напр. cap-io-, jac-i-s (вм. *jac-ji-s), fug-i-mus, mor-iu-ntur; fei-ō, fīō со страд. знач. — Подобные глаголы суть: cup-iō, rap-iō, sap-iō; fac-iō, -lac-iō, -speciō; fodiō, quat-iō; pariō; grad-io-r, patior (16). Иногда исчезаетъ j и въ 1sg. и 3pl.; такъ въ erō = *esiō съ буд. знач. и въ произв. отъ сущ. основъ на -u- (§37, 3. б.), напр. statu-o-, metu-i-s, acu-u-nt (вм. *statu-jo-, *metu-ji-s, *acu-iu-nt); наконецъ, оно можетъ быть сохраняется въ видѣ второго l въ словахъ pel-lō (вм. pel-jō, ср. грч.), percel-lō, tol-lō и т. п. — (Сюда же относятся и произв. 1го разряда (I, 2-4 спр.), а нерѣдко и сливается съ 4мъ спр., напр. ore-ris и adortīris, cupīvī, иногда morīrī и пр. §37, 2. прим.). [Въ грч. является это -ja- въ разныхъ видахъ: α) въ видѣ -io-, какъ и въ лат., напр. δα-ίο-μαι дѣлю отъ √δα; äол. φυ-ίω рождаю; β) переносится -ι- внутрь корня, оканчивающагося на ν, ρ и (въ видѣ исключенія) λ, напр. τείνω тяну (отъ √τεν), πείρο-μεν сверлимъ (√περ), ὀφείλω я виноватъ, но γ) обыкн. послѣ λ- ассимиляція, напр. ὀφέλ-λω умножаю (а у Гомера я виноватъ); δ) съ нѣмыми зубными и гортанными сливается j въ ζ, σσ; напр. ὄζο-μεν пахнемъ (√οδ), τάσσε-τε устраиваете (√ταγ); ε) исчезаетъ, какъ и въ лат., напр. атт. φύω = äол. φυίω и въ произв. отъ сущ. осн. на -υ-, напр. μεθύ-ω вм. *μεθυ-ίω. — Въ слав. -jo-, -je- весьма часто, напр. зна-je-ши, бi-je-мъ и пр.; пише-те вм. *пис-je-те отъ √пис (также въ произв.: дѣла-je-ши и т. д.) Есть еще удвоенный кор. + jo-, напр. де-жде-ть (гдѣ жд есть смягченіе изъ дj; см. §23. д., слѣд. вм. *де-дje-ть отъ √де), а также корень съ инф. н + jo- въ (объ-)рящете-ть = *(об-)рат-je-тъ].

г) -sco- (-scu-, -sce-, -sci- = -sca-), которымъ образуется präs. основа начинат. глаголовъ какъ отъ производныхъ такъ и отъ первичныхъ глагольныхъ основъ (которыя теперь получаютъ значеніе вторичныхъ, см. §37, 3. б.) — Многіе утратили начинат. значеніе и затемнили собою своихъ родителей; въ poscō, mi-s-cō (вм. *mig-scō), отчасти въ dī-scō суфф. -sco- срос(л)ся съ корнемъ. Въ nanci-sco-r суфф. -sco- приставленъ къ основѣ nancī- (ср. гл. nanctus) отъ √nac, усиленнаго инфиксомъ -n-; въ устар. глаголахъ frūni-sco-r и con-quī(s)-ni-scō есть два präs. суфф. -ni- и -sco- [Въ грч. приставляется и къ удвоенному корню: γι-γνώ-σκο-μεν = (g)nō-sci-mus]. — Больше, см. §37, 3. в.

д) -to- (-tu-, -te-, -ti- = -ta-) — дов. рѣдко, и обыкн. послѣ гортанныхъ: pec-ti-s, nec-ti-mus, plec-ti-tis, flec-tu-nt; послѣ t: mit-ti-t; послѣ n: (g)nī-to-r. [Въ грч. обыкнов. послѣ губныхъ, напр. τύπ-το-μεν бьемъ и пр.].

е) -do- (-du-, -de-, -di- = -da-) въ лат. приросло къ корню, т. е. изъ praes. перешло въ прочія формы, напр. ten-di-s (но и pf. te-tendī и т. д. отъ √ten), fen-di-t [въ грч. ему соотвѣтствуетъ -θο-, напр. πλή-θο-μεν наполняемъ; въ слав. -до-: и-дѫ, и-де-мъ отъ √i; есть и съ инф. -н-: бѫ-де-ть съ будущ. значеніемъ отъ √бу, бѣ].

II. Эти основы, принявъ эстатичные и личные суффиксы, становятся глагольными формами.

1. Praesens indicātīvī — примыкаютъ только личные суфф. (см. §§36.5. и 38, I. 1-3) — безъ модальныхъ и темпоральныхъ. — Но 1 л. единств. ч. такъ просто образуется въ лат. яз. только въ 2хъ глаг.: s-u-m = es-u-m (съ соедин. гл. вм. *es-mi) и in-qua-m; всѣ остальные оканчиваются на -ō, т. е. такъ какъ всѣ präsentныя основы, оканчивающіяся на -o- (-no- и т. д.; см. выше I, 3.), — а также огромное большинство — удлиняютъ, какъ сказано, въ 1 л. это -o въ -ō, а послѣ него личный суффиксъ (-mi или -m) вездѣ утраченъ; то это -ō рано получило значеніе окончанія 1го л., такъ что его приняли и безсуффиксныя (коренныя, см. выше I, 2) основы. Подобнымъ же образомъ и во 2. и 3. л. ед. ч. суфф. -i- (= -o) усиливалось первоначально въ -ei, -ī- (см. выше I, 2. в. грч.), но потомъ вездѣ сократилось въ -i-. Иногда и въ 1 л. -ō- сокращалось, т. е. было ирраціональнымъ (§16 и 25, I, 5. б.). Такимъ образ. отъ суффиксныхъ основъ (I, 3. = 3ье спр.): legō, иногда legŏ (= *legō-mi), dīcō, fingō (вм. *fīcō = fīgō), tangō, dignō; linō; (g)nō-scō; pec-tō; tendō; capiō, metu-ō; а по ихъ образцу и коренныя (I, 2): ed-ō, vol-ō, fer-ō; serō, sistō, bibō; далѣе произв. 1го разр. (I, 1. б. б.): audiō (= *aud-ijō-m(i)) (4е спр.), а по аналогіи съ ними коренн. (I, 2. б.) e-ō вм. *ei-ō или *īō (ассим. и сокращ. §19, 2. а. α. и 18, 3., 19, 1., 24, г.), также que-ō; 2е спр.: moneō (вм. *monejō-m(i)) и по этой аналогіи fle-ō, ne-ō, ple-ō; cieō (и ciō); 1е спр. vocō изъ *vocaō (= *vocajō-m(i), ср. грч. (ὑμν)άω), amō (= *amaō съ синэресью §18, 1. в. и 19, 1. а), а по ихъ образцу и коренные на -a- и -ā-, какъ-то: dō (*daō), stō (= *stā-ō) и пр. — Впредь мы будемъ приводить примѣры въ порядкѣ, означенномъ въ I, 1, т. е. коренные (но тѣ изъ нихъ, которые слѣдуютъ аналогіи прочихъ, или вовсе не приводятся, или распологаются по слѣдующимъ группамъ), суффиксные (3е спр.) и произв. съ осн. на -ā- (1е), -ē- (2е) и -ī- (4е спр.). [Въ грч. коренныя основы и нѣкоторыя съ суфф. -νυ- и -να- сохраняютъ древнее окончаніе -μι, непоср. примыкающее къ основѣ, а гласн. суфф. и т. д. (часто и корень) въ ед. ч. удлиняются; так. обр. εἶ-μί есмь; εἶ-μι иду; δί-δω-μι, τί-θη-μι, ἵ-στη-μι, δίδω-μι и т. д. (I, 2), δάμ-νη-μι, δείκ-νῡ-μι и т. п. (I, 3. б.); прочіе

оканчиваются на -ω, которое произошло такимъ же образомъ, какъ въ лат., нпр.: λέγω = *λέγω-μι, φεύγω, πί-νω, βόσκω (pasco), τύπτω, πλήθω, μεσόω (= *medio), ὄζω (= *ὄδjω-μι) и т.д.; произв. 1го разр. τῑμάω (= *τῑμάjω-μι, какъ *amaō и т.д.), φιλέω, δουλόω, μηνίω и пр., которые, спрягаясь вполнѣ какъ прочие на -ω, кромѣ того могутъ стягиваться (verba contracta), за исключ. глаг. на -ίω, а потому впредь мы будемъ приводить ихъ только въ стянутой формѣ: τῑμῶ, φιλῶ, δουλῶ. — Въ слав. оканчиваются на -мь коренные jес-мь, ѣдь-мь, вѣдь-мь, дадь-мь и одинъ произв.: има-мь. Въ остальныхъ отъ личн. суфф. осталось только слабое -м, которое съ предшест. усиленнымъ гл. изображается чрезъ -ѫ (-ѭ), нпр. везѫ = *везо-мь или *веза-мь = лат. *vehō-mi; также сѧдѫ, деждѫ = *дедjѫ = де-дjѫ-мь, пишѫ = писjѫ (§23, д.), произв.: дѣлаjѫ, бѣлѣjѫ, морѭ и т.д. — Въ русск. -мъ въ есмь, -м (какъ в sum) въ ѣм и дам (2е съ буд. знач., а есмь почти не принадл. русскому яз.), въ остальныхъ -у (-ю) изъ -ѫ (-ѭ), т.е. носовой звукъ исчезъ какъ въ лат. и греч.: везу, дѣлаю, пишу, морю (въ польск. частью сохран. -м, нпр. znam, частью оканч. на ę = ѫ, нпр. wezę, или ę = ѧ вм. ѫ, нпр. piszę, но и тутъ носовой звукъ теперь слабо слышится, т.е. готовится исчезнуть).

2. sing. -s присоединяется непоср. къ основѣ: e-s, др. ē-s = *es-s (§21, 3. б.), а иногда, особенно послѣ глас., и просто -s (нпр. quid meritu's? Ter. Andr. 621. Fleck.), ē-s (= *ēd-s §21, 4. a.), fer-s, vī-s (вм. *vil-s изъ *vol-s, ибо сочетание ls было невозможно, см. §§20., 21, 3. б. и выноску на стр. 69), in-qui-s, ī-s; удлиненное a и въ dā-s, stā-s и т.д. — Суфф. -i-, -ni- и т.п. (= o, na и пр.) сначала усиливались въ ei, ī, но потомъ вездѣ сократились, такъ что 2е л. въ 3 спр. оканч. на -is (въ нпр. нѣкот. нар. нарѣч. иногда на -es), нпр. legis (= *legē-s) по этому образцу и ed-i-s; capis = *cap-ji-s = *cap-jī-s; произв. amā-s, monē-s, audī-s (вм. *amajī-s и т.д.), а согласно съ ними и flē-s и т.д.; иногда и въ произв. вопросит. выраженіяхъ и даже утрачивается -s: vidēn (= vidēs-ne), audīn (= audīs-ne) и т.п. — [Грч. -си: гл. на -μι: нпр. τί-θη-σθα; др.-ион. и дор. ἐσ-σί отъ √ес, сокращ. εἶ = es, а εἶ-σθα отъ √ι = ī-s, но въ атт. εἶ = es и ῑs; обкн. -ς: δίδω-ς, τί-θη-ς, ἵστη-ς и т.д.; въ гл. на -ω конечный звукъ основы -ε- (-o) передъ -ς усиливается въ ει; нпр. λέγει-ς, τύπτει-ς, μεσόει-ς (вм. *μεσοϝjει-ς), ὄζει-ς (= *ὀδ-jει-ς); произв. τῑμᾷ-ς, φιλεῖ-ς, δουλοῖς. — Слав. въ 4хъ коренныхъ -си: jе-си (вм. *jес-си), ѣдь-си, вѣдь-си, дадь-си (съ буд. знач.); въ остальныхъ -ши: има-ши, везе-ши, сѧде-ши, знаjе-ши, пише-ши, дѣлаjе-ши, бѣлѣjе-ши, мори-ши. Въ рск. вездѣ -ш (пишется: -шь), нпр. ѣ-ш, да-ш, сяде-ш и т.д.; на мѣстѣ -е- (-jе) съ удар. сохраняется болѣе древняя форма о- (jо-), но пишется -е-, нпр. везо́ш, по-jо́-ш (пишется везе-шь, поешь)].

3. sing. - прибавляется вездѣ -t къ обыкновенной или усиленной основѣ, какъ во 2мъ л. -s; только долгие звуки передъ -t сократились (§§18, 3. и 25, III.) въ класс. языкѣ, но въ болѣе древнемъ оставались долги. Нпр. es-t, послѣ глас. 's-t отъ √es и es-t вм. *ēd-t (но также ed-i-t) отъ √ed; fer-t, vol-t, позднѣе vul-t, inqui-t, ei-t, ī-t, класс. i-t, da-t, fle-t; legi-t, capi-t (вм. *capjit); произв. amat (= *amaji-t = *amaī-t), monē-t, audī-t (въ класс. вр. почти всегда кратки, но въ passiv. сохраняется долгота: amāt-ur и т.д.; см. §41, 1. a.). [Грч. -τι только въ ἐσ-τί, во всѣхъ прочихъ глаголахъ на -μι оно ослабѣло въ -σι (§23. д. и 36, 5. д.): δί-δω-σι, τί-θη-σι, ἵ-στη-σι и т.д.; глаг. на -ω въ дор. также имѣютъ -σι, въ эол. только -ς, а въ атт. личный суфф. вовсе утраченъ; а остаточное -ε- усиливается въ дор. и эол. въ η, въ атт. въ ει, нпр. дор. λέγη-σι, эол. λέγη-ς, атт. λέγει; λύει, ὄζει и т.д.; contr.: τῑμᾷ, φιλεῖ, δουλοῖ и т.д. — Слав. -ти въ сѧ-ти (in-qui-t), обкн. -ть, также почти прилипающее къ основѣ, какъ суфф. 2го л.; по этому jес-ть, ѣс-ть (= *ѣд-ть), вѣс-ть, дас-ть, има-ть; везе-ть, знаjе-ть, дѣлаjе-ть, бѣлѣjе-ть, мори-ть и пр. — Въ рск. -ть только въ jесть (пишется есть и въ malor.), обкн. -т: дѣлает (ъ) и т.д.]

Plur. Во мн. ч. конечный гл. звукъ основы не усиливается; лишь изрѣдка, какъ въ лат. ī-re, усиленія изъ единств. ч. перешли и сюда (здѣсь основа не усиливается потому, что окончанія тяжелѣе чѣмъ въ sg.).

1. -mus: послѣ согл. основъ вставляется соед. гл.: s-u-mus (вм. *es-mus). (Августъ и нѣкоторые другіе говорили si-mus), ed-i-mus (вм. болѣе древн. ed-u-mus), vol-u-mus, fer-i-mus; эта соед. гл. возникла по аналогіи съ остат. -u-, позднѣе -i- = -o- 3й спр.: legi-mus, veli-mus; далѣе, capi-mus = *capji-mus; коренные: in-qui-mus, dā-mus, ī-mus, qui-mus, stā-mus и т.д.; произв. amā-mus, monē-mus, audī-mus и т.д. — Архаичное quaesu-mus (quaes-ō) и въ класс. яз. рядомъ съ quaeri-mus (quaerō), но съ инымъ значеніемъ. — [Грч. дор. -μες, нпр. ἐσ-μές; въ друг. діал. -μεν (вм. ς приросло эфелкус. ν): ἐσ-μέν, ἴ-μεν, δίδο-μεν, τίθε-μεν, ἵ-στα-μεν; λέγο-μεν, λύο-μεν; τῑμῶ-μεν, φιλοῦ-μεν, δουλοῦ-μεν. — Слав. -мъ: jес-мъ, ѣдь-мъ, вѣ-мъ, да-мъ; има-мъ; везе-мъ; знаjемъ, дѣлаjемъ, мори-мъ и т.д. — Въ рск. -м, но отъ √ес вовсе нѣтъ, а глаголы отъ корней ѣд, вѣд, дад, или приняли форму произв. ф.: ѣди-м, вѣдаjем, дадим и даjо́м (пишется: даемъ), пишем; везо́м, дѣлаjем, морим и т.д.]

2. -tis: es-tis отъ корней es и ed (но и ed-i-tis), fer-tis, vol-tis и vul-tis; in-qui-tis, ī-tis, da-tis, stā-tis; legi-tis, capi-tis; произв.: amā-tis, monē-tis, audī-tis и т.д. [Грч. -τε: ἐσ-τέ, ἴ-τε, δίδο-τε, τίθε-τε, ἵστα-τε; λέγε-τε, λύε-τε; τῑμᾶ-τε, φιλεῖ-τε, δουλοῦ-τε и т.д. — Слав. -те: jес-те, ѣс-те, вѣс-те, дас-те (вм. *ѣд-те и т.д.); има-те, везе-те, знаjе-те, дѣлаjе-те, мори-те и т.д.; рск. -те, см. 1. pl.: ѣд-и-те, вѣдаjе-те, дади-те и даjо́-те, везо́-те (пишется: даете, везете) и т.д.

3. -onti есть въ tremo-nti (carm. saliar.); далѣе: -ont или -o-nt, s-ont, особ. послѣ u, v (§19, 2. б.); vīvo-nt, confluo-nt и т.п.; обыкн. -unt, (-u)-nt: s-unt, ed-unt, fer-unt, vol-unt; in-qui-unt, e-unt (вм. *ei-unt или *ī-unt, ср. 1. sg. eō), que-unt; da-nt, stā-nt, flē-nt и т.д.; legu-nt, capiunt, fiu-nt, amā-nt, monē-nt, audi-unt (вм. audī-unt) и т.д. [Грч. дор. -αντι, -ο-ντι: ἐν-τί (= δοοδ дор. ἐ-ντί) Sunt = ἐσ-ντι; ἴ-ᾱσι eunt = дор. *ἴ-αντι; διδό-ᾱσι, дор. -αντι, διδό-ντι, τιθέ-ᾱσι, ἱστᾶ-σι (= *ἱστά-ᾱσι); λέγουσι = дор. λέγο-ντι, λύουσι и т.д.; contr.: τῑμῶ-σι, φιλοῦ-σι, δουλοῦ-σι. — Слав. -ѫть, -ѧть: с-ѫть; ѣдѧть, вѣд-ѧть, дад-ѧть; имѫть, везѫть, знаjѫть, дѣлаjѫть, морѧть (вм. *морjѫть) и т.д. — Русск.: -ут въ с-ут и въ обл. нарѣч.; обкн. -ут (-ют): -ат (-ят): везут, знают, лежат, морят, ѣдят].

[Duāl. 1ое л. въ греч. нѣтъ; вм. него — 1 pl.; въ слав. -вѣ, позднѣе -ва для муж. р. и -вѣ для ж. и ср.: jес-вѣ (или jес-ва m., jес-вѣ f. n.), вѣ-вѣ, вѣдѣ-вѣ, да-вѣ; дѣлаjевѣ, моривѣ; везевѣ и т.д. — 2. и 3. не различаются ни въ греч., ни въ слав.: ἐσ-τόν, ἴ-τον, δίδο-τον, τίθε-τον, ἵστα-τον; λέγε-τον, λύε-τον; τιμᾶ-τον, φιλεῖ-τον, δουλοῦ-τον; слав. -те (позднѣе -та m., -тѣ f. n.): jес-те (или jес-та, jес-тѣ), вѣс-те, вѣс-те, дас-те (вм. *дад-те и т.д.); везе-те, знаjе-те; дѣлаjе-те, мори-те (или мори-та, мори-тѣ) и т.д.].

2. Praes. Conj. образуется въ лат. яз. поср. -ā-, а optativ поср. -iē-, откуда -ē- и -ī- (а -iē- произошло, какъ сказано, § 36, 2., изъ -iā-; это -ia- сохраняется въ умбр. *portaia(t) и въ гр. aor. opt. напр. λύσειa-ς); но въ лат. яз. оба эти наклоненія вполнѣ слились, т.е. одни глаголы сохранили opt., а другіе conj., утративъ другое наклоненіе и вполнѣ слившись значеніемъ обоихъ. — Opt. сохраняется въ др. формахъ siē-m, siē-s, sie-t, sint-nt (вм. *es-iē-m и т.д.), позднѣе s-ī-m, s-ī-s, s-ī-t, sī-mus, sī-tis, s-ī-nt (гдѣ долгій звукъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, сократился по общему правилу передъ согл. въ концѣ, т.е. въ 1. и 3. sg.); далѣе velim (nōlī-s, māl-i-t и т.д.) и въ арх. формахъ ed-i-m, crēdu-i-m, du-i-m (= *da-ī-m, позднѣе dem), которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаются и въ класс. яз. (напр. dī te perdu-ī-nt!). — Обыкн. же въ класс. яз. opt. сохраняется только въ sim, velim (со сложными), гдѣ видимъ звукъ -ī-, и во всѣхъ глаг. съ осн. на -a-, -ā- (т.е. 1ое спр., какъ кор., такъ и произв.), гдѣ является звукъ -ē- = *-aiā-; напр. sg. 1. de-m вм. dē-m (= *da-ī-m = *da-iē-m = *da-iā-m), 2. amē-s, 3. portē-t (умбр. porta-ia-(t)); pl. 1. amē-mus, 2. stē-tis, dē-nt и т.д. — Всѣ остальные глаголы имѣютъ Conj., а opt. или совсѣмъ утратили (основы на -ē-) или употребляютъ вм. fut. [почему?] (см. нижe 6); Sg. 1.: edā-m (въ стар. такжe opt. ed-ī-m; позднѣе opt. edē-m = fut.), ferā-m, 2. edā-s, e-ā-s (вм. *ī-ā-s, ср. 1. sg. и 3. pl. ind.); 3. legā-t, capiā-t. Plur. 1. moneā-mus, fleā-mus, 2. audiā-tis, 3. crēda-nt (въ стар. и opt. crēdu-int), audiā-nt и т.д. [Въ позд. нар. народ. оказалась потребность, см. § 37, 1. расширить sim, sīmus и т.д. въ siam, siāmus и пр., откуда итал. sia, siāmo, фр. soyons и пр.].

[Гр. сохраняетъ оба наклоненія: conj. съ перв. суфф. (т.е. какъ въ praes. ind. глаголовъ на -ω), а opt. — со вторичными. — Въ Conj. -ā- измѣнилось въ -ω- во всѣхъ лицахъ коренныхъ глаг., конецъ корня = основы окончанія на -o, напр. sg. 1. διδῶ, 2. διδῷς, 3. διδῷ; pl. 1. διδῶ-μεν, 2. διδῶ-τε, 3. διδῶ-σι; duāl. 1. = 1. pl.; 2. 3. διδῶ-τον; въ остальныхъ глаг. въ 1. sg. и 1. и 3. pl. -a- измѣнилось въ -ω-, въ прочихъ формахъ — въ -η-. Напр. Sg. 1. ἐσ-ω, ἔω (вм. *ἐσ-jω-μι, но у Гом. -μι еще иногда сохраняется въ conj., напр. ἐθέλω-μι velim), атт. ὦ (sim), гдѣ корень совсѣмъ исчезъ; ἴω eam; τιθῶ, ἱστῶ; λέγω, λύω (какъ praes. ind.); τιμῶ, φιλῶ, δουλῶ. — 2. ᾖς, ἴ-ῃς eās; τιθῇ-ς, ἱστῇ-ς; λύῃ-ς; τιμᾷ-ς, φιλῇ-ς, δουλοῖ-ς. — 3. ᾖ sit, ἴ-ῃ eat; τιθῇ, ἱστῇ; λύῃ; τιμᾷ, φιλῇ, δουλοῖ. — Plur. 1. ὦ-μεν (гом. ἔωμεν sīmus), ἴ-ωμεν eāmus; τιθῶ-μεν, ἱστῶ-μεν; λύω-μεν; τιμῶ-μεν, φιλῶ-μεν, δουλῶ-μεν. — 2. ἦ-τε sitis, ἴ-η-τε eatis; τιθῆ-τε, ἱστῆ-τε; λύη-τε; τιμᾶ-τε, φιλῆ-τε, δουλῶ-τε. — 3. ὦσι (дор. ἔ-ωντι sint), ἴ-ωσι eant; τιθῶ-σι, ἱστῶσι; λύωσι, τιμῶσι, φιλῶσι, δουλῶσι. — Duāl. 2. 3. ἦτον, ἴητον; τιθῆ-τον, ἱστῆ-τον, λύη-τον; τιμᾶ-τον, φιλῆ-τον, δουλῶ-τον. — У Гомера есть еще древнія формы съ кор. ο = α, напр. ἴο-μεν eāmus, въ параллель съ praes. ind. ἴ-μεν ī-mus, и пр. — Optat. Глаг. на -μι сохраняютъ болѣе древнюю форму, т.е. модальный суфф. -ιη- (= лат. -iē- = -iā- или -jā-) со вторичн. личными суфф.; напр. sg. 1. εἴη-ν (вм. *ἐσ-ιη-ν = лат. (e)s-iē-m), также τιθε-ίη-ν, διδο-ίη-ν, ἱστα-ίη-ν; 2. εἴη-ς и т.д.; 3. εἴη и пр.; pl. 1. ε-ἴη-μεν и сокр. εἶ-μεν (ср. sī-mus изъ *es-iē-mus) и пр.; 2. ε-ἴη-τε или εἶ-τε (sī-tis), 3. ε-ἴη-σαν и εἶ-εν (siēnt = sint) и т.д. Duāl. 2. εἴη-τον и εἶ-τον; 3. εἰή-την и εἴ-την и пр. — Глаголы на -ω имѣютъ менѣе древнюю форму, т.е. мод. суфф. -ι- (= -iā- = -jā-) съ личн. суфф. въ 1 sg. -μι (взятымъ изъ изъявит. накл., которое его утратило, напр. λύο-ι-μι (но иногда встрѣчается и втор. суфф. -ν, напр. τρέφοιν alam или alerem), а въ прочихъ лицахъ и числахъ съ обычными втор. суфф., напр. sg. 2. λύο-ι-ς, 3. λύο-ι; pl. 1. λύο-ι-μεν, 2. λύο-ι-τε, 3. λύο-ι-εν; duāl. 2. λύο-ι-τον, 3. λυο-ί-την. Но произв. гл. (v. contr.) рядомъ съ новою формою сохраняютъ и древнюю, напр. sg. 1. τιμῷ-μι, φιλοῖ-μι, δουλοῖ-μι рядомъ съ болѣе древн.: τιμῴη-ν, φιλοίη-ν, δουλοίη-ν; sg. 2: τιμῷς, φιλοῖς, δουλοῖς рядомъ съ τιμῴης, φιλοίης, δουλοίης и т.д. — Въ слав. сослаг. накл. совсѣмъ исчезло и выражается (въ условн. знач.) лишь посред. прич. и аор. отъ √бы, т.е. бых, бы и т.д.; отсюда въ русск. частица бы — я сдѣлалъ бы (для всѣхъ временъ); а желат. употр. въ значеніи повел. (см. ниже)].

3. (Pr.) Imperat. Къ прäз. основѣ примыкаютъ личные суффиксы въ зват. п. Въ лат. яз. двѣ формы: простая и усиленная: въ 1ой суфф. сокращается, а въ ед. ч. 6. ч. и совсѣмъ утраченъ; во 2ой — онъ усиленъ, какъ слѣдствіе напора, настойчивости, внушительности. Въ простой формѣ (т. наз. imp. pr.) есть только 2ое л.; въ усиленной (т. наз. imp. fut.) — 2ое и 3. ед. и мн. ч. — Простая форма: Sg. 2. — суфф. -s сохраняется только послѣ корня въ e-s будь (вм. *es-s) и ē-s ѣшь (вм. *ed-s; новѣе ede), далѣе въ carm. fr. arv. (§ 11. a) sin-s и въ др. формахъ, послѣ суффиксальной основы prō-spice-s; наконецъ на нее же указываетъ и fer вм. *fer-s (*). Обыкн. же -s утрачено, такъ что остается просто прäз. основа; ī, seve; обыкн. ослабленная суфф. e-o: lege, sine, cape (= *capie) и т.д.; произв. amā (а по этому образцу и dā, stā), monē (flē), audī. — Уже въ древн. яз. -ē, реже -ā и -ī стали сокращаться въ двусл. imper. съ короткимъ кореннымъ слогомъ (т.е. короткій, но высокій слогъ составилъ такую противоположность съ долгимъ, но низкимъ, что послѣдній сократился), напр. cavĕ, manĕ, valĕ, tacĕ, vidĕ и т.д.; amă, pută, rogă; abĭ, adĭ, redĭ, venĭ, порожденіе и въ другихъ случаяхъ, напр. salvĕ (1. ч. dobro: cavē и т.д.). — Отпад. -e (т.е. звук.) отпало въ dīc, dūc, fac, inger (вм. dīce и т.д.). — Plūr. 2. — -te къ корню: es-te отъ √es и ed (но и edi-te), fer-te, can-te (въ carm. sal.); dā-te, stā-te, ī-te, flē-te; seri-te; legi-te, edi-te, cani-te, sini-te; dūcite, dīcite, facite (и dūc-te и т.д.) capite; amā-te, monē-te, audī-te.

— Усиленная форма: 2. 3. sg. -tōd (въ др. яз.), обыкн. -tō — къ корню: es-tō (d) отъ √es и ed (и editō), fer-tō, da-tō, ī-tō; къ суфф. осн.: legi-tō, cani-tō, dūci-tō; capi-tō (= *capji-tō); amā-tō, monē-tō, audī-tō. — 2 pl. -tōte: es-tōte (отъ es и ed, но и edi-tōte), fer-tōte; legi-tōte, dīci-tōte, capi-tōte, faci-tōte; amā-tōte, monē-tōte, audī-tōte. — 3 pl. suntō(d), feru-ntō, eduntō, leguntō, dūcuntō, dīcu-ntō, seruntō, capiu-ntō, da-ntō, amā-ntō, moneuntō, audiuntō. [(*) См. на слѣд. стр.]

– Усиленная форма (sing. 2 и 3 –tōd) es-tō(d) отъ корней es и ed (но и ed-i-tō), fer-tō(d), da-tō, ī-tō; legi-tō, capi-tō (= *capji-tō); amā-tō, monē-tō, audī-tō (-d уже въ началѣ 2го в. до Р.Х. почти вышло изъ употребленія, но сохранилось въ юридич. языкѣ). – Plur. 2.: -tōte: es-tōte отъ корней es и ed, fer-tōte, da-tōte, ī-tōte; legi-tōte, capi-tōte; amā-tōte, monē-tōte, audī-tōte. – 3. -(o)ntōd; (u)ntō: s-untō(d), feruntō, edu-ntō, leguntō, capiu-ntō; e-untō (ср. praes. ind. e-ō и e-unt); da-ntō; amā-ntō, monē-ntō, audiu-ntō и пр. (+)
– Интересную особенность представляетъ глаголъ nōlo, именно смѣсь желат. накл. съ повелит.; sg. 2. nōlī есть optat. вм. nōlī-s съ утратою s по аналогіи audī, salī, monē и т. д. (ср. тоже слав. вези и т. п.); по той же аналогіи основа жел. накл. nōlī- приняла императивные личные суффиксы -tō(d), -te, -tōte: 2. 3. sg. nōlī-tō; 2. pl. nōlī-te и nōlī-tōte; наконецъ въ 3 plur. есть дѣйствит. imper.: nōlu-ntō. [Гр. Sg. 2. въ глаг. на -μι частью -θι какъ ἴσ-θι, будь, ἴ-θι иди, обкн. же -θι отпало, а передъ нимъ гл. зв. удлиненъ, напр. δίδου (у Гом. есть Од. III, 380: δίδω-θι), ἵ-στη, τί-θει; въ глаг. на -ω суффиксъ, какъ и въ лат., утрачивается безъ слѣда: λέγε (= *λεγο), λῦε; τίμα (ср. amā), φίλει, δούλου. – 3. -τω(τ) какъ и въ лат.: ἔσ-τω(τ), ἴ-τω; διδό-τω, τιθέ-τω, ἱστά-τω; λεγέ-τω, λυέ-τω; contr. τιμά-τω, φιλεί-τω, δουλού-τω. – Plur. 2.: -τε (какъ въ лат.): ἔσ-τε, ἴ-τε; δίδο-τε, τίθε-τε, ἵστα-τε; λέγε-τε, λύε-τε; τιμᾶ-τε, φιλεῖ-τε, δουλοῦ-τε. – 3. дор. -(ό)ντω, атт. съ прирощеніемъ эфелк. ν: -(ο)ντων или -τω-σαν (= 3. sg. -τω + 3. pl. ind. (ἔ)σ-αν(τ)), наконецъ и -των; напр. дор. ἐ-όντω (вм. *ἐσ-όντω), атт. ὄντων (√ες утраченъ), также ἔσ-τωσαν и ἔσ-των; ἰ-όντων; διδό-ντων, τιθέ-ντων, ἱστά-ντων; λυό-ντων; τιμώ-ντων, φιλού-ντων, δουλού-ντων. – Dual. 2. ἔσ-τον, ἴ-τον, δίδο-τον, τίθε-τον, ἵστα-τον; λύε-τον и т. д., 3. -των: ἔσ-των, τιμά-των и т. д. – Въ слав. (какъ сказано выше, 2) желат. вм. повел., а потому имѣетъ и 1 л. мн. и дв. ч. – Sg. 2. 3. – вторичные суффиксы лицъ -с, -т должны были отпасть по законамъ слав. яз. (§ 20 кон. и § 21, 3. б.), слѣд. оставалась только основа жел. накл., а потому 2. и 3. лице стали сходны (ср. impf. и aor.); они оканчиваются на -и, -ѣ, -й (= -ѣ = лат. -ē, -ī = -iē = -iā, также вм. -ai, -aia), напр. коренные: даждь (= *-дад-jь = *dadjā-), вѣждь, ѣждь; первообр. суффиксные, напр. вези (= *везѣ, ср. дв. и мн. = лат. noli = лат. opt.-fut. vehē-), бѫди, пиши; произв. на -и: мори, хвали; перв. и произв. на -а-, -ѣ- имѣютъ -й: зна-й, дѣла-й, бѣлѣ-й (въ русск. и только съ удар.: вези, мори; въ прочихъ -ь или -й: будь, да-й, зна-й) или и совсѣмъ утрачено: ѣжь. – Такъ какъ эти формы суть только основы желат. накл., которыхъ личные суффиксы -и, -с, -т должны были отпасть, то мы видимъ, что та форма, за которой преимущ. усвоено значеніе повел. накл. 2го л., употребляется отчасти и вм. 1 и 3 л. ед. ч., напр. „знай я“, „не будь на то господня воля“, а изрѣдка даже и вм. мн. ч. всѣхъ лицъ). – Слав. plur. 1. дади-мъ; везѣ-мъ; мориимъ; пишѣмъ; дѣла-и-мъ. – 2. вѣди-те; бѫдѣ-те; хвали-те; знай-те. – Dual. 1. вѣди-вѣ, пишѣ-вѣ, бѣлѣи-вѣ. 2. 3. дади-та; везѣта; морита; дѣлаита].

4. Imperfectum indic. образовано въ лат. яз. самостоятельно (т. е. по отдѣленіи отъ другихъ арійскихъ языковъ) и двумя способами – отъ общей präsентной основы: а) посред. суфф. -ā- – только отъ √es: es-ā-m, потомъ er-a-m, er-ā-s, er-ā-t, er-ā-mus, er-ā-tis, er-a-nt. б) во всѣхъ остальныхъ глаголахъ посред. болѣе юной приставки -bā-m, -bās, -bāt, -bā-mus, -bā-tis, -ba-nt, что есть, по всей вѣроятности, сокращеніе изъ *fuām (ср. § 23, б.), т. е. утрач. impf. отъ √fu (не смѣшивать это *fuām съ сохранившимся сослаг. fuam, § 40 (см. §§ 36, 6. и 37, 1.). Это -bām примыкаетъ непоср. къ основамъ производныхъ глаголовъ на -ā- и -ē- (amā-bam, monē-bās и т. д.) и коренныхъ на -ā-, -a-, и -ī- (stā-bat, da-bāmus, ī-bātis, quī-bant), а съ удлиненіемъ -ī- (по аналогіи съ ī-bam и quī-bam) также къ in-quī- (in-quī-bam); въ старину же, а иногда и въ классич. время и даже позднѣе, и къ произв. на -ī-: audī-bam, scī-bās, servī-bat и т. д. – Но глаголы 3го спр., по аналогіи производныхъ, въ особ. 2го спр., удлинили свое безтематичное -ĕ- (= -e-) въ -ē- (legē-bās, capiē-bat), а за ними и глаголы 4го спр. по образцу 3го (особ. глаголовъ на -iō) получили неорганическую вставку -ē-; отсюда audiē-bam, sciē-bās и т. д., а по ихъ примѣру и in-quiē-bat. (Въ позднѣйш. народныхъ нарѣч. -ba- ослабѣло въ -va (§ 13, 7. и 23. д.); отсюда и т. cantava, фр. chantai-s). (ср. гр. imp. aor. δος и т. п., § 40).

(+) Что fer есть вм. *fers, а не *fere (т. е. произошло не такъ, какъ dīc, dūc, fac), видно какъ изъ того, что вовсе не встрѣчается *fere (хотя въ древн. яз. было нерѣдко dīce, dūce, face), такъ и изъ повел. формъ fer-te, fer-tō и fer-tōte (хотя всегда dīci-te, dūci-tō, faci-tōte и т. д.), такъ наконецъ и изъ другихъ формъ (fers, fer-t, ferris, fer-re и пр.), показывающихъ это слово еще въ безсуффиксномъ состояніи (а что fer-s, fert не произошли изъ feris, ferit, это ясно доказалъ M. B(réal?) въ Rev. Crit. 1872, № 13). – Это правъ Фрестъ и слѣд. Бергкъ Филологъ (p. 305. M.), приводящій prospices какъ imper., а не Корссенъ, по мнѣнію котораго это „eine alte Optativform sein kann“ (II, 474 и 730) видно уже изъ того, что нѣтъ въ лат. яз. и слѣдовъ глаг. *prōspicāre (онъ совершенно напрасно измѣнилъ свое мнѣніе, высказанное въ 1мъ изд. Ausspr. etc. I, 338. и даже во 1мъ т. 2го изд., стр. 286). – Что sīns не можетъ быть ни sināʼs или sinās, sinīs (какъ объясняли со времени Ланци и что повторяетъ даже Mommsen въ Corp. Inscr. Lat. I, 8 sq. и Röm. Gesch. I⁴, 225), ни sīveris (sers, какъ думалъ иногда Corssen въ Origg. и въ 1 изд. Aussp. II, 26. 51), это ясно уже изъ того, что несомнѣнная и въ позднѣйшее время утрата характеристич. -ā-, -ē-, -ī- абсолютно не можетъ быть допущена для древнѣйшаго времени. Корссенъ во 2мъ изд. Aussp. I, 568. сталъ въ тупикъ передъ этою формою и отказался даже отъ предположеній. Сторону объясненія Ланци (и Моммзена) послѣдовалъ и проф. Модестовъ въ „Рим. Письм.“ 1868, стр. 127; но послѣ того какъ я ему въ 1870 г. выразилъ устно и письменно свои доводы въ пользу того, что sīns не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ imper. (опираясь между прочимъ и на форму prospices), онъ въ нѣм. изд. (Gebr. d. Schrift 1871, стр. 119), а за нимъ и въ „Лекціяхъ“ (1872, стр. 58) колеблется въ выборѣ между объясненіями Ланци и моимъ (между conj. и imper.). Мнѣ кажется такое колебаніе просто неудовлетворительнымъ: первое – абсолютно невозможно, немыслимо; второе остается единственно возможнымъ и по формѣ и по смыслу. Потому я издавна такъ объяснялъ и выше на стр. 22 привелъ какъ безспорное.

АИванов

(+)[Въ греч. impf. имѣетъ болѣе древнюю форму, т.е. онъ образованъ отъ прäзентной основы посред. аугмента (прäфикса) ἐ-, указывающаго на прошлое (см. стр. 84 и 85 и 103), и вторичн. суффиксовъ, напр. ἐ-δίδου-ν, ἐ-τίθη-ν, ἔ-λεγο-ν, ἐτίμα-ν, ἐ-φίλου-ν, ἐ-δούλου-ν и т.д. (т.е. sg. 2. -ς, 3. безъ суфф. -τ; pl. 1. -μεν, 2. -τε, 3. въ гл. на -μι есть -σαν =ες-αντ, см. impf. pr. 3 pl. ἐ-δίδο-σαν, ἐ-τίθε-σαν, а въ гл. на -ω = 1 sg.; dual. 2. -τον, 3. -την); если корень начинается гласнымъ звукомъ, то вм. приращенія (augmentum) есть усиленіе, напр. ἦν вм. *ἐ-εσ-ν (eram). — Въ слав., какъ и въ лат., impf. образованъ самостоятельно и имѣетъ окончанія: sg. 1. -ахъ, 2.3. -аше, pl. 1. -ахомъ, 2. -асте, 3. -ахꙋ; dual. 1. -аховѣ, 2.3. -аста, которыя суть ничто иное какъ impf. отъ √ес (=ас); т.е. -ахъ = *-асъ = *as-a-m (ср. -хъ = -съ = -sōm въ gen. и loc. plur. именъ и местоим.; §§ 31, 12 и 32, 2.). Здѣсь сохраняется а, а не je (хотя jес-мь и т.д.) вслѣдствіе ассимиляціи съ весьма распростр. произв. основами на -а, напр. дѣла-ахъ = *дѣла-jехъ (ср. gen. sg. добра-аго = добра-jего), также по этому образцу дѣлѣ-ахъ и т.п. (здѣсь ѣ = ā); а аналогіи произв. глаголовъ на -ѣ послѣдовали и всѣ прочіе, напр. дадѣ-ахъ, славлѣ-ахъ, везѣ-ахъ (какъ и въ лат. impf. legē-bam, audiē-bam и т.д. по образцу monē-bam и т.п. — Въ русск. нѣтъ impf.].

5. Imperf. conj. въ лат. яз. первонач. оканчивалось на -sem, -sēs, -set, -sēmus, -sētis, -sent (послѣ или -rem, -rēs и т.д., что̀ есть ничто иное какъ *esēm, т.е. impf. opt. отъ √es (esēs : erās = amēs : amās). Посредствомъ этого (essēm, сохраняющагося только въ видѣ суффикса съ утраченнымъ e (какъ sum вм. es-u-m), всѣ глаголы, въ томъ числѣ и es-se, образуютъ свое imperf. conj. (opt.); потому: es-sem отъ √√es и ed (слѣд. въ первомъ случаѣ = *es-esem, т.е. корень es удвоенъ для подкрѣпленія обезсилѣвшей формы; см. § 32, 3. gen. sg. съ выноскою; §§ 36, 6. и 37, 1.); съ ассимиляціею: fer-rem, vel-lem (nōl-lem, māl-lem); а между гласными s переходитъ въ r: da-rem, stā-rēs, ī-ret, fo-rē-mus (отъ √fu съ измѣненіемъ u въ o подъ вліяніемъ r; ср. fut, fu-am, futūrus и пр.); lege-rētis (ĭ передъ r въ e, см. § 17, i. 2. и 31, 2. a.), ed-e-rent (рядомъ съ es-sent), cape-rem (= *capje-rem); amā-rem, monē-rēs, audī-rēt и т.д. [Въ греч. и слав. нѣтъ; но въ греч. близокъ по знач. praes. opt.]

6. Futurum indic. не было достаточно выработано въ арійск. яз.; б.ч. какая-нибудь изъ формъ praesentis (§ 38, I. 1-3) служила вм. futurum (такъ обыкн. и въ семит. яз.), или же praes.-fut. отъ √es служилъ суфф. для образованія fut. отъ другихъ глаголовъ (такъ въ лат. fut. ex. (§ 39, II. 5). Остаткомъ перваго и древнѣйш. образованія есть въ лат. яз. er-ō, древнѣе es-ō, вм. *es-jō-m (см. I. 3. в. и II, 1.), т.е. здѣсь тотъ же суфф., который мы видѣли въ praes. ind. нѣкоторыхъ глаг. (cap-iō, metu-ō) и въ opt. (§§ 36, 2. в.; 38, I. 2. и 5.; 39), см. -jo- или -io- = -ia- (первонач. означавшій, вѣроятно, „итти"; ср. франц. je vais aller; лат. fut. inf. pass. amātum īrī); другой остатокъ прäз. формы съ буд. знач. виденъ въ fo-re (praes. inf. = fut. inf. отъ √fu); наконецъ языкъ пытался заставить и начинательную прäзентную форму играть роль будущей, что̀ видно изъ древней формы es-cit вм. *es-scit = erit (§ 37, 3. в.) (ср. греч. praes. εἶ-μι = иду и пойду; слав. дамь и пр.); такимъ же образомъ pr.-fut. было, вѣроятно, нѣкогда и *fuō = *fuiō (ср. греч. φύω, эол. φυίω). Затѣмъ явилась потребность опредѣленнѣе выразить будущее понятіе и языкъ прибѣгъ къ этому *fuō для составленія новой футурной формы, которая и стала оканчиваться на -bō (= *fuō; ср. -bam = fuam), -bis, -bit, -bimus, -bitis, -bunt. Эту форму приняли всѣ прäзентныя основы на -ā- (-a-) и -ē-, напр. dā-bō, stā-bis, amā-bit; flē-bimus, monē-bitis; также корни на -ī-: ī-bunt, quī-bō. Языкъ пытался образовать такое fut. и отъ прочихъ основъ, а потому въ старомъ языкѣ часто встрѣчаются audī-bō, dormī-bis, expedī-bit и т.д. рядомъ съ 3-мъ спр. dīcēbo, vīvē-bis, fīdē-bit, reddī-bō и пр. (здѣсь e-удлинено по той же причинѣ какъ и въ impf. ind. см. 4.). Съ другой стороны пытался языкъ вм. fut. ind. употреблять, какъ близкое ему по значенію, praes. opt.; потому въ стар. яз. встрѣчается dīcēm (вм. dīce-i-m), faciēm (и съ утратою -m: dīce и т.д.), faciē-s, du-ēnt (= da-ē-nt, т.е. da-bunt) и пр.; оптативная форма осталась закрѣпленною за 3. и 4. спр. (т.е. за основами на -ĭ- и произв. на -ī-) съ тою лишь особенностью, что въ 1. sg. вторгнулся praes. conj. вм. opt.: так. обр. sg. 1. dīca-m, audia-m; 2. dīcē-s, audiē-s; 3. legē-t, audiē-t; pl. 1. capiē-mus, audiē-mus; 2. ferē-tis, dormiē-tis; 3. volē-nt, audiē-nt. (а позднѣйшій языкъ пытался и отъ глаг. īre въ сложеніи образовать fut. по аналогіи съ произв. на -ī-, напр. red-iet и т.п.). Итакъ языкъ выпутался изъ нужды и колебаній слѣдующимъ обр.: 1) онъ закрѣпилъ за второю (суффиксною) формою praes. ind. отъ √es, т.е. за erō = *esiō, будущее значеніе (сохранивъ за первою, безсуффиксною, -(e)s-u-m, -прäз. значеніе); 2) заставилъ старую прäзентно-оптативную форму, которая становилась праздною (ибо вм. нея, какъ сказано, стали дѣйствовать въ praes. conj.) принять на себя футурныя обязанности (съ уступкою, однако, относит. 1. л. ед. ч. въ пользу praes. conj.) для основъ на -ĭ- (-ĕ-) и произв. на -ī- (3. и 4. спр.); 3) создалъ новую форму для основъ на -ā- (-a-) и -ē- изъ fut. ind. отъ √fu, т.е. вспомог. гл., который за тѣмъ въ этой формѣ былъ упраздненъ въ качествѣ отдѣльнаго глагола (ибо было erō; но сохранился въ fuī, fore и пр.) (Отъ основ на -ā-

(+) Merguet старается доказать, что здѣсь равно какъ и въ fut. на -bō и въ perf. на -vī (-uī) и т.д., нѣтъ √fu (190-208, 211, 217-223), но за наше, т.е. за почти общепринятое Боппово объясненіе говорятъ какъ оск. и умбр. формы (напр. оск. impf. fu-fans (= лат. *fu-bant т.е. erant); оск. и умбр. fut. ex. fu-st, fu-rent (= лат. fuerit, fuerint) рядомъ съ умбр. ambr-e-fust, ambr-e-furent (= лат. amb-ī-verit, amb-ī-verint), гдѣ явственно виденъ цѣлый вспомог. глаг. отъ √fu), такъ и участіе вообще вспомогательныхъ (хотя ему и отвергаетъ Merguet) глаголовъ esse и др. въ образованіи временъ (ср. выноску къ § 39, I.). — Merguet'у фактично, но справедливо отвѣчаетъ Kruczek (II, 1025 f.), но тотъ пытается защищать себя въ „Ableitung" etc. s. 26. — Schleicher'а новое мнѣніе странно (J. Chrest. 3761).

необходимо было составить новую форму, ибо praes. opt. сохраняется здесь вм. praes. conj., которое исчезло, такъ какъ должно было совпадать по форме съ praes. ind.; для основъ на -ē- также была неизбежна новая форма, ибо здесь желат. накл. должно было по форме слиться съ изъявит.]

—[Въ греч. иногда praes. ind. употребляется вм. fut., напр. εἶ-μι иду (пройду), ἔδο-μαι я буду есть, βρέω facio; но обыкн. fut. образуется посред. praes.-fut. отъ √ες, приставляемаго къ общей глагольной основе, т. е. въ первонач. форме ἐσ-ω, позднее εσω (= лат. eso, ero), (или въ возвр. форме съ акт. значеніемъ ἔσ-ο-μαι, это является въ виде ἔσω); напр. τενέ-σω, τενέ-ω, τενῶ (tendam) или въ виде -σέω (напр. дор. πρᾶκ-σέο-μες будемъ делать); -σέω (напр. дор. πλευ-σοῦ-μαι = πλευ-σο-μαι поплыву) (обыкн.) -σω, передъ которымъ гласный звукъ обыкн. удлиняется (2 л. -σει-ς и т. д., какъ въ praes. ind. глаг. на -ω; возвр. -σο-μαι и т. д.), напр. ἔσ-ο-μαι ero (вм. ἔσ-σο-μαι = ἔσ-εσ-ο-μαι; ср. лат. impf. conj. es-sem), δώ-σω, 2. θή-σει-ς, 3. στή-σει; pl. 1. λύ-σο-μεν, 2. τιμή-σε-τε, 3. φιλή-σουσι; dual 2. 3. δουλώ-σετον. — Въ греч. есть еще и fut. opt., кое также точно относится къ fut. ind. какъ praes. opt. къ praes. ind. глаголовъ на -ω; напр. δώ-σο-ι-μι, 2. θή-σοι-ς, 3. στή-σοι; pl. 1. λύ-σοι-μεν, 2. τιμή-σοι-τε, 3. φιλή-σοι-εν; dual 2. δουλώ-σοι-τον, 3. λεκ-σοί-την. — Въ слав. также была форма на -ес-; остатокъ ея сохранился въ (из)ѣшѫ (= будущій; pr. inf. ми-нѫ-ти) и въ прич. бы-шѫ (буд.) (см. § 42, 3. а), необходимо указывающемъ на утраченную форму fut. ind. бы-шѫ; обыкнов. же fut. въ слав. и русск. заменяется или совершенным видомъ praes. ind., который б. ч. имеетъ будущее значение (напр. да-мь, да-ти; по „казню" и ...), или посред. соверш., часто и несоверш. вида съ предлогами, напр. по-йду, спою, про-чту, за-играю и т. д.; или описат. изъ глаг. бѫдѫ буду (praes. съ футурнымъ знач.) и неопред. накл. несоверш. вида, напр. бѫдѫ писати, буду писать, иногда изъ иму, имаю и неопр. накл., напр. имамъ пити, имаю получить (которое въ малор. срослось съ неопред. накл., напр. могти-му = могти иму, т. е. смогу; въ серб. игра-ћу = играти ћу, т. е. хочу, см. § 37, 1.; въ польск. изъ będę (= бѫдѫ) и прич. прош., напр. będę pisał, -ła, -ło и т. д.]

[Прим. И до сихъ поръ многіе языки употребляютъ часто praes. вм. fut.; напр. по русски: „мы завтра едемъ"; или „О горе тебе! Глас трубный несется, И гробы трясутся." („Фаустъ" въ пер. Огарева). Нем. яз. очень часто и охотно делаетъ такое употребление изъ praes., напр. er kommt bald вм. er wird bald kommen; во франц. после si, напр. si je lis вм. si je lirai; также prés. du subj. служитъ вместо съ Imm. и вм. fut. и пр. (Ср. M. Müller I, 196, f.)].

§39. Перфектная основа съ производными отъ нея формами.

I. Отъ перфектной основы производятся perf. ind., conj. и inf., plqpf. ind. и conj. и fut. ex. act. ind. (о pf. inf. см. § 42, 1. 8.). — Всѣ перфективныя формы въ лат. яз. показываютъ глаг. отъ √es, приросший въ различныхъ формахъ къ общей перф. основе, каковою бываетъ или а) удвоенная общ. глаг. основа (de-d-is-tis = da-da + es-tis), или б) усиленная (ēd-is-se = ēd-esse), или в) распространенная корнемъ es- (scrip-s-er-ī-m = scrib-es-es-ī-m), или г) корнемъ fu (amā-v-er-a-m = amā-fu-es-ā-m; vol-u-is-se-m = vol-fu-es-sē-m) или, наконецъ, д) корнями es и fu (mes-su-er-ō = met-es-fu-es-iō-m). Прежде упомянутыя формы суть древніе следующихъ. И такъ здесь общею глаг. осн. были: da, ed-, scrib-, amā-, vol-, met-, откуда развились общія перф. основы: ded, ēd-, scrips-, amāv-, volu-, messu-; отсюда частныя основы перфектныхъ формъ: dedis-(pf. ind.), ēdiss-(pf. inf.), scrips-erī-(pf. conj.), amāv-erā-(plqf. ind.), volu-issē-(plqf. conj.), messuerio-(fut. ex.); наконецъ отсюда, по присоединении флексійныхъ суффиксовъ, являются и самыя перфектныя формы. — И въ образованіи перфектныхъ основъ оказываются тѣ-же колебанія, какія мы видели въ образованіи общихъ глагольныхъ (§ 37, 2. и 3. пр. 3) и именныхъ основъ (§ 31, 1. а), съ чемъ иногда соединяется и различное значеніе, напр.: pe-pig-(is-ti), -peg-(is-ti) и panc-(s-ti); pepere-(is-tis), pars-(is-tis) и (редко) parc-u-(is-tis); te-tin-(is-se) и (обыкн.) ten-u-(is-se), ferv-(is-sem) и ferbu-(is-sem), com-per-(is-), re-p(p)er-(is-) и aperu-(is-) и пр.; necavi(s-) и (e)nec-u-(is), sanc(s-) и sanc-iv-(is-) и пр. — Но здесь везде, какъ сказано, видны √es или er = es, такъ что можно считать и его за осн. суфф., приросшій къ общей перфектной основе. — Однако въ древнейш. періодъ были перф. формы и безъ es, что видно изъ сохранившихся формъ, какъ pf. conj. fac-s-im (а не fac-s-er-im, какъ scrip-s-er-im), ausim, fut. ex. cap-sō и пр. (Дальнейшее рассмотрение перфективныхъ основъ мы предпочитаемъ соединить съ изложеніемъ формъ perf. ind.)

II. 1. Perfectum indicativi. — Основа его образуется изъ общей перфектной + es (is, er), а самое perf. изъ частной основы perf. ind. и личныхъ окончаній; другими словами, perf. ind. составляется изъ общей перф. основы и es-m и пр., что есть не что иное, какъ praes. ind. отъ √es (= sum и т. д.); но это -es- сохраняется только во 2. sg. и pl. въ виде is- и въ 3. plur. въ виде er- (§§ 23. 2. и 17. І. 2), которое въ класс. вр. большею частью получило неорганическое удлинненіе въ ēr-; въ 1. sg. и pl. и 3. sg. осталось отъ is-, es- только i; сверхъ того въ 1. sg. видно утраченіе и личнаго суффикса. Такимъ образомъ окончанія perfecti ind., примыкающія къ общей перфектной основе, суть: sing. 1. -ei, класс. -ī (= es-m), 2. -is-ti (= es-ti = es), 3. eit

-ēt, -īt, классич. -it (= *es-t); plur. 1. -i-mus (= *es-mus, ср. sumus), 2. -is-tis (= *es-tis), 3. *es-ont, -er-ont, -ēr-ont, -ĕ-runt, -ēr-e, -erot, -rot, -ro, -run; въ класс. яз. обыкн. -ērunt, иногда -ĕrunt, -ēre, -runt (прочія формы только въ древнемъ языкѣ, напр. dedĕront, dedrot, ded-ro, fec-ru и т. д.). - Словомъ, perf. ind. образуется изъ общей перф. основы и praes. ind. глагола esse. (+) (Ср. amā-tus sum и фран. je suis venu; любилъ есмь въ 1. sg. и т. д.)

Сообразно съ основами (см. выше I.) perf. ind. оканчивается или просто на -ī - обыкн. съ удвоеніемъ или усиленіемъ корня, или на -sī, или на -vī и -uī, или, наконецъ, на -sui. Perf. на -vī преимущ. принадлежатъ произв. глаголамъ, прочія преимущ. первообразнымъ. - Древнѣйшій способъ образованія перф. основъ состоялъ въ удвоеніи корня или усиленіи кореннаго гласнаго; тѣмъ и другимъ означалось въ настоящемъ случаѣ (см. стр. 56; ср. §38, I, 2. б. в. и 3. а. β. δ.), что дѣйствіе совершилось, окончилось; а примкнувшее позднѣе praes. ind. отъ √es относило эту оконченность къ настоящему. Иногда, особ. perf. на -sī обходились и безъ этого -es.

а) Въ удвоеніи обыкн. сохраняется гласный звукъ корня, кромѣ a; вмѣсто a являлось e. - Удвоеніе сохранилось въ 27 глаг. ste-tī вм. *ste-stī (√sta; ср. praes. stō и si-stō); 2 sg. ste-tis-tī, 3. ste-t-it; pl. 1. ste-t-i-mus, 2. ste-tis-tis, 3. ste-t-ĕr-unt; spo-(s)pond-ī (√spo), sci-(s)cid-ī (√scid) (послѣднее въ арх. яз., а въ класс. удвоеніе утрачено: scid-ī); ce-cid-ī (√cad), ce-cin-ī (√can), de-dī (√da), fe-fel-lī (√fal), me-min-ī (√men), pe-pēd-ī (√pēd), pe-pend-ī (√pend), pe-pig-ī (√pag), pe-per-ī (√par), pe-perc-ī (√parc), pe-pul-ī (√pol), te-tig-ī (√tag), te-tin-ī (√ten), te-tend-ī (√tend), te-tul-ī (√tol; въ арх. яз. съ удвоен., въ класс. безъ него: tul-ī); mo-mord-ī (√mord), po-posc-ī (съ корнемъ срослся начинат. суффиксъ -sco- (§§37, 2. кнц.; 3. в.; 38, I. 3. г.) (но въ древн. яз. также me-mord-ī, pe-posc-ī, spe-pond-ī и пр.); di-dic-ī (√dic); ce-cīd-ī (√caed); pu-pug-ī (√pug), tu-tud-ī (√tud), cu-curr-ī (√cur) (есть также въ древнемъ языкѣ pe-pug-ī, ce-curr-ī); bi-bī (√bi удвоенный и въ praes.), наконецъ fid-ī вм. *fe-fid-ī отъ √fid, котораго удвоеніе утрачено (ср. scidī = sci-cid-ī отъ √scid). Въ древности удвоеніе могло соединяться съ усиленіемъ корня спеціально для перф. основы, напр. tu-tūd-ī. - Въ глаголахъ сложенныхъ съ предлогами удвоеніе обыкн. утрачивается, потому что слово становилось слишкомъ тяжелымъ и притомъ чрезъ такой слогъ, который казался ненужнымъ, ибо значеніе его было забыто; сохраняютъ его изъ таковыхъ только dō, stō, discō, poscō и отчасти currō; остатки удвоенія видны въ rep-per-ī и rē-per-ī (rē-per-io), rep-pul-ī, ret-tul-ī, re-t-tud-ī; изрѣдка встрѣчаются и другіе, напр. dē-to-ton-dī, re-fe-fellī и пр.

б) Всѣ остальныя perfecta на -ī (т. е. не на -sī, -vī, -uī или -sui) удлиняютъ гласный звукъ корня; таковы: ēd-ī (praes. ĕd-ō), ēm-ī, ēg-ī (√ag, т. е. a удлинилось въ ā и ослабѣло въ -ē), frēg-ī, -pēg-ī, scāb-ī, cāv-ī, lāv-ī, fāv-ī, pāv-ī; lēg-ī; cēp-ī, fēc-ī, jēc-ī; sēde, vēn-ī; vīd-ī, vīc-ī; līqu-ī; fōd-ī, fōv-ī, mōv-ī, vōv-ī; fūd-ī, fūg-ī, jūv-ī, rūp-ī (28). - Исключаются только: α) нѣсколько глаголовъ съ долгимъ гласнымъ звукомъ и въ общей глаг. основѣ (cūd-ī, strīd-ī, vīsī, coepī), β) съ основами позиціонно долгою (lamb-ī, scand-ī, dēfend-ī, pre-hend-ī, verr-ī и vert-ī) и γ) съ основами на -u (ru-ī, statu-ī, fuī и т. д.), въ которыхъ pf. (кромѣ fuī) совпадаетъ съ praes. - Во многихъ изъ этихъ глаголовъ, ~~вѣроятно~~, утрачено удлиненіе, то удвоеніе; напр. въ арх. яз. были fū-ī, rū-ī, plū-ī изъ болѣе древнихъ fūv-ī и т. д. = *fūvis-m и пр.

Прим. Можетъ быть первонач. всѣ корни, начинающіеся согл. звукомъ, въ perf. усиливались (удлинялись) и удваивались (tu-tūd-ī), а начинающіеся гласными только усиливались (ēd-ī); позднѣе же вслѣдствіе того, что акцентъ колебался то надъ тѣмъ, то надъ другимъ слогомъ, или утрачивалось удвоеніе или сокращался гласный звукъ; такимъ обр. изъ *pé-pēg-ī произошло pé-pig-ī, а изъ *per-pēg-ī — -pēg-ī; поэтому lēg-ī, можетъ быть, произошло изъ *le-lēg-ī, cēp-ī — изъ *ce-cēp-ī = ca(p)-cāp-ī и т. д. Наконецъ, нѣкоторые утратили удвоеніе уже послѣ сокращенія кореннаго слога: (te)-tul-ī, (fi)-fid-ī.

в) Perf. на -sī. Это -sī есть, вѣроятно, утраченное perf. отъ √es, слѣд. изъ *es-ī или, можетъ быть, *ēs-ī = (какъ выше показано) *es-es-m (ср. es-sēm = *es-es-ē-m, sum = esum и пр.). Оно бываетъ исключит. послѣ корней съ согл. концомъ, въ особ. послѣ гортанныхъ, зубныхъ и губныхъ; напр. dixī (т. е. dic-sī), lexī (т. е. lec-sī вм. *leg-sī, §22, 1. б. α) рядомъ съ болѣе древнимъ lēgī, vec-sī ~~flexī, vixī вм. *flug-sī, *vig-sī (§§21, 4. дд. и 22, 1. б. α)~~ (вм. *veh-sī); (per)cus-sī (вм. *cut-sī), ces-sī; въ остальныхъ коренной зубной звукъ утрачивается: mī-sī (вм. *mit-sī), lū-sī (= *lūd-sī), dī-vī-sī (вм. dī-vid-sī), ar-sī (ard-eō) и т. д. (§21, 4. а. и 22, 1. а. α); съ утрат...

(+) Выставляя такое объясненіе, мы 1) слѣдуемъ аналогіи какъ perf. conj. и plqpf. ind. и conj. act. (которые явственно заключаютъ въ себѣ praes. conj. и impf. ind. и conj. глагола esse), такъ и perf. и plqp. ind. и conj. pass.; 2) избѣгаемъ необходимости допускать въ ī и пр. безпричинное удлиненіе Корссена (I, 604–620) и курьёзы Mégnat (299 ff. и 253 f.) или страннымъ образомъ принимать вмѣстѣ со Шлейхеромъ (739 f.) двѣ основы для каждаго перфекта (т. е. одну непонятную на -ī- для 1. и 3. sg. и 1. pl. и другую на -is- = -es- для 2. sg. и 2. и 3. pl.); 3) уясняемъ долготу въ 1. sg., гдѣ -ī = *is-m (§18, 1. б. α) и въ 3. sg., напр. dedeit, dedēt, dedē, гдѣ eit и т. д. = es-t; а подъ вліяніемъ прочихъ формъ произошло, какъ можно думать, удлиненіе и въ 3. pl. Вообще perf. въ лат. и греч. представляетъ много спорнаго. (О формахъ безъ -is- послѣ -sī см. Neue II, 418).

гортаннаго звука послѣ r и l (§ 21, 4. г.): mul-sī (вм. *mulc-sī и *mulg-sī), tor-sī (вм. torc-sī, praes. torque-ō), а также въ rau-sī (praes. rauc-iō); но въ старину иногда сохранялся гортанный звукъ и послѣ l и r, напр. mulxī, porxī; послѣ губныхъ: sculp-sī, scrip-sī (вм. scrib-sī § 22, 1. б. α). Губныя b и m подверглись полной ассимиляціи въ jus-sī и pres-sī (pr. jub-eō и prem-ō); обыкн. же b въ такомъ случаѣ лишь уподобляется (scrip-sī), а между m и sī вставляется p (§ 21, 2.), напр. sum-p-sī (sūm-ō). — sī послѣ s есть только въ us-sī и ges-sī (pr. ūr-ō и ger-ō вм. *ūs-ō и *ges-ō, § 23. е.), а также въ hae-sī и hau-sī (вм. *haes-sī и *haus-sī, pr. haer(s)-eō и haur(s)-iō; [почему нельзя здѣсь видѣть perf. просто на -ī?]; рѣдко послѣ n: man-sī (man-eō); послѣ l только въ vul-sī (vel-lō).

г) Окончанія -vī (послѣ гласныхъ) и -uī (послѣ согласныхъ) тождественны и суть, по всей вѣроятности, ни что иное, какъ perf. отъ √fu, т. е. сокращеніе изъ fuī (= fūvī, см. выше б.), что особенно видно изъ сличенія pot-uī съ pos-sum и пр. (и изъ итал. нарѣчій; см. Приб. II и выноску на стр. 98). Производ. обыкн. имѣютъ эту форму (преимущ. -vī): amā-vī, audī-vī, dēlē-vī; въ нар. нарѣчіяхъ встрѣчается и silē-vī; но обыкн. производные на -ē имѣютъ uī, напр. mon-uī (вм. *monē-vī); также нѣкоторые на -ā, напр. dom-uī, plicā-vī и plic-uī, и два на -ī: sal-uī и amic-uī (ср. § 15 ехх.). — Но и первообразные нерѣдко образуютъ perf. поср. -vī и особ. -uī; напр. на vī (послѣ гласныхъ): flē-vī, crē-vī, cī-vī, nō-vī; основы, оканчивающіяся на короткій гл. звукъ, удлинняютъ его: sī-vī (si-nō), lē-vī и lī-vī (li-nō); uī послѣ согл., особенно послѣ liquidae и nāsālēs: ser-uī, vol-uī, col-uī, cōnsul-uī; frem-uī, trem-uī, vom-uī; gen-uī (pr. gi-gnō = *gi-gen-ō), ten-uī; иногда и послѣ другихъ согласныхъ: rap-uī (rap-iō), strep-uī, stert-uī (stert-ō), tex-uī (tex-ō). — Этотъ перфектъ образовался позднѣе вышеупомянутыхъ, и, какъ болѣе характер. и ясный (вслѣдствіе вспомог. глагола) и по сравнит. юности менѣе избитый, стремился вытѣснить собою болѣе древнюю форму; потому: ten-uī вм. te-tin-ī, (con-)cin-uī вм. ce-cin-ī, pīns-uī вм. pīns-ī, (ē-)lic-uī хотя (al-)lec-sī, rud-ī-vī вм. rūd-ī, petīvī, cup-ī-vī и пр. [ср. aор. въ греч. и слав. § 40. и нѣм. новыя формы со вспомог. глаг. -te = tat дѣлалъ: frag-te, back-te вм. древнихъ frug, buck]. — Въ 3. pl. этихъ глаголовъ бываетъ vērunt, -ērunt, -runt, -vēre, напр. amā-vērunt, audī-vērunt, audi-ērunt, amā-vēr-e, audī-vēre, amā-runt.

д) Наконецъ perfectum на -suī въ mes-suī (met-ō), nec-suī (nec-tō) и pec-suī (pec-tō) — совершенно новаго образованія и есть ничто иное, какъ -uī приставленное къ -sī по аналогіи многочисленныхъ глаг. на -uī (еще болѣе по tex-uī) послѣ того какъ ослабѣло значеніе -sī; слѣд. въ -suī есть два perf. вспомог. глаголов.: *-esī-fuī.

Прим. 2. Нѣкоторыя perfecta имѣютъ прäзентное значеніе: ōd-ī (я возненавидѣлъ и ненависть моя теперь существуетъ, слѣд. я ненавижу), nō-vī (знаю), me-min-ī (помню; собств. вспомнилъ).

[Въ греч. всѣ вообще корни, начинающіеся однимъ согл. звукомъ, и нѣкоторые двумя, или гласнымъ, въ perf. удваиваются, но такъ что вмѣсто кореннаго гласнаго является въ удвоеніи е послѣ согласнаго (напр. δέ-δω-κα вм. *δό-δω-κα); начинающіеся двумя согл. обыкн. принимаютъ приращеніе вм. удвоенія; какъ удвоеніе такъ и перфектное приращеніе (въ противоположность аористному) проводятся по всѣмъ наклоненіямъ и именнымъ формамъ. — Окончанія перфектовъ суть: Sg. 1. -α, 2. -α-ς, 3. -ε; pl. 1. -α-μεν, 2. -α-τε, 3. -ᾱ-σι; duāl. 2. 3. -α-τον. — Древнѣйшій видъ перфекта, — т. наз. perf. II —, принимаетъ эти окончанія непосредственно къ корню, который въ такомъ случаѣ, не ограничиваясь удвоеніемъ или приращеніемъ, еще обыкн. усиливаетъ гласный звукъ (ср. tu-tud-ī), напр. πέ-πηγ-α (= лат. pe-pig-ī; praes. πήγ-νῡ-μι pangō, √παγ = лат. pag), [2]λέ-λοιπ-α (pr. λείπ-ω linquō отъ √λιπ), [3?]ἔ-κτον-α (pr. κτείν-ω умерщвляю, отъ √κτεν), πέ-πρᾱγ-α я нахожусь (отъ √πραγ; praes. πράσσω дѣлаю вм. *πρᾱγ-jω, § 38, I. 3. в.), ὄλ-ωλ-α я погибъ (praes. ὄλ-λῡ-μι гублю отъ √ολ) и т. д. — Окончанія -α и пр. не ясны; можетъ быть -α есть остатокъ отъ -μα, а прочія окончанія, вѣроятно, образовались подъ вліяніемъ аориста. — Обыкн. же perf. образуется — т. н. perf. I — поср. -κα или -ά частью съ удлиненіемъ корня, частью безъ него. Эти формы новѣе, но еще темнѣе первой. Форма на -κα (κα-ς, κε и т. д.) бываетъ послѣ гласныхъ и согл. носовыхъ и плавн., напр. sg. 1. δέ-δω-κα, [2]τέ-θει-κα-ς, [3]ἔ-στη-κε; pl. 1. λε-λύ-κα-μεν, 2. τε-τιμή-κα-τε, 3. πε-φιλή-κᾱσι; duāl. 2. 3. δε-δουλώ-κατον; далѣе τέ-θνη-κα я умеръ (√θαν, pr. θνή-σκω), ὀλ-ώλ-ε-κα я погубилъ, ἔ-σπαρ-κα (√σπερ, pr. σπείρω сѣю), ἔ-σταλ-κα (√στελ, pr. στέλ-λω шлю) и пр. — Форма на -ά бываетъ послѣ многихъ гортанныхъ и губныхъ (21 глаг.), напр. τέ-τυφ-α (√τυπ, pr. τύπ-τω бью), πέ-πρᾱχ-α я сдѣлалъ. — Въ греч. часто perf. II. имѣетъ прäзентное значеніе и притомъ непереходящее, если pf. I — переходящее; см. πέ-πρᾱχ-α и πέ-πρᾱγ-α, ὀλ-ώλ-ε-κα и ὄλ-ωλ-α и пр. — Вообще perf. въ греч. не часто употребляется, а отъ многихъ глаголовъ и вовсе не встрѣчается. — Въ слав. perf. совершенно утраченъ и замѣняется описат. формами изъ прич. прош. на

-лъ, -ла, -ло (§42, 3. б.) и jесмь, напр. далъ jесмь, jеси, jесть; дали jесмъ и т.д., пришелъ jесмь и т.д., слѣд. какъ во франц. je suis venu, tombé, -ée и т.д. и какъ въ лат. pass. da-tus sum и т.д. (§41). — Въ польск. замѣчательнымъ образомъ срослся вспомог. глаголъ съ причастіемъ; см. §37, I.]

2. Perf. conjunctīvī (opt.) обыкн. оканчивается на -erim, -eris, -erit, -erīmus, -erītis, -erint, которое является на мѣсто -ī perfecti ind. Какъ pf. ind. образуется поср. приставки къ общей перф. основѣ *es-m (= sum), такъ это -erim есть ничто иное какъ древнее praes. conj. (opt.) отъ √es, т.е. = *esiēm (ср. siēm, sīm); слѣд. perf. conj. есть по происхожденію perf. optāt., которое такъ же относится къ perf. ind., какъ praes. opt. глагола esse къ praes. ind. того же глагола (ср. pass. amātus sim и т.д.). Въ класс. время -i- было большею частью коротко (§§24, 7. в. д. и 25, II. 4. г.); напр. sg.1 ce-cin-erim, 2. ēd-eris, 3. fu-erit (= *fū-verit); pl.1 amā-verimus, 2. audīv-eritis, 3. monu-erint; scrips-erim, rexerim, mes-su-erim. Изъ scrips-erim и т.п. видно, что √es удваивается въ perf. conj. тѣхъ глаголовъ, которые въ perf. ind. оканчиваются на -sī = -esī (scrip-s-er-im = *scrip-es-es-iē-m). Часто v опускается: audi-erim, прежде amā-rim, nō-rim и т.д. — Кромѣ того сохранилось, б.ч. изъ архаичнаго языка, нѣсколько формъ на -sim, -sīs и т.д., непоср. примкнувшихъ къ общей перфект. основѣ, нераспространенной корнемъ es (см. выше, I) (и ниже plqp. conj. и fut. ex.): fac-sim (новѣе fēcerim) (можетъ быть вм. *fe-fac-sim), au(d)-sim (audeō), par(c)-sim, rap-sim (новѣе pf. rap-ui), ob-jec-sim, negāssim (вм. *negāvsim = *negāv-esim; ср. plqp. negāssem изъ negāvissem), cūrāssis, levās-sit, pro-hibēssis (изъ *pro-hibēv-sīs) и пр. Значеніе перфектовъ на -sim (б. ч. архаическое) [преимущ.?] которые въ pf. по-

[Въ греч. есть conj., opt. и imper. perf. (imper. только отъ тѣхъ глаголовъ, которые въ pf. получили прäзентное значеніе) и такимъ же образ. возникаютъ отъ перфектной основы, какъ praes. conj., opt. и imper. отъ прäзентной; напр. pf. II.: conj. πε-πράγ-ω, -ῃς и т.д.; opt. πε-πράγ-οιμι, -οις и т.д.; imper. πέ-πραγ-ε, -έ-τω и т.д.; pf. I. conj. pl. λε-λύ-κω-μεν, opt. λε-λύ-κοι-μεν, imp. 2. λε-λύ-κε-τε и т.д. Въ слав. и русск. нѣтъ, но замѣняются описат. аористн. формою: далъ быхъ, рск. далъ-бы (съ условн. знач.)]

3. Pl-qm-perf. ind. имѣетъ окончанія -erām, -erās, -erat, -erāmus, -erātis, -erant на мѣсто перфектнаго -ī, т.е. образуется отъ общей перфектной основы прибавленіемъ impf. ind. отъ √es; перф. основа означаетъ оконченность дѣйствія, а вспом. глаг. въ видѣ суффикса относитъ эту оконченность въ прошлое; отсюда и значеніе (ср. pass. amā-tus eram); напр. ce-cid-eram, ēderās, fu-erat; amā-verāmus, audīv-erātis, monu-erant и т.д. — Звукъ v послѣ ī (часто) (и слогъ -ve- послѣ -ā, -ē, -ō (иногда) опускаются: audi-eram, amā-rās, flē-rat, nō-rant и т.д.

[Въ греч. также образуется отъ перфектной основы чрезъ прибавленіе къ началу ея аугмента, а къ концу impf. или aor. отъ √ες, т.е. *ἔσ-α-μ, *ἔσ-α-ς и т.д., которое измѣняется частью (у Гомера) въ sg.1 -εα, 2. -εα-ς, 3. -ε-ε; pl. 1. -έα-μεν, 2. -έα-τε, 3. εσαν (съ сохраненіемъ σ); dual. 2. -έα-τον, 3. -εά-την; обыкн. же въ sg. -ειν, -εις, -ει; pl. -ει-μεν, -ει-τε, -εσαν; dual. -ει-τον, -εί-την. Здѣсь также какъ и въ perf. различаются plqpf. II, нпр. ἐ-πε-πράγ-ειν и т.д. и plqpf. I.: ἐ-λε-λύ-κειν, -εις и т.д. — Въ слав. выражается описат., поср. прич. прош. и impf. отъ √бъ, напр. далъ бѣахъ и т.д.; въ древн.-русск. было: далъ былъ и т.п.; теперь отчасти подходитъ по значенію: я далъ было и т.д.]

4. Plqpf. conj. или, вѣрнѣе, opt. образуется чрезъ присоединеніе къ общей перф. основѣ -essēm (т.е. impf. opt.-conj. отъ √es), какъ для plqp. ind. примыкаетъ къ той же основѣ -erām. Это essem измѣнилось въ -is-sem, -issēs, -is-set, -is-sēmus, -is-sētis, -is-sent; напр. lēg-issem и lex-issem, dedissēs, fu-isset, monu-issē-mus, amā-vissētis, audīv-issent и т.д. Часто -vi утрачивается: amā-ssem, flēssēs, audīsset, nossēmus и т.д. — Въ древн. яз. было plqpf. прямо на -sēm (= es-sem), напр. fac-sem, ex-stinxet и др. (ср. perf. conj. на -sim и fut. ex. на -sō). [Отсюда (а plqpf. — описат.) во франц. яз. impf. conj. (subj.), нпр. (que j')aimasse и т.д.] — Въ греч. и слав. нѣтъ; въ греч. близокъ ему pf. opt.].

5. Futūrum exactum ind. составляется изъ перфектной основы и -erō = esō (какъ fut. I. изъ прäз. основы и *fuō и какъ въ греч. fut. изъ прäз. основы и -έσ-ω; §38, II. 6.); -erō относитъ въ будущее оконченность дѣйствія, выражаемую основою (ср. pass. amātus erō). Fut. ex. во всѣхъ лицахъ и обоихъ числахъ (кромѣ 1. sg.) вполнѣ сходно съ perf. opt. (conj.), напр. ded-erō, lēgeris, rex-erit, īv-erimus, amāv-eritis, monu-erint. Первонач. i было, вѣроятно, короткое (тогда какъ въ perf. opt. первон. долгое), но потомъ, вслѣдствіе смѣшенія съ близкимъ ему по значенію и формѣ perf. opt., иногда встрѣчается и долгое -ī; по той же причинѣ въ 3 pl. -erint вм. -erunt. [почему?] — Объ опущеніи v и ve см. perf. conj. — Fut. ex. представляетъ архаичныя формы на -isō = *esō, напр. servāv-isō, ēvallāv-isō, въ которыхъ или а) s превращалось въ r и тогда i становилось тѣмъ же, чѣмъ было прежде, т.е. -e: отсюда формы класс. servāv-erō и т.д.; или б) утрачивалось i = e (какъ въ греч. fut. и fut. ex.); отсюда арх. формы servas-sō (съ ассимил. v къ s), amas-sō, pecas-sit, bes-sit, cap-sō (можетъ быть изъ *ce-cap-sō), ac-cep-sō, axō, faxō (effexis, effexit), nōxit, in-ce(n)-sit, oc-ci(d)-sit, ādem-p-sō, ēm-p-sit, rūp-sit, dixis (= dic-sis), jussit (= juss-sit) и др. (ср. pf. и plqp. opt.). — Эти древніе futūra означали вообще оконченность дѣйствія въ буд. (хотя бы не прежде другого), какъ нашъ оконч. видъ.

[Въ греч. fut. ex. act. есть лишь въ нѣсколькихъ глаголахъ, напр. τε-θνή-ξω умру, ἑ-στή-ξω стану (и т. д. какъ fut. I.); чаще медіальная форма съ акт. знач., напр. ἑ-στή-ξο-μαι; обыкн. описат. изъ part. perf. и praes. ind. глаг. εἰ-μί. — Opt. τε-θνήξο-ι-μι и т. д. очень рѣдко (въ лат. вм. fut. ex. opt. употребляется perf. или plqpf. opt.). — Въ слав. и рск. нѣтъ fut. ex.; по значенію отчасти подходитъ praes.-fut. оконч. вида].

Прим. 3. Изъ сказаннаго видно, что во всѣхъ перфектныхъ формахъ въ суффиксномъ слогѣ -vi-, -ve- часто выпускается v (§ 21, 4. д. и пр. 2), особ. передъ -ss и -st, рѣже передъ r, послѣ чего -ā-e, -ā-i-, -ē-e, -ē-i (ōe, ōi) всегда, а -i-e и -i-i нерѣдко испытываютъ синэрезъ (ā, ē, ō, ī); но нельзя сказать напр. *lā-stī вм. lāv-is-tī и т. п., ибо v составляетъ здѣсь часть корня а не суффикса. Изрѣдка встрѣчается стяженіе даже и въ такихъ случаяхъ, напр. ad-jū-rit, ad-mō-runt и т. п. — Въ 3 pl. pf. ind. можно выпустить -ve изъ -vērunt, но нельзя изъ -vēre.

§ 40. Aoristus — первонач. образовывался отъ общей глаг. основы (т. е. корня простаго, усиленнаго или удвоеннаго) поср. аугмента и вторичныхъ суффиксовъ. Отъ аориста есть лишь остатки въ древн.-лат. языкѣ (безъ аугмента): ind.: tag-ō, tagit, attig-it, pac-it (= pagit, § 13, 5), pag-unt, можетъ быть и gen-ō, pis-unt; conj. tag-a-m, at-tig-ā-s, at-tig-a-t, at-tul-a-t, fu-a-m, fu-ā-s, fu-a-t и fu-ā-nt (см. также § 41, 12; 42, 3. а. прим. и д.).

[Въ греч. яз. есть аор. частью упомянутаго простого образованія (aor. II), частью сложнаго (позднѣйшаго — aor. I). Оба проводятся по всѣмъ наклоненіямъ и именнымъ формамъ, но аугм. остается только въ ind. (О значеніи см. §§ 36, 3. и 38, II, 4). Каждый изъ нихъ образуется различными способами. Aor. II: а) Ind. Sg. 1.: ἔ-θη-ν, 2. ἔ-θη-ς, 3. ἔ-θη; pl. (безъ усил.): 1. ἔ-θε-μεν, 2. ἔ-θε-τε; 3. *ἔ-θε-ν; dual. 2. ἔ-θε-τον, 3. ἐ-θέ-την; conj. θῶ (= *θέ-ω-μι) и т. д. какъ praes. conj.; opt. θε-ίη-ν и т. д.; imper. 2 θέ-ς (вм. *θέ-θι), но στῆ-θι и др., 3. θέ-τω и т. д. — б) ἔ-λιπο-ν и т. д. какъ impf. (ἔλειπο-ν отъ √leiq linquō), conj. λίπ-ω, opt. λίποι-μι, imp. λίπε и т. д. какъ praes. — в) съ удвоеніемъ (32 глагола): πέ-πιθο-ν я убѣдилъ (√πιθ, pr. πείθω), ἐ-πέ-φραδο-ν я изъяснилъ (φράζω). — Aor. I. или сложный (слабый): а) обыкн. оканчивается на -σα, что есть остатокъ отъ аор. вспомог. глаг. *ἔσ-α-μ, приросшаго къ корню. Напр. Ind. Sg. 1. ἔ-λυ-σα, 2. ἐ-τίμη-σας, 3. ἐ-φίλη-σε; pl. 1. ἐ-βουλεύ-σα-μεν, 2. ἐ-λείψα-τε, 3. ἔ-λεξα-ν; dual. 2. ἐ-γράψα-τον, 3. ἐ-τυψά-την; conj. λύ-σω, γράψῃς и т. д. какъ pr. conj.; optat. τι-μή-σαι-μι, λύ-σαι-ς и т. д. (или λυ-σε-ίας изъ √σε + ια (= ιη)); imp. sing. 2. λῦ-σο-ν, гдѣ ν есть эвфоническое, приросшее къ глаголу и повліявшее на измѣненіе α въ ο; 3. λυ-σά-τω; pl. 2. λύ-σα-τε, 3. λυ-σάν-των; dual. 2. λύ-σα-τον, 3. λυ-σά-των. — Во многихъ глаголахъ это σ утрачивается и различнымъ образомъ замѣняется, напр. эол. ἔ-στελ-λα, атт. ἔ-στειλ-α вм. *ἔ-στελ-σα и пр. — б) образуется какъ и perf. поср. κ, за кимъ обыкн. слѣдуютъ окончанія сложнаго аориста (-α, -ας, -ε и т. д.); есть отъ немногихъ глаголовъ, нпр. ἔ-θη-κα, ἔ-δω-κα. Этотъ аор. употребляется только въ изъяв. накл. — Лишь немногіе глаголы имѣютъ по два аор. и въ такомъ случаѣ IIой (древній) имѣетъ иногда интранзитивное значеніе, если Iй транзит.; напр. aor. II ἔ-στη-ν я сталъ, а aor. I ἔ-στη-σα поставилъ (§ 39, II, 1).

Въ слав. простой или сильный аор. (aor. II) рѣдко; напр. Sg. 1. несъ вм. *несо-м (соотв. греч. ἔ-λιπο-ν), 2. 3. несе (= *несе-с и *несе-т); pl. 1. несо-мъ-(с), 2. несе-те(с) (какъ praes.), 3. несѫ(т); dual. 1. несо-вѣ, 2. 3. несе-та (какъ pr.). Чаще сложный а) на -съ, обыкн. б) -хъ (= гр. -σα = -sa-m = -es-a-m), напр. Sg. 1. а-съ и а-хъ (вм. *ад-съ), нѣсъ = *нес-съ, да-хъ, бы-хъ; 2. 3. бы (вм. *бы-с-с и *бы-с-т) (но 3. также бы-с-ть изъ praes.), а, да и пр.; pl. 1. бы-хо-мъ, 2. бы-с-те, 3. бы-шѧ; dual. 1. бы-хо-вѣ, 2. 3. бы-с-та; также и произв. дѣла-хъ, бѣлѣ-хъ, мори-хъ; 2. 3. дѣла, бѣлѣ, мори и т. д.; наконецъ в) на -о-хъ, напр. несо-хъ, 2. 3. несе; pl. 1. несо-хо-мъ и т. д. — Въ рск. нѣтъ].

§ 41. b) Medio-passivum.

Въ лат. яз. страд. залогъ, происшедшій, какъ сказано (§ 36, 1), изъ возвр., выработалъ форму для pr. ind. и conj. (opt.) и praes. inf., для impf. ind. и conj. (opt.) и для fut. ind.; сверхъ того есть малые остатки отъ fut. ex. и aor. — Остальныя tempora (т. е. pf. ind. и conj.-opt. и inf., plqpf. ind. и conj.-opt. и fut. ex. ind.) выражаются описат. поср. прич. прош. страд. и вспомог. гл. esse. [Греч. яз. выработалъ возвратныя формы для всѣхъ tempora и тоже; страд. зал. выражается этими же формами, только для aor. и fut. pass. есть особыя; впрочемъ, возвр. futurum также часто служитъ вм. страд.; напр. θρέψομαι вм. τραφήσομαι буду кормимъ; очень часто возвратное fut. употребляется и въ акт. значеніи и даже отъ непереход. глаголовъ, напр. ἔσομαι буду (§ 36, 1. 2.; § 38, II. 6.; § 39, II. 5.). — Слав. вовсе не имѣетъ возвр. и страд. формъ, т. е. возвр. залогъ выражается дѣйств-мъ и возвр. мѣст. сѧ, си, которое не приросло къ глаголу и можетъ быть поставлено и впереди его (такъ и до сихъ поръ въ польск., въ чеш. и др.), но въ русск. приросло (-ся, -сь); а стр. зал. выражается или этимъ возвратнымъ, или описат., изъ прич. страд. и вспомог. гл. (ср. футурум и др.)].

Въ лат. яз. каждая (не-описательная) форма стр. зал. образовалась чрезъ присоединеніе возвр. мѣст. se къ каждому лицу того же temporis act. (кромѣ 2го множ.); но se, какъ мы видѣли (§ 36, 5. б.), почти вездѣ превратилось въ простое r; только въ imper. (2е лицо ед. сл.) и во 2. sg. ind. и conj. сохраняется оно въ видѣ -re, а во 2. sg. ind. и conj. не измѣняется s, но исчезло e. Въ 1. sg. и pl. -m и -s, вообще слабо звучавшія въ концѣ слова (§ 13, 10. 12.; § 21, 3. б.) утрачены передъ r = se, а во 2. и 3. sg. и 3 pl. является между глаголомъ и se соединит. гл. u (§ 19, 3. а), которое во 2 sg. рано ослабѣло до -i (пройдя чрезъ e, § 17, u. 1.) по наклонности i къ s (§ 17 нач.). И т. д.

1. Praes. ind. — Sg. 1. amo-r (= *amō-se; т. е. s между гласными въ r (§ 23. с), e исчезло (§ 17, e. 2.), а ō передъ согл. въ o (§ 18. 3. и 25. III.)), moneo-r, audio-r; regor, capior, fero-r. — 2. amār-i-s, первон. *amār-u-s (сохранилось ūtār-u-s) изъ *amās-u-se; такъ какъ первое s превратилось въ r (§ 23. с.), то второе, ради диссимиляціи (§ 22, 2) и во избѣжаніе смѣшенія съ 1. sg. impf. conj. pass., сохраняется безъ измѣненія; monēr-i-s, audīr-i-s; reger-i-s (вм. *regis-i-s, т. е. короткое i передъ r — въ e, § 17, i. 2., но audīr-is), caper-i-s, ferr-is (= fers-is). Это окончаніе -ris часто сокращается въ -re (§ 21, 3. б. и § 17, i. 2), слѣд. съ утратою возвр. мѣстоим., но имѣя закрѣпилась за формою возвр.-страд. значенія: amāre, monēre, regere, оч. рѣдко audīre. — Въ praes. ind. преобладаетъ -ris во избѣжаніе смѣшенія съ praes. inf. act. и imper. pass.; въ другихъ формахъ чаще -re. — 3. amat-u-r (= amāt-u-se), monēt-u-r, audīt-u-r (т. е. вездѣ сохраняется передъ t долгій звукъ, хотя въ act. сократился; см. § 38, II, 1), legit-u-r, capit-u-r, fert-u-r, edit-u-r и (изрѣдка) est-u-r (ср. praes. ind. act. fert, edit и es-t).

Plur. 1. amāmu-r (= *amāmu(s)-se), monēmur, audīmur; regimu-r, capimu-r, ferimu-r. - 3. amant-u-r, monent-ur, audiunt-u-r; regunt-u-r, capiunt-u-r [это u не может быть древн. конечн. звуком суффикса (ибо лат. pass. юно).
2 pl. образуется совершенно иначе; оно оканчивается на -minī, напр. amā-minī, monē-minī, audī-minī, regi-minī, capi-minī. Эта форма есть собств. nom. pl. masc. от исчезнувшего part. pr. pass., которое в nom. sg. должно было звучать -mino-s (см. ниже, 3. и §42, 3. д.) и след. первонач. здесь была описат. форма с es-tis (amā-minī, *-minae, *-mina estis); потом estis стало подразумеваться и, наконец, совсем забылось (ср. наше „вы любимы", т.е. „есте", а также и в действ. зал.: „я любил" т.е. „есмь" и т.д.). Язык избрал во 2 pl. описат. форму, ибо иначе оно было бы сходно с 3 sg. (amātis-se, древнее *amātus-se, откуда должно было выйти *amātu-se, *amātu-r как в 3 sg. - Ср. 1. pl.). Когда же эта причастная форма стала чувствоваться за глагольную, то утратила родовое значение, так что форма муж. р. стала употребляться во всех случаях, а -minī, став считаться просто суффиксом 2го л. мн. ч., могло по аналогии перейти и в другие времена и наклонения (ср. -ēsimus и -ēnī в centēsimus и centēnī, §34, 3. и 4.)
[В грч. без усиления конечного гласного основы: Sg. 1. δίδο-μαι, τίθε-μαι, ἵστα-μαι; 2. δίδο-σαι, τίθε-σαι, ἵστα-σαι; 3. δίδο-ται, τίθε-ται, ἵστα-ται и т.д. pl. 1. -μεθα, 2. -σθε, 3. -νται; duāl. 1. -μεθον, 2. 3. -σθον (см. §36, 5. б.); основа остается без изменений. Несколько иначе в глаголах на -ω: Sg. 1. λύο-μαι, 2. λύῃ (= *λύε(σ)αι), 3. λύε-ται; pl. 1. λυό-μεθα, 2. λύε-σθε, 3. λύο-νται. duāl. 1. λυό-μεθον, 2. 3. λύε-σθον; contr. Sg. 1. τιμῶ-μαι, φιλοῦ-μαι, δουλοῦ-μαι; 2. τιμᾷ, φιλῇ, δουλοῖ и пр. (см. грч. грамм.) (грч. medio-pass. мы кратко касаемся, ибо он имеет мало значения для латинской граммат.)]
2. Praesens conj. и opt. Sg. 1. ame-r (= *amē(m)-se), monea-r (= *moneā(m)-se), audia-r, lega-r, capia-r. - 2. amēr-i-s, moneār-i-s, audiār-is; regār-is, capiār-i-s; - 3. amēt-u-r, moneāt-u-r, audiāt-u-r; regāt-u-r, capiāt-u-r; pl. 1. amēmu-r, moneāmu-r, audiāmu-r, regāmu-r, capiāmu-r; 3. amant-u-r, monent-u-r, audiunt-u-r; regunt-u-r, capiunt-u-r. - 2. amē-minī, moneā-minī, audiā-minī; regā-minī, capiā-minī (т.е. sītis). - amer есть собств. opt., прочие - conj. (см. §38, II. 2. и 6. и ниже, 6.); прочие разъяснения см. выше, 1. - [В грч. conj. Sg. 1. λύω-μαι, 2. λύῃ (= *λύη-σαι), 3. λύη-ται; pl. 1. λυώ-μεθα, 2. λύη-σθε, 3. λύω-νται; duāl. 1. λυώ-μεθον, 2. 3. λύη-σθον; opt. Sg. 1. λυοί-μην, λύοι-(σ)ο, 3. λύοι-το; pl. 1. λυοί-μεθα, 2. λύοι-σθε, 3. λύοι-ντο; duāl. 1. λυοί-μεθον, 2. λύοι-σθον, 3. λυοί-σθην].
3. Pr. imperātīvī. Простая форма: Sg. 2. amā-re, monē-re, audī-re; rege-re, capere, ferre, dūce-re (здесь сохраняется e в re); plur. 2. amā-minī, monē-minī, audī-minī; regi-minī и т.д. т.е. este или estōte (см. выше, 1.) - Усиленная форма: Sg. 2. 3. amā-tor, monē-tor, audī-tor; regito-r, capito-r, dūcito-r, ferto-r (вм. *amatō-r и т.д.). - Pl. 3. amanto-r, monento-r, audiunto-r; regunto-r, capiunto-r, ferunto-r (вм. *amantō-r и т.д.). (И так amā-minī и т.п. имеет двоякое значение: „вы любимы" и „будьте любимы", потому что опущено в первом случае estis, а во 2мъ - este; ср. наше: „ты пошел" (т.е. „еси") и „пошел!" (т.е. „будь!"). - Кроме того в юридич. яз. иногда сохранялась древняя форма и Sing. 2. 3. на -mino: именно fā-mino, prae-fāmino, prōgredi-mino, arbitrā-mino, operi-mino, frui-mino, prōfitē-mino, dē-nuntiā-mino, antestā-mino (последнее в Зак. XII таб., прочие новые). - Эта форма на -mino есть nōm. sg. part. praes. pass. вм. *-mino-s (как в грч. -μενο-ς, §42, 3. д.; об утрате -s в nom. sg. см. §31, 2. б.); след. в упомянутых случаях подразумевалось, а потом забылось estō(!).(+)
[Грч. Sg. 2. λύου (= *λύε-σο как δίδο-σο и пр. в глаголах на -μι), 3. λυέ-σθω; pl. 2. λύε-σθε, 3. λυέ-σθων или λυέ-σθωσαν; duāl. 2. λύε-σθον, 3. λυέ-σθων; в глаг. на -μι основа не изменяется, как в praes. ind.)
4. Imperf. ind. Sg. 1. amāba-r (= *amābā(m)-se), 2. monēbāris, 3. audiēbāt-u-r (в древн. яз. было также audībar, largība-r и т.п.; см. §38, II. 4.); pl. 1. legēbamu-r, 2. capiēbā-minī, 3. vehē-bantur [Грч. Sg. 1. ἐ-λυό-μην, 2. ἐλύου (= *ἐλύε-σο как ἐ-τίθε-σο), 3. ἐ-λύε-το; pl. 1. ἐ-λυό-μεθα, 2. ἐλύε-σθε, 3. ἐ-λύο-ντο; duāl. 1. ἐ-λυό-μεθον, 2. ἐλύε-σθον, 3. ἐλυέ-σθην]
5. Imperf. conj. (opt.) 1. amāre-r (= *amārē(m)-se), 2. monērēr-i-s, 3. audīrēt-u-r, ederēt-u-r и essēt-u-r; pl. 1. caperēmu-r, ferrē-minī, veherent-u-r [В грч. нет; заменяется часто посред. praes. opt. - выше 2.)
6. Futūr. ind. Sing. 1. amabo-r, monēbor; audia-r, regar, capiar; в трех последних есть собств. praes. conj. (см. §38, II. 2. и 6. и выше 2.); но в древнем языке было и audī-bo-r, operī-bo-r (§38, II, 6; ср. выше 3.). 2. amāber-i-s (= *amābis-i-se, см. 1.), monēber-i-s; audiēr-is, regēr-is, capiēr-is (в трех последних есть собств. praes. opt.; см. §38, II. 2. и 6. и выше 2.); 3. amābit-u-r, audiet-ur, regēt-u-r; pl. 1. monēbimu-r, capiēmu-r; 2. amābi-minī, audiē-minī, regē-minī; 3. monē-buntur, regent-u-r, audient-ur. - Conj. как в act. нет.
- [Грч. a) fut. med. Ind. Sg. 1. λύσο-μαι, 2. λύσῃ и т.д. см. pr. ind. (выше, 1.); opt. 1. λυσοί-μην, 2. λύσο-ι(σ)ο и т.д. см. pr. opt.; сверх того: б) fut. pass. ind. λυθή-σο-μαι, opt. λυ-θη-σο-ί-μην и т.д. и в) fut. II. pass. τριβή-σο-μαι и т.д. (от τρίβω тру); opt. τριβησο-ί-μην и т.д. - Fut. medii часто имеет по действ., то страд. значение (§38. II. 6.; 36, 1. г. и 3.)].
7. Perf. ind. описательно из part. pf. pass. (§42, 3. б.) и praes. ind. гл. esse: amātus, -ta, -tum sum, es, est; moniti, -tae, -ta sumus, estis, sunt. [Грч. Sg. 1. λέ-λυ-μαι, 2. μέ-μνη-σαι и т.д. (= memin-istī, pr. μι-μνή-σκω вспоминаю)].
8. Perf. conj. (opt.) из part. perf. pass. и opt. (conj.) praes. гл. esse: audī-tus, -ta, -tum sim, sīs, sit; recti, -tae, -ta sīmus, sītis, sint. [В грч. очень немногие глаголы имеют особую форму для conj. и opt. perf., напр. conj. με-μνῶ-μαι, -σαι и т.д.; opt. με-μνῄ-μην, -σο и т.д.; обыкн. же они выражаются описат., как и в лат. из part. pf. pass. и praes. conj. или opt. глаг. εἰμί; напр. conj. λε-λυ-μένος ὦ, ᾖς и т.д.; opt. λελυμένος -νη, -νον εἴην, εἴης, εἴη и т.д.; imper. Sg. 2. λέ-λυ-σο, 3. λελύ-σθω и т.д. подобно imper. praes. (т.е. -σθε, σθων и т.д.)].
9. Pl-qm-perf. ind. из part. pf. pass. и impf. ind. гл. esse: rec-tus, -ta, -tum eram, erās, erat; capti, -tae, -ta erāmus, erātis, erant. [Грч. ἐ-λελύ-μην, ἐ-λέλυ-σο, ἐ-λέλυ-το и т.д.]
10. Plus-qm-perf. conj. (opt.) из part. pf. pass. и impf. conj. гл. esse: da-tus, -ta, -tum essem, essēs, esset; audītī, -tae, -ta essēmus, essētis, essent [Грч. нет].
11. Futūr. exact. ind. В древн. яз. есть остатки особой формы, образованной от futur. ex. act.; посред. r = se; таково nancsit-o-r (XII Tab.), faxit-ur, jussit-u-r, levāssit-u-r, turbassit-u-r, mercassit-u-r. - Обыкн. же описат. из part. perf. pass. и fut. гл. esse: da-tus, -ta, -tum erō, eris, erit; moniti, -tae, -ta erimus, eritis, erint. (Conj. нет). [Грч. med.: ind. λελύ-σο-μαι и т.д.; opt. λελυ-σο-ί-μην и т.д.; об актив. знач. многих см. §39, II, 5.].
12. Aoristus. - От него сохранился остаток только в genitur (ср. §40). [В грч. а) aor. II med.: ind. ἐ-λιπό-μην, conj. λίπω-μαι; opt. λιποί-μην, imper. λιποῦ и т.д.; б) aor. I med.: ind. ἐ-λυσά-μην, conj. λύσω-μαι; opt. λυσαί-μην, imp. λῦσαι; в) aor. II pass. (акт. форма): ind. ἐ-τρίβη-ν, conj. τριβῶ, opt. τριβ-είη-ν, imp. τρίβη-θι; г) aor. I pass. ind. ἐ-λύθην, conj. λυθῶ, opt. λυθείη-ν, imp. λύθη-τι (вм. *λύθη-θι ради диссимил.) и т.д. как aor. II act. в гл. на -μι].

(+) Форма на -minor до сих пор приводимая некоторыми невеждами (напр. Н. Коссовичем в пер. Кюнера) есть просто выдумка грамматиков, как доказано Ричлем, Мадвигом и др. (см. Neue II, 302); да она и не могла быть, как невозможное языкное уродство: все равно, как если бы по-русски сочинить „делаемыйся" и в добавок сказать, что это есть повел. накл. и при том 2го л. множ. числа!

§42. Глагольно-именныя формы.

Опредѣленіе и раздѣленіе ихъ см. §36, 2. (настоящія отглагольныя имена сюда не относятся).

1. **Infinitivus** есть существ. форма глагола ср. р. съ основою въ лат. яз. на -es- въ дат. пад. (см. §31, 1. е. и 8), съ падежнымъ суфф. въ древнѣйш. время -ei, -ē, который уже въ арх. періодѣ сократился въ -e; но иногда встрѣчается и -ē, напр. darē, prōmerē. - Падежная сила рано забылась и infin. сталъ считаться за пад. имен.-винит., а слѣд. могъ быть подлежащимъ и прямымъ дополненіемъ, напр. mentīrī est turpe, nōlī mentīrī; прочіе падежи замѣняются герундіемъ (см. ниже 3, г.) [Въ грч., нѣм. и нѣкоторыхъ другихъ языкахъ infin. можетъ употребляться вполнѣ какъ имя съ членомъ во всѣхъ падежахъ]. Лат. infin. имѣетъ двѣ формы дѣйств. зал. praes. и perf., кромѣ остатковъ отъ fut., и одну - страд. - praes.; все прочее описательно выражаются fut. act. и perf. и fut. pass.

а) praes. inf. act. образуется изъ общей прäз. основы глагола + -se (вм. -es-ē), какъ: es-se отъ корней es и ed (pos-se = pot-esse), или съ ассимиляціею: fer-re, vel-le (nōl-le, māl-le; ср. impf. conj. §38, II. 5. и superl. на -rimo- и -limo- §33, 3. в., а также §22, 1. а. β); между гласными s въ r: da-re, stā-re, fore (съ буд. знач.), ī-re, lege-re, ed-e-re (рядомъ съ es-se), cape-re; amā-re, monē-re, audī-re и т. д. (ср. impf. conj., котораго образованіе идетъ вполнѣ параллельно съ pr. inf.). Въ одномъ глаг. со страд. знач. есть -ī вм. -e: fie-rī, но въ болѣе древн. яз. также fierī и fie-re. [Въ нар. нарѣч. -e и даже -re часто совсѣмъ исчезало: conder, face и пр.; съ 6. в. по Р.Х. къ нѣкоторымъ лат. infin., напр. esse, volle (= velle), казавшимся недостаточно ясными, приставлено -re (слѣд. здѣсь удвоено -se; ср. §§32, 3. gen. sg.; 36, 6.; 37, 1. и 38, II. 5), напр. esse-re, vole-re, что и осталось въ итал., а во франц. отсюда estre, être, vouloir. Окончанія -āre, -ēre, -ĕre, -īre сохраняются и въ итал., но съ исключеніями во фр. обыкн. -āre въ -er, -ēre въ -oir, -ĕre въ -re, -īre въ -ir].

б) perf. inf. act. производится такимъ же образомъ отъ основы perf. ind., какъ praes. inf. отъ прäзентной основы, тѣмъ - что тоже - прибавляя -is-se (= esse) къ общей перфектной основѣ (§39, I); слѣд. dedis-se (или ded-isse), ēdis-se, (tetulis-se, scripsis-se, vexisse, lēgis-se и -lexisse, cēpis-se, voluis-se, monuis-se, amāvis-se, dēlēvis-se, audīvis-se, nōvis-se и т. д.; v б. ч. опускается, а за тѣмъ слѣдуетъ стяженіе: amāsse, audīs-se, delēsse, redī-isse и redīsse, nōsse и пр. (ср. §39, особ. II, 4. и прим. 3). Въ древн. яз. встрѣчаются формы и безъ -is-, напр. dīxe, vexe, scrīp-se, contemp-se (ср. §39, особ. II, 2, 4. и 5).

в) fut. inf. act. образовывалось нѣкогда такимъ же обр. отъ архаичной основы fut. ex. (§39, II, 5), но сохранилось только въ остаткахъ отъ произв. гл. на -ā, напр. impetrāssere, levāsse-re, āverruncāsse-re и др. Обыкн. же оно выражается описат. посред. part. fut. act. и esse, напр. rectūrus, -a, -um, -ī, -ae, -a esse.

г) praes. inf. pass. оканчивалось въ болѣе др. яз., а иногда и у Вергилія, Горація и даже болѣе позднихъ авторовъ, въ глаг. 3го спр. на -ier, а въ прочихъ на -rier = -sier, въ класс. же время сокращенно на ī и -rī (что было впрочемъ уже и въ доклас. эпоху, а иногда и сокращалось въ -i и -ri въ томъ же случаѣ какъ и въ imper. act., §38, II. 3.); напр. *dasier, da-sī, da-rī, da-ri; ferrier и fer-rī, amārier и amā-rī, monē-rier и monē-rī, audī-rier и audī-rī, но leg-ier и leg-ī, capier и cap-ī, patier, patī (и pati), loquier, loquī (и loqui). Эта форма не вполнѣ разъяснена; но, вѣроятно, не отступаетъ отъ способа образованія вообще страд. зал., т. е. производится отъ praes. inf. act. (частью въ обыкн., частью въ иной формѣ) съ прибавленіемъ возвр. мѣстоименія se (+).

д) perf. inf. pass. - описат. изъ part. perf. pass. (ниже 3. б) и esse: amātus, lātus, -a, -um; -ī, -ae, -a esse.

е) fut. inf. pass. - описат. изъ супина (ниже, 2) и īrī (т. е. pr. inf. pass. отъ √i); datum, monitum īrī.

Прим. Dēpōnentia имѣютъ fut. inf. дѣйств. а не страд. формы (Почему здѣсь отступленіе?).

[Въ греч. inf. иначе образуется, и именно въ дѣйств. зал. оканчивается на -μεναι, сокр. -μεν, или обкн. на -εναι, откуда *-ειναι, -ειν; въ возвр.-страд. всегда на -σθαι, кромѣ аор. страд., кой на -ῆναι. Эти формы суть loc. (++) отъ основъ ж. р. на -μενα- (ниже 3. д. см. part. pass.), -ενα- (3. г.) и -σθα (§31, 8); образуется infin., какъ и partic., отъ основы каждаго temporis ind., кромѣ impf. и plqpf., именно: α) praes. act., напр. ἔμ-μεναι (изъ *ἐσ-μεναι), ἔ-μεναι, ἔ-μεν, обкн. εἶναι; обыкн. въ глаг. на -μι оканчивается на -ναι, въ прочихъ - на -ειν, напр. διδό-ναι, τιθέ-ναι, ἱστά-ναι, λύειν; contr. τιμᾶν, φιλεῖν, δουλοῦν; β) pr. med. δίδο-σθαι, λύε-σθαι и т. д.; γ) fut. act. древн. δωσέμεναι, *δωσέ-μεν, обкн. δώσειν, λύσειν и т. д.; δ) fut. med. λύσε-σθαι и т. д.; ε) fut. I pass. λυθήσε-σθαι; ζ) fut. II pass. τριβήσε-σθαι; η) fut. ex. act. στήξειν; θ) fut. ex. med. λελύσε-σθαι; ι) perf. I act. ἑστά-μεναι, -μεν, обкн. λελυκέ-ναι и т. п.; κ) pf. I. med. λελύ-σθαι; λ) pf. II. act. ὀλωλέ-ναι; μ) aor. I act. λῦσαι; ν) aor. I med. λύσα-σθαι; ξ) aor. I. pass. λυθῆ-ναι; ο) aor. II act. древн. δό-μεναι, θέμεναι и т. д.; потомъ δόμεν, θέ-μεν и пр., обкн. въ глаг. на -μι: δοῦναι, θεῖναι, στῆ-ναι; въ гл. на -ω: λιπεῖν и т. д.; π) aor. II. med. λιπέ-σθαι; ρ) aor. II pass. τριβῆ-ναι.

Въ слав. есть только praes. inf. act. (по разницѣ видовъ или степеней, см. §35, 4) оканчивающееся на -ти, что есть dat. или loc. именныхъ основъ на ti (-ть), напр. да-ти, влас-ти (√влад), печи (вм. *пек-ти), мощи (вм. *мог-ти), бы-ти, дѣла-ти, писа-ти и т. д. (§31. 8. [ср. сущ. влас-ть, печь, мощь, по́-дать и др. и лат. и грч. сущ. на -ti-s и -si-s). Въ русск. -ти сократилось въ -ть, а -щи въ -чь, а потому не отличается отъ нѣкоторыхъ существ. именъ; напр. гл. (по-)дать и сущ. (по́-)дать; печь, течь (гл. и сущ.), (с-)честь (гл.) и честь (сущ.) и др. (+++) [Въ возвр. зал. присоединяется въ сл. ся, въ рск. -ся].

(+) Можетъ быть въ древн. inf. act. была просто глаг. основа въ пад. дат., къ которой примкнуло se, напр. *leg-ei, *legē (какъ иногда въ скр., напр. drç-ē видѣть). См. объ inf. pass.: Corssen I, 722 ff. и II, 478 f.; Schleicher 474 ff., Chrest. 359. Merguet Formenbild. 248 f., 260; Ablaut. 34 f.; Meyer I, 59. и II, 123 ff. (++) Мы слѣдуемъ доводамъ Curtius'а (Erläut. 186 f.); по Bopp'у (II, 277-285) и нѣк. др. здѣсь dat.

(+++) Некрасовъ l. c. 17. видитъ въ этомъ одинъ изъ признаковъ выдуманной имъ „вещественности" русскаго глагола! Въ другихъ языкахъ можно найти ея еще болѣе, напр. скр. drç-ē „видѣть" и „глазу"; и умбр. inf. на -om, -um, напр. умбр. erom, вольск. ferom, оск. deicum; въ кельт. inf. на -tin съ род. п.

2. Supīnum(+), оканчивающееся на -tum и -tū, есть также существ. форма глаг. (из общей глагосновы) съ осмат. суфф. -tu-, которая употребляется только въ пад. винит. (Sup. 1) и отлож.-дат. (Sup. 2) (§31. 1. е, 4, 6, 8). Потому-то Sup. 1. (acc.) соединяется только съ глаголами выражающими движение къ чему-нб. и именно для обозначения цели того движения, напр. cubitum eō; Sup. 2. (abl.-dat.) иногда съ глаголами, напр. cubitu surgō, но преимущ. после прилагат., напр. turpe dictū. Впрочемъ Supīnum не часто употребляется, а отъ многихъ глаголовъ и вовсе не встречается; но такъ какъ supīn. и part. perf. образуются вполне параллельно во всехъ частностяхъ, то обыкн. принимается, что где есть одно, тамъ возможно и другое; этого правила, ради его практическихъ удобствъ, будемъ держаться и мы въ своемъ изложении этихъ форм; часто, однако, не бываетъ ни того ни другого. — Производятся прямо отъ корня: da-tum, da-tū (di-tum, -tū), sta-tum, -tū (sti-tum, -tū) и stā-tum, -tū; i-tum, sa-tum, ru-tum; flē-tum; nō-tum, pō-tum; rup-tum, cap-tum, sec-tum, fac-tum; scrip-tum, lec-tum, vec-tum, vīc-tum, flūc-tum, strūc-tum (вм. scrīb-, leg-, veh-, vīv-, fluv-, struv-tum, -tū) (§22, 1. б. α); съ утратою v после гортаннаго звука: coc-tum, unc-tum (coqu-ō, ungu-ō, §21. 4. д), а иногда изъ этого v после гортанныхъ, по аналогии произв. глаг., имеющихъ въ супине долг. гласн. (ā, -ē, ī, -ū), развилось ū: solū-tum, secū-tum, locū-tum (solv-, sequ-, loqu-); v после гласныхъ переходитъ въ u, а затемъ обкн. является синэресис или синизесис (§23, ж., 18, 1. и 2., 19, 1. а.), напр. lau-tum, позднее lō-tum, (lav), ou въ ō: mō-tum, fō-tum, vō-tum (mov-, fov-, vov-); uu въ ū: jū-tum; удлиняется u въ произв. 2-го разряда (§37, 3. б.): acū-tum, tribū-tum (но остается короткимъ въ первообр. ru-tum). После m вставляется p: em-p-tum, sūm-p-tum, -tem-p-tum (§21, 2.; ср. §39, II. в.); после m и b — взаимная полная ассимиляция: pres-sum и jus-sum (отъ √√ prem и jub; ср. §39, II. в.). После n, r и l иногда -sum вм. -tum (§21, 1. б. β), иногда колебание: man-sum (но can-tum), ten-tum и tēn-sum; cur-sum (но par-tum, or-tum); fal-sum, pul-sum, vul-sum (но sepul-tum, ul-tum); съ утратою гортаннаго звука после r и l (§21, 4. г.): sar(c)-tum, tor(c)-tum и tor-sum (torqu-eō), indul(g)-tum и indul-sum, ful(c)-tum, mul-sum (mulc-eō и mulg-eō), mer(g)-sum; также pas-tum вм. *pasc-tum; метаеесь и экпеитесь: mis-tum и mis-tum вм. *misc-tum (§21, 1. и 4. ж). Зубные d и t въ древн. яз. изредка выпадали передъ -tum (§21, 4. а.), напр. ad-gre(d)-tum; чаще изменялись въ s (§22, 2.): com-es-tum (ed), после чего обкн. следовала обратная ассимиляция (§22, 1. а. β.), какъ mis-sum, pas-sum (pat), fas-sum (fat-), fos-sum (fod-), cēs-sum (cēd), fis-sum (fid, pr. find-ō), а изъ двухъ s одно б. ч. утрачивается: versum (= *vers-sum = *vers-tum = *vert-tum), ē-sum (ed), cā-sum (cad), au-sum (aud), fū-sum (fud, pr. fund-ō) и пр. (но въ более древн. яз. было еще cas-sum, aus-sum, fus-sum и др.; также cēnsum вм. cēns-sum = *cēns-tum). Отсюда -sum, -sū перешло и на другие случаи: lāp-sum, fixum, nexum (lāb-, fīg, nec-). — Часто встречается вспомогат. i (§19, 3. а), въ особ. тогда, если pf. оканчивается на uī, нпр. gen-i-tum (pr. gi-gn-ō, pf. gen-uī), mon-i-tum, cub-i-tum (но sec-uī, sec-tum и пр.); нерѣдко и въ этомъ отношении есть колебание: miser-tum и miser-i-tum, ru-tum и ru-i-tum (ср. 3. в.). — Изъ презентной основы перешло n въ sup. въ junc-tum (jug), tun-sum и tūsum (tud) и др. Суп. отъ другого корня: lā-tum для fer-ō. — Въ производныхъ: amā-tum, audī-tum, dēlē-tum; отъ основъ на -ē есть еще только произв. -olē-tum, -solē-tum, quiē-tum и первообр. flē-tum, nē-tum, plē-tum, crē-tum (cer-nō и crē-scō), sprē-tum (sper-nō), suē-tum (о томъ, что некогда существовали и другие, должно заключать изъ некоторыхъ именъ; см. ниже 3. б. и §48, 3. д). — Многие производные глаголы имеютъ суп. отъ первичн. основъ; напр. ven-tum, son-i-tum (хотя venī-re, sonā-re) и почти все 2-го спр. (moni-tum, doc-tum и пр.); наоборотъ: petī-tum, cupī-tum, rudī-tum (хотя сущест. petere, rudere и др., которыхъ и perf. оканчивается на -īvī (§39, II. 1. г. и §24, 7. в. β); иногда колебание: plicā-tum и plici-tum, fricā-tum и fric-tum, sancī-tum и sanc-tum. — Изредка встречается форма и на -tō вм. -tū, напр. fac-tō (opus est); это, вероятно, вследствие смешения 4-го скл. со 2-мъ (§31, 1. а). — (Отъ многихъ глаг. основъ производятся поср. суфф. -tu- (-su) настоящия сущ. имена м. р., употребляющияся во всехъ пад. и не управляющия падежомъ глагола, нпр. victu-s, sonitu-s, cur-su-s, ūsu-s (= *ūt-tu-s) и пр.).

[Въ греч. нетъ супина, но этимологически ему соответствуютъ сущ. ж. и ср. р. въ виде исключения — ср. р. съ суфф. -τυ, какъ ἐδη-τύ-ς f. пища отъ √ἐδ = лат. √ed есть; Fάσ-τυ n. городъ отъ √Fασ жить (ср. сл. (сущ.) весь). — Въ слав. и изредка въ др.-рск. есть суп. вин. п. или т. наз. достигат. наклонение на -тъ = -tu-m (§31, 4), след. совершенно какъ въ лат.: да-тъ, бы-тъ, ис-тъ, дѣла-тъ и пр.; вм. *-к-тъ и *-г-тъ говорилось -щь, напр. печь, мочь. — Есть остатокъ и 2-го суп. въ форме на -ту = лат. -tū (т. е. дат.-мѣст. п.), именно бы-ту. — Въ рск. исчезло, но есть сущ. имена съ темъ же суфф., напр. бы-тъ.]

3. Participia суть энергические прилаг., т. е. представляютъ глагольное действие въ виде прилагат. атрибута. Есть въ лат. два съ действ. и два со страд. значениемъ (praes. и fut. act. и perf. и fut. pass.); кроме того есть остатки и другихъ некогда бывшихъ прич., именно aor. act. и pr. pass.

a) part. praes. act. образуется отъ презентной основы поср. осмат. суфф. -ent- (происшедшаго изъ *-ont-, -unt), которое после -a-, -ā-, -ē- и -e- теряетъ свое e, след. остается -nt-. Въ nom. sg. передъ суф. -s утрачивается t (§21, 4. а. и §31, 2.) и след. прич. оканчивается здесь на -ēns (-ē-ns, -ā-ns) (о долготе см. §18, 1. б. а. и β.); изъ муж. и ж. р. это окончание распространилось и на средний (§§29, 1.; 30, 1.; 31, 1. б. и 2. а. кн.), напр. -s-ēns (вм. *es-ēns) въ prae-sens, ab-sēns; въ позднейшемъ (съ 1-го в. по Р. Х.) филос. яз. по греч. образцу употреблялось и просто ēns (см. стр. 56); i-ens, но род. e-unt-is вм. *i-unt-is (§19, 2. а. β.; ср. e-ō и e-unt, e-am, §38, II, 1. и 2. и e-undum — ниже г.) (только здесь сохраняется -unt-, но въ позднейшемъ яз. иногда и

(+) Название не имеетъ смысла: оно есть переводъ греч. ὕπτιον (отъ ὑπό), какъ некоторые (и. м. стоики) называли страд. зал. и перенесено на эту существ. форму по внешнему ея сходству съ part. perf. pass. (См. Steinthal Gesch. der Sprachwiss. bei d. Gr. u. Röm., s. 645 f.). Лат. и слав. супинамъ соответствуетъ въ скр. inf. на -tum, нпр. dā-tum.

здѣсь i-ent-is и т.д.); vol-ēns, fer-ēns; lege-ns, capiē-ns, pariēns; dā-ns, stā-ns, flē-ns; amā-ns, hortā-ns, monē-ns, audi-ēns. Въ склоненіи смѣшиваются согласныя и i-основы, именно: въ abl. -ī и -e (второе почти всегда въ abl. abs.), въ gen. pl. -um и -ium, въ nom. pl. ntr. -ia, но въ древн. яз. и здѣсь иногда -a (напр. silent-a). (Можетъ быть первоначально прич. ж. р. оканчивались въ nom. sg. на -nt-i-s (ср. грч. и слав.), т.е. шли по -i, а м. и ср. р. по согласному скл., позднѣе же произошло смѣшеніе, а отсюда и двойныя формы для всѣхъ родовъ). – Многія причастія совершенно утратили глаг. значеніе, т.е. стали просто прилаг. и даже сущ. именами, напр. pot-ēns, prae-stans, in-fāns, adolescēns, а также par-ēns, которое по формѣ есть прич. аориста (исчезнувшаго; см. §40. и 41, 12.), ибо произведено отъ корня или общей глагольной основы (ср. part. pr.: par-i-ens) (Такого же образованія суть слова frequēns, recēns, petulāns, dēns и др., для коихъ нѣтъ соотвѣтств. глагола. Тотъ же суфф., съ прибавленіемъ другихъ является въ словахъ vol-unt-ārius, Cōn-stā-nt-ius, sapi-ent-ia, silent-ium, unguе-nt-um и пр.) [Ср. нѣм. freund, feind; грч. и сл.]

[Въ греч. прич., какъ и неопред. накл., бываетъ всѣхъ временъ и залоговъ, кромѣ impf. и plqpf., и во всѣхъ формахъ дѣйств. зал., кромѣ perf., и въ аор. стр. зал. образуется поср. того же суфф. -οντ-, послѣ гласныхъ (кромѣ ι, какъ и въ лат.) -ντ-; женск. р. обозначался сверхъ того суфф. -jā-, слѣд. *-οντ-jā-, -ντ-jā-, отсюда *-οντ-σα, *-ντ-σα (§23. д.), наконецъ -ουσα, -σα (съ удлинн. предыдущ. гласнаго; но въ др.-дор. иногда встрѣчается и -ντα); въ nom. sg. masc. вм. *-οντ-ς или *-ο-ντ-ς является -ων, а если ο есть коренное (какъ въ δο), то -ους (ср. §21, 3. б. и 4. а. и выноску на стр. 69), ntr. вм. -οντ или -ο-ντ всегда -ον, fem. всегда -ουσα; gen. msc. ntr. -οντ-ος, f. -ούσηс и т.д.; такимъ же образ. послѣ -α- выходятъ -ᾱς, -αν, -ᾱσα, gen. -α-ντ-ος, -ᾱσης; послѣ -ε-: -εις, -εν, -εισα, dat. -έντι, -είσῃ; послѣ -υ-: -ῦς, -ύν, -ῦσα, acc. -ύντα, -ύν, -ῦσαν; contr. -ῶν (m.n.), -ῶσα, -ῶν, -οῦν, -οῦσα.

α) praes. act., напр. отъ ἐς есть древн. (дор. и іон.) ἔ-ων m., ἔ-ον n., ἐ-οῦσα f., позднѣе (атт.) ὤν, ὄν, οὖσα (стр. 56); ἰ-ών, ἰ-όν, ἰ-οῦσα, g. ἰ-όντος, ἰ-ούση-ς (ср. лат. i-ēns, e-untis); въ прочихъ на -μι: διδούς, -όν, -οῦσα; τιθείς, -έν, -εῖσα; ἱστάς, -άν, -ᾶσα; δεικνύς, -ύν, -ῦσα (показывающій). – Въ глаг. на -ω: λύων, -ον, -λύ-ουσα; contr.: τιμῶν (m. n. = -ά-ων и -ά-ον; gen. -ῶντος), -ῶσα (= ά-ουσα); φιλῶν, -οῦν, -οῦσα (gen. -οῦντος, -ούσης); δουλῶν, -οῦν, -οῦσα.

β) aor. II (simplex) act.: δούς, δόν, δοῦσα; θείς, θέν, θεῖσα; στάς, στάν, στᾶσα; въ глаг. на -ω: λιπών, λιπόν, λιποῦσα и т.д.

γ) fut. act. δώσων, -δῶσον, δώσουσα; θήσων, στήσων, δείξων, λύσων; τενῶν; τιμήσων, δρᾱσων, φιλήσων, δουλώσων.

δ) aor. I (compos.) act.: λύσας, λῦσαν, λύσᾱσα и т.д.

ε) aor. II. pass.: τριβείς, -έν, -εῖσα (см. α. и β.) ζ) aor. I. pass. λυ-θείς, -έν, -εῖσα (тоже какъ pr. и aor. [illegible] act. глаг. на -μι). (Этотъ же суфф., какъ и въ лат., есть въ разныхъ прилаг. и сущ.; напр. ἑκών, -όντος добровольный; γέρων старикъ, ὀδούς зубъ)

Въ слав. part. praes. act. образуется отъ праз͡ентной основы поср. того же суфф. -онт- (послѣ гласныхъ -нт-), но такую форму сохраняетъ оно только въ nom. msc. и ntr. sg., и именно въ видѣ -ы, а послѣ j съ сохраненіемъ носового звука -ѧ; напр. с-ы m. n. (вм. *ес-онт-с и *ес-онт), яд-ы; везы, беры; дѣлаjѧ; морѧ (= *морjѧ, = *мор-jант- = *мор-jенте *мор-jонт-), пишѧ (= *писjѧ) и т. д. (Ср. nom. и acc. pl. въ §30, 2. и §31, 2. г. и 10). Во всѣхъ остальныхъ формахъ суффиксъ -онт- расширяется какъ въ сравн. ст. (§33, 2. б. и въ part. pf., см. ниже в.), т.е. въ nom. pl. masc. поср. -j-, (по 3 скл.) въ прочихъ падежахъ sing. и pl. msc. и ntr. поср. -jo- (слѣд. по 2 скл.), а въ fem. - поср. -ju- (= -ja- и слѣд. идетъ по 1 скл.), а -nj- превращается въ -щ- (рск. -щ- и -ч-); напр. nom. pl. msc. сѫщ-е (= *ес-онтjе), пишѫщ-е, дѣлаjѫщ-е, но морѧще (-jѫ- измѣнилось въ -ѧ-); gen. sg. ms. ntr., nom.-acc. dual. m. и nom.-acc. pl. ntr. сѫщ-а, морѧща, и т.д.; dat. loc. nom. sg. f. сѫщи, морѧщи, gen. sg. и nom.-acc. pl. fem. сѫщѧ, морѧщѧ и т.д. Отсюда далѣе [illegible] можетъ распространяться поср. мѣстоименія и: сы-й m., сѫщеjе n., сѫщи-ja f. и т.д. – Если праз͡ентная основа глагола, имѣетъ будущее значеніе, то оно остается и въ прич.: бѫды (будущій), дады.

β) Есть остатокъ и дѣйствит. part. fut. act. съ тѣмъ же суффиксомъ (какъ въ грч. γ.), именно бы-шѧ (= *бысjѧнт), f. бышѫщи (= *бы-с-jѫт-ja) будущій, -ее, -ая (ср. §38, II. б). – Въ рск. слав.-ое неопр. прич. превратилось въ дѣепричастіе, т.е. нарѣчіе на -я (-а), иногда на -чи (= -щи), нпр. моря, дѣлая; пиша, дѣлаючи, будучи (съ праз. знач.), а опредѣленное (распространенное) осталось причастіемъ (почти только въ книжномъ яз.): морящій, дѣлающій, пишущій, будущій (съ буд. знач.). Съ измѣненіемъ щ (т.е. шч) въ ч причастіе стало прилагат., напр. горячій, ходячій, зрячій, кипучій. Иногда дѣепрч. производится отъ окончательнаго вида поср. того же праз. окончанія, но съ прош. (аористнымъ) значеніемъ: спустя, завезя и т.д.

в) partic. perf. обкн. passivi образуется отъ общей глаг. основы поср. суффикс. -to- (-so), слѣд. оканчивается въ nom. sg. на -to-s (обкн. -tu-s) m., -to-m (-tu-m) n., -ta f., и (какъ замѣчено выше 2.) идетъ вполнѣ параллельно съ супиномъ, напр. da-tus, cap-tus, lec-tus, ē-sus, ū-sus, cēn-sus, amā-tus, mon-i-tus и т.д.; но для глаг. morior вм. прич. служитъ прилаг.: mor-tuo-s. – Первонач. это причастіе, какъ и въ другихъ языкахъ, [illegible] имѣло исключ. страд. значенія (ср. грч. κε-κλαυ-μένος и δε-δακρῡ-μένος проплакавшій; фрнц. juré, resolu; assis, allé, venu; нѣм. entschlossen, gegangen и т.д.; русск. участвый, ученый и пр., см. ниже]; потому и въ позднѣйш. яз. причастія jūrātus, coenātus, prānsus, pōtus, ōsus, obsolētus, suētus и др., а также отъ dēpōnentia, какъ passus, ūsus и пр. имѣютъ дѣйств. значеніе. Однако многія причастія отъ dēpōnentia иногда, особ. въ болѣе древнемъ яз. употреблялись и въ страд. смыслѣ: populātus, confessus, adeptus, ēmentītus и пр. – И отъ интранз. глаголовъ также образуется это причастіе, но употребляется только въ безличныхъ выраженіяхъ (§§35, 3. б. и 36, 1.), напр. itum est, mihi persuāsum fuit, crēditum erit и т.д. Многія изъ нихъ стали просто прилаг. и даже сущ. именами, напр. cōnsultus, scītus, adultus, altus, falsus, nupta, parta; nātus (сынъ), dictum, factum, facētum (olētum); fossa, pacta; есть много на -ētum, изъ коихъ видно, что нѣкогда часты были причастія отъ произв. основъ на -ē- (ср. §48, 3. д.), многія изъ нихъ даже не имѣютъ соотв. глаг.; обкн. означается ими мѣсто снабженное чѣмъ-нибудь, напр. arborē-tum, salē-tum, glabrē-tum и пр. (Суфф. -to остается и въ итал. яз., нпр. amato, finito, fatto и пр., но во фрнц. б. ч. утраченъ: aimé, fini, fait; какъ сущ.: итал. fatto, vista и пр.; фрнц. fait, vue и др.).

[Въ грч. такъ образуются adjectiva verbālia, нпр. δο-τός, -τή, -τόν (datus), στατός (status), θετός, γνω-τός (gnō-tus), λυ-τός (solū-tus и solūbilis), и какъ имена: ἄρκτος медвѣдь, ἄρ-τος хлѣбъ. – Part. же perf. act. и med.-pass. образуется иначе чѣмъ въ лат.; именно pt. pf. act. оканчивается въ муж. р. на

-ϝώς (обкн. -ώς, §21, 4. д.), ср. -ϝός (-ός), ж. -υῖα; gen. sg. m. n. (ϝ)ότ-ος, f. -υίᾱ-ς. Слѣд. здѣсь суфф. м. и ср. р., примыкающій къ перфектной основѣ есть -ϝοτ-, происшедшее изъ *-ϝοντ- (тождеств. съ суфф. -ϝεντ- въ прилагательныхъ, напр. νιφό-ϝεντ-, nōm. sg. m. νιφόϝεις, n. -ϝεν, f. -ϝεσσα nivōsus, ὑλή-ϝεντ- silvōsus, и родств. съ лат. -ōs-o-, -ōns-o- изъ *-vons-o-, *-vont-o-, напр. niv-ōs-o-s, form-ōs-o-s изъ form-ons-o-s, §21, 4. а.); въ ж. р. этотъ суфф. распространяется еще поср. -ja- (какъ выше -α-); так. обр. nōm. sg. ntr. -ός = *-ϝότ (безъ пад. суфф.; §§29, 1.; 30, 1. и 3. и пр.) msc. -ώς = *-ϝότ-ς, а f. -υῖα = *-ϝότ-ja; напр. pf. II. πε-φην-ώς, -ός, -υῖα; perf. I. λε-λυκ-ώς, -ός, -υῖα. (Part. perf. med. pass. имѣетъ суфф. -μενο-; см. ниже д.). — Въ слав. и рск. part. pf. pass. отъ нѣк. глаг. образуется (какъ и въ лат.) поср. суфф. -то- (-to-), но почти исключ. послѣ гласныхъ; nōm. sg. -тъ, -та, -то, напр. пи-тъ, также кла-тъ (въ рск. пи-т, кля-т; также прилаг.: про-клятъ, бога-тъ, жена-тъ, черна-тъ); обкн. же поср. нѣсколько менѣе реальнаго суфф. -но- (кое есть и въ слав.-рск., лат. и грч. прилаг. и сущ., нпр. плѣ-нъ = plē-no-s, mag-no-s, σεμ-νός по-чтен-ный, som-no-s со-нъ, dō-no-m да-нное, τέκ-νο-ν дитя, т. е. рожденное), nōm. sg. -нъ, -на, -но, напр. да-нъ, бiје-нъ (р. битъ), дѣланъ и т. д.; въ рск. да-н, -на, -но и пр.; иногда отъ интранз. гл. (какъ и въ лат.): сиже-но, гдѣже-но, съ акт. знач. (какъ и въ друг. яз. — см. выше): смышленый, моленное; учен; умный, честный, трубный). — Сверхъ того есть

β) part. perf. act. и двоякаго образованія: I) съ тѣмъ же суфф., что и въ грч., т. е. *-вот- = *вонт-, который, примыкая къ общей глаг. основѣ, послѣ гласныхъ измѣняется въ -вѣс-, изъ коего остается по правилу въ nōm. ms. и ntr. -въ, напр. дѣла-въ; послѣ согласныхъ въ -ъс-, -ъ (т. е. в исчезло какъ въ греч.), нпр. пек-ъ, нес-ъ; послѣ произв. основъ на -i- то и другое, но -i- передъ -ъ измѣняется въ j, а jъ въ ь; нпр. хвали-въ и хваль. Во всѣхъ остальныхъ формахъ къ суфф. -вѣс-, -ъс- примыкаетъ (какъ и въ part. pr. и fut. и въ сравн. ст., см. выше α. и §33, 2. б.) j или -jo- или -ja- (jи), а сj измѣняется въ ш; напр. nōm. pl. msc. дѣла-вѣш-е, dat. sg. m. n. и gen.-loc. dual. о. g. пек-ъш-у; nōm. sg. fem. хвали-вѣши и хвальши и т. д. (Отсюда въ рск. дѣепрпч. прош. вр.: хваливъ и хваливши, а съ мѣст. и остатки и причастіемъ: хвалившiй, -ая, -ее и т. д.) [Почему въ окончаніи -въ должно здѣсь видѣть суфф. -вѣс- = *-вонт-, а не просто -во-, какъ въ ласка-въ, лат. al-vo-s и т. п.?] — II) съ суфф. -ло- (= -ρο-, см. §23, г.); nōm. -лъ, -ла, -ло; нпр. да-лъ, тѣ-лъ (вм. *тѣд-лъ), билъ, хвали-лъ и пр. (Этотъ же суфф. часто бываетъ и въ слав., лат. и греч. сущ. и прилаг., нпр. лат. gnā-ru-s = зна-лъ, rub-ro- = рѫд-ро-; грч. μεγά-λο- magnus, σιγη-λό-ς молчаливый; ἕδ-ρᾱ = sel-la, сѣд-ло). Это причастіе, какъ замѣчено (§36, прим. 4), стало въ рск. употребляться въ значеніи прош. врем. глагола (какъ impf. — несоверш. вида и какъ aor. — соверш. в.), но есть слѣды и его причастнаго значенія и употребл. въ прилаг. и сущ.: было-й, бывалы-й, жило-й, служилы-й; ши-ло, мы-ло, жи-ло; въ нарѣчіи иногда и со страд. знач., даже отъ неперех. глаголов: тѣзжелый (= тѣзженый), стоя-лый.]

в) Part. fut. act., точнѣе actiōnis instantis, ибо означаетъ собств. не будущность, а намѣреніе, готовность, образуется поср. суфф. *-tōro-, -tūro- отъ общей глаг. основы и почти во всемъ идетъ паралл. съ sup. и part. pf. (см. выше 2. и 3. б.); nōm. sg. -tūru-s (-sūru-s), -a, -u-m. напр. da-tūru-s, i-tūru-s, spar-sūrus, cēnsūrus и пр. Нѣкоторое отступленіе есть напр. въ juva-tūrus (хотя jū-tum), argu-i-tūrus (argū-tum), paritūrus (par-tum), ori-tūrus (or-tus) и др. (Этотъ же суфф. есть и въ нѣкот. nōmina actiōnis fem. g., напр. ūsūra, sepultūra, cēnsūra; онъ есть не что иное, какъ усиленный и распространенный суфф. -tor-, образующій преимущ. nōmina agentis, напр. da-tor, vic-tor, audī-tor, pas-tor, cēnsor, и родственный съ -ter- въ mā-ter, pa-ter и др.). [Въ грч. и слав. part. fut. образуется иначе (см. выше α); въ нихъ нѣтъ и суфф. -tōro-, но есть его начало, т. е. -tor-, -ter-; нпр. грч. δο-τορ- (nōm. δώ-τωρ) и δο-τήρ = dator; μη-τερ- (nōm. μή-τηρ) = mā-ter; слав. ма-тер- (nōm. ма-ти), бра-тръ, сес-тра; чаще распространяется поср. -ь м. р. (= -jь, см. §31, 1. д.), напр. пас-тыр-ь, рск. ма-тер-ь, иногда и обыкн. въ л: да-тель, учи-тель и т. д.]

г) Partic. necessitatis pass., обыкн. называемое (непонятно) gerundīvum или же (неправильно) part. fut. pass., единственная изъ причастныхъ формъ сохранившая пассивное значеніе и въ dēpōnentia, оканчивалось сначала на -ondo-s (ср. sec-ondo-s, vere-c-ondus въ др. яз.), потом на -undu-s, иногда (т. обр. послѣ u и v, §19, 2. б.); а въ класс. и поздн. яз. обыкновенно -endu-s, -a, -u-m, примыкающее къ праз. основѣ, но послѣ ā и ē обыкн. сливающее съ ними свое e (= o); напр. e-undu-m отъ √ī (см. part. praes. выше α), regundus, capiundus, обкн. regendus, capiendus (но statu-endus, solvendus и т. п. уже и въ древн. яз.), audiendus, dandus, amā-ndus, monē-ndus. — Средній родъ этого прич., употребл. какъ сущ., получаетъ активное значеніе (legendum est должно быть читаемо, или должно читаться многими; слѣд. мнѣ должно его читать), ставится съ тѣмъ пад., котораго требуетъ глаголъ и замѣняетъ собою косвенные падежи неопред. накл. (ср. выше 1.); тогда оно называется gerundium (напр. nōm.-acc. amāre, но ad, inter amā-ndu-m, gen. amāndī, dat.-abl. amā-ndō. — Иногда эта форма сходна по значенію съ part. praes. act., напр. oriundus, secundus, lābundus; такимъ же образ. образуются и многія прилагательныя: rotundu-s, īrā-c-undus, pudi-b-undus, treme-b-undus, furi-b-undu-s и пр. — Вѣроятно, -undo (en-do-) составляется изъ существ. суфф. -on- (= -un- = -en-, какъ homon-, homen-, homun-culus, pect-en и пр.; грч. εἰκόν-, слав. кор-ен-, а распростр. въ грч. īnf. на -έν-αι; нѣм. īnf. на -en и пр.) и суфф. -do- (= нашему предлогу до; ср. §31, 1. е.), за которымъ, когда его собств. значеніе было забыто, послѣдовали падежные суффиксы. Слѣд. первонач. значеніе было колеблющимся, неопредѣл. между дѣйств. и страд.; отсюда былъ возможенъ переходъ въ то и другое (oriundus и legendus; напр. сначала liber legen-do est книга есть до чтенія, отчасти подлежитъ чтенію, должна быть читана; далѣе legendos 'st, а потомъ и средній родъ его въ видѣ существ. — Относит. перехода активнаго знач. въ пасс., ср. нѣм. ein lesend-er mann и ein zu lesender brief, гдѣ zu = др. сак. du = нашему до. — См. также §36 (+). [Въ грч. part. necess. pass. образуется отъ общей глаг. осн. поср. суфф. -τεο-; напр. δο-τέο-ς, -τέα, -τέο-ν dandus; λυτέος solvendus.]

д) Наконецъ въ лат. есть еще слѣды отъ нѣкогда бывшаго part. praes. pass. съ суфф. -mino- въ устарѣлыхъ imper. pass. prae-fāmino, prō-gredimino и пр. (см. §41, 3.) и во 2. plūr. pass. (§41, 1.), напр. amā-minī (pr. ind. и imper.), которое окончаніе -minī, получивъ значеніе глаг. суффикса, перенесено на всѣ роды, времена и наклоненія, напр. feri-minī, ferā-minī, ferē-minī, ferē-bā-minī, ferre-minī и т. д. — Первонач. оно должно было оканчиваться въ им. п. ед. ч. на -mino-s, -mina, -mino-m, нпр. *feri-mino-s (Ср. грч. — Остатки этого прич. видны и въ сущ. ter-mino-s, fē-mina, Ratu-mena, alu-mnu-s, -a, вм. *alo-meno-s, -a, питаемый, da-mnu-m и пр.) — Въ этомъ суфф. должно видѣть развитіе суфф. -men, какъ въ sē-men, nō-men и т. д. (слав. сѣ-мен-, грч. ποι-μέν- пастухъ). [Въ грч. всѣ прич. возвр. и страд. зал., кромѣ aor. I. и II. pass. (см. выше α.), образуются отъ соотв. темпор. основъ поср. суфф. -μενο- = лат. -mino-, nōm. sg. -μενο-ς, -μένη, -μενο-ν; таковы: α) praes. φερό-μενο-ς = лат. *feri-mino-s, λυό-μενο-ς; β) fut. med. λῡσό-μενο-ς; γ) fut. ex. med. λε-λῡσό-μενος, δ) fut. II. pass. τριβη-σό-μενος, ε) fut. I. pass. λυθησό-μενος, ζ) perf. med. pass.: λελυ-μένος. (Съ этимъ же суфф. составляется (см. 1.) и īnf. на -μεναι; онъ есть и въ μέδι-μνο-ς изв. мѣра, ἄρ-μενο-ν парусъ и пр.). — Въ слав. praes. part. pass. образуется отъ праз. основы поср. суфф. -мо-, nōm. sg. -мъ, -мо, -ма, напр. дѣлаје-мъ, хвали-ма, беро-мо, пише-мъ и т. д. Оно стало прилаг. въ родимый, любимы-й и др.; часто отъ интранз. глаг.: слѣдуе-мы-й, зависимый и пр. (Этотъ же суфф. есть и въ лат. и греч. сущ. и прилаг., нпр. an-i-mo-s, -ma, fā-ma, al-mu-s, -a, -um и пр.; грч. θυ-μό-ς духъ, τι-μή честь, θερ-μό-ς, -μή, -μό-ν теплый и пр. — Возвр. = дѣйств. + ся (сѧ); оно служитъ и вм. страд.]

(+) Герундій представляетъ много трудностей для полнаго объясненія и остается вопросомъ спорнымъ. Я изложилъ въ Ж. М. Н. Пр. 1865, отд. III, № 12, стр. 249 сл., сущность изслѣдов. Schröder'а — Urspr. d. lat. ger. —, явившагося въ томъ же году въ Kuhn's Ztft. f. d. vergl. spr., взгляды котораго и до сихъ поръ признаю наиболѣе вѣрными, хотя послѣ того сдѣланы были другія попытки къ разъясненію герундія — См. Corssen Btr. 120-142, Ntr. 133-153, Ausspr. I, 575 f., II, 180-5 и пр. (см. 1038); Schleicher 396 f., Curtius Et. 590 ff., Meyer I, 246; II, 90-7; Merguet 269 f. и пр. — Не знаю пока, какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ H. Rotter, Üb. das ger. d. lat. spr. - Cottbus 1871 (въ концѣ).

Приложеніе I къ лат. граммат.: О греческомъ языкѣ (+).

§43. О Грекахъ и ихъ языкѣ вообще (къ §10.) — Греки — οἱ Ἕλληνες — находились въ ближайш. родствѣ съ Италиками (см. §§3. и 46) и пришли въ Европу, вѣроятно, въ два главныхъ похода: разъ вмѣстѣ съ Италиками (Пелазги), другой разъ (Эллины); послѣдніе жили нѣкоторое время, по отдѣленіи первой отрасли, какъ можно думать, во Фригіи, а потомъ пришли частью сухимъ путемъ (т. е. чрезъ Геллеспонтъ), частью моремъ (по остров. Эгейск. моря). — Самый даровитый и художественный изъ всѣхъ народовъ, одаренный подвижностью и энергіею, исполненный фантазіи въ дѣтскомъ и творческой научной мысли въ зрѣломъ возрастѣ; родоначальникъ нашей культуры. // Народу соотвѣтствуетъ языкъ изящный, эластичный, богатый, гибкій въ сложеніи словъ и въ оборотахъ съ превосходно-развитымъ глаголомъ — этимъ ядромъ языка (стр. 85) и синтаксью (ср. §§ 9 и 10). — Изъ звуковъ, въ отличіе отъ лат., сохраняетъ aspiratae и любитъ дифтонги, но spirantes (v, j и s) сильно пострадали; на концѣ словъ допускаетъ изъ согласныхъ только звучныя ν, ρ и ς (ср. §20). Въ акцентѣ, который можетъ довольно свободно двигаться на трехъ
2. послѣднихъ слогахъ (см. §45), находясь въ нѣкоторой зависимости отъ послѣдняго, видна бо́льшая живость мысли чѣмъ у Италиковъ (ср. стр. 37, п. 3.) и стремленіе согласить свободу съ гармоніею и порядкомъ (κόσμος), или установить ритмич. эстетичность и свободную законность. — Въ падежахъ онъ уступаетъ латинскому, утративъ abl. и loc., сохраняя однако (въ болѣе древнее время) двойств. ч.; глаголъ же развитѣе лат. и представляетъ болѣе древнія образованія (особ. aor., impf., fut. и весь med.-pass. — См. гл. VI.). — // При всей живости и свободѣ воображенія и чувства, Грекамъ врождена была наклонность держать все въ равновѣсіи и гармоніи: чрезмѣрнаго и преувеличен. не терпѣли. Мысль ихъ проникала до сущности предмета, устраняя все случайное; въ худож. произведеніяхъ
1. она возводила предметъ или явленіе въ правдивый идеалъ, т. е. въ созданіе, исходящее изъ сущности, изъ центра явленія, но чуждое его случайностей и облагороженное изящнаго чувствомъ.

Во всемъ въ Греціи поразительное разнообразіе (въ природѣ, мѣстности, обществ. и частномъ бытѣ, культурѣ): слѣд. и множество нарѣчій съ поднарѣчіями (§7). — Главнѣйшіе (литературные) діалекты:

1) эолійскій (ἡ αἰολικὴ sc. διάλεκτος) — сохраняетъ ϝ, суфф. -μι въ произв. глаголахъ, и другія древности, но утратило двойств. ч. и б. ч. spirit. asp.; звукъ υ = лат. u; ближе прочихъ къ лат. (Бэотія, Ѳессалія, а также Малая Азія и о-ва, особ. Лесбъ, куда это менѣе развитое племя было вытѣснено изъ Коринѳа, Эвбеи, Этоліи Дорянами, Іонянами и Этолянами; въ М. Азіи и на о-вахъ они очень смягчились и яз. сильно измѣнился). Главные писатели: бэот. поэтриса Коринна изъ Танагры (6го в. до Р.Х.) и митиленскіе поэты (на Лесбѣ) Алкей и (женщина) Сапфо (7. и 6. в. до Р.Х.). — Языкъ мелич. лирики.

2) дорійскій (ἡ δωρική) — удерживаетъ широкое и долгое ᾱ, часто α вм. ε и ο, иногда и ϝ (напр. ϝί-κατι = атт. εἴ-κοσι 20) и пр.: это языкъ самаго крѣпкаго, суроваго и мужеств. изъ греч. племенъ, ставшій языкомъ возвышенной хоровой лирики (Съв. Греція, откуда послѣ завоеванія и колоній распространился почти по всему Пелопоннесу, Кретѣ, далѣе въ М. Азіи и особ. въ Сициліи и Нижней Италіи). Лирики: Алкманъ Лидіецъ въ Спартѣ (7го в.) и Пиндаръ Ѳивскій (5. в.); комикъ Эпихармъ Косскій (5 в.), буколикъ Ѳеокритъ Сиракузскій (3го в.). У каждаго много эолизмовъ.

3) іонійскій (ἡ ἰωνική) — принадлежитъ племени, развившемуся раньше прочихъ и далеко опередившему прочихъ во всей культурѣ и литературѣ (М. Азія, іон. колоніи, о-ва и Аттика); раздѣляется: а) на собственно-іонійскій — самое мягкое; напр. η вм. ᾱ, ς вм. τ и пр. — въ эпич. поэзіи (древне-іон. или эпич.), особ. Гомеръ (10 в.), Гесіодъ Бэотійскій (9го в.) и мн. др. до позднѣйшихъ временъ, — и въ прозѣ (ново-іон.) — логографы въ М. Азіи (съ конца 6го в.) и историкъ Геродотъ Галикарнасскій (5го в.); б) на аттическій (ἡ ἀττική) — среднее между собств.-іон. и дор. (ср. напр. дор. ἁμέρα, іон. ἡμέρη, атт. ἡμέρα день) и самое развитое изъ греч. нарѣчій, въ 5 в. (др.-аттич.): трагики Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, комикъ Аристофанъ, историки Ѳукидидъ, Ксенофонтъ, философъ Платонъ, софисты; въ 4 в.: (ново-атт.) ораторы Исократъ, Демосѳенъ, Эсхинъ и мн. др.

Нарѣчія эол. и дор. въ наибольшей чистотѣ сохраняютъ древнія черты. — Въ каждомъ изъ этихъ трехъ племенъ возникъ наиболѣе свойственный его природѣ родъ литературы, какъ бы вполнѣ естественный продуктъ; въ извѣстномъ родѣ литературы въ такой же степени вполнѣ отразился духъ этого племени, какъ и въ его нарѣчіи; извѣстное нарѣчіе и изв. родъ литературы взаимно дополнялись и усилялись. Эту связь въ такой степени чувствовали Греки, что языкъ произведеній б. ч. обусловливался характеромъ или родомъ послѣдняго, а не происхожденіемъ автора, по обыкн. видоизмѣнялся и обогащаясь примѣсями изъ другихъ нарѣчій; напр. бэотіецъ (след. эоліецъ) Гесіодъ и др. эпики, слѣдуя Гомеру, писали іон. нарѣчіемъ; Геродотъ, доріецъ, пользовался въ прозѣ ново-іон. нар., ибо первые логографы были Іоняне; бэотіецъ Пиндаръ въ основу своей величеств. хоровой лирики положилъ дорійское нар., но съ эол. и эпич. (іон.) примѣсью; аттич. трагики также давали своимъ хорамъ дор. окраску (ᾱ вм. η); игривый Анакреонтъ Теосскій (іоніецъ 6го в.) по языку примыкаетъ къ Алкею и Сапфо, но со многими особенностями; въ научной литературѣ господствовало аттич. нарѣчіе (однако пиѳагорейскіе философы и математикъ Архимедъ писали дор. діал.).

4) Аттич. діалектъ, распространившись съ 4го в. до Р.Х. между всѣми образованными Греками, а также при македонскомъ дворѣ, подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ (напр. утратилъ дв. ч., принялъ многое изъ другихъ нарѣчій) (философъ Аристотель Стагирскій), чрезъ что въ 3го в. образовался обще-греч. литер. языкъ (ἡ κοινή или ἑλληνικὴ διάλεκτος или γλῶσσα) (§8), ставшій господств. и въ макед. провинціяхъ, Сиріи, Египтѣ. Историки Полибій Мегалопольскій (2го в. до Р.), Плутархъ Херонейскій (1го в. по Р.) и пр.; историкъ и реторъ Діонисій Галикарнасскій (1го в. до Р.Х.), реторъ Лукіанъ Самосатскій (2 в. по Р.Х.) и мн. др.; географъ Страбонъ (1 в. по Р.) и др. — Но рядомъ съ тѣмъ, вслѣдствіе принятія греч. языка негреч. народностями, явились испорченныя народныя нарѣчія, особ. македонское и александрійское (на послѣднее переведенъ и Ветхій Завѣтъ). — Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они искажались.

5) „Общій" языкъ въ Византіи отъ 4го до конца 16 в. (отъ перенесенія туда столицы въ 330 г. до завоеванія ея турками въ 1453 г.) все болѣе и болѣе измѣнявшійся къ худшему — вслѣдствіе фонетич. порчи, паденія и пренебреженія народа къ общ. строю, вліянія вульгарныхъ нарѣчій и пр. — называется византійскимъ или средне-греч. Историки: два Эвсебія и Прокопій Кесарійскій (въ 4мъ в.), изъ коихъ послѣдняго продолжали (въ 6 в.) Агаѳій и Менандръ, императ. Константинъ Порфирородный (въ 10 в.), Анна Комнена (12 в.) и пр.; ораторъ Іоаннъ Златоустъ (4го в.) и мн. др.

6) Со времени паденія Византійской имперіи почти изсякла литерат. дѣятельность, народъ глубоко погрязъ въ невѣжествѣ, смѣшавшися съ разными другими племенами, и языкъ еще больше исказился примѣсью турецкаго, арабскаго, славянскаго, романскаго и пр., утративъ бо́льшую часть грамм. формъ; словомъ почти разложился. — Это ново-греч. (простонародный) или ромэйскій діалектъ (ῥωμαϊκή т. е. римскій).

7) Съ возстановленіемъ Греціи въ 19 в. ученые Греки стремятся возстановить древній яз. и достигли того, что теперь въ литер. употребляется яз. весьма близкій къ древнему общему нарѣчію, но, впрочемъ, болѣе по наружности, чѣмъ по сущности, ибо произношеніе въ большей части случаевъ совершенно измѣнилось: буквы η, υ, ει, οι и υι какъ ι; αι какъ ε; β нѣсколько похоже на v, δ, ζ какъ наше з; долгота и звукъ h (ʽ) исчезли и пр. и пр. — Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій начались, впрочемъ, еще до Р.Х.). Это новогреч. литературный языкъ.

(+) См. Bernhardy Gesch. d. griech. Lit. 3. Afl. Bd I (1861), особ. 20-37, 101-137, 205-15, 485-504, 565 (68) ff. 705-34. E. Curtius Gr. Gesch. I (1857) 15-31; Гимназ. l. c. въ Ж. М. Н. П. CI, 295-323. — Kühner I, 1-131 и 242-73. G. Curtius Etymol. pass.; Erläut. 15-40, Gramm. 1-31; Schleicher 54 ff. и др. — Образцы нарѣчій см. A. Leskien въ Schleicher's Indogerm. Chrestom. 159-188. — Греч. яз., а тѣмъ болѣе италійск. нар. (прил. II), изложены мною гл. обр. какъ пособіе къ лат. (См. Предисл.)

Прим. Греч. словесность началась въ 10 в. до Р.Х. (Гомеръ) и продолжалась до конца 15 в. по Р.Х., слѣд. около 2,500 лѣтъ, а со включеніемъ и новогреч. литературы живетъ ок. 3,000 лѣтъ, и чрезвыч. богата. Къ несчастью, самая бо́льшая часть древней литературы для насъ погибла; въ нѣкоторой степени утрата пополняется римскою. Съ конца 14го в., въ особенности же послѣ паденія Константинополя ученые Греки стали выселяться въ другія страны, гл. обр. въ Италію, гдѣ положили основаніе изученію греч. языка и литературы. Первымъ былъ Мануилъ Хрисолара, съ 1397 г. учившій во Флоренціи; Захарія Каллиэргу сталъ съ 1498 г. печатать въ Венеціи греч. авторовъ; у насъ былъ въ Москвѣ извѣстный Максимъ и др. (ср. прим. къ §10).

§44. Звуки и буквы греч. языка (къ §13). — Система звуковъ греч. яз. видна изъ слѣдующей таблицы:

	Consonantes (σύμφωνα)							Vocales (φωνήεντα)		
	Explosivae s. mutae (ἄφωνα)			Continuae s. semivocales (ἡμίφωνα)				Breves et longae (βραχέα καὶ μακρά)		Diphthongi (δίφθογγοι)
	tenues, ψιλά	mediae, μέσα	aspir. δασέα	Spirantes		liqu. ὑγρά	nasales			
Gutturales	κ	γ	χ	ʽ(=h)	ʼ		γ(=n)	α ᾱ	ε η(=ē) (ᾱ)	αι, αυ, ᾱυ; ᾳ
Palatales								ι ῑ	(ō)	ει ευ, ηυ; ῃ
Linguales						ρ λ				υι. οι
Dentales	τ	δ	θ	σ	(ȝ)		ν	υ ῡ	ο ω(=ō)	ου (въ древнѣйш. вр.), ωυ; ῳ
Labiales	π	β	φ		(F)		μ	(ōυ)		

Примѣчанія: 1) Буквы Ζ, Ξ и Ψ служатъ — каждая для 2 звуковъ дз, кс и пс и потому не помѣщены въ таблицу; въ византійск. время Ζ (ζ) стало произноситься какъ з; такъ и въ новогреч. (отсюда и наше з); произошло оно изъ δj, σδ.

2) Aspiratae χ, θ и φ произносились первонач. такъ, что были сначала слышны κ, τ и π, а за тѣмъ h (см. стр. 29); потому въ древнѣйшее время такъ эти звуки и изображались ΚΗ или ΚΗ (гдѣ Η = лат. H, h), ΤΗ, ΠΗ; въ визант. вр. превратились они въ spirantes и теперь произносятся по новогреч., т. е. θ какъ твердое англ. th, а χ и φ какъ наши х и ф (стр. 27 сл.).

3) Spirantes: F = лат. v вовсе не встрѣчается даже въ древнѣйш. аттич. памятникахъ, но было, хотя и съ колебаніями, у Гомера; наидолѣе оставалось въ дор. и эол. нарѣчіяхъ. Но уже до Р.Х. β (β) стало произноситься какъ F (т. н. digamma по формѣ этой буквы); позднѣе и прочія mediae стали spirantes, т. е. γ какъ рус. г въ когда, δ какъ мягкое англ. th, а tenues иногда смягчились въ mediae (въ новогреч. звукъ б изображаютъ чрезъ μπ). — Spiritus asper (ʽ = h, или πνεῦμα δασύ) исчезло изъ произношенія уже въ виз. вр., но остается на письмѣ и въ новогр. рядомъ со spir. lenis (πνεῦμα ψιλόν). — j вовсе не встрѣчается, но оно оставило по себѣ много слѣдовъ, напр. въ ζ (Ζεύς = Δjεύς, πράσσω = πράγ-jω дѣйствую, μείζων = μέγ-jων mājor = mag-jor, φαίνω = φάν-jω кажу, ἀγγέλλω = ἀγγέλ-jω извѣщаю и пр. (ср. §13, 6).

4) γ передъ gutturales = гортанному n̈ (ν) (стр. 28); напр. ἄγκυρα якорь, ἄγγελος вѣстникъ, λόγχη копье и т. д. (ср. §13, 9).

5) Изъ согласныхъ въ окончаніи словъ терпѣлись только ν, ς и ρ; прочіе въ такихъ случаяхъ обкн. отпадали (напр. ἔφερε = ἔφερε-τ ferēbant), но μ часто измѣнялось въ ν, напр. ζυγό-ν = jugo-m, а τ иногда въ ς, напр. κέρας ном., род. = κέρατ.

6) Vocales: υ, ῡ первонач. звучали какъ лат. u, ū и сохранили этотъ звукъ въ беот. нар., а ου было дифтонгомъ; потомъ υ, ῡ сдѣлалось болѣе тонкимъ, т. е. перешло въ звукъ = франц. u (ср. §17 нач.), а ου изъ дифтонга превратилось въ ū, какъ и въ лат. напр. jūs изъ jous (также и во фр. ou = лат. u). Въ новогр. долгота исчезла и ι, υ, ῡ и η произносятся какъ i, ου какъ лат. ū, ω какъ o, ᾱ какъ a (ср. §18, 2 и 3.); первон. ē и ō также изображ. какъ ε и ο.

7) Diphthongi. Въ ᾳ, ῃ, ῳ = ᾱι, ηι, ωι вначалѣ было слышно ι, но рано поглотилось долгимъ звукомъ (хотя не вполнѣ, напр. Θρᾷξ = лат. Thrāx, ᾠδή въ лат. ōdē, но κωμῳδία = cōmoedia и др.); въ новогр. = ᾱ, ī, ō. — αι и οι, пройдя чрезъ ступени ä и ö (что на письмѣ не выражено) стали въ новогр. e и i; также υι и οι измѣнились въ i; αυ, ᾱυ, ευ, ηυ, ωυ перестали въ новогр. быть дифтонгами, ибо произносятся aF, eF, iF, oF (ср. §13, 15 и 13.).

8) Греки заимствовали свою азбуку въ глубокой древности отъ Финикіянъ, но мало-по-малу ее измѣняли, сокращали и дополняли. Обыкн. греч. азбука состоитъ изъ 24 буквъ (7 гласныхъ и 17 согл.), но въ фин. было 22 буквы. — Послѣдняя не имѣла гласныхъ буквъ; потому 5 фин. придыханій были превращены Греками въ гласныя α, ε, ι, ο и (позднѣе, т. е. ок. 500 г. до Р.Х.) η (прежде η, т. е. Η было, какъ выше замѣчено, прим. 2, = лат. H, h; потомъ оно означало ē, а первая половина его ⊢ spir. asp. = h, а 2ая полов. ⊣ spir. len., откуда позднѣе знаки ʽ и ʼ); изъ 4хъ фин. буквъ для шипящихъ и свистящихъ звуковъ (ш, з и т. д.) Греки удержали только ς (Σ = фин. ש), двѣ другихъ скоро выбросили, но потомъ возстановили, давъ имъ сложное значеніе Ζ и Ξ, а послѣднюю ϡ (сан) удержали только въ значеніи цифры 900 и помѣстили послѣ ω (новой буквы); не много спустя и Ϙ = лат. q было исключено изъ азбуки, но удержалось въ качествѣ цифры 90; θ также измѣнилось въ значеніи; наконецъ F вышло изъ употребленія. Такимъ обр. изъ 22 фин. буквъ 3 были почти исключены, а изъ остальныхъ 19ти только 10 сохранили старое значеніе: β, γ, δ, κ, λ, μ, ν, π, ρ, τ. Наконецъ, съ 5го в. до Р.Х. были введены въ общее употребленіе (хотя, можетъ быть, и не изобрѣтены) Эпихармомъ Косскимъ, и Симонидомъ Кеосскимъ, жившими въ Сиракузахъ, а съ 403 г. приняты въ Аѳинахъ и въ офиц. актахъ архонтомъ Эвклидомъ, пять новыхъ буквъ: υ, φ, χ, ψ, ω. — Первоначально писали только справа налѣво, позднѣе строка, начинаясь такимъ образомъ, заворачивалась и переходила въ новую (βουστροφηδόν), которая шла уже слѣва на право и т. д.; съ 5го в. до Р.Х. только слѣва направо (ср. §13, и 16).

§45. Интонація (къ §15). Все сказанное въ §15 о значеніи акцента и видахъ его относится и къ греч. яз. — Главные отличія: Острый акцентъ бываетъ на одномъ изъ 3хъ послѣднихъ слоговъ, если послѣдній слогъ коротокъ, и на одномъ изъ 2хъ послѣднихъ, если послѣдній слогъ долгъ (высокій тонъ, accentus acūtus, ἡ ὀξεῖα προσῳδία, знакъ ʹ). Падающій тонъ бываетъ на одномъ изъ двухъ послѣднихъ слоговъ, и на предпосл. только тогда, когда послѣдній звукъ коротокъ (acc. circumfl., ἡ περισπωμένη пр.; знакъ ͂ = ʹʹ). При томъ, конечно, acūtus бываетъ и на кор. и на долгихъ звукахъ, а circumfl. — только на долгихъ звукахъ. — И такъ:

I. 1) Послѣдній слогъ съ короткимъ гласнымъ звукомъ (хотя бы слогъ по положенію былъ долгимъ), а также короткій звукъ односложныхъ словъ можетъ имѣть только высокій тонъ; напр. ὄν сущее, ἕξ шесть, σοφός мудрый, ἀριθμός число и т. д. (ὀξύτονον).

2) Въ томъ же случаѣ долгій звукъ или дифтонгъ можетъ произноситься какъ съ высокимъ, такъ и съ падающимъ тономъ, напр. θήρ звѣрь, παῖ дитя (voc.), σοφούς, σοφῶν (acc. и gen. pl.), ἀριθμοῦ (gen. sg.), ἀριθμοί (nom. pl.) и пр. (ὀξύτονον; περισπώμενον).

Прим. 1. Acūtus передъ слѣдующимъ словомъ дѣлается gravis (ἡ βαρεῖα пр.), т. е. тонъ понижается, напр. σοφὸς ἀνήρ мудрый мужъ (знакъ ʹ).

II. 1) Предпослѣдній слогъ (paenultima) съ короткимъ гласнымъ звукомъ можетъ имѣть только acūtus: ὄφις змѣя, τάξις строй.

2) Тотъ же слогъ съ долгимъ гласн. звукомъ: а) при долгомъ послѣднемъ звукѣ можетъ произноситься также только съ высокимъ тономъ; напр. πράξεις дѣйствія (nom. pl.), γλώσσης языка (gen. sg.), ἀνθρώπου человѣка, κύκλωψ круглоокій (παροξύτονον); б) при короткомъ послѣднемъ звукѣ — произносится съ падающ. акц.: πρᾶξις дѣйствіе, γλῶσσα языкъ, αὖλαξ борозда (προπερισπώμενον).

III. — Третій отъ конца слогъ (antepaenultima) можетъ имѣть только высокій тонъ (каковъ бы ни былъ его звукъ — долгъ или коротокъ), напр. αὔλακος (gen. sg.), ἄνθρωπος (nom. sg.), κύκλωπος (gen. sg.), πόλεμος война и т. д. (προπαροξύτονον).

Прим. 2. Иногда долгота послѣдняго слога не имѣетъ вліянія на мѣсто и качество акцента, напр. ἵλεως милостивый, πόλεως (gen. sg.) города (здѣсь ε было иррац., §16), особ. αι и οι въ nom. pl., напр. γλῶσσαι языки, ἄνθρωποι люди и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. — Иногда акц. могъ быть и на 4мъ отъ конца, даже при долгомъ послѣднемъ, напр. ζήγνυμαι = ζεύγνυμαι (см. прим. на стр. 39).

Прим. 3. О повышающемся и о среднемъ (μέση) тонѣ см. стр. 37. —

[Перечислить всѣ случаи, гдѣ можетъ быть acūtus и гдѣ circumflexus! Показать сходство и различіе съ лат. во всѣхъ частностяхъ!].

Прим. 4. Пока греч. языкомъ говорили только настоящіе Греки, не было надобности означать тонъ на письмѣ знаками; но когда греч. языкъ приняли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стали искажать иноземцы (§43, 4), то два знаменитые александр. филолога Аристофанъ Византійскій (ок. 200 г. до Р.Х.) и его ученикъ Аристархъ Самоѳракскій (во 2мъ в.) изобрѣли знаки, составили правила просодіи и снабдили тѣми знаками свои (многочисленныя) изданія авторовъ —

IV. Atona и encliticae (см. стр. 35). Atona суть: членъ ὁ, ἡ, οἱ, αἱ (т. е. nom. sg. и pl. masc. и f.) и частицы: ἐν (въ съ мѣстн.), ἐς или εἰς (въ съ вин.), ἐκ или ἐξ (изъ); εἰ (если), οὐ, οὐκ или οὐχ (не), ὡς (какъ, что, и т.). — Encliticae: praes. ind. отъ εἰμί и φημί, неопр. τις, τι (кто-нибудь), мѣст. μοῦ, σοῦ, οὗ; μοί, σοί, οἷ; μέ, σέ, ἕ, σφῶν и σφίσι (§32, 2), нѣкоторыя неопред. нарѣчія и частицы, напр. πού гдѣ-нб. (но ποῦ гдѣ?), τέ (que), γέ (quidem) и пр. — Правила: а) Конечный акцентованный слогъ поглощаетъ въ себя акцентъ энклитики: φῶς τε virque, φῶς εἰμι я человѣкъ есмь, καλός τε, καλός ἐστιν (прекрасный). — б) Такимъ же обр. послѣ paroxytonon односл. энклитики теряютъ свой акц., а двусложныя сохраняютъ, напр. φίλος τε, но φίλος ἐστί (amicus). в) Proparox. и properisp. принимаютъ на свой конечный слогъ акцентъ энклитики: напр. ἄνθρωπός τε, σῶμά γε; ἄνθρωποί εἰσιν, σῶμά ἐστι. — [Произношеніе греч. грамм., см. въ лат. §§17—42]

Приложеніе II: объ италійскихъ нарѣчіяхъ (*).

§ 46. Общій взглядъ на итал. нарѣчія. — Италія населена была 5ю главными племенами, т. н.: **Италики** — въ серединѣ, **Этруски** — на СЗ., **Япиги** — на ЮВ., **Греки** — на Ю. и **Кельты** на С. — Изъ нихъ Япиги (Ἰάπυγες) пришли, вѣроятно, раньше, а Греки и особ. Кельты гораздо позже Этрусковъ и Италиковъ. — Происхожденіе Этрусковъ и Япиговъ еще не разъяснено; прочіе составляли южно-европ. отрасль арійскаго племени (§§ 9, з.; 10 нач. и 43 конъ). Всѣ эти племена были покорены Италиками и мало-по-малу слились съ побѣдителями. Между Италиками различаются главн. обр. три отрасли: 1) **Сабины** (**Сабеллы**) распространились (ver sacrum) по б. ч. Средней (**Марсы**, **Пиценты**, **Эрники**, **Пелигны** и др.) и южной Италіи (въ особ. съ половины 5го в. до Р. Х., гл. обр. подъ именемъ **Самнитовъ**, точнѣе, **Сафинитовъ**, какъ они сами себя называли, съ многочисл. отпрысками: **Френтанцы**, **Кампанцы**, **Луканцы** и пр.); 2) **Умбры** — съ отраслью сѣверною или собств.-умбрійскою (гл. обр. на СВ. Италіи) и южною — въ Кампаніи, которая была завоевана въ половинѣ Vго в. Самнитами; поэтому въ ней явилось смѣшанное умбро-сабинское населеніе (кромѣ Грековъ), господств. языкомъ котораго былъ сабинскій, называвшійся у Грековъ и Римлянъ **оскимъ** (оскскимъ, опскимъ); наконецъ 3) **Латины** — у которыхъ одинъ изъ младшихъ городовъ — **Римъ** возвысился, пріобрѣлъ себѣ ἡγεμονίαν надъ прочими лат. городами, потомъ сдѣлалъ [illegible] (съ 340 г.), далѣе Кампанцевъ (338 г.), наконецъ и всѣ прочія италійскія племена (послѣ взятія Тарента въ 272 г.) просто своими подданными, хотя б. ч. назывались socii и получали (обкн. съ ограниченіями) права римскаго гражданства; но много разъ эти socii возставали и вступали въ ожесточенныя войны съ Римомъ, пока, наконецъ, послѣ „Союзнической войны" въ 88 г. не были даны всѣмъ имъ права римскаго гражданства, но все таки съ различными ограниченіями, которыя, впрочемъ, скоро были отмѣнены Сулою.

Чѣмъ болѣе распространялъ Римъ свое господство и колоніи по Италіи, тѣмъ болѣе расширялся и лат. яз. на счетъ другихъ нарѣчій; предоставленіе правъ римскаго гражданства б. ч. скоро влекло за собою и офиц. употребленіе лат. яз. (напр. на монетахъ Капуи уже съ 338 г.; Кумы — греко-умбро-оскій городъ — уже въ 280 г. испросили разрѣшеніе сдѣлать его у себя офиц. языкомъ); послѣ союзнич. войны (во время которой пытались сдѣлать оскій яз. общеиталійскимъ вм. лат.) лат. яз. сталъ языкомъ офиц. и общественнымъ во всей Италіи; мѣстныя нарѣчія подверглись римскому вліянію и скоро стали вымирать, такъ что послѣ 1го в. по Р. Х. не встрѣчается ни надписей, ни слуху о нихъ; только, впрочемъ, гдѣ-нибудь въ глухихъ горныхъ деревняхъ да, можетъ быть, еще кое гдѣ въ богослуженіи держались они, оставаясь непонятными и жрецамъ. Но лат. яз. у этихъ народцевъ, конечно, пострадалъ.

Литературно развилось только **латинское** (римское) нарѣчіе; но зачатки литературы были и у **Осковъ** (кампанскихъ Самнитянъ), бывшихъ послѣ Римлянъ самыми развитыми изъ Италиковъ; **оск.** и **умбр.** нарѣчія дошли до насъ только въ обломкахъ, сохраненныхъ нѣсколькими крупными и мелкими надписями; отъ прочихъ итал. нарѣчій сохранились самые крошечные остатки; да и всѣ эти обломки еще не достаточно разъяснены (наиболѣе разъясненъ оскій). — Уже изъ сказаннаго видно, что оск. и умбр. нарѣчія ближе другъ къ другу чѣмъ къ латинскому (напр. въ нихъ есть общій infin. на -**um** (om), иногда **p** вм. **k**, напр. pis = quis и пр.); но оское ближе къ латинскому, чѣмъ умбрійское. Эти нарѣчія, сохраняя во многихъ случаяхъ болѣе древнія формы, чѣмъ лат. яз. и представляя разныя явленія, аналогичныя съ лат., весьма важны для пополненія и поясненія послѣдняго (но, конечно, лат. яз. въ свою очередь, для объясненія ихъ еще гораздо важнѣе). — Всѣ итал. племена приняли азбуку, какъ выше упомянуто (§ 8. прим.), отъ дор. колоній въ Сициліи и Италіи, гл. обр., вѣроятно, отъ Кумъ въ Кампаніи еще въ доисторич. время, и писали въ началѣ βουστροφηδόν (§ 40, 8), какъ видно изъ двухъ сохранившихся сабелльскихъ надписей (вып. 5. 4); но мало-по-малу алфавиты видоизмѣнились, такъ что явилось ихъ 8 видовъ въ Италіи, которые подводятся подъ двѣ группы: этруско-умбро-сабинскую и латинско-фалискую. Только латины стали писать отъ лѣвой руки къ правой; всѣ остальные удержали старый способъ писанія отъ права на лѣво — съ рѣдкими отступленіями. — Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Италики жили вмѣстѣ съ Греками, какъ напр. въ Кампаніи, долго удерживалась чисто-греч. азбука безъ измѣненій. Она господствуетъ въ древнѣйшихъ надписяхъ **оскихъ** — на монетахъ и на камняхъ 5. и 4. в., но встрѣчается и въ 3мъ в.; но уже съ конца 4го в. на монетахъ, а потомъ и въ другихъ надписяхъ была вполнѣ вытѣснена чисто-оскою азбукою; но съ того-же времени начинается вторженіе и латинскаго письма (ново-оск. нар.). **Умбрійскихъ** надписей греч. письма нѣтъ, но есть лат. письма (ново-умбр. нарѣч.) изъ болѣе поздняго времени. Умбр. яз. дошелъ до насъ въ 7 знаменит. **игувійскихъ** таблицахъ бронзовыхъ, изъ коихъ 5 пять написаны національнымъ, а послѣднія 2 лат. письмомъ — но всѣ на умбр. яз. (всѣ, кромѣ 3й и 4й исписаны съ обѣихъ сторонъ) и нѣсколькихъ мелкихъ надписяхъ. Древнѣйшія надписи (1я и 2я игув. табл.) относятся къ 4—5 в. до Р. Х., позднѣйшія (лат. письма, т. е. 6. и 7.) — къ 2му; прочія падаютъ на середину между ними. Въ самыхъ позднихъ надписяхъ (1го в. до Р. Х.) встрѣчается употребленіе умбр. яз. рядомъ съ лат. (bilingues). — (Впрочемъ хронологія спорна).

§ 47. Образцы письма и языка Осковъ и Умбровъ (ср. §§ 11, 13 и 40). — 1) **Алфавиты**: а) др.-латинскій; б) умбрійскій; в) оскій.

	a	b	g	d	e	v	z	h	i	k	l	m	n	o	p	q	r	s	t	u	x	f	ç	ř	ú(o)
а)	A	B	C	D	E	F	Z	H	I	K	L	M	N	O	P	Q	R	S	T	V	X				
б)	A	B			E	[illegible]	[illegible]	[illegible]	I	K	L	M	N		P		D	S	T	V		8			
в)	N	B	>	R	E	[illegible]	I	B	I	K	J	M	N		П		D	S	T	V		8			V

Въ лат. позднѣе **F** означало звукъ **f**, а **V** = **u** и **v**; о **G** см. § 13, 15. Въ памятникахъ, написанныхъ лат. письмомъ, т. е. въ т. наз. новоумбр. и новооскихъ, явилось **o**, далѣе **q** и **x**, а въ новоумбр. также **C** и **D** вм. **d** и **q** (ç и ř) писались **S** и **RS**.

2) **Оскіе образцы**: а) **Греческаго** письма: надпись на камнѣ, впервые открытомъ въ 1611 г. въ Мессинѣ (гдѣ и хранится); заключаетъ въ себѣ, можетъ быть, посвященіе храма или стѣны и относится, вѣроятно, къ первой половинѣ 3го в. до Р. Х.

1. στενις καλινις σταττιηις ‖ 2. μαρας πομπτιες νιυμσδιηις ‖ 3. μεδδειξ ουπσενς ‖ 4. ειυειμ τωϝτο μαμερτινο ‖ 5. αππελλουνηι σακορο ‖ т. е.: Stenius Calinius Statii (fil.) ‖ Mara Pomptius Numerii (fil.) ‖ meddices fecerunt ‖ et populus Mamertinus ‖ Apollini sacrum. — **Meddix** есть magistratus и безъ эпитета обкн. summus magistratus. — **Pomptius** = лат. Quintius отъ **pomtis** quinque.

б) **Оскаго** письма: надпись на известнякѣ, найд. въ Помпеяхъ въ 1797 г. (теперь въ неапол. музеѣ) съ лигатурами (2я стр.):

Копія	[Мѣсто для транскрипціи латин. буквами]	Латинскій переводъ
[illegible]		(Vibius) Adiranus (Vibii filius) pecuniam quam reipublicae Pompejanae testamento dedit, (ex) illa pecunia V(ibius) Vinicius, Mar(aei) (filius), quaestor Pompejanus, aedificium hoc conventus (т. е. senatus) sententia operandum [faciendum] dedit, idem probavit.

в) Скоропись (въ Помпеяхъ на стѣнахъ), напр.: [illegible] = P. Kuirinis (?) [Можетъ быть **d** вм. **k**; **e**, **ú** вм. **u**; **m** вм. **n**].

Нижеслѣдующія выдержки изъ древне-оск. яз. (т. е. написанныя націон. письмомъ) мы приведемъ только въ латин. транскрипціи.

а) Изъ **Cippus Abellanus** — договора Нолы съ Абеллою — на камнѣ, вѣроятно, начала 2го в. (или 3го) до Р. Х., о постройкѣ и содержаніи на границѣ ихъ областей общаго храма Геркула; открытъ въ 1745 г. въ Абеллѣ (и тамъ хранится).

V. 9 sq.: suveis püturüspid ligatüís fufans... 20 sqq.: ekkeis sakarakleís íním tereís fusíd... 40: tríibúm núvlanúm estud...
т. е.: sui utrique legati erant (fuebant)... ejus sacelli [sacraculi] et terrae... fuerit (ср. opt.) ... Nolanorum esto...

б) Изъ агнонской бронзовой жертвенной доски, также, вѣроятно, 3го или 2го в., найденной близъ Agnone въ 1848 г.

I, 16; II, 19: aasaí purasiaí = arae purae. II, 1: aasas ekask eestínt = arae hae exstent. [(по) Корсс. exstant] (можно: insunt).

в) **Латинскаго** письма: отрывокъ изъ бронзовой Tab. Bantina, т. е. городоваго положенія, изд. между 133—118 г. до Р. Х. изъ Рима для Бантіи (въ Луканіи) на лат. яз. съ оск. переводомъ; но что сохранилось на лат. яз., то погибло на оск. и на оборотъ; найд. 1793 г. въ Oppido (теперь въ Неапол.)

(*) Главн. соч.: **Th. Mommsen** Die Unterital. Dial. Lpz. 1850. — 4° (съ 20 табл.) (преимущ. объ оск. — стр. 99—312). **Th. Aufrecht u. A. Kirchhoff** Die umbr. Sprachdenkm. Berl. 1849—51. — 2 тт. in 4° (съ 10 табл.). — Два соч. **E. Huschke** Die osk. u. sab. Sprachd. Elberf. 1856 и Die Iguv. Taf. Lpz. 1859 заключаютъ много произвольнаго, фантаст. и грубаго въ научн. отнош. (авторъ самъ говоритъ, что онъ не „цеховой филологъ" и написалъ эти труды въ часы досуга, см. Ig. Taf. S. 14, юристъ), но много и годнаго, много труда и познаній. — Далѣе **Schleicher** Comp. 102—112, 273—80 и въ разныхъ мѣстахъ 350—836; **Leskien** въ Шлейх. Indog. Chr. 203—26; **Corssen** — passim (Ausspr., Btr. u. Ntr.); наконецъ см. еще **Bernhardy** R. Lit. 5 изд. (1871) 178—185 и **Mommsen** R. Gesch. 1⁶, 8—38; 185—9; 314—22; 421—23; II 221—51, 333—6, 412 ff. [Ср. Москов.]

V. v. 11–13: SVAE PIS. CONTRVD. EXEIC. FEFACVST. AVTI. COMONO. HIPVST. MOLTO. ETANTO. ESTVD. N. ΦΦ. [Продолжать будемъ обкн. письмомъ] in. (т.е. inim), svae pis ionc fortis meddis moltaum herest, ampert minstreis aeteis [eituas moltas] moltaum licitud. — V. 18 sq.: Pon censtur | Bansae toutam censazet, pis cevs bantins fust, censamur и пр. — Переводъ: Sī quis contrā hōc fēcerit, aut comitia habuerit, multa tanta estō: n(ummī) MM. Et, sī quis eum forte magistrātus multāre volet, intrā minōrem partem | pecūniae (familiae?) multae multāre licētō(?)! — v. 18 sq. Quum cēnsōrēs | Bantiae populum cēnsēbunt, quī cīvis Bantīnus fuerit, cēnsētor и пр.

3) Умбрійскіе образцы: а) націон. письма (др.-умбр.): Tabulae Iguvīnae открытыя въ 1444 г. въ теперешнемъ Gubbio (гдѣ и остаются), древн.-умбр. городѣ Iguvium, находящемся въ Апенн. горахъ, гдѣ былъ знаменитый храмъ Jovis Apennīnī. Въ нихъ описываются обряды и жертвы богамъ, которые должны были совершать frāter Attieţiur, т.е. frātrēs Attīdiī (могущественная тамъ коллегія жрецовъ), при мольбахъ объ освященіи и благословеніи игув. земли и о ниспосланіи всевозможныхъ бѣдствій на враговъ Игувія [popler anferener et ocrer pihaner, т.е. populī circumferendī (т.е. lustrandī) et ocris (collis) piandī sc. causā], а также подробно приводятся самыя молитвы. Въ двухъ послѣднихъ табл. (которыя, какъ сказано (выше!), новѣе и написаны лат. буквами) заключается только съ большими подробностями то, что было въ первыхъ двухъ (это облегчило разборъ первыхъ 5 табл. и даетъ возможность прослѣдить измѣненія языка въ теченіи двухъ вѣковъ — др.-умбр. и ново-умбр.). Должно думать, что по этимъ таблицамъ совершались религ. обряды весьма долго послѣ того, какъ умбр. яз. вымеръ, т.е. до того времени, когда христіанство стало господствующимъ; тогда то, вѣроятно, жрецы зарыли ихъ въ землю въ ожиданіи лучшихъ временъ [такъ думаетъ Huschke, Iguv. taf. s. 508]. — α) Tab. I, a. v. 2 sq. β) Tab. I, b. v. 10.

Копія: (читать для лат. транскрипціи):

α): VΙ38:8VB:307:I3VΙΑΚ:33VΙ|:Ƨ3ИАИ1ϽΥ:Ƨ3Ͻ33:3ΟΙ

β): VΙ3:VΙΑΚ37ИА:833A:Ƨ3IΟ3Ο:ΙΜVϽ38A:ΙΜVΙVΙ:3ИVΙ

Лат. переводъ:
Ante portam Trebulānam Jovī Grabovīō trēs bovēs [facitō (т.е. sacrificātō)]
Quum populum circumferre (т.е. lūstrāre) volēs, avēs observā- [tum itō]

б) Лат. письмо: α) Tab. VI, a. 22–25: PRE VERER TREBLANEIR IVVE GRABOVEI BVF TREIF FETV. (ср. а, α; остальное напишемъ курсивомъ): eso naratu vesteis: teio subocau suboco | Dei Grabovi, ocriper Fisiu, totaper Ijovina, erer nomneper, erar nomneper; fos sei, pacer sei ocre Fisei | tote Ijovine, erer nomne, erar nomne. Переводъ: Ante portam Trebulānam Jovī Grabovīō trēs bovēs facitō; hōc narrātō vestītus: tē precor precēs | Dīum Grabovium, prō colle Fisiō, prō cīvitāte Iguvīna, prō ējus (collis) nōmine, prō ējus (cīvitātis) nōmine; favēns sīs, pācātus sīs collī Fisiō | cīvitātī Iguvīnae, ējus (collis) nōminī, ējus (cīvitātis) nōminī.

β) Tab. VI, b. 48. (ср. а, β): Pone poplo afero heries, avif aseriato etu = Quum populum circumferre (= lūstrāre) volet, avēs observātum itō.

γ) Tab. VI, b. 60. и VII, a. 49 (ср. Метр. § 3) — противъ враговъ: tursitu, tremitu; hondu, holtu; ninctu, nepitu; sonitu, savitu; preplotatu, previlatu! = (вѣроятно): torrētō, tremitō (т.е. tremere facitō); feritō (?), perditō (?); ningitō (= ninctā spplētō) obnūbilātō; sonātō, percellitō (?); inundātō, praevinctō! (Здѣсь много спорнаго и неяснаго. См. Aufr. u. Kirchhoff II, 267–71, 275 и 299.; Huschke 252 [?]).

δ) Bilinguis; умбр. написано націон. письмомъ, но съ лѣва на право и небрежно: 1) Лат. [At. Egnatiō] Drutei f., sepulcrum Loisis Drutei f., frāter ējus | minimus locāvit | et statuit. — 2) Умбр.: AX EIKNAXI. XDVX IKNI. KADNIXV | FOXVADKOISIS. X | DVXIKNOS т.е. At. Eknati Truti | ikne karnitu | artuaf Koisis Trutiknos. = (въ переводѣ) At. Egnātiō Drutī fīliō sepulcrum (?) exstruxit (?) Coisius Drutī fīlius (Drutigenus).

§ 48. Главные пункты различія и сходства этихъ нарѣчій съ латинскимъ.

1) Звуки (къ гл. III и IV): а) Гласные. Буква О (была въ древнѣйшихъ оскскихъ надписяхъ греч. письма, исчезла въ націон. оск. и умбр. алфав. и вновь) являлась только въ новоосъ. и новоумбр. памятн. (т.е. только въ лат. письмѣ); умбры писали вм. него V (т.е. u), а оски Ṿ (т.е. ú, которое отличалось отъ V = u; ср. чешск. ů, польск. ó). Видно, что въ древнее время эти племена стали плохо различать о отъ u, т.е. что ихъ произношеніе не было отчетливо (ср. стр. 17); но вліяніе лат. яз. заставило ихъ дать себѣ лучшій отчетъ и о своемъ яз. (такое же вліяніе имѣлъ на Римл. греч. яз. — стр. 18 и сл.). — Въ оск. алф. была еще буква ꟷ, которая теперь передается чрезъ í, но, можетъ быть, = ы (Клавдій эту же букву пытался ввести и въ лат. азб. для звука ы, § 13, 13.); въ новоосъ. вм. ꟷ есть просто I. Оск. сохраняетъ дифтонги лучше лат., именно ai, ei, oi, рѣдко au и сверхъ того ui, но въ умбр. они почти исчезли, напр. ai въ ē и т.д.; напр. оск. kvaístur = умбр. kvestur = др.-лат. quaistor. — Долгота обозначалась лишь отчасти, именно удвоеніемъ гласн. звука, напр. оск. aasa = лат. āra, а въ умбр. (и въ древнѣйш. оскскомъ) между удвоенными гласн. иногда вставлялось и h, напр. preplohotatu и preplotatu (вм. prēplōtātū); б. ч. она вовсе не обозначалась (какъ въ обкн. лат. письмѣ). — а менѣе чѣмъ въ лат. имѣло склонность ослабѣвать до i, напр. убр. Iu-pater, оск. fefacust (= fēcerit, fut. ex.), оск. и др.-убр. anter (= in-ter). — Въ окончаніяхъ передъ согласными часто выпадали гласные, напр. оск. húrz = hortus (z = ts), Bantins (= -nus), др.-убр. pihaz, нов.-убр. pihos = piātus, termnas = terminātus (срв. лат. damnās и т. п. § 31, 2 б). Интонація была сходна съ лат. (§ 15). Умбр. часто а въ о и u, напр. tuta, tutu, toto (cīvitās); оск. viu = via и пр.

б) Согласные. Въ умбр. и оск. было z = ts (см. hurz и пр.) и = ds (напр. zicolom = dīcculum); сверхъ того въ убр. ř (ϥ или RS), происшедшее изъ d и = чеш. ř, поль. rz (напр. rere = оск. dedet = лат. dedet и dedit), и ç (d или S) происх. изъ k и, вѣроятно, = слав. и нѣм. c (ts, напр. paçe = лат. pace т.е. pake): др.-убр. письмо не отличало C (т.е. g) и D отъ K и t (ср. § 13, 5). Въ оск. и убр. часто p вм. q, а f вм. b; напр. pis = quis, оск. sifei = sibī, убр. tefe = tibī, оск. Safinim = Sabīniom. — s между гласными рѣдко переходитъ въ r; напр. aasa (O.), asa (уб.) = лат. āra (др.-лат. āsa); позднѣе въ нов.-уб. s на концѣ словъ перешло въ r, напр. въ древн. tutas Ikuvinas, а въ нов. totar Ijovinar (gen. sg. f.), sir = sis; [illegible] зам. Этотъ переходъ совершился въ глубокой древности, напр. умбр. emantur = лат. emantur, оск. sakarater = sacrātur, а въ оск. gen. pl. 1-го скл. s иногда въ z, напр. egmā-zum (т.е. rērum). — Въ окончаніяхъ оск. нар. лучше удерживаетъ согласные звуки, чѣмъ лат. и умбр., напр. estud = estō, sacaraclud (sacellō), но умбр. теряетъ: via = viam.

2) Склоненіе (къ гл. V) весьма сходно съ древне-лат. Укажемъ на важнѣйшее: а) s сохранилось (и иногда въ оск.) въ nom. sg. ms. основъ на -a (напр. Marā-s) и удерживается въ nom. pl. m. f. основъ на -a и -o; напр. оск. pas, scriftas = quae, scriptae, Núvlanús = -ōs = лат. Nolāni; умбр. urtas = ortae, motar = multae (т.е. poenae), Ikuvinus (= -ōs), потомъ -ur (nom. = Iguvīnī; согл. основы имѣютъ -ōs; i-основы -ēs, -er, оск. -is, напр. tuder-or (границы), aukrēs, ocrēs (collēs), оск. aedilis (однако умбр. frater, оск. censtur), а -ios въ nom. sg. часто въ -iis, -is, напр. оск. Vitnikiis, уб. Trutitis (§ 31, 2 б); наконецъ s сохранилось и въ gen. sg. всѣхъ склоненій, напр. оск. matreis (вм. -ios), sakaracleis (= лат. sacraculī), Pompaijaneis (= Pompējānī), eituas (pecūniae); убр. Marti-es и -er (Marti-s), poples, позднѣе popler (populī), tutas и totar (= лат. totae, т.е. cīvitātis).

б) Voc. на -ie отъ осн. на -io-, напр. убр. Grabovie (въ оск. voc. не встрѣчается). — в) Acc. sg. отъ согл. основъ оканчивается на -om (= лат. -em, гр. -αν), но m часто отпадаетъ; напр. оск. tiimit-om (= līmit-em), убр. curnaco (= cornīc-em) (слѣд. сходно съ осн. на -o-, напр. убр. salvo-m, оск. comono-m); въ acc. pl. въ оск. есть -ss = ns, напр. viass = vians = viam-s (лат. viās); также -úss = ōns и -iss = -ins (въ умбр. здѣсь странное f; напр.: buf = bovēs, aref и avif = avēs). — г) Въ gen. pl. оск. встрѣчается z вм. s въ egmā-zum (rē-rum), но обкн. -um; напр. оск. Abellanum (= лат. -um = ārum), убр. fratrom. — д) abl. sg. въ оск. всегда сохраняетъ -d, напр. toutad (= tōtā, т.е. cīvitāte), dolud (dolō) и въ adv. abl. (§ 31, 6), напр. amprufid (probē), но въ умбр. оно вездѣ утрачено, напр. tuta = оск. toutad (утрачено оно и въ другихъ итал. нарѣчіяхъ). — е) Въ dat. sg. основъ на -a- и -o- удержались въ оск. i, напр. оск. aasai (= ārae), húrtúi (= hortōi = hortō), но въ умбр. ai и oi въ ē, напр. tute (cīvitātī), pople (populō). Въ dat.-abl. pl. 1 и 2 скл. въ оск. -ais и -ois (-uís), напр. diumpais (= lumphīs), nesimois (proximīs msc.), но въ умбр. -eis, -ēs, -is, eir и т.д., напр. toteru, teruc, а gen. sg. -keis tereis); esai viai mefiai (in eā viā mediā). 3) О мѣстоименіяхъ замѣтимъ, что они сохраняютъ t, напр. умбр. po-i = quo-i, quī; оск. fem. pai = лат. quae, а въ dat. въ умбр. удержался весьма древній суфф. -smei, напр. e-smei (eī), pu-smē (cui).

ж) Loc. sg. сохраняется въ оск. нар., особ. основами на -o, напр. múinikei terei (in commūnī agrō отъ осн. múiniko-tero-ntr.; но dat. sg. есть -úi quo-i, quī; оск. fem. pai = лат. quae [illegible]).

3) Спряженіе — насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ формамъ, также было очень сходно съ лат. (гл. VI). Должно замѣтить: а) Лица. Въ 1 sg. pr. ind. отъ осн. на -a- (lenis) въ умбр. -au = -aō subocau (= гр. -άω), напр. subocau = лат. sub-vocō. — 2 pl. Imper. въ умбр. на -tuto, напр. fu-tuto (= es-tōte), а 2 sg. imp. убр. на -tu, напр. fu-tu (es-tō). — 3 sg. въ оск. послѣ гласныхъ часто на -d (вм. t), которое сохранилось и въ imper., напр. dedet (= dedi-t), es-tud (estō), но ès-t (est), stai-t (stet), а въ умбр. это t или d обкн. отпадаетъ, напр. portatu (= portā-tō), si (= sit), но es-t и др. — Въ 3 pl. часто -ns вм. -nt, или же -t; напр. оск. fu-fans (= лат. fu-bant, т.е. erant), умбр. sins (= sī-nt); оск. set = убр. sent = лат. sunt. — б) Modi: Optatīvus въ оск. и особ. умбр. лучше сохраняется чѣмъ въ лат., напр. умбр. porta-ia-(m) (= portem), fu-ia-t (= sit), sī-ns (= sint); оск. sta-ít (= stē-nt, 3 pl. pr.), sta-ī-t (3 sg. pr. = stet), tada-i-t (= 3 sg. pr. o), fu-i-d (3 pr. = sit), fu-síd (3 sg. pf. = fuerit), fe-fac-i-d (3 sg. pf. = fēcerit) и пр. — в) Tempora. Корень fu проведенъ по всѣмъ tempora и ясно виденъ въ сложныхъ формахъ другихъ глаголовъ; напр. умбр. impr. fu-tu, pr. opt. fu-ia (m), fut. ex. fu-rent, оск. и умбр. fut. fu-st, оск. pr. opt. fuid, pf. opt. fu-sīd, impf. ind. fu-fans; въ качествѣ суфф. въ оск. impf. ind.: fu-fans (= лат. fu-bant), въ fut. ex., напр. умбр. amb-r-e-furent (= amb-ī-verint), e-fust = ī-verit, port-ust (= portāverit), оск. fe-fac-ust (= fēcerit) = умбр. fac-ust (или -est = -fust), умбр. fac-urent (вм. -furent); perf. ind. умбр. pihafei = лат. piā-vit (вм. piāfuei); оск. aidkā-fed (= aedificā-vit) и пр. (см. выноску на стр. 98); слѣд. impf., pf. и fut. ex. ind. образуются посредствомъ глагола отъ r. fu. На perf. opt. — посред. r. es къ перф. основѣ и слѣд. здѣсь perf. conj. отличается отъ fut. ex., напр. оск. fu-sīd, fe-fac-id. Также fut. I образуется (какъ и въ гр., стр. 99) посред. r. es (а не fu какъ въ лат.) и здѣсь s обкн. не переходитъ въ r, напр. dide-st (dabit), censa-zet (= cēnsē-bunt), убр. i-est (= ī-bit), habie-st (habē-bit), ferest (= feret), bene-s (veniēs), умбр. и оск. here-st (= volet) и пр. — г) Medio-pass. какъ и въ лат. посредствомъ r = se (см. выше, 1, б). — д) Именныя формы: Infin. act. оканч. въ умбр. на -om, -um, въ оск. на -um и есть слѣд. отглаг. сущ. ср. р. съ осн. на -o-, напр. умбр. erum (m), erom (= esse), оск. molta-um (= multāre), deikum (= dīcere) (ср. лат. vēnum dō, vēnum eō). — Part. pr. не сохранилось. — Въ лат. ē 2-го спр. сохранилось и въ part. pf., напр. умбр. virseto = лат. vidē-tus, т.е. vīsus. — Въ gerund. -nd- въ -nn или -n-, напр. оск. úpsannam = operandam, убр. pehaner = piandī.

Конецъ 1-ой части. — Послѣсловіе, поправки и дополненія см. въ концѣ 2-ой части (т.е. Метр.).

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

А. А. ИВАНОВА.

ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

ОПЫТЪ НАУЧНОЙ РИМСКОЙ МЕТРИКИ

сравнительно съ греческою

КІЕВЪ.
Типо-литографія Е. Я. Федорова.
1878.

Содержаніе II-ой части „Филолог. Записокъ".

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28 октября 1878.

Александру Ивановичу

Георгіевскому,

Председателю Ученаго комитета М. Н. Пр. и Филол. Общества,

члену Совѣта М. Н. Пр., автору книги о „Галлахъ" и пр.,

въ знакъ глубокаго почтенія къ его усердной дѣятельности,

какъ передоваго борца

по „общему и дорогому для насъ", „великому и славному дѣлу" „прочнаго

водворенія классическаго образованія въ Россіи",

какъ дань душевной признательности

за полную доброты внимательность оказанную автору и его работамъ,

и какъ piaculum

за то, что на цѣнное радушіе не могъ отвѣчать сугубымъ радушіемъ,

подноситъ сей трудъ

составитель.

Замѣтка

1. Читатели приглашаются прочесть предварительно предисловіе (ч. I) и эпилогъ (ч. II) и въ особенности сдѣлать, гдѣ это возможно, поправки и дополненія, означенныя въ сей части на стр. 64-76 и 84; гдѣ же нельзя, т.е. гдѣ добавленіе или измѣненіе не могло бы найти себѣ мѣсто, тамъ слѣдуетъ сдѣлать какимъ-нб. знакомъ указаніе на „добавл. и поправки" и, если нужно, зачеркнуть соотвѣтственное мѣсто въ текстѣ. – Сверхъ того, читатель много облегчитъ себѣ употребленіе „Фил. Записокъ", если не потяготится исполнить совѣты, данные на стр. 43 и 82 сей части, т.е. а) прежде всего обозначить вверху стр. 3-32, какіе именно §§ трактуются на каждой изъ нихъ, - и б) при первомъ чтеніи навести черниломъ на всякой черточкѣ, точкѣ и т.п., оттиснувшейся не вполнѣ отчетливо. – Кто разъ возьметъ на себя этотъ трудъ, тотъ будетъ впредь имѣть возможность читать и наводить справки безъ затрудненій, задержекъ и непріятностей.

2. О новыхъ заглавіяхъ, согласно съ которыми должны быть исправлены и прежнія, см. стр. 81; о посвященіяхъ, стр. 78 сл.; о дополненіяхъ и поправкахъ – стр. 82.

3. Первые 4 листа сей части намиографованы отъ марта по іюль 1871 г.; 5-й листъ въ концѣ 1876; 6, 7 и 8-й листы – въ началѣ 1877; 9, 10 и 11-й, новый заглавный (съ оглавленіемъ и посвященіемъ) и обложка – въ сентябрѣ и октябрѣ 1878 (см. стр. 77).

4. О цѣнѣ и числѣ экземпляровъ, см. „Замѣтку" въ I-й ч., стр. IV. – Если запросъ значительно превзойдетъ выпускаемое теперь въ свѣтъ малое число экземпляровъ, то я скоро предприму 2-ое изданіе и, вѣроятно, тоже миографичное; если найду переписчика свѣдущаго и отличающагося четкимъ и красивымъ почеркомъ. Переписка произойдетъ конечно подъ моимъ наблюденіемъ и коррекцурою. Второе изданіе будетъ гораздо объемистѣе перваго, такъ какъ, съ одной стороны, въ текстъ онаго войдутъ почти всѣ теперешнія и разныя другія добавленія, а съ другой – оно будетъ написано крупнѣе и менѣе густо. Впрочемъ, теперешнія предисловіе и послѣсловіе и нѣкоторыя другія мѣста намѣренъ я сильно сократить, т.е. исключить изъ нихъ или ограничить личный элементъ. – Вообще я имѣю въ виду сдѣлать новое изданіе какъ можно болѣе удобнымъ. Печатное же изданіе, вѣроятно, выйдетъ очень не скоро, и именно по отмиографованіи III-ей и IV-ой частей „Ф. Записокъ", по отпечатаніи изслѣдованій, упомянутыхъ на стр. 46 („доб." къ I, 22, 20), 54-62 („доб." къ I, 61,30; 64; 69,42 сл.; 70,7,57; 71,12.62; 72; 97,1 сл.; 101,12), 75 („доб." къ II, 28,40), 82, 84 (къ II, 57), и по новой переработкѣ и значительномъ расширеніи объемѣ частей (ср. стр. 81). – Впрочемъ я намѣренъ скоро напечатать для учениковъ краткій учебникъ метрики.

Кстати. Въ виду обилія плагіаторовъ (одинъ напр. недавно захотѣлъ украсть у г. Ю. Арнольда его неопубликованный трудъ многихъ лѣтъ) и имъ подобныхъ chevaliers d'industrie, алчущихъ жать тамъ, гдѣ не сѣяли, я честь имѣю объявить симъ господамъ, что не оставлю ихъ безъ судебнаго или литературнаго преслѣдованія, если они пожелаютъ злоупотребить тѣмъ, что мой трудъ остается какъ бы полуопубликованнымъ. Мнѣ онъ достался далеко не такъ легко, чтобы я могъ позволить его расхищеніе.

А. Ц.

25-го Октября 1878.

ЗАПИСКИ
УЧИТЕЛЯ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА

А. А. Иванова

составленныя

ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ВЫСШИХЪ КЛАССОВЪ ГИМНАЗІИ.

ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть II.

РИМСКАЯ МЕТРИКА.

КІЕВЪ.
Въ литографіи Е. Я. Федорова.
1871.

Предварительныя замѣчанія.

1. Въ послѣднее 10-лѣтіе трудами новыхъ метриковъ, особенно капитальными изслѣдованіями Вестфаля и Шмидта (углубленіе въ духъ и формы древней литературы, тщательная разработка того, что дошло до насъ отъ древнихъ метриковъ и музыкантовъ, приведеніе формъ поэзіи съ формами музыки въ связь, открытіе синкопы арсисъ и пр.) вся древняя метрика подверглась коренному перевороту. Вмѣсто прежняго недурдко лишеннаго всякаго ритма и смысла и даже противнаго всякому человѣческому смыслу и ритму набора долгихъ и короткихъ слоговъ, который представляли учебники метрики, явилась наука раціональная, достойная греческаго генія. Я старался, насколько могъ, приложить результаты новой науки къ дѣлу въ моемъ преподаваніи; сообразно съ ними составлены и эти записки (хотя иногда и дѣлаю уступки общепринятому). – Задача моя: изложить формы поэзіи, раскрыть ихъ разумъ и уяснить связь между формою и содержаніемъ. Многое остается для устныхъ объясненій.

2. Согласно съ моими цѣлями и планомъ (см. Предисл. къ 1[й] ч. „Записокъ“) указываю на важнѣйшія сочиненія (еще на нѣкоторыя дѣлаются ссылки въ текстѣ):

A. Rossbach u. R. Westphal Metrik der Griechen im vereine mit den übrigen musischen Künsten. 2 aufl. in 2 bden (вм. прежнихъ 5) v. R. Westphal. – Lpz. 1867–68. – Съ 1 тому приложеніе: Die fragmente der rhythmiker und die musik-reste der griechen (съ древними и новыми нотами).

J. H. Heinrich Schmidt – Die kunstformen der griechischen poesie und ihre bedeutung. 1869–70. – 4 bde. (Вышли пока только первые два, но я ихъ еще не читалъ).

* – Его-же Leitfaden in der rhythmik und metrik der classischen sprachen. Lpz. 1869.

Luciani Muelleri De re metrica poetarum latinorum praeter Plautum et Terentium libri septem. – Lipsiae, 1861. (Весьма тщательное изслѣдованіе, до мелочей о метрическихъ особенностяхъ каждаго писателя. Краткія* извлеченія изъ этого сочиненія – о метрикѣ Федра и Горація – приложены авторомъ къ его изданіямъ этихъ поэтовъ (Lps. 1869. Онъ, впрочемъ, еще не покинулъ старой метрики).

* Herm. Schiller Die lyrischen versmasse des Horaz. Lpz. 1869.

Послѣ этихъ сочиненій старыя метрики утратили или большую долю или даже все свое значеніе (часть цѣны своей сохранили Boeckh'а De metris Pindari, G. Hermann'а Doctrina metrica). Лишь начинающимъ для пополненія нѣкоторыми подробностями этихъ записокъ могутъ быть указаны: Ant. Grimm'а Doctrinae metricae principia. Petropoli 1838, Классовскаго Версификація 1863, Habenicht'а Lat. prosodie u. metrik. Lpz. 1868, метрики при грамматикахъ Ананьева, Madvig'а, Zumpt'а (Конова) и др. – Для знакомыхъ съ музыкою сдѣланы музык. обозначенія.

3. Сообразно съ опредѣленіемъ метрики, какъ науки о формахъ поэтической мысли (§ 1), я исключилъ изъ метрики все, что безсмысленно и вредно включается въ нее изъ грамматики, а помѣстилъ куда слѣдуетъ, т. е. въ 3[ю] главу моихъ записокъ по грамматикѣ (фонетика). Конечно, грамматика должна быть изучена прежде метрики. – 2ая часть „Записокъ“ стоитъ въ тѣсной связи съ 1ой.

4. Объ особенностяхъ моей передачи греческихъ и латинскихъ словъ см. предисл. къ 1[й] ч. „Записокъ“ (Грамматика).

5. – На 5 классъ приходится: гл. II и III (съ сокращ.) и изъ IV[й] гл. hexameter heroicus и versus iamb. senarius (съ сокр.); на 6[й] – первыя 4 главы почти безъ пропусковъ, на 7[й] – остальное.

А. Ш.

Римская метрика.

I. Введеніе.

§1. Искусство раздѣляется на <u>образовательное</u> и <u>музическое</u>. Къ первому принадлежатъ пластика, архитектура и живопись; ко второму — соотвѣтствующія имъ — орхестика, музыка и поэзія. Въ основѣ произведеній того и того другого рода лежитъ <u>прекрасное</u>; но въ первыхъ это прекрасное заключается въ <u>покоѣ</u> и <u>пространствѣ</u>, во вторыхъ — въ <u>движеніи</u> и <u>времени</u>; первыя подчиняются закону симметріи, вторыя — <u>ритму</u>. — Наука, имѣющая предметомъ разсмотрѣніе формъ, въ которыхъ выражается поэтическая мысль, называется <u>метрикою</u>. Самыя разнообразныя поэтическія формы были выработаны Греками; отъ нихъ онѣ были пересажены къ другимъ народамъ, особенно къ Римлянамъ и Персамъ.

§2. Всѣ три музическія искусства у Грековъ возникли и развивались естественно и одновременно; всѣ они исходятъ изъ одного и того-же духовнаго воодушевленія народа: празднества въ честь боговъ и мужественное ~~воодушевленіе~~ воодушевленіе противъ непріятелей были первыми причинами этихъ искусствъ. Потому уже въ глубокой древности каждое изъ музическихъ искусствъ должно было подраздѣлиться на лирическое (съ ~~дактилическою~~ трохейною стопою) и военное (съ анапестами: маршъ и воинственные танцы, военная музыка и военныя пѣсни). Но начатки искусствъ, возникшіе въ народѣ въ доисторическую эпоху не могли сохраниться для насъ. Древнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ произведеній — Гомеровское эпо (ἔπος — ср. р. слово, разсказъ) свидѣтельствуютъ о народѣ уже далеко ушедшемъ отъ первобытнаго состоянія (см. 3ью часть „Записокъ" — объ эпич. поэзіи). Здѣсь мы видимъ <u>вторую</u> ступень: танецъ отдѣлился отъ поэзіи, да и музыка уже отошла на второй планъ; явилась поэзія речитативная съ дактилами, сопровождаемая звуками кифары, но не уничтожая собою поэзіи лирической, которая продолжала развиваться и достигла позднѣе самаго роскошнаго развитія.

Мало по малу каждое изъ трехъ музическихъ искусствъ развилось до такой степени, что нашло возможнымъ существовать и отдѣльно: явились независимыя поэзія, музыка и танецъ, хотя связь между ними не прерывалась и самымъ блестательнымъ образомъ проявлялась въ драмѣ (хоръ), пока и эта послѣдняя не утратила танцевъ и музыки (комическій хоръ изъ 24 лицъ былъ скоро послѣ пелоп. войны замѣненъ, вслѣдствіе общаго обѣдненія, однимъ лицемъ, но трагическій — 12–15 лицъ — еще долго продолжалъ существовать). — Поэзія лирическая лишилась прежде всего танцевъ, а потомъ и музыки, т. е. стала только декламаторною. — Преимущественно въ этомъ послѣднемъ видѣ греческая поэзія (эпо, лира и драма) была пересажена на рим-

скую почву и тамъ подавила собою начатки національной римской поэзіи. Въ Греціи поэзія искони была квантитативною, т. е. ритмъ ея состоялъ въ періодичномъ усиленіи голоса надъ правильно-чередующимися метрическими отдѣлами стиха. Только уже въ византійское время — по утратѣ долгихъ звуковъ явилась поэзія акцентовая (στίχος πολιτικός, т. е. народный).

Прим. Вслѣдствіе долгихъ слоговъ, музык. акцента и икта греческіе стихи были такъ музыкальны, что не нуждались въ созвучіяхъ въ концѣ стиховъ. Такъ наз. риѳма является въ средніе вѣка у Персовъ, потомъ (въ 12 в.) у романскихъ народовъ и наконецъ у Грековъ уже послѣ паденія Константинополя.

§ 3. Въ Италіи древнѣйшая, народная поэзія была (судя по нѣкоторымъ признакамъ) акцентовою со склонностью къ аллитераціи и ассонанціи (т. е. къ созвучіямъ въ началѣ и въ концѣ словъ). Остатками ея можно считать одинъ умбрійскій памятникъ (+) и лат. carmen ad Martem привед. у Катона (R. rust. 141)

Mars pater, te precor,
quaesoque, uti sies / volens propitius
mihi, domo familiaeque nostrae.
Quoius[1] rei ergo
agrum, terram / fundumque meum
suovetaurilibus / circumagi jussi,
uti tu morbos / visos invisosque,
viduertatem / vastitudinemque,
calamitates / intemperiasque
proibessis, defendas / averruncesque;
ut fruges frumenta, vineta virgultaque
grandire duenequé[2] / evenire siris,
pastores pecuaque / salva servassis;
duisque duonam[3] salutem / valetudinemque
mihi, domo / familiaeque nostrae:
harumce rerum ergo
fundi, terrae / agrique mei
lustrandi lustrique / faciendi ergo,
sic uti dixi:
[Mars pater] macte / hisce lactentibus
suovetaurilibus / immolandis esto.

1) = cujus. См. „Зап. по грамм." гл. IV. 2) = beneque 3) = des bonam. См. Зап. по гр. § 15, 7 и гл. IV.

Каждый стихъ раздѣляется на двѣ половины (κῶλα, см. гл. III) другъ другу соотвѣтствующія. Ритмъ можетъ оказаться только при значительномъ удлиненіи нѣкот. слоговъ (++).

Но предъ напоромъ греческой поэзіи такіе стихи не могли устоять. Уже въ очень раннее время проникло въ Римъ греческое стихосложеніе просодическое, сдѣлавъ ту уступку національному римскому стихосложенію, что дѣлило стихъ на двѣ части съ 4-мя ісвами (см. гл. II) въ каждой, прибѣгало къ аллитераціи и только въ высокихъ слогахъ строго держалось греческой метрики, а въ низкихъ допускало замѣну короткаго долгимъ и даже двумя короткими: явился versus Saturnius (названный такъ потому, что его стали относить къ золотому вѣку Сатурна, т. е. къ незапамятной древности). Древнѣйшія дошедшія до насъ надписи въ стихахъ и первые римскіе писатели Ливій Андроникъ (въ 240 г. до Р. Х.) и Гней Нэвій (съ 235 г.) суть представители этого размѣра (См. гл. IV. и Грамм. § 11).

(+) Tabulae Iguvinae, гдѣ встрѣчается напр. такая мольба: tursitu tremitu / sonitu savitu // ninctu nepitu / hondu holtu // preplotatu / previçlatu.

(++) Подробности см. у Вестфаля (т. II, стр. 39 сл.), который читаетъ такъ:
Mars pater te precor | quaesoque u-ti sies | vo-lens pro-pi-ti-us | и т. д.

Если признать это за національный италійскій стихъ, то необходимо допуст. н. б. что Сатурній образовался уже подъ греческимъ вліяніемъ, которое дѣйствиі. началось въ глубокой древности.

Комикъ Плавтъ (род. ок. 254, ум. 184 г.) уже отказался отъ этого стиха и полнѣе пересадилъ греческую метрику, но еще со многими уклоненіями (напоминающими Сатурновъ стихъ), которыя — въ меньшей степени — допускались и послѣ него нѣкоторыми комиками и отчасти баснописцемъ Федромъ. Аллитерація у Плавта и у позднѣйшихъ поэтовъ также не рѣдко встрѣчается.

Со временъ же Эннія (239–169), введшаго въ латинскую поэзію гекзаметръ, греческое стихосложеніе окончательно укоренилось въ римской литературѣ.

Изъ другихъ поэтовъ особенно замѣчательна дѣятельность Горація, который усвоилъ римской поэзіи много греческихъ лирическихъ строфъ, но далеко не всѣ. Во время императоровъ многіе, особенно Септимій Северъ 3го в., усердно старались перенять всѣ формы греческой лирики.

Но въ тоже время, съ ослабленіемъ долготы начинаетъ проявляться вновь народная акцентовая поэзія съ аллитераціею и ассонанціею (зачатками рима). Такъ уже во время тріумфальнаго въѣзда императора Авреліана въ 274 пѣли солдаты слѣдующіе стихи, въ которыхъ уже не обращено вниманія на количество:

Mílle, mílle, mílle
décollávimús;
únus hómo — mílle
décollávimús.
Mílle vívat, qui mílle occídit.

Tántum víni hábet némo,
quántum fúdit sánguinís,
Mílle Sármatas, mílle Fráncos
Sémel et sémel occídimús,
Mílle Pérsas quaérimús.

Церковныя пѣсни также держались народнаго акцентоваго стихосложенія. Такова напр. слѣдующая св. Амвросія Медіоланскаго (во 2[й] полов. 4го в.):

Réx aetérne dóminé,
Rérum creátor ómnium,
Qui éras ánte sáeculá
Sempér cum pátre fíliús.

Однако въ литературѣ квантитативная метрика пережила Западную римскую имперію (уже гораздо позднѣе, какъ сказано явилась рифма (+)).

II. Такты.

§4. Въ греческихъ и латинскихъ стихахъ должно различать и соблюдать кромѣ количества (quantitas или μέτρον = metrum = мѣра) и высоты тона (accentus), что одинаково принадлежитъ и прозѣ и поэзіи — еще силу тона или ритмическое усиленіе голоса (ictus отъ ico), подобно тому какъ все это различается въ пѣніи и новыхъ пѣсенъ. — Новые стихи отличаются слѣд. отъ древнихъ тѣмъ, что не имѣютъ ни долгихъ слоговъ, ни музыкальнаго акцента (ибо наше ударение означаетъ силу, а не высоту тона); вслѣдствіе того ударение слова у насъ всегда совпадаетъ съ иктомъ стиха (кромѣ многосложныхъ словъ, которыя могутъ имѣть болѣе одного икта). По этимъ причинамъ новые стихи являются гораздо блѣднѣе древнихъ въ музыкальномъ отношеніи.

Примѣч. Объ акцентѣ, который бываетъ или acutus (´) или circumflexus (^) (первый можетъ быть выраженъ нотами такъ: дѣло, добро, т.е. нота высокаго слога помѣщается на верхней линіи; а второй обозначится —, напр. такъ — высмѣшливо произносимое) см. Грамм. §16, о количествѣ — тамъ же §14.

(+) Нѣкоторую наклонность къ ней можно замѣтить и у класич. писателей (въ такъ наз. versus Leonini; напр. въ элег. стихѣ Овидія: Quaerebant flavos | per nemus omne favos. || Ср. также Hor. Od. I, 11 и др.

Время потребное для произнесенія обыкновеннаго короткаго слога (‿) принимается въ метрикѣ за единицу и называется морою (mora; ей соотвѣтствуетъ въ музыкѣ 1/8 ноты, т.е. ♪); обыкновенный долгій слогъ (—) долженъ заключать въ поэзіи ровно двѣ моры (= ♩ или 1/4 ноты). (Въ прозѣ нѣтъ такой точности; но и въ стихахъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ бываютъ слоги короче короткихъ, а также долгіе = 1½, 3 и 4 морамъ. См. гл. III).

§ 5. Каждый стихъ состоитъ изъ небольшихъ по равномѣрныхъ метрическихъ отдѣловъ; въ каждомъ отдѣлѣ одна часть произносится съ большею силою (ритмическимъ ударомъ или иктомъ), другая — съ меньшею; т.е. въ каждомъ отдѣлѣ есть сильная и слабая часть. — Слѣд. подобно тому, какъ удареніе даетъ единство слову и отдѣляетъ его отъ другихъ словъ: такъ иктомъ (знакъ его въ метрикѣ (´), а въ музыкѣ (>) надъ нотою) обусловливается единство и обособленность стихового отдѣла. Напр. если въ словахъ ārtĭfĕx bĕātŭs мы каждый долгій слогъ произнесемъ съ силою, то образуется стихъ, состоящій изъ трехъ равныхъ отдѣловъ, въ которыхъ правильно чередуются сильные и долгіе слоги со слабыми и короткими: ´—‿|´—‿|´—‿|| (´—‿ въ музыкѣ = ♩♪). Каждый подобный отдѣлъ стиха называется тактомъ (чаще, но хуже, называютъ его стопою, pēs, πούς, род. ποδός). Слѣд. тактъ есть ритмическій отдѣлъ стиха, состоящій изъ сильной и слабой части. Сильная часть (произносимая съ ударомъ) называется θесью (θέσις — положеніе, корень θε, глаголъ τί-θημι кладу, потому что поющій и танцующій хоръ ударялъ ногою при усиленіи голоса; должно всегда помнить, что первоначально музыка, поэзія и танецъ находились въ неразрывной связи), а слабая — арсью (ἄρσις — поднятіе, к. ар, гл. αἴρω подымаю — отъ поднятія ноги). — Теперь многіе неправильно употребляютъ эти слова въ обратномъ смыслѣ). Каждый тактъ начинается θесью и оканчивается арсью. Но часто передъ (первою) θесью бываетъ (какъ и въ музыкѣ) низкая часть изъ одного или двухъ слоговъ (см. ниже); она служитъ какъ бы введеніемъ въ стихъ и называется анакрусью (ἀνάκρουσις — какъ бы запѣвъ или начало игры музыкальной; κρούω — толкаю, бью, особ. по муз. инструменту; иногда называютъ эту часть басью, βάσις — основаніе). Она даетъ стиху болѣе живости и отдѣляется въ метрикѣ знакомъ (⋮). Съ другой стороны арсь въ тактахъ, особенно въ послѣднемъ, нерѣдко бываетъ опущена; въ такомъ случаѣ ритмъ возстановляется или удлиненіемъ θеси или остановкою, паузою изъ столькихъ моръ, сколько ихъ должно было находиться въ арси (см. гл. III). Напр. если скажемъ bĕātŭs ārtĭfĕx, то получимъ стихъ трехтактный съ анакрусью и съ одною опущенною арсью, а слѣд. и съ паузою, т.е. обозначивъ послѣднюю знакомъ (∧), мы получимъ схему: ‿⋮´—‿|´—‿|´—∧||.

Примѣч. Икты (есть и въ прозѣ, т.е. логическое удареніе; они) ~~первоначально~~ болѣе принадлежали кореннымъ слогамъ, потомъ преимущественно долгимъ; потому то и въ поэзіи они обыкновенно на долгихъ слогахъ (было бы противоестественно, если бы въ поэзіи было иначе, чѣмъ въ обыкновенной рѣчи); въ самое позднее время они слились съ акцентами (какъ и въ новыхъ языкахъ).

§ 6. Подобно тому какъ два слова могутъ соединяться въ одно и, соединясь, со-

храняютъ оба ударенія, но такъ, что одно преобладаетъ и тѣмъ обусловливаетъ единство сложнаго слова (напр. великодушіе); также изо всѣхъ словъ предложенія или періода одно произносится съ наибольшею силою (логическимъ или, точнѣе, реторич. удареніемъ) и чрезъ то служитъ какъ бы центромъ предложенія или періода: такъ и два коротких такта могутъ соединяться въ одинъ сложный тактъ (dipodia), причемъ иктъ перваго такта бываетъ выше слѣдующаго (знакъ сильнаго (⁞)), напр. ∸∪–∪|∸∪–∪||, pŏstĕr ārtĭfĕx beātus||; наконецъ нѣсколько тактовъ составляютъ одно ритмическое предложеніе или періодъ (κῶλον, гл. III), отдѣленный отъ другихъ и объединенный иктомъ, господствующимъ надъ цѣлымъ предложеніемъ или періодомъ (знакъ (:) или (⁝)). Мѣсто его опредѣляется смысломъ, по большею частью онъ бываетъ въ началѣ стиха или предложенія. Напримѣръ: Beatus ille | qui procul negotiis ^|| (Hor. Epod. II.1).

§7. Въ стиховомъ тактѣ бываетъ не менѣе 3 и не болѣе 6 моръ (есть только одно исключеніе изъ этого правила, когда одинъ сложный тактъ является изъ 8 моръ). Такты раздѣляются на 3 рода по отношенію между тесью и арсью:

I) genus duplex: тесь вдвое больше арси, т.е. тесь = 2, арсь 1, или тесь = 4, арсь 2 моры; слѣд. сюда относятся такты 3- и 6-морные (по музык. обознач. = такты въ 3/8, 6/8 и 3/4):

1) трех-морные (или такты въ 3/8): тесь = 2, арсь = 1: а) trochaeus или choreus ∸∪ Rōma (= ♩♪); τροχαῖος - бѣглый, скорый (отъ τρόχος - бѣгъ) вслѣдствіе его быстроты; χορεῖος - хороводный (отъ χορός - хоръ, хороводъ и хоровой танецъ); веселый, оживленный тактъ (+)

б) tribrachys ∪̇∪∪ rĕgĕrĕ; τρίβραχυς (отъ τρι- въ сложныхъ словахъ - трижды и βραχύς - короткій) трехкраткій; служитъ въ замѣнъ трохеевъ.

Примѣч. Трохеиный стихъ съ анакрузою называется ямбическимъ (напр. ∪:∸∪|∸∪| и т.д.). Но уже древніе метрики стали неправильно начинать его тактъ, т.е. допустили такты начинающіеся арсью и оканчивающіеся тесью: ∪–|∪–| и т.д. (Такой тактъ получилъ названіе в) iambus, ∪∸ diēs; ἴαμβος какъ бы „бросокъ" (ἰάπτω - бросаю) (++) - отъ своей стремительности).

Трохейно-ямбическая мѣра явилась изъ культа Діониса и Деметры, ибо на празднествахъ въ честь этихъ божествъ, т.е. во время сбора винограда и жатвы, должны были возникнуть хоровые танцы и пѣсни; на этихъ же празднествахъ участвующіе перебрасывались остротами, насмѣшками, которыя назывались ἴαμβοι; этотъ характеръ остался за ними и въ литературѣ. Въ литературу ввелъ эту мѣру Архилохъ Паросскій (за 700 л. до Р.Х.).

2) шестиморные: тесь = 4, арсь = 2 (въ муз. = такт. 3/4 и 6/8) или ♩♩♫ и ♩♪♩♪).

г) ionicus ∸–∪∪ laudābilis. Названіе происходитъ отъ племени; характеръ его энтузіастическій, но мягкій, нѣжный. Подобно тому, какъ трохей раздѣленъ метриками на собств. трохей или хорей и ямбъ; такъ и ionicus стали раздѣлять на начинающійся съ тесы - iōn ā mājōrī и на открывающійся арсью (д) iōnicus ā minōrī: ∪∪∸– rĕlĕgēbās).

е) dichorēus ∸∪∸∪ dīmĭcārĕ, двухорей (δίς = bis). Употребляется какъ въ трохейныхъ стихахъ (§6) такъ и въ замѣнъ ioниковъ.-

(ж) Какъ произведенъ былъ изъ трохея ямбъ, такъ изъ дитрохея - diiambus ∪∸∪– propinquitās.

(+) Нѣкоторыя названія не вполнѣ понятны. Лучшія объясненія представилъ Аристидъ Квинтиліанъ, περὶ μουσικῆς (см. у Вестфаля въ прил. къ 1 т., стр. 34-38; тамъ же и переводъ Марціана Капеллы); хуже и многословнѣе всѣхъ Діомедъ въ ars gramm., ed. Keil 474-82. - См. далѣе: Клеонида, Помпея, Юліана въ Gramm. latini (K.) V, 30 sq., 122 sq., 322 sq.
(++) См. Курціуса Grundzüge d. gr. etymol. 1866, стр. 472. - О тождествѣ ямбовъ съ хореями см. Westphal, Metr. I, 606.

(= въ муз. такт. въ 4/8 (или 2/4) = ♩♫ или ♩♩):

II) genus pār: четырехморные такты, въ которыхъ θесь = арси = 2 морамъ

з) dactylus ⏑̲ ⏑ ⏑ kōmŭlūs (отъ δάκτυλος – палецъ – по сходству съ 3 суставами пальца): ровенъ, спокоенъ. Это самый древний, самый знаменитый и наиболѣе распространенный тактъ, принадлежащий преимущественно эпической поэзии, начиная съ Ὁμήρа.

и) spondeus ⏑̲ – laetī (σπονδεῖος – возліятельный отъ σπονδή возліяніе, такъ какъ возліянія богамъ сопровождались медленнымъ, торжественнымъ пѣніемъ ὕμνовъ; во множ. числѣ σπονδαί – договоръ, такъ какъ договоры также сопровождались возліяніями). Очень древенъ; служитъ со временъ Ὁμήρа въ замѣнъ дактиловъ, когда желаютъ замедлить движеніе стиха и дать ему болѣе торжественности.

і) proceleusmaticus ⏑̈ ⏑ ⏑ ⏑ - hŏmĭnĭbŭs - (προκελευσματικός – побудительный – отъ πρό – впередъ и κελεύω приказываю, κέλευσμα – приказаніе). По объясненію одного древняго ритмика – отъ употребленія во время игръ и борьбы.

(k) дактилный стихъ (также можетъ быть) съ анакрусью; [neutralis] считавъ за начало такта (арсь) получимъ тактъ ⏑ ⏑ ⏑̲, напр. ănĭmīs, который назвали anapaestus, отраженный, отбитый (ἀνάπαιστος отъ ἀνά отъ и παίω бью), или обороченный т. е. дактилъ. – Тактъ маршевой. Древнѣйшие образцы его имѣемъ отъ Τυρταίος (начало 7го в. до Р.Х.) своими пѣснями давшими, по преданію, Спартанцамъ побѣду надъ Мессенянами).

III) genus sescuplex: пятиморные такты; θесь = 3, арсь = 2, т. е. θесь въ 1½ раза длиннѣе арси: (= въ муз. такту въ 5/8, ♩♪♩, что (весьма) рѣдко встрѣчается теперь):

л) amphimacrus или creticus ⏑̲ ⏑ – āmĭxērānt (ἀμφίμακρος обоюдудолгий, отъ ἀμφί – обоюду и μακρός долгий; κρητικός отъ Κρήτη отъ употребленія на островѣ Крѣтъ въ танцахъ аполлонова культа). Этотъ и слѣдующие такты быстрѣе трохеевъ, отличаются бурно-энтузиастическимъ характеромъ. Въ литературу введенъ въ Спартѣ Θалетомъ.

м) paeōn I ⏑̲ ⏑ ⏑ ⏑ dētŏdŏĕns (παιών – бьющій отъ пѣсенъ въ честь Аполлона, также называвшихся παιώнами или παιάнами).

н) paeōn IV ⏑̈ ⏑ ⏑ – cĕlĕrĭtās.

о) pentabrachys ⏑̈ ⏑ ⏑ ⏑ ⏑ ăbĭĕtĭbŭs (πεντάβραχυς отъ πέντε пять и βραχύς – короткий).

Три послѣдния формы служатъ для замѣны кретика.

п) bakchius – – ⏑ ~~Athenae~~ nātūră (который, вѣроятно, должно разсматривать какъ (+) сильно кретикъ съ анакрусью (т. е. изъ – ⁝ ⏑̲ ⏑ – | ⏑̲ ⏑ – | … вмѣсто – – ⏑ | – – ⏑ | и т. д.) сильнѣе предыдущихъ; нерѣдко выражаетъ сильное изумленіе. Возникъ въ бакхическихъ пѣсняхъ и значитъ бакховый (позднѣе его стали называть palimbacchius, παλιμβάκχειος – обратнобакховымъ (πάλιν – опять, обратно), когда названіе бакхія перешло на р) antibacchius ⏑ – – Ăthēnae, т. е. бакхій съ анакрусью; в переводѣ: противубакхій).

Примѣч. Между исчисленными тактами есть 4 основныхъ: трохей, дактилъ, кретикъ и іоникъ; остальные (частью) произошли отъ сліянія короткихъ и разложенія долгихъ, частью неправильно считаются за отдѣльные такты (и потому помѣщены въ скобкахъ), ибо суть ничто иное какъ тѣ четыре съ анакрусью. Но раньше, уже греческие и римские метрики позднѣйшего времени насчитали несравненно болѣе стопъ, подраздѣливъ ихъ на простые (числомъ 28), въ которыхъ 2, 3 и 4 слога и сложные – изъ 5 и 6 слогов (syzygiae). Приведемъ названія простыхъ, употребляющіяся и теперь для означенія не тактовъ, но извѣстнаго чередованія долгихъ и короткихъ слоговъ: Кромѣ упомянутыхъ суть слѣдующія: двуморныя: а) pyrrichius ⏑ ⏑ pătĕr (отъ πυρρίχη военного танца вооруженныхъ, по мнѣн. изобрѣт. этого Πύρριχу, что значитъ огненнорыжій); 4-морныя: б) amphibrachys ⏑ – ⏑ cărīnă (обоюдукраткий); 5 морные: в) paeōn II ⏑ – ⏑ ⏑ cŏlōnĭă; г) paeōn III ⏑ ⏑ – ⏑ ănĭmālĭs; 6-морные: д) choriambus – ⏑ ⏑ – percĭpĭunt; е) antispastus ⏑ – – ⏑ ămātŭrŭs (ἀντίσπαστος – растянутый въ противоп. стороны – отъ ἀντί и σπάω тяну); ж) molossus – – – Aenēās (отъ имени народа въ Эпирѣ); 7 морные: з) epitritus I ⏑ – – –; II – ⏑ – –; III – – ⏑ –; IV – – – ⏑ (т. е. имѣющій слогъ сверхъ 3хъ).

(+) Объясненіе Вестфаля, т. 1, стр. 620–625 кажется мнѣ весьма сомнительнымъ.

III. Кōло, стихъ, строфа, сѵстēма.

§ 8. Какъ въ прозѣ слова состоятъ изъ слоговъ, изъ словъ составляются предложенія, объединяемыя однимъ логическимъ или рѵѳмическимъ удареніемъ, изъ предложеній — короткіе или длинные, болѣе или менѣе искусно составленные періоды; такъ и въ поэзіи видимъ мы рѵѳмическій моментъ или ноту, тактъ, рѵѳмическое простое предложеніе или кōло (κῶλον, членъ, отдѣлъ, по лат. ordo), простой или сложный рѵѳмическій періодъ въ видѣ сложнаго стиха, строфы и сѵстēмы. Какъ въ прозѣ такъ и въ поэзіи періоды обыкновенно состоятъ изъ двухъ антиѳесей — повышенія и пониженія. Такимъ образомъ образуются слѣдующіе соотвѣтствующіе другъ другу ряды: 1) слогъ — метрическій моментъ или нота (изъ 1 или нѣсколькихъ моръ); 2) слово — тактъ; 3) предложеніе — рѵѳмич. отдѣлъ или кōло; 4) періодъ — распространенный стихъ, строфа и сѵстēма. Кōло образуется изъ нѣсколькихъ тактовъ; стихъ состоитъ изъ 1, 2 и 3 кōлъ и потому различаются στίχος или versus monócōlos, dícōlos и trícōlos; строфа и сѵстēма состоятъ изъ нѣсколькихъ простыхъ или сложныхъ стиховъ, образующихъ одно законченное цѣлое или одинъ сложный рѵѳмическій періодъ. Строфою называютъ иные періодъ, состоящій изъ различныхъ стиховъ, а сѵстēмою — изъ одинаковыхъ.

Примѣч. Нѣкоторыя названія (какъ мы уже видѣли относительно тактовъ, арси и ѳеси) не вполнѣ установились въ наукѣ. Такъ нѣкоторые не различаютъ сѵстемы отъ строфы, другіе объясняютъ ее иначе, древніе — опять иначе. Слово στίχος или versus у древнихъ обыкнов. не распространялось на однокōлные стихи(+). У насъ каждое кōло принимается за отдѣльный стихъ и пишется въ особой строкѣ, хотя бы два кōла составляли одно рѵѳмическое цѣлое (повышеніе и пониженіе періода) и хотя бы при положеніи на музыку оба они выражались однимъ музыкальнымъ предложеніемъ; но у древнихъ не могло быть такихъ контрастовъ уже потому, что тамъ поэтъ обыкнов. самъ сочинялъ и музыку для своего произведенія.

§ 9. Кōло и стихъ могутъ состоять только изъ равноморныхъ и сходныхъ тактовъ: иначе произошло бы нарушеніе рѵѳма. Почти всѣ случающіяся отступленія суть только кажущіяся. Здѣсь можетъ быть нѣсколько случаевъ: 1) (Какъ въ современной музыкѣ и пѣніи можетъ быть вмѣсто ♪♪ или ♫, т. е. 2/8 нотъ, употреблена ♩, т. е. 1/4 нота, и на оборотъ; такъ и) въ стихахъ два одноморные слога (◡◡) могутъ быть замѣнены однимъ двуморнымъ (—), и на оборотъ (за немногими исключеніями). Употребленіе одного долгаго вмѣсто двухъ короткихъ называется контракціею или стяженіемъ и изображается въ метрикѣ $\overline{\smile\smile}$ (а въ музыкѣ ♫), а замѣна долгаго двумя короткими называется діалисью (распущеніемъ) и означается $\overset{\smile\smile}{-}$ (въ муз. ♫). Такимъ образомъ вмѣсто дактиля можетъ быть употр. спондей и на оборотъ.

2) Въ стихахъ какъ и въ музыкѣ можетъ быть опущена арсь и тогда: или удлиняется предшествующій слогъ или нота (ѳесь), такъ что являются 3-мор-

(+) Подробности объ этомъ у Вестфаля I, 489–496, 660–671 и проч. (въ обоихъ томахъ).

ные ⌐ (въ муз. ♩. т.е. 3/8 ноты) и 4-морные слоги ⊔ (въ муз. 𝅗𝅥 т.е. ½ ноты); или недостающія моры замѣняются соотвѣтственной длины паузою. Знаки паузъ: одноморной ∧ (въ муз. 𝄾), двуморной ⩚ (въ муз. 𝄽 или пауза въ 3/8), 3-морной ⩚ (въ муз. 𝄽 = 3/8), 4-морной ⩚ (въ муз. ▬ = ½ паузы). Въ древней поэзіи не было слога или паузы длиннѣе 4 моръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое удлиненіе обязательно, т.е. вмѣсто удлиненныхъ долгихъ (⊔ или ⊔) нельзя употребить —∪ или —— и т.д., потому что именно это удлиненіе даетъ стиху особый вѣсъ (напр. въ трохейномъ кѡлѣ —∪|—∪|—∪|—∧||). Опущеніе арси внутри кѡла называется синкопою (συγκοπή срѣзка, συγκόπτω - срѣзываю), а въ концѣ — каталексью (κατάληξις прерываніе, прекращеніе, καταλήγω прекращаюсь, перестаю). Удлиненіе долгаго слога въ замѣну опущенной арси называется тонью (τονή отъ τείνω тяну). Стихъ съ сокращеннымъ послѣднимъ тактомъ называется versus catalecticus, заканчивающійся же полнымъ тактомъ — versus acatalectus (ἀ въ греч. = не, безъ). Если такъ сокращенъ предпослѣдній тактъ въ хорейномъ стихѣ, то стихъ называется падающимъ и удобенъ для выраженія задумчивости; если при томъ послѣдній тактъ полонъ (т.е. заканчивается арсью), то производится впечатлѣніе неожиданности и комичности. - 6-тактный хорей такого рода съ анакрусою называется хромающимъ (σκάζων) или хромымъ ямбомъ (chōliambus, отъ χωλός хромой). Примѣры сихъ хорейныхъ стиховъ:

некаталектный: —∪|—∪|—∪|—∪||; каталектный: —∪|—∪|—∪|—∧||;

падающій: —∪|—∪|⊔|—∧||; хромой или χωλίαμβъ: ∪:—∪|—∪|—∪|—∪|⊔|——||.

3) Нерѣдко въ арси, особенно предъ цезурою (§ 11) встрѣчается короткій слогъ вмѣсто долгаго. Въ такихъ случаяхъ короткій слогъ подъ вліяніемъ ictus'а и цезуры удлиняется и слѣд. ритмъ нисколько не нарушается. Напр. въ шеститактномъ дактилическомъ стихѣ: Dona dehinc auro gravia sectoque elephanto (Verg. Aen. III, 464); особенно часто удлиняется que во 2-ой арси стиха; напр. (Verg. Aen. III, 91): Liminaque laurusque dei totusque moveri (это изъ подражанія греческому τε = que). По большей части въ такихъ случаяхъ происходитъ только возстановленіе древней долготы слога, ставшаго ирраціональнымъ, но еще не окончательно сократившагося (это называется diastole и ἔκτασις, см. Зап. по грамм. § 14), напр. Sub Jove mundus erat, subiit argentea proles (Ovid. Met. I, 114). Съ другой стороны иногда слогъ, обыкновенно употреблявшійся какъ долгій, встрѣчается на мѣстѣ короткаго, т.е. онъ въ такихъ случаяхъ сокращается (systole). и слѣд. ритмъ сохраняется. Это преимущественно бываетъ въ такихъ словахъ, которыя иначе не могли бы уложиться въ извѣстные роды стиховъ, напр. alterius въ дактилическіе (и потому такъ всегда alterius). Во всякомъ случаѣ поэтъ такъ могъ поступать только съ тѣми слогами, которые въ обыкновенной рѣчи уже стали сокращаться, т.е. становиться ирраціональными, напр. въ perf. indic.: Obstupui, steteruntque comae et vox faucibus haesit (Verg. Aen. III, 48).

Примѣч. Всѣ подобные случаи, равно какъ зіяніе и способы его устраненія и проч., относятся частью къ фонетикѣ, частью къ этимологіи, и потому изложены въ Зап. по грамматикѣ, особ. въ § 14 и гл. IV.

4) Въ хорейныхъ стихахъ часто встрѣчаются повидимому такты иного рода, напр. дактиль, спондей (вм. –◡ встрѣчаются ––, –◡◡, ◡◡–), т. е. долгій или два краткихъ вмѣсто одного краткаго. Въ такомъ случаѣ тѣ слоги, которые нарушили бы ритмъ, произносятся короче, чѣмъ бы слѣдовало по ихъ свойству, т. е. краткій въ 1/2 моры (тоже что въ музыкѣ ♪, т. е. 1/16 ноты), долгій въ 1½ моры (въ муз. ♪.), и называются иррацiональными краткими и долгими слогами (см. фонетику, §14). Два краткихъ вмѣсто одного краткаго обозначаются такъ: ω, что = ◡ (въ муз. ♬ т. е. 2/16 ноты), долгій вмѣсто краткаго: >, долгій съ краткимъ вмѣсто долгаго ~ (въ муз. ♪.♬); слѣд. вмѣсто хорея (–́◡) могутъ быть –́>, –́◡◡ или –́ω ... . Такимъ образомъ такты всегда остаются или неизмѣнными въ цѣломъ стихѣ или увеличиваются не болѣе какъ на 1/2 моры (= 1/16 ноты). Такое удлиненіе нѣсколько замедляетъ стихъ, приближаетъ къ обыкновенной рѣчи (потому-то оно любимо комиками Плавтомъ и Теренцiемъ и баснописцемъ Федромъ), но не разрушаетъ его. Впрочемъ въ музыкѣ и пѣніи не допускается и такихъ удлиненій на 1/2 моры; потому-то въ лирическихъ стихахъ (первоначально назначавшихся для пѣнія) такія замѣны встрѣчаются рѣже и должны были произноситься такъ, чтобы тактъ оставался 3-, а не 3½-морнымъ. Словомъ, въ комедіи, баснѣ и т. п. –>, –◡◡, –ω ... должно признать за 3½-морные, въ лирикѣ, во время пѣнія, за 3-морные.– Такіе спондеи, дактили и анапесты называются иррацiональными.– Изъ нихъ въ особенности должно замѣтить употребленіе въ лирической поэзіи –◡◡ или –ω, что носитъ также названіе кикловаго дактиля (отъ κύκλος кругъ, вслѣдствіе его быстраго, кружащагося теченія) (= въ муз. ♪.♬♪ или ♪.♬ и ♪♬). Въ нѣкоторыхъ трохеическихъ стихахъ кикловые дактили встрѣчаются только на опредѣленныхъ мѣстахъ. Такіе стихи называются логаэдами или логаэдными (отъ словъ λόγος, слово, проза, и ἀοιδή пѣснь, поэзія), т. е. какъ бы прозаическою поэзіею. Названіе это произошло въ то время, когда перестали понимать, что тамъ есть только кажущееся нарушеніе ритма.

5) Въ стихахъ состоящихъ изъ іониковъ дѣйствительно употребительно измѣненіе такта, но такъ, что іоники замѣняются равноморными тактами, т. е. дитрохеями (вмѣсто –́–◡◡ допускается –́◡–́◡ или вм. ♩♩♫ встрѣчается ♩♪♩♪, т. е. тактъ въ 3/4 замѣняется тактомъ въ 6/8). Такая замѣна называется анаклазисъ (ἀνάκλασις заламываніе, ἀνακλάω заламываю), а іоническій стихъ съ анаклазисомъ называется anaclomenos (заломанный). Большею частью іониками выражено оживленное и комично-игривое содержаніе, которому очень соотвѣтствуетъ подобная пертурбація такта. (Кромѣ того допускаются и разныя вариаціи іониковъ и дитрохеевъ (см. стран. 9 и гл. IV, V); напримѣръ:

◡◡́ ◡ – ◡ – – | – – ◡ ◡ | – ◡◡ ◡ ◡ | ⊔ ⊼ ||
Super alta vectus Attis celeri rate maria (Cat. 63, 1).

Изо всего сказаннаго видно, что всѣ такты кола и стиха должны быть одинаковы или, по крайней мѣрѣ, равноморны. Единственное исключеніе изъ этого правила представляетъ дохмій (δόχμιος кривой), весьма страстное коло, употреблявшееся въ греческой

поэзіи, котораго основная форма есть ⏑ : – – ⏑ | – ∧ ||, т. е. бакхій съ хореемъ. Измѣненіемъ такта выражаетъ дохмій страстно-возбужденное, такъ сказать, выведенное изъ равновѣсія чувство. Схема дохмія допускаетъ много варіацій (+).

§ 10. Объемъ кола. Рядъ тактовъ становится коломъ вслѣдствіе главнаго икта, объединяющаго ихъ въ одно ритмическое цѣлое (ср. § 6). Но какъ усиленіе одной части необходимо предполагаетъ ослабленіе другой, то уже древніе метрики стали дѣлить кола, подобно тактамъ, на genus par, duplex и sesquiplex, относя къ первому роду тѣ кола, въ коихъ на усиленную часть приходится столько же тактовъ, сколько на ослабленную (1 и 1, 2 и 2, т. е. сюда относятся кола 2- и 4-тактныя), ко второму тѣ, кои въ сильной части имѣютъ вдвое больше тактовъ, чѣмъ въ слабой (2 и 1, 4 и 2, т. е. кола 3- и 6-тактныя), къ третьему тѣ, въ коихъ сильная часть въ 1½ раза длиннѣе слабой (3 и 2, т. е. кола пятитактныя). Самыя употребительныя кола суть 4- и 3-тактныя, рѣже встрѣчаются изъ 2, 5 и 6 тактовъ и лишь въ видѣ исключенія употреблялись въ греческой поэзіи однотактныя изъ іониковъ. Такимъ образомъ, коло можетъ заключать въ себѣ отъ 1 до 6 тактовъ и, смотря по числу ихъ, называется моноподія (μόνος = sōlus), диподія (2), триподія (3), тетраподія (4), пентаподія (5) и гексаподія (6) (изъ которыхъ диподія и тетраподія составляютъ genus par, триподія и гексаподія — genus duplex, а пентаподія — genus sesquiplex). Но при этомъ также наблюдается, чтобы объемъ кола не былъ слишкомъ великъ, т. е. чтобы оно не превосходило извѣстнаго числа моръ, ибо въ слишкомъ длинномъ рядѣ моръ трудно было бы слышать одинъ главный иктъ. Вообще коло не можетъ заключать въ себѣ менѣе 6 и болѣе 25 моръ, и именно такъ: 1) въ диподіяхъ и тетраподіяхъ (genus par) не бываетъ болѣе 16 моръ (++); 2) въ триподіяхъ и гексаподіяхъ (genus duplex) не болѣе 18 (+++), и 3) въ пентаподіяхъ (genus sesquiplex) не болѣе 25 (++++) (Различія эти основываются главнымъ образомъ на томъ, что чѣмъ больше есть слоговъ съ иктами, тѣмъ длиннѣе можетъ быть коло). Поэтому 1) хорейное (и логаэдное) коло можетъ заключать въ себѣ 2–6 тактовъ (6–18 моръ), 2) іоническое — 1–3 такта (6–18 моръ), 3) дактилное — 2–5 т. (8–20 моръ) и 4) пэонное (бакхійное, кретичное) 2, 3 и 5 тактовъ (10, 15 и 25 моръ; 4-тактнаго не бываетъ, ибо оно составило бы genus par, которое можетъ имѣть не болѣе 16 моръ). Сверхъ того допускается ἀνάκρουσις, дѣлающая стихъ болѣе быстрымъ и энергичнымъ (§ 5). Она не можетъ быть длиннѣе арсиса (но допускаетъ ирраціональные слоги) и рѣдко бываетъ короче ея; напр. ⏑̈ : – ⏑ | – ⏑ || или ⏑⏑ : – ⏑⏑ | – ∧ || и т. д.

(+) Согласно съ древними метриками Шмидтъ видитъ здѣсь дѣйствительное измѣненіе такта (Leitfaden s. 79 ff.); такъ смотрѣлъ на дохмій и Вестфаль въ 1-мъ томѣ, стр. 600 сл., 687, 695–699, но во 2 томѣ онъ измѣнилъ свой взглядъ (853–862) и принялъ дохмій за каталектичный бакхій, т. е. ⏑ – –, ⏑ – ∧). Въ виду страстности этого кола, кажется намъ, можно допустить здѣсь дѣйствительную пертурбацію ритма.

(++) Именно (отдѣляемъ чертою | сильную часть отъ слабой): 6 морныя: – ⏑ | – ⏑ |; 8 м.: – ⏑⏑ | – ⏑⏑ |; 10 морн.: – ⏑⏑⏑ | – ⏑⏑⏑ |; 12: – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ | и – – ⏑⏑ | – – ⏑⏑ |; 16: – ⏑⏑ – ⏑⏑ | – ⏑⏑ – ⏑⏑ |, т. е. хорейная (и логаэдная), дактилная (и спондейная), пэонная (бакхійная, кретич.) и іонич. диподіи и хорейная и дактилная тетраподіи.

(+++) Именно 9: – ⏑ – ⏑ | – ⏑ |, 12: – ⏑⏑ – ⏑⏑ | – ⏑⏑ |, 15: – ⏑ – – ⏑ – | – ⏑ – |, 18: – – ⏑⏑ – – ⏑⏑ | – – ⏑⏑ | и – ⏑ – ⏑ – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑ |, т. е. хорейная, дактилная, пэонная и іоническая триподіи и хорейная гексаподія.

(++++) 15 м.: – ⏑ – ⏑ – ⏑ | – ⏑ – ⏑, 20: – ⏑⏑ – ⏑⏑ – ⏑⏑ | – ⏑⏑ – ⏑⏑ | и 25: – ⏑⏑⏑ – ⏑⏑⏑ – ⏑⏑⏑ | – ⏑⏑⏑ – ⏑⏑⏑ |, т. е. хорейная, дактилная и пэонная пентаподіи (ср. гл. IV).

Примеч. 1. Если въ колѣ или стихѣ четное число тактовъ, то два хорея (и ямба) — вслѣдствіе своей краткости — обыкновенно объединяются въ одинъ сложный тактъ (см. §6), напр. –́ ⏑ –̀ ⏑ | –́ ⏑ – ⏑ || (т. е. вмѣсто такта въ 3/8 является тактъ въ 6/8); подобнымъ же образомъ соединяются и анапесты: ⏑⏑ –́ … ⏑⏑ –̀ | –́ ⏑⏑ – ⌅ || (т. е. образуется тактъ въ 8/8 §7). Такой сложный тактъ называется не pēs, а metrum, (то есть metrum значитъ здѣсь 2 pedes, тогда какъ въ другихъ стихахъ выраженія metrum и pēs равнозначительны). Поэтому monometer trochaicus и anapaesticus по объему = диподіи, dimeter — тетраподіи, trimeter — гексаподіи, tetrameter — октаподіи (но dimeter dactylicus, paeonicus, ionicus и пр. есть тоже что dipodia dactylica и т. д., trimeter есть тоже что триподія и т. д.). Тождественными, впрочемъ, нельзя назвать монометръ и диподію и т. д., ибо въ 1мъ есть одинъ господствующій иктъ, а во 2мъ оба равны; напр. –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ –́ ⏑ || есть тетраподія, тогда какъ –́ ⏑ –̀ ⏑ –́ ⏑ –̀ ⏑ || будетъ диметромъ и т. д.

Прим. 2. О мѣстѣ главнаго икта въ колѣ см. §6.

§11. Стихъ (см. §8) можетъ состоять изъ 1, 2 и 3 колъ, т. е. или коло само образуетъ ритмическій періодъ, или является только первою частью его (повышеніемъ), требующею себѣ закругленія или апотесиса, или повышеніе и пониженіе группируются около средняго кола, какъ около центра. Во всякомъ случаѣ стихъ не можетъ заключать въ себѣ болѣе 32 моръ. Отличительные признаки конца стиха (знакъ конца кола и стиха ||): 1) онъ оканчивается полнымъ словомъ (которое, впрочемъ, изрѣдка апострофируется), 2) имѣетъ въ концѣ syllaba anceps (т. е. – вм. ⏑ и наоборотъ ⏑ вм. – и даже вм. ⊢ и ⏑⏑, т. е. въ первомъ случаѣ происходитъ сокращеніе, во второмъ — удлиненіе сообразно съ характеромъ такта), 3) позволяетъ послѣ себя неопредѣленную паузу и 4) допускаетъ зіяніе съ началомъ стиха. Напр. (Hor. Epod. IV, 13 sq.):

Arat Falerni mille fundi jugera ⏑ ⁝ – ⏑ | – > | – ⏑ | – > | – ⏑ | – ∧ ||
Et Appiam mannis terit. ⏑ ⁝ – ⏑ | – > | – ⏑ | – ∧ ||

Здѣсь a и it употреблены какъ долгіе слоги; кромѣ того не устраненъ hiatus между a и Et.

Внутри же стиха коло можетъ заканчиваться различнымъ образомъ:

1) Оно заканчивается цѣлымъ словомъ и тактомъ; но внутри стиха не можетъ быть ни syll. anceps, ни паузъ, ни зіяній. Такое заключеніе называется діэресью (διαίρεσις дѣленіе), напр. (въ элегическомъ стихѣ (Овидій Trist. II, 354): Vita verecunda est || Musa jocosa mea || – ⏑⏑ – – ⏑ || – ⏑⏑ – ⏑⏑ – ⌅ ||.

2) Коло заканчивается не полнымъ тактомъ, а арсою или первою половиною арси, такъ что вся арсь или половина ея относится уже къ слѣдующему колу, образуя при немъ какъ бы анакрусъ. Этотъ способъ заканчиванія называется цэзурою (или τομή, разрѣзъ, τέμνω рѣжу, caedo). Напр. обозначивъ ее знакомъ ⊥, найдемъ въ гекзаметрахъ дактилическихъ:

In nova fert animus ⊥ mutatas dicere formas (сотрона?) – ⏑⏑ | – ⏑⏑ | – ⊥ || – – | – ⏑⏑ | – – || (Ovid.)
или: Dum vires annique ⊥ sinunt, tolerate labores – – | – – | – ⏑ ⊥ ⏑ || – ⏑⏑ | – ⏑⏑ | – – ||.

Въ первомъ случаѣ цэзура называется мужскою, во 2мъ — женскою.

3) Коло можетъ заканчиваться внутри слова, такъ что второе коло начи-

нается серединою слова, большею частью сложнаго, но иногда и простаго). Такое дѣленіе стиха называется тмѣсью или разрывомъ (τμῆσις отъ одного корня съ τομή и τέμνω). Это особенно часто бываетъ въ хоровой поэзіи, гдѣ вполнѣ господствуетъ музыка, такъ что ей подчиняется смыслъ, но иногда и въ другихъ случаяхъ: напр. въ ямбич. триметрѣ: Parentibusque abominatus Hannibal (Hor. Epod. XVI, 8).

Прим. Изъ сказаннаго видно, что разсѣченіе стиха (сопровождаемое обыкновенно въ чтеніи — но не въ пѣніи — маленькою паузою) обусловливается встрѣчею колъ. Но въ болѣе позднее время Греки и, въ особенности, Римляне стали подобнымъ же образомъ дѣлить даже одноколные стихи, напр. установили постоянную „цѣзуру" т.е. какъ бы раздѣлили его на два кōла въ ямбич. триметрѣ (какъ видно изъ только что приведеннаго примѣра), хотя мы знаемъ изъ § 10, что въ этомъ стихѣ есть только одно кōло). Въ такихъ стихахъ цѣзура не имѣетъ органическаго значенія, но, расчленяя стихъ, содѣйствуетъ оживленію его. — Въ болѣе обширномъ смыслѣ цѣзурою стали метрики называть всякое дѣленіе стиха, производимое концомъ слова (т.е. приняли цѣзуру послѣ каждаго слова), что повело къ необходимости различать главную цѣзуру отъ побочныхъ. Если конецъ слова и такта совпадаетъ, то вмѣсто „цѣзура" говорятъ діэресь. Для обозначенія этихъ побочныхъ цѣзуръ и діэресей мы употребимъ слово incīsiō.

§ 12. Строфа и система состоятъ обыкновенно изъ 4, рѣже изъ 2, 3, 5 и болѣе простыхъ или сложныхъ стиховъ, образующихъ распространенный ритмическій періодъ. Такимъ образомъ ритмич. періодъ можетъ состоять какъ изъ одного кōла, такъ и изъ стиха, заключающаго въ себѣ 2 и 3 кōла, такъ, наконецъ, и изъ нѣсколькихъ стиховъ. Стихи строфы могутъ быть какъ одной, такъ и разной величины и состоять какъ изъ одинаковыхъ такъ и изъ различныхъ тактовъ; но, не смотря на это разнообразіе стиховъ, по величинѣ и характеру, между ними всегда находится строгое соотвѣтствіе въ томъ и другомъ отношеніи, такъ что образуется гармоническое единство строфы.

Примѣч. Строфамъ соотвѣтствуютъ отдѣлы танцевъ. Извѣстно, что почти всегда отдѣлы танцевъ состоятъ изъ 16 тактовъ, которые распредѣляются между двумя 8-тактными періодами, изъ которыхъ каждый опять заключаетъ въ себѣ по два какъ бы 4-тактныхъ кōла.

Ритмическій періодъ соотвѣтствуетъ періоду грамматическому. Правильный же грамм. періодъ есть нѣчто единое, цѣльное, не только чрезъ логическую связь между его членами, но и 1) чрезъ расположеніе этихъ членовъ, которое бываетъ или анафорное (ἀναφορά отношеніе, φέρω = ferō), напр. люби друзей, — A. B.
щади враговъ. — A. B.,
или хіастичное (т.е. перекрестное, подобно буквѣ X; χιάζω перекрещиваю, т.е. дѣлаю X; χιασμός перекрестъ), напр. друзей люби,
щади враговъ. A. B.
B. A.

2) чрезъ пропорціональную величину предложеній; 3) чрезъ болѣе длинную паузу въ концѣ (точка). — Тоже самое, но съ гораздо большею правильностью оказывается въ ритмическихъ періодахъ, т.е. въ строфахъ и сложныхъ стихахъ: 1) какъ тамъ группуются члены предложеній, такъ здѣсь цѣлыя кола; 2) кōла по величинѣ находятся въ опредѣленномъ отношеніи одно съ другимъ и 3) окончаніе періода удовлетворительно закругляетъ музыкальную мысль (хотя не всегда она совпадаетъ съ логическою мыслью, или не всегда оканчивается точкою и т.п., но всегда цѣлымъ словомъ).

Какъ въ сложномъ стихѣ конечное коло, такъ въ строфѣ конечные стихи служатъ заключеніемъ первой части, какъ бы даютъ отвѣтъ ей, являются антитезою періода, или закругляютъ мелодію, или представляютъ ей контрастъ, такъ что образуется художественно-законченная группа. Систе́мою называется группа ~~стиховъ~~ одинаковыхъ стиховъ, а такъ какъ стихи ея однообразны, то она не представляетъ такой округленности и законченности какъ строфа. — Сложные стихи свойственны преимущественно речитативной, а строфы и системы — лирической поэзіи.

IV. Типы поэзіи. — Перечень колъ.

§ 13. Мы видѣли (§ 2), что изъ возникшей въ хорѣ и войскѣ цѣльной и единой группы трехъ музыческихъ искусствъ выдѣлилась сначала поэзія съ музыкою и что потомъ поэзія мало-по-малу выступила и изъ этой связи, стала речитативною — и слѣд. изъ хоровой личною — и наконецъ превратилась въ декламаторную; но мы также замѣтили, что рядомъ съ этими обоими явленіями поддерживалась поэзія связанная съ музыкою или также съ музыкою и танцами. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ 4 типа поэзіи: речитативный, лирическій, хоровой (т. е. связанный съ танцами) и маршевой. Мы займемся здѣсь только двумя первыми, потому что послѣдніе два мало развились у Римлянъ. Но напередъ нужно замѣтить слѣдующее: 1) Хотя у Римлянъ вся поэзія преимущественно была декламаторною, однако формы ея возникли у Грековъ и въ то время, когда не была еще разорвана связь съ музыкою и отчасти съ танцами; поэтому для полнаго пониманія речитативнаго типа необходимо помнить связь его съ музыкою, а для пониманія формъ лирическаго типа не должно упускать изъ виду, что источникъ ихъ — въ хорѣ. — 2) Но по той ~~же~~ причинѣ, что поэзія у Римлянъ была личною (а не хоровою) и декламаторною и что смыслъ его формъ они не могли въ такой степени чувствовать какъ Греки, она испытала у нихъ нѣкоторыя измѣненія. — 3) Не должно смѣшивать типовъ поэзіи съ родами ея: типъ означаетъ форму, родъ — содержаніе. Напр. лирическій родъ поэзіи есть главнымъ образомъ изліяніе чувства; лирическій типъ означаетъ форму, или выработанную хоромъ или для хора, или сочиненную по образцу хоровыхъ формъ. Личное чувство могло быть выражено какъ этими формами, т. е. лирическимъ типомъ, такъ и типомъ личнымъ, речитативнымъ, который заимствовалъ отдѣльные стихи и изъ другихъ типовъ.

§ 14. Главныя отличія речитативнаго и лирическаго типа суть слѣдующія:

Стихи речитативнаго типа состоятъ изъ двухъ колъ и не соединяются въ строфу. — Стихи лирическаго типа состоятъ изъ 1, 2 и 3 колъ, а 2–5 и болѣе стиховъ образуютъ строфу или систему (στροφή — оборотъ, σύστημα — составъ, сборъ).

Въ речитативномъ стихѣ періодъ короче и проще чѣмъ въ строфѣ и системѣ. Въ немъ второе коло, служащее заключеніемъ первому, бываетъ или равно первому, или каталектно, или падающее или сокращенное на цѣлый тактъ.

Въ лирическомъ типѣ періодъ развитое и сложнѣе. Есть слѣдующіе виды его:

1. Стихичный, если повторяются одинаковые стихи (изъ одного кола), напр. a a, ā ā.
2. Палинодный (πάλιν опять, ᾠδή пѣснь, παλινῳδέω повторяю пѣснь), если группа колъ повторяется такъ: a b a b или a b c a b c и т. д. - Эти оба вида соотвѣтствуютъ анафорному періоду.
3. Антистичный - когда группа колъ повторяется въ обратномъ порядкѣ, т.е. a b b a. Это соотвѣтствуетъ хіастичному періоду.
4. Месодный (μέσος средній) - когда повышеніе и пониженіе группуются, какъ бы вращаются около центра: a b a, a b c b a и т. д.
5. Проодный, когда строфа открывается особымъ стихомъ, какъ бы интродукціею.
6. Эподный, когда она заканчивается, закругляется краткимъ стихомъ какъ бы припѣвомъ (ἐπῳδός - припѣвъ, refrain). Эподамъ называется также цѣлая строфа, преимущественно двустишная, заканчивающаяся припѣвомъ (кромѣ элегической). Иногда строфа заключается, противъ ожиданія, не краткимъ, а болѣе длиннымъ стихомъ, - что производитъ комичное впечатлѣніе.

§ 15. Прежде чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію формъ речитативнаго и лирическаго типа, необходимо представить перечень колъ, изъ которыхъ онѣ составляются. Мы будемъ имѣть въ виду преимущественно тѣ кола, которыя намъ встрѣтятся позднѣе въ речит. или лирич. періодахъ; другія же или вовсе не приводятся или помѣщены въ скобкахъ. Это значитъ, что они или вовсе не встрѣчаются въ римской поэзіи (хотя бы и были очень употребительны въ греческой), или встрѣчаются только у неглавныхъ авторовъ. - Изъ варіацій колъ (полное, каталектное и пр., контракція и діализъ) приведемъ только тѣ, которыя встрѣтятся намъ впослѣдствіи или вообще болѣе важны. (Ср. § 10).

I. Кола дактило-анапэстныя.

а) дактилныя:

1) (диподія: –́⏑⏑|–́⏑⏑||)
2) триподія каталектная: –́⏑⏑|–́⏑⏑|–́∧|| Nunc mare| nunc siluae|| Hor. Epod. XIII, 3.
4) тетраподія: –́⏑⏑|–́⏑⏑|–́⏑⏑|–́–|| Aut Ephes on bimarisve Corinthi|| Hor. Od. I, 7, 2 (v. Alcmanius)
5) (пентаподія ––|–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑⏑||).

б) анапэстныя:

6) (диподія: ⏑⏑:–́⏑⏑|–́∧|| octo validi.|| Plaut. Amph. 160. (иначе монометръ)).
7) (триподія ⏑⏑:–́⏑⏑|–́⏑⏑|–́∧|| Possum scire et te verum? Plaut. Stich. 324).
8) тетраподія или диметръ: ⏑⏑:–́⏑⏑|–́⏑⏑|–́⏑⏑|–́∧|| Fortuna regit sparsitque manu|| (Sen. Hipp. 985)
9) (пентаподія ⏑⏑:–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑⏑|–∧||).

II. Кола хорейно-ямбическія и логаэдныя.

а) трохеи и ямбическія:

10) (диподія или монометръ: –⏑|–⏑|| или ⏑:–⏑|–∧||).
11) триподія: –⏑|–⏑|–⏑|| Aut arator| igni|| Hor. Od. I, 4, 3. Она называется versus ithyphallicus отъ употребленія въ вакхическихъ пѣсняхъ, называвшихся τὰ φαλλικά.
12) тетраподія или диметръ: (–⏑|–⏑|–⏑|–⏑|| Vinipollens| lepidus| Liber||. Plaut. Curc. 114); обыкновенно катал.: –⏑|–⏑|–⏑|–∧|| Non ebur neque| aureum|| Hor. Od. II, 18, 1. (называютъ его также versus Hipponacteus). - Съ анакрузою (dimeter iambicus): ⏑̄:–⏑|–⏑̄|–⏑|–∧|| Ut prisca| gens mortalium. Hor. Epod. II, 2. - Некаталектная съ анакрузою называется versus Alcaicus enneasyllabus (девятисложный, ἐννέα девять), по имени поэта Алкэя, жившаго въ 7 в. до Р. Х. въ Митиленѣ на Лесбѣ: ⏑̄:–⏑|–⏑̄|–⏑|–⏑|: Silvae| laborantes| geluque| Hor. Od. I, 9, 3.
13) (пентаподія: –⏑|–⏑|–⏑|–⏑|–⏑|| или ⏑:–⏑|–⏑|–⏑|–⏑|–∧||).
14) hexаподія (–⏑|–⏑|–⏑|–⏑|–⏑|–⏑||), обыкнов. ямбическая: ⏑̄:–⏑–⏑̄|–⏑–⏑̄|–⏑–∧|| (которую однако Римляне дѣлили такъ, какъ сложный стихъ, см. § 11 Прим.): Beatus| ille,| qui procul negotiis|| Hor. Epod. II, 1; также падающая: ⏑̄:–⏑|–⏑̄|–⏑|–⏑|–∧|| Trahuntque| siccas| machinae carinas|| Hor. Od. I, 4, 2.

(акаталектные и каталектные, без анакрузы и съ анакрузою, съ однимъ, 2 и 3 и более дактилями)

б) логаэдные — у Грековъ безконечно разнообразны; у Римлянъ употреблялись следующие:

15) диподия —◡◡|—◡‖ Terruit urbem (Hor. Carm. I, 2, 4). Эта диподия называется versus Adonius, потому что строфы песень на смерть Адониса (любимца Афродиты, убитаго на охоте вепремъ и потому оплакиваемаго Афродитою, а вместе за нею Сирійцами, Греками и Римлянами на ежегодныхъ праздникахъ) часто имъ заканчивались такъ: ὢ τὸν Ἄδωνιν, О (бедный) Адонъ (служитъ рефреномъ сапфической строфы, см. гл. VI; стихотворенія изъ однихъ Adonici встречаются только у самыхъ позднихъ писателей, начиная съ Марціана Капеллы 5го в. по Р. Х. — Каталектич. —◡◡|—‖ scire nefas (Hor. I, 11, 1.) встречается только внутри 3коленнаго большого асклепіадова стиха: Tu ne quaesieris ‖ scire nefas ‖ — quem mihi, quem tibi ‖).

16) триподіи называющіяся ферекратовыми стихами по имени часто употреблявшаго ихъ аттическаго комика Ферекрата (5го в.), старшаго современника Аристофану. Эти легкіе, быстрые стихи любили лирики и комики. Различаются два Pherecratei — 1й и 2й смотря по месту киклич. дактиля.

α) —◡◡|—◡|—◡̄‖ vers. Pherecrateus Ius [называемый также vers. Aristophanicus], напр. Lydia, dic per omnes (Hor. I, 8, 1) и

β) —>|—◡◡|—◡̄‖ vers. Pherecrateus IIus, напр. Vix durare carinae (Hor. I, 14, 3).
(Каталектические ферекратеи встречаются только въ сложныхъ стихахъ — асклепіадовыхъ и пріапеяхъ).

17) тетраподіи α) съ однимъ дактилемъ, называемые гликоновыми стихами по имени неизвестнаго поэта Гликона; различаютъ 1, 2 и 3й смотря по месту дактиля; у римскихъ поэтовъ употребительны только каталектные:

(α) —◡◡|—◡|—◡|—◡̄ Glyconeus I (у Римлянъ не встречается)

β) —>|—◡◡|—◡|—∧‖ Glyconeus II, напр. Sic te diva potens Cypri. (Hor. I, 3, 1) (называютъ еще Anacreonticus 8syll.)

γ) —◡|—>|—◡◡|—∧‖ Glyconeus III, напр. Te deos oro, Sybarin... (Hor. I, 8, 2); встречается только въ виде первой части сложнаго стиха — 3й пріапеи).

δ) съ двумя дактилями (πρὸς δυοῖν) у Римлянъ только одинъ (тогда у Грековъ было множество πρὸς δυοῖν и πρὸς τρισίν): —◡|—◡◡|—◡◡|—◡|—◡‖ Alcaicus decasyllabus (δέκα — десять) [Некоторые называютъ его versus Pindaricus].

18) пентаподіи у Римлянъ три 11-сложные и потому называющіеся hendecasyllabi:

α) —>|—◡◡|—◡|—◡|—◡‖ v. Phalaeceus hendecasyllabus, по имени поэта Фалэка; напр. Lugete, o Veneres cupidinesque (Catull. 3, 1) (у Горація нетъ).

β) —◡|—>|—◡◡|—◡|—◡‖ v. Sapphicus 11syll. или minor — по имени славной эолійской поэтріи Сапфо Митиленской, ок. 600 л. до Р. Х.: Jam satis terris nivis atque dirae (Hor. I, 2, 1.)

γ) >:—◡|—>|—◡◡|—◡|—∧‖ v. Alcaicus 11 syll., напр. Vides, ut alta stet nive candidum (Hor. I, 9, 1)

19) [гексаподіи, напр. —>|—◡◡|—◡|—◡|—◡|—∧‖ или —◡◡|—◡◡|—◡|—◡|—|—∧‖ и проч. встречаются только въ греческой поэзіи].

Прим. Передъ киклическими дактилями римскіе поэты, особенно Горацій, поставили себе за правило употреблять ирраціональные слоги, тогда у Грековъ они такъ только допускались; Римляне же установили и постоянную цезуру (какъ увидимъ ниже) въ тетраподіяхъ и пентаподіяхъ, тогда эти стихи состоятъ изъ одного кола. — Долгій (ирраціон.) слогъ господствуетъ и въ анакрузе 11-сложнаго Алкеева и 11сложнаго Фалэкова стиха. — Все это — переменны къ худшему. Сравн. § 13.

III. Кōла iоническiя:

20, (монoподiя: – – ∪ ∪ ‖ нерѣдки у Грековъ).

21, *диподiя*: – – ∪ ∪ | – – ∪ ∪ ‖ или ∪ ∪ : – – ∪ ∪ | – – ⩘ ‖: Miserarum est neque amori (Hor. III, 12, 1).

22) *триподiя*: ∪ ∪ : – – ∪ ∪ | – – ∪ ∪ | – – ⩘ ‖ Mala vino lavere, aut exanimari ‖ (Hor. III, 12, 3).

IV. Кōла пäонно-бакхiйныя.

а) *кретико-пäонныя* (не часты; допускаютъ разныя варiацiи):

23) *диподiя*: – ∪̆ – | – ∪ – ‖ Detis nobis loqui ‖ (Plaut. Capt. 212); или – ∪ ∪ ∪ | – ∪ – ‖ и пр.

24) (*триподiя* (рѣдко); напр. каталектная: – ∪ ⏔ | – ∪ – | – ∪ ⩘ ‖ Das mihi te | non foris assiduum ‖ (Plaut. Rud. 953)).

25, (*пентаподiя*; напр. ∪ ∪ ∪ – | – ∪ – | ∪ ∪ ∪ ∪ ∪ | – ∪ – | – ∪ ∪ ∪).

б) *бакхiйныя* (и у Грековъ рѣдки).

26) *диподiя*: ∪̆ : – – ∪ | – – ⩘ ‖ Quid est suavius quam ‖ Pl. Capt. 498.

27) (*триподiя*, очень рѣдко: ∪̆ : – – ∪̆ | – – ∪ | – – ∪ ‖ Amor, non placet, te nil | utor ‖ (Pl. Trin. 258).

(28, *пентаподiя*, напр. ∪̆ : – – ∪ | – – ∪ | – – ∪ | – – ∪ | – – ∪ не встрѣчается ни въ гр. ни въ р. поэзiи).

V. Речитативный типъ поэзiи.

§ 16. Поэзiя этого типа выражается обыкновенно двуколенными стихами, образующими малый ритмическiй перiодъ и не расположенными въ строфы (см. § 14). Въ римской поэзiи есть, однако, два исключенiя изъ этого правила: 1) нѣкоторые одноколенные стихи лирическаго типа, получивъ постоянную цäзуру (см. Прим. на стр. 17) стали приниматься какъ бы за двуколенные (напр. сäпфическiй стихъ) и употребляться не только въ строфахъ, но и отдѣльно, т. е. перешли въ речитативный типъ; 2) въ дiалогахъ комедiй, близкихъ къ обыкновенной рѣчи встрѣчаются одноколенные, нерѣдко очень короткiе стихи. Въ позднѣйшей римской литературѣ такихъ случаевъ было гораздо больше, чѣмъ въ классической [Почему? См. выше § 13). Многiе изъ стиховъ речитативнаго типа заимствованы изъ другихъ типовъ. Употребительнѣйшiе изъ стиховъ этого типа у Римлянъ суть слѣдующiе.

I. Стихи дактило-анäпäстные.

а) дактилные:

1. *Hexameter dactylicus* или *hērōicus*, которого схема есть:

– ∪∪ | – ∪∪ | – ∪∪ ‖ – ∪∪ | – ∪∪ | – – ‖ или – ∪∪ | – ∪∪ | – ∪∪ | – ∪∪ | – ∪∪ | – – ‖, т. е. состоитъ изъ двухъ дактилическихъ триметровъ, но обыкновенно не съ дiäрезою между ними (потому что она, при малой величинѣ колъ, сдѣлала бы стихъ слишкомъ однообразнымъ), а съ мужскою или (рѣже) съ женскою цäзурою въ 3 тактѣ (см. § 11), такъ что первый триметръ является усѣченнымъ, а второй — какъ бы съ анäкрусою; напр. Unus erat toto | naturae | vultus | in orbe, ‖

Quem dixere chaos, | rudis ‖ indigestaque | moles, ‖

Nec quidquam nisi | pondus | iners congestaque eodem ‖ (Ov. Met. I, 6 sqq).

Рѣже — что впрочемъ несогласно съ натурою этого стиха — цäзура бываетъ въ 4-мъ тактѣ и въ такомъ случаѣ всегда мужская (т. е. непремѣнно послѣ арсиса); напр. Et pressa est gravitate sua; | circumfluus umor (Ov. M. I, 30). Мужская цäзура въ 3-мъ тактѣ называется penthemimerēs (πενθημιμερής, т. е. на 5-ой половинѣ, отъ πέντε пять,

ἡμι- = semi- = пол-, μέρος часть), въ 4^мъ тактѣ — hephthēmimerēs (въ 7ой половинѣ; ἑπτά семь), а женская въ 3^мъ тактѣ — третьетрохейною (κατὰ τρίτον τροχαῖον, потому что послѣ трохея въ 3^мъ тактѣ. Цäзура обыкновенно не бываетъ послѣ односложнаго слова за исключеніемъ того случая, когда передъ нимъ находится еще односложное слово (Изрѣдка бываетъ сильная инцизія, т.е. съ интерпункціею, послѣ 4го такта, напр. Solstitium pecori | defendite: jam venit aestas (Verg. Buc. VII, 47); ей предшествуетъ всегда мужская (но болѣе слабая) цäзура penthēmimerēs. — Еще рѣже бываетъ тмесисъ, напр. An tu reris eum occisa insanisse parente. (Hor. Sat. II, 3, 134)). Должно еще замѣтить:

а) Гексаметръ есть самый древній и самый знаменитый стихъ, ставшій со временъ Гомера (у Римлянъ со временъ Эннія) по настоящее время почти непремѣнною формою эпической поэзіи. Его мощное, спокойное теченіе, сопровождавшееся первоначально звуками кифары, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру эпоса. Спондеями (т.е. контракціею, см. § 91) придается ему въ нужныхъ случаяхъ больше спокойствія или величія и торжественности. Горацій такъ опредѣляетъ его характеръ (Epist. II, 3, 73 sq.): Res gestae regumque ducumque et tristia bella
Quo possent scribi numero, monstravit Homerus.

Важнѣйшіе изъ римскихъ эпическихъ поэтовъ Вергилій и Овидій. — Луцилій ввелъ его въ сатиру и ему послѣдовали прочіе сатирики (Горацій, Персій, Ювеналъ, Сульпиція); употребляется онъ также въ эпистолахъ (Горацій), а въ соединеніи съ другими стихами и въ лирическихъ строфахъ. Въ сатирахъ и эпистолахъ онъ гораздо безыскусственнѣе чѣмъ въ лирикѣ и героич. эпосѣ.

б) Въ 6^мъ тактѣ всегда спондей (или — что тоже — хорей съ одноморною паузою), въ первыхъ пяти тактахъ могутъ быть употреблены спондеи вмѣсто дактилей, такъ что только изрѣдка, очень оживленные стихи состоятъ изъ однихъ дактилей, напр. Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum (Verg. Aen. VIII, 596). Искуснымъ употребленіемъ спондеевъ поэты разнообразятъ стихъ сообразно съ содержаніемъ. Гексаметры, состоящіе изъ однихъ спондеевъ въ римской литературѣ почти не встрѣчаются: такіе стихи слишкомъ тяжелы и однообразны; напр. есть у Эннія: Romani muris Albam cinxerunt Longam. Довольно рѣдко бываетъ спондей въ 5^мъ тактѣ (весьма рѣдко у Горація (1), чаще у Вергилія и еще чаще у Овидія), потому что стихъ чрезъ то дѣлается нѣсколько тяжелымъ; но иногда именно эта тяжесть соотвѣтствуетъ содержанію и избирается поэтомъ. Такой стихъ называется spondīacus и обыкновенно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, въ 4^мъ тактѣ дактиль. Спондеи въ 5^мъ тактѣ допускаются преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда стихъ оканчивается на 4сложн. слово (Margine terrarum porrexerat Amphitrite. Ov. Met. I, 14), или на односложное съ 3-сложнымъ (Tum quo de fluviis aut aestibus, aut nimbosa Vere locuturi... Juven. IV, 87 sq.). Иногда и въ другихъ случаяхъ (Faunique satyrique et monticolae Silvani. Ov. M. I, 193).

в) Стихи, въ которыхъ такты образуются цѣлыми отдѣльными словами не хороши, потому что отрывочны; напр. очень нехорошъ стихъ Эннія: Sparsis | hastis | longis | campus | splendet et horret.

Особенно спондейныя слова никогда не допускаются классическими поэтами во 2^мъ тактѣ;

(1) Всего 5 разъ въ 4,075 гексаметрахъ, и именно 4 раза въ 142 стихахъ лирич. пьесъ (Od. I, 28, 21. Epod. 13, 9; 16, 17 и 29) и только 1 разъ въ сатирахъ и эпистолахъ, т.е. въ 3,933 ст. (A. P. 467), потому что они лишены лирической и эпической возвышенности.

Овидій (котораго стихъ образцовый) никогда не заполняетъ 2го или 3го такта дактиличнымъ словомъ, рѣдко — Вергилій, чаще — Горацій въ сатирахъ и эпистолахъ (напр. Sat. I, 1, 112: Turbae / conparet, / hunc atque hunc superare laboret). Односложное слово рѣдко бываетъ въ концѣ гексаметра, потому что оно, по своему реторическому положенію [что это значитъ?] должно быть произнесено съ удареніемъ, хотя находится въ арсисѣ, а чрезъ то ослабляется иктъ послѣдняго такта; но иногда именно этимъ производится эффектъ: напр. Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus (Hor. A. P. 139); въ особенности рѣдко бываетъ интерпункція передъ такими словами.

г) Синалоэфа и эклипсисъ въ гексаметрахъ уже со времени Эннія гораздо рѣже встрѣчаются чѣмъ въ комедіи; у Горація въ сатирахъ и эпистолахъ чаще чѣмъ у Овидія и Вергилія. Обыкнов. не подвергаются сліянію односложныя слова оканчивающіяся на долгій звукъ, такъ что остается зіяніе, иногда полное (напримѣръ: Quid struit, aut qua spe inimica in gente moratur?) иногда ослабленное (напр. Hor. Sat. I, 9, 38: Si me amas, inquit, paulum hic ades. Inteream di). Зіяніе чаще всего встрѣчается у Вергилія, напр. Nereidum matri et Neptuno Aegaeo (Aen. III, 74). — Объ удлиненіи короткаго слога въ тесисѣ и сокращеніи долгаго въ арсисѣ сказано въ § 9, 3. (См. о всемъ этомъ въ „Зап. по грамм." гл. IV и V).

д) Иногда, преимущественно у Вергилія послѣ 6го такта есть еще одинъ слогъ (обыкнов. que, рѣже другой слогъ, оканчивающійся на гласный звукъ или на m), который тогда апострофируется и сливается со слѣдующимъ стихомъ, непремѣнно въ такомъ случаѣ начинающимся съ гласнаго (такой стихъ неправильно называютъ versus hypermeter), напр. Clamore incendunt caelum Troesque Latinique / Adsolat Aeneas и пр. (Verg. Aen. X, 895. — Такіе случаи встрѣчаются и въ другихъ стихахъ).

§ 17. Анапестные.

а) Анапестные стихи, подъ тактъ которыхъ издревле шло войско въ походъ и бой и совершались праздничныя процессіи, а потомъ входилъ также трагическій хоръ въ орхестру, стали часто употребляться и въ другихъ случаяхъ, особенно въ оживленныхъ мѣстахъ комедій, а Эпихармъ Косскій, основатель дорійско-сицилійской комедіи (приблиз. 540—450 г. до Р. Х.) написалъ ими даже цѣлыя двѣ комедіи. Изъ этихъ стиховъ наиболѣе употребителенъ падающій tetrameter (гдѣ metrum = диподіи = такту въ 4/8, см. §§ 6 и 7 б. нач. и § 10 прим.), состоящій изъ одной полной и одной падающей тетраподіи съ цезурою (т. е. въ 4 тактѣ). Изъ Римлянъ пользовался имъ главнымъ образомъ Плавтъ. — Въ первыхъ 6 тактахъ допускается не только контракція арсиса, но и діализъ тесиса (хотя въ 6 тактѣ это бываетъ рѣдко), однако такъ, что избѣгается встрѣча четырехъ короткихъ слоговъ, чтобы не ослабить энергіи ритма. Схема его: [metrical scheme]

Напр. (Plaut. Mil. gl. v. 1028 sqq): Adeam rem habeo omnem aestim tibi istic / sed dum jam / demonstravi //

Tu contra / cura et / contempla et / de / meis venator / verbis //. —

— Aliquam mihi / partem hodie operae / des denique: tandem ilico absedero //

(з) Изрѣдка встрѣчается полный тетраметръ (octonarius): [metrical scheme] съ цезурою, напр. (Pl. Amph. 1062): Strepitus, crepitus, sonitus, tonitrus: / ut subito, ut propere, ut valide tonuit //

У него же бываютъ диподіи, триподіи и тетраподіи. См. стр. 16, № 6–8).

II. Стихи хорейно-ямбичные и логаэдные.

§ 18. Стихи этого рода отличаются наибольшею легкостью и подвижностью (ибо такты коротки и сильная часть в них вдвое более слабой) и потому издревле были господствующими в хорах, возникших на праздниках в честь Деметры и Діониса (ср. стр. 7). На их быстроту, летучесть и употребление в хорах указывают самые названия χορεῖος, τροχαῖος и ἴαμβος. Со времени Архилоха Паросского (которого пылкій, страстный геній не мог уже довольствоваться одним степенным эпическим размером), введшего этот размер в литературу за 700 л. до Р. Х., он стал преобладающим в лирической, эротической, насмешливой и драматической поэзіи. Со времени спартанского поэта 7го в. Алкмана (уроженца Лидіи) являются логаэды (§ 9, 4). Они могут быть без анакрузы (трохейные) и с анакрузою (ямбические). Ямбические же больше стиль илетучесть. Все эти виды могут быть некаталектными, каталектными, падающими, хромыми и с усеченными нѣсколькими арсисами (§ 9, 2) (последние есть только в греческой поэзіи, у Римлян же только в Сатурновом стихе; падающіе употребляются почти только в лирических строфах). К этим стихам присоединяется древне-латинскій versus saturnius. И так разделим на 4 группы: а) хорейные, б) хромающіе, в) логаэды и г) versus saturnius — с подразделеніями (с анакрузою и без нея и проч.)

§ 19. а) Хорейные стихи допускают (за известными исключеніями, как будет показано ниже) как діалисис тесис (т. е. ∪∪∪ вм. —∪, см. § 9, 1) так и употребленіе ирраціональнаго слога в арсисе и анакрузе, а за тем діалисис не только тесиса, но и арсиса (т. е. вм. —́∪ может быть —́>, а за тем ∪́∪> и —́∪∪ или —ω, но не допускается ∪∪ω, см. § 9, 4), так что не часто встречаются стихи из четырех хореев. В первом случае трибрахи (употребляющіеся, впрочем, редко) усиливают, где нужно, оживленность и легкость стиха; наоборот, во втором — иррац. (3½-морные) спондеи, анапесты и дактили замедляют быстроту стиха и тем, по воле поэта, или придают ему больше степенности или приближают его к обыкновенной речи. Употребленіе ирраціональных слогов допускается поэтами заботящимися о правильности стиха только перед сильными иктами, т. е. в анакрузе и кроме 2^ух^ конечных в четных тактах (2 и 4 в гексаподіях; 2, 4 и 6 — в октаподіях). Это правило основывается на том, что в этих местах мы невольно задерживаемся и через то немного удлиняем даже короткую арсис, — собирая достаточно сил для произнесенія непосредственно следующей тесис с более сильным иктом; наоборот трибрахи допускаются почти исключительно в нечетных тактах, кроме последних (напр. в 1 и 3 в гексаподіях). Но те писатели, которые мало заботились о строгости стиха или даже умышленно старались приблизить его к обыденной речи, напр. комики, особенно Плавт и Теренцій (qui studio vitiant metra, как говорит один из древников метриков), допускают, как увидим ниже много отступленій от этих правил. К особенностям Плавта и Теренція относится еще то, что они употребляют даже кажущіяся дактили и в добавок слишком неумеренно в стихах и т. п.

§19. Изъ собственно-трохейныхъ стиховъ самый употребительный есть

3, Tetrameter trochaicus catalecticus, состоящій изъ двухъ тетраподій съ діэрезою. Римляне называютъ его также quadratus или, по числу полныхъ тактовъ, septenarius (тетраметръ = октаподіи, см. §10, прим.). Стихъ этотъ ведетъ начало отъ Архилоха и введенъ былъ въ діалоги и хоры комедій и (реже) трагедій со времени Эпихарма Косскаго (см. стр. 20); изъ Римлянъ часто употребляли его Плавтъ и Теренцій въ эклогахъ комедій, откуда позднее онъ, по греческимъ образцамъ, вытесненъ былъ ямбическими триметрами (которые и у Плавта и Теренція преобладаютъ). Этотъ стихъ, состоя изъ двухъ короткихъ колъ, с притомъ 4-тактныхъ, собственно принадлежитъ танцовальнымъ песнямъ (ср. §12 прим.); онъ легокъ и игривъ, aptus festivis narrationibus, est enim agitatum et volubile (Mar. Victor). Схема его: –́ ⏑ – ⏒ | –́ ⏑ – ⏒ ‖ –́ ⏑ – ⏒ | –́ ⏑ – ∧ ‖. напр. Nulla vox humāna constat ‖ absque septem lĭtteris ‖

Rite vocales vocavit ‖ quās magistra Graecia ‖. (Terentian. Maur.)

Но у комиковъ въ такомъ чистомъ виде онъ не встречается; они допускаютъ вездѣ вышеисчисленныя замены въ первыхъ шести тактахъ, а трибрахи сверхъ того и въ 7-мъ. Напр. Nūmquam ita quisquam | bene subducta ‖ ratione ad vitam fuit ‖ т.е. –́ ⏑⏑ – > | –́ ⏑ > – > ‖ –́ ⏑ > – > | –́ ⏑ – ∧ ‖

Quin res, aetas, | usus semper ‖ aliquid adportet novi ‖ (Terent. Adelph. 855 sq.) – > – > | – > – ⏑ ‖ ⏑⏑⏑ – > | – ⏑ – ∧ ‖.

4, (Tetrameter acatalectus или versus octonarius иногда встречается у комиковъ и допускаетъ вездѣ замены въ семи тактахъ, а въ 8-мъ спондеи и трибрахи (кроме тротеевъ). Схема: –́ ⏒ – ⏑ | –́ ⏑ – ⏑ –́ ⏑ – ⏑ | –́ ⏑ – ⏑ ‖. - Obsecro, populares, ferte ‖ misero atque innocenti auxilium ‖ (Ter. Ad. 155) или: Aeschine, audi, | ne te ignarum ‖ fuisse dicas | meorum morum ‖. Ter. Ad. 160.

§20. Между ямбическими стихами первое место занимаетъ

5, Trimeter iambicus или versus iambicus senarius (т.е. 6-тактный катал. пра съ анакрузою), который признается состоящимъ изъ двухъ триподій, т.е. онъ обыкновенно бываетъ съ діэрезою или цэзурою (хотя по величинѣ можетъ быть признанъ за одноколный стихъ); отличается онъ энергичнымъ достоинствомъ (почему?) Преимущ. въ этой форме изливалъ свой бурный духъ Архилохъ, этотъ repertor pugnacis iambi (какъ его называетъ Овидій), котораго proprio rabies armavit iambo (Hor. A. P. 79) въ такой степени, что онъ, какъ говорятъ, такъ жестоко преследовалъ имъ семейство Ликамбаса за то что последній отказался отъ даннаго обещанія выдать за него свою дочь, что заставилъ его повеситься. Позднее этотъ стихъ въ особенности употреблялся, какъ у Грековъ такъ и у Римлянъ, въ діалогахъ комедій и трагедій (откуда онъ почти вытеснилъ всякіе другіе стихи) и весьма часто въ лирической поэзіи. Въ наиболее совершенномъ видѣ пересадили его на римскую почву Катуллъ, и Горацій. (Parios ego primus iambos ‖ Ostendi Latio numeros animosque secutus ‖ Archilochi, non res et agentia verba Lycamben - Hor. Epist. I, 19, 23 sqq. Эти слова добавно относятся къ составленію ямбич. строфъ, ибо чистые ямбы уже раньше ostendit Latio Катуллъ). У Горація этотъ триметръ встречается только въ одномъ стихотвореніи речитативнаго типа (Epod. 17 изъ 81 ст.), обыкновенно же соединяется съ другими стихами въ лирическія строфы (Ep. 1–11 и 16, гдѣ есть 230 ямб. триметровъ), но мы здѣсь будемъ иметь въ виду всѣ триметры Горація (чтобы не говорить о нихъ въ двухъ местахъ).

Схема триметра: ⏓ : – ⏑ – ⏓ | – ⏑ || – ⏓ | – ⏑ – ∧ ||. Въ греческой поэзіи чаще всего встрѣчается діэресь между триподіями (т. е. послѣ 3го такта; но римскіе поэты считали нормальною діэресь послѣ 2го такта, низводя на степень инцизіи діэресь послѣ 3го такта или цэзуру въ 3мъ тактѣ, или даже и вовсе обходясь безъ послѣдн.; нерѣдки бываютъ тмесы. Напр.:
Правильная діэресь послѣ 3 такта: Nam qualis aut Molossus || aut fulvus Lacon (Hor. Epod. VI, 5).
Діэресь послѣ 2го съ инцизіей послѣ 3 такта: Agam per altas | aure || sublata nives || (Hor. Ep. VI, 7).
" — " — " — " — въ " — " — Beatus ille | qui procul negotiis || (Hor. Ep. II, 1).
(Должно бы быть на-оборотъ, какъ напр. Quid dixit aut quid tacuit? || O, rebus meis (Hor. Ep. V, 49) или какъ у Фэдра: Duplex libelli dos est: | quod risum movet || (prol. I, 3)). Бываетъ и вовсе безъ инцизіи въ 3мъ или послѣ 3 такта: Quid immerentes | hospites vexas, canis? || (Hor. Epod. VI, 1).

Стихи, состоящіе изъ чистыхъ ямбовъ, встрѣчаются не часто, но есть у Горація (напр. указанный выше Beatus ille и п. и всѣ 33 стиха 16го эпода), Катулла, Тибулла и нѣк. др.; но ихъ вовсе нѣтъ у Фэдра и комиковъ. Вообще стихъ Горація гораздо правильнѣе; Фэдръ же и въ особенности комики пользовались имъ съ гораздо большею свободою, — что согласно съ далеко менѣе патетическимъ содержаніемъ ихъ произведеній.

Главныя различія метрики Горація и Фэдра: 1) у Горація ирраціон. слоги допускаются только въ анакрусѣ и арсѣ четныхъ (2 и 4) тактовъ, и только въ арсѣ 2го такта онъ встрѣчается чаще короткаго; діализъ арсиса (⏑⏑ вм. –) встрѣчается рѣдко, а діализъ ирраціон. слога (⏑⏑ вм. >) лишь въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія. Слѣд. спондей (ирраціон.) бываетъ въ четныхъ тактахъ, особ. во 2мъ (гдѣ онъ чаще ямба); тамъ же изрѣдка встрѣчаются анапэсты и весьма рѣдко дактиль. Трибрахи употребляются также довольно рѣдко и почти только въ нечетныхъ тактахъ (1 и 3); въ 5мъ т. всегда ямбъ. — 2) У Фэдра употребленіе ирраціон. слоговъ и діализъ обыкновенныхъ и ирраціон. долгихъ допускаются не только тамъ, гдѣ и у Горація, и притомъ гораздо чаще чѣмъ у послѣдняго, но — хотя рѣже — и въ нечетныхъ (1 и 3); вообще у него только въ 1мъ изъ 4хъ тактовъ чистые ямбы имѣютъ перевѣсъ. Трибрахи тоже чаще чѣмъ у Горація и бываютъ не только въ 1 и 3 тактахъ, но иногда и во 2мъ и даже въ 5мъ. — О 4мъ тактѣ должно еще замѣтить, что Фэдръ старался придать ему особую тяжесть (тогда какъ Горацій усилилъ 2й, но въ гораздо меньшей степени) и потому трибрахъ въ немъ вовсе не допускалъ и даже только въ видѣ исключенія даетъ мѣсто чистымъ ямбамъ; главнымъ же образомъ въ немъ употребляются спондеи (почти въ 3/4 случаевъ), за тѣмъ анапэсты и дактили. Ямбы допускаются тамъ, если стихъ оканчивается на многосложное слово (такъ что арсь 4го такта образуется началомъ этого слова, напр. Ranae vagantes liberis paludibus || (I, 2, 10), или на 3-сложное съ односложнымъ (1й слогъ 3-сложнаго слова падаетъ на арсь 4го такта: Cedo, inquit, illum, quia metis efficere est || IV, 2, 7), или если арсь 4го такта находится передъ 3- или 4-сложн. словомъ, заканчивающимъ стихъ (напр.: 1) Trepide concursans, occupata in otio || II, 5, 2; или 2) Canis parturiens cum rogasset | alteram || I, 19, 3; или 3) Hoc quoque consumpto flagitare | validius || (I, 19, 8) (1). — Во всякомъ случаѣ Фэдръ за-

(1) Для точнѣйшаго опредѣленія разницы между триметрами Горація и Фэдра я тщательно разобралъ всѣ 311 стиховъ перваго, а изъ втораго взялъ (роковые 311 стиховъ, т. е.) Prol. и 1, 2 и послѣднія 4 басни (28–31) 1й кн. (оба автора въ изд. Мюллера). Результатъ можно наглядно представить такъ (I – Горацій, II – Фэдра):

I. 1. [2. ⏑⏑ ; 147. > ⏑⏑ ⏑ 10 ; 162. ⏑ — ⏑ 301] | 2. [⏑⏑⏑ 1 ; ⏑⏑⏑ 1 ; ⏑⏑ > 10 ; — ⏑ 117 ; — > 172] | 3. [⏑⏑⏑ 6 ; — ⏑ 305] | 4. [⏑⏑ > 2 ; ⏑⏑ 3 ; — > 135 ; — ⏑ 162] | 5. [— ⏑ 311] | 6. [(⏑ – ; ⏑ ∧) ; — ∧] ||

II. 1. [9 ⏑⏑ ; 20 ⏑ ; 71 > ; ⏑⏑⏑ 6 ; ⏑⏑ > 8 ; — > 32 ; — ⏑ 54] | 2. [⏑⏑⏑ 1 ; ⏑⏑⏑ 2 ; ⏑⏑ > 24 ; — > 66] | 3. [⏑⏑⏑ 10 ; ⏑⏑ > 13 ; — ⏑ 34 ; — > 43] | 4. [⏑⏑ 10 ; ⏑⏑ > 12 ; — > 71] | 5. [⏑⏑⏑ 5 ; — ⏑ 95] | 6. [(⏑ – ; ⏑ ∧) ; — ∧] ||

ботался гораздо болѣе чѣмъ комики о строгости стиховъ и умѣренно пользовался синалифою и т. п. Вотъ, напр., образецъ триметра изъ Теренція: Ausculta. Audivi || jam dudum. Fac || tu omnia ||

6) (Въ діалогахъ и хорахъ греческихъ комедій были употребительны, а оттуда перешли и въ римскую комедію ямбическій диметръ и тетраметръ – изъ двухъ диметровъ. Примѣры на диметръ (versus quaternarius) см. § 15, № 12; также: Miseram me, quod verbum audio (Ter. Andr. 246).

7. (Tetrameter iambicus или versus octonarius съ діэрезою послѣ 4го такта или съ цезурою въ 4мъ т. (т. е. ...): [схема], напр. Si possiderem, ornatus esses ex tuis virtutibus (Ter. Ad. 170). – Все сказанное о замѣнахъ формъ и о вольностяхъ комиковъ относится и къ этому стиху).

8. (Tetrameter падающій, неправильно называемый versus septenarius. Его схема: [схема], напр. Ne forte imprudens faciam, quod nolis, sciens cave (Ter. Adelph. 711). – Въ 6 тактѣ долженъ быть чистый хорей).

§ 21. б) Versus scazontes или claudi, хромающіе. Важнѣйшій изъ нихъ есть

9) Choliambus или trimeter scazon (см. § 9, 2), котораго схема: [схема], напр. An aemulatur improbi jocos Phaedri? (Martial. III, 20, 5). Все сказанное о дѣленіяхъ ямбическаго триметра (стр. 23) относится и къ холіамбу. Въ немъ допускаются всѣ тѣ замѣны, какія бываютъ вообще въ хореичныхъ стихахъ, но только въ первой триподіи; 4й тактъ – всегда трохей или, иногда, трибрахъ, напр. Aquilis que similes facere noctuas quaeris. – Изобрѣтель сказонта Иппонактъ Эфесскій въ 6 в. (который, послѣ бѣгства отъ тирановъ родного города въ Клазомены, такъ жестоко преслѣдовалъ тамъ своими стихами ваятеля Бупала за то, что онъ изобразилъ поэта въ безобразномъ видѣ, что Бупалъ, говорятъ, лишилъ себя жизни). Пользовались холіамбами уже современникъ Иппонакта Ананій и въ особенности александрійскіе поэты въ дидактической поэзіи, напр. Каллимахъ (3 в. до Р. Х.), баснописецъ Бабрій (вѣроятно, въ 1 в. по Р. Х.), а изъ Римлянъ Катуллъ (1 в. до Р. Х.), Марціалъ (1 в. по Р. Х.).

10. (У Грековъ употреблялся также, главнымъ образомъ у Иппонакта и Ананія, tetrameter scazon s. claudus, безъ анакрусы, котораго схема: [схема]).

§ 22. Логаэды впервые встрѣчаются у Спартанскаго поэта Алкмана, одного изъ основателей художественной греческой лирики; но ими гораздо большею любовью пользовались поэты Алкей и Сапфо мелическіе, потомъ они стали любимымъ хоровымъ размѣромъ, такъ что изъ хоровъ трагедій почти вытѣснили всякіе другіе размѣры; наконецъ перешли въ речитативную поэзію. Изъ Римлянъ ими въ особенности пользовались Катуллъ и Горацій. – Киклическіе (3-морные) дактили придаютъ хореичному стиху оживленность и разнообразіе; живость его можетъ быть усилена анакрусою. Такъ какъ эти стихи могутъ быть съ анакрусою и безъ нея, полными или каталектическими и падающими, съ однимъ или нѣсколькими дактилями и притомъ на разныхъ мѣстахъ, то эти стихи допускаютъ необыкновенное разнообразіе и потому удобны для выраженія самыхъ различныхъ мыслей и чувствъ. Но римская метрика ими несравненно бѣднѣе греческой (какъ выше замѣчено – § 15, п. 17 б) – въ римской литер. есть только одинъ стихъ съ 2мя дактилями). – Въ анакрусѣ и передъ дактилями у Грековъ допускаются, а у Римлянъ господствуютъ ирраціонально-долгіе слоги (см. прим. на стр. 17), но не допускаются въ этотъ стихъ трибрахи и ирраціональные или киклическіе анапэсты. – Изъ логаэдовъ въ речит. поэзіи у Римлянъ встрѣчаются Пріаповъ и Фалековъ ...

12. Versus Priāpēus состоитъ изъ каталектнаго гликонея съ (полнымъ) ферекратеемъ (см. §15, n° 17а и 16) съ діэрезою между ними и называется 1ымъ, 2ымъ или 3имъ, смотря по тому, какимъ гликонеемъ онъ начинается. Именно:

1ый пріапей изъ 1го глик. и 1го ферекр.: –́⏑⏑–́⏑–́⏑–́ ‖ –́⏑⏑–́⏑–́⏓ //
2й — " — " 2го " — " 2го — " : –́⏓–́⏑⏑–́⏑–́ ‖ –́⏓–́⏑⏑–́⏓ //
3й — " — " 3го — " — " 2го — " : –́⏑–́⏓–́⏑⏑–́ ‖ –́⏓–́⏑⏑–́⏓ // или
— " 3го " — " 1го " : –́⏑–́⏓–́⏑⏑–́ ‖ –́⏑⏑–́⏑–́⏓ // наз. Sapphicus mājor. (стр. 32).

Примѣч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ было бы болѣе согласно съ ритмами, требующими равномѣрности частей, принять 2ое коло также за гликоней, конечно, падающій, т.е. читать: ⏑⏑–́⏑–́⏑–́∧ // [но здѣсь, какъ и еще кое-гдѣ, дѣлается пока уступка обычаю. См. стр. 2]

Изъ всѣхъ этихъ пріапеевъ у Римлянъ, гл. обр. у Катулла, встрѣчается только 2ой (да у Горація одинъ разъ v. Sapphicus mājor, см. ниже стр. 32. Напр. слѣд. эпиграмма къ статуѣ бога: Hunc lūcum tibi dēdicō // cōnsecrōque, Priāpe, //
Quā domus tua Lampsacī est, // quāque silva, Priāpe, //
Nam tē praecipuē in suīs // urbibus colit ōra //
Hellēspontia, cēteris // ostreōsior ōris //. Cat. 18.

Стихъ этотъ состоя изъ двухъ короткихъ, веселыхъ и легкихъ колъ, но сдѣлавшись длиннымъ, т.е. какъ бы прилявъ, не смотря на свою легкость, довольно видную осанку, которая усиливается въ серединѣ игриво-задумчивою удлиненною оссью, за которою слѣдуетъ безъ арсы (безъ ослабленія) новая ось (сильная часть), и въ тоже время напоминая собою размѣръ танцевъ (§12 прим. и стр. 22. n° 3), представляетъ комичную смѣсь ръзваго съ серіознымъ, очень игривъ (ipse enim sonus indicat esse hoc lūsibus aptum. Ter. Maur. v. 2752) и потому былъ любимъ въ шутливой поэзіи Грековъ насмѣшливаго и эротич. содержанія, особ. въ сатирной драмѣ и древней комедіи (у Кратина и др.), а позднѣе въ пѣсняхъ въ честь веселаго бога плодородія природы Пріапа, которыя были такого же характера; отсюда и названіе стиха.

13. Versus Phalaecēus hendecasyllabus (см. §15, n° 18а) –́⏓–́⏑⏑–́⏑–́⏑–́⏓ // часто употреблялся уже у Сапфо, иногда у Анакреонта, но преимущ. у александрійцевъ Фалайка, Өеокрита и др.; изъ Римлянъ въ особ. у Катулла, далѣе у Варрона, Мэценāта, Марціāла и др. Онъ есть стихъ одноколный и слѣд. принадлежитъ собственно лирической (мелической) поэзіи; т. е. у Грековъ онъ употреблялся въ системахъ и въ соединеніи съ другими стихами (напр. съ гекзаметромъ) въ строфахъ. Но у Римлянъ, которые сочиняли для чтенія (см. §13), онъ перешелъ въ речитативный типъ, т.е. употреблялся только отдѣльно, безъ строфъ, и получилъ постоянную цезуру послѣ 2го или въ серединѣ 3го такта (слѣд. одноколный стихъ былъ какъ бы раздѣленъ на 2 кола). — Такъ какъ дактиль занимаетъ не центральное мѣсто (какъ въ сапфиной пентаподіи), и слѣд. стихъ не симметриченъ, при томъ же оканчивается 3мя бѣглыми хореями (т.е. имѣетъ нисходящій исходъ см. §15, n° 11), то онъ отличается игривымъ, шутливымъ характеромъ. Таково содержаніе и всѣхъ стихотвореній написанныхъ имъ. [Въ 1мъ тактѣ и у Грековъ и у Римлянъ спондей (иррац.) чаще трохея). Напр. Lūgēte, ō Venerēs Cupīdinēsque, //
Et quantum est hominum venustiōrum: // Passer mortuus est meae puellae, //
Passer dēliciae meae puellae, // Quem plūs illa oculīs suīs amābat. // Cat. 3.

14. §24.2) Versus Sāturnius — древній національный стихъ Римлянъ, занимающій переходное положеніе отъ первонач. акцентовой поэзіи къ греч. метрикѣ (см. стр. 4), издревле

употреблялся въ народныхъ — х волебныхъ и шутливыхъ — песняхъ, певшихся подъ звуки флейты, напр. во время праздниковъ жатвы и сбора винограда (Verg. Georg. II, 386: versibus incomptis ludunt risuque soluto), въ религіозныхъ гимнахъ, въ надгробныхъ надписяхъ и пр.; имъ вдохновенные vātes, вещіе, давали свои изреченія (olim Fauni vātesque canēbant, какъ говоритъ Энній v. 222 ed. Vahl.), какъ напр. Марцій, illustris vātes, предсказалъ Римлянамъ каннское пораженіе (Liv. XXV, 12); имъ, наконецъ, (въ усовершенствованномъ видѣ) пользовались первые писатели римской драмат. и эпич. литературы Л. Андроникъ и Гн. Нэвій (См. стр. 4. и Зап. по лит.). Конечно, онъ постепенно совершенствовался отъ вполнѣ безыскуственныхъ народныхъ пѣсенъ (versūs incompti) и древняго гимна арвальскихъ братьевъ (см. Зап. по грамм. стр. 21 сл.) до довольно обработаннаго стиха Нэвія. Но до насъ дошло немногимъ болѣе полутораста стиховъ, большею частью въ искаженномъ видѣ, черезъ что этотъ стихъ до сихъ поръ не вполнѣ разъясненъ. Переданная древними схема образцоваго сатурнія есть: ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ‖ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ т. е. ямбич. катал. диметръ и трох. триподія [Ter. Maur., Servius въ Gr. lat. ed. K. IV, 467 и др.]; но это, кажется вѣрнѣе читать такъ: ⏑ ⁝ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ‖ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑́ ∧ ‖ т. е. принять его за хорейную октаподію съ анакрусою, состоящую изъ двухъ падающихъ тетраподій съ діэресою между ними. Однако стихи эти, не имѣя строгой выработки (см. стр. 4) допускаютъ много уклоненій отъ показанной нормы: 1) вездѣ вмѣсто короткаго можетъ быть употребленъ долгій (иррац.); 2) всякій слогъ кромѣ послѣдняго въ каждомъ колѣ (но не вездѣ вмѣстѣ) допускаетъ діализъ; 3) встрѣчается синкопа 2-ой арсы въ каждомъ полустишіи (рѣдко 1-ой); т. е. стихъ можетъ принять такую форму: [illegible]; 4) 3-й тактъ въ каждомъ колѣ иногда выражается хореемъ (–⏑), за которымъ слѣдуетъ еще – (что доказываетъ, если такіе случаи несомнѣнны, что окончаніе кола должно читать – [illegible]), т. е. [illegible] ‖ (т. е. становится похожимъ на т. н. Эврипидовъ стихъ ⏑ ⁝ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ‖ ⏑́ ⏑ ⏑́ ⏑ ⏑́ ∧ ‖); 5) иногда не бываетъ діэресы между колами (есть и другія болѣе или менѣе сомнит. отступленія отъ нормы, напр. отсутствіе анакрусы, анакруса при 2-мъ колѣ, 5-тактные стихи и пр.). Наконецъ замѣтимъ, что въ сатурніяхъ нерѣдко допускается зіяніе, встрѣчаются аллитерація и ассонанція, кое-гдѣ не соблюдается позиціонная долгота и сохраняются многія старыя формы (напр. долгіе звуки ставшіе позднѣе короткими (см. § 18.3 въ Зап. по грамм.). — Примѣры:

Gnaivōd pătre prōgnatus ‖ fortis vir săpiensque ‖ (изъ эпитафіи Сцип. Барбата; см. Зап. по гр. стр. 23).

Virum mihi, Cămēna, ‖ insece versūtum ‖. — Такъ началъ Л. Андроникъ свой переводъ Одиссеи (Gell. XVIII, 9); insece есть imper. отъ insecĕre = insecāre, secare (см. Corssen, Ausspr. II, 473).

Fātō Mĕtelli Rōmae ‖ consŭles fiunt ‖ (съ синк. арсы во 2-мъ тактѣ 2-го кола). Такъ говорятъ, высказался Нэвій въ одной комедіи, на что, по преданію (сомнительному), одинъ изъ Метелловъ немедленно отвѣтилъ въ театрѣ же отличнымъ сатурніемъ:

Mălum dăbunt Metelli ‖ Naeviō pŏētae.

Стихъ Нэвія съ двойною синкопою: Per gĕrās ēdicit ‖ praedicit căstus ‖.

Образецъ стиха съ 3-мя діализомъ (анакрусы, оеси и арсы): Bĕne rem gĕrās et vale as ‖ dŏmĭtias ĭnĕquĭrās (изъ одной эпитафіи). — Безъ синкопы 3-ей арсы: Turdis ĕdācĭbus dŏlōs ‖ compărēs ămīcōs ‖ (у Atil. Fort.)

Нӓвій сочинилъ для себя слѣдующую гордую эпитафію (Gell. I, 24):
Inmortālēs mortālēs // sī foret fās flēre // Flērent dīvae Camēnae // Naevium poētam //.
Itaque postquam est Orcī // trāditus thēsaurō // Oblītī sunt Rōmai loquier latīnā linguā //.
(Послѣдній стихъ неправиленъ; можетъ быть, его Нӓвій написалъ такъ: Oblītī sunt latīnā // linguā loquier Rōmai).
Послѣ Нӓвія стихъ этотъ продолжалъ существованіе въ народной поэзіи, но былъ совершенно изгнанъ изъ искусств. литературы. Однако до временъ Августа поэмы Ливія Андроника и Нӓвія оставались учебными книгами въ школахъ (*).

III. Стихи іоничные.

§ 25. Versūs Iōnicī (возникшіе въ танцов. пѣсняхъ Діонисова культа и потому ~~называвшiеся первонач. вакхическими~~) выражаютъ глубоко-возбужденное внутреннее настроеніе, то торжественное и радостное, то угнетенное и горестное, то возвышенное, то игривое (важная форма, прилагаясь къ незначительному содержанію, производитъ комичное впечатлѣніе) (ср. стр. 7). Стихи эти могутъ очень разнообразиться, такъ какъ они допускаютъ не только діалисъ долгихъ и контракцію короткихъ (§ 9.1), но и ана́класъ (§ 9.5): т. е. вмѣсто –́ –́ ⏑ ⏑ можетъ быть –́ ⏑ –́ ⏑, и вм. перваго также: –́ –́ –, ⏑́⏑ –́ ⏑⏑, –́ ⏑⏑⏑⏑, ⏑́⏑⏑⏑⏑⏑, ⏑́⏑ –́ –, –́ ⏑⏑ –, ⏑́⏑⏑ ⏔, а вмѣсто втораго ⏑́⏑ ⏑ –́ ⏑. Впрочемъ, они употребляются значит. рѣже стиховъ двухъ выше изложенныхъ группъ; наиболѣе – у Александрійцевъ въ сочиненіяхъ написанныхъ іонич. нарѣчіемъ (ἰωνικοὶ λόγοι, – отсюда и названіе). Раздѣляются они на начинающіеся безъ ана́крусы (iōnicī ā māiōre) и съ ана́крусою (i. ā minōre). Почти всѣ іонич. стихи суть каталектны; въ іон. ā minōre часто утрачивается даже половина послѣдней ѳеси. Замѣчат. двѣ тетраподіи:

(*) Вопросъ о сāтурн. стихѣ, бывшемъ спорнымъ уже въ древности, принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ въ древней литер. по многимъ причинамъ, но гл. обр. вслѣдствіе того, что безспорные сāтурніи (Ливія и Нӓвія) дошли до насъ б. ч. въ искаженномъ видѣ (даже напр. въ видѣ дакт. гексаметра), что заставляетъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относиться и къ прочимъ, а относит. того, что сохранилось въ подлинникѣ (напр. эпитафіи Сципіоновъ), можно нѣсколько сомнѣваться, дѣйств.-ли это стихи (такъ Дюнцеръ въ Philol. 1869, т. XXIII, стр. 242–250, доказываетъ, что то вовсе не стихи; ему возражаетъ Корссенъ, Ausspr. etc. II, 448). – Поэтому, не смотря на значит. количество сохраненій этого стиха, онъ остается до сихъ поръ недостаточно разъясненнымъ: высказано о немъ множество разнообразныхъ мнѣній, для подкрѣпленія которыхъ каждый ученый передѣлывалъ дошедшіе до насъ стихи на свой ладъ. Обзоръ этихъ мнѣній см. у Ѳ. Корша de versu Saturnio, Mosquae, 1868 (sumptibus C. Soldatenkovii) pp. 1–13, Корссена Aussprache etc. 1870. II, 962 f., 448 ff.; Бернгарди Gesch. d. röm. lit. 5 изд. 1869–71, стр. 192 сл.; Тейфеля Gesch. d. röm. lit. 1870, s. 77 ff. – Уже значеніе самаго названія спорно: мы объяснили его на стр. 4-й; съ этимъ въ сущности согласны и Mar. Victorīn. III, 18, Charisius (Inst. gr. въ Gramm. lat. ed. Keil, I, 288 sq.), Diomēdēs (Ars gr. ibid. I, 512: in honōrem deī); но Моммзенъ Röm. Gesch. 4 изд. 1865, т. I, 227, полагаетъ, что это слово произведено отъ Sātura, пѣсни пѣвшейся во время сāтурналій, и значитъ вообще „пѣсенный размѣръ"; потомъ, по его мнѣнію, а было удлинено по образцу Sāturnus (вм. Saeturnus или Saiturnus, бог посѣва). Но самъ же онъ замѣчаетъ, что нѣтъ доказат. для связи сāтуры съ сāтурналіями, а еще труднѣе доказать тождество сāтуры съ сāтурніемъ. Наше объясненіе гораздо естественнѣе и идетъ изъ древности. – Если древнѣйшее итал. стихосложеніе было акцентовымъ, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ памятниковъ (см. стр. 4) и изъ сравненія съ др.-инд. и др.-герм. стихомъ, то сāтурній, занимающій середину между стихами Carminis ad Mortem и греч. эвріпидовымъ (см. Westphal, Metr. II, 40–45), по всей вѣроятности возникъ подъ греч. вліяніемъ, которое началось уже въ доисторич. эпоху (см. Mommsen l. c. I, 220). Теренціанъ Мавръ также признаетъ его греч. происхожденіе. – Что до схемы, то 8 тактовъ вм. 6 принимаютъ Bartsch (d. sat. vers. 1867), Westphal и Teuffel (ll. cc.); первый опирается на сравненіи съ др.-нѣм. Langvers, второй – на греч. метрику. Древніе принимали 6 тактовъ (кромѣ выше указанныхъ см. напр. Servius de C metris въ Gr. lat. IV, 466 K., Atilius Fortūnatiānus у Пута p. 2679 sq.), но Атилій прибавляетъ: nostri autem antīquī – ūsī sunt eō nōn observāta lēge nec ūnō genere custōdītō inter sē versūs (можетъ быть въ собств. народныхъ стихахъ): sed praeterquam quod dūrissimōs fēcērunt, etiam aliōs breviōrēs, aliōs longiōrēs insernērunt (вѣроятно, это значитъ: съ синкопами и безъ нихъ). Опущеніе арсей первый призналъ О. Мюллеръ (въ Suppl. ad Fest. p. 396 sq. 1839 г.). Коршъ старался объяснить всѣ особенности сāтурнія сравненіями со стихами многихъ народовъ, въ томъ числѣ и съ русскими народными; но онъ ошибается, думая, что опущеніе арси можетъ быть только между словами а не внутри слова (Широко̀ раздо́лье по всей землѣ // Глубокѝ о̀муты Днѣпро̀вскіе // изъ Сол. Буд.) и выводя такое заключеніе (p. 50): Quam ob rem etiam atque etiam monendum vidētur, nē quis in versū Sāturniō thesim (т. е. arsim) intrā verbum intercidere posse exīstimet. Дѣло въ томъ, что опущеніе арси внутри слова невозможно замѣтить, не прибѣгая къ нотамъ или къ мелодіи пѣсни; если бы онъ вникнулъ въ это, то увидѣлъ бы, что и въ русскомъ, какъ и въ другихъ языкахъ, бываетъ синкопа арси внутри слова и что ничто не мѣшаетъ ей быть и въ Сатурновомъ стихѣ. Также точно онъ ошибается,

15. а) безъ анакрусы (ion. a maj.) Versus Sōtadēus (по имени Сотада, жившаго въ Александріи въ 3 в. до Р.Х.) съ отсѣченною арсью въ концѣ, изъ двухъ диподій (§15, n° 21) съ діэресью между ними, а у Римлянъ также съ цэзурою въ серединѣ оеси 3го такта); былъ любимъ во александрійскую эпоху, а изъ Римлянъ пользовались имъ нѣкоторые болѣе древніе писатели, особ. Энній; имъ же изложилъ Теренціанъ Мавръ въ 3мъ в. по Р.Х. свой трактатъ dē līterīs (ок. 200 стиховъ, что съ двумя другими трактатами его - dē syllabīs versūs hērōicī ок. 1000 стих. и dē metrīs Horātiī болѣе 1.500 ст. составляетъ какъ бы одну дидактич. поэму о метрикѣ - до 3.000 стиховъ самаго разнообразнаго размѣра), но здѣсь форма уже не имѣетъ никакой связи съ содержаніемъ. Схема его:

– – ◡◡ | – – ◡◡ ‖ – – | – ◡◡ | – – ∧ ‖; напр. Ēlementa rūdēs, quae pŭĕros, dŏcent măgistrī ∧ ‖
Vŏcālia | quaedam memorant, cōnsona | quaedam ∧ ‖ Haec reddere | vōcem quoniam valent sepŏrsa ∧ ‖
Nullumque sine illīs pŏtis est coīre | verbum; ∧ ‖ At cōnsona | quae sunt, nisi | vŏcālibus | aptēs, ∧ ‖
Pars dīmidium vōcis opus prōferet | ex sē ∧. ‖ — Terent. Maur. dē lit., init.

16. б) съ анакрусою (ion. a min.) Galliambī — съ цэзурою послѣ оеси 2го такта, каталектны на арсѣ и на половину оеси. Названіе происход. отъ того, что этотъ эноплiаст. стихъ употреблялся гл. обр. въ пѣсняхъ къ Кибелѣ ея жрецами, называвшимися галлы. Изъ Римлянъ употребляли этотъ стихъ Катуллъ, Варронъ, Мэценатъ. Схема его:

◡◡ | – – ◡◡ | – – | ◡◡ ‖ – – ◡◡ | ◡◡ ∧ ‖, напр. Cat. 63: Sŭpĕr | altă vĕctŭs | Attis | cĕlĕrī rătĕ mărĭă ∧ ‖
Phrygium ut nemus citātō cupĭdē pede tetigit ∧ ‖ — Adiitque ŏpāca | silvīs redimīta loca deae ∧ ‖,
Stimulātus ibi furentī rabiē, vagus animīs, ∧ ‖ — Dēvolvit ile acūtō sibi ‖ pondere silicis ∧ ‖.

IV. Стихи пэоно-бакхійные.

§26. Эти бурные стихи развились (какъ замѣчено на стр. 8ой) главн. обр. на о-вѣ Критѣ въ танцовальныхъ пѣсняхъ, посвященныхъ Апóллону Пэáну - въ живой и быстрой ὑπόρχημα, а также въ воинств. πυρρίχη; но литер. обработку получили въ Спартѣ отъ переселившагося туда критскаго пѣвца и жреца Фалета, потомъ отъ Алкмана и др.; далѣе - они входили въ хорическую пѣснь комедіи κόρδαξ, рѣже въ хоръ трагедіи, и произносились съ самымъ быстрымъ темпомъ (ἀγωγή); встрѣчаются также въ речитат. монологахъ комедіи и трагедіи. Наконецъ въ римской комедіи они получили доступъ и въ діалогъ, даже въ такія мѣста, которыя недостаточно соотвѣтствуютъ основному характеру этого размѣра. Огненная страстность этого стиха зависитъ отъ того, что 1) нѣтъ кратнаго отношенія между арсью и оесью; 2) на оесь приходится два или три слога и притомъ въ 1мъ случаѣ только одинъ изъ нихъ долгъ, а во 2мъ - всѣ коротки; 3) отъ анакрусы, и 4) допускаются различныя варіаціи: – ◡ –, – ◡◡◡, ◡◡ ◡ –, ◡◡ ◡◡◡; кромѣ того въ оеси и въ анакрусѣ могутъ быть ирраціон.-долгіе слоги, т.е. – > –, > – ◡◡ и пр. - Есть два вида этихъ стиховъ: а) критико-пэонные и б) бакхійные (еще болѣе страстные чѣмъ первые), развившіеся въ пѣсняхъ Бакханалій. - Но тѣ и другіе, особ. бакхіи, употреблялись гораздо рѣже прочихъ родовъ стиховъ. Обыкновенно встрѣчаются въ видѣ тетраподій, весьма рѣдко въ видѣ гексаподій. Собств. бакхіи (въ древн. смыслѣ, т.е. – – ◡, см. стр. 8) почти не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ обыкнов. антибакхіи (◡ – –).

что будто бы слова Вестфаля I, 532 „mirum in modum conveniunt" съ его мнѣніемъ (p. 140): Вестфаль такъ говоритъ о паузахъ, а Корш вообще объ опущеніи арсей; паузы внутри слова, конечно, не могутъ быть; это ясно само собою; но опущеніе арси внутри слова замѣняется тоною (см. §9.2), а не паузою. - Результаты своихъ изслѣдованій объ опущеніи арсей онъ выражаетъ такъ (p. 63 sq.): nē intrā verbum ējiciantur (это несостоятельно, какъ мы только что показали), nē in singulīs hēmistichiīs plūrēs quam singulae, nē quae praeter mediās (т.е. вторыя), nē post thesim (т.е. arsim) prōductam, dēnique, id quod in omnibus exemplīs animadvertere licet, nē post vōcālem arsis (т.е. thesis) vī prōductam, nēve post arsim (т.е. thesim) solūtam. - Горацій такъ выражается о свойствахъ и судьбѣ этого стиха (Epist. II, 1. 151 sq.): Graecia capta ferum victōrem cēpit et artēs ‖ Intulit agrestī Latiō: sīc horridus ille ‖ Dēfluxit numerus Saturnius [Tīrōnēs philologiae, вѣроятно, поблагодарятъ за эту длинную выноску].

17) γ) Кретико-пэонные:
Tetrameter creticus –⏑–|–⏑–‖–⏑–|–⏑–‖ изъ 2-хъ диподій, обыкн. съ діэресью; нерѣдко у Плавта, изрѣдка у Теренція; напр. Ter. Andr. 626: Tantā vēcordia innātā quoiquam ut siet ‖, Ut malis|gaudeant‖ atque ex incommodis‖ Alterius sua ut‖ conparent|commoda!‖.

Или Plaut. Amph. 219: Postquam utrinque exitum est‖maxuma|copia‖, Dispertiti viri‖ dispertiti ordines!‖.

18. δ) бакхійные - чрезвыч. рѣдко въ видѣ собственно бакхіевъ; напр. *tetrameter bacchiacus* ⏑:–⏑–|–⏑–‖–⏑–|–⏑∧‖: Lactāre, bacchāre praesente Frontone!(Diom. Ars gr. p. 513 K.). - Обыкн. же антибакхійные ⏑:––⏑|––⏑‖––⏑|––∧ (или, можетъ быть, вѣрнѣе дѣлить такъ: ⏑––:⏑––|⏑––‖⏑––|⏑∧‖), напр.: Eum nunc|potivit|pater servitutis‖ Plaut. Amph. 178. (но такъ какъ дѣло спорно, то не будемъ отдѣлять анакрусы по старому обычаю, т.е. ⏑––|⏑––|⏑––|⏑––‖)

Ter. Andr. 481,
или: Adhuc, Archylis, quae adsolent quaeque oportet‖ Signa esse ad|salutem, omnia huic esse video‖.

19. (Hexameter ⏑––|⏑––|⏑––‖⏑––|⏑––|⏑––‖ (т.е. не отдѣляя анакрусы и считая, по старому обычаю тактомъ ⏑––, хотя онъ невозможенъ) изрѣдка встрѣчается, напр. у Плавта Bacchid. 1120: Quis sonitu ac|tumultu|tanto nominat me atque pultat|hasce aedis?‖)(+)

VI. Лирическій типъ поэзіи.

§ 27. Значеніе см. § 13. - Состоитъ изъ строфъ и системъ (см. §§ 8, 12 и 14), т. е. изъ музыкально-законченныхъ сложныхъ періодовъ: начало новой строфы и особ. системы обыкн. соединялось съ перемѣною мелодіи. - Начало художественной лирики относится къ 8-му в.; она была тогда только дактилною; дальнѣйшимъ развитіемъ дакт. лирика обязана Лидійцу Алкману, жившему въ 7-мъ в. въ Спартѣ; достигла полнаго блеска у Стесихора химерскаго (ок. 600 г. до Р.Х.) и заключенія у Ибика регійскаго въ 6-мъ в. - Знаменитый Архилохъ Паросскій (за 700 л. до Р.Х.) создалъ много новыхъ формъ, введя хорейный размѣръ, а съ именами ~~славныхъ~~ Алкея и Сапфо митиленскихъ (за 600 л. до Р.Х.) связано блестящее обогащеніе ея логаэдными формами. Продолжали разнообразить лирику Пиндаръ, драматики, александрійцы. - Въ Италію пересадили ~~формы~~ греч. лирики гл. обр. Катуллъ и Гораций въ 1-мъ в. до Р.Х. (ср. стр. 5).

§ 28. A) Строфы

α) Двустишныя, обыкн. называемыя эподами, кромѣ элегич. строфы (см. § 14).

I. 1. **Distichon elegiacum** состоитъ изъ одного героическаго гексаметра (§ 16) и одного гексаметра элегическаго (с. § 17, ложно называемаго пентаметромъ), т. е. схема его есть:

–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑⏑|–⏑‖ напр.: Hic ego,|qui jaceo,|tenerorum|lusor amorum‖,
–⏑⏑|–⏑⏑|–‖–⏑⏑|–⏑⏑|–‖ Ingenio perii‖ Naso poeta meo‖. (Ov. Trist. III, 3, 73 sq.).

Элегическій стихъ состоитъ изъ двухъ каталектныхъ колъ, раздѣленныхъ діэресью, и употребляется только въ двустишіяхъ въ соединеніи съ каталект. гексаметромъ, мелодію котораго онъ задумчиво, меланхолично закругляетъ (самостоятельно встрѣчается онъ только у нѣкоторыхъ греч. и римск. поэтовъ эпохи упадка, какъ то у Римлянъ Ausonius 4-го в. и Марціана Капеллы 5-го в. по Р.Х.). О немъ должно замѣтить: 1) контракція (спондеи) допускается только въ двухъ первыхъ тактахъ; 2) въ окончаніи каждаго кола избѣгаются односложныя, а въ окончаніи второго и 3-сложныя слова; 3) избѣгаются синалефа, зіяніе и т. п., особ. во 2-мъ колѣ. - Это двустишіе образуетъ палинодный періодъ (см. § 14).

Двойное отсѣченіе арсей разрушаетъ спокойное теченіе гексаметра; въ серединѣ за осью, притомъ усиленною, слѣдуетъ безъ арси новое повышеніе. Такъ выражаются чувства разстроенныя, возбужденныя, находящіяся въ борьбѣ между собою и съ внѣшн.

(+) Трудно рѣшить, какъ должно дѣлить антибакхійные стихи: ⏑––|⏑––|... едва ли возможно (сравн. Westph. I, 623 f.); ⏑:––⏑|––⏑|... или, какъ Schmidt (Leitf. 28), ⏑:––⏑|––⏑|.. кажутся мнѣ еще труднѣе; наиболѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ ⏑––:⏑––|⏑––‖, что до извѣстной степени согласно и съ нѣкоторыми древними (Westph. I, 635); но анакрусъ тутъ оказалась бы слишкомъ сильною (ср. § 10); въ сомнит. случ. держусь старины:⏑––).

міромъ. Мелодія этого двустишія была преимущ. жалобная, съ которою подъ звуки флейты пѣлись элегіи, т. е. скорбныя, жалобныя пѣсни (отъ ἔλεγος – того же значенія), сочиненныя этимъ размѣромъ. Возникло оно изъ эпа въ 8мъ в. до Р. Х., но гдѣ – въ точности неизвѣстно; развилось же оно прежде всего въ Малоаз. Іоніи. Оно составляетъ еще робкій переходъ отъ эпа къ чистой лирикѣ. Эти двустишія во всѣ времена весьма часто употреблялись и были позднѣе самаго разнообразнаго содержанія, даже шутливаго и эротическаго, но сохранялось старое названіе.(1) Древнѣйшими элег. поэтами считаются Каллинъ Эфесскій въ 8 в., воодушевлявшій имъ Эфесцевъ; потомъ Архилохъ, Мимнермъ, Ѳеогнидъ и мн. др. (см. Зап. по лит.). Важнѣйшими изъ римскихъ элегиков были Катуллъ, Тибуллъ, Проперцій и, особ., Овидій (всѣ въ 1 в. до Р. Х.); для эпиграммы пользовались этимъ двустишіемъ Катуллъ, Марціалъ. [У Горація этой строфы нѣтъ; за то у него есть почти всѣ нижеслѣдующія; его главн. обр. мы будемъ имѣть далѣе въ виду].

II. 2) Stropha Alcmānia (по поэту Алкману, одному изъ основателей искусств. греч. лирики, §27) состоитъ изъ дакт. hексаметра и дакт. тетраметра (versus Alcmanius, см. §15, n° 4) тоже со спонд. окончаніемъ. – Hor. Epod. 12 (Od. I, 7. 28.)

—◡◡|—◡◡|—◡◡‖—◡◡|—◡◡|——‖ напр. Ō ego / nōn fēlīx, quam // tū fugis, / ut pavet ācrēs //

—◡◡|—◡◡|—◡◡|——‖ Agna lupōs caprĕaeque leōnēs! ‖. Hor. Ep. 12, 25 sq.

Въ предпосл. тактѣ каждаго стиха всегда дактиль (есть только по одному исключ. у Горація вслѣдствіе собств. именъ). У Горація разъ встрѣчается эта строфа (въ „Эпод.") въ видѣ двустишія и два раза (въ „Одах") въ видѣ 4стишія (см. §30). Тетраподія прерываетъ торжественное теченіе hексаметра и даетъ періоду больше живости. Мужеств. характеръ этой строфы употребленъ Гораціемъ въ „Одахъ" для размышленій о жизни, а въ „Эподѣ" для насмѣшки явной.

III. 3. Stropha pythiambica prīma (изобр. Архилохомъ) состоитъ изъ дакт. 6метра и ямб. диметра (§15, n° 13).

—◡◡|—◡◡|—◡◡‖—◡◡|—◡◡|——| Mollis inertia / cūr tantam diffūderit / īmīs /

◡̄ : —́◡|—́◡̄|—́◡|—́∧‖ Oblīviōnem / sēnsibus? ‖. [Hor. Epod. 14 (также 15).]

Въ 5мъ тактѣ 6метра всегда дактиль; въ диметрѣ (иррац.) долгія бываютъ только въ ἀνάκρουσις и во 2мъ тактѣ; въ 1мъ тактѣ одинъ разъ (15, 24) встрѣчается трибрахъ. – Названіе происходитъ отъ того, что дакт. 6метръ, вслѣдствіе употребленія въ изреченіяхъ оракуловъ, назывался также пиѳійскимъ. Короткій и быстрый ямбич. стихъ насильственно прерываетъ спокойный ходъ 6метра и даетъ строфѣ печать страстности.

IV. 4. Stropha pythiambica secunda – изъ дакт. hексаметра и ямбич. триметра (§15, n° 14) (Ep. 16)

—◡◡|—◡◡|—◡◡‖—◡◡|—◡◡|——‖ Altera / jam teritur / bellīs cīvīlibus / aetās //

◡ : —◡|—◡|—◡|—◡|—◡|—∧‖ Suīs et / ipsa / Rōma / vīribus ruit. ‖

Въ 5 тактѣ hексаметра всегда дактиль (кромѣ 2 случаевъ, обусловленныхъ 4-сложн. собств. именами; въ триметрѣ – вездѣ чистый хорей (см. стр. 22 ал.). Эта строфа гораздо величественнѣе предыдущей, ибо триметръ ближе къ hексаметру чѣмъ диметръ [триметръ тутъ имѣетъ постоянную цезуру или, точнѣе діэресь (см. стр. 28); 1 разъ тмезисъ: ab/ominatus]. Въ 16 эподѣ серіозно описываются бѣдствія времени и энергич. указывается на идеальн. страну: форма соотв. содержанію.

V. 5. Stropha iambica состоитъ изъ ямбич. hексаподіи и тетраподіи (§15, n° 14 и 12). (Epod. 1–10).

◡̄ : —́◡|—́◡̄|—́◡|—́◡̄|—́◡|—́∧‖ Quid immerentēs / hospitēs vexās, canis //

◡̄ : —́◡|—́◡̄|—́◡|—́∧‖ Ignāvus / adversum lupōs? ‖. – Epod. 6.

Діэресь рѣдко и отчасти обусловлена собственными именами (стр. 28); о діэреси – см. n° 14.

Въ части этихъ эподовъ Горацій остается вполнѣ вѣренъ Архилоху: въ нихъ язвит. насмѣшка, которая короткими, быстрыми диметрами еще сильнѣе поражаетъ; въ другой части этихъ эподовъ высказываются то шутливыя и радостныя, то серіозныя и скорбныя чувства.

(1) Горацій такъ выражается о немъ: Versibus impariter junctīs querimōnia prīmum,
Post etiam inclūsa est vōtī sententia compos. (A. P. v. 75 sq.)

Прим. Сюда же относятся еще строфы: 6) Archilochia prīma, 7) Archilochia quarta, 8) Hippōnactea, 9) Sapphica mājor и 10) Asclēpiadēa prīma (2); но такъ какъ Горацій два такихъ эпода всегда соединялъ въ одну строку, то о нихъ будетъ сказано ниже въ отдѣлѣ 4-стишій (nn: VIII–XII).

§ 29. б) 3-стишныя строфы.

Второй изъ трехъ стиховъ короче перваго и онъ иного размѣра; третій какъ бы примиряетъ эту противоположность, ибо онъ возвращается къ метру перваго стиха, но по величинѣ приближается ко 2-му, или на оборотъ.

VI. 1. Stropha Archilochia secunda сост. изъ дакт. 6-метра, ямбич. диметра и дакт. катал. триметра (v. Archil. minor) (См. § 15. n. 12 и 2). (Epod. 13).

—⏑⏑|—⏑⏑|—⏑⏑|—⏑⏑|—⏑⏑|—— ‖ Horrida | tempestas caelum contraxit et | imbrēs ‖
⏓:—⏑|—⏓|—⏑|—∧ ‖ Nivēsque dēdūcunt Jovem; ‖
—⏑⏑|—⏑⏑|—∧ ‖ Nunc mare, | nunc silvae ‖.

Серіозный ходъ гексаметра прерывается и смѣняется короткими, быстро и легко текущими іамбами, чтобы подъ конецъ возвратиться къ характеру начала, но скоро какъ бы въ изнеможеніи прерваться и закончиться паузою. Форма соотвѣтствуетъ содержанію этого эпода: созерцаніемъ мрачной, зимней природы и перспективою смерти мотивуется побужденіе къ наслажденіямъ жизни.

VII. 2. Stropha Archilochia tertia изъ ямбич. 6-подіи, катал. дакт. 3-подіи и ямб. 4-подіи (§ 15. n. 14, 2 и 12). (Epod. 11): ⏓:—⏑|—⏓|—⏑|—⏓|—⏑—∧ ‖ Petti, nihil mē | sīcut anteā juvat ‖
—⏑⏑|—⏑⏑|—∧ ‖ Scrībere | versiculōs ‖
⏑:—⏑|—⏓|—⏑|—∧ ‖ Amōre percussum gravī ‖

Въ обѣихъ строфахъ дакт. триподія не допускаетъ спондеевъ, а во 2-мъ тактѣ ямб. тетраподіи (также въ обѣихъ строфахъ) почти всегда (иррац.) спондей (есть только по одному исключенію (13, 26: aegrīmōniae и 11, 39: contumēliae). — Вылкость ямбовъ послѣдней строфы задерживается и ослабляется дактилическою триподіею, уныло заканчивающеюся (она = половинѣ элег. стиха); оттого строфа отличается оживленными, но вмѣстѣ мягкими и отчасти унылыми тонами, что вполнѣ согласно и съ эротич. содержаніемъ этого эпода.

Примѣч. 1. Въ изданіяхъ Горація послѣднія двѣ строфы обыкн. неправильно представляются въ видѣ 2-стишій, ибо неестественно соединены послѣдніе два стиха каждой изъ этихъ строфъ въ одинъ стихъ (который въ n. VI назвали iambelegus, а въ n. VII elegiambus). Что это два отдѣльные стиха (а не одинъ сложный), доказывается какъ различною натурою ихъ, такъ и тѣмъ, что между ними нерѣдко встрѣчается syllaba anceps и hiatus (а это вѣрный признакъ самост. стиха: § 11).

Примѣч. 2. Къ 3-стишіямъ принадл. также и 3) Str. Archil. quarta: —⏑⏑|—⏑⏑|—⏑⏑|—⏑⏑ ‖, —⏑—⏑|—⏑ ‖, ⏓:—⏑|—⏓|—⏑|—⏑|—|—∧ ‖, но Горацій, соединивъ два первые стиха въ одинъ, превратилъ ее въ 2-стишіе (см. § 28. прим.), а повтореніемъ этого двустишія создалъ 4-стишную строфу. См. ниже, n. IX.

§ 30. в) 4-стишныя строфы.

Самыя употребительныя (ибо въ нихъ мелодія можетъ наилучше разнообразиться и закругляться, а по своей длинѣ не утомляютъ, повторяясь). Есть три способа образованія ихъ.

α) 1-ый способъ: эподная группа повторяется; является періодъ палинодный (§ 14).

1. Stropha Alcmānia изъ 2-хъ алкмановыхъ эподовъ. См. n. II. (Od. I. 7 и 28). Періодъ: a. c. 6. a. c. 6.

VIII. 2. Stropha Archilochia prīma — двойная группа изъ дактил. 6-метра и каталект. дакт. 3-метра: —⏑⏑|—⏑⏑|—⏑⏑‖—⏑⏑|—⏑⏑|—— ‖ Diffūgēre nivēs, redeunt jam | grāmina | campīs ‖
—⏑⏑|—⏑⏑|—∧ ‖ Arboribusque comae; ‖
—⏑⏑|—⏑⏑|—⏑⏑‖—⏑⏑|—⏑⏑|—— ‖ Mūtat | terra vicēs et ‖ dēcrēscentia | rīpās ‖
—⏑⏑|—⏑⏑|—∧ ‖ Flūmina | praetereunt. ‖ (Hor. Od. IV, 7).

6-метромъ, спускающимся до короткихъ полуэлегич. триподій (съ паузою) выражена въ этой одѣ безнадежность и грусть о кратковѣчности человѣческой жизни въ виду вѣчно-обновляющейся природы (въ 5 тактѣ гексам. вездѣ дактиль).

IX. 3. Stropha Archilochia quarta — удвоенная группа изъ дактилич. 4-подіи (§ 15. n. 4) съ наш. фаликомъ (n. 11) и падающей ямбич. гексаподіи (n. 14); См. § 29, прим. 2. — Что Горацій два первые стиха соединилъ въ одинъ, видно какъ изъ того, что между ними нѣтъ ни hiatus, ни syllaba anceps (а на прежнюю самостоятельность ихъ указываетъ только діэрезъ), такъ и изъ

того, что только такимъ пріемомъ можно было образовать 4-стишную строфу, а изъ 4-стиший состоятъ всѣ оды Горація. Изъ того же, что дактили соединены съ хореями въ однихъ стихахъ, слѣдуетъ, что Горацій читалъ ихъ здѣсь какъ кикловые; въ такомъ случаѣ 1-ый стихъ является логаэдною пентаподіею съ 4 кикл. дактилями; но изъ нихъ первые три могутъ замѣняться спондеемъ. Итакъ схема ея будетъ:

— ϖ | — ϖ | — ϖ | — ω ‖ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ Solvitur | ācris hiems | grātā vice ‖ vēris et Favōnī, ‖
(⏑) ⁝ — ⏑ | — ϖ | — ⏑ | — ⏑ | ⊔ | — ∧ ‖ Trahuntque | siccās | māchinae carīnās; ‖
— ϖ | — ϖ | — ϖ | — ω ‖ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ Ac neque | jam stabulis gaudet pecus ‖ aut arātor | ignī, ‖
(⏑) ⁝ — ⏑ | — (ϖ) | — ⏑ | — ⏑ | ⊔ | — ∧ ‖ Nec prāta | cānis | albicānt pruīnīs. ‖ (Od. I, 4).

Быстрые, веселые, кружащіеся кикловые дактили, заканчивающіеся рѣзвымъ хореями (срв. § 23, n° 13), смѣняются болѣе степенными, внушительно-задумчивымъ стихомъ. Это хорошо ладитъ съ содержаніемъ: указывая на наступленіе веселой весны, поэтъ внушаетъ пользоваться весною жизни; скоро она проходитъ, а въ домѣ Плутоновомъ — конецъ радостямъ.

X. 4. Stropha Hippōnactea — повторяющаяся группа изъ катал. трох. 4-подіи и падающей лог. 6-подіи (Od. II, 18).

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Nōn ebur neque aureum ‖
(⏑) ⁝ — ⏑ | — ϖ | — ⏑ | — ⏑ | ⊔ | — ∧ ‖ Meā renīdet | in domō lacūnar; ‖
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Nōn trabēs Hymettiae ‖
⏑ ⁝ — ⏑ | — ϖ | — ⏑ | — ⏑ | ⊔ | — ∧ ‖ Premunt columnās | ultimā recīsās ‖ .. (Africā)

Бѣглая тетраподія, умѣряемая каталексью, и болѣе степенная, сильная, пріостанавливающаяся (въ 5 тактѣ) гексаподія, даютъ строфѣ живой и веселый характеръ, соединенный съ достоинствомъ и энергіею, — что находится въ полной гармоніи съ содержаніемъ: въ этой одѣ поэтъ рѣшительно отвергаетъ внѣшнія блага, довольствуясь своею участью, въ особ. своимъ талантомъ. — Названіе — довольно произвольно, ибо строфа эта была уже у Архилоха и Алкея. (Въ 4-подіи нѣтъ замѣнъ; въ 6-подіи анакруза только два раза долга).

XI 5. Stropha Sapphica mājor удвоенная группа изъ 1-го ферекратея (§ 15, n° 16 α) и большаго Сапфина стиха (или 3-го пріапея, см. § 23, n° 12 и прим. 7-мъ). (Od. I, 8).

— ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ Lȳdia, | dīc, per | omnēs ‖
— ⏑ | — > | — ⏑ ⏑ | ⊔ ‖ — ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ Tē deōs ōrō, Sybarin ‖ cūr properēs amandō ‖
— ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ Perdere; | cūr aprīcum ‖
— ⏑ | — > | — ⏑ ⏑ | ⊔ ‖ — ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ Ōderit campum, patiēns ‖ pulveris | atque | sōlis? ‖

Въ каждомъ двустишіи катал. тетраподія (гликонѣй) окружена 2-мя акатал. триподіями (ферекратеями; или тоже гликонеями? см. указ. прим. на стр. 25) и слѣд. является періодъ месодный (a b c), а такъ какъ онъ повторяется, то строфа образуетъ періодъ месодно-палинодный, въ коемъ ритмич. отдѣлы (κῶλα) очень равномѣрны. Летучій ферекратей, оживленно открывающій строфу, смѣняется длиннымъ, шутливо-серіознымъ стихомъ (см. стр. 25), во второй половинѣ котораго опять является тотъ же ферекратей. Потому строфа имѣетъ быстрый, настойчивый и игриво-серіозный характеръ — согласно съ содержаніемъ этой оды. (Если принять ферекратеи за падающіе гликонеи, то уменьшится оживленность, но увеличится настойчивость строфы).

XII. 6. Stropha Asclēpiadēa prīma (у иныхъ secunda) — удваивается группа изъ 2-го гликонея (§ 15, n° 17 α, β) и меньшаго асклепіадея; а versus Asclēpiadēus minor состоитъ изъ каталектныхъ 2-го и 1-го ферекратеевъ. — (12 разъ у Горація. Od. I, 3.13.19.36; III, 9.15.19.24.25.28; IV, 1.3).

— > | — ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Sīc te | dīva potēns Cyprī, ‖
— > | — ⏑ ⏑ | ⊔ ‖ — ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Sīc frātrēs Helenae, ‖ lūcida | sīdera, ‖
— > | — ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Ventōrumque regat pater, ‖
— > | — ⏑ ⏑ | ⊔ ‖ — ⏑ ⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Obstrictīs aliīs ‖ praeter Iāpyga. ‖ (Od. I, 3).

Стихъ и строфа получили названіе отъ употребленія у алекс. поэта Асклепіада, хотя часто встрѣчались уже у Алкея и Сапфо. (Въ 1 тактѣ у Горація всегда иррац. спондей. См. примѣч. на стр. 17-ой). Въ строфѣ за легкимъ гликонеемъ слѣдуетъ гораздо болѣе сильный и оживленно-серіозный стихъ (ибо онъ длиннѣе, въ серединѣ пріостанавливаетъ свою быстроту, но тотчасъ съ живостью воспринимаетъ ее и скоро опять прерывается — ламп. ??). Чрезъ эту смѣну легкаго оживленія серіознымъ и сильнымъ строфа удобна для выраженія волнующихся и усиливающихся чувствъ и страстей какъ радости такъ и горя.

Римская метрика. Окончаніе (1).

Меньшій асклѣпіадовъ стихъ иногда у Грековъ бывалъ безъ діэресы; у Римлянъ она никогда не опускалась, но съ нею иногда соединяется тмесисъ сложнаго слова, напр. dē||torqvet (Hor. Od. II, 12, 25), часто синалэфа, напр. monumentum||aere (ibd. III, 30, 1.) и изрѣдка даже эктасисъ сократившагося слога до 3-хъ моръ, напр. arāt||impiger (ibd. III, 16, 26). Въ 1-мъ тактѣ у Горація вездѣ (ирраціон.) спондей, и его примѣру послѣдовали Сенека (I в. по Р.Х.) и Пруденцій (4 в. по Р.Х.); у эолійскихъ же поэтовъ здѣсь бывали ‒◡, ‒>, ◡‒, ◡◡; греческіе трагики исключили ◡◡, но иногда допускали ◡◡◡, отдавая, впрочемъ предпочтеніе спондею передъ другими формами. По своей серіозности стихъ этотъ не нашелъ себѣ мѣста въ комедіи. Гликонеи попадается уже у Сапфо и встрѣчается даже у Алкмана и Алкэя, но въ большемъ употребленіи сталъ у Анакреонта, нерѣдокъ и у драматиковъ (2). Первая асклѣпіадова строфа есть уже у Алкэя и Сапфо.

Прим. Сообразно съ нашимъ опредѣленіемъ строфы и системы (§§ 8 и 12) мы принимаемъ у Горація три строфы и двѣ системы асклепіадовыя, въ чемъ сходимся, напр., съ издателемъ э/того поэта Наукомъ (C. W. Nauck, 6 aufl. Lpz., S. 3 f.). Но большинство, не различая строфъ отъ системъ, насчитываютъ пять или строфъ или системъ, называя первою и 5ою то, что у насъ обозначается меньшею и большею асклѣпіадовыми системами; ихъ 2ая строфа или система = нашей 1ой строфѣ; 3ья = нашей 2ой и 4ая = 3ей. У нѣкоторыхъ другихъ опять нѣсколько иначе.

β) 2ой способъ: Группа изъ 3хъ одинаковыхъ стиховъ заканчивается меньшимъ 4-мъ въ видѣ припѣва (эпода). Періодъ стихично- или палинодно-эподный (см. § 14).

XIII. 1. Stropha Asclepiadēa secunda (у иныхъ tertia, см. выше примѣч.) изъ трехъ асклѣпіадеевъ, закругленныхъ 2-мъ каталектическимъ гликонеемъ (9 разъ у Горація: Od. I, 6. 15. 24. 33; II, 12; III, 10. 16; IV, 5. 12. Затѣмъ встрѣчается еще только у Сульпиція Севера въ 4омъ в. по Р.Х.).

Періодъ палинодно-эподный. a—a—a / b—b—b } c

‒>|‒◡◡|‒ ‖ ‒◡◡|‒◡|‒ ∧‖ Scrībēris Variō ‖ fortis et/ hostium ‖
‒>|‒◡◡|‒ ‖ ‒◡◡|‒◡|‒ ∧‖ Victor/ Maeoniī ‖ carminis/ ālite, ‖
‒>|‒◡◡|‒ ‖ ‒◡◡|‒◡|‒ ∧‖ Qvam rem/cunqve ferōx ‖ nāvibus/ aut eqvīs ‖
‒>|‒◡◡|‒◡|‒ ∧‖ Miles/ tē duce/ gesserit. ‖ (Hor. Od. I, 6).

Одушевленная настойчивость трехъ первыхъ стиховъ находитъ скромное но полновѣсное заключеніе въ бодромъ гликонеѣ. Потому и въ одахъ выражается отказъ отъ предложеній, увѣщанія, наставленія, просьбы (Отъ Сапфо сохранились только два послѣдніе стиха одной строфы).

XIV. 2. Stropha Sapphica minor изъ 3-хъ меньшихъ сапфическихъ стиховъ и адонія. (См. § 15, №№ 18 и 15. — У Горація 26 разъ: Од. I, 2. 10. 12. 20. 22. 25. 30. 32. 38; II, 2. 4. 6. 8. 10. 16; III, 8. 11. 14. 18. 20. 22. 27; IV, 2. 6. 11. Carm. Saecul. — 3 раза у Катулла: 11, 51. 51b по изд. Л. Мюллера, Lpz. 1874, по другимъ изд. 51 — 51b составляютъ одно стихотв. 51. Попадается и въ хорахъ трагедій Сенеки). Пер. стихично-эподный: a a a } b.

‒◡|‒(>◡)|‒,◡◡|‒◡|‒◡‖ Jam satis terris ‖ nivis/ atqve/ dīrae ‖
‒◡|‒>|‒,◡◡|‒◡|‒◡‖ Grandinis mīsit ‖ pater,/ et rubente ‖
‒◡|‒(>)|‒,◡◡|‒◡|‒◡‖ Dexterā sacrās ‖ jaculātus/ arcēs ‖
‒◡◡|‒◡ ‖ Terruit urbem... ‖ (Hor. Od. I, 2).

Строфа изобрѣтена Алкэемъ, но чаще ею пользовалась Сапфо. Вмѣсто 2аго трохея у Горація и Сенеки вездѣ спондей, который у Грековъ и у Катулла только преобла-

(1) Издается послѣ длиннаго перерыва. См. ниже послѣсловіе.

(2) W. Christ (Metrik der Griechen u. Römer. Lpz. 1874, S. 493 ff.) изъ неумѣренно-консервативнаго усердія считаетъ и меньшій и большій асклѣпіадовы стихи за хоріамбы съ базою, но отмѣчая въ концѣ каждаго кола долгій слогъ удлиненною линіею и отдѣляя оный чертою въ особый тактъ, вступаетъ въ противорѣчіе съ собою. (У него впрочемъ хоріамбы и безъ базы оказываются не менѣе загадочными существами, чѣмъ у древнихъ метриковъ).

Кіевъ. 1876. Литографія Е. Я. Федорова. — Дозволено цензурою. 20 Января 1876.

далъ (у Катулла 28 разъ въ 30 стихахъ, т. е. вездѣ кромѣ 11, 6 и 15). Также Горацій — а по его примѣру и Сенека — разбилъ одноколный сапфическій стихъ „цäзурою" въ 3-мъ тактѣ на двѣ части по образцу гексаметра, обыкнов. послѣ арсы (567 разъ по Шмидеру; Vertmaass s. 26), иногда въ серединѣ арсы (48 разъ), и этимъ разрывалъ стихъ и киклической дактиль наперекоръ ихъ натурѣ. (Если бы и нужна была секція кола, то ее слѣдовало бы установить непосредственно передъ дактилемъ; впрочемъ въ 4ой кн. и въ Carm. saec., написанныхъ позже, Горацій часто не соблюдаетъ этой своей „цäзуры"). Заключительный адоній у Грековъ такъ тѣсно примыкалъ къ предъидущему стиху, что иногда одно общее слово соединяло ихъ въ одно цѣлое; но такъ какъ съ одной стороны у Горація такой пріемъ встрѣчается только 3 или 4 раза (I, 2, 19: u-xōrius; 25, 11: inter-lūnia; II, 16, 7: vē-nāle; и, можетъ быть, III, 27, 59: ē-lidere по Л. Мюллеру, но у другихъ laedere) и у Катулла 1 разъ (11, 11: ulti-mōsque), и еще рѣже связаны эти стихи синалöфою (Hor. IV, 23 sq., C. S. 47; Cat. 11, 19), которая встрѣчается и между 2-мя сапфичными стихами (напр. IV, 2, 22 sqq: Plōrat et vīrēs animumque mōrēsque // Aureōs ēdūcit in astra nigrōque // Invidet Orcō; также II, 2, 18; 16, 34); а съ другой стороны допускается зiяніе между сапфикомъ и адоніемъ (напр. Hor. I, 2, 47; у Катулла нѣтъ) и syllaba anceps (напр. Hor. I, 2, 31; у Катулла 1 разъ 11, 7): то видно, что римскіе поэты были гораздо болѣе склонны считать адоній за самостоят. стихъ.

Пентаподія, начавшись спокойно-бодрымъ ходомъ двухъ хореевъ (который обыкновенно еще нѣсколько замедляется во 2-мъ хореѣ), пытается оживиться киклическимъ дактилемъ, но тотчасъ же, какъ бы спохватившись, заканчивается также ровно, какъ началась; дактиль оказывается какъ разъ по серединѣ стиха, окруженный двойнымъ хореемъ съ каждой стороны. Здѣсь оживленность соединена со спокойствіемъ и держится въ границахъ мягкой торжественности. Живое но полное достоинства и простоты, и дважды повторенное теченіе симметрично-построенной пентаподіи отлично и легко увѣнчивается короткимъ и быстрымъ адоніемъ. Строфа эта, простая, но образцовая по правильности, законченности и изящности строя, — одна изъ самыхъ любимыхъ Горацiемъ — преимущественно служитъ для выраженія чувствъ возбужденныхъ, но держащихся въ равновѣсіи; въ особенности употребляется она для молитвъ и воззваній къ богамъ.

XV. 3. **Stropha Glyconia tetracolos** изъ трехъ каталектныхъ вторыхъ гликонеевъ заканчивающаяся 2-мъ ферекратеемъ (у Горація нѣтъ; у Катулла 1 разъ). Періодъ, какъ XIV.

— ⏑̆ | ⏑⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Dīānae sumus / in fidē /
(⏑⏑) ⏑̆ | ⏑⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Puellae et puerī integrī //
— ⏑̆ | ⏑⏑ | — ⏑ | — ∧ ‖ Dīānam puerī integrī //
(⏑⏑) ⏑̆ | ⏑⏑ | — ⏑] Puellaeque canāmus / ‖ (Cat. 34).

Во 2-мъ и 4-мъ стихахъ есть гиперэосъ (см. также добавл. къ стр. 11), т. е. въ 1-мъ тактѣ вм. — ⏑ (въ 1-мъ и 3-мъ стихахъ должно читать Dīānae, т. е. — ⏑, ибо ī въ этомъ словѣ было долго; см. Грамм. § 24, 2); въ 1-мъ тактѣ пяти остальныхъ строфъ 12 разъ — ⏑ и 8 разъ — ⏑. Изъ Грековъ эту строфу любилъ Анакреонтъ, встрѣчается она также у Аристофана. Должно замѣтить впрочемъ, что нигдѣ у Катулла (какъ и у Анакреонта и Аристофана) не попадается syllaba anceps и hiatus, а напротивъ 2 раза допущена у него синалöфа (между 2-мъ и 3-мъ стихами — Romulique // Antique, v. 22 sq. и между 3-мъ и 4-мъ — re conditorum // Amnium que, v. 11 sq.), а у Грековъ не всегда есть и дiэресь между колами. Слѣд. эти кола такъ тѣсно связаны между собою, что не вполнѣ заслуживаютъ названіе самостоятельныхъ стиховъ. Ср. § 31. (1)

(1) Вестфаль (II, 770) включаетъ всѣ эти 4 кола въ одинъ стихъ, приводя примѣры изъ Анакреонта (fr. 14. 4. 6. 8) и Аристофана (Equit. 973 sqq.), а Шмидтъ (Leitf. 118 f. и Kunstf. II, xxv) въ томъ же мѣстѣ Аристофана (973-996) соединяетъ только три гликонея въ одинъ стихъ,

Горячая мольба къ богинѣ о покровительствѣ потомству Ромула нашла себѣ достойное выраженіе въ порывистой убѣдительности трехъ повторяющихся гликонеевъ, закругляемой легкимъ и стройнымъ ферекратеемъ.

γ) **3-й способъ**. Строфа состоитъ изъ двухъ различныхъ группъ или періодовъ, образующихъ какъ-бы антитезъ между собою, но такъ что только послѣ втораго періода достигается надлежащее развитіе и окончаніе мелодіи, а слѣд. и законченность строфы.

XVI. 1. **Stropha ionica**. Въ 1-мъ періодѣ двѣ диподіи, во 2-мъ двѣ триподіи изъ іониковъ a minore. Пер. 1 {a a}; пер. 2 {b b}. Мелодія, предварительно намѣченная короткими стихами 1-го періода, съ полнотою выясняется во 2-мъ.

◡◡ ⁝ — — ◡◡ | — — ⊼ /	Miserārum 'st neque amōrī /
◡◡ ⁝ — — ◡◡ | — — ⊼ ‖	Dare lūdum neque dulcī ‖
◡◡ ⁝ — — ◡◡ | — — ◡◡ | — — ⊼ /	Mala vīnō lavere, aut exanimārī /
◡◡ ⁝ — — ◡◡ | — — ◡◡ | — — ⊼ ‖	Metuentēs patruae verbera linguae ‖ (Hor. III, 12).

У Горація іоники въ чистомъ видѣ, т. е. безъ контракціи, діэрезы и анаклазы (ср. § 25). Знакъ двуморной паузы въ концѣ схемы каждаго стиха означаетъ только, что въ тактѣ нѣтъ арсиса; но такъ какъ опущенный арсисъ удобно заполняется анакрусою слѣдующаго стиха, то пауза необходима только въ концѣ строфы и можетъ быть допущена также въ концѣ перваго періода (т. е. 2-го стиха), если позволяетъ смыслъ; но 1-й и 3-й стихи лучше не разрывать паузою отъ 2-го и 4-го. Короткому первому періоду, рисующему игриво-возбужденное настроеніе, отвѣчаетъ комичная торжественность втораго (ср. § 25, нач.). Въ единственномъ стихотвореніи своемъ, уложенномъ въ эту форму, поэтъ, дразня насмѣшливымъ сожалѣніемъ Необулу, шутливо ободряетъ ее предаться Гебру-красавцу. Эта ода есть подражаніе таковой же Алкэевой, отъ которой сохранилось только слѣдующее начало: ἔμε δείλαν, ἔμε πάσαν κακοτάτων πεδέχοισαν (1)

которому ферекратей (по Шмидту падающій гликоней) служитъ эподомъ. Дѣйствительно, текстъ здѣсь препятствуетъ признать гликонеи за отдѣльные стихи, ибо они нѣсколько разъ начинаются внутри словъ; но ферекратей вездѣ явственно отдѣленъ. Также у Софокла и др. встрѣчается соединеніе двухъ гликонеевъ въ одинъ стихъ, напр. Oed. Col. 1271 sqq. (см. текстъ у Шмидта II, XCIV sq.). Но у трагиковъ же иногда попадается и зіяніе, слѣд. является склонность присвоить этимъ коламъ большую самостоятельность. — Болѣе см. въ прим. къ § 31.

(1) Это небольшое стихотвореніе дѣлилось на обумъ филологами на строфы и стихи, начиная съ римскихъ временъ. Оно такъ явственно распадается на четыре 10-тактныя части, что такое дѣленіе издавна не могло остаться незамѣченнымъ; но за тѣмъ каждую строфу дѣлили на 3+3+4 (цифры означаютъ число тактовъ въ стихѣ), на 4+4+2, на 4+3+3, на 2+2+4+2 и т. д., или же и совсѣмъ оставляли безъ дѣленія. Дѣленіе строфы на 3 стиха, именно на 3+3+4 встрѣчается у Акрона и у двухъ схоліастовъ (см. въ изд. Горація-Келлера и Гольдера, I, 121), Марія Викторина (см. Gramm. lat. ed. Keil, vol. VI, Lps. 1871–74, pp. 129 и 169: digestum est ex duobus trimetris conjunctis, uno tetrametro et subjecto; хотя въ трехъ другихъ мѣстахъ противорѣчитъ себѣ, представляя 1-й стихъ тетраметромъ; см. стр. 53, 64, 91), у Атилія Фортунаціана (Gr. L. ed. K. VI, 303), Теренціана Мавра (ibd. p. 387), куда присоединить слѣдуетъ и М. Плотія, называющаго первый стихъ 3-метромъ (ibd. p. 542; cf. Atil. Fort. p. 289, Diom. Ars gr. въ Gr. l. I, 510–525, K.). Или ему долго слѣдовало большинство позднѣйшихъ издателей и ученыхъ, какъ напр. (указываю, съ нѣкоторыми дополненіями, по Quicherat Traité de versification latine, 23me éd. Par. 1875) въ 15 в. Perotti, въ 16-мъ Aldus (1500), Glareanus (1545), Фабриціи (1555), Lambinus (1561), Chabot (1589); въ 17-мъ Bond, хотя для такого дѣленія приходилось не только въ первой строфѣ разбивать одно слово на его составныя части (ex-animārī), но даже разсѣкать пришлось слова въ 3-й строфѣ два раза (tā-vit и Bel-lerophontē), или же, въ противность рукописямъ, дѣлать перестановку словъ и т. д. ([illegible]). Другая система, бывшая въ большомъ ходу, признавала въ этой одѣ исключительно 4-метры (числомъ 10). Отцемъ ея считается Cuningham (1721), нашедшій себѣ послѣдователей: Jani (1778–82), ed. Bipont. (1783), Mitscherlich (1800), Fea (1811), Döring (1803–28), Lemaire (1829), Peerlcamp (1834), Carey и пр. Противъ этого дѣленія достаточно сказать, что оно уничтожаетъ строфы и притомъ вопреки очевидности, ибо каждые 10 тактовъ отдѣлены интерпункціею. Что каждая строфа состоитъ здѣсь изъ 10 тактовъ, на это указалъ Bentley (1711) и распредѣлилъ ихъ такъ 4+4+2. Этотъ планъ былъ одобренъ G. Hermann'омъ (El. doctr. m. p. 472; Epit. d. m. p. 170 по 3-му изд.), Braunhard'омъ (1833–38), Orelli (1837), Gaisford'омъ (въ изд. Гефестіона 1810. 1855), Dillenburger'омъ (1843. 1848), Классовскимъ (1869), Коссовичемъ (De Hor. Vars. 1871, p. 69, который впрочемъ допускаетъ и другія системы; также „Горац. лир. разм." Варш. 1874, стр. 49 сл.), наконецъ Schmidt'омъ (Metr. s. 526). Это дѣленіе уже потому не можетъ быть принято, что всѣ оды Горація состоятъ изъ четверостишій. По этой же причинѣ нельзя принять планъ Quicherat 4+3+3 (l. c. p. 319 и 410); но онъ, принявъ два триметра, близко подошелъ къ истинѣ. Расположеніе C. W. Nauck'а (Од. и Эпод. 6 изд. 1868, стр. 9) 2+2+4+2, что не прочь допустить и Коссовичъ (Гор. разм. 49), должно быть устранено, какъ произвольное. Дважды упомянутый Коссовичъ соглашается въ своихъ комично-ученыхъ трудахъ превратить каждую строфу и въ двустишіе (т. е. 5+5), хотя [illegible]

XVII. 2. Stropha Asclēpiadēa tertia (по другимъ quarta, см. прим. къ № XII). Первому періоду изъ двухъ меньшихъ асклепіадеевъ противополагается второй изъ 2-хъ ферекратея и 2-го каталектнаго гликонея (7 разъ у Горація: I, 5. 14. 21. 23; III, 7. 13; IV, 13).

—>|—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Ō nāvis referēnt ‖ in mare / tē novī ‖
—>|—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Fluctus! / Ō quid agis? ‖ Fortiter / occupā ‖
—>|—⏑⏑|—⏑‖ Portum! Nōnne vidēs, ut
—>|—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Nūdum / rēmigiō latus... ‖ (Hor. Od. I, 14).

Эта строфа разнообразнѣе предыдущей, ибо состоитъ не изъ 2-хъ, а изъ 3-хъ различныхъ стиховъ, да и самые стихи больше отличаются другъ отъ друга (впрочемъ ферекратей можно принять за падающую тетраподію вмѣстѣ со Шмидтомъ и Кристомъ, т. е. за падающій гликоней, по терминологіи перваго, или за ферекратей по обозначенію второго; но мы здѣсь, какъ и въ другихъ подобнаго рода случаяхъ, пока не отступаемъ отъ старого обозначенія; ср. §23, n° 12 и §30, № XI). За убѣдительностью двухъ асклепіадеевъ 1-го періода, бѣглый ферекратей 2-го періода, соотвѣтствующій первой половинѣ асклепіадеевъ, живо воспринявъ ихъ мелодію, передаетъ продолженіе ея болѣе спокойному слѣдующему стиху, который такъ развиваетъ ее, что повторяетъ конецъ стиховъ перваго періода и тѣмъ прекрасно и успокоительно объединяетъ и заканчиваетъ строфу. Характеръ (ἦθος) довольно сходенъ съ характеромъ второй асклепіадовой строфы, но меньше настойчивости, больше оживленности. Въ одахъ выражаются увѣщанія, предостереженія и т. п. (Была эта строфа и у Алкэя, но отъ него сохранились только два послѣдніе стиха одной строфы).

XVIII. 3. Stropha Alcaica. За 1-мъ періодомъ изъ повтореннаго 11-сложнаго алкэева стиха слѣдуетъ второй періодъ изъ 9-и 10-сложныхъ алкэевыхъ стиховъ (см. §15, n° 12. 17 и 18. — У Горація въ 37 одахъ: I, 9. 16. 17. 26. 27. 29. 31. 34. 35. 37; II, 1. 3. 5. 7. 9. 11. 13. 14. 15. 17. 19. 20; III, 1. 2. 3. 4. 5. 6. 17. 21. 23. 26. 29; IV, 4. 9. 14. 15. За тѣмъ она встрѣчается только одинъ разъ у одного изъ римскихъ поэтовъ, П. Папинія Стація въ 1-мъ в. по Р. X.: Silvae IV, 5).

(⏑̄): —⏑|—(⏑̄)‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Vidēs, ut / altā / stet nive / candidum ‖
(⏑̄): —⏑|—(⏑̄)‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Sōracte, / nec jam / sustineant onus ‖
(⏑̄): —⏑|—>|—⏑|—⏑‖ Silvae labōrantēs geluque ‖
—⏑⏑|—⏑⏑|—⏑|—⏑‖ Flūmina / constiterint acūtō. ‖ (Hor. Od. I, 9).

Строфою этою часто пользовался Алкэй, рѣдко Сапфо, а потомъ почти не попадается

2-ой строфы пришлось отторгнуть que отъ слова (operōsae-que Minervae). Перечень неправильныхъ и произвольныхъ манипуляцій съ этою одою заключимъ указаніемъ на то, что нѣкоторые или вовсе не признавали отдѣльныхъ стиховъ въ ней, или, что почти тоже, объявляли ее изъ одного цѣлую строфу. Прародители этой теоріи восходятъ также до римскихъ временъ. Такъ Сервій (см. Gr. lat. ed. K. vol. IV, p. 471) увѣряетъ, что здѣсь metrum „nōn numerō pedum, sed sensūs fīne conclūditur, atque ideō ā multīs synaphia potius nōminātur" (но для образца приводитъ principium изъ 3-хъ тактовъ); но чтобы и Діомедъ былъ того же мнѣнія, или чтобы признавалъ цѣлую строфу за стихъ, какъ увѣряетъ Кристъ (Metr. 526), то это ниоткуда не видно. Напротивъ, изъ выраженія Діомеда „per singulōs versūs scanditur" (Gr. l. ed. K. I, 525), подкрѣпляемаго примѣромъ „Miserārum est neque amōrī dare lūdum" (ср. 510) ясно, что онъ первый стихъ представляетъ въ видѣ триметра, каковую ошибку усугубляетъ другою, будто бы вся ода состоитъ изъ триметровъ (что физически невозможно; прямо онъ этого не говоритъ, но слова его имѣютъ такой смыслъ, въ чемъ убѣдится всякій, сличитъ это выраженіе съ таковымъ же на стр. 526, строк. 28 и стр. 529, строк. 20). Въ новѣйшее время провозгласили строфу стихомъ вслѣдъ за Лахманомъ (Ztft. f. Alt. 1845; цитату беру у Мюллера) Л. Мюллеръ (Dē rē metr. p. 118. и Hor. opp. pp. XXXI sq., LXXIII, LXXVIII, 65) и В. Кристъ (Pind. Od. 32; привожу по Шмидту, Kunstf. d. gr. poesie III, 34 f.), такъ неудачно искавшій себѣ поддержки у Діомеда (скорѣе ему слѣдовало бы указать на Сервія). Сверхъ того Л. Мюллеру „кажется", что послѣ каждаго 4-го и 8-го такта есть цэзура, которую онъ и обозначилъ черточками (Hor. p. XXXII и 65). Если эта цэзура должна имѣть какой нибудь смыслъ, то она можетъ означать только, что его

больше у Грековъ. Въ анакрусѣ и особенно во 2-мъ тактѣ у Горація очень рѣдко встрѣчается короткій слогъ (въ анакрусѣ 634 алкаевыхъ пентаподій 17 разъ и 317 тетраподій — 10 разъ; во 2-мъ тактѣ пентаподій только 6 разъ, а въ тетраподіи — ни разу; у Стація во всѣхъ этихъ мѣстахъ долгота), хотя у Алкая онъ былъ нерѣдко; въ 11-сложныхъ стихахъ Горацій почти вездѣ установилъ діэресь передъ кикловыми дактилями (кромѣ двухъ стиховъ, гдѣ она послѣ дактила, I, 37, 14; IV, 14, 17; въ 3-хъ стихахъ она соединена съ тмесисомъ сложнаго слова: I, 16, 21: ex-ercitus; 37, 5 dē-prōmere; II, 17, 31: in-crēdibili), хотя и ея Греки вовсе не считали необходимою; даже короткіе 9-сложные у Горація б. ч. снабжены инцизіею послѣ 3-ей арсиса. Два раза встрѣчается синалоэфа между 3-мъ и 4-мъ стихами (II, 3, 27; III, 29, 35).

Алкаевъ hendecasyllabus отличается отъ Сапфика только анакрусою и каталексисомъ, а чрезъ то большею живостью и силою и какъ бы меньшимъ самообладаніемъ (нѣтъ той симметричности); анакрусы при трехъ стихахъ и два кикловыхъ дактила въ 4-мъ придаютъ строфѣ много оживленности и энергіи. Уславнаго римскаго лирика это лучшая, самая разнообразная и самая любимая имъ строфа; въ ней послѣ того какъ мелодія перваго стиха закрѣпилась повтореніемъ, 3-й живо пополняетъ и развиваетъ первую половину 1-го и 2-го стиховъ, а 4-й, начавъ порывисто развивать вторую половину ихъ, скоро остепеняется, даетъ 2-мя хореями весьма живой строфѣ необходимое успокоеніе и тѣмъ отлично вѣнчаетъ мелодію. Разнообразіе, подвижность, свѣжесть и полнота силъ и образцовая эвритмично-музыкальная законченность составляютъ отличительный характеръ этой строфы; съ ея формою обыкновенно находится въ гармоніи и содержаніе. Она удобна для выраженія ободреній, побужденій, настойчивости и т. п.

§ 31. г) 5-стишная строфа.

XIX. Stropha Glyconia pentacolos — изъ 4-хъ каталектныхъ вторыхъ гликонеевъ, заключаемыхъ въ видѣ эпода 2-мъ ферекратеемъ. Два періода: 1-й изъ 3 гликонеевъ, 2-й — изъ гликонея и ферекратея (у Горація нѣтъ; у Катулла 1 разъ).

–(>)◡ | –◡◡ | –◡ | –∧ ‖	Collis ō Helicōnii ‖
–(>)◡ | –◡◡ | –◡ | –∧ ‖	Cultor, Ūraniae genus, ‖
–(>)◡ | –◡◡ | –◡ | –∧ ‖	Quī rapis teneram ad virum ‖
–(>)◡ | –◡◡ | –◡ | –∧ ‖	Virginem, ō Hymenaee Hymēn, ‖
–>◡ | –◡◡ | –◡ ‖	Ō Hymēn Hymenaee! ‖ (Cat. 61).

Въ 230 сохранившихся стихахъ (нѣсколько ихъ погибло) этого epithalamii (свадебной пѣсни) только 13 разъ допущена ирраціональная долгота въ арсисѣ (123. 125. 129. 130. 132. 138. 172. 178. 201. 204. 205. 212. 231. по изд. Лук. Мюллера Catulli, Tib., Prop. Carmina, etc. Lps. 1874) и

громадный 60-мѣрный „versus", названный имъ „decametrum iōnicum" (т. е. цѣлая строфа), состоитъ изъ 3-хъ колъ (4+4+2), т. е. изъ тѣхъ самыхъ, которые у Бентли и его послѣдователей, какъ мы показали, были отдѣльными стихами. Но это значитъ ухудшать дѣло, ибо 1) 60-мѣрный стихъ есть monstrum horrendum, 2) іоническія кола или ordines (у М., какъ и вообще у старыхъ метриковъ, слова ordō и caesūra не имѣютъ никакого смысла) не могутъ состоять болѣе чѣмъ изъ 3-хъ тактовъ (см. § 10). В. Христъ послѣ сильныхъ возраженій Шмидта (Kunstf. III, 35), молча отказавшись отъ прежняго мнѣнія, провозгласилъ дѣленіе на 4+4+2 въ своей Метрикѣ (s. 526) несомнѣннымъ, т. е. возвратился къ произвольному (willkürlich называетъ оное и Zumpt, Lat. gr. § 853; ср. Gossrau § 528) Бентли-германскому дробленію, и повидимому счелъ тетраметры за одноколные стихи, хотя раньше (стр. 515) высказалъ много недоумѣній относительно іоническихъ колъ, строфъ и т. п., при чемъ усомнился даже въ томъ, чтобы іоническія кола могли быть длиннѣе двухъ тактовъ. Наконецъ такая схема уничтожаетъ „четверостишность", которую, какъ намъ кажется, теперь, послѣ Мейнеке, Лахмана и пр., обязательно признавать у Горація. Имѣя въ виду, что при этомъ условіи возможно только одно стройное, эвритмичное и ненасильственное дѣленіе строфы, именно 2+2+3+3 (ибо 2+2+4+2 мы уже устранили, а всякой другой способъ разсѣчетъ слова въ какой-нибудь строфѣ), мы признаемъ единственно-правильною схему Вестфаля и Россбаха (I, 498. 609. 667. II, 152; ср. также I, 665; II, 27. 154. 264. 267), которымъ послѣдовали O. Keller и A. Holder (Hor. opp. Vol. I, p. 121), Schmidt (Ltfd. 110; Kunstf. II, 388; III, 35), Schiller (Versm. 14). Еще подтвержденія: 1) Псевдо-Цензоринъ дважды приводитъ послѣдній стихъ строфы, какъ 3-метръ (Gr. lat. K. vol. VI, pp. 613. 616); слѣд. и 3-й стихъ есть 3-метръ, а первые 2 стиха не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ диметрами. Его слова имѣютъ вѣсъ (въ немъ „satis multa indicia veteris doctrinae", говоритъ Keil (Gr. l. VI, 606); ante Iubam metricum fuit: ibid. 607). 2) Авторъ Пасифаи, подражая Горацію, сочинилъ три-метры. 3) Большая симметричность строя и смысла (см. Quicherat, l. c. 410). 4) 1-й 4-метръ у 2-хъ = 2 диметрамъ.

тѣмъ рѣзко отличаются отъ горацiевыхъ; синафеи нѣтъ ни разу; 1 разъ въ ферекратеѣ дактиль замѣненъ спондеемъ: nūtriunt ūmōre (v. 25; подобное въ гликонеяхъ встрѣчается только у Сенеки); 1 разъ два стиха (1й со 2мъ) какъ бы связаны въ одномъ словомъ A-runculēja (82 sq.). Зiянiе и syllaba anceps въ концѣ стиховъ попадаются весьма рѣдко (см. примѣч.). Характеръ этой строфы почти таковъ же, какъ и 4-кольной (см. № XV), только, чтобы дать болѣе простора и свободы живому и игривому изліянiю чувства прибавленъ еще одинъ гликоней; а такъ какъ при томъ онъ въ соединенiи съ ферекратеемъ составляетъ второй, какъ бы отвѣтный, перiодъ, то строфѣ придано болѣе жизни и расчлененности. Строфы изъ нѣсколькихъ гликонеевъ съ ферекратеемъ были уже у Алкмана и другихъ древнихъ лириковъ, далѣе у драматиковъ, но въ особенности у Анакреонта. — Тицида, римскiй элегикъ, сравненный Овидiю, также сочинялъ эпиталамiи подобное катулловому, что видно изъ двухъ сохранившихся стиховъ конца одной строфы (гликоней съ ферекратеемъ: Felix lectule talibus // Sole amōribus (Priscian. V, 71. ed. Hertz, vol. I, p. 189).

Прим. Внѣшнимъ признакомъ того, что каждая строфа Катулла дѣлится на два перiода служитъ то, что 3е коло больше отдѣлено отъ 4го, чѣмъ вообще здѣсь одно коло отъ другаго. Такъ между 3-мъ и 4-мъ встрѣчаются 5 разъ syllaba anceps и 6 разъ зiянiе, синалоефы же нѣтъ ни разу; впрочемъ изъ этихъ 11 случаевъ 10 находятся передъ восклицанiемъ Ō и только 1 разъ (219 sq.) при иномъ условiи: ...omnibus // Et... Съ другой стороны, между 1 и 2, 2 и 3-мъ колами не только нѣтъ ни разу syll. anc. или зiянiя (ибо два случая, бывшiя въ старыхъ изданiяхъ, v. 46 sq. и 188 sq., теперь устранены), но напротивъ 5 разъ они тѣсно связаны, именно 2 раза 1е со 2-мъ (marīte // Uxor, 187 sq. и Arunculēja 82 sq.) и 3 раза 2ое съ 3-мъ (118 sq., 138 sq., 143 sq.). — Также и 5е съ 4-мъ сцѣпленъ одинъ разъ синалоефою (230 sq.); правда между ними есть 11 разъ зiянiе, но всегда только между восклицанiями iō // Ō. Словомъ, если исключить всѣ случаи передъ этимъ „Ō Hymēn", то окажется, что между 3-мъ и 4-мъ есть 1 разъ syllaba anceps и ни разу нѣтъ сближенiя, а между первыми тремя стихами вовсе нѣтъ разъединенiя и есть 4 раза сцѣпленiе; также 4е и 5е стихи одинъ разъ сближены и ни разу не раздѣлены. Съ другой стороны, эти кола перiода далеко не настолько связаны между собою, чтобы можно было считать перiодъ за стихъ, а слѣд. совсѣмъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы представлять себѣ цѣлую строфу стихомъ (1).

(1) Такъ заблагоразсудилось представлять ее Вестфалю (II, 771). Противъ этой попытки сдѣлаемъ еще слѣдующiя замѣчанiя: 1) Строфа должна состоять не менѣе чѣмъ изъ двухъ стиховъ (§ 14; ср. Schmidt, Kunstf. II, 375 ff.; III, 115 ff.). 2) Приписыванiе древнимъ авторамъ стиховъ громадной величины не имѣетъ рацiональнаго основанiя, да и для насъ совсѣмъ неудобно. Древнiе метрики опредѣляютъ крайнюю величину стиха въ 30-32 моры (хотя есть и исключенiя). Г. Германъ (El. d. m. p. 666 и Ep. d. m. 3 ed. p. 23), Christ (Metr. 162) и особенно Шмидтъ (Leitf. и Kunstf. passim) основательно устраняютъ паузу изъ середины стиха и потому категорично требуютъ, чтобы стихъ заключалъ въ себѣ не больше словъ, чѣмъ можно удобно произнести безъ паузы, „uno spiritu". А между тѣмъ этотъ вестфалевскiй стихъ немногимъ лучше вышеупомянутаго Мюллеровскаго стиха изъ 10 iониковъ. 3) Даже члены каждаго изъ указанныхъ перiодовъ этой строфы не слѣдуетъ соединять въ одинъ стихъ, какъ кола его (къ чему склоняется В. Христъ, стр. 543: zwei gruppen, verse wenn man so will), а правильнѣе считать ихъ за отдѣльные стихи. Дѣло въ томъ, что если строфа состоитъ изъ короткихъ логаэдическихъ стиховъ, то эти послѣднiе тѣснѣе связываются между собою, чѣмъ другiе стихи, т. е. избѣгаются между ними зiянiе и syllaba anceps (ср. Schmidt, Kunstf. IV, 335). Это понятно, если принять во вниманiе, что такiе стихи не представляютъ собою самостоятельныхъ единицъ, а служатъ только членами строфъ, что прибѣгать къ паузѣ, послѣ каждаго изъ такихъ стишковъ, для заглаживанiя зiянiя и syllabae ancipitis было бы совсѣмъ неудобно и не соотвѣтствовало бы смыслу и мѣшало бы пѣнiю

§ 32. Б. Системы.

Лирическая система, состоя, по нашему опредѣленію, изъ повторяющихся одинаковыхъ стиховъ (см. §§ 8 и 12), какъ въ речитативномъ типѣ, лишены разнообразія и округленной законченности, свойственныхъ строфамъ. При простомъ чтеніи трудно даже и почувствовать, что нѣсколько стиховъ составляютъ одно ритмичное цѣлое, особенно если конецъ этого періода не отдѣленъ интерпункціею; законченность, слѣдовательно, можетъ быть дана системѣ только при положеніи на музыку: тогда, напримѣръ въ четверостишіяхъ, мелодія перваго стиха, продолжаясь черезъ второй, находитъ себѣ анафору или антиѳесъ въ 3-мъ и 4-мъ; въ такомъ случаѣ 1) каждые два стиха составляютъ одну группу или одинъ періодъ (который, въ свою очередь, можетъ состоять изъ 2-хъ подперіодовъ, т. е. сложныхъ стиховъ); 2) первый стихъ соотвѣтствуетъ 3-му, а 2-й — 4-му (подобно той респонзіи, которая въ нашихъ стихахъ обозначается рифмою); или мелодія перваго стиха можетъ продолжаться и развиваться по всѣмъ стихамъ системы; но во всякомъ случаѣ мелодія заканчивается съ концомъ послѣдняго стиха системы и тѣмъ даетъ ясныя для слуха единство и цѣлость (Если бы подъ ту-же музыку происходилъ и танецъ, то его отдѣлы совпадали бы съ концомъ системы, точно также какъ совпадаютъ со строфами).

Укажемъ на двѣ слѣдующія 4-стишныя системы:

XX. 1. <u>Systema Asclepiadeum minus</u> (у иныхъ Stropha Asclepiadea prima; см. примѣч. къ № XII) изъ четырехъ меньшихъ асклепіадовыхъ стиховъ (3 раза у <u>Горація</u>: Од. I, 1; III, 30; IV, 8). Для чтенія періодъ палинодный изъ 4-хъ подперіодовъ (a–b, a–b, a–b, a–b), но мелодія (какъ только что пояснено) можетъ быть и иная:

–>|–∪∪|–‖–∪∪|–∪|–∧‖   Exēgī monumentum ‖ aere perennius, ‖
–>|–∪∪|–‖–∪∪|–∪|–∧‖   Rēgālīque sitū ‖ pyramidum altius: ‖
–>|–∪∪|–‖–∪∪|–∪|–∧‖   Quod nōn imber edāx ‖ nōn aquilō impotēns ‖
–>|–∪∪|–‖–∪∪|–∪|–∧‖   Possit dīruere aut ‖ innumerābilis. (<u>Hor. Od. III, 30</u>).

(а всѣ лирическія формы выработаны пѣніемъ), и наконецъ потому, что при пѣніи короткихъ стиховъ не всегда можно легко различить, пропѣты ли два одноколныхъ стиха или одинъ двуколный съ діэресью. Не должно впрочемъ думать, что здѣсь дѣло идетъ только о способѣ написанія (хотя и этотъ вопросъ все таки требуетъ разрѣшенія): если принять всю строфу или каждый изъ ея двухъ періодовъ за стихъ, то мы имѣли бы право дѣлать паузу только въ концѣ строфы или періода, что часто было бы трудно или даже невозможно, да и почти всегда неудобно (какъ на образчикъ того, до какихъ абсурдовъ могутъ доходить ученые, можно указать на то, что <u>В. Христъ</u> нѣкогда приписалъ было <u>Пиндару</u> стихъ въ 32 пэона + 8 хореевъ = <u>184 моры</u>! См. <u>Schmidt</u>'s Kunstf. III, 35 f., который по праву принимаетъ тамъ 9 стиховъ); если, напротивъ, признаемъ каждое коло за самостоятельный стихъ, то имѣемъ право останавливаться послѣ каждаго изъ нихъ, <u>если найдемъ то нужнымъ</u>. Но вслѣдствіе близкой связи между этими стихами, мы часто не только не будемъ дѣлать произвольной остановки послѣ каждаго изъ нихъ, но и замѣнимъ означенную въ схемахъ <u>ритмичную</u> паузу тоною. Что стишки подобныхъ строфъ тѣсные связаны между собою, это замѣтилъ уже <u>Г. Германнъ</u>, назвавшій ихъ <u>versūs nexī</u>, въ противоположность другимъ <u>versūs sēminexī</u> и <u>nōn nexī</u> (см. Elem. 666 sqq., 705; Epit. 3 ed. p. 238 и 261, и въ частности объ этой строфѣ <u>Кауфла El. 522</u>). Что <u>рѣдкіе</u> случаи синалоэфы, при такихъ условіяхъ, весьма понятны и нисколько не говорятъ противъ признанія каждаго колона за отдѣльный стихъ, можно видѣть хоть изъ того, что она встрѣчается и между алкаевыми и сапфиными пентаподіями (см. №№ XVIII и XIV), даже между дактилическими гексаметрами (§ 16. д), иногда и въ другихъ случаяхъ, напр. между тетраподіями (см. у <u>Шмидта</u>, Kunstf. IV, 384 f.). Незначительная величина кола также не свидѣтельствуетъ противъ его самостоятельности. Это видно уже изъ того, что syllaba anceps и зіяніе иногда заканчиваютъ какъ

Одушевленная торжественность, спокойно и серiозно проводимая до конца, высказывается въ одахъ, составленныхъ изъ этихъ системъ. Въ нихъ Горацiй говоритъ о своемъ призванiи какъ поэта, о значенiи своей творческой дѣятельности, и посвящаетъ свои произведенiя Мäцēнāту.

Прим. Первая горацiева ода (Maecēnās atavīs ēdite rēgibus), кажется, была первоначально сочинена безъ двухъ первыхъ и двухъ последнихъ стиховъ; такъ можно думать, во первыхъ, потому, что они не находятся ни въ какой связи съ содержанiемъ оды; во-вторыхъ, потому, что безъ нихъ ода несравненно лучше дѣлится на четырехстишныя системы. Можно думать, что эти четыре стиха, заключающiе въ себѣ обращенiе къ Мäцēнāту, присочинены потомъ позднѣе, когда онъ отправлялъ своему „potentī amīcō" первую книгу одъ (подобныя мнѣнiя высказали уже G. Hermann. Ep. d. m. p. 243, ссылающiйся на свое разсужденiе объ этой одѣ, и C. W. Nauck, въ изданiи Горацiя, стр. 17, совсѣмъ однако не упоминающiй о Германнѣ. Въ этомъ послѣднемъ изданiи дѣйствительно отдѣлены четыре упомянутые стиха, а все остальное разбито на четверостишiя).

XXI. 2. Systēma Asclepiadēum mājus (по нѣкоторымъ Strophа Asclepiadēa qvinta) изъ четырехъ большихъ асклепiадовыхъ стиховъ, а этотъ стихъ есть ничто иное, какъ меньшiй асклепiадей съ помѣщеннымъ между его кōлами каталектнымъ адōнiемъ, слѣд. стихъ 3-кōльный съ дiäресями между кōлами (3 раза у Горацiя: Од. I, 11. 18; IV, 10. Стихъ этотъ есть 1 разъ у Катулла, 30; далѣе у Прӯденцiя и у Теренцiāна Мавра). Hor. Od. I, 11:

—>|—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Tū nē|qvaesie|ris‖-scīre nefās-‖qvem mihi|qvem tibi‖
—>|—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Fīnem|dī dede|rint,‖Leuconoē‖nec baby|lonios‖
—>|—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Tentā|ris numerōs.‖Ut melius‖qvidqvid erit pati:‖
—>|—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—‖—⏑⏑|—⏑|—∧‖ Seu plū|rēs hiemēs‖seu tribuit‖Juppiter|ultimam...‖

отдѣльные гликонеи, такъ и другiя столь же короткiя кола. См., напримѣръ гликонеи Софокла и Эврипида, приведенные Кристомъ, стр. 545 сл. (напр. Софокла, Oed. R. 1202 sq.: ἐξ οὗ καὶ βασιλεὺς καλεῖ|ἐμὸς и т. д.); ср. также хорейныя триподiи или тетраподiи Анакрéонта 38. у Шмидта Lttfad. 118, Knstf. IV, 470, гдѣ каждый стихъ безразлично заканчивается то долгимъ то короткимъ слогомъ. Можно замѣтить, что, чѣмъ позднѣе, тѣмъ большую независимость прiобрѣтали эти стихи, а у позднѣйшихъ писателей — Сéнеки, Теренцiāна Мавра (см. о немъ § 25, стр. 28), Прӯденцiя — получили и полную самостоятельность. — Словомъ, въ этихъ строфахъ Катулла возможно допустить дѣленiе и на 5 и на 2 стиха; но такъ какъ первый способъ имѣетъ значительно болѣе доводовъ за себя, болѣе согласенъ съ тѣмъ, который позднѣе окончательно установился въ древности; соотвѣтствуетъ обычному у насъ распредѣленiю новыхъ стиховъ и вообще удобнѣе, — то мы отдаемъ ему предпочтенiе, дѣлая впрочемъ замѣтнымъ и на письмѣ, что строфа раздѣлена на два перiода. Въ сущности того-же мнѣнiя (на сколько возможна тожественность при общемъ различiи нашего, такъ сказать, метрическаго мiросозерцанiя) Л. Мюллеръ (Dē rē metr. p. 117, Cat., Tib. etc. p. LXXI sq., 28 sqq., который опирается на Лахмана и Haupt'а) и Christ (Metr. 543 f.). По тѣмъ же причинамъ мы сочувствуемъ и Шмидту, который вездѣ, гдѣ было можно, принималъ гликонеи и т. п. за отдѣльные стихи; напр. гликонеи у Эврипида Hipp. 63 sqq. (см. Kunstf. III, CCXLVI), хорейныя тетраподiи по 8 въ строфѣ и антистрофѣ у Эврип. Phoen. 239-246 и 250-257 (Kstf. III, CIII, DII; ср. том. IV, стр. 374), гдѣ между 16 стихами только 1 разъ встрѣчается syllaba anceps (νέφος‖ Ἀεπίδαν). Ср. нашу выноску къ № XV.

Каждый большой асклепіадей представляетъ мезодный періодъ (§14) (a. b. a), а такъ какъ онъ повторяется, то системою образуется періодъ мезодно-палинодный (при положеніи на музыку можетъ возникнуть и антиѳетичное распредѣленіе членовъ; см. начало этого §). У Горація, Прудєнція и Теренціана всегда діэресь, которая 1 разъ соединена у Горація съ тмесисью слова (въ per-lūcidior I, 18, 6); но у Катулла, какъ и у Грековъ, начиная съ Алкэя, Сапфо (у которой вся 3ья книга состояла изъ такихъ стиховъ) и Симонида и заканчивая поэтами александрійской эпохи (Ѳеокрита, Каллимаха, Фалэка, Асклепіада), этотъ стихъ могъ быть и безъ діэресей, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго стиха Катулла: indūcēns in amōrem, quasi tūta omnia mī forent // (30, 8). - 1й тактъ этого стиха встрѣчается у Грековъ съ тѣми же варіаціями, какъ и въ меньшемъ асклепіадеѣ (см. № XII), но у Римлянъ здѣсь всегда (ирраці.) спондей. У Катулла система эта состоитъ, вѣроятно, изъ двустишій. Такъ заключаемъ и изъ того, что каждое двустишіе у него представляетъ законченность смысла, и изъ того, что онъ подражалъ Сапфо, у которой вообще стихотворенія большею частью состояли изъ двустишій; Горацій же, преимущественно слѣдуя Алкэю, всѣ оды раздѣлилъ на 4-стишія.

Оживленная серіозность меньшаго асклепіадея (см. поясненіе къ № XII) здѣсь пріобрѣтаетъ болѣе возвышенной энергіи вслѣдствіе удлиненія стиха и новой тоны; но съ другой стороны она болѣе и оживляется появленіемъ новаго дактила кикловаго, а частая встрѣча оживляющихъ дактиловъ съ упирающими синкопами, при краткости колъ, особенно центральнаго, даетъ стиху какой-то неровный характеръ, что такъ хорошо идетъ къ шуткѣ. Юмористично-возвышенная внушительность — вотъ характеръ этой системы, которою съ комичною серіозностью Горацій внушаетъ не заботясь о завтрашнемъ днѣ, не садить никакого дерева прежде священной лозы и т. п., а Катуллъ упрекаетъ игриво друга въ забывчивости.

Прим. 1. Сохранился первый стихъ одного алкэева стихотворенія, послужившаго и по формѣ и по содержанію, первообразомъ для гораціевой оды 18ой кн. 1ой (Nullam, Vāre, sacrā / vīte prius / sēveris arborem), имн.: Μηδὲν ἄλλο φυτεύσῃς πρότερον δένδριον ἀμπέλω.

Прим. 2. Кромѣ указанныхъ было и многія другія системы. Но такъ какъ, съ одной стороны, погибла мелодія тѣхъ, которыя назначались для пѣнія, а съ другой, рукописи дошли до насъ въ болѣе или менѣе позднѣйшихъ и испорченныхъ спискахъ, то мы часто не можемъ рѣшить, дѣлилось ли извѣстное произведеніе на системы или нѣтъ, и если дѣлилось, то какъ. Вопросъ разрѣшается болѣе или менѣе удовлетворительно тогда, когда есть внѣшній признакъ дѣленія. Такъ у Катулла въ Epithalamium Pelei et Thetidos (LXIV, vv. 323-381, ed. M.) есть системы изъ гексаметровъ, въ пѣснѣ Парокъ, явственно отдѣляемыя одна отъ другой, ибо каждая заканчивается съ припѣвомъ: Currite dūcentes subtegmina, currite, fūsi!

Но, вѣроятно, дошло до насъ это мѣсто Катулла, какъ и многія другія, въ испорченномъ видѣ, ибо системы изъ различнаго числа стиховъ безпорядочно слѣдуютъ одна за другою (по изд. Л. Мюллера 6 пятистишій, 4 четырехстишія и 2 шестистишія; по другимъ иначе, такъ что есть и 3-стишія)(1). За 4-стишную систему изъ ямбическихъ триметровъ нужно, по нашему мнѣнію, признать слѣдующее стихотвореніе Катулла (52), которое начинается и заканчивается въ видѣ проода и эпода однимъ и тѣмъ же стихомъ:

Quid est, Catulle? quid morāris ēmorī?
Sellā in curūlī Strūma Nōnius sedet,
Per consulātum pējerat Vatīnius:
Quid est, Catulle? quid morāris ēmorī?

§33. Перикопы.

Перикопою (περικοπή) называемъ мы группу строфъ или системъ составляющихъ одно ритмичное цѣлое. Хотя онѣ собственно составляютъ отличіе хоровой поэзіи Грековъ, которую мы пока исключили изъ нашего изложенія (§13); но такъ какъ у римскихъ лириковъ встрѣчается и въ этомъ отношеніи подражанія древне-греческимъ образцамъ, то считаемъ нужнымъ сказать о томъ нѣсколько словъ въ заключеніи нашего труда.

Перикопа преимущ. состояла изъ трехъ частей, или образовывала триаду (μέλος κατὰ τριάδα, ᾠδαὶ τριαδικαί): строфою, антистрофою и эподомъ. Возникновеніе этихъ группъ зависѣло первоначально отъ движеній хора: напримѣръ, хоръ, двигаясь вокругъ жертвенника справа, пѣлъ строфу; поворачиваясь влѣво, чтобы возвратиться на прежнее мѣсто, распѣвалъ составленную въ той же формѣ и съ тою же мелодіею антистрофу, и, въ заключеніе, стоя передъ жертвенникомъ или статуею бога, исполнялъ эподъ. Также и въ другихъ случаяхъ. Далѣе, съ раздѣленіемъ хора на 2 ½-хора строфа исполнялась однимъ полухоромъ, антистрофа другимъ, а эподъ или цѣлымъ хоромъ или корифеемъ. Движеніе хоровъ въ такомъ случаѣ не было необходимо. Но въ драмахъ хоръ обкн. соединялъ съ пѣснями разныя движенія.

Укажемъ на слѣдующіе образцы римскихъ перикопъ.

1) По плану 2ой олимп. оды Пиндара сочинилъ Горацій, вѣроятно въ 25 г. до Р.Х., рѣчь въ честь Августа, состоящій изъ 15 сапфиныхъ строфъ, изъ коихъ каждыя три явственно составляютъ одну перикопу. Сверхъ того 1ая перикопа есть какъ бы введеніе или проодъ, 5ая играетъ роль заключенія или эпода, 3 среднія - мезодъ. Вотъ начало (I, 12):

Строфа:	Антистрофа:	Эподъ:
Quem virum aut hērōa lyrā vel ācrī	Aut in umbrōsis Helicōnis ōrīs,	Arte māternā rapidōs morantem
Tībiā sūmis celebrāre, Cliō?	Aut super Pindō gelidōve in Haemō?	Flūminum lapsūs celerēsque ventōs,
Quem deum? Cūjus recinet jocōsa	Unde vōcālem temere insecūtae	Blandum et aurītās fidibus canōrīs
Nōmen imāgō	Orphea silvae,	Dūcere quercūs.

2) Три системы изъ гекзаметровъ составляютъ одну перикопу въ одномъ Carmen Nuptiāle Катулла (62), гдѣ каждая система, попеременно исполняемая то юношами, то дѣвушками, заканчивается припѣвомъ: „Hȳmēn ō Hymenaee, Hȳmēn ades ō Hymenaee!" Къ сожалѣнію, эта пѣснь дошла до насъ въ еще болѣе испорченномъ видѣ, чѣмъ вышеупомянутая въ Epith. Pel. et Thet., такъ что нельзя съ точностью раздѣлить ее на системы и перикопы. Первыя двѣ состоятъ изъ 5 стиховъ (съ припѣвомъ); остальныя изъ 6, 8, 9 и 11 (по изд. Л. М., а по инымъ изъ 3, 4, 6, 9, 10 и 18 стиховъ). Здѣсь во всякомъ случаѣ эподъ замѣтно обозначается тѣмъ, что онъ иной величины, какъ и у Пиндара.

3) Carmen saeculāre Горація, исполненный въ 17-мъ году до Р.Х. хорами изъ 3×9 мальчиковъ и такого же числа дѣвушекъ. Здѣсь уже иная экономія. Кажется, общепринятымъ стало мнѣніе (Steiner'а 1841), что первыя 2 и послѣднія 4 (т. е. 16-19) строфы пѣли обоими хорами; половину средней (9ой) строфы пѣли мальчики, вторую половину дѣвушки; наконецъ остальныя строфы исполнялись попеременно мальчиками и дѣвушками. Содержаніе также распадается на двѣ части: молитвы и надежды. Такимъ обр. здѣсь слѣдуетъ принять двѣ большія перикопы. Написано сапфиною строфою.(2)

(1) Такія же системы изъ нѣск. дакт. 6-метровъ и строфы изъ гексаметровъ съ триметрами есть и у греч. трагиковъ, напр. у Эврипида Suppl. 271-299, Trōes 595-602, Phoen. 787-825 (см. Schmidt, Kunstf. III, CCXXII f.; CDLXXVI; DXVI ff.). Уже у Гомера въ 24ой п. Иліады θρῆνος (пѣснь надъ покойникомъ) Андромахи, Гекабы и Елены явственно распадается на 3-стишныя системы (см. Christ, 608 f., Westphal, II, 274 ff.; 348 f.). Это очень похоже на санскр. шлоки, обкн. состоящія изъ двухъ 16-сложныхъ стиховъ. (2) Подробности объ этомъ carmen см. напр. въ Hor. opp. ed. Dillenburger, ed. 2, p. 295 sq. и особ. въ изданіи этого гимна съ обширнымъ русскимъ комментаріемъ г. Kieb. проф. А.К. Дёллена.

Нѣкоторыя добавленія и поправки (См. предвар. „послѣсловіе“).

NB. 1. Бо́льшая цифра означаетъ страницу, меньшая — строку, считая сверху, если не сказано „сн.“, т. е. снизу. Слова возлѣ цифръ означаютъ, какъ должно исправить мѣсто указанное. Далѣе „вм.“ значитъ „вмѣсто“; „д. б.“ = „должно быть“; „ч.“ или „чит.“ = „читайте“; „зач.“ = „зачеркнуть“; „по“ = „послѣ“; „прб.“ = „прибавить“; „кнц.“ = „въ концѣ“ или „къ концу“; „вкл.“ = „включить“; „вын.“ = „выноска“.

2. Совѣтую предварит. сдѣлать указанныя поправки и, для удобства, обозначить вверху первыхъ 56 страницъ I^ой части и 32^хъ — II^ой (какъ сдѣлано на прочихъ страниц.)

Часть I.

2, 5. прб. кнц.: и отдѣльно подъ назван. „О различіи организмовъ челов. язык.“ Спб. 1859. — Теперь (конецъ 1875 г.) выходитъ въ Берлинѣ новое изданіе подлинника съ обширнымъ и весьма цѣннымъ введеніемъ и примѣчаніями великаго лингвиста А. Ф. Потта.

12. по „статьи“ прб.: переводныя и оригинальныя; напр. А. А. Котляревскаго „Сравнит. языкознаніе“ т. II, вып. 3, 4-5. Вообще это изданіе заслуживаетъ полнаго вниманія и поддержки.

по 16. вкл.: H. Steinthal, Abriss der Sprachwissenschaft. 1^r Th. Die Sprache im allgemeinen. Berl. 1871.

27. кнц. прб. „подъ названіемъ: Grammaire comparée des langues indoeurop.... par M. Fr. Bopp, trad. et précédée d'introductions par M. Michel Bréal. Paris. 1866-72. — 4 voll.

по 28. вкл.: В. И. Шерцль. Сравнит. граммат. славянскихъ и другихъ родств. языковъ. I-II. Харьк. 1871-73.

по 30. Chaignet, Théorie de la déclinaison des noms en grec et en latin, d'après les princ. d. l. phil. comp. 1875.

37. „Григоревскаго“ и прб.: G. Curtius Das Verbum d. gr. Sprache. 1 Bd. Lpz. 1873 (Обзоръ сего въ Ж. М. Н. Пр. 1875, №: 12).

38. чит.: ... Sprache. 2 Bde. 2 aufl. 1869-72. Потомъ зач.: „я .... -35.“

по 39. вкл.: R. Westphal, Methodische gramm. d. gr. Spr. I. II. 1. - 1872. — Fr. Haase, Vorlesungen üb. latein. Sprachwiss., hrgg. v. Eckstein. - Bd. I, Lpz. 1874. — Dom. Pezzi Gramm. storico-comp. d. l. latina. Tor. 1872.

47. зач.: „вѣроятно также“ и „этой я еще не разсмотрѣлъ“. 48 кнц.: отчасти Müller-Lattmann'а (3 изд. 1872), Gossrau (Sprachlehre 1869. — Elem.-gr. 1871), Beaufils'а (Paris, 1873).

по 48 прм.: Ѳ. Буслаевъ, Истор. граммат. р. яз. 2 части. 3^е изд. М. 1868-9. — Е. Бѣлявскій Этимологія древняго црк.-слав. и р. языка. М. 1875. — Сверхъ того должно указать на „Класс. отд. Ж. М. Н. Пр.“

50. ч. „отдѣлъ II“ (вм. „гл. III“). 51.: „II отдѣла“ (вм. „III^ей главы“) и „отд. III съ пропусками“ (вм. „IV^ой главы“). 52. д. ч. „Отд. II“ (вм.: 3^ья глава). — Впрочемъ все это примѣчаніе теперь можно уничтожить.

Еще прибавить къ списку: Th. Mommsen, Die Unterital. Dialekte. Lpz. 1850. 4° (съ 20 табл.). Th. Aufrecht u. A. Kirchhoff. Die Umbr. Sprachdenkmäler. 2 Bde. 4° (съ 10 табл.). Berl. 1849-51. — (Ср. „Грамм.“ стран. 111). — Grammatici latini ex recensione Henr. Keilii. I-VI voll. (in 12 ptib.), Lps. 1856-1874. Лишь нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ и другихъ, неупоминаемыхъ здѣсь, сочиненій могли мнѣ служить при составленіи моего труда (т. е. до половины 1872 г.); нѣкоторыми же я воспользовался при составленіи „дополненій и поправокъ“; остальныя или вышли въ свѣтъ или стали мнѣ извѣстны лишь послѣ того, какъ перечень дополненій былъ оконченъ.

4, 4. по „образованія“ сдѣлать выноску (+): См. мои статьи: „О классич. образованіи вообще и по отношенію къ Россіи въ особенности“ въ Цирк. Кіев. уч. Окр. 1863 г. № 12 и 1864 г. №№ 1 и 2; „О саксонскихъ гимназіяхъ“ въ Журн. М. Н. Пр. 1866 г. № 11 и „О нашемъ класс. обр.“ въ Русск. В. 1871, № 4.

32. по „гоненія“ вкл.: (см. 2-ю главу въ упомянутой ст. „Р. Вѣстника“). 51. Нелѣпыя выходки противъ такого стремленія позволилъ себѣ „В. Модестовъ въ „Лекціяхъ“ ч. I, стр. 11 и ч. II, стр. 159. — Въ своемъ невѣжествѣ онъ приписалъ мнѣ стремленіе передѣлывать живой языкъ, что идетъ какъ разъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, къ чему стремлюсь, ибо хочу освободить языкъ отъ варварскихъ операцій невѣждъ. (Эти слова помѣстить въ видѣ выноски послѣ слова: „образомъ“). См. мое предисл. къ Бек-Фукверу „Игры“, что скоро выйдетъ.

5, 3. снизу прб.: См. также „Мысли о народной психологіи“ въ Фил. Зап. III, (1864), 89-102. Вотъ нѣсколько простѣйшихъ примѣровъ разногласія грамматики съ научною логикою и различія между „народными логиками“, выражающимися въ языкахъ: 1) въ лат. дерево является женщиною (haec arbor), въ нѣмецк. мущиною (der baum), въ греч. и въ слав. безполымъ существомъ (τὸ δένδρον, древо): логика ничего не знаетъ о полѣ неодушевленныхъ предметовъ. 2) „Bocchus cum peditibus .... aciem invādunt“ (Sall. Jug. 101), „Полканъ съ Барбосомъ лежа, грѣлись“ (Крыл.): логически „cum peditibus“ и „съ Барбосомъ“ суть такія же подлежащія, какъ и „Bocchus“ и „Полканъ“, а грамматически первыя суть только дополненія, при чемъ языкъ, допуская сказуемое во мн. ч., совершаетъ, такъ ск., логичную нелогичность, ибо поступаетъ непослѣдовательно; но можно было бы сказать и „invādit“ и „грѣлся“. Въ послѣднемъ случаѣ было бы согласно съ граммат., но не съ логикою, въ первомъ — наоборотъ. 3) „Лгать постыдно“, „mentīrī turpe est“, „il est honteux de mentir“, „es ist schändlich zu lügen“: въ русск. и лат. „лгать“ (mentīrī) есть подлежащее, тогда какъ во фр. и въ нѣм. оно есть дополненіе, а подлежащими оказываются лишенныя знаменательности слова il, es. 4) „Lego quinque librōs“, „читаю пять книгъ“: латинское выраженіе логичнѣе: оно считаетъ „librōs“ объектомъ дѣйствія, а „quinque“ есть опредѣленіе къ объекту; въ русск. наоборотъ: „пять“, т. е. чисто-формальное понятіе, сдѣлано дополненіемъ, т. е. какъ бы реальнымъ (п. вин.), а „книгъ“ оказывается къ нему опредѣленіемъ (п. род.). — 5) „Шуба грѣетъ“ грамматически правильно, но не логично, ибо въ научномъ смыслѣ ложно. — Даже многіе изъ тѣхъ, которые всячески пытались отождествить логику съ грамматикою, должны были сознаться, что во многихъ случаяхъ онѣ далеко не сходятся (См. напр. Conr. Hermann Philos. gr. 209-219; К. Т. Говоровъ въ Фил. Зап. II, 129 сл. и Син. стр. 90 (1 изд.).

Полную логич. систему въ граммат. видѣлъ Беккеръ въ извѣстномъ соч. „Organismus der Sprache", 2е изд. 1841 г., но его организмъ сокрушили Гейзе и Штейнталь, хотя они, особенно послѣдній, пошли дальше, чѣмъ слѣдуетъ, какъ будто вовсе не признавая за народомъ разсудочной дѣятельности. Опираясь на Беккера составили у насъ Ив. Давыдовъ „Опытъ общеср. граммат.", 2е изд. Спб. 1853, и Басистовъ „Систему Синт."

7, 11. сн. сдѣлать выноску: (××) Въ языкахъ полинезійскихъ, замѣчательныхъ своею, т. ск., дѣтскостью преобладаютъ гласные; весьма многія слова состоятъ изъ однихъ гласныхъ; напр. въ таитск. оаоа радость, иеие сѣять, іоа имя (Ср. Шерцль I, 122)

17. по „отрицаніе" прб.: „далекое и пр. (+×) Объ отрицаніи въ смыслѣ чего-то отдаленнаго см. Боппа и Бреаля въ Gramm. comp. II, 342 sqq. и III, XXXII sqq.)

26. чит.: къ живописному, наглядному наименованію его. (+××) (вын.): Предметъ получилъ много эпитетовъ, изъ коихъ одинъ одолѣвалъ „въ борьбѣ за существованіе" (M. Müller, l. c. I, 339 f.; II, 294). Образованіе словъ языка вполнѣ соотвѣтствуетъ созданію миѳолог. образовъ (см. напр. А. Н. Аѳанасьева „Сказка и миѳъ" въ Филол. Зап. III (1864), напр. объ облакахъ, стр. 52 и д.)

9, 13 сн. чит.: (см. §§ 9 и 20 и вообще отд. III). 1 сн. прб.: (мысль В. Гумбольдта).

10, 17 по „и т. д." вкл.: (+) У Софокла Oed. Tyr. 371. говорится: τυφλὸς τά τ' ὦτα τόν τε νοῦν τά τ' ὄμματα.

21. кнц. прб.: Наконецъ, считаемъ нужнымъ намекнуть, по крайней мѣрѣ, на слѣд. явленія: образованіе словъ производныхъ и сложныхъ (богъ, божій, божество, богословъ и т. д.); вліяніе другихъ языковъ (а) слова по образцу иностранныхъ, какъ богословъ; б) образованіе словъ изъ иностр. элементовъ: типографія; в) прямое заимствованіе: географія, текстъ, шрифтъ); обновленіе одряхлѣвшихъ и ослабѣвшихъ формъ (удвоеніе, вспом. глаг.).

11, 14 сн. прб.: 5) pater filium amat, 6) filium pater amat; также и по-русски"; а во фр. и т. д. — кнц.: (ср. Egger, Notions 116-128; 182 sq.). Но иногда и здѣсь создается въ раннюю эпоху новая граммат. форма; такъ въ ром. язз. въ XII в. fut. и condit., напр. фрц. je donnerai = donner ai = dōnāre habeō.

12, 18. кнц. прб.: за исключеніемъ развѣ языкоизслѣдователей. Хотя множество языковъ и даетъ жизни человѣчества болѣе разнообразія и картинности, но такое преимущество почти ничтожно въ сравненіи со вредомъ и невыгодами этого разнообразія. (+) (вын.) Изъ сказаннаго понятно, какъ мы должны смотрѣть на замыслы образовать малорусскій литерат. языкъ (я о томъ высказался въ ст. „О малор. литер. яз. и объ обученіи на немъ" въ Русск. Вѣстн. 1863, № 5, и въ другихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ 1863-64 годахъ въ Соврем. Лѣтоп., Моск. Вѣд. и Кіевск. Телегр.).

13, 8-11. д. б.: различаются восемь видовъ азбуки, подводимые подъ двѣ группы: этрусскую (съ саб., умбр., оск. и др.) и латинскую (съ фалискою); обѣ онѣ произошли изъ древне-кампанской или кумско-дорійской азбуки, ср. § 13] и чрезъ нихъ къ Зап. Европѣ, такъ и къ юго-вост. Славянамъ...

27. сл. д. б.: агглютинаціонные: главное понятіе выражено въ неизмѣняющемся корнѣ; но его... и т. д.

2-3 сн. неразборчиво вышедшія д. ч., дополнивъ, такъ: Лучшій опытъ такого рода есть Lepsius'a Standard Alphabet, Berl. 2е изд. 1863. О различныхъ видахъ письменности см. Шерцль, Ср. Гр. I, 1-18; Heyse Syst. 337-49. Образцы письменности арійскихъ племенъ см. въ Schleicher's Indog. Chrestom. — 18 финик.-грек.-итал. азбукъ у Mommsen'a Unterital. Dial., Lpz. 1850, taf. I. Очеркъ исторіи греко-итал. алфавитовъ см. у Моммзена l. l. 3-40 и въ Röm. Gesch. I, 208 и 214-222 (4 изд.) и статью Корссена въ Pauly's Real-Encycl. 2 aufl. v. Teuffel 1864, I, 798-805 (онъ въ греч. видитъ пять алфавитовъ). О греч. азбукѣ см. Kühner, Ausf. gramm. I, 39-45 (2е изд.). О 8 итал. алф. Corssen, Ausspr. I, 1-29 и II, 1001 f. и Dom. Pezzi Gramm. stor.-comp. 35-47. О лат. азбукѣ (сель) также у Модестова, Римск. Письм., 18 сл. — Ср. ниже, §§ 13. 44. 46 и 47.

1 сн. прб. труды русскихъ ученыхъ: Котляревскій, Фил. Зап. II, 159-74; Шерцль, Грамм. I, 18-118.

14, 1. сн. прб. кнц.: Ср. Champollion-Figeac, Égypte ancienne, Paris, 1869, pp. 211-228.

15, 10 сл. д. ч.: болѣе 5000 лѣтъ тому назадъ (+×) (вын.) Доказат. см. у Pictet, Les Origines II, 721-733. Есть индійскія астрономич. наблюденія, относящіяся къ 3102 г. до Р. Х. При этомъ должно принять во вниманіе какъ то, что, вѣроятно, прошли вѣка между переселеніемъ Арійцевъ въ Индію и тѣмъ временемъ, когда упомянутыя наблюденія были сдѣланы и записаны; такъ и то, что именно индійская отрасль нашего племени покинула первобытную родину позже б. ч. прочихъ.

18. по „ново-греческое)" прб.: (см. § 43) 20. по „умбрійское" прб.: (см. §§ 10 и 46).

20. кнц. прб.: (+×××) и вын.: Относительно кельтскаго мы отчасти послѣдовали Шлейхеру; но б. ч. относятъ его къ 3й отрасли (напр. E. Curtius, Gr. Gesch. 1857., I, 16) и думаютъ, что оно раньше прочихъ отдѣлилось отъ арійскаго корня. Вѣскія возраженія противъ мнѣнія Шлейхера, что кельтскій стоитъ къ италійскому ближе даже греческаго представилъ Corssen II, 457.

27 д. б.: остатки ихъ дравидскія племена въ Индіи, Финны въ Россіи, Баски въ Испаніи)

39. д. б.: fatar, кельт. (ирск.) athir, арм. hair. 40. д. б.: mutter, исл. mōdhir, ирск. māthir, арм. mair; лат. frāter, греч. φράτηρ и φράτωρ („братчикъ", членъ братства, т. е. рода, фратрьи), кр. bhrātā.

15, 5 сн. д. б.: bratis и уменьш. broter-ėlis, нѣм. bruder, гот. brothar, ирск. brāthir, арм. (сильно пострадало) e-ghbair (вм. *bghair, *brair), осет. a-rvade. Послѣдния два слова — примѣры крупной порчи.
4 сн. по „сходны" прб.: нѣкоторыя названія животныхъ, растеній,
2 сн. прб. Ernst Curtius, Gr. Gesch. I, 15-31 (1857). 1 сн. прб. Шерцль l. c. — Бальби насчитывает 860 языковъ.
16, 4. по „я" прб.: лат. viginti, грч. εἴκοσι и наше двадцать (см. § 34, 2) и мн. др.
5. по „происхожденію" прб.: лат. гл. do въ addo = грч. δίδωμι, да-ю (√da), а въ con-do = τίθημι, дѣю (√dha); нѣм. münze = mentha и moneta; франц. louer отъ laudare и locare; скр. pitar отецъ (зв. п.) а др.-в.-нѣм. горькій.
26. сл. д. ч.: и теперешние литовския нарѣчия сохраняютъ лучше другихъ яз. древнія формы.
33. д. ч.: и, вѣроятно, съ этрусскимъ. — Зач.: „же ... находятся" и сдѣл. ссылку на выноску: (×××) [См. ниже].
38. д. ч.: греч. (дор., др.-іон.) ἐγών, (äол.-лесб.) ἔγων и боот. ἱών; дат. jeg, англ. ai (пишется I), лит. až, арм. eb.
45. прб.: Въ 1874 г. стало выходить 3ье переработанное изданіе подъ названіемъ: Vergl. wörterbuch der indogermanischen sprachen. Вышли 1й и 3й т. въ 1874 г.
Кнц. стр. выноска (×××) къ строкѣ 33й: Языкъ этрусскій, отъ котораго сохранилось довольно много надписей, представляль до сихъ поръ загадку для филологовъ: они не только не ставили его въ тѣсную связь съ италійскими языками, но даже не находили въ немъ, какъ въ баскомъ языкѣ, сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ языковъ. Къ общему удивленію ученаго міра, Корссенъ издалъ въ послѣдніе два года сочиненіе (Üb. d. sprache der Etrusker. 2 bde, Lpz. 1874-75), въ которомъ доказываетъ, что языкъ этрусковъ относится къ италійской отрасли и слѣд. находится въ близкомъ родствѣ съ латинскимъ. Я еще не имѣлъ возможности приняться за изученіе этого огромнаго труда; но, на сколько могу судить, не могу отдѣлаться отъ мысли, что знаменитый авторъ хватилъ слишкомъ далеко. — Маленькое извлеченіе изъ этого сочиненія представлено В. Фрейндомъ въ „Triennium philologicum" II, 242 ff. (Это последнее изданіе, не смотря на многіе замѣченные много промахи и недостатки, могло бы быть рекомендовано, если бы оно вмѣсто того, чтобы оправдать свое назначеніе — zur wiederholung und selbstprüfung — не послужило, особенно у насъ, какъ можно предвидѣть, псевдоученымъ къ пусканію пыли въ глаза, и если бы не увеличило числа шарлатановъ. Вообще изданія Фр. больше вредны, ч. полезны).
17, 16. д. ч.: „Прибавл. 2е". 25. по „напр." прб.: s въ имен. п., m въ вин., d въ отлож. и т. д., и даже
31. прб.: Ed. Munk, Gesch. d. röm. Liter. Berl. 1858, I, 1-30; E. Curtius l. c.; Aug. Brachet, Grammaire historique de la langue française. Paris, 2me éd., pp. 13-86. — О греч. яз. см. § 43; объ итал. нарѣч. § 46.
32. (или 1 сн.) прб.: ср. однако рецензію Oct. Clason'а въ N. Jahrb. f. phil. u. päd. 1871 (heft 10), I, ss. 717-723, который въ заключеніи говоритъ: „von einem thatsächlichen gebrauch derselben [der schrift] in historischen denkmälern ... ist nichts bewiesen und berichtet ... Der eigentliche zweck dieser schrift ist also verfehlt. Если онъ за тѣмъ прибавляетъ, что „interesse hat sie jedoch wegen ihrer verschiedenen excurse", то этимъ рецензентъ заявляетъ только о себѣ, что онъ историкъ, а не филологъ. Филологъ нашелъ бы въ этихъ экскурсахъ интересными развѣ только доказательства ~~только~~ колоссальнаго невѣжества автора, которому неизвѣстна даже азбука филологич. науки (sinas изъ sines, Apollinerem и т. п.)
18, 10. по „позиціи" сдѣл. вын.: (+) Нельзя безъ грустной улыбки читать наивныя заявленія (Модестов, Лекц. I, 113 сл.) въ родѣ того, что Энній „вводитъ (!) во множествѣ случаевъ удвоеніе согласныхъ, устанавливая (!) этимъ т. н. долготу по положенію", или что „языкъ, чтобы приспособиться" къ гекзаметру, „долженъ былъ оставить нѣкоторыя формы" и даже „выработать новыя" и т. п.! Вообще объ Энніи высказанъ рядъ куріозовъ; въ разсказѣ чувствуется какъ бы лепетъ ребенка, пересказывающаго „своими словами" услышанныя хорошія рѣчи, въ которыхъ, на самомъ дѣлѣ, ничего не смыслитъ. Оказывается, что Энній почти сочинилъ языкъ для Римлянъ. На самомъ дѣлѣ, онъ спасъ только то, что еще можно было спасти, и упорядочилъ то, въ чемъ языкъ представлялъ колебанія. Не выдумалъ онъ, а только закрѣпилъ на письмѣ, и слѣдов. въ литературной рѣчи, колебавшееся въ произношеніи удвоеніе согласныхъ. (Эти замѣчанія я и лично сообщилъ нашему „ученому".)
19, 1. по „поэтическую" прб.: (+) О всѣхъ этихъ писателяхъ будетъ разсказано много въ IIIй ч. „Трудовъ" или „Зап."
1 сн. по „(numerus)" сд. вын.: (××): Orator sic illigat sententiam verbis, ut eam numero quodam complectatur, et astricto et soluto ... Numerus autem in continuatione nullus est: distinctio et aequalium et saepe variorum intervallorum percussio numerum conficit. (Cic. de orat. III, 43. 44). О ритмѣ проз. рѣчи, о concinnitas и паралл. предложеній, при надлеж. интонаціи, см. Schmidt, l. c. II, 100-5.

20, 1. д. б.: изреченіями. л. п. рѣчь. 3 сн. „по точкѣ" прб.: въ 5 в. уже немногіе говорили книжн. яз. впрочемъ

21, 3 по „элементовъ" прб.: (напр. уже въ 3 в. римскіе солдаты употребляли burgus = нѣм. burg, откуда во франц. bourg, bourgeois и т. д.; изъ др.-нѣм. werra вышли итал. guerra, фрц. guerre, и пр.)

31. „Только въ 16-мъ в. лат. яз. перестаетъ быть во Франціи оффиціальнымъ языкомъ (Франсуа I въ 1539 г. приказалъ писать всѣ акты по французски), въ половинѣ 17го дипломатическимъ (Вестф. трактатъ 1648 г. еще по латыни), а въ Венгріи сохранялъ оффиціальное значеніе почти до половины 19го в.; до сихъ поръ онъ живетъ въ качествѣ языка всей римской церкви.

22, 12. д. г. во 2мъ столбцѣ: lūmen sōlis. 15. столб. 1. чит.: Marmar, 16. вн. гл. V чит.: § 24.

19. прб.: или, можетъ быть, вѣрнѣе производство отъ √se, sa, т. е. божество посѣва (Corss. II, 195), какъ извѣстное саб. божество Semō Sancus. Но въ такомъ случаѣ страннымъ кажется множ. число (по Корсс. I, 739 здѣсь nom. sing., принять которое тоже затруднительно. — Подробнѣе выскажусь въ другомъ мѣстѣ). 20. чит.: ēs и ĕs (См. § 38. II, 3. т. е. стр. 96 съ выноскою на стр. 97, а также и ниже добавленіе къ этому послѣднему мѣсту. По „advocāte" сдѣл. вын.: (††):

Модестовъ (Лекціи I, 54), при своихъ тощихъ познаніяхъ, храбро пытается разбить на такты этотъ гимнъ, не зная того, что это уже сдѣлано Барчемъ (Der saturn. Vers. Lpz. 1867, s. 50 f.); но относительно отмѣтокъ г. Модестова должно замѣтить слѣдующее: 2й стихъ, по его дѣленію, крайне сомнителенъ, ибо 2ая половина его на цѣлый тактъ длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, а въ 1ой половинѣ весьма подозрительно чтеніе lnerve, опирающееся на самыхъ нелѣпыхъ доводахъ, свидѣтельствующихъ о полномъ незнакомствѣ автора съ научною грамматикою (см. „Римск. Письм.", стр. 126 сл.; напр. „v есть придыханіе, соединяющееся съ r"! lnerve есть-де вм. lnerem, а lnerem изъ lnem „для удлиненія короткаго слога"! и т. п. Подобный вздоръ можетъ говорить въ докторской диссертаціи профессоръ, выставляющій себя знатокомъ современной филологіи!); сомнителенъ и 4й стихъ, ибо оказывается безъ анакрусы, а произошло это потому, что „ученому" профессору ничего неизвѣстно о синкопѣ арсей (см. Метр. § 9, 2). Чтеніе же 3го стиха совершенно ложно и нелѣпо (sátur fú, feré Mars, | limén salí sta bérber), ибо: 1) слоги sa въ satur и re въ fere никоимъ образомъ не могли быть долги; 2) стихъ оказывается безъ анакрусы; 3) является анакруса при 2-мъ полустишіи. Мы утверждаемъ, что этотъ стихъ должно читать такъ: satúr fu, | ferē Mars || līmen | sāli | stā | bérber ||, т. е. съ синкопою арси во 2-мъ тактѣ 2го кола (по Барчу: satúr fú fere Márs. līmen salí sta. bérber). При нашемъ чтеніи слогъ sa въ sāli оказывается долгимъ; а если такъ, то sāli не можетъ означать „салія" и, вѣроятнѣе всего, значитъ солнце, т. е. sāli есть вмѣсто sālī, род. п. для *sālios = греч. ἄλιος, ἥλιος, *ϝάλιος = скр. sûrjas (ср. Bopp, IV, 233 sv.) отъ √svar „блестѣть" (ср. лит. saulė f. = *svalias, гот. sauil отъ осн. sauila- = *saulia- и пр.); если же такъ, то и līmen = līmen = lūcmen = lūmen (см. § 17). Такимъ образомъ, предположеніе Гротефенда (Ausf. gr., Taufb. I, 166), высказанное безъ всякихъ доказательствъ, находитъ себѣ прочную научную опору. Въ вѣрности нашего объясненія едва ли можно сомнѣваться, ибо 1) этимологически оно совершенно возможно; 2) подтверждается метрикою, и 3) даетъ удовлетворительный смыслъ, котораго иначе не оказывается, именно слѣдующій: lūmen sōlis stā (т. е. siste, dēsiste, dēsine) fervēre! т. е. „свѣтъ солнца, стой (или, остановись, перестань) жарить" (т. е. палить поля). Въ самомъ дѣлѣ, едва ли братство, молившее о плодородіи полей, могло забыть о солнцѣ; съ другой стороны непонятно, съ какой стати было арвальскимъ братьямъ молиться за какого-то „салія", какъ думаетъ г. Шестаковъ, которагo мнѣніе и объясненіе, какъ „имѣющее очевидное преимущество" передъ lūmen sōlis, г. Модестовъ въ Gebrauch d. Schrift, s. 120., выдалъ за свое и, слѣд., пустилъ въ европейскую науку подъ своимъ флагомъ (Wir meinen das richtige zu treffen, wenn wir limen sali als „wohnung des saliers" erklären) и лишь позднѣе, передъ домашнею публикою, въ „Лекціяхъ" I, 59, благосклонно (или, можетъ быть, по неволѣ?) частичку, т. е. только „основаніе" новой „идеи" уступилъ автору ея, г. Шестакову... Модестовъ прибавляетъ (I, 55): „Вы [т. е. студенты] не могли не замѣтить, что мое чтеніе арвальскаго гимна не встрѣтило нигдѣ затрудненій [еще бы! стоитъ только ничѣмъ не затрудняться, особенно отсутствіемъ знаній, и затрудненій ни въ чемъ не окажется!] и чуждо всякаго насилія [?! Ну, ужь это потѣшно!]. Подробное толкованіе арв. гимна я сдѣлаю въ особой статьѣ, а пока см. ниже добавл. къ I, 97 и II, 28.

23, 26. вм.: „§14 и 15 и гл. V" д. ч.: §§17, 0. 1; 18, 2; 21, 3. б; 31, 4). 28. вм. „§15" чит.: §23. б. 30. вм.: гл. I и V, чит.: §§3 и 24. 31. д. б.: §§9, 2 и 24. 41. вм. „§14" чит. §18, 3. 43. вм. „гл. V. Prōnōm." ч.: §32, з. III.

Послѣ строки 43-й включить: Примѣч. Чтеніе нѣкоторыхъ стиховъ спорно. Напримѣръ, послѣдній стихъ 1-ой эпитафіи (который мы разбили иктами по Ричлю, l. c., въ чемъ сходимся съ Бэрхенсъ Sat. vers. s. 51 и со Шлейхеромъ, Indog. Chrest., s. 191) читается Шпенгелемъ: Dedét tempéstatébus (Bartsch 59) Коршемъ (Dē versū sāturniō, Mosquae, 1868, p. 92): Dedēt Tempestátebūs / aide mereto lubentor, а Вагнеръ, какъ говоритъ Корссенъ (Ausspr. II, 499), „construiert einen angeblichen saturnier: Dedét Témpestátebūs aide méreto. – „Also ist dieser vers in hohem grade unsicher." – 3-ій стихъ 2-ой эпитафіи (которая, по мнѣнію Корссена, II, 93 f., древнѣе 1-ой) читается Корссеномъ (II, 451 f.) Quoius fórma и т. д., а Бюхелеромъ (Grundr. d. l. decl. ss. 9 и 39) Quoiús formā virtūtei / pārisumā fūit; также и Бэрхенсъ (l. c. s. 51), и т. д.

д) Надпись на Cista Praenestina ок. 200 г. до Р. Х.: Novios Plautios med Romai fecid. (C. I. L., n° 54).

Самый длинный изъ древнихъ подлинныхъ памятниковъ есть т. н. Sctum dē Bacchānālibus, вырѣзано на бронзовой доскѣ въ 186 г. до Р. Х.; хранится въ Вѣнѣ (см. C. I. L. n° 196; Indog. Chrest., s. 193 f.).

1 сн. по „79 и 82" прб.: Модестовъ (Лекціи, I, 49) слово „Gnaivōd" перевелъ было словомъ „браваго"! Куріозъ объясняется тѣмъ, что онъ переводилъ съ нѣмецкаго перевода въ руководствѣ римской литературы Мунка, гдѣ это слово грубо-ошибочно переведено словомъ „wacker". Мункъ смѣшалъ gnaivos съ gnāvus, но М. никогда не выдавалъ себя за знатока современнаго языковѣдѣнія. Слово gnāvus происходитъ отъ √gna вмѣстѣ съ gnōscō, γιγνώσκω, зна-ть и т. д. (см. напр. Curtius, gr. d. gr. et., s. 163). По моему указанію Мод. исправилъ это мѣсто въ „дополненіяхъ" (стр. 470), но какъ? „Gnaivod Корссенъ (Üb. Ausspr. voc. etc. 2-е изд. I, p. 79) считаетъ древнѣйшей формой твор. [т. е. отвод.; въ лат. твор. п. не сохранился] п. собств. имени Gneus или Gnaeus." Онъ выставилъ, слѣдовательно, послѣднее объясненіе, какъ личное мнѣніе Корссена, хотя я нашему „ученому" доказалъ, что 1) никто, кромѣ Мунка, иначе не объясняетъ и 2) что нѣтъ и возможности объяснять иначе, уже потому, что ai переходитъ въ ae и далѣе въ ē, а не въ ā. Этотъ куріозъ, вмѣстѣ со многими другими, доказываетъ, что г. Модестовъ 1) не читалъ Корссена, на котораго любитъ ссылаться; 2) знакомъ съ научнымъ языковѣдѣніемъ почти только по наслышкѣ и 3) что онъ читалъ студентамъ собственно только переводъ Мунка, а въ послѣдствіи, для печати, украсилъ оный отовсюду понадерганными, съ наскока, павлиньими перьями въ видѣ фразъ и цитатъ. – Эта же самая эпитафія дала еще болѣе блестящее доказательство „учености" г. Модестова: слово abdoucit онъ счелъ за abduxit (стр. 26 и 49)! Отсюда видно, 1) что онъ и понятія не имѣетъ о präsentнымъ подъемѣ звуковъ, 2) что – risum teneatis! – c (т. е. k) стоитъ-де вмѣсто x (т. е. cs или ks). Очевидно, онъ думаетъ, что c = русскому ц! И онъ-то дерзаетъ дѣлать наставленія гг. Благовѣщенскому, Лебедеву и др., которые стоятъ въ наукѣ неизмѣримо выше его, о томъ, что „этимологія языка, или историч. изученіе формъ" – „первое дѣло"! Въ другомъ мѣстѣ своей водянистой компиляціи онъ призналъ, что С = К. Отсюда видно, какъ все у него зыбко...

24, 18. вм. „форму" д. ч.: окраску. 3 сн. прб.: Обзоръ важн. сочиненій по физіологіи звуковъ сдѣланъ И. А. Бодуэномъ де Куртенэ въ Ж. М. Н. Пр. Т. 158 (1871 г.), отд. II, стр. 158–163.

5–8 сн. зачеркнуть. (Эти строки написаны вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ мною въ преподаваніи. Я вынужденъ былъ показывать, что трактую о томъ же, что есть въ учебникѣ, хотя и иначе, и тѣмъ поставить себя подъ защиту программы. Другихъ резоновъ Скифы не принимали и не понимали. Ср. „помпадуровіе". Но и это мало помогало.)

26, 1 сн. прб.: Древнее – болѣе разумное – начертаніе для звука ы было ъі; буква ы укрѣпилась въ 15 в. Впрочемъ я издавна включаю въ число крупныхъ несчастій, которыми мы страдаемъ, употребляемую нами кириллицу, и, во имя патріотизма, культуры, разума и науки, горячо желаю замѣнить ее латино-славянскимъ письмомъ. Уже въ 1862 г. высказался я печатно въ такомъ смыслѣ, и время могло меня только укрѣпить въ этомъ мнѣніи. Всѣ возможныя возраженія мнѣ извѣстны.

28, 7 сн. вм. „нѣмыми" ч.: aspīrātae; вм. „t" и „d" чит.: th, ... dh; зачрк. „также".

6 сн. по „(т)ал. z" вкл.: суть среднія между t и s, d и z (з); и сд. вын. (†): Есть основаніе думать, что этотъ послѣдній звукъ, сохраняющійся теперь въ польск. яз., не былъ чуждъ и древне-болгарскому, и что для него служила буква s. См. Колосовъ, Старослав. грамм., изд. 4, Варш. 1875, стр. 20. Только не слѣдуетъ, подобно ему и нѣмцамъ, впадать въ ту ошибку, будто бы этотъ звукъ, а также ц суть собств. два звука: ц не есть тс, и дз можно произнести, какъ одинъ звукъ (напр. въ польск. dziad); также č (ч) и т. d(i) суть простые звуки.

29, кнц. Прим. 1-го прб.: Часто это утонченіе произошло отъ исчезнувшаго j. Сербы, согласно съ выговоромъ, пишутъ коњ, коња, но сјајниза (отъ „сіять", т. е. яснѣйшая); то и другое въ бѣла (бѣлѣйшая). Особенность русскаго языка въ томъ, что въ немъ обкн. звуки смягчаются передъ е; это же есть и въ арм. яз. передъ ē, отчасти вообще въ слав. языкахъ и въ албанск. (см. напр. Bopp, Vr. comp. I, 402).

Въ табл. вм. „ā, e, ē" чит.: e, ē }ā и прб. дифт.: āi, āu; ēi, ēu; ōi, ōu.

30, 4. прб.: Языки весьма значительно различаются другъ отъ друга числомъ и характеромъ звуковъ. Наибольшее ихъ количество есть въ нѣкоторыхъ кавказскихъ яз., какъ (напр. въ абхазскомъ насчитываютъ 55 звуковъ), наименьшее — въ полинезійскихъ. Общими для всѣхъ языковъ — на сколько они извѣстны, — могутъ быть признаны только m, n и t. Въ готтент. есть 4 странныхъ, щелкающихъ звука. Меньше разнообразія въ гласныхъ. Въ санскр. и въ полинес. языкахъ — исключительно чистые звуки (a, i, u, e, o; въ скр. только a, i, u); въ англ. и въ чудскихъ яз. господствуютъ нечистые (ä, ö, ü и пр.). Нечистые звуки суть признакъ фонет. испорченности языка; особенно a не сохраняется на этой поздней ступени (Подробности о всемъ этомъ см. у Шерцля, Сравн. Грамм., т. I).

23. по „Римлянами" прб.: (равно какъ Осками и Умбрами). Даже въ словахъ, заимствованныхъ изъ греч., въ доклас. эпоху употреблялись tenues вм. aspiratae, напр. Sdepurus = Ζέφυρος.

32. д. ч.: лишь въ началѣ 3го в. до Р. Х. появляется G, которое включено было въ азбуку Сп. Карвиліемъ Ругою (открывшимъ школу въ Римѣ) на мѣстѣ выброшеннаго Z (см. прим. 5). къ сему сд. вын.: (++) Обкн. Карвилій, котораго время жизни приблиз. опредѣляется тѣмъ, что онъ ок. 231 г. до Р. Х. впервые, говорятъ, развелся съ женою въ Римѣ, считается изобрѣтателемъ этой буквы (Plut. Quaest. Rom.). Но такъ какъ не только на надписи Сципіона Барбата, время которой спорно, но и на одной монетѣ, которая раньше 270 г. уже есть G, то Моммзенъ (D. Unterit. Dial., s. 32 f.) основательно предполагаетъ, что Карвилій не изобрѣлъ, а только включилъ въ азбуку эту букву, исключивъ Z, какъ давно вышедшее изъ употребленія (уже въ Зак. XII т. нѣтъ Z). — Значительно позже выхода этого труда Моммзена открыты были еще три чаши, относящіяся къ началу 3го в. съ надписью Gabinio (nom. sg.). Мнѣніе Моммзена нахожу болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ Корссена (Ausspr. I, 10), который думаетъ, что Карвилій впервые-де училъ употребленію ея. Но какъ же онъ впервые училъ ея употребленію, если ее уже полвѣка до него употребляли, а школы въ Римѣ были уже во время изданія Зак. XII т.? Да и что могло заставить Плутарха, а слѣд. и древнихъ Римлянъ, отъ которыхъ Плутархъ заимствовалъ это свѣдѣніе, считать его изобрѣтателемъ сей буквы, если онъ не только не изобрѣлъ ея, но даже не впервые включилъ въ азбуку, удаливъ Z?

41. по „языка" вкл.: и по другимъ причинамъ. 1. сн. прб.: О греч. букв. и звук. см. § 44; умбр.-оск. §§ 47. 48.

31, 5. ч.: въ 3мъ в. 6. ч.: въ африк. просторѣчіи. 10. снизу прб.: См. § 23. Тоже и въ слав.: к, г, х въ ч, ж, ш и въ ц, з, с: ликъ, личина, лице и т. д.; т и д въ шт, жд, въ ч и ж, въ ц и дз: хотѣть, хоштѫ, хочу; бѣлор. дзѣдъ (дѣдъ), цѣнь (тѣнь). Ср. польск. dziad, cichy (тихій) и пр. 15. ч.: angulus (др.-болг. жгълъ) 20. снизу прб.: (§ 21, 3. б.) 27. снизу прб.: (§ 21, 3. б.).

33. по „нашему ы" сдѣлать вын.: (+). Нѣмцы обыкн. считаютъ это за ü (греч. υ, фрц. u). Я уже въ 1866 г. въ заграничномъ отчетѣ Министерству Нар. Пр. доказывалъ многими доводами, что Ⱶ = ы. Модестовъ въ „Римской Письм." стр. 16 въ нѣм. перев. ея, стр. 17, высказалъ мнѣніе, что выдуманная имъ оская буква Ⱶ (въ „Римск. п.") или Ỽ (въ „Gesch. d. Schr."), т. е. вѣроятно Ⱶ, „обозначаетъ тоже, что греч. υ или русское ю"! Узнавъ отъ меня, что греч. υ совсѣмъ не тоже, что ю (но такъ какъ я указалъ на различіе, или на нелѣпость смѣшенія, не особенно рѣзко, то онъ, по степени своихъ познаній, недостаточно понялъ меня), что, впрочемъ, оская буква не могла обозначать ни того ни другого, и что, наконецъ, похожая на нее формою изобрѣтенная Клавдіемъ буква Ⱶ непремѣнно обозначала звукъ, подобный нашему ы (при чемъ указалъ ему въ своей Грамм. мѣсто о клавдіевыхъ буквахъ), онъ въ „Лекціяхъ" I, 28, отожествивъ послѣднюю съ первою, выразился замѣчат. образомъ, что Кл. изобрѣлъ Ⱶ „для выраженія звука средняго i и u (т. е. русскаго ю, или, можетъ быть, ы)". Какъ для зоолога, по Кювье, достаточно одной кости, чтобъ возсоздать животное, такъ для филолога достаточно одной этой фразы, чтобъ составить безошибочное понятіе объ учености и вообще о научномъ и нравственномъ обликѣ ея автора. Не говоря уже о томъ, что онъ смѣшалъ двѣ буквы и два звука, совершенно различные по своему происхожденію, оставляя въ сторонѣ и безсмысленное выраженіе „звука средняго i и u" (т. е. „между i и u"; вотъ до чего доводитъ неосмысленная передача чужихъ словъ), обратимъ вниманіе только на то, что ю есть-де среднее между i и u, что оно = греч. υ (т. е. нѣмецкому ü, фрц. u) и что оно близко къ ы! Рѣдко кому удается въ немногихъ словахъ сказать такъ много... для своей характеристики! Человѣкъ, выдающій себя за филолога и толкующій о звукахъ, 1) не понимаетъ того, что ю есть цѣлый слогъ изъ гласнаго и согласнаго звука, т. е. = jу или, пиша лат. буквами, ju, и что самое начертаніе его произошло изъ IOУ (слѣд. въ лат. будто бы говорилось maxjumus и т. п.!); 2) не сознаетъ онъ и того (ибо если бы сознавалъ, то опредѣлилъ бы, какое именно ю онъ разумѣетъ), что послѣ согласныхъ ю есть не что иное какъ u (у) по-[illegible] послѣ смягченнаго согласнаго (что обкн. бываетъ вслѣдствіе утраты j, чего здѣсь въ лат. не было), т. е. = ьу.

(См. мою Грамм., стр. 29). Сугубый абсурдъ произошелъ изъ третьяго — смѣшенія звука ü (нѣм. ü, фрц. u, греч. υ), вслѣдствіе бурсацкаго произношенія (отъ коего онъ, впрочемъ, позднѣе отдѣлался), съ ю! Когда я, послѣ долгаго молчанія сталъ упрекать его за безцеремонное отношеніе къ чужимъ мыслямъ и трудамъ (въ маѣ 1872: см. ниже Прибавл. къ стр. 97^{н}), онъ, съ разными извиненіями и оправданіями, обѣщалъ загладить свою вину въ „добавленіяхъ." Съ 16 (4) января 1873 г. я прервалъ съ нимъ всякія сношенія, а въ марте или въ апрѣлѣ поступили въ продажу его quasi-„Лекціи", гдѣ я съ изумленіемъ замѣтилъ, что онъ, умолчавъ о всѣхъ заимствованіяхъ, сдѣланныхъ у меня, упомянулъ только объ одномъ ы, и то какъ? „Что знакъ ⊦, придуманный Клавдіемъ, могъ обозначать ы, это есть сообщенное мнѣ устно мнѣніе А. А. Иванова." Но я не то говорилъ, т. е. не высказывалъ догадки, а утверждалъ и доказывалъ, что эта буква непремѣнно обозначала звукъ сходный съ ы и не могла обозначать никакого другаго звука; притомъ указывалъ и на мѣста въ моей „Грамматикѣ" (листы которой ему аккуратно доставлялись по мѣрѣ выхода) и говорилъ, что писалъ о томъ въ упомянутомъ отчетѣ; слѣд. не только устно. Понятно, что заявилъ онъ такъ съ тою цѣлью, чтобы показать, что онъ до такой-де степени добросовѣстенъ, что даже чужое предположеніе, хотя бы ни на чемъ не основанное, боится выдать за свое, и тѣмъ устранить самую тѣнь возможности заподозрить себя въ какомъ бы то ни было плагіатѣ. Больше о немъ выскажусь печатно.... [redacted] Добавлю забавную черту: узнавъ отъ меня, наконецъ, что́ такое ю, онъ пытается, nachträglich, увѣрить, что ему это извѣстно и дѣлаетъ въ такомъ смыслѣ на стр. 382 выноску о томъ, что слѣдуетъ де писать Саллустій, а не Саллюстій. Но 1) почему же это онъ раньше не заявилъ о томъ, хотя было много поводовъ къ тому въ словахъ Луцій, Луцилій, Лукрецій и т. д. и самое „Саллустій" встрѣчалось уже, какъ видно изъ указателя, на стр. 11, 209, 366? А во 2), надумавъ щегольнуть знаніемъ и дать совѣтъ „филологамъ", бѣднага попадаетъ изъ огня въ полымя, ибо обнаруживаетъ новое крупное незнаніе: если гдѣ умѣстно писать ю, то именно въ словѣ Саллюстій! Какъ замѣчено въ моей грамматикѣ, § 13, 11, именно второе изъ ll имѣло мягкое произношеніе; въ этомъ удостовѣряетъ, по свидѣт. Присціана I, 38 (p. 29 ed. Hz), Плиній старшій (ср. Corssen, Ausspr. I, 219 ff.). Что́ и понятно, такъ какъ очень часто произошло оно изъ j (это бываетъ и въ другихъ языкахъ; ср. напр. греч. и оск. ἄλλος = aljos = лат. alius). По той же причинѣ лат. ll произносится въ романскихъ язз. какъ lj, или же и просто какъ l (см. Diez, Gramm. I, 208). Добавлю о клавдіевыхъ буквахъ, что одна изъ нихъ, Ↄ = ps, нигдѣ не встрѣчается, но слѣды ея въ одной надписи остроумно нашелъ Бюхелеръ (De Ti. Claudio Caesare grammatico scr. Franc. Büecheler. Elberf. 1856, pp. 12 sq.; 31). Онъ же показалъ, что онѣ были въ публичномъ употребленіи отъ конца 47 г. до октября 54 г. (pp. 22–28). Со смертью Клавдія исчезли его нововведенія, хотя двѣ буквы были положительно нужны — Ⅎ и ⊦: такова сила usus tyranni! Теперь нѣтъ уже нужды въ Ⅎ, потому что V вполнѣ замѣнила ее, оставивъ за U значеніе исключительно гласной буквы. Замѣчу, что требованіе — модное теперь у Нѣмцевъ и начинающее находить себѣ осуществленіе и въ Россіи — вмѣшивать на письмѣ звуки u и v и i и j (т. е. изгнать j) не могу иначе назвать, какъ безсмысленнѣйшимъ буквоѣдствомъ; при томъ же оно не только нелѣпо, но и вредно.

32, 21 по „натурѣ" прб.: т. е. не требовать слишкомъ крутаго перехода органовъ рѣчи изъ одного положенія въ другое, ни крутаго возврата въ прежнее положеніе.

24. вм. „открытымъ: аб" д. б.: закрытымъ: аб. 32: по „согласныхъ" прб.: § 20.

1 сн. прб. къ нц. и S. 23 ff.; Kühner Ausf. gr. gr. I, 233–242; 273 ff. (2 изд.).

34, 2 къ нц. прб.: но если первый изъ 2-хъ звуковъ есть media, а второй — l, m или n, то образуется полная позиція, напр. biblus = βίβλος.

17. къ нц. прб.: (Также и Греки, чѣмъ болѣе жили, тѣмъ болѣе одолѣвали позиціонную трудность; напр. у Гомера носовые и плавные послѣ нѣмыхъ почти постоянно образовывали долготу слога, напр. τέκνον, τί κλαίεις; (дитя, чего плачешь?), у Пиндара уже рѣже, а у Аттиковъ утратили эту силу не только λ и ρ, какъ и у Римлянъ, но и μ и ν, т. е. составляли только „слабую" позицію. О болѣе рѣзкихъ случаяхъ нарушенія позиціи, что́ намъ представляется яснымъ признакомъ достигнутой органами рѣчи большей гибкости, см. Westphal, Metr. II, 87 f. (Впрочемъ Schmidt, Kunstf. IV, 69, отвергаетъ подобные случаи).

А. Ивановъ.

II. къ Метр.

34, 10 сн. прб.: ходитъ, т. сказ., около истины, а не въ ней самой и Шмидтъ, Gr. Metr. 1872, ss. 61-67; (но въ томъ, что у него предшествуетъ, есть много ошибочнаго).

4 сн. можно зачеркнуть. Причину см. на стр. 47ᵐ, т. 2ᵒ, въ „добавленіяхъ" къ „I, 24, 5-8 сн." - Вм. этой строки написать: Есть о томъ достаточно указаній у древнихъ (Квинтиліана, Сергія и пр.), особенно у позднягo (псевдо-) Присціана dē accentibus, ed. Keil. 1860 (въ Gramm. lat. III, p. 517-528).

1 сн. приб.: о греч. яз. см. §45. 3 сн. прб.: D. Pezzi, Gramm. st.-comp. pp. 107-144; Gossrau, l. c. 55-58.

35, 15 прб.: (въ греч. напр. θηροκτόνος звѣреубійца, а θηρόκτονος убиваемый звѣрями, т. е. активное или болѣе знаменательное понятіе снабжено акцентомъ.

24. д. г.: ἄτονα или проклитиками. 1 сн. прб.: въ чешск., словацк., луж. и въ финскихъ на 1-мъ.

36, 10 сн. по „(ed. Keil)" прб.: Просодіею, со времени Г. Германна, стали совершенно неправильно, наперекоръ и этимологіи этого слова и его употребленію у древнихъ, называть ученіе о количествѣ. Но теперь явилась реакція противъ сего абсурда.

37, 16. сн. прб.: (греч. напр. ἀπρόσιτος недоступный, εὐρυσθενής широкомощный, но говорится ἀπρόσβατος а не ἀπρόσβατος неприступный, какъ въ лат. не incónditus:

38, 17. вм. „gravis" д. б.: circumflexus. 37, 8. вм. „nēbula" д. б.: tēgula.

21. д. г.: тоже отчасти и въ греч., напр. τοσόσδε, τοιόσδε, хотя τόσος, τοῖος, εἴτε....

39, 5 сн. зач. всю строку (см. выше, къ 34, 4 сн.). 4 сн. прб.: Pezzi, l. c. 61-71; 93-107; 202-286. Schuchardt Vocal. 3 ое 1866 ff.

40, 9: прб.: и еще больше въ романскихъ языкахъ. Короткіе слоги безакцентные, стоявшіе впереди и позади акцентованнаго, почти исчезли во франц. яз., но сохраняются въ итал.; напр. лат. amāre, ит. amáre, фрц. aimer. лат. tábula, ит. távola, фрц. table, нар.-лат. septimāna, ит. settimána, др.-фр. sepmaine, теперь semaine (т. е. почти smèn). Но правило это не распространяется на слова заимствованныя учеными; напр. изъ hospitāle вышло народное hôtel, но ученое hôpital. Ibd. вм.: „почти не" чит.: мало.

19. сн. прб.: усиленіе первонач. состояло въ приставкѣ a къ основнымъ звукамъ a, i, u; откуда выходили ā, ai, au, которые вновь могли усиливаться въ ā, āi, āu. Это называется подъемомъ 1ᵒ и 2ᵒ степени. Въ наибольшей чистотѣ подъемъ виденъ въ санскритѣ. [Не упомянулъ я объ этомъ въ текстѣ только потому, что, дѣлая его учебникомъ, старался оный какъ можно больше упростить и избѣгалъ всякаго указанія на санскритъ и т. п.; ср. выноску на той же страницѣ]. Аналогичное сему подъему явленіе представляетъ и теперь англійскій языкъ. Тамъ напр. i усиливается въ ai; такъ мѣстоименіе I = др.-герм. ik (я) звучитъ ai. Шмидтъ сдѣлалъ интересное наблюденіе, что, напримѣръ, слово ininkwiti (impietas) въ пѣніи превращается Англичанами, смотря по длинѣ нотъ, въ ininkwitai, ainikwitai и даже въ ainaikwaitai (Kunstformen d. gr. poesie, IV, 40).

41, 5 сл. зачркн.: „Ramnēs — Rōmānī", такъ какъ этимологія этихъ словъ, въ которой я послѣдовалъ Mommsen'у Röm. Gesch. I, 43 f. (4 изд., Берл. 1865), Lange, Röm. Alterthümer I, 71 f. (2ᵉ изд., Берл. 1863), отчасти G. Curtius'у Gr. Et. 621 (2 изд.) и Schuchardt'у Vocal. d. Vulgärlat. III, 264, а также еще нѣкоему Ланге (тому же?) въ Ztft f. d. öst. gymn. 1863, s. 303 (эту цитату беру изъ Curt. и Corssen'а), спорна. Теперь я больше склоняюсь къ объясненію Корссена, который считаетъ эти слова совершенно-различными, производя Rōma, Rōmulus, Rōmānī отъ √sru течь (откуда въ греч. напр. ῥέω, ῥυθμός и у насъ струя, (о)-с-т-ров-ъ), такъ что Rōma = *Srouma = Στρύμη, Strom, родств. съ ῥεῦμα и т. д., а также со старымъ названіемъ Тибра Rūmō(n), который вполнѣ = греч. Στρύμων, т. е. Rōma первон. значило Strom, а потомъ Stromstadt, Rōmulus — Stromstädter (Kr. Beitr. 427 ff.;Ausspr. I, 279, 364; II, 1012); напротивъ Ramnēs, по Корссену, = *Rap-nes (ср. som-nus) отъ √rap въ значеніи rap-idi „die reissend schnellen" (II, 85, тогда какъ Tities „geehrte", Luceres „leuchtende"; ibd). Вполнѣ ему послѣдовалъ Ваничекъ (Etym. Wtb. d. lat. spr. v. Al. Vaniček, Lpz. 1874, pp. 205, 136, 67, 140), а относительно Rōma и т. п. также и Curtius 317 и 621 и Schuchardt III, 264), кои склонны вести и Ramnēs отъ √sru. Въ послѣднее время всплыла новая этимологія слова Rōma отъ √ram покоиться (ср. грч. ἠ-ρέμ-α спокойно, лит. ram-us спокойный, скр. ram-ati останавливаетъ и пр.), по коей Rōma значитъ „anhaltepunkt für die seeschiffe" (Fick, Vglchd. Wtb. d. indog. Spr., 3 aufl., Gött. 1874. I, 736). Но о Ramnes здѣсь ни слова.

10. кнц. прб.: κνέφαος и κνέφεος тьма отъ κνέφας-, gen. sg. и пр.; рск. гахолъ и техолъ и пр.

13. д. г.: грч. только въ преэ. удвоеніи, напр. ἱστά-ναι = *σι-στά-ναι = *στι-στάναι вм. *στα-στάναι.

15. приб.: изъ nōmen-cal-ātor; кнц.: hom. ἐδμή-θην, aor. P. отъ √дам, domāre; рск. Параскова-

41, 25. прб.: слав. зовъ - зъв-ати; род. мн. въ польск.-ów и чешск.-ův вм. ov; франц. douleur изъ dolōr(em)
28 прб.: voc. ἵππε вм. *ἵππο; слав. небо(с), род. небес-е; зв. рабе вм. *рабо. 31 прб.: эол. ἴππιs = ἵπποs.
40. прб.: въ новогреч. υ произносится какъ i. зач.: „дух.... ръдъкъ" и прб.: чешск. byl почти = bil и пр.
42. зач., ибо правильнѣе будетъ производить здѣсь e прямо изъ o. [доб.: оск.-умбр. mani-m = manu-m].

42, 11. прб.: бер-ъ - бьрати. (Всѣ наши составители слав. грамматикъ, ничего, по видимому, не зная объ ослабленіи звуковъ, производятъ совершенно неправильно бер изъ бьр. Напротивъ, точка отправленія должна быть въ бер = грч. φερ, лат. fer, скр. bhar, откуда, по ослабленіи, бьр-(ати), а по усиленіи, бор-(ъ). Ослабленное бьр можетъ вновь усиливаться въ бир (из-бир-ати), т. е. ь, происшедшее изъ е, можетъ трактоваться также какъ и коренное, кое = i. (Хотя къ стр. 41-42. заготовлено у меня огромное количество дополненій отчасти и попр., но здѣсь ограничусь малымъ).
14 прб. рск. камня вм. каменя. 17. прб.: сущ. рск. рѣчь. 28. прб. Fίδ-μεν знаемъ, εἰδέναι знать.
35. вм. „1)" д.б.: a) 36. вм.: „2)" д.б.: б) и вм.: „a)" д.б.: α) 41. чит.: полагающій (вм.-ныхъ)

43, 1. вм. „б)" д.б.: 3) 4. вм.: „в)" д.б.: γ) вм. „23" д.б.: 23, ж. 6. вм.: „3)" д.б.: в)
9. по „и-ēs" вкл.: [грч. τῑμῶ = τῑμάω, μῶν = μὴ οὖν и пр.] 12. д.б.: cūi, proīnde, quoad, alveo и т.д. [грч. φίλει изъ φίλεε люби; иногда θεός богъ, ком. πλέονες plūres, ἄμφεον δὲ στῆθεα (Il. IV, 282)]
23. вкл.: въ ē: Aniō(n), -ōnis въ Aniēn, -ēnis; honōs - honēstus. 24. всю зач. и прб.: [дор. ὦν, атт. οὖν; [illegible]]
28. прб.: двѣ-стѣ — двъ-сти. Въ бѳот. часто αι въ η, напр. τῆς = ταῖς (Cor.), ἱππότη = ἱππόται.
31. д.ч.: передъ согл. обыкн. чрезъ ī, напр. Nīlus, передъ гласн. чрезъ ē: Aenēas, но послѣ r колеблется, напр. ит. cosa
32. прб.: дор. εἴκω, атт. ἥκω, дор. и др.-іон. ἧκω прійти. 35. прб.: атт. θαῦμα, іон. θῶμα чудо и пр. фрз. chose изъ causa; также otr (тепер. autre) изъ autre, а сіе вм. alterum. 38. прб.: бѳот. καλῦ = καλοῦ.

44, 3: вм. „dederunt" ч.: dederītis. зач.: давам. 9 прб.: [ср. др.-атт. ἀληθειά, ἀγνοιά и поздн. ἀλήθεια, ἄγνοια и т.п.; δύω и δύο; ζωή и ζοή, κακῶν и κακῶν и пр.] 23. прб.: [у Грековъ часто напр. ἀθάνατος и пр.]
29-31. д.б.: ...между ними было h) устраняется: а) внутри слова — въ особенности если первый изъ звуковъ есть широкій — а или о (и еще болѣе, если ā или ō), или если оба звука одинаковы (напр. ee, ii и т.п.) посредствомъ .... 34. прб.: также вставкою v, j, h; см. §21, г.

45, 10. киц. едн. вын.: †) Къ сожалѣнію, у насъ въ прозѣ никто не думаетъ объ этомъ правилѣ, а въ поэзіи замѣняютъ синалоѳу элизіею 1го гласнаго или гласнаго + m. Уже Готфр. Германнъ указалъ на превратность этой элизіи (Ep. d. m. p. VII, 3 et.). Болѣе см. у Шмидта, Leitf. d. rh. u. m., 3 f. Тоже и между стихами (эписиналоѳа); см. id., Kunstf. IV, 107 ff., 358 и пр.
36. вкл.: примѣръ слиянія и сокращенія: tē in circo, tē in omnibus libellis (Cat. 65, 4; фалак. ст.).

46, 7. вкл.: довольно сильныя контракціи есть и у Катулла, напр. Puto esse ego illi milia aut decem aut plura (холиамбъ, 22, 4). 9. киц. прб.: 26, 29 киц.) 23. д.ч.: Въ грч. cō-os вм. cáos saevus и др.; въ слав.
26. киц. прб.: по той же причинѣ уменьш. суфф. -olo- послѣ i и e не измѣняетъ перваго o въ u, напр. filiolus, malleolus, lineola (хотя hortulus, muliercula и т.д.)
28-29 зач.: „ также ..... и т.п.)". (Это мѣсто по разсѣянности попало сюда; см. стр. 26).
33. прб.: [Грч. бываетъ, если гласные раздѣлены согласными, напр. μορ-μύρω mur-murō и т.п.]. 36. д.ч.: и за концомъ слова. 37. д.б. (эпенѳесъ): i: redi-vīvus, amār-i-s, (=amās-i-se, §41,1), mina вм. грец. μνᾶ (ср. стр. 33 сл. выш.). 38. зач.: „legeris." 39 вкл.: dat-u-r.
42. зач. „φέρομεν - ferimus." Прб.: κυν-ο-κέφαλος, βακεο̄-μος; ок-о-нъ, ребе-ръ; у Нестора есть (по Лавр. сп.) Пон-о-тъ, хар-а-тия вм. Понтъ, хартия (Сп. Буслаевъ - О преп. отеч. яз. II, 22. по 1-му изд.)

47, 1-2 зач.: „enos .... 22)" 3. зач.: „Въ грч. ..... еще" 4. вм. грец. примѣровъ написать: напр. вульг.-лат. vixit-i, non-i; итал. cantan-o (cantant) и т.д. 4 сн. зач.: „Иногда .... 395 сл."

48, 10. ч.: 4. ж. 15. вкл.: Иногда, особ. въ народныхъ нарѣчіяхъ, вставляются v, j, h для устраненія зіянія, напр. Argīvi, Ianuārius, Trohis (ср. §19, 1. а). 17. прб.: а въ грч. и эпѳесъ, напр. ἐστί-ν.
34. по „9, 10 и 12" вкл.: и §31, 1. 2. 35. прб.: малор. je вм. jeсть, знаје и зна вм. знаетъ и пр. 1 сн. вкл.: но въ арк. и кріт. часто остается ν, напр. τὸνς = дор. τὼς и обкн. τούς; πᾶνσα = πᾶσα, ἐνς = εἰς и т.д.

49, 2: прб.: 31, 2. 3. ч.: въ предлогахъ 7. прб.: vēr изъ *ves-er (ср. грч. ϝέαρ и наше вес-на).
1. сн. доб.: къ концу должно прибавить: Curtius Gr. Et. 423, Corssen Nachtr. 55, Mommsen, Unterit. Dial. 13, Merguet, Formenb. 44 f. думаетъ, что здѣсь v развилось изъ g (gh), также nix = *snighvs

50, 8. прб.: ком. пос-ci (вм. *под-ci), откуда обкн-е посі сыпамъ; ὄμμα = *ὄπ-μα око; спартан. ἀκκόρ = ἀσκός кожанный мѣхъ и пр. 21. вм. „иногда" чит. б. ч. послѣ скобокъ вкл.: §21, 4 а.
24. вкл.: ὄλ-λυμι = ὄλ-νυμι гублю; эол. ὄππα = атт. ὄμ-μα = *ὄπ-μα 32. д.б. dictus. 38. прб.: въ надписяхъ встрѣчается τὸμ πατέρα (вм. τὸν π.) и т.п. 1 сн. прб.: [Въ слав. наоборотъ, t и d передъ l въ s: чис-ло (√чьт), ас-ли (√яд). Далѣе tj и dj въ tš и dž, въ št и žd, а отсюда въ русск. щ (ц) или ч и жд или ж: ропт-ать - ропщу, стоящій и стоячій; родить - рожденіе, рожу.

51, 22. прб.: иногда fu въ b: amā-bo = *amā-fuō (§38, II, 6). 24 вкл.: грч.-сиц. Οὐλίξης = Odusseus. Въ умбр. часто d въ r. (Бываетъ и въ другихъ языкахъ, напр. часто въ мекл. нар.: wair = weide пастбище, Schmidt, KSt. IV, 87). По стр. 32. прб.: и f въ h: напр. изъ faedus, forda, fordeum, folus, fostis вышли haedus и т.д., и затѣмъ можетъ и исчезнуть: olus, ēdus. (Начальное f всегда перешло въ исп. въ h и теперь вовсе не произносится, напр. hecho (чит. ечо) лат. factum). 34. д.б.: 21, 4. в.

52, 5. прб.: исп. llano. Въ кръд. нар. л въ v, напр. аука вм. алка [illegible]. 21. киц. едн. вын.: ***) Я составилъ обширный списокъ такого рода словъ, но было бы трудно включить оный сюда.

(См. стр. 55.) (Вмѣсто стр. 64-й, ч. I-й).

Склоненія.		III-е — Согласное (-i-, -u-) склоненіе (= 3 и 4-му). Латинское. Masculina и feminina.	Neutra.	Славянское msc. и fem.; neutra
Окончанія основъ.		Mūtae: gutturālēs. c, g; labiālēs p, b; dentālēs t, d. Semivōcālēs: nāsālēs m, n; spīrantēs v, s; liquidae r, l. Vōcālēs: i, ū (eu), 4 скл. u	t, d; c, p; (p-i-); en (in), -er, arr-, ll-, os (us, or, ur, er); ās, ōs, ūs. i; 4 скл.: u	en-, -er-; -nt. -men- -es- ъv (= ov- ou = ū); -ant- (= ę); ĭ (ь); ŭ (ъ) m.: -ent-
Образцы основъ.		duc- m.f., cruc- f., lūc- f., greg- m., rēg- m., lēg- f., nec- f., fac- f., pāc- f., (Cappadoc- m.f., Allobrog- m.f.), vōc- f., silic- m., salic- f., rādīc- f., strig- f. (strigi-), jūdic- m., rēmig- m., conjug- m.f., (lync- m., sphyng- f., onych- gr. m.), arc- f. (arci-), fēlīc (i) adj. m.f., audāc (i) adj. m.f.; aucup- m.f. (-cep-), princep- m.f. (-cip-), Op- f., stirp- f. (stirpi-), urb- f. (urbi-), (Aethiop- m.f.), (Arab- m.f.), (chalyb- m. gr.), inop- adj. m.f., caeleb- (ib) adj. m.f., particep- (-cip-) adj. m.f.; vad- m.f., anat- f., (lampad- f. gr.), aetāt- f., nepōt- m., custōd- m.f., virtūt- f., pecud- f., incūd- f., ped- m., ariet- m., abiet- f., seget- f., mercēd- f., quiēt- f. (quie-), mīlit- m., obsid- m.f., lapid- m., stlīt- f. (līti-), noct- f. (-nocti-), praed- m.f., pult- f., front- f., frond- f., ferent- part. m.f., dīvit-, praecipit- adj. m.f.; hiem- f., sangvin- m., tubicen- m. (-cin-), pecten- m. (-tin-), rēn- m., sermōn- m., nātiōn- f., (Macedon- gr. m.), ordon- m. (-din-), homon- m. (-min-), (Karthāgon, -gin- f.), car (o) n- f., can- m. (cani-); bov- m.f., mōs- m. (mōr-), honōs- (honōr-) m., lepōs- m. (lepōr-), arbos- f. (arbor-), glōs- (ōr) f., lepos- m. (-pus, -or), mas- m. (mar-), mūs- m. (mūr-, mūri-), glis- m. (glīri-), ass- (assi-), Ceres- (er) f., cinis- m. (-es, -er-), nūbes- f. (nūbi-), pūbes- adj. m.f., plēbes- (plēbi-, plēb-, plēbē) f., vetus, mājōs (-jōr, jor) adj. m.f.; pater- m., māter- f., dutōr- m., fūr- m., consul- m., sāl- m., sōl- m., pugil- m., (vigil-) adj. m.f., pauper- adj. m.f., cicur- adj. m.f., memor- (ori-) adj. m.f., par- (pari-), pūbes- adj. m.f.; igni- m., axi- m., ovi- f., nāvi- f., hosti- m., vesti- f., menti- f. (ment-), monti- m. (mont-), morti-, nocti- f. (noct-), cani- f. (can) m., mīti- adj. m.f., ācri- adj. m.f., celeri- (celer-) adj. m.f., vigili- (vigil-) adj. m.f., audāci- (audāc-) adj. m.f.; sū- f. (su-), grū- f. (grui-), (Orpheu- m. gr.); 4-е скл.: senātu- m., artu- m., arcu- m., acu-, quercu- f., socru-, nuru- f., īdu- f. pl.	caput- (capit-), lact- (lacti-), alēc-, cord-, (poēmat- gr.), dīvit- adj., ferent- part., praecipit- adj., inop- adj. (inopi-), (fēlīci-), (audāci-), particip- (par-), pari-; sēmen- (-in-), nōmen- (nōmin-), vēr-, cadāver-, itiner- (iter-), farr- (nectar) gr., mell-, nemos- (-us, -or-), genos- (-us, -er-), aequos- (-or), rōbor- (-ur, -us), fulgur-, femur (femen-), vās- (vāso-), aes- (aer-) (ais), rūs- (rūr-), ōs (ōr-), jūs- (r), oss- (ossu-), mājōs- (-jus, -mājōr-), vetus (veter-) adj.; mari-, calcāri-, animāli-; Adj.: mīti-, ācri-, facili-, celeri-, fēlīci-, audāci-; 4 скл. pecu-, genu-	корен- m., камен- m., матер- f., кости- f., оси- f. (pl.), пѫти- m., гости- m., огни- m., (берьт-, видѧт- part. m.n.), свекры- f. (свекръв-), [ы = ū; ъв = ьv = ov = ou = ū], мыши- f. (ерєси- f. gr.); 4-е склон.: сынъ- m., медъ- m. [ср. II-е скл.]; имен-, сѣмен-, небес- (= -ос, словес-), ягнѧт- (дѣтѧт-) (въ ед. ч.), смерти- f., соли- f., нощи- f.
Падежи: Singulāris. Nōm.	Суффиксы: m.f. -s; Neutra какъ acc.	cs (= cs и gs); p-s (и bs = ps); [-t-] s, [d-] s; -m-s; [n-] s, -n (s), [n-s]; [v-] s, -s (s); r (s) (-s), l (-s); i-s [i-s]; ū-s (eus); 4 скл. -u-s. dux, silex, crux, jūdex, lūx, rēmex, conjux, strix, grex, salix, lēx, rādīx, rēx, arx, nex, (lynx), fax, (sphynx), pāx, vōx, (onyx), (Cappadox), (Allobrox), fēlīx, audāx; aucep-s, princep-s, Op-s, stirp-s, urb-s (= urps), (Aethiop-s), (Arabs) (bs = ps), (chalyb-s), inop-s, particep-s, caeleb-s; ana-s, vā-s, aetās, lampa-s, nepōs, custōs, virtū-s, incū-s, pecu-s, pēs, ariēs, abiēs, sege-s, quiē-s, mercēs, mīles, obse-s, lapi-s, lī-s, nox, puls, praes, frōns (2), ferēns, dīve-s, praeceps; hiem-s (hiem-p-s), sangvī-s, tubicen, pecten, rēn, sermō, nātiō, Macedō, ordō, homō, Karthāgō, carō, (can-i-s); bō-s, mōs, honōs, lepōs (-ōr), arbōs (-or), lepus, mās, mūs, glīs, Cerēs, cinis, nūbēs, glōs, plēbēs, pūbes f.; adj. m.f., (mājōs), mājor, vetus; pater, māter, dator, consul, sāl, sōl, pugil, pauper, cicur, memor, vigil, fūr, pār; ignis, axis, ovi-s, nāvi-s, hostis, vesti-s, (mentis) mēns, cani-s, mons, mors, nox, mīti-s, (ācri-s) āc-e-r, celer, vigil (i-s), (audāx), (pār); sū-s, grū-s (grui-s), (Orpheu-s); 4 скл.: senātu-s, arcu-s, artu-s, acu-s, socru-s, nuru-s, quercu-s	caput, (lacte) lāc, alēc, cor, (poēma), (dīves), (ferēns), (inops), (praeceps), (particeps), (fēlīx), (audāx), pār; sēmen, nōmen, vēr, cadāver, iter (itiner), fār, (nectar), mel, femur, nemos, -us, genos, -us (aliōs), aequor, rōbor, -ur, fulgur, vās, (ais) aes, rūs, jūs, -ōs, os, (ossu), mājus (= ōs), vetus; mare, calcar, animal (animāle), mīte, ācre, facile, celere; 4 скл. genū, pecū	корѧ (р. -ены), камы (р. -ень по II. (маѳи по i), (р. мать и матер(е)), соль, ношть (р. ношть), кость, ось, мышь, пѫть, гость, огнь (р. гость и ог-о-нь по 2), берѧ, видѧ, свекры (ересь), сынъ, медъ. Основа: имѧ, небо, ягнѧ, слово.
Voc.	~	Вмѣсто звательнаго употр-ся именительный. Но въ греч. словахъ часто основа: Atlā, (вм. *Atlant-) Orpheu, Sophoclēs (и Sophoclē по I скл.).		Или какъ именит.: маѳи, свекры или усил. основа: пѫти, кости (и = ī) (и = лі); камени, маѳери (по i), сыну.
Acc.	[-am, m] -em, -m (N. часто безъ суфф.)	Согл. +m, (e), а также иногда по -i: -i-m, и обкн., какъ согл., -e-m: duc-em, aucup-em, mātr-em. nāvi-m и nāve-m, mīte-m, pūber-em, pūbem, ācre-m; su-em. *u-em, -u-m: arcu-m.		камен-е[м], матере[м]; кость[м]; также по i: камень, сынъ.
Gen.	[-s] jas, jas (ās) (jos, -ios) -os (иногда съ подъемомъ основы).	Согласн. + *os, -us, -es, -is, (u, -i): *duc-os, duc-us (duc-u), duc-es, duc-is (duc-i). *-i-is, -eis, *-īs, -is, (-i): *ovi-is, oveis, *ovīs, ovi-s, (ovi); nūbis. *ū-is, -u-is: su-is. 4 скл.: -u-os, -u-us, -uis, -ūs, -(ū, -ī): acu-os, (acu-us), acu-is, acūs, (acū, acī).	nōmin-us, nōmin-is, corpos-is, corpor-is, genes-is, gener-is; itiner-is (iteris); capitis; farr-is; mājōris, aeris. i: mari-s. u: pecūs, pecū.	камен-е[с], имен-е, матер-е[с], небес-е, свекръв-е, ягнѧт-е. Но: кости [и = ī = īs], пѫти (р. пѫти; димѧти), сыну [у = лу]. ū = ūs (и по 2).
Abl. (часто съ Слав. Instr.)	[at], (ot), -ed (усил. осн.), [bhi]-mi	Согл. + ed, -e: duc-ed, duc-e; иногда, особ. прилаг. по i: mājōre и mājōrī; i усил. въ ei: *ei-ed, *eid, ēd и īd, -ī: ignei-ed, *igneid, ignēd, ignīd; ignē, ignī; обкн. сущ. какъ согл.: igne (иногда e исчез.: lapi). *ū-ed, u-ed, u-e, ue. 4 скл.: *u-ed, -ūd, -ū, (u): acu-ed, acūd, acū (acu).	nōmin-e (d); marī (d), airīd, aere, fēlīcī, ferente и ferentī, pecū (d), genū.	Instr. -мь = bhi (рск. -м). пѫть-мь, сынъ-мь; имень-мь. Согл. м. и ср. р. по i: камень-мь. Ж. на i по ī: кости-ѭ (= *кости-ja-мь)
Dat.	[ai], (oi), -ei (иногда усил.)	Согл. + ei, -ē, -ī: ducei, ducē, duc-ī. *i-ei, -ei, -ē, -ī: *igni-ei, ignei, ignē, ignī. *ū-ei, *u-ei, -u-ī: su-ī. 4 скл.: -u-ei, -uī, (-ui), -ū: acu-ei, acuī, (acui), acū.	nōmin-ī, cord-ī, aere, aerī, marī, (pecu-ī), pecū.	-и = ī = ei; ов-и = ов-ī = ou-ei; камен-и, матер-и, имен-и, оси, пѫти. сынов-и (и по 2)
Loc.	-i	Согл. основы идутъ по -i, а отъ сихъ *-i-i, -ī, или -i при согл. также *-u-i, -ū, рѣдко по образцу i: uī. Сохранился въ немногихъ съ dat. и abl., потерявшимъ d: Karthāgin-ī и -in-e; vesper-ī, arbor-ī, domuī.	въ -e (какъ mare = marī) словахъ, ибо отпадался: Anxur-ī, rūrī, temporī.	Согл. по -i, а отъ u (-ī): кости, гости, имен-и, пѫти. сыну (у = ау) ū-ī (и по 2)
Plūrālis. Nōm. и vōc.	[-as, -as] (os) es. (часто подъем.) Ntra -a.	Согл. и u-основы идутъ по -i, а i усиливается въ ei; слѣд.: *ei-es, -eis, -ēs (-īs): *ovei-es, oveis, ovēs, (ovīs); omnēs; ducēs. *ū-ēs, -u-ēs: su-ēs. 4 скл. *u-es, -ūs: arcūs; īdūs.	Согл. + -ā, -a; -i-ā, i-a (прилаг. обкн. по -i); u-a: nōmin-ā, nōmin-a, gener-a, melba, mājōra; maria, ferenti-a; praecipit-i-a; vās-a, rūr-a, oss-a; aera, paria. pecu-a. (complūra и complūr-ia)	е (= ес): камен-е; но б. ч. по -i: маѳер-и, какъ: оси (и = ī = i-es). masc. съ подъем.: пѫ- mij-e. сынов-е (и по 2). Neutra a: имен-а, небес-а
Acc.	-s къ acc. sg. Neutra (ā) a.	Согл. + *em-s, *en-s, -eis, -ēs, (-īs): *duc-em-s, *ducens, duceis, ducēs. *im-s, *i-n-s, -īs, но обкн. по аналогіи согл.: -eis, -ēs: *nāvi-ms, *nāvin-s, nāvīs, или nāveis, nāvēs. Тоже: su-ēs. *u-ms, *-u-ns, -ūs: *acu-ms, acu-ns, acūs.		Согл. по -i, т. е. на -и (= ī = ьмс): кости, пѫти, камен-и. сыны [ы = ъмс]. ягнѧт-а (но дѣти)
Gen.	[-sām-s] -sōm, -ōm.	Рѣдко *-sōm, -rōm, -rum: bov-e-rum; обкн. -ōm, -om, -um: duc-om, ducum; mātr-um, bo-um. -i-om, -i-um (согл. иногда по -i): igni-um, urb-ium, noct-i-um, menti-um, arcium, nūbi-um; ferent-um и ferent-i-um. *ū-um, -u-um: su-um. 4 скл.: -u-um, (-ūm): acu-um, (acūm).	(и безъ m: o, u): nōmin-um, corpos-um, corpor-um, capit-um, poēmat-um, mājōr-um; mari-um, ācri-um; pecu-um	-ъ (= ъм = um); i-й (= iъ = i-um): камен-ъ, маѳер-ъ, имен-ъ. кості-й, пѫті-й; ягнѧт-ъ. сынов-ъ (подъемъ ъ въ ов). (и по 2).
(Instr. (Abl.) Dat. (Loc.	-bhis) [bhjams] (bios), bōs [-sva] -su	Instr. pl. = instr. sg. -bhi+s; въ слав. -ми, но м = bh часто теряется. Въ лат. dat. pl. вм. 4-хъ падежей; bhjams = dat. sg. (см. prōnōm.) + s. Согл. + bōs, -bos, -bus (оч. рѣдко): bō-bus (= *bov-bus), bū-bus; sū-bus. Обкн. по -i: -i-bos, -i-bus: mātr-i-bos, ācri-bus, duc-i-bus, bu-i-bus. 4 скл.: -u-bus, (-ubus), -i-bus: acu-bus, (ac-bus), aci-bus (fīcīs). (artus у поэт.) (Loc. -su въ слав. -сѣ, хъ (см. стр. Грамм.).	nōmin-i-bus, corpor-i-bus, capit-i-bus, ossi-bus, mari-bus, ācri-bus, animāli-bus, fēlīci-bus. pecu-bus; corni-bus.	Instr. м. и ж. -ь-ми (по i); ср. ы/ъ по ь: кость-ми, пѫть-ми; имены, маѳер-ь-ми, сынъ-ми. Dat. (по i): -ь-мъ, (емъ); -ъ-мъ: кость-мъ, пѫть-мъ; имен-ь-мъ, камень-мъ, (-емъ). Loc. по i: -ь-хъ, (ехъ), -ъ-хъ: осьхъ, маѳер-ьхъ; сынъхъ; имен-ьхъ.

	IIе (-o-)-склоненie (=2му лат. и гр.) Латинское.	IIе (-o-)-склоненie Славянское.	Iе (a- и -e-)-склоненie (=1 и 5 лат. = 1 греч.) Латинское.	Iе склоненie Славянское
	Masc. и fēm.; neutra. -o- (-u-) -io- (-iu-).	Mascul. Neutra. -o- (-ъ = лат. u). -o- -jo- (-jъ, т.е. ь, й). -jo- (-jе, є)	Fēm. и masc. Fēm. и masc. -ā-, (-a-) -iē- (-ē) -iā- (-ia-) (5е скл.).	Fēm. masc.; fēm. и masc. -a- -ja- (-я- = ia).
	lupo- humo- jugo- (lupu-) (humu-) (jugu-) agno- somno- alvo- vīno- māle- tauro- vanno- grāno- cato- colo- līno- nāso- (colu-) dōno- eqvo- domo- mālo- animo- angulo- (domu-) malo- oculo- (по 4 скл.) ōvo- globo- (Dēlo- gr.) foeno- musco- asino- (Tarento- gr.) verbo- argento- gāmulo- dīvo- deo- (Chio- gr.) (Tarento- gr.) mālo- m. armo- pl. puero- (Cypro- gr.) ostio- (Bactro- pl.) socero- Euro- m. folio- vespero- (-er-) Vējo- m. pl. (Samnio-) agro-, apro- (Dēlpho- m. pl. gr.) (euangelio- gr.) viro-, lēviro- (Baccho- m. gr.) novo-, laevo-, malo-, rubro- adj. m. ntr. curvo-, misero-, saturo- adj. m. ntr. Clōdio-, genio-, filio-; Gājo-, Pompējo- m. jānuārio- ēgregio-, rēgio-, sērio-, pio-, aureo- adj. m. ntr., mortuo-, vacuo-	влько-, р. волко- иго- воло-, быко- коло- сьно-, р. сно- (колесо-) льно-, міро- вино- туро-, кото- зрьно- духо- носо-, домо- (р. зерно-) жгьло, р. угло- очко осьло-, р. осло- (р. око-, слово-, ухо- и пр.; въ дрвб. лат. по -es-) р. клубо-, мхо- с(е)ребро- диво- m. (Сл. о П. И.) диво- свекро-, вечеро- сьно (муро) бого-, (ангело- gr.) четьjо- (Бакхо- gr., Ромуло-) копьjо- звѣро- Кypро- быліjо- (Таренто- gr., Дельфо- gr. pl.) (евангеліjо) даръjо- (Самнiјо-) коньjо-, (р. огньо-, гость-о- и пр. вм. i) морjо- вепрjо-, двверjо-, луча- полjо- анарjо-, кънязьо- лицjо- крајо- (Гајо-, Помпејо-), Кіјо- ложе змијо- (геніјо-, Клодијо-, Хијо-) (= гјо) роjо- Adj. m. ntr.: ново-, лѣво-, криво-, бѣло, рѫдро-, худо; ветъхо- синјо-, бујо-, отьчо-, рыжо среднjо- (сн. Смѣшивается съ 4 скл.: сынъ)	lupā- scrība- aciē- f. eqvā- nautā- rabiē- f. animā- parricīdā- faciē- f. dīvā, deā Numā- fidē- f. viduā incolā māteriē- f. muscā dūritiē- f. undā- (Aeneā-) plēbē- f. (v)lanā- (Barcā-) spē-, rē- f. (Leōnidā-) diē- m. f. lūnā-, Rōmā- f. meridiē- m. Kalendā- f. pl. aurōrā-, (Mūsa- f.) (Circē- f. gr.) spīnā-, aqva- f. (Sinōpē f. gr.) fabulā-, fēminā- f. (Anchīsē- m. gr.) turbā- puerā- f. menthā-; puellā- f. vigiliā filiā- f. māteriā-, dūritiā f. pecūniā; nuptiā- pl. f., (Athēna- pl. gr.) Adj. fem.: novā-, laevā-, curvā-, malā-, rubrā-, miserā-, saturā-; mortuā-, vacuā-; Clōdiā-; Gājā, Pompējā; jānuāriā; ēgregiā-, rēgiā-, piā-, sēriā-, aureā-, mediā-	Fem.: masc.: fem. жена- воевода- земля- снъха- (= земја) весна- р. мужчина- душа- дъва- старшина- (= дух+ја) вьдова- старостa. воля муха- Comm.: (= волја-) сирота- змѣя- вода- плакса свинья- волна- кънагыня- волна- убійца (р. княгиня) и пр. masc.: луна- вельможа- роса- (= огја) спина- юноша- женщина- (= хја-) толпа- сѫдья- (судья) мѫта-, рѫка- Comm.: страна- ровня уха- (юха-) и пр. Adj. fem.: средня, нова-, лѣва-, кри- синя-, ва-, ветъха-, бѣла-, буя- рѫдра-, худа. отьча- Иностр. слова: рыжа Кирка-, Фоба- f.; Гая- Барка-, Никија- m.; Клодія f. Іеремія m.
	-o-s, обкн. -u-s, [-u-s]; -o-m, -u-m.	ъ[с], -ь[с], -й[с] -о[-м] jе-є:	[-ā-s], -ā, -a. -iē-s, -ē-s	-a -я (-a)
Sg. N.	lupo-s, lupu-s; humu-s. Acc. вм. N.: somnus, taurus, alvo-s; jugo-m, -um catus, nāsus, eqvos; mālus f.; vīnu-m mālus (m.), animu-s; vannus; grānu-m angulus, oculus, globus; colus; mālu-m. muscus, asinus, Rōmulus; domus; malum. dīvo-s, deu-s; (puerus), puer; (Dēlo-s); ōvo-m socer (o-s), vesper, (agros), age-r; foenum. ape-r (us), vir (u-s), lēvir; Tarentus; verbum (Bacchus), Eurus. (Cypros, Chios; Tarentum. Adj. msc.: novos, laevos, curvos; argentum mortuo-s, vacuos, miser (os), satur (us); novo-m io: Clōdios, -ius, (-is); genius, filius; laevom Gajus, Pompējus, jānuārius. curvom ēgregius, rēgius, sērius, pius, aureus.	вълкъ, р. волк(ъ); духъ Acc. вм. N. волъ, быкъ; сънъ (р. с-о-нъ); иго. льнъ (р. лён), міръ (миръ); коло. туръ, котъ, носъ, домъ; колесо. жгълъ (р. уг-о-лъ) клубъ, мохъ; вино. осьлъ (р. ос-о-лъ) дивъ, вечеръ; зрьно свекръ (р. свёк-о-ръ) богъ, (ангелъ) (зерно) Бакхъ, Ромулъ, Тарентъ, Кипръ) (р. око, конь (р. кон, огонь, гость); очко, вепрь, дверь, лучь, датель; ухо); кънязь (р. князь), анварь (-рь) сребро и януарій. край, кій, диво. змій (Гай Помпей, геній, сьно Клодій, Хій); рой (Маіевій) (муро). Adj.: новъ (р. нов), лѣвъ, кривъ, бѣлъ, рѫдръ, худъ, ветъхъ. Ново, лѣво; синь; буй, отьчь, рыжь, средь	×deā-s, deā, dea. aciēs ×novā-s, novā, nova. rabiē-s ×māteriās, materiā, māteria; faciē-s vidua, lūna, mortua и т. д. fidēs. Rōma. (какъ основа). māteriē-s parricīdās, parricīdā, dūritiē-s parricīda; (hosticapās, plēbēs (ср. III скл.). см. прим.); nauta, Numa и т. д. spē-s, rēs diē-s (Mūsa, Crēta) meridiē-s. (Aeneās, Leōnidās, Barcās) (Circē) (Sinōpē) Anchīsē-s	жена, земля воевода дъва душа. вода мужчина змѣя. кънагыни нова сирота (р. княгиня) синя (Муса) (Барка) судья (Кирка) (Никија) Гая, Клодія, Іеремія. (и т. д., какъ основа).
V.	Ослабленная основа (т. е. -e), mortuo-m а иногда Nom. вм. voc. misero-m lupe, eqve; (puere), puer, [domus], saturum. nove; (lēvire), lēvir, (deus) -io-: filie, fili; (Clōdii), Clōdi ostium, foliom pie, genie. Gai, Pompēi. (euangelium)	Ослабл. основа: -e: криво, ветъхо. туре, вльче, душе, бѣло, рѫдро, худо боже, свекре; но: новъ (часто по 4 скл.: туру) лицо, -je- осн. на -jo- по 4му скл. ложе, поле, краю, коню; но синь; устье, быліе (р. ск. = имен.; но боже) копье (= копьjо). (євангеліе)	Неизмѣн. основа = Nom.; Nom. вм. Voc. dea, nauta (mūsa) и т. д. fidēs, rēs Circē. (Въ греч. masc.-основа: Aenea, Anchīsē.	Ослабл. основа: -o и -е (-e). жено-, дъво, сиро. земле, воеводо, владыко. душе но въ прил. и въ рск. = и-на: сѫдіе нова, синя (воеводи, дъва):
A.	-o-m, -u-m, (-o, -u): jānuārium. dīvo-m, alvo-m, mortuo-m ēgregium. deum, humum, virum (domum) rēgium, pium filio-m, filiu-m, (filio, filiu) sērium; vacuum; aureum Samnio-m.	-ъ[м], -ь[м], -й[м] (Самніе) влькъ, конь, рай синіе, отьче; слѣд. = Nom. средне, бује, (Въ русск. одуш. рыже. сл. имѣютъ родит.).	-a-m, -(an), (греч. ān, -an); -iē-m, -ē-m dea-m scrība-m aciē-m; rē-m (Mūsa-m) (Aenēa-m (Circē-n). filia-m и Aenēā-n) (Anchīsē-n)	-ѫ = -a-m (р. у); -jѫ = -ja-m (р. ю). женѫ (жену); землјѫ (землю) воеводѫ (воеводу) душѫ (душу) сѫдіјѫ (судью).
G.	×-o-ios, ×-o-es, ×-ois, ×-eis; безъ s: -oe, ei, -ē-ī ×eqvo-ios, ×eqvo-es, ×eqvois, eqveis, eqvoe, eqvei, eqvē, eqvī; dīvī, deī, humī, jugī. ×-io-ios, ×-io-es, ×-iois, ×-ieis, -iei, -iī, -ī: filiei, filiī, filī. (Dēlī, Chiī) [domūs]	-a (= -ā = -a-as), -ja (т. е. ja) влька (р. волка); ига. (Бакха, Ромула); (мура). коня, края (Гая), четьја (и по 4му: у, ю). моря (євангелія) лица.	×-ā-jos, ×-ā-jis, -ā-īs, -a-is, -āis, -aes, -ās (-ēs): ×deā-jos, ×deā-jis, deāīs, dea-is, deaīs deaes, deās (deēs); scrībās; familiās. обкн. съ утрат. -s: -ā-ī, -a-i, -āi, ae, (ē): deā-ī, dea-i, deaī, deae (deē). (Aenēae) 5 скл.: ×diē-jis, ×diē-īs, diēs, diēī, (dieī, diēī diē, diī); rēī. (Circēs; Anchīsae).	-ы (= -ѫ) (рск. ы); -ja (рск. и) жены (р. жены). землја новы душа. воеводы. сѫдіја. Гаја (Мусы, Никијы). (р. земли, души, судьи, Гаи)
Abl.	×-o-ōd, -ōd, -ō(-ū, -ŏ, -ŭ); iōd, -iō и т. д. lupōd, novōd, lupō, novō; jugō(d) puerō(d), socerō(d), humō(d) и т. д. filiō(d), Gājō(d), ēgregiō(d); (Cyprō(d)) domōd, domō.	Instr. -o-мь (р. -o-м), -jемь (емь) жгъло-мь (р. угло-м); коло-мь свекро-мь, (Кипро-мь) (р. коло-м) конемь, краје-мь; море-мь и т. д. (часто по 4 скл.: -ъ-мь, -ь-мь)	×ā-ad, -ād, -ā, (-a); ×ē-ed, -ēd, ē, (-e). Rōmā-ad, Rōmād, Rōmā, (Rōma). deā(d), scrībā(d), novā(d) (Mūsād) filiā(d), Clōdiā(d), mortuā(d); (Leōnidād) rēd, rē, (re); Circē(d), Sinōpē(d), Anchīsē(d).	Instr. -o-јѫ (= -a-ja-мь; р. о-ю) и -је-јѫ (= ja-ja-мь; р. е-ю) женојѫ (женою), землејѫ; воеводо-јѫ; ново-јѫ, сѫдијејѫ (Кирко-јѫ, Іеремије-јѫ).
D.	×-o-oi, -ōi, -ō; ×io-oi, ×-iōi, -iō, (-io): ×dīvo-oi, dīvōi, dīvō; filiōi, filiō novō, humō; domō. (Dēlō), piō, (Chiō)	-у (= лат. ū, вм. ō); -ю (= jу и ьу) вльку (р. волку); колу, диву нову, (Бакху), вепрю; морю, лицу (часто по 4: -ов-и, ев-и)	×-ā-ai, (-ā-ei ?, -ā-ī), -āi, -āī; ai, ae (ā, ē) deāī, deāi, deāi, deai, deae, deā, deē, de novae; filiae, Numae (mūsae, Aenēae). ×ē-ei, -ē-ī, -e-ī, -ei, -ē: fideī, fideī, fidē (Circae)	-ѣ (= ai = āi); -и (= jѣ = ьѣ) женѣ, новѣ земли (р. -ѣ) воеводѣ, рѫцѣ. сѫдіи (р. судьѣ)
L.	×-o-i, -oī, -eī, -ē, -ī; ×-iei, ×-iē, -iī, (-ī). (смѣшался съ род. п., утратившимъ -s): ved- perī, humī, domī, qvintei и qvintī. Brundisiī. (Tarentī, Dēlī) alterei.	-ѣ (= ei = ai); -и (= -jѣ) (р. ѣ) турѣ, вльцѣ, дусѣ; колѣ, изъ кони (р. конѣ), рои, (геніи), устіи (и по 4му: вльку и пр.).	-ā-ī, -a-ī, -ai, -ae, (ē); ×ē-ī, -eī, ē, (-e). Rōmāi, Rōmai, Rōmae (Rōmē); longae (Sinōpae). diē (die) (смѣшался съ D. и G.)	-ѣ, -и (какъ дат.) водѣ, снъсѣ, ногѣ; души, воли (р. душѣ, волѣ); новѣ, сини
Pl. N.	×-o-es, ×-o-is, ×-ōis, -eis, -ēs, -īs. Neutra и безъ s: -oe, ×-oī, ōi, -ei, -ē, -ī N. и V. = Acc. dīveis, dīvēs, dīvīs, или: dīvoe ×o-ā, -ā, -a. dīvei, dīvē, dīvī; deī, diī, dī. ×ōvo-ā puerī; novī. (Delphī): Vējī (по domūs) ōvā, ōva filieis, filiēs, filīs; filiī (filiī).	-и (= лат. -ī = ei = oi) (к. 4). N. V. Acc. съни, бози, вльци, дуси. -a, -ja. (р. сны, боги, волки, духи) ига. и = (ји): кони, вепри, рои. кола. Adj. нови, сини (Дельфы) вина. нова.	×ā-es, -ās (-ā); или: ×ā-e, -āi, -a-i, ×āi, -ae, (ē): ×deā-es, deās (deā); deāes, deā-ī, dea-i, deai, deae, (deē); novae, filiae, piae, [Athēnae]. parricīdae и т. д. — ×diē-es, diēs, rēs. Kalendae, nōnae	-ы (= ѫ), ја (рск. ы, -и). (по формѣ не отлич. от вин.) дѣвы, мухы (р. мухи), рѫкы (р. руки); воеводы, новы. землја душа; синја (р. земли, души, сини)
A.	×-om-s, ×-on-s, -ōs, ×iom-s, ×ion-s, -iōs: vīna. ×eqvom-s, ×eqvon-s, eqvōs. deōs. arma novōs; alvōs. domōs. (Delphōs). (Bactra) filiōs, mortuōs; piōs; Vējōs. ostia nova, pia (euangelia)	-ы (= ×ъм-с = ѫ); -ја (= ьм-с) мора. (рск: неодуш. -ы, и; одуш. = род.) чедја. съны (р. сны), богы (богов) вльки сина (волков), духы (духов); новы. євангелія. конја (коней), краја, синја	×ām-s, ×ān-s, -ās-s (оск), ās: ×deāms, ×deāns, deāss, deās; novās, Kalendās (Athēnās). filiās, nuptiās, piās, mortuās. ×ēm-s, ×ēn-s, -ēs: diēs, spēs, rēs.	-ы (= ×ѫ = -am-s); -ја (вм. ја = jams) (р. ы; и въ неодуш.; одуш. - род. п.) воды, ногы (р. ноги); воеводы (р. воевод); новы; кънагынја (рск. княгинь); среднја: змѣја.
G.	Основное -o- усиливается въ -ō-; -ō-rōm, -ō-rum -ōrum (и -āro, -ōru): deō-rōm, deō-rum; novō-rum; domō-rum (и domu-um), pue- rō-rum; piō-rum; Vējōrum; jugō-rum. Также ×o-ōm, -ōm, -ūm: deōm, deūm и пр.	-ъ[м], -ь(-м), -й[м] (jъм): богъ, влькъ, конь, край; новъ. винъ, морь; копій; євангелій (р. въ муж. р. овъ вм. ъ, т. е. по 4 скл.)	-ā-rōm, -ā-rom, -ā-rum; ×ā-ōm, ōm, -ūm deārōm, deā-rum; deōm, deūm. novārum; incolā-rum, incolūm; (Athēnā-rum); filiā-rum. rē-rom, rē-rum	-ъ (= лат. -u-m); -ь (= jъ = -jum) женъ, снъхъ (р. снох). -й новъ; воеводъ. земль (р. зем-е-ль); сѫдій (р. -ей)
D. etc.	×o-bōs, i-bos, ī-bus (рѣдко): amīcibus, filī-bus, parvi-bus. обкн.: ×o-bōs, ×o-bīs, ×o-īs, ×o-is, -ōis, -oes, -eis, ēs, -īs: lupois, lupoes, lupeis lupēs, lupīs. novīs, alvīs, malīs (m. f. n.), armīs; dēis, diīs, dīs; filieis filiīs, (filīs) Vējīs (abl. и loc.); ostiīs	Instr. ы (= ъ-и = ъ-ми); и (= jы): вльковы, новы, вины (р. волками, конми, сини, устии (р. конями...) Dat. -o-мъ, -je-мъ (емъ) (р. а-м). бого-мъ, ново-мъ, дѣло-мъ (р. а-м) роје-мъ, дњемъ, быліемъ (р. ям) Loc. (на -ī) ѣ-хъ, -ихъ (р. ах, -ях) -міріѣ-хъ, бозѣхъ, устіихъ (и по 4у)	×ā-bōs, -ā-bos, -ā-bus: deā-bos, deābus обкн.: ×ā-bōs, ×ā-bīs, ×ā-īs, -a-is (оск), e-is, -īs: deais, deeis, deīs; āis, -ās: de- ās. viduīs, novīs, nautīs; filiīs piīs. [Athēnīs, въ Аѳ., изъ А., А-ми). -ē-bus: diēbus, rē-bus.	Instr.: -a-ми, -я-ми: жена-ми, новами, землями Dat.: -a-мъ, -я-мъ: сиротамъ, синямъ, душамъ Loc.: -a-хъ, -я-хъ: волнахъ, буряхъ, змѣяхъ

52, 12 сн. прб.: Raff. Fornaciari, Gramm. storica della lingua ital. P. I. Morfologia. Torino, 1872. (до 35ᵉ стр. есть здѣсь и фонетика; составл. по Дицу). Изъ труда Дица къ фонетикѣ относится 1ᵉ томъ.
11. Зач.: „Въ м.... 393)," какъ указано зачеркнуть подобныя мѣста въ добавл. къ стр. 2, 52; 24, 5-8 сн.; 34, 4 сн.; 39, 5 сн.; 47, 4 сн. 8 сн. прб.: Gossrau, Sprachlehre, 40-75. Для греч. см. таблицы при 2-мъ томѣ Passow's Hdwtbuch (5ᵗᵉ Ausg.).
1 сн. Съ глубокимъ сожалѣніемъ я долженъ просить теперь читателей, какъ можно тщательнѣе зачеркнуть фразу: „Въ I. Kiev. гимназіи оно стоитъ теперь довольно удовлетворительно". Дѣло, которое мнѣ удалось было установить съ огромнымъ трудомъ, послѣ продолжительной борьбы — и притомъ установить во всѣхъ классахъ (см. Русск. Вѣстн. 1871, № 4), послѣ моего выхода постепенно разрушалось и теперь доведено почти до нуля (хотя я и по выбытіи долго старался поддерживать оное), потому что такъ гг. учителямъ гораздо легче и удобнѣе... Послѣ всего сказаннаго въ выноскѣ, къ коей дѣлаю это добавленіе, мнѣ и пріятно и грустно было встрѣтить слѣдующее требованіе ученыхъ педагоговъ: die quantität der stammsilben ist beim erlernen der wörter genau zu beachten und einzuprägen (Lattmann u. Müller, Lat. schulgramm. 1872, s. 3). О способѣ произношенія ср. Schmidt, Lhd. 2-9.

53, столб. 1, стр. 7: сд. къ hūmānus вын.: *) Это потому, что въ болѣе древнемъ языкѣ было hōmō, какъ видно, напримѣръ, изъ сатурнова стиха у Nävius: Qvi terrāi Latiāi hōminēs tūserunt.
Послѣ 24ᵍᵒ вкл.: 3) передъ i, если оно стоитъ вм. ji, напр. ēiciō. 25. вм.: 3) д. б.: 4) 2 сн. прб.: и VI, §§ 29, 1. 38, I, 1.
Столб. 2, стр. 23. прб.: за исключеніемъ itum, citum, litum, qvitum и situm (см. выше, nº 5. б)

54, столб. 2, стр. 4-5. зачеркн. все отъ „и vas, vadis...." 10. прб.: и pūbēs (impūbēs), -eris.
18. прб.: „въ таковыхъ же древне-лат. формахъ: novos, opos, senātuos. 36. прб.: кромѣ ср. ст.: mājus, но -ōris
48. вкл.: vās, vadis. кнц. прб.: и ср. ст., напр. mājus (-ōris). 51. прб.: illic, istic. 63. прб. § 29, 3.

55, 5. д. ч.: внутреннихъ ощущеній и внѣшнихъ впечатлѣній
11 сн. по „намѣренія" прб.: „поэтому словообразованіе лишь отчасти войдетъ въ этотъ отдѣлъ, а преимущественно будутъ изложены въ немъ флексіи словъ (морфологія). (См. о словообраз... по „465" вкл.: и IV, 1-373. 11-9 сн. прб.: Kühner, Ausf. gr. gr. I, 690-752; Шерцль Ср. Гр. т. II (весь); Diez, Gramm. d. rom. Spr. II, 276-492; Fr. Meunier, Les composés syntactiques en grec, en latin, etc. Par. 1873. — Fr. Haase, Vorles. üb. lat. sprachwiss., hgg. v. Eckstein. Bd. I, Lpz. 1874. — Fornacciari, l. c. 84-120 (для ит.).
5 сн. ч.: formenbildung. 4 сн. прб.: Его же Die ableitung d. verbalendungen etc. Berl. 1871, ss. 5-25; Ed. Chaignet, Théorie de la déclinaison des noms en gr. et en lat. Par. 1875; Pezzi, l. c. 286-361 (словообр.) и 371-394; Kühner, l. c. I, 279-490; 690-4; 698 ff. — И. Цвѣтаевъ, Къ вопросу о постепенности развитія падежныхъ формъ въ лат. яз. [т. е. просто обзоръ лат. падежныхъ формъ; прилежная компиляція учащагося] въ Ж. М. Н. Пр., Отд. класс. филол. 1875, кн. 7-11; Fornacciari l. c. 35-50; Бѣлявскій, Этим. 22-100; Curtius gr. g.

56, 22. вкл.: Они сначала энклитично пристали, а потомъ срослись съ корнемъ или основою.
38 д. б.: первичныхъ и вторичныхъ суффиксовъ. 40 сл. д. б.: -ie- и -ent- (и. п. -ie- = -io- о. гл. осн. (präsentная) sapie- или sapio-, отъ которой ... 47. прб.: (какъ выше замѣчено; стр. 55).

57, 21. вкл.: съ въ глагольно-именныхъ формахъ первичною основою считается и та, которая произведена отъ производной глагольной основы, см. § 26 (стр. 56) и § 37. 26. вм.: „amā-, напр. въ amātu" д. б.: fer-ent- и 26 сл. ч.: суть основы причастій ferēn-s, amān-s. 1 сн. по „напр." вкл.: „въ лат. rēmex, rēmig-is суффиксъ -ig- есть ослабл. корень глагола ago; poteram = pote (potis) eram.

58, 17. ч.: ad-ven-a- 23. по „наз." вкл.: звуковое обозначеніе понятія, являющееся какъ
39. по „слитныя" прб.: причемъ послѣдняя часть въ составн. и связныхъ словахъ можетъ быть и первообразною и производною. 50. вкл.: [русск. спаси-бо = спаси-богъ; малор. бо-дай = богъ-дай]

59, 1. ч.: кулачная пощечина. 19. ч.: ἔ-φῡ-ν, ἔ-φῡ, φύ-ω. 22. кнц. прб.: (ср. §§ 27; 35, 1; 37, 1).
6 сн. О частяхъ и флексіяхъ по древнимъ граммат. см. Steinthal, Sprachwiss. bei d. Gr. u. Röm. 568-685.

60, 26. ч.: дитя и чадо, грч. τέκνον и βρέφος, нѣм. Kind. 47. ч.: τό, τί, ἄλλο вм. το-τ, τιτ, ἄλλοτ.
2ᵃ и 1ᵃᵃ строки снизу вышли во многихъ экземпл. неразборчиво и потому здѣсь пишу вновь съ дополн. къ верхней изъ нихъ. 2. сн.: суффиксъ"; а Поливановъ (стр. 18) такъ-таки прямо говоритъ, что „окончаніе ... назыв. флексіею". Тоже повторяется и у Бѣлявскаго, который охваченъ чуть-ли еще не большимъ сумбуромъ въ пониманіи терминовъ: флексія, суффиксъ, родовое окончаніе, основа (стр. 25, 29 сл. и пр.). Выраженіе „измѣненіе флексій", излюбленное нашими грамматиками, есть чистая нелѣпость: это тоже, что „измѣненіе измѣненій" (флексія = гнутіе). Только у Колосова нѣтъ этого вздора!
1 сн.: Такъ наз-ся и въ греч. οὐδέτερα; въ рск. тоже — средними, въ нѣм.: вещественными (sächlich), въ скр. klīva (скопцами)

61, 1. Сжатый отвѣтъ: Три причины: фонетич. неудобство (dīvit, fēlc), забвеніе силы конечнаго s и привычка употреблять эти слова, по ихъ значенію, почти только въ муж. и жен. родѣ, слѣд. въ формѣ съ s.
26. ч.: Въ рум. и лит. 29. прб.: [арм. утратилъ роды, но сохран. формы преимущ. муж.; и въ новоперс. нѣтъ род.]
30 сл. Теперь я, напротивъ, пришелъ къ убѣжденію, что множ. ч. образовалось изъ двойств., въ противоположность къ „геніальному" открытію В. Гумбольдта (Üb. d. dualis); но докажу это въ особой статьѣ.
40. по „πτώσεις)" вкл.: т. е. формъ, выражающихъ связь и отношенія между представленіями.

62, 32. прб.: тоже и въ новогреч. часто вин. 3 скл. на α обратилась въ именит. и слово пошло по 1 скл., напр. γυναῖκα, φλόγα, род. γυναῖκας, φλόγας (вмѣсто: γυναῖκα, φλόγα, γυναικας, φλόγας). Началось это очень рано; см. напр. Steinthal, Gesch. d. sprachw. 406, 413, 424. 36. ч.: съ предлогами, даже предъ именами городовъ и сдѣл. вын.: 1) Такъ передаетъ Светоній (c. 86. Aug.); но въ Mon. Anc. V, 21. 23. мало опоры (См. Momms. Res gestae d. Aug., p. 144 sqq.)

63, 25. св. вын.: *) Во вновь написанной таблицѣ (см. ч. II, стр. 52–53) я счелъ за лучшее отдѣлить формы основъ на -u- (=ъ) отъ основъ на -o-, взявши въ образцы первыхъ сынъ, вторыхъ – вльлкъ и пр.

35. чит.: v = u м. и ср. р., и на η ж. р. ед. ч., а также немногія на -η обоихъ родовъ, напр. κλέπτης воровавшій, -ая.
38. приб.: ; или просто перешли во 2ое склоненіе, какъ напр. lātu-s, lā-tu-m, (lāta) = лит. platùs, греч. πλατύ-s, скр. prathú-s или pṛthú-s, зенд. perethu-s (и въ слав., напр. младъ = скр. mṛdú-s, милъ = лит. meilùs)
47. д. ч.: есть и 3тье окончаніе, но такъ, что ж. р. образованъ поср. новаго суфф. -ia-, напр. μέλαν ntr., μέλᾱ-s (= *μέλαν-s) m., μέλαινα (= *μέλαν-ια) f. черный, причастія, напр. ὤν, οὖσα (= ὀντ-ια), ὄν сущій и пр. Въ слав. есть остатокъ такихъ основъ въ имен. п. ед. ч. причастій, напр. сѫ, давъ m. n. = *сѫт, *давъс; ж. сѫщи : сѫщи.

64ая страница вышла съ камня такъ неразборчиво (хотя была написана, при всей мелкости, весьма четко), что я счелъ нужнымъ написать ее вновь и притомъ во вдвое большемъ форматѣ. Правда, и теперь написана она очень густо (см. выше; стр. 52–53), но, съ одной стороны, надѣясь, что переводъ на камень будетъ сдѣланъ теперь умѣлѣе, тщательнѣе и удачнѣе, и, съ другой, обращая вниманіе на то, что густо и мелко написаны только примѣры, тогда какъ самыя окончанія, уясняющія исторію формъ, изображены весьма отчетливо, думаю, что изученіе таблицы не представитъ теперь затрудненій. Относительно образованія многихъ формъ, особенно множеств. и двойств. ч. и род. ед., взгляды мои значительно измѣнились; но такъ какъ представить оные безъ доказательствъ нахожу неудобнымъ, а доказательства потребовали бы слишкомъ много мѣста и времени и вообще завели бы меня слишкомъ далеко (тѣмъ болѣе что мнѣ удалось, какъ я въ томъ убѣжденъ, открыть нѣкоторые новые фонетич. законы), то я счелъ за лучшее просто переписать прежнюю таблицу и слѣд. представить на судъ читателей ту теорію, которую я имѣлъ (хотя и съ сомнѣніями, см. выноску на стр. 65 „Грамм.") въ 1871 г., ограничившись при перепискѣ лишь самыми легкими и весьма немногими поправками въ частностяхъ. Но за то таблицу я значительно пополнилъ примѣрами, подобравъ такіе, которые имѣютъ какой-либо интересъ, или представляя дѣйствительную или мнимую особенность въ склоненіи, или служа образчиками родовъ, или находясь въ родствѣ со словами русскими и греч. и т. д. (Ср. выше къ 63, 25, и ниже къ 65, 1 сн.) Что же касается до новой моей теоріи, то она будетъ изложена предварительно въ особомъ изслѣдованіи, касающемся всѣхъ индоевроп. языковъ. Этотъ трудъ подготовляется мною, на сколько возможно при другихъ занятіяхъ и при необходимости ограничиваться почти исключительно собственною библіотекою.

65, 2. д. ч.: кости, пѫти, матер-и, имен-и и т. д.; 4 скл. -у (= ъъ = ъо = ъа): сыну; II скл. masc. -а (= -o-a): вльлка, а...
5. ч.: 4 скл. съ подчеркомъ -ъ- въ -ов- (= *-оъ-): сынов-у; II скл. -у (= -o-y), -ю (= jo-y): вльку, игу, коню, морю (рек. дву-, воочію).
7–8. ч.: и т. д.; 4 скл. -ъ-ма: сынъ-ма; II скл. -о-ма, je-ма (е-ма): вльло-ма, иго-ма, коне-ма, море-ма.

Въ греч. таблицѣ приб.: σοφία, іон. σοφίη f. мудрость [какъ параллель къ dūritia и dūritie-s]; въ Gen. sg. ч.: -ῑος, -ος.... (*λύκο-ιος, *λύκο-ος, λύκοιο, λύκοο)... Loc. sg. Fī-φι (ἶφι).... κρατερῆ-φι βίη-φι (крѣпкою силою)
20–17 сн.: „къ указаннымъ ... oss-" теперь ненужны. 1 сн. д. ч.: Составлены обдуманно, осмотрительно и послѣ долговременнаго изученія. Въ спорныхъ случаяхъ избиралъ я тотъ путь, который казался возможно болѣе простымъ и болѣе согласнымъ какъ съ фактами языка такъ и со звуковыми законами. Въ преподаваніи я такъ велъ дѣло, что ученики собственно не заучивали таблицу, а возсоздавали ее, сначала вмѣстѣ со мною, потомъ сами по себѣ, при чемъ начало пути обозначено было суффиксомъ и слѣд. древнѣйшею формою, конецъ его позднѣйшими извѣстными имъ формами, нѣкоторыя, самыя важныя, промежуточныя станціи сообщались мною, а проводникомъ служили фонетическіе законы. Смѣло утверждаю, что такое занятіе было и интересно для нихъ и полезно въ разныхъ отношеніяхъ: весь классъ вызывался къ умственной работѣ. Что касается до слав. и греч. формъ, помѣщенныхъ въ таблицахъ и въ другихъ мѣстахъ, то такъ какъ ихъ роль здѣсь преимущ. служебная, я избиралъ тѣ, кои были наиболѣе полезны въ этомъ отношеніи, не задаваясь цѣлью непремѣнно провести строжайшее разграниченіе, во всѣхъ случаяхъ, по нарѣчіямъ; хотя по возможности и стремился къ тому, но все таки весь греч. и весь слав. языки, т. е. всѣ ихъ нарѣчія въ совокупности, разсматривалъ какъ одно цѣлое, одну массу, изъ коей бралъ, что мнѣ было нужнѣе и удобнѣе. Преимущ. однако въ греч. держался аттич. нар., въ слав. — др.-болг. и русск. — Об. итал. нар. 548.

66, 15. вкл.: отъ основъ на -u- (= -ъ-) произошли: сынъ (см. I, 8. вын.), платъ (см. выше къ 63, 38), медъ (ср. лит. medù-s, скр. mádhu, грч. μέθυ, др.-нѣм. mëtu), полъ и н. др. (о прилаг. см. выше къ 63, 38) 9 сн. прб.: ср. кельт. Dumnorix и пр.

67, 24. прб.: а въ іон. нар. бываетъ и въ дат. и род. мн., напр. κλισίῃσι, κλισιέων. 29. ч.: основа свекры проведена
32. прб.: Слабые остатки его есть въ такихъ формахъ, какъ граждан-е, имен-а, агнят-а, небес-а, р.-ъ.
41. прб.: однако въ новой табл. (II, 52–53) эти основы отдѣлены по примѣру Шлейхера, l. c., и Leskien'a (Gr. d. altbulg. Spr. 35 ff.)
44. чит.: пѫть, гость, огнь, дѣверь и пр. нерѣдко заимствуютъ нѣкоторыя формы изъ 2го скл., потому въ нихъ 6..... 45. прб.: гость = лат. hostis, гот. gasti-s; дѣверь (и лит. dëver-i-s) = грч. δαήρ и пр.

68, 3. по „cucumi-m" сдѣл. вын.: *) M. Bréal въ рецензіи Корсенова соч. Üb. ausspr. etc. (Revue Crit., 1872, p. 202) видитъ по двѣ паралл. основы cucumi- и cucumer- во всѣхъ падежахъ; cini-(s) въ имен. п. (= κόνι-s) и ciner- въ прочихъ. Не послужилъ ли тутъ скорѣе имен. п. основою для прочихъ съ правильн. измѣненіемъ -is- въ -er-? Подобное явленіе подмѣтилъ Шлейхеръ въ др.-бактр. яз. въ нѣкоторыхъ формахъ дат. мн. (стр. 585 сл.). Съ этимъ сходенъ и обычный у насъ безобразный пріемъ склонять арсисъ, Кроносъ, арсиса, Кроноса и т. д. вм. арсь, Кронъ, арси, Крона.
17–19: „Отъ основъ.... plēb-s)" теперь можно зачеркнуть (ср. выше къ 65, 20–17 сн.). 25. прб.: арг. и крит. τι-θέ-νs полагающій.
28. прб.: дор. βῶs. 6. сн. ч.: Во II скл. древняя форма на -os, -om уже во врем. SC. de Bacc. (186 г. до Р. Х.) сохраняется въ литер. яз. только послѣ u и v (mortuos, servom), а въ послѣкласс. время и здѣсь измѣн. въ us, um; но въ народн. нарѣч. -o- оставалось...

69, 2-по „оск. нар." прб.: см. §48, 2. а., а иногда и въ греч. написяхъ, напр. Ἀμμόνις вм. Ἀμμόνιος. 3. вкл. §48, 1. б.

11. едн. ч. вин.: xx) хотя и нѣтъ вѣрныхъ доказательствъ тому, чтобы слова муж. р. оканчивались на -ās, а не на -ăs; но имѣя въ виду, что первоб. -as превратилось въ лат. и греч. въ -os, т. е. что такія слова образовали въ лат. и греч. 2е скл., и принимая въ соображеніе аналогію близко родственнаго греч. языка, въ коемъ имена муж. р. оканчиваются (за немногими исключеніями у Гомера) на -ās или -ης, мы находимъ болѣе основательнымъ предполагать, что и въ др.-лат. яз. и въ итал. нарѣчіяхъ было -ās. (также иногда и въ санскр.). Можетъ быть, впрочемъ, въ -cŏlas и вообще въ тѣхъ окончаніяхъ, которыя потомъ явились въ видѣ -os, было ăs, а тамъ гдѣ осталось -a, какъ въ parricīda, -ās. (По Корссену вездѣ -ās)... §48, 2 а.

23. чит.: вм. fīlii изъ болѣе древняго filie и пр.)xxx) (вин.): Форма на -ie есть необходимая средняя ступень между -ie и ī. Но на письмѣ она намъ встрѣчается поздно, и слѣд. болѣе какъ искусственный продуктъ, впервые у Варрона (Lūcii, Aemilii), который употреблялъ ее, по свидѣтельству Харисія (Gr. Lat. ed. Keil, I, 78; ср. у Aug. Wilmanns Dē M. T. Varrōnis librīs gramm., Berol. 1864, p. 155 sq.), а вслѣдъ за Варрономъ учили такъ писать разные грамматики, какъ то: Пробъ (Gr. Lat. IV, 105. K., который, впрочемъ, почему то Mercurii помѣщаетъ рядомъ со Semproni!), Капръ (по Брамбаху у Нуча p. 2246), Скавръ (по Вильманнсу у Нуча p. 2257). Ср. W. Brambach, Die Neugest. d. lat. orthogr., Lpz. 1868, ss. 189. 191 f., 193; Neue l. c. I, 80 ff. и пр. Формы зват. п. на -ie въ словѣ filius и въ собств. именахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ лишь довольно поздно сократились въ ī, ибо онѣ встрѣчаются отъ древнѣйшихъ временъ до классич. времени включительно: Leucēsie (въ Carm. Sal.), fīlie (L. Andron. Odiss.), Laertie (ibd. и Laev.), Vergilie, Mercurie и пр. (Corssen, II, 240; 254; 717; Neue l. c. и др.), а также въ умбр. нарѣчіи (см. §48, 2. б, и добавленіе; болѣе примѣровъ у Aufrecht u. Kirchhoff, Umbr. Sprachd. I, 116; Corssen, II, 254, Merguet, 65). Въ первый разъ встрѣчается стяженіе -ie въ ī въ написи половины 2го в. до Р. Х., въ словахъ Publi Cornēli (Corssen, II, 717). Присціанъ, приводя форму Laertie не только изъ Ливія Андроника, но и изъ „Сиренокирки" Лэвія, жившаго почти двумя столѣтіями позже (I, 304, 305. ed. Hertz; ср. Catull. etc. ed. L. Müller, p. 82), прямо замѣчаетъ, что только jūniōrēs, brevitāte gaudentēs, стали стягивать -ie въ -ī. Кто прочелъ эту замѣтку, тотъ пойметъ всю прелесть ~~[illegible]~~ выходки Модестова, „Лекціи" I, 99. Нашъ „ученый" (такъ онъ себя называетъ!) приводитъ формы filie и Laertie (вмѣстѣ съ dăvĭt, о чемъ см. къ стр. 82, 35) въ доказательство того, что Ливіевъ переводъ Одиссеи „отзывается варварскимъ языкомъ, возможнымъ лишь въ устахъ иностранца и притомъ ученаго," и добавляетъ, что „при этомъ ему невольно припоминается одинъ учитель нѣмецкаго языка, который серьезно доказывалъ ученикамъ, что нужно говорить не царица, а царыня, по аналогіи съ государыня, боярыня и т. п."! Что же есть общаго между этими двумя фактами? Одинъ предлагаетъ употреблять ходячую форму въ неповрежденномъ видѣ, другой — совершенно-иное образованіе, иное слово! Какое невѣжество и какой головной сумбуръ нуженъ для того, чтобы смѣшать столь различныя вещи и вообще нагородить тотъ вздоръ! Очевидно, что „ученому" показалось, что filie есть форма столь же отличная отъ fīlī, какъ царыня отъ царицы, ибо только при такомъ предположеніи ему „невольно могло прійти на мысль" провести здѣсь параллель; въ противномъ случаѣ пришлось бы признать, что онъ можетъ высказывать совершенно-безсмысленные наборы словъ. Короче, изъ этой выходки оказывается, что М-ъ не только не знаетъ, что полная форма зват. п. на -ie была въ старо-лат. языкѣ въ полномъ, живомъ употребленіи тамъ, гдѣ позднѣе стянулась (да и въ позднѣйшее время оставалась въ нариц. именахъ и особенно въ прилагательныхъ), и слѣд. не только не читалъ ни одного сочиненія по лат. языковѣдѣнію (на что есть, впрочемъ, много и другихъ доказательствъ), но не имѣетъ понятія о самыхъ азбучныхъ вещахъ, въ родѣ той, что окончаніе зват. п. -ī есть только болѣе позднее стяженіе окончанія -ie, и слѣд. обнаруживаетъ полное незнаніе того, въ чемъ состоитъ склоненіе: не далеко ушелъ онъ отъ той точки, на которую нѣкогда былъ поставленъ въ бурсѣ. Забавно, что въ употребленіи совершенно правильныхъ формъ онъ увидѣлъ иностранное происхожденіе Ливія, т. е. увидѣлъ то, чего въ языкѣ Ливія (хотя и Грека) не видалъ ни одинъ изъ Римлянъ. Но такъ какъ и многіе другіе употребляли тѣже формы, въ томъ числѣ и Лэвій, то нужно опасаться, что г. М., узнавъ объ этомъ отъ меня, признаетъ и Лэвія за иностранца и вообще произведетъ жестокое опустошеніе въ рядахъ римскихъ гражданъ. Выходку противъ Ливія можно смѣло поставить на ряду со знаменитою выходкою того-же ученаго мужа противъ Böckh'а и Haupt'а... На основаніи вышесказаннаго можно утверждать, что во время Ливія формы на -ie были вполнѣ живыми и общеупотребительными. Даже безъ малаго спустя два столѣтія ее могъ употреблять — хотя, конечно, какъ архаизмъ — лирическій поэтъ Лэвій, современникъ Цицерона, Варрона, Катулла, Лукреція. Для свѣдѣнія нашего „ученаго" замѣчу, что въ словахъ fīlī, mī и собств. именахъ потому ie стянулось въ -ī, что такія слова были въ болѣе частомъ употребленіи: тѣмъ стирается слова, формы. Куріозно и то, что г. М. передѣлалъ Laertie въ Lartie, очевидно, не понимая ни значенія этого слова, ни условій стиха.

33. кнц. прб.: (ср. слав. юсы), а потому уже въ древнихъ написяхъ встрѣчается вм. него n, напр. gratiam referre.

36. прб.: о нарѣчіяхъ на -tim см. L. Meyer, Vgl. Gramm. II, 391-394 и 553 f. 43. по „прибавл." вкл. §§47, 2 а. и 48, 2 а.

42. кнц. едн. ч. вин.: xxxx) Странную особенность представляютъ слав. языки, употребляющіе для одушевл. предметовъ род. п. вм. вин. (уже нерѣдко въ др. болг.): волка, сына и т. д. По Миклошичу, Vgl. Gramm. d. sl. spr. IV (Synt.), 370, чтобы дѣйствіе представить энергичнѣе (? Иначе, но еще непонятнѣе, IV, 496). Мы думаемъ, что просто для устраненія неясности. Но почему именно род.? Это не поддается объясненію. По нашему мнѣнію, здѣсь отлож. п. (abl.), а не род. (ср. „Грамм.", стр. 61 и 62) (И въ скр. abl. слился съ ген., кромѣ основ на -a). Подробнѣе поговорю объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, а пока ограничусь сравненіями въ родѣ „наказываю кого" и „спрашиваю кого" съ poenās accipiō и quaerō ab... Теперь прб. только зенд. ātar-š.

43 сл. Все, что есть въ этой выноскѣ, будетъ гораздо обширнѣе изложено въ особомъ изслѣдов. (см. къ стр. 64);

I, 70, 3. ч.: въ оск. нар., см. § 48, 2. a.   7. ч.: во II и I (но s сохраняется въ оск. и отчасти въ умбр. нарѣчіи; см. § 48, 2. a). Во II. скл. разъ въ Carm. saliare встрѣчается oe (pilumnoe poploe = populi pilis assueti или, лучше, armati[1]); въ древн. яз.... а въ кнц. стран. сдѣл. вын.: [1]) Согласно съ Корссеномъ (I, 706 f., 765) мы признаемъ гораздо болѣе вѣроятнымъ, что здѣсь есть gen. sg. чѣмъ nom. pl. (какъ выходитъ по рукописямъ Феста, p. 205. M.); но, въ противоположность ему, рѣшительно не можемъ допустить, чтобы въ пѣсни столь глубокой древности это oe могло быть дифѳонгомъ, происшедшимъ изъ oi, и потому ни сколько не сомнѣваемся, что въ oe здѣсь два слога и слѣд. древнѣйшая и чистая форма вм. *o-es = *o-ios.

19. зачкн.: «Въ I. скл. .... sg. и pl.» Мнѣ удалось объяснить эти трудныя и загадочныя слав. формы, но доказать это объясненіе можно только въ длинномъ разсужденіи, а потому я отлагаю это дѣло для вышеупомянутой (къ стр. 64) статьи. (Ср. ниже дополн. къ выноскамъ стран. 70 и 72.)

20. ч.: часто смѣшиваются   24. прб.: и § 42, 2.

32, кнц. сдѣл. вын.: xx) Странныя объясненія сербскихъ формъ вѣромъ, вѣро-вь и вѣро-м представляетъ Буслаевъ (Ист. Гр. I, 228). Для всякаго, кто удовлетворительно знакомъ со сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, ясно, что сербскій языкъ представляетъ въ этомъ падежѣ болѣе древнія и болѣе простыя формы, чѣмъ другіе слав. языки: къ основѣ (съ -а- ослабѣвшимъ до -о, какъ въ зват. п.) прямо приставленъ суффиксъ -bhi, измѣнившійся въ -мь или -вь, а позднѣе въ -м. А у г. Буслаева выходитъ „или неорганическое перенесеніе окончанія -ом изъ муж. р." (слѣд. онъ цѣлое -ом признаетъ за падежный суфф., а не одно -м!), „или есть остатокъ носоваго звука", виднаго въ цсл. вѣрѫ. Трудно сказать что-нибудь прелестнѣе этого: -ом есть остатокъ отъ ѭ! Г. Буслаевъ, слѣдов.: 1) упустилъ изъ виду, что суфф. твор. п. есть -мь = -bhi = грч. -φι; 2) не понимаетъ, что въ юсѣ есть остатокъ отъ -м, и даже не прямо отъ м, а отъ н, въ кое измѣнилось предварительно болѣе древнее -м: и такъ цѣлая и неизмѣненная величина есть остатокъ отъ своей-же дроби, измѣнившейся еще и качественно, или дѣдъ обязанъ существованіемъ своему внучку! 3) не знаетъ того, что -ѭ произошло изъ *ја-мь, а въ јамь есть, вѣроятно, соединеніе двухъ творит. суффиксовъ, -ā или -јā (что сохраняется въ скрит., зенд., др-перс., отчасти в лит., герм., греч.) и -bhi (въ лит., арм., слав., греч., герм.) (См. Schleicher, Comp. 577–582; Bopp-Bréal, I, 357–363. 393 сл., 400; II, 137). Образованіе подобное сербскому видимъ мы и въ др.-болг., во встрѣчающемся иногда окончаніи опредѣл. прилагат. -ѫ-ѭ, напр. добрѫ-ѭ (= *добра-мь + јамь = добрамь + јеѭ), откуда обкн. добро-ѭ, рск. добро-ю. (Слѣд., при видимомъ сходствѣ формъ вѣрою и доброю, должно, вслѣдствіе формы добрѫ-ѭ, признать, что онѣ образовались различно. Потому-же и Боппъ l. c. II, 161, вслѣдъ за цитуемымъ имъ Миклошичемъ, Formenlehre, § 95, неправильно объясняетъ форму добрѫ-ѭ изъ *доброѭ-ѭ; Шлейхеръ, 638, о добрѫ-ѭ вовсе не упоминаетъ, а добро-ѭ очень искусственно и натянуто ведетъ изъ *доброѭ-јеѭ). Вообще при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ ученой дѣятельности Буслаева, я долженъ признать его силу въ литературѣ, особенно древней и народной, и въ исторіи русскаго языка, но никакъ не въ ѳеоріи языка и не въ сравнит. языкознаніи. Въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ его почтенная „Грамматика" была съ самаго начала отсталою, а такъ какъ она не передѣлывается, то съ каждымъ новымъ изданіемъ расширяется пропасть между нею и современнымъ языкознаніемъ (ср. выноски на стр. 55, 60 и 93. моей „Грамм."). Это тѣмъ грустнѣе, что наши составители слав. и русскихъ грамматикъ, наши учители и т. д. оттуда черпаютъ всѣ свои знанія и трогательно повторяютъ и даже усугубляютъ всѣ промахи своего учителя.

35. ч.: mātrē, Iūnōnei и Iūnōnē   42. по „domī" вкл.: иногда domū (даже у Циц.: Tusc. I, 22, 51. pro Mil. 7, 16; также ad Her. IV, 30, 41; ср. Tinter-Joros (?) къ Tusc. I, 22, 51).   40. по „№ 6" прб. и § 42, 2.

46. сдѣл. вын.: +x) Такъ какъ locat. смѣшался по формѣ съ другими падежами, то грамматики составили безсмысленное правило, будто на вопросъ гдѣ имена городовъ 1го и 2го скл. ставятся „въ род. п., а 3го скл. — въ твор." (т. е. отлож.). Ихъ не навели на разумъ и такія формы, какъ Karthāginī (у Ливія и др.), Lacedaemonī (K. Неп.), rūrī и пр., отличныя отъ отлож. Karthāgine и т. д., и даже то, что напр. „въ Синопѣ" никакъ нельзя сказ. Sinōpēs, а (вм. невозм.) Sinōpae.

48. по „πόλει" вкл.: въ 1-мъ скл. есть только χαμαί; во 2-мъ: οἴκοι, Ἰσθμοῖ и пр., дор. μέσοι и пр. (Мадв.)

52. кнц. прб.: см. § 42, 1. Для слав. окончаній 2го скл. дат. п. -у и -ю (вм. *-ō, -jō) поучительно сравнить бэот. λύκῡ, ѳесс. κερδοίου, гдѣ ῡ и ου вм. ῳ (ср. Kühner. I, 308). Здѣсь подтвержденіе, что это у есть отъ осн. гл. а не 4 скл.

57. кнц. прб.: встрѣчается (хотя и оспариваемая) и прямо напр. -ās, въ laetitias insperatās у Помпонія и пр. (въ итал. нар. всегда -ās, см. § 48, 2. a). Мы надѣемся представить и доказать (см. выше къ стр. 64) совершенно новое объясненіе формъ имен. мн. на -ī. Въ сохраненной Фестомъ формѣ „fescenīnoe" мы теперь (въ противоп. съ формою род. ед. на -oe, см. выше на сей стран. въ доб. къ стр. 7) видимъ, вмѣстѣ съ Корссеномъ (I, 707. 748; ср. Цвѣтаевъ въ Ж. М. Н. Пр. 1875, Отд. кл. ф., № 11, стр. 6), видоизмѣненіе дифѳонга -oi, но въ объясненіи этого дифѳонга радикально съ нимъ расходимся.

61. кнц. прб.: Основы на -i- б. ч. усиливаютъ i въ -ei, откуда πόλεις; въ слав. основы на -i ж. р. не усиливаютъ своего -i, а муж. усиливаютъ въ -ij (вм. -ei = -ь); напр. кости = *кост-ес, какъ pŏrtis = pŏrti-es, а путіе (-ье) какъ πόλεις

70, 66-68, т.е. выноску, равно какъ и выноску на стр. 72ой, вслѣдствіе ихъ сжатости и неразборчивости, зачеркнуть. Вмѣсто оныхъ обѣихъ см. ниже, къ стр. 72ой, одну общую замѣтку о род. п.

71, 4. по „multū" вкл.: въ 5 скл. встрѣчаются только diē-rum, rērum и въ 6^{ти} др. яз. speciērum и sordērum.
11. прб.: въ одной надписи есть dēvās Corniscās (ср. dat. sg. Mātūtā). 12. кнц. прб.: наиболѣе древнія формы 2го скл. сохранены Фестомъ въ словахъ prīvicloes = prīviculīs, т.е. prīvīs, и oloes = illīs.
13. вн. „amnīs ... оск.^о" ч.: specīs, fīcīs, lacūnāriīs (Витр.); оск. и пр. 19. кнц. вын.: +) Теперь относительно формъ дат.-отлож.-твор.-мѣстительнаго п. въ лат. и отчасти въ другихъ языкахъ значительно измѣнились мои воззрѣнія; но изложеніе оныхъ отлагаю для упомянутой (къ стр. 64) работы.
21. вкл.: относительныя мѣстоименія и слѣд. придат. предложенія развились гораздо позже. (Miklosich, Synt. 1874, Wien, S. 76 f. сравниваетъ древнѣйшую рѣчь изъ однихъ главныхъ предложеній съ живописью безъ перспективы, а болѣе позднія придат. предложенія съ перспективными видами въ живоп.)
36. чит.: 1) ме, 2) σε, (σφε) σε, 3) σϝε, σφε, ϝε, обкн. ἑ, +) (вын.): О томъ, что у Гомера было иногда σϝε- вм. обычнаго ϝε- (въ изданіяхъ ἑ-) см. въ особенности Joh. Peters, Quaestiōnēs etymologicae et grammaticae dē ūsū et vī digammatis. Berol. 1864, p. 8. Такіе случаи, какъ ἀπὸ ἕο, πόσεϊ ᾧ, τὸ οἱ и пр., ясно указываютъ, что здѣсь слѣдуетъ читать ἀπὸ σϝεο, πόσεϊ σϝῷ, τὸ σϝοι и пр.
38. ч.: *lavō-sē, моюсь (см. § 36, 5. б. и § 41). кнц.: Объ остаткахъ употребленія возвратныхъ (личнаго и притяж.) мѣстоименій для всѣхъ лицъ въ греч., а также въ др.-норв. и ново-нѣм. см. Kühner, Ausf. gr. II, 495 ff., Curtius, Erläut. 72, Diez. II, 87 (у коихъ есть ссылки на Гримма и пр.) 39. вкл.: ἰώ(ν) (дооф.), τοῦ (дооф.)
41. вкл.: τίν (дооф.) ч.: sē (= *svē); ϝέ (эол., др.-іон.), ἕ (= σϝέ см. къ стрк. 36) 43. вкл.: ἐμέ-ος (дор.), ἐμέ-ῖο (іон.) (о важномъ значеніи русск. формъ меня и т.д. скажемъ въ другомъ мѣстѣ). 44. вкл.: τεο-ῖο (? іон.), σε-ῖο (іон.) ... ἕο (іон.)
48. вкл.: mihē .... tibē 49. вкл.: sibē 52. д. ч.: I. N. V. (суфф. -as, -es, -s): 1) nōs (= *mōs); ἡμεῖς, эол. ἄμμε-ς, дор. ἁμέ-ς, мы; 2) vōs (= *tvōs), ὑμεῖς, эол. ὔμμε-ς, дор. ὑμέ-ς; вы (= *твы); 3) .... (= σϝεῖς, σϝέα). 58. кнц. прб.: -φιν,
61. ч.: νῶι (= *νῶι; ср. итал. noi) ..... въ (= *нъ) ... на (= на) .... σφῶι (= *τϝῶι; ср. ит. voi); ва (= *тва); 3) σφωέ (= *σϝωέ).
62. вкл.: (= *νώ-φιν и т.д.) и сдѣл. вын.: ++) Что -ιν произошло здѣсь изъ -φιν = -bhjām, это можно считать обще-признаннымъ. Но какъ? Боппъ (II, 28 сл.), Шлейхеръ (599), Курц. (Erläut. 56), Шанье (124), Крістъ (Lautl. 37. 73) утверждаютъ, что φ (= ph = bh) просто „вытолкнуто"; но это слишкомъ круто: греч. φ слишкомъ тяжелый звукъ для того. Болѣе уважительно мнѣніе Курц. въ Gr. Et. (475), Кюнера (I, 291), Петерса (Qu. dē digamm. 33), что здѣсь φ исчезло, пройдя черезъ F (къ коимъ должно причислить и Л. Мейера, Decl. 63, ведущаго довольно грубо F прямо изъ bh). Но и это мнѣніе я долженъ назвать ошибочнымъ. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ F происходитъ изъ φ и слѣд. изъ bh (ср. Curtius, Gr. Et. 475 f., Christ, Gr. Lautl. 181, Peters, 11), а напротивъ почти всегда = исконному v; да и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ намъ представляется неизбѣжною посредствующая ступень f (конечно, только такому ученому, какъ Модестовъ, позволительно смѣшивать греч. φ съ лат. f: см. его G.d. Schr. 119 f. 121; Лекція I, 59: это значитъ въ прямомъ смыслѣ слова не знать азбуки!). Имѣя въ виду, что, такъ сказать, посреди пути отъ aspīrāta mūta φ (т.е. ph) до spīrāns v есть spīrāns f, находящаяся во всѣхъ итал. нарѣчіяхъ и слѣд. бывшее въ пра-италійскомъ яз.; 2) что въ греч. иногда вм. φ является F: мы можемъ смѣло признать, что звукъ f не возникъ надъ небомъ Италіи, а вынесенъ изъ греко-итал. эпохи, и слѣд., что онъ существовалъ и въ древнѣйшемъ греч. языкѣ. Принимая далѣе въ соображеніе, 1) что звукъ f, бывшій въ гр.-ит. эпоху, очень рѣдко и въ греч. и въ ит-хъ языкахъ измѣнялся въ v; а, напротивъ, въ послѣднихъ гораздо чаще въ h, а h могло съ теченіемъ времени и совсѣмъ исчезать (лат. mihi и потомъ mī изъ mehei = *mefei и т.д.; folus, holus и olus и пр.); 2) что звукъ f былъ въ греч. яз. не только въ началѣ, но и внутри словъ: мы, не колеблясь, высказываемъ мнѣніе, что въ дат.-род. дв. ч. -ιν (= -ῖν) произошло изъ *-fιν, а это изъ *-φιν вм. -φιν = bhjām. Со временемъ выскажусь о всемъ этомъ больше. (О различіи между φ и f и свидѣт. древнихъ о томъ см. Corssen I, 137-140).

72, 2. чит.: quo-, qui- (греч. πο-, іон. κο-, и τι-; слав. ко-, къ-, чь-), ho-, i-, (ал. ii = jъ = jь = jo), alio- (греч. ἀλλο- = *ἀλjο-)
3. ч.: ὅ-ς = *jo-s кой, но членъ ὁ = *so = sa 13-55. вкл.: (греч. sg. nōm. ἄλλο-ς, ἄλλο = *ἄλλο-τ, ἄλλη; acc. ἄλλο-ν, ἄλλο(τ), ἄλλη-ν; gen. ἄλλου, ἄλλης; abl. ἄλλως adv. aliter, ἄλλο-θεν aliunde; dat. ἄλλῳ, ἄλλῃ. Pl. nōm. ἄλλοι, ἄλλα, ἄλλαι; acc. ἄλλους, ἄλλα, ἄλλᾱς; gen. ἄλλων o.g.; dat-abl. ἄλλοις, ἄλλαις; duāl. ἄλλω, ἄλλᾱ; также τώ, τά; ἄμφω, δύω позднѣе δύο o.g.; gen.-dat. ἄλλοιν, ἄλλαιν; ἀμφο-ῖν, δυο-ῖν o.g.).
57-61. (Такъ какъ эти строки вышли изъ литографіи очень неразборчиво, то я переписываю ихъ здѣсь съ нѣкоторыми дополненіями:) 1) есть удвоенныя мѣстоименія quis-quis (откуда и союзъ quam-quam, т.е. acc. sg. f., нарѣчіе quōquō т.е. abl. и пр.) и сложныя: quis-que, quī-vīs, alter-uter и др.; 2) притяжат. мѣстоименія производятся отъ личныхъ и б. ч. суть род. п. личныхъ мѣстоименій, принявшіе форму прилагательныхъ (напр. meus изъ mi-us = *mei-os и т.д.), частью — сравн. степ., напр. nos-ter, vester, ἡμέ-τερο-ς и т.д. (см. § 33, 1. 2; ср. ит. loro, фрц. leur изъ лат. illōrum; наши притяжат. его, ея, ихъ, народныя ихній, ейный и старое еговъ); древняя форма, также какъ была mius, то зват. п. былъ mie, откуда mī (ср. выше стран. 56, доб. къ 69, 23); 3) иногда существ. имена становятся мѣстоименіями (см. § 28, 1): nēmō, nīl (Nīl igitur mors est, ad nōs neque pertinet hīlum, Lucr. III, 483); также и во фрц. rien = rem, on = homō, l'on = illum hominem, какъ и въ нѣм. man изъ сущ. mann; 4) лат. ille, раздвоившись, дало въ романскихъ языкахъ начало не только мѣстоименіямъ 3го лица, но — обыкн. въ менѣе вѣской формѣ — и члену (то и другое въ ед. ч. б. ч. изъ пад. имен., во множ. — изъ вин.). Такъ мѣстоим.: итал. egli (собств. изъ illīc), ella, мн. ч. egli-no, elleno; порт. elle, ella, мн. elles, ellas; исп. el, ella, ср. р. ello, мн. ellos ellas, пров. elh, elha, мн. elhs, elhas; фр. il, elle, мн. ils, elles; рум. el, ia, мн. ei, iale. Членъ: ит. м. il (= ille), lo и l' (= illo-m), ж. la, l', мн. ч. м. i, (li), gli (= illi), ж. le (= illae); исп. el, la, ср. р. lo, мн. los, las; пров. lo, la, мн. м. li, il, los, ж. las; др.-фр. lo, le, ж. la, мн. м. li, ж. les (теперь le, la, мн. les), порт. (l)o, (l)a, (l)os, (l)as; рум. (какъ суфф.) -l, -le, ж. -a, мн. -i, -le. Иногда изъ другихъ падежей: leur, lui.
5) мѣстоименія hic, is, uter ни въ одномъ изъ ром. языковъ не уцѣлѣли.

72, 62-70. Выдавая подписчикамъ листы, по мѣрѣ изготовленія каждаго изъ нихъ, я старался сдѣлать каждый листъ по-возможности округленнымъ; потому-то, чтобы изъ мѣстоименій ничего не переносить на слѣдующій листъ, я написалъ выноску слишкомъ сжато и мелко. Хотя она все-таки написана была весьма ясно и разборчиво, но стран. 72 и особенно выноска сильно попорчены при переводѣ на камень; тоже должно сказать и о выноскѣ на стр. 70 (см. выше). По этой причинѣ я вмѣсто нихъ обѣихъ помѣщаю здѣсь одну общую замѣтку о род. п.

Формы род. п. ед. ч. представляютъ много трудностей для объясненія. Большею частью принимаютъ два первобытныхъ суффикса арійскихъ языковъ -as и -sja (напр. Bopp-Bréal³ I, 412-430, Schleicher, 554-561, Heyse, 438-440, Kühner, I, 287 f., L. Meyer, Decl. 26-32, Chaignet, 29-47), и именно отъ перваго обыкн. производятся формы, оканчивающіяся на -s, отъ втораго — остальныя. Второй изъ нихъ видятъ напр. въ скр. словахъ м. и ср. р. отъ основъ на -a-, напр. áçva-sja „equi", первый-во всѣхъ остальныхъ именахъ, напр. áçvājās „equae", pad-ás „ποδ-ός, ped-is". Нѣкоторые признаютъ въ обыкновенномъ лат. род. п. 1, 2 и 5 скл. мѣстит. п. вм. родит. (по слѣдамъ за Фр. Розеномъ Bopp-Br. I, 411 sq., 434 sqq., Merguet 69-85, повидимому и Цвѣтаевъ, Ж. М. Н. Пр. 1875, Отд. кл. ф., № 7, стр. 30 и № 9, стр. 15 сл.). Напротивъ Curtius (Erl. 53. 55) выводитъ обѣ лат. формы 1го скл. -ās и -āi изъ одного источника -ā-jās и отождествляетъ съ греч. формами 1го скл.; о 2-мъ лат. ничего не говоритъ, да и о 2-мъ греч. недостаточно. Corssen допускалъ (Ausspr. I, 285), что основы на -a-, -o- и -ē- нѣкогда имѣли въ род. п. окончаніе на -s рядомъ съ формами на -i, но I, 629 уже исключилъ s изъ 1го скл., удержавъ его въ 5-мъ (630); отдѣливши (I, 770) -ais отъ -ai, онъ категорично выразился (I, 772), что въ род. -āī есть мѣстит. п. съ удлиненіемъ или подъемомъ мѣст. суфф. -i, по аналогіи съ дат. п. Но, въ заключеніе, отказался (II, 721 ff.) ~~отказался~~ видѣть въ окончаніяхъ -āī, -ēī мѣстит. п. и призналъ оныя за особую форму род. п. отъ суфф. -jas, все таки продолжая отдѣлять эту форму отъ формы на -ās; слѣд. въ 1-мъ и 5 скл. признаётъ два суффикса: -jas и -as, отказавшись однако отъ прежняго мнѣнія о древности формъ Prosepnais, Diānaes и т. п. Далѣе, по Steinthal'ю (Dē prōnōm. relat., p. 80) былъ первоначально одинъ суфф. -sja, составленный изъ именит. суфф. -s и относит. корня -ja, такъ что, слѣд., родд. пп., оканчивающіеся на -s, утратили то -ja (двѣ составныя части въ -sja видятъ также Bopp-Br. I, 428. и Schleicher 554, принимая при томъ -s за сокращеніе изъ -sa, какъ и въ имен. п.); по M. Müller'у (W. d. Spr. I, 360) -sja происходитъ изъ прилагат. суфф. -tja- (грч. -σιο-); близокъ къ этому мнѣнію и Kuhn (въ своей Ztft. XV, 425 f., насколько можно судить по цитатамъ у Corssen'а II, 722, и Merguet, 85), считающій род. окончаніе -sja за сокращеніе изъ -sja-s. Merguet (Formenb. 83 ff., Ableit. 22 f.) выводитъ изъ этого -sjas въ лат. только формы на -īus.

Эти родит. п. на -īus (unīus, illīus и т. д.) особенно много заботили филологовъ. Bopp (-Br. I, 419 s.) объясняетъ сію форму или изъ перестановки sja въ -jas, -jus, или изъ суффикс. нѣкоторыхъ санскр. мѣстоименій ж. р. -sjās, перенесеннаго лат. языкомъ какъ-то загадочно на всѣ роды; L. Meyer (Decl. 32) изъ -jos, -jas, а долготу -ī онъ, какъ и Мерге, объясняетъ сліяніемъ основной гласной съ j (напр. illīus = illi-jus); по Шлейхеру (628-630) основа расширена посред. -i, а за тѣмъ приставленъ къ ней суфф. -ius, который „темненъ"; Bücheler (Decl. 39), Westphal (Method. gr. gr. I, 144) и Corssen (Beitr. 541 ff.; Nachtr. 93 ff. и 303, Ausspr. I, 307. 706; II, 672-677 и 1020 f.) принимаютъ обыкновенный суфф. -us = -os = -as, передъ которымъ основа получила по Бухелеру какое-то непонятное -i; по Вестфалю „эвфоничное" i (у него, какъ и у Мерге, -ius = грч. -ιο, наприм. istīus = *istoius, какъ въ греч. ἵπποιο(ς)), а по Корссену мѣстит.-указательное -ī. Раньше, впрочемъ, онъ думалъ (N. Jahrb. f. ph. 1853, s. 237, по Боппу I, 420), что здѣсь -sja перешло въ -ju и пріобрѣло еще суфф. -s; наконецъ и по Захарову (dē dēcl., p. 37) суфф. -us, а ī „sine dubio" отъ „корня" (!) (См. объ его книжкѣ на стр. 62). — Сверхъ того изъ приведенныхъ же сочиненій узнаю, что суфф. -us принимаютъ также: Windisch (Unters. üb. d. urspr. d. relativpr. 23-40), видящій здѣсь подобно Бухелеру и пр., расширеніе основы поср. -i; Pott (Et. F. II, 633), считающій долгое -ī мѣстит. п. мѣстоименной основы -i; Krüger (268) и Düntzer (Decl.), объясняющіе долготу ī густою; напротивъ, Aufrecht (Ztft. v. d. vgl. Spr. I, 232) находитъ въ этомъ суфф. притяж. мѣст. -ījas (cūjus, -ja, -jum), а Benfey (Sr. Wzlex. II, 240) — суфф. сравн. ст. -ī-jāns. Наконецъ по Meunier (Mém. de la soc. de linguist. I, 1-62) въ окончаніи -īus есть -ĭus, энклит. род. п. отъ √i (i-s), приставленный къ обыкновенной формѣ род. п. на -ī (ūnī, illī и т. д., что, какъ мы показали въ текстѣ, дѣйствительно встрѣчается; онъ ссылается также на попадающіеся въ рукоп. Плавта род. п. cui и quoi, но Corssen II, 673 читаетъ здѣсь -cuis и quoīs). Съ Meunier соглашается и Bréal (Gr. comp. III, XXVIII). — Перечисливъ этотъ лабиринтъ мнѣній, я уже на стр. 70ᵐ, слѣд. въ сентябрѣ 1871 г. высказался такъ: „Мы думаемъ и со временемъ постараемся доказать, что оба они (т. е. формы род. п. на -s и на -ī, или суфф. -as и -sja) произошли изъ -s-ja-s", а относит. формы на -īus сказалъ на стр. 72ᵐ: „Вѣрнѣе всѣхъ, по нашему мнѣнію, Meunier.... Имѣя въ виду [долготу въ] quoīus [не совсѣмъ впрочемъ доказанную], cūjus, hūjus, вѣрнѣе принять [не энклитичный род. п. -ius, а обкн-й] полный род. п. ējus." Относит. перваго я замѣтилъ: „Сколько было бы споровъ о род. п. ж. р. въ нѣм. яз., неимѣвшемъ s уже въ самомъ древнемъ періодѣ (ahd. zungūn, mhd. zungen, nhd. zunge, если бы не было готскаго," кот. ясно показываетъ, что и въ женск. именахъ род. п. образованъ

совершенно также, какъ въ муж. и среднихъ (tuggōn-s и т. д.), а относительно втораго привелъ я въ параллель слав. формы, въ родѣ добра-jего, добра-аго, добраго, добраго, и указалъ на скопленіе двухъ суфф. род. п. въ чь-со-го. Въ 1873 г. я на основаніи разбора формъ род. п. во всѣхъ индоевр. языкахъ привелъ, возможно сжатье, въ исполненіе свою мысль — доказать, что всѣ онѣ происходятъ изъ -sjas м. и ср. р. и -sjās ж., что и намѣренъ былъ помѣстить здѣсь, въ „добавленіяхъ". Но два года спустя принялся за болѣе обстоятельную обработку этого вопроса, которая завела меня въ глубочайшія дебри и заставила ~~меня~~ непрерывно трудиться надъ расчисткою ихъ. Однако работа эта, при всей моей наклонности къ сжатости, приняла такой объемъ, что нечего было и думать о помѣщеніи ея здѣсь. Она будетъ напечатана въ изслѣдованіи о латинскихъ именныхъ и мѣстоим. формахъ, о коемъ я упомянулъ выше въ добавл. къ стр. 64 и сл. [NB. Мои „дополненія" такъ разрослись, что впредь буду разсчетливѣе.]

73, 1 сн. по „dīvit-" вкл.: сокр. dīt-; melior, mel-ius отъ утрач. основы melu- (ср. слав. милъ, лит. meilùs)

74, 11. по „мьнѥ" сд. вын. *) Шлейхеръ (стр. 482 сл.) производитъ мьн-ий отъ *мьн-ь-ь = *мьн-jь-jь, т. е. отъ min-ios-s-jas = man-jans-s+ja-s, т. е. видитъ здѣсь ту же приставку, которую имѣютъ опредѣленныя прилаг., именно мѣстоименіе и = jь = jа-s = ja-s, ибо безъ этой приставки было бы -де въ муж. р. *мьн-ь. Хотя обкн. окончаніе ios въ слав. превращается въ ь послѣ согласныхъ и въ -ий послѣ гласныхъ (§ 31, 1. d), однако думаемъ, что въ сравн. ст. -ios (= iōs) измѣнилось въ -ий (совершенно такъ, какъ и въ род. мн. iom = iōm въ -ий, напр. въ кости-ий), ибо: 1) не можемъ понять, почему въ муж. р. быть такой приставкѣ, которой нѣтъ въ ж. и ср. р., и почему, не смотря на эту определит. приставку, мьн-ий имѣетъ значеніе неопред. прилагательнаго, рядомъ съ которою есть опред. форма мьньший, гдѣ, слѣд., должно видѣть двойную приставку мѣстоименіе и, что очень странно; 2) такъ какъ основа сравн. степ. есть мьн-ьс-, а указанное мѣстоименіе отдѣльно звучитъ и и только послѣ гласныхъ сокращается въ -й, то при Шлейхеровомъ объясненіи вышла бы неопр. форма *мьн-ьс-и, а не мьн-ий; могло бы и = jь-s измѣниться послѣ согл. въ ь, и все таки вышло бы *мьн-ьс-ь или, вѣрнѣе, *мьн-ьшь, а не мьн-ий. Итакъ мьн-ий = *min-ios-s. Между формами мьн-ий, болий и нижий, хуждий есть такая же разница какъ между ἡδίων и μείζων.

34. вкл.: въ оск. лучше сохраняется значеніе, напр. mistreis по формѣ = ministrī, по значенію = minōris.

75, 16. приб.: но абсолютная степень качества въ итал., исп., порт. выражается поср. лат. превосх. степ., напр. ит. ottimo, massimo, dottissimo, grandissimo и т. д. Есть въ ром. яз. кое-какіе остатки и сравн. ст., какъ напр. ит. migliore (чит.: miljōre), фр. meilleur и пр. 27. д. ч.: ср. оск. нар., § 48, 2. д.

77, 1 чит.: „χίλιοι" и т. д. 3. ч.: 10000.... μύριοι, -αι, -α вм. δεκακισχίλιοι. 4 сн. ч.: χιλιοστός, μυριοστός.

78, 33 сл. чит.: τοῦτο τὸ βιβλίον ἐστὶ καλόν; во 2-мъ: παρ' ἐμοί ἐστι τὸ βιβλίον. 36. въ порт. ter = tenēre, напр. tenho (чит. ten'u) feito = ит. ho (т. е. habeo) fatto = фр. (j')ai fait. 50. по „Curtius" вкл.: Das gr. Verb. I Bd., Lpz. 1873.

53. приб.: R. Westphal, die Verbal-Flexion d. lat. Spr., Jena, 1873. — Fornacciari, l. l. 50-70. Pezzi, l. l. 304-370. Бѣлявскій, 101-141; Буслаевъ Уч. р. гр., изд. 3, стр. 30-54, 121-125. Колосовъ, Ст. Гр. и пр. — Колосовъ и Бѣлявскій — шаги впередъ въ дѣлѣ русско-славянской грамм., а все таки не догнали Нѣмцевъ. 1 сн. приб.: о курьозахъ Некрасова см. I, 81, 85 и 105.

80, 9 сн. ч.: ἱππο-τρόφο(ς). 81, 6 сн. зач.: „если ихъ коснуться" и вкл.: „заключаютъ въ себѣ жженіе, способность жечь.

82, 5 сдѣл. вын.: +) Замѣч. особенностью отличаются аварскій и чеченскій языки, не имѣющіе глаголовъ переходныхъ, но обладающіе страд. залогомъ; поэтому тамъ вм. „я послалъ къ нему письмо" говорится: „письмо мною къ нему послано" (Шерцль, Ср. Грамм. I, 105 сл.).

35. по „dāvisī" сдѣл. вын.: **) Совѣтую г. Модестову прочесть весь этотъ пунктъ, чтобы составить себѣ сколько-нибудь осмысленное понятіе объ отложит. глаголахъ. Въ доказательство того, что языкъ Л. Андроника былъ „варварскимъ" и „возможнымъ только въ устахъ иностранца", нашъ „знаменитый ученый" не могъ привести ничего иного, кромѣ зват. п. на -ie и формы dāvisī! Для всякаго сколько-нибудь смыслящаго въ наукѣ ясно, что подобная выходка можетъ быть сдѣлана только тѣмъ, кто въ нашей наукѣ ничего не смыслитъ. Здѣсь обнаруживается полное незнаніе и теоріи формъ, и исторіи ихъ, и слѣд. сочиненій, въ которыхъ идетъ о томъ рѣчь. О зват. п. сказано уже выше, на стр. 56. въ доп. къ I, 69, 23. Что же касается dāvisī, то оно встрѣчается даже столѣтіемъ позже Ливія у Л. Кассія Гемины, во 2-й кн. Annal. (Prisc. I, 482. Hz.); также ausī есть у Катона (Prisc., ibd.), не говоря уже о сослаг. (точнѣе, желат.) ausim и т. д., кое постоянно оставалось въ употребленіи (сообщу даже г. Модестову, что оно есть напр. и въ августово время у Т. Ливія, Вергилія, Овидія); далѣе solui употребляли Катонъ, Энній, даже Саллюстій (Prisc. I, 489); встрѣчается (даже) fidī у Тита Ливія (XLIV, 13. 7), а по Присціану (I, 420) было и fisī и даже fīsi (но для этихъ формъ цитатъ онъ не приводитъ). Жду теперь со страхомъ, что г. М., прочтя эту замѣтку (а онъ ее непремѣнно прочтетъ), признаетъ языкъ всѣхъ этихъ господъ „варварскимъ", а ихъ самихъ, особенно Л. Кассія, Катона, Саллюстія за иностранцевъ... Такъ выразиться, какъ онъ, можетъ только человѣкъ знакомый съ самою элементарною лат. грамматикою, для котораго знакомство съ dāvisus sum кажется великою ученостью.

1 сн. Послѣ нея приб.: Прим. 2а. Первонач. было просто -a-, что изрѣдка и сохраняется въ греч. (у Гомера) въ видѣ -o-, напр. для ind. ἴ-μεν (идемъ) есть кон. conj. ἴ-ο-μεν (eāmus). Изъ соединенія темпоральнаго суфф. -a- (позднѣе o, e) съ модальнымъ -a- вышло -ā- (откуда въ греч. ω и η), которое и стало вообще считаться суфф. сослаг. накл., т. е. перешло и въ такіе глаголы, которые не имѣютъ темпоральнаго -a, напр. ἔω-μεν вм. ἴ-ο-μεν. (См. Westphal, Metr. II, 69 f.; Verbal-Flex. 39 f.; Schleicher, Comp. 707-711. 856. и Indog. Chr. zu 856).

83, 2 д. ч.: родственно по значенію 5. ч.: ...., символично выражающемъ дух. стремленіе.

84, 10 сн. приб.: моментальность и оконченность дѣйствія греч. яз. выразилъ обкн. крат. формами: ἔλαβον, ἐλάμβανον.

4 сн. сдѣл. вын.: x) G. Curtius (d. gr. Verb., I, 1-6), не принимая въ разсчетъ двойныхъ формъ, очень рѣдкихъ, описат. и однозвучныхъ, насчитываетъ, съ лицами и падежами, въ греч. глаг. 507, въ лат. 143 формы.

85, 34 сл. О теперешнемъ моемъ взглядѣ на двойств. ч. см. выше, стр. 54, добавл. къ I, 61, 30.

1 сн. прб.: Нѣкогда, впрочемъ, и К. Ф. Беккеръ въ своемъ „Организмѣ" думалъ (а вслѣдъ за нимъ и Ив. Давыдовъ въ „Опытѣ обще-ср. грамм. р. яз., изд. 2-мъ Отд. Ак. Н.", стр. 206 и 210 сл. по 2-му изд. Спб. 1853), что мѣстоименія вышли изъ глагольныхъ окончаній; но теперь такая мысль звучитъ очень игриво. Въ недавнее время сталъ однако оспаривать общепринятую Боппову теорію (не доходя, разумѣется, до Некрасовскихъ нелѣпостей) и Р. Вестфаль (Phil.-hist. gr. d. dtsch. Spr., S. 129, коей я, впрочемъ не читалъ, Meth. gr. d. gr. Spr. Jena, 1870, I, 79 f., Verb.-Fl. d. lat. Spr. 35, 83 ff.); но странное его ученіе очень хорошо разбито Георг. Курц. въ Das Verbum d. gr. Spr. I, 19–28).

86, 22. вкл.: а въ эол. нар. иногда и послѣ -ω (δοκίμω-μι), у Гомера же въ 9–10 мѣстахъ и въ conj. aor. A. и praes. (о гомер. случаяхъ см. Curtius, Gr. Verb. I, 39 f.). 31. ч.: -σ-θα, θα — σι (τι) -σι 40. по „аттич." вкл.: и есть, вѣроятно, какъ и нѣм. st, удвоенный суфф. 2-го л. (Schleicher, 671; Curtius, Verb. I, 53 f. выводитъ s въ греч. изъ вспом. гл.; но въ такомъ случаѣ вспом. гл. часто оказался бы тамъ, гдѣ нельзя ждать); -θα въ perf. (οἶσ-θα = Fοίδ-θα nōsti), impf. (ἦσ-θα erās). 41. вкл.: и въ aor. II. Pass. всѣхъ глаголовъ; τι въ aor. I. P. (всл. диссим.). 45. Теперь я не считаю ν за эпиөесъ (вм. пров.) 47. по „-μι" вкл.: εἶ- въ pr. ind. εἶ (еси и идешь) 60. вкл.: и иногда въ дор. нар., напр. φᾱ-τί = атт. φη-σί (ба-итъ).

87, 1. зачркн. помѣщенное здѣсь по разсѣянности: „εἶ ... идешь)"; см. здѣсь предыдущ. строку (къ 86, 47).

45. ч.: Medio- 60. д. ч.: 1. -μεθον (почти неупотреб.) = эол. множ. -μεθεν (и здѣсь — ср. къ 86, 45 — теперь я не считаю -ν за неорганичный наростъ, но попытаюсь оное объяснить въ другомъ мѣстѣ; форма на -μεθον встрѣчается, какъ показалъ Elmsley, — см. Kühner, I, 543 и Curtius, Verb. I, 97, — всего 5 разъ въ гр. лит.)

88, 19 сн. вышло неясно: въ серб. fut. игра-тю (ћу) = оттю. 14. сн. ч.: 38, II, 6. 2. сн. прб.: Тоже и въ румын., гдѣ глаголомъ voiu = лат. volo образуется futur., напр. voiu scrie (volo scribere) значитъ scribam. Иногда и въ нѣм. употребляется will въ такомъ смыслѣ.

1 сн. прб.: Романскіе языки ясно показываютъ, какъ различные глаголы могутъ до того сблизиться въ значеніи, что вступаютъ въ борьбу между собою, результатомъ которой иногда является компромиссъ, по коему на долю каждаго соперника выпадаетъ лишь часть области глагольнаго понятія (чаще нѣкоторые соперники совсѣмъ погибаютъ въ борьбѣ). Начало такихъ борьбъ и сдѣлокъ должно отнести къ глубокой древности. Такъ напр., что лат. глаг. отъ √fu нѣкогда употреблялся не только въ перфектныхъ, но и въ остальныхъ формахъ, видно изъ fu-tūrus (§ 42, 3. б), fo-re (pr. inf. съ будущ. значеніемъ, § 42, 1. a.), fo-rem (impf. conj.), fu-ām (§ 40), — дальше изъ -bām, -bō (§ 38, II, 4 и 6), что стоитъ въ параллели съ -vī и -ui (§ 39, II, 2); ср. въ особ. итал. нарѣчія § 48, 3, дальше φύω, буду, бы-ть, bin и пр. √es виденъ внѣ презентной области въ scrīp-sī (§ 39, II, 1. б), въ оск. perf. conj. (§ 48, 3. в), въ гр. ἐσ-τέον, въ аор. на -σα и пр.

89, 7. д. ч.: amā- (изъ amao-) 30. прб.: Глагольно-өематичные суфф. часто не отличаются отъ именныхъ (o, io, no).

90, 24. сн. д. ч.: castīgāre, lēvigāre. 19 сн. вкл.: также 2-ныя и 3-ныя формы, напр. χαλαίω, χαλάω и -άζω пускаю.

91, 28. по „конецъ" вкл.: Дальше, отъ основъ на -ευ-, напр. βασιλεύ-ω царствую.

92, 1. д. ч.: 2 кнц. и § 38, I, 3. г.). 29. зач.: „большая" 30. вкл.: отъ √ες; εἶ-μι = εσ отъ √i; δί-δω-μι отъ √δο. 34. ч.: -ω и часть глаг. на -μι. 43. ч.: въ 1 л. всѣхъ чиселъ. 45. ч.: до -e, кромѣ желат. накл., гдѣ -o- сохраняется во всѣхъ лицахъ всѣхъ чиселъ. 51. ч.: явились 52. ч.: çrūjē (правильнѣе: çrūjái, ибо отвергаю ē въ скр.). 57. ч.: dūrūt.

93, на верху стр. д. ч.: § 38, I. 18. сн. по „378" вкл.: также и Corssen, II, 293. 5 сн. вкл. Westphal pass., Schmidt, Gr. Metr. 190, и особенно у насъ кнц. прб.: (II, 725; ср. I, 765). 4. д. ч.: известь за с. ср. м. известью и камнями [я сдѣлалъ-было цитату на память и нѣсколько ошибся въ словахъ].

1. сн. прб.: Теперь и Curtius, послѣ продолжительнаго упорства, отказался считать это за соедин. гласн. и сталъ называть өематичнымъ гласн. т. е. суфф. (Verb. I, 13 ff.; 199); тоже и Westphal Verb. 18 ff.

94, на верху ч.: § 38, I. II. 22. по „напр." вкл.: ἔσσ-ίω ѣмъ, καίω = *καϝ-ίω жгу, іон... 26. д. ч.: я долженъ, κλί-νω клоню (√κλιν), φύρω мѣшу (√φυρ). 27. ч.: долженъ) а въ эол. и послѣ ν и ρ, напр. κλίννω, δέρρω деру. 31. ч.: жд = дж = dj, см. §§ 23. д. и 28. i. 49. сд. вын.: †) Bopp (-Br. III, 11) допускаетъ нѣкоторую возможность, что -ō произошло изъ -ō-mi, т. е. напр. φέρω изъ *φέρο-μι. Къ этому мнѣнію сильно склоняется Curtius (Verb. I, 43), вслѣдъ за итальянцемъ Ascoli, кій то прямо утверждаетъ; но Curt. самъ сознаетъ трудности такого объясненія. Мы оное отвергаемъ: ср. δίδω-μι, edō-rum и т. п.

95. вверху ч.: § 38, II. 5. прб.: въ эол. нар. и verba contr. кончаются на -μι: γέλα-μι, φίλη-μι, δοκίμω-μι. 27. зач.: „только" 32. д. ч. ἐσ-τί и иногда въ дор. нар., напр. φᾱ-τί = атт.-іон. φη-σί говоритъ (ба-итъ, fā-tur). 4. сн. ч.: -ο-ντι: εἰ-σί sunt = бэот. и дор. ἐ-ντί = *ἐσ-ντί (или, можетъ быть, ἐντί = *σ-εντι = зенд. h-enti) ?) Комъ-ас.

96. вверху д. б.: 38, II. 8. ч.: λύσε-ται с. 14. вкл.: ἐσ-ίε, verberārim и т. п. 11. сн. сд. вын.: †) Теперь Курц., Vb. I, 40 f. видитъ здѣсь глубокую старину.

97, 18 сн. ч.: δό-ς дай, θέ-ς положи, ἕ-ς пошли, σχέ-ς схвати. 16. сн. вкл.: и гомер. φέρ-τε (ср. въ текстѣ стр. 96, 6. сн., can-te изъ Carm. saliāre). 14. сн. ч.: это ученымъ было давно извѣстно и ясно.... № 13). Но, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что г. Модестовъ усердно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, 1868–72, увѣрялъ, что и въ can-te и въ fer-te выпало короткое -i (Р. Письм. 140 сл., S. d. Schr. 132, Лекціи I, 64), и только по прочтеніи статьи въ К. Ст. 1872, № 13 (какъ у меня показано, а не 1871, № 32, какъ у него) увидѣлъ, что это „ошибочно" (Лекціи, I, 471) (Вообще онъ короткія рецензіи охотно читаетъ, потому что чрезъ то находитъ возможность и освободиться отъ изученія „трудныхъ" книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даже критиковать оныя, и дѣлать будто изъ сихъ послѣднихъ цитаты, и играть роль стоящаго на „высотѣ науки". Но мы уже видѣли образчики его „поразительной" учености!.) Почтенный „ученый" и не подозрѣвалъ, что fer-te, can-te, т. е. безсуффиксное образованіе презентной основы древнѣе суффиксоваго! 10. сн. по „Ланци" вкл.: т. е. съ 1789 г. (цитатъ здѣсь, какъ и вездѣ, не привожу, если сочиненія я не читалъ) 8 сн. ч.: ā, ē, ī (т. е. суффиксовъ сосл. и желат. наклон.)

1 сн. кнц. прб.: Что при 2-мъ л. повел. н. большею частью не сохраняется суффиксъ, т. е. личное мѣстоименіе, очень естественно объясняется какъ оживленностью приказа, такъ и тѣмъ, что, обращаясь къ кому нибудь съ приказаніемъ, мы обкн. не имѣемъ надобности указывать мѣстоименіемъ на слушающее насъ лицо. Какъ охотно повел. накл. откидываетъ мѣстоименіе и личный суфф., видно 1) изъ того, что даже желат. nōlīs, ставъ повелит., превратилось въ nōlī; 2) изъ того, что и въ новыхъ языкахъ, обыкн. прилагающихъ къ глаголу мѣстоименіе (je viens, je fais), повелит. обходится безъ него (viens, fais; ср. и наше: пошелъ!, что собств. есть причастіе, которое въ знач. изъяв. накл. всегда стоитъ съ мѣстоим.). Можно отчасти прослѣдить постепенное отпаденіе суфф. пов. 2 л. ед. Такъ въ греч. онъ еще нерѣдко сохраняется даже въ древней формѣ:

ἴσ-θι будь, φά-θί говори (особ. въ аор. стр.); у Һомѣра встрѣчаются δίδω-θι давай, ὄμνυ-θι клянись и др., вмѣсто коихъ позднѣе, по утратѣ суфф., говорилось δίδου, ὄμνῦ и ὄμνυε и т. д.; еще замѣчательнѣе, что у него же рядомъ съ повел. аор. ἔνι-σπε-ς (Il. XI, 186) есть и болѣе юная форма ἔνι-σπε (Od. IV, 642); далѣе вм. обычной и древней σχέ-ς позже является и σχέ (παρά-σχε, Eur. Hec. 842) и пр. Также въ вѣдахъ сохраняется древняя форма повел. суффикса -dhi, напр. çru-dhí = κλῦθι, но потомъ облегчилась послѣ гласныхъ до -hi, т. е. до такой формы, которая дов. легко может и улетучиться, а послѣ -a- (= греч. и лат. -e) уже и въ вѣдахъ и въ зендѣ этотъ суфф. исчезъ. Крохотные обломки древнѣйшаго лат. яз., дошедшіе до насъ, внесли съ собою формы sins и prōspice-s, замѣнившіяся позднѣе формами sine и prōspice; такую замѣну мы должны предполагать и въ другихъ случаяхъ. Въ ē-s = *ed-s = скр. ad-dhí сохранилось s навсегда, но и тутъ явилось позднѣе ede. Также e-s = *es-s и fer = *fer-s, но въ гр. юнѣе: φέρε. — Должно еще добавить нѣсколько словъ о г. Модестовѣ. Въ 4-й и 3-й строкахъ снизу замѣтны подчистки тамъ, гдѣ написано: „опираясь" и „(между conj. и imper.)"; здѣсь прежде было написано „сообщивъ" и „(но я остался неупомянутъ)". Эти слова прошу и возстановить. Уничтожены они были по просьбѣ Модестова, которому я показалъ это мѣсто, передъ отправкою листа въ литографію въ маѣ 1872 (когда онъ посѣтилъ меня передъ своею вакац. поѣздкою). Онъ заявилъ мнѣ, что у него есть враги готовые воспользоваться моимъ сообщеніемъ, обѣщалъ поправить свой „промахъ" въ „дополненіяхъ" къ „Лекціямъ" и оправдывался тѣмъ, что мое мнѣніе не было напечатано (см. выше, стр. 49). Положившись на его обѣщанія, я исполнилъ его просьбу (собств. онъ просилъ меня уничтожить слова „но я остался неупомянутъ"; но такъ какъ ему не было пріятно и другое мѣсто, то я и то измѣнилъ). Что же оказалось? Въ „дополненіяхъ" ни слова нѣтъ обо всемъ этомъ. Онъ предпочелъ совершенно присвоить себѣ чужое мнѣніе (кое я уже давно проводилъ въ одномъ изъ заграничн. отчетовъ и въ своемъ преподаваніи, чему доказат. служитъ тетрадь одного изъ моихъ учениковъ, 1868 г., находящаяся у меня). Добавлю еще одинъ образчикъ его учености. Въ Р. Пис. онъ говоритъ: „Еще Ланци замѣтилъ, что sins стоитъ вмѣсто sines, которое въ свою очередь есть sinas" (стр. 127); тоже, но еще яснѣе въ нѣм. пер., гдѣ sines прямо называется болѣе древнею сослагат. формою вмѣсто sinas (стр. 119: Schon Lanzi bemerkte, dass sins für sines stehe, welches letztere wiederum eine ältere Conjunctivform statt sinās sei); наконецъ и въ Лекціяхъ I, 58: „sins — sinas вмѣсто древнѣйшаго sines"; но къ этимъ прелестямъ онъ въ нѣм. пер. и въ Лекц. сдѣлалъ прибавку, что sins „можно быть и повел. накл. вм. sine, если Фестъ основательно приводитъ форму prospices вм. prospice (ед. М. 205)". Изъ этихъ словъ оказывается, что обыкновенная форма сослаг. накл. sinās и т. п. произошла изъ древнѣйшей sinēs! Г. профессоръ совершенно незнакомъ даже съ начатками научной грамматики, ибо а) не знаетъ того, что e и ē могутъ выйти изъ a и ā, но никогда и никоимъ образомъ — наоборотъ; б) онъ и не предчувствуетъ, что sinēs есть форма отличная отъ sinās, и именно та, которая навсегда сохранилась въ значеніи будущаго времени, хотя по происхожденію есть желат. накл.; слѣд. даже и не догадывается о томъ, что въ лат. яз. было и желат. накл., кромѣ сослаг. (Обо всемъ этомъ онъ могъ бы прочесть хоть въ моей грамматикѣ, если бы былъ способенъ читать научныя работы, а не только справляться съ ними при помощи указателей); позже я ему нѣсколько разъяснилъ это дѣло; в) что sins только въ томъ случаѣ можетъ быть повел. накл., если правъ Фестъ относительно prōspices. Для всякаго понимающаго дѣло, формы ēs (= *ed-s) и es и вообще все, что нами высказано объ образованіи повел. накл., будетъ гораздо важнѣе рѣшенія вопроса о prōspices. Почему же г. Модестову такъ важнымъ показалось prōspices, что отъ этого слова ставитъ въ полную зависимость рѣшеніе участи слова sins, даже не упоминая объ es, ēs, fer, грч. δός, σχές и пр.? А потому, конечно, что не имѣетъ ничего общаго съ настоящими учеными. Для него все дѣло было въ томъ, чтобы пустить пыль въ глаза знакомствомъ съ prōspices и Фестомъ, — знакомствомъ, такъ легко доставшимся!..

98, 9 сл. д. ч.: по аналогіи съ в. р. о. на -a-, при коихъ -aхъ возникло отъ ассимиляціи. 28. ч.: § 39, II, 2. 4.

99, 3. прб.: Но иногда остается praes. вм. fut.; напр. у Caes. B. Civ. II, 94 ego circumeo et confirmo, и пр.

101, 12. вн. „Приб. II" ч.: § 48, 3. в. 29. вн. „глаг." ч.: perfecta 9 сн. по „первой" сд. вн.: *) Теперь я вполнѣ убѣжденъ, что греч. perf. на -ά и -κα тожественны и образованы при помощи вспомог. глагола. Этотъ вопросъ, т. е. главнымъ образомъ возможность перехода s въ k, будетъ разъясненъ мною въ изслѣдованіи объ именныхъ формахъ (см. доб. къ стр. 64). Мнѣ кажется, что я могу убѣдит. доказать, что s можетъ переходить почти во всѣ согл. звуки.

103, 3. д. ч.: fut. ind. 17. вкл.: (въ ind. sg. всегда ἔ-θη-κα, см. ниже).... 3. ἔ-θε-σαν вм. ἔ-θε-ν 20. ч.: (32 глаг. у Һомѣра, но въ атт. нар. только ἧ-κ-αν) 24. ч.: λῦ-σε-ια-ς 29. здѣсь -κα = -σα = *ες-α-μ; см. выше доб. къ 101, 9 сн.

37. кнц. прб.: этой формы, но по значенію ей соотвѣтствуютъ прош. соверш. вида, напр. далъ (собств. прич., § 42, 3. б), а повелит. (и неопр. накл.) аориста наше повел. (и неопр.) накл. соверш. в.: дай (дать)]. 38. ч.: медіо-[какъ на стр. 104, 17].

104, 21. д. ч.: (вм. amā-mini и т. д. -ētis) 48. вкл.: (f. I. p. у Һомѣра еще нѣтъ) 63. ч.: erunt 69. ч.: Цена. Коссовичемъ.

105, 9. вкл.: а въ португ. даже склоняется по по лицамъ и числамъ; въ новогрч. и новоболг. неопр. н. утрачено (порт. ter, ter-es, ter; ter-mos, ter-des, ter-em = tenēre, habēre; см. Diez, II, 187). 44. выражено сжато до неясности; д. ч.: откуда, по соединеніи съ темпоральнымъ -e- и по утратѣ -ai, выходитъ ειν (напр. pr. inf. λέγειν = *λεγε-εν, а въ дор. λέγεν); въ aor. I. просто примыкаетъ ι къ основѣ aориста. 47. ч.: -ειν = -ε-εν. 50. ч.: τε-θνήξειν; 51. вкл.: ἑστά-ναι

105, 3 сн. по „II, 123 ff." прб.: Примѣры удвоеннаго inf. act. см. у Schuchardt'а I, 119 и особ. II, 392.
1 сн. по „глазу" д. ч.: также санскр. infin. на -tum, напр. dā-tum да-ть, суть просто имена существ. отглаг. (см. выноску на стр. 106); infin. италійскихъ нарѣчій имѣетъ вполнѣ форму имен.-вин. п. именъ ср. р. 2го скл. на -o-m, -u-m, напр. умбр. erom (esse), вольск. ferom (ferre), оск. vollohōm (vallāre) deicum (dīcere); тоже и въ др.-ирск. яз. (гдѣ впрочемъ окончанія, какъ и въ другихъ случаяхъ, утрачены, напр. tór-mag = *tór-magon (augēre); сверхъ того въ этомъ яз. infin. съ основою на -tin-, -sin- (напр. deic-sin- и пот. deic-sin) даже управляетъ род. п., слѣд. есть просто имя существ. - Какъ видитъ читатель, мы/въ вещественности"побольше, чѣмъ въ русск. неопр. накл. - Мораль: прежде нужно поучиться, потомъ писать.
106, 5. ч.: cubitū. 107, 25. ч.: τεγῶν 47. вн. „6" д. ч.: б 108, 20. кнц. прб.: Въ несоверш. видѣ это прич. имѣетъ значеніе part. imperfecti, а въ соверш. - part. aor., напр. дававшій и давшій, кидавъ и кинувъ. 1 сн. прб.: Lattmann u. Müller (Gramm. 207) думаютъ, что между amāns и amāndus такая же разница какъ между elephās и elephantus (?!), и что amāndus изъ первонач. колебанія между дѣйств. и страд. знач., получило значеніе part. pr. pass., напр. in obsidēndā urbe и т. д.; отсюда и долженствованіе, т. е. puer amāndus est = puer is est, qui ametur. Мнѣ и теперь наиболѣе удовлетворит. кажется то мнѣніе Шрёдера, коему я послѣдовалъ въ текстѣ и которое подробнѣе изложилъ въ Ж. М. Н. Пр. 1865 г., № 12. - (Разсужденіе Поттера тщетно пыталася я выписать).
109, Вышли неразборчиво: 9 сн.: ῥωμαϊκή 5 сн.: б нѣсколько похоже на древнее ζ, а ζ
3 сн. вкл.: превосходная характеристика языка и діалектовъ и пр. у Steinthal'я Gesch. d. Sprachw. 386-433.
прб.: W. Christ, Grundzüge der gr. Lautlehre, Lpz. 1859. 1 сн. вышло неясно: Греч. яз. а тѣмъ болѣе.... (см. Эпилогъ)
110, 22.: по „у Гомера" вкл.: и у Гесіода, а для устраненія зіянія нерѣдко удерживалось и у другихъ эпиковъ и у элегиковъ до конца 6го в. до Р. Х. (Christ, 203 ff.). 26. вкл.: Придыханія писались надъ гласными почти только въ началѣ словъ, но что они бывали слышны и внутри ихъ, видно изъ такихъ словъ, какъ ἔφοδιον (слѣд. и πρό-ὁδος) и изъ лат. транскрипціи, напр. Euhēmerus.
28. кнц. прб.: ρ было, вѣроятно, двоякое; чистое, т. е. язычно-зубное, и картавое, или язычно-гортанное (ῥ, rh, такія же два ρ были и въ сканд. язз. см. Schmidt, Gr. M. 86, гдѣ есть ссылка на Wimmer'а Altnord. gramm., § 9). 47 сн. ч.: F потомъ вышло изъ уп., оставшись однако какъ цифра 6 (потомъ смѣшали это со стигмою - ς, откуда въ слав. азб. зѣло. 53. кнц. ч.: (Ср. 513, 4. и 46, 1).
63. Шмидтъ (Gr. M. 198 ff.) думаетъ, что gravis означаетъ тонъ нижшій тона неакцентованныхъ слоговъ; но въ этомъ мудрено себя увѣрить, да это мнѣніе и противорѣчитъ древнимъ.
По 78. вкл.: Мѣсто акцента долго колебалось; такъ вм. болѣе древнихъ атт. τρόπαιον (трофей) и γέλοιον (шутка) позднѣе говорили τροπαῖον и γελοῖον и пр. (Steinthal, G. d. Spr. b. d. Gr. u. R. 432).
80. д. ч.: 2) Encliticae: praes. ind. глаголовъ εἰμί (есмь) и φημί (говорю, баю), кромѣ 2. sg.: εἶ и φῄς;
111 Эта и слѣд. страницы плохо вышли съ камня, хотя написаны были, при всей густотѣ и мелкости, очень четко. Мѣста наиболѣе трудныя для чтенія здѣсь вновь привожу/ся:
51. ч.: f ꞔ ṙ ı ӥ (o). 53-54. ч.: и новоосок. возстановилось o, далѣе q и x а въ новоумбр. также C и D, а вм. d и q (ç и ṙ) писалось Ꭹ и RS. 55. ч.: надпись заклю- 57. ч.: NIVMΣΔIHIΣ
60. ч.: (съ лигатурами во 2-ой строкѣ): 62. ч.: V(ibius) Adirānus V(ibii filius)
62-68. Желая дать читателямъ задачку для упражненія въ оск. письмѣ, я оставилъ мѣсто для лат. транскрипціи. Но такъ оскскій подлинникъ расплылся на камнѣ, то представляю здѣсь транскрипцію его:

V(ibiis) Aadirans V(ibieis) eitiuvam, paam // vereiiai Pùmpaiianai trìstaa // mentud deded, eisak eitiuvad // V(ibiis) Viinikiis M(a)r(ai), kvaisstur Pùmpaiians, trìibum ekak kùmbenn//ieis tanginud ùpsannam // deded, ìsidum prùfatted.

76. по „pūrae" прб.: (= igniāriae? loc. sg.) кнц. стр. ч.: по Mommsen'у здѣсь imper. и = distuntō (Unt. Dial. 296) въ значеніи constituant (139), consecrantō (129; онъ потому только не переводитъ словомъ stantō, что ошибочно принялъ aasas ekask за acc. pl.); Corssen пустилъ въ ходъ мнѣніе, что здѣсь praes. ind. (II, 429: ср. 1027 и I, 155, 415) съ небывалымъ измѣненіемъ a въ i въ 3 pl. глаголовъ 1го спр.; ему послѣдовали Enderis (Formenlehre, XXXIV, 2, 28) и, повидимому, Schleicher (Indog. Chr. 370, впрочемъ несмѣло), т. е. признаютъ = extant. Мы не можемъ допустить здѣсь ничего иного, какъ optat., т. е. eestint есть вмѣсто eestaient, подобно, напримѣръ, оск. fu-sīd (pf.), fu-id (pr.), tribarakatt-ī-ns (pf.), умбр. sins (= sint), и особ. лат. vindicit temperint и т. п. (Neue II, 340) Optātīvus требуется здѣсь и смысломъ.
79. вкл.: Ernst Enderis, Versuch einer Formenlehre der osk. Spr. m. d. osk. Inschriften u. Glossar. Zürich, 1871.
112. Вышло неразборчиво: 5.: licetō(d) 6.: Bantīnus (fu)erit 17.: Такъ думаетъ Huschke
19-20. Транскрипція: Pre veres Treplanes Iuve Krapuvi tre buf fetu. — Pune pupluṁ aferum heries, avef anzeriatu etu. (Ср. выше замѣч. къ 111, 62-68).
29. ч.: Aufrecht u. Kirchhoff, Umbr. Sprd. II, 267-II, 275 и 299; Huschke, Iguv. Taf., 252 ff. (Ср. ниже къ II, 4, 6-7 сн.)
32. прб.: имя Truti-kno-s есть галльское, какъ и Oppianicnos, Trutissi-cnos, встрѣчающіяся въ др.-галл. нап. (Corss. II, 44).
34. вышло неясно: буква o была въ древнѣйшихъ оск. надписяхъ греч. письма, исчезла въ націон. оск. и умбр. алфавитѣ и вновь является 39. д. ч.: ai, ei, ei, oi. 41. ч.: умбр. и древнѣйшемъ оскомъ между удвоенными гласн. иногда вставлялось и h; напр. др.-оск. Fολλοhωμ т. е. vollohōm вм. vollōm (infin. глагола на -ōō = греч. -όω; vallāre, exstruere), умбр. preplohotatu 43. продолж. къ знаку ⁎ есть на стрк. 45. 45. Знакъ ⁎ относится къ стркѣ 43. 47. по „изъ k" прб.: передъ i, e 49. вкл.: k передъ t въ h: умбр. rehte = лат. rectē, оск. Uhtavis = Octāvius. 56. по „Nōlani" вкл.: саб. aviatas (circumvectae).
60. кнц. прб.: но въ фалиск. gen. 2. decl. вполнѣ = лат.: Marcī, Cavī. 61. вкл.: Iovie, Martie и пр. и только разъ есть слитная форма: dī = die, т. е. dīve. ч.: -om или um 62. ч.: часто въ умбр., рѣдко въ оск. 66. кнц. прб.: напр. вольск. и умбр. vīnū = vīnō(d) 67. ч.: въ оск. и саб. 68. вкл.: саб. suois cnatois... III скл.: o. lig-is, y. avis. 75. ч.: fere, purtatū 79. ч.: самостоятельно:

Часть II.

2, 10. по „метрики" сдѣлать вын.: +) Шмидтъ справедливо называетъ ее „fruchtlose, geisttödtende und fast nie verstandene (übrigens auch kaum verständliche!) alte Metrik" (Kunstformen d. gr. p. I, XVII), или „monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum" (Ibd. II, 3. изъ Verg. Aen. III, 658. — Ср. I, 1 ff.; 50 f.; II, VIII–XVI; III, XVIII; IV, 16 и пр. и пр.)

22. д. ч.: 1868–1872 — 4 Bde (Eurhythmie, Compositionslehre, Monodien etc., Metrik). Загл.: „Вышли ... читалъ". По 23. вкл.: +W. Christ, Metrik der Griechen und Römer. Lpz. 1874. (довольно — консерват. направленія).

27. д. ч.: и дальнѣйшее развитіе онаго — о метрикѣ Фѳдра, Горація, Катулла и пр. —

28. ч.: 1869 sq. 30 ч.: капитальные труды Boeckh'a De m. P. въ изд. подъ, Lps. 1811–22 (T. I, p. II), Herm. Elementa Doctrinae metricae, Lps. 1816, съ извлеченіемъ изъ нея „Epitome d. m." 1818. 1844. 1852. 1869. Заслуживаетъ, по разнымъ причинамъ, вниманія (хотя и отсталое) L. Quicherat, Traité de versification latine (1re изд. Paris, 1826; 23e изд. 1875; но послѣ 1846, кажется, печатается безъ измѣненій).

34. Прб. И. А. Коссовича Гораціанскіе (т. е. Гораціевскіе или Гораціевы) лирич. размѣры, Варш. 1874. отличаются тѣмъ же юморист. характеромъ, коимъ проникнуты всѣ работы этого мужа. Онъ хочетъ пересадить на русскую почву Гораціевы стихи. Но это можно сдѣлать только для пѣнія. Если кто — какъ онъ и какъ г. Модестовъ — думаетъ, что можно вполнѣ пересадить древнюю лирику и для чтенія, тотъ — говоря словами Шмидта — свидѣтельствуетъ о томъ, что и понятія не имѣетъ о древнемъ ритмѣ (см. Kunstf. IV, 254–267, особ. 261). — Теперь идетъ сильное движеніе метрическое, вслѣдствіе толчка даннаго Вестфалемъ и вступившимъ съ нимъ въ борьбу Шмидтомъ: Lehrs, Brill, Mor. Schmidt, Brambach, Wolf, Lang и др.

38. д. ч.: 3-ью и 4-ую главы. 41. кнц. прб.: стр. 4 и 2. Болѣе о томъ см. въ моемъ предисловіи къ переводу соч. Бекъ-Фукьера „Игры Древнихъ", которое должно выйти въ свѣтъ въ Янв. 187[7].

42. д. ч.: гл. II, III и IV (съ сокращ.) и изъ Vй гл. 43. д. ч.: первыя 5 главъ [Но эти 2 строки теперь можно и зачеркнуть].

3, 9. д. ч.: разсмотрѣніе обусловленныхъ мѣрою времени и ритмомъ формъ словеснаго матеріала.

2 сн. д. ч.: стала большею частью т. д. [хотя и не вполнѣ въ современномъ смыслѣ этого слова, ибо самый языкъ до поздняго времени оставался пѣвучимъ (см. Грамм. § 15), а многія изъ подвичныхъ формъ таковы, что ихъ и нельзя иначе прочесть, какъ прибѣгая, по крайней мѣрѣ, къ полупѣнію (Ср. Schmidt, Kunstf. II, 163 f.)]. Это особ. съ алекс. эпохи (съ 3 в.)

4, 2. по „ритмъ" вкл.: (т. е. гармонія въ движеніи или обусловленное мѣрою движеніе)

5. кнц. прб.: 15-сложный, изъ прежняго 4-метра трохейнаго, см. § 20, 3. Первые зачатки такого стиха относятся къ 4-му в. по Р. Х.; выработался онъ въ 8–9 в., но въ литературу введенъ только въ 12-мъ в. Михаиломъ Пселломъ (см. Bernhardy, Griech. Lit. 3. aufl. 1863, I, 671; Kühner, Ausf. gr. gr. 2 aufl. I, 245; Korsch, De versu saturnio, Mosquae, 1868, p. 22 sq.)

8. ч.: рифма показывается съ 5 или 6 в. въ церковно-латинской поэзіи, а въ средніе вѣка становится господствующею въ поэзіи лат., романской, персидской, арабской, еврейской, и, наконецъ, переходитъ къ Грекамъ уже п. п. к. [Пишу „рифма", но „ритмъ", потому что первое нельзя назвать греч.]

12. Аллитерація или обозначаетъ начало новаго ритмичнаго отдѣла, или выводитъ рельефнѣе болѣе важныя слова, или просто служитъ прикрасою; рифма имѣетъ преимущ. мелодичное значеніе. 25. вн. „гл. IV" ч.: § 32, 3 III. вн. „§ 15, 7 и гл. IV" д. ч.: §§ 23, б. и 38, II, 2.

26–27. д. ч.: Ритмъ окажется только въ томъ случаѣ, если примемъ, что к. ст. р. н. д. н. (к. см. гл. III) д. д. с., съ 4-мя повышеніями въ каждомъ полустишіи, и что всякое пониженіе можетъ быть опущено съ удлиненіемъ повышеній (см. § 9) (××). 38. вн. „гл. IV" ч.: § 24.

40. кнц. прб.: (Tab. VI, b, 60. и VII, a. 49). Въ болѣе правильномъ видѣ это мѣсто помѣщено въ моей „Грамм.", § 47, 3, б. γ., стр. 112, гдѣ есть и переводъ и указанія на Aufr. u. Kirch. и Huschke. У Вестфаля II, 36. приведенъ болѣе значит. отрывокъ, но очень неточно и безъ перевода или объясненій и безъ указанія таблицъ. Здѣсь много темнаго. Такъ, по смыслу слѣдуетъ ожидать imperat., и при томъ въ Tab. VI b. — 2. pers. plur., а въ Tab. VII, a. — 2. sing., ибо въ первой есть воззваніе къ 3-мъ божествамъ, а во 2-й — къ одному. По формѣ же эти слова могутъ быть признаны или за 2. sing. imper., или за part. perf. pass. или за subst. verb. въ пад. отводит. (см. „Грамм.", § 48, 2. и 3). Ауфрехтъ и Кирхгоффъ, II, 267 ff. склоняются признать послѣднее, но чрезъ то вынуждены подразумѣвать здѣсь глаголъ „поразк", „посѣти" (чѣмъ). Возможность такого опущенія кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительною. Потому думаемъ, что правъ Huscke (Iguv. Taf., s. 252 ff.), принимающій здѣсь повел. накл. и объясняющій единств. ч. тѣмъ, что каждое изъ 3-хъ божествъ должно было отдѣльно совершить тѣ дѣйствія. Въ переводѣ мы отчасти вынуждены были пойти своимъ путемъ посреди противорѣчивыхъ толкованій предложенныхъ сказанными учеными (о коихъ см. въ „Грамм." выноску на 111 стр.), но постараемся оправдать себя во 2-мъ изд.

1. сн. прб.: (Ср. Mommsen, Röm. Gesch., I⁴, 220. — Объ его этимологіи отъ satura, I, 227, см. выноску къ § 24).

5, 5. кнц. прб.:, не будучи однако возведена въ систему или правило; напр. у трагика Л. Аттія въ „Atreus" есть стихъ: Mājor mihi mōlēs, mājus miscendum'st malum (см. Tragicōrum latīnōrum rēliquiae, rec. Otto Ribbeck, Lps. 1852, v. 200, p. 136); у Эннія въ „Andromacha Aechmalotis": Auxiliō aut exilī aut fugae frēta sim? (Кретики; у Ribbeck'a, l. l., v. 76, p. 21); у Горація (Carm. III, 13. 15 sq.): Unde loquācēs lymphae dēsiliunt tuae и пр. 14. ч.: рифмы.

22. прб.: (cantus chorālis s. plānus). 23. д. ч.: Образчикомъ перехода квантитативной метрики въ акцентовую можетъ служить, напр., слѣд. пѣснь А. М.: 27. вн.: „Уже ... рифма" д. б.: Со временъ Седулія (6 в.) въ церк. пѣсняхъ нерѣдко является рифма; свѣтская рифмованно-латинская поэзія блистала въ 12-мъ в. во Франціи. Въ 12-мъ же в. начался церк. пѣніи cantus mensurālis (съ удл. и сокр.)

5, 30. д. ч.: (quantitās, на чемъ основывается мѣра)

32. по „пѣсень" сдѣл. вын.:xx) См. подробности у Шмидта, Kunstf. I, 8-13; IV, 152 f. 201, 206 f., 253-273; Leitf. 2-18; ср. Kstf. III, vorw. s. XVII. Хотя у него кое что ошибочно, особенно объясненіе позиціонной долготы, но онъ даетъ правильныя наставленія о чтеніи древнихъ поэтовъ и прекрасно поясняетъ важность сей правильности. Уже Г. Германнъ далъ отличныя указанія для чтенія стиховъ, которыя, къ сожалѣнію, у насъ почти никѣмъ не соблюдаются (см. Epit., ed. III, pp. V-X). Ср. Christ, Metr. s. 5. - Вѣрныя замѣтки, до сихъ поръ не соблюдаемыя, есть уже у геніальнаго англійскаго филолога Бентли (De metris Terentianis σχεδίασμα, p. 22, по изданію при Теренціи Lips. 1829. Tauchn.; 1е изданіе вышло Cantabr. 1726). Сообразно съ натурою древнихъ языковъ и размѣровъ, чтеніе необходимо должно выходить болѣе или менѣе пѣвучимъ (ср. Schmidt, Kstf. IV, 264. 271). Только при безукоризненномъ чтеніи можно вполнѣ постигнуть и почувствовать красоты древней поэзіи и смыслъ ея формъ (ibid. IV, 561. 586 ff.). Новая поэзія по своимъ формамъ есть, сравнительно съ древнею, „чистая, только немного подкрашенная ритмомъ, проза" (ibid. III, XVII), или лишь „тѣнь живыхъ тѣлъ" (ibid. IV, 267). Ср. выше, къ II, 2, 34, и 3, 2 сн., и ниже къ 15, 20. Въ текстъ послѣ знака выноски вкл.: Иктъ въ древнихъ стихахъ могъ какъ совпадать такъ и не совпадать съ акцентомъ, но гораздо чаще совпадаетъ, и у Римлянъ вдвое чаще чѣмъ у Грековъ. Послѣ сего сд. вын.:xxx) Образчикъ куріозно-наивнаго мнѣнія о разногласіи между иктомъ и акцентомъ, происшедшаго отъ смѣшенія одного съ другимъ, см. у Л. Мюллера dē rē metr. 206: поэты изъ пѣнiя де умышленно акцентъ словъ, чтобы оторвать людей отъ земной юдоли и перенести въ болѣе чистый эѳиръ, свободный отъ всякаго земнаго осадка! Это лишь немногимъ лучше куріоза объ якобы древнихъ сношеніяхъ предковъ съ лат. языкомъ, указаннаго въ дополненіяхъ къ I, 18, 10 (см. ч. II, стр. 45). Если бы теперь кто вздумалъ сочинить поэму на русскомъ языкѣ по рецептамъ сихъ двухъ мужей, то, конечно, самъ былъ бы сочтенъ достойнымъ быть оторваннымъ отъ земной юдоли для помѣщенія въ домъ умалишенныхъ. Я готовъ представить первый стихъ для эпической эпопеи, точно составленный по указаніямъ оныхъ мужей: Ка́ккую че́пуху́ говоря́тъ и учены́ и свисту́ны!

42. вм. „§ 16" чит.: § 15. 44. по „Leōnīnī" вкл.: (по имени нѣкоего Леона, жившаго ок. 1200 г. по Р. Х.) по „farōs" вкл.:; или у него же въ дакт. гекзаметръ: Quot coelum stellās, tot habet tua Rōma puellās.

Книз. прб.: Ср. Bernhardy, Röm. Lit., 5 aufl., s. 344 ff.; L. Müller dē rē m. pp. 455 sqq. - Аллитерація встрѣчается и въ прозѣ, напр. Iuppiter Feretrī, haec tibī victor Rōmulus rēx rēgia arma ferō (Liv. I, 10, 6).

6, 5. по „точности" вкл.: (см. Грамм. §§ 16 и 18) 6. вм. „гл. III" ч.: § 9, 2 и 4 и прб.: Впрочемъ самая единица времени, mora, измѣнчива, завися отъ быстроты чтенія или пѣнія, или отъ т. н. темпа (ἀγωγή). Въ какой степени древніе были чувствительны къ ритму, видно изъ словъ Цицерона, что вслѣдствіе малѣйшаго нарушенія его актеромъ, въ театрѣ подымалась буря (Ōrāt. 51, 173; dē ōr. III, § 196).

18. д. ч.: стопою, вслѣдствіе неправильнаго перевода словъ pēs, πούς, род. ποδός x), и сдѣл. вын.: Слово πούς въ музык. языкѣ означало ударъ стопы (ноги), такъ же какъ средневѣковое tactus, тактъ - ударъ руки, а позднѣе то и другое - отмѣренную ударомъ стопы или руки группу звуковъ или тоновъ. См. Westphal I, 499-504; 621 f. II, 2, 114 f.; 752; Schmidt Kstf. I, 13 f.; II, 41 f.; Brambach, Unters. 145 f.

25. по „ноги" вкл.: такъ же поступали руководители хора при управленіи (σημασία) и учителя искусствъ.

26. по „смыслъ" сд. вын.:xx) Первый указалъ на эту неправильность, укрѣпившуюся вслѣдствіе авторитета введшихъ оную величайшихъ и геніальныхъ филологовъ Бентли (Bentlēji dē metrīs Ter., p. 2) и Г. Германна (Elem. p. 11, Epit. p. 6), англійскій ученый, dr. Barham въ предисловіи къ своему изданію греч. метрика Hephaestiona, Кэмбриджъ, 1843, стр. 5-8 (что мнѣ извѣстно изъ Грота Griech. Myth. u. Antiqu. u. s. w., übers. v. H. Fischer, Lpz. 1858, III, 326 anm.). Смутное понятіе о томъ имѣлъ и Германнъ (ratiō perobscūra; Ep. p. 6). Съ особеннымъ негодованіемъ отзывается о „вульгарномъ" извращенномъ смыслѣ сихъ словъ Вестфаль (II, 5). Ему послѣдовали Шмидтъ (Kstf. I, 13 и пр.), Брамбахъ (Unters. 146 f.) и др. Шмидтъ справедливо замѣчаетъ (IV, 185 f.), что ложное употребленіе словъ ārsis, thesis wird schliesslich doch weichen müssen mit dem besseren verständniss der sache und in die rumpelkammer der antiqvirten gebräuche geworfen werden. - Для Модестова (Пекзин, I, 56), впервые узнавшаго отъ меня о томъ, что „вульгарный" смыслъ сихъ словъ неправиленъ, былъ достаточный поводъ высказаться за ложное употребленіе въ томъ, что я сталъ за истинное.

28. д. ч.: (см. ниже §§ 7, 10 и пр.); 30-31. зач.: „иногда..... основаніе" и сд. вын.:xxx) Слово anacrūsis введено въ метрику Г. Германномъ (El. p. 11, Ep. p. 7) и упрочилось въ наукѣ. Понятіе о немъ имѣлъ и Бентли (l. l. p. 4 sqq.). У древнихъ метриковъ нѣтъ о ней рѣчи, т. е. она принималась за начало тактовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, Августина dē mūs. V, 6, цитуемаго Крузеномъ, Metr. 4 1. Со времени Германна стали въ однихъ случаяхъ принимать слоги передъ первымъ иктомъ за анакрусъ, въ другихъ - за начало такта. Совершенно исключить анакрусъ изъ науки невозможно: напр. ее необходимо принять въ алкэевыхъ 9- и 11-сложныхъ стихахъ, еще болѣе во всѣхъ стихахъ съ синкопою арсиса, также въ іоникахъ, ибо напр. только при такомъ условіи будетъ видна замѣна іоника дитрохеемъ (⏑⏑ : – – ⏑⏑ | – ⏑ – ⏑ | – – ..., а иначе вышла бы нелѣпость: ⏑⏑ – – | ⏑⏑ – ⏑ | – ⏑ – –). Въ другихъ случаяхъ, именно въ обкн. ямбахъ и анапэстахъ, возможно поступать и по старой и по новой теоріи; но для теоріи ямбовъ открывается при ней много удобствъ. Ради удобствъ, последовательности и согласія ~~съ означеніемъ~~ съ современною музыкою, мы, вслѣдъ за Шмидтомъ, проведемъ везде.

II. Метр.

Иванов

7, 6. ч.: (dipodia или syzygia) 14. кнц. прб.: см. §10. прим. 16. Въ схемахъ тактовъ и въ примѣрахъ лучше было бы обозначить и арсь точкою, потому что и она необходимо произносится съ извѣстною силою или ударомъ (см. §5); въ такомъ случаѣ знакъ оеси былъ бы : или ⁝.

35. вм. „отъ племени" ч.: отъ ἰωνικοὶ λόγοι александрійской эпохи, см. §25; по инымъ – отъ племени.

1. сн. по „472" вкл.: и Fick, Indog. Wtb. III³, 200, Gött. 1876. Иначе Christ, Metr. 334. кнц. прб.: II, 115 ff.; Schmidt, Kunstf. I, 15 f.; II, 26 ff. Къ тому же заключенію пришелъ Bentley „jam ab ipsā adolēscentiā" (Metr. Terent., p. 4) вслѣдствіе строя стиховъ; вотъ его формула ямб. триметра (p. 6): Vī/cómmodāvī/cómmodāvī/commodā/.

8, 2. по „палецъ" вкл.: вѣроятно отъ отбиванія такта пальцемъ, что тоже практиковалось уже въ древности: ā tactū digitōrum dictus, Diom. p. 478 K., который допускаетъ впрочемъ производство и отъ идскихъ Дактиловъ; второе объясненіе высказалъ независимо отъ Діомеда и Шмидтъ Kstf. III, 160; а по Аристиду dē mūs., p. 36. W. ... 17. ч. давшаго 18. Кнц. прб.: Впрочемъ арсь и анакрусь анапестовъ, соотвѣтствуя поступи лѣвой ноги, какъ оесь – правой, сильнѣе арси дактилова (см. Schmidt Kstf. I, 127 f.; II, 60 f.; III, 160 ff.; IV, 480; Ltf. 27 и XIX; Christ, 265). 25. вм. „παίων бьющій" д. б.: παιάν, позднѣе παίων или παιών, одного корня съ нашими пѣснь, пою (см. Fick Indog. Wtb. I³, 136). 26. прб.: производство отъ „παίων бьющій", пущенное въ свѣтъ Leutsch'омъ не состоятельно.

29. прб.: Въ бурныхъ кретико-пэонныхъ тактахъ арсь по силѣ не многимъ уступаетъ оеси, и потому кретикъ слѣдуетъ обозначить такъ: ⁝⏑⁝. Подобнымъ же обр. и пэоны и бакхіи.

35. кнц. прб.: т. е. мы читаемъ такъ: ⏑–:⁝⏑–|⁝⏑–|⁝.... (См. стр. 12 вын.[x]) и §26. съ добавленіями.

Прим. 1. Характеръ (ἦθος) тактовъ очень модифицируется отъ силы и высоты тона и отъ темпа.

Прим. 2. Объ исключеніяхъ изъ дѣленія тактовъ на три рода, т. е. 1) о тактахъ съ синкопою, 2) о тактахъ съ оесью = 1 и арсью = 2 или 1, т. е. о ⏑̈– и ⏑̈⏑, 3) съ оесью = 3 и арсью = 1, и 4) объ иррац. и киклическихъ тактахъ, – см. §9 съ дополненіями. 36. ч.: Примѣч. 3.

41. по „(syzygiae)" сд. вын.:[xx]) Cm. Pompēji Commentum Artis Dōnātī: Pedēs autem omnīnō sunt 224, ex hīs nōmina habent 28, quōs grammaticī tractant (это 2–4 сложные), – въ Gramm. Lat. ed. Keil V, p. 122.

44. по „огненноцвѣтный" сд. вын.:[xxx]) Разныя сказанія о семъ имени см. у Krause Gymn. u. Agon. d. Hellenen, s. 836. 1. сн. прб.: ; также Schmidt'а Kunstf. I, 16 f.; II, 35 ff. и пр. Еще хуже у Криста.

9, 19 кнц. прб.: Впрочемъ нерѣдко и двѣ короткія строфы соединяются, въ качествѣ полустрофъ или подперіодовъ въ одну сложную строфу, такъ что только послѣ второй полустрофы заканчивалась музыкальная мысль. Изъ нѣсколькихъ строфъ можетъ образоваться высшее единство – перикопа (§33), а изъ нѣсколькихъ перикопъ цѣльная ода (ᾠδή, carmen, пѣснь). –[xx]) (вын.): Особенный способъ давать единство – уже чисто внѣшнее – стихотвореніямъ проявляютъ шалости преимущ. позднихъ писателей, – какъ то александрійца Симмія, латинскихъ Публія Порфирія Оптаціана (4-го в. по Р. Х.) и Венанція Фортунаціана (6-го в.). Сюда относятся акростихи, фигуры изъ стихотвореній, напр. жертвенникъ, яйцо и пр. Почти невѣроятныя трудности въ семъ родѣ задавалъ себѣ и исполнялъ Порфирій (см. L. Müller dē rē m. pp. 461–470).

27. вм. „предложеніемъ" ч.: періодомъ. 29. прб.: т. е. создавалъ мелодію одновременно съ текстомъ.

31. по „ритма" сд. вын.:[xxx]) Въ законѣ равномѣрности тактовъ, которая есть „первое и необходимѣйшее требованіе ритмично-метричной композиціи" и „повлекла за собою неисчислимыя послѣдствія" (Schmidt Kstf. IV, 251), заключается главное отличіе современной метрики. Въ равномѣрности чувствовалъ потребность уже 150 лѣтъ тому назадъ Bentley, dē metr. Ter. (pār temporum mēnsūra въ диподіяхъ, p. 2; о клаузулахъ p. 7; объ ускоренномъ произношеніи долгихъ арсей въ хорейно-ямбичныхъ стихахъ, p. 12; cum rhythmus sit metro potentior, p. 15); сознаніе имѣлъ въ необходимости ея и Г. Германнъ, который нѣсколько разъ высказалъ это въ первыхъ 3-хъ главахъ Elem. и Epit. (напр. prīmāria lēx numerī haec est, ut tempora sint aequālia, El. p. 6; sine hāc aequālitāte nec numerus cōgitārī potest, nec symmetria, Ep. p. 4); но вслѣдствіе странной попытки осуществить въ метрикѣ Кантовскія категоріи, выраженный принципъ остался почти безъ послѣдствій. Вполнѣ признали сей принципъ, но лишь отчасти сумѣли его осуществить въ началѣ текущаго вѣка H. Voss, Aug. Apel, Boeckh, называющій равномѣрность prōrsus necessāria, и к. др. (см. Westphal, I, 501 f., 683 ff.; Schmidt IV, 254–260). Дѣйствительно установили и провели оный и тѣмъ представили почти всю древнюю поэзію въ новомъ видѣ только Вестфаль съ Россбахомъ и особенно Шмидтъ. Старая метрика теперь погребена безвозвратно. На новой стезѣ стоитъ и Кристъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Попытку кое-что возстановить изъ старой метрики дѣлаетъ Брамбахъ. Напр. онъ хочетъ спасти эпитриты, но тутъ нѣсколько разъ противорѣчитъ себѣ: то сомнѣвается въ томъ, что бы они были въ настоящемъ видѣ (Rhythm. u. metr. Unters. s. 17), то утверждаетъ это; то увѣряетъ, что они часто употребляются (s. 18), то повторяетъ за Аристидомъ, что они встрѣчаются рѣдко (s. 27); сознавшись, что не знаетъ, какъ ихъ дѣлить (s. 24), онъ потомъ даетъ объясненіе. – Намеки на такого рода послѣднихъ могикановъ см. у Шмидта, IV, 251. Мы думаемъ, что во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ современная музыка должна служить дополненіемъ и поясненіемъ античной оеоріи, добытой изъ древнихъ ритмиковъ, дошедшихъ до насъ въ обрывкахъ. 35. по „быть" вкл.: въ извѣстныхъ случаяхъ 36. зач.: „(за немн. искл.)"

40. д. ч.: вмѣсто ⁝⏑⏑ могутъ быть употреблены при нѣкоторыхъ условіяхъ ⁝–, ⏑̈⏑–, ⏑̈⏑⏑; вмѣсто ⁝⏑ трибрахъ ⏑̈⏑⏑, вмѣсто ⁝⏑– кретикъ ⁝⏑⁝ и т. д. 42. по „предшествующій" вкл.: долгій, а на самомъ концѣ стиха и заступающій (§11) – мѣсто долгаго короткій 43 кнц. прб.: Подобнымъ же образомъ опредѣляютъ систему и Кристъ и A. K. Döллень, Doctrīnae metricae summārium. Petrop. 1876, p. 21 sq.

10, 1. прб.: весьма рѣдко и 5-морные слоги ⊔ 4. вкл.: и чрезв. рѣдкой 5-морной ⊔ над Λ. 11 сд. вын.:[+]) Всѣ эти знаки изобрѣтены Греками; Λ есть первая буква слова λεῖμμα пауза (Anon. περὶ μουσ. p. 49 W.

По „поэзіи" вкл.: за рѣдкими исключеніями, 13 сл. д. ч.: сокращены два послѣдніе такта, то
15. вм. „при томъ" д. б.: при синкопѣ предпослѣдняго такта 17. зач.: „6-тактный" и „съ анакрусью", а вм. „хорей" ч.: хорейный стихъ 18. зач.: „ямбомъ .... отъ"
по 27. прб.: Прим. 1. Въ стихахъ, дѣлимыхъ на диподіи, иногда послѣдняя диподія бываетъ усѣчена на цѣлый 2-ой тактъ; онъ замѣняется не тонoю, а эмметричною паузою, преимущ. въ анапѣстахъ.
23. по „слогъ" вкл.: обыкн. оканчивающійся согласнымъ, рѣдко гласнымъ звукомъ,
25. по „стихъ" вкл.: Sī rārō scrībis, ut tōtō nōn quater annō (Hor. Sat. II, 3, 1); или 30. вм. „§ 14" ч.: § 18, 3.
36 сл. д. б.: Впрочемъ такъ трактовались большею частію тѣ слоги, которые въ обыкновенной рѣчи того времени были ирраціональны 40. прб.: Особенная свобода допускалась относительно словъ необыденныхъ, напр. иноземныхъ собств. именъ и т. п. Интересно у Горація in Āpūlō .... Āpūliae (Od. III, 4, 9 sq). 43. ч.: §§ 18, 3; 19; игл. V и VI.

11, 1. по „хорейныхъ" вкл.: а у римскихъ комиковъ и въ пэоно-бакхійныхъ,
2. по „напр." вкл.: въ первыхъ по „спондей" вкл.: во вторыхъ молоссъ и т. д. по „⏑⏑–" вкл.: а вм. –⏑– или ⏑–– и т. п. являются –––, –⏑⏑– и пр. 5. д. б.: приблизит. въ ½ моры (почти тоже 6. д. б.: приблиз. въ 1½
7. д. б.: § 14 и 16 8. по „короткаго" вкл.: или точнѣе вмѣсто ирраціон.-долгаго по „= ⏑" вкл.: или >
10. вкл.: и вм. –⏑– и т. п. –>–, –⏑⏑– и т. д. 12. вкл.: Тутъ какъ бы дѣлается попытка смутить ритмъ, но не доводится до конца. Впрочемъ законными считаются ирраціон.-долгіе слоги только во 2-ой части хорейныхъ диподій и въ анакрусѣ. 25. ч.: встрѣчаются не случайно, а постоянно, и только
38. д. б.: (см. §§ 9, 1. и 25). По 39 вкл.: 6) Также въ началѣ логаэдовъ иногда ритмъ какъ бы колеблется. Именно вмѣсто начальнаго и при томъ непосредственно помѣщеннаго предъ кикловымъ дактиломъ хорея (–⏑, а у греч. драматиковъ и у Пиндара, иногда и не передъ дактиломъ) допускается не только ирраціон. спондей, но и кажущійся ямбъ ⏑– (но не ⏑–), т. е. на тесисъ приходится 1 мора, а на арсисъ 2. Такое измѣненіе ритма, при которомъ однако тактъ сохраняетъ свой объемъ, и только части его приходятъ въ обратное между собою отношеніе, называется гиперфесью (ὑπέρθεσις перемѣщеніе); напр. у Катулла: Puellae et puerī integrī (34, 2), т. е. ⏑–|–⏑⏑|–⏑|–∧‖, вм. –⏑|–⏑⏑|–⏑|–∧‖. Это у Римлянъ гораздо рѣже, чѣмъ у Грековъ. Въ римской поэзіи встрѣчаются тутъ только такія варіаціи: –⏑, обкн. –> и рѣдко ⏑–; у лесбійскихъ же эротиковъ (Алкэя, Сапфо, также у Анакреонта, Симонида, Өеокрита) сверхъ того ⏑⏑, а греч. драматиковъ и Пиндара хотя нѣтъ ⏑⏑, но за то есть ⏑⏑⏑, и наконецъ передъ всѣми сими варіаціями еще можетъ быть помѣщена анакрусъ (см. Westphal II, 731–752; ср. 355 f., 652 f. 796 f. и ноты 808 ff.; Schmidt, Kstf. I, 17; II, 72–80; IV, 57; 460–476; Christ, 95–100). Впрочемъ Шмидтъ въ хоровой поэзіи обкн. вм. ⏑– читаетъ ⏑:–, а ⏑⏑ принимаетъ за анакрусъ (напр. II, 289). Относительно части стиховъ онъ правъ (именно гдѣ есть метричная респонзія ⏑:– и ⏑⏑:–); нерѣдко возможно то и другое чтеніе, а иногда его доводы слишкомъ слабы и только безъ нужды затрудняютъ чтеніе. Такъ у Пиндара въ Olymp. I, 1. онъ только потому вм. ⏑– читаетъ ⏑:–, что въ той одѣ часто бываетъ анакрусъ (см. Kunstf. I, 382; II, 78), хотя самъ же вынужденъ былъ допустить въ 9-мъ стихѣ ⏑– и ⏑⏑⏑. Что въ хоровой лирикѣ часто бывало ⏑–, доказываютъ сохранившіяся ноты гимновъ εἰς Ἥλιον и εἰς Νέμεσιν (см. у Вестфаля въ Прилож. къ 1-му тому, стр. 57–65; ср. II, 739, гдѣ изъ 12 тактовъ четыре имѣютъ видъ ⏑–). Посему Вестфаль въ своей музыкальной композиціи къ 1-ой Олимп. одѣ (II, 808 ff.; ср. 742) передалъ начало ея посредствомъ ♪♩. Въ эолійской лирикѣ, конечно, и Шмидтъ не отрицаетъ такта ⏑–. — Этотъ изнѣженный тактъ правильно объяснилъ Германнъ словами „quasi praelūdium quoddam et tentāmentum numerī deinceps sequentis" (Elem. d. m., p. 69) и назвалъ оный басисъ; но онъ неправильно призналъ его состоящимъ изъ arsēs (по нашему thesēs) nūdae. — Комбинація ⏑– на столько необычна и неестественна, что мы никакъ не можемъ признать оной въ буквальномъ смыслѣ: короткій слогъ, подъ вліяніемъ икта [тесис, состоя] и будучи обязанъ выдержать долгую арсь, долженъ необходимо удлинниться въ произношеніи, т. е. стать приблиз. = 1½ морамъ; мы его обозначимъ чрезъ ⏑; съ другой стороны, долгая арсь при короткой тесисѣ тоже неизбѣжно станетъ ирраціональною; слѣд. мы получаемъ тактъ ⏑> = 1½ + 1½ моры, т. е. онъ останется 3-морнымъ, но перейдетъ въ genus pār (ср. аналогичное сокращеніе конечнаго слога въ ăm[?], vidĕn, bŏnŭs и т. д. у комиковъ). Подобнымъ же образомъ и вм. ⏑⏑ окажется ⏑⏑ = прибл. 2½ морамъ, слѣд. тактъ будетъ лишь немного меньше нормальнаго. Что короткіе слоги могутъ удлинняться, на это есть прямыя свидѣтельства. Такъ Dion. Hal. de comp. verb. 11: ἡ ῥυθμικὴ καὶ ἡ μουσικὴ μεταβάλλουσιν αὐτὰς (краткость и долготу) μειοῦσαι καὶ αὔξουσαι ὥστε πολλάκις εἰς τὰ ἐναντία μεταχωρεῖν; Long. prolegg. ad Hephaest. p. 84: Ὁ δὲ ῥυθμὸς, ὡς βούλεται, ἕλκει τοὺς χρόνους, πολλάκις γοῦν καὶ τὸν βραχὺν χρόνον ποιεῖ μακρόν; Mar. Vict. p. 42 K.: rhythmus ..., ut volet, prōtrahit tempora, ita ut breve tempus plērumque longum efficiat, longum contrahat (ср. Westphal II, 613, гдѣ приведены сіи мѣста для объясненія „энитритовъ").

Прим. 2. Къ значительнымъ ритмичнымъ варіаціямъ способны и тѣ стихи хоровой греч. лирики, кои названы Шмидтомъ дорійскими, по преобладавшему при нихъ тону музык. композиціи (по Вестфалю дактило-эпитритами ἐπισύνθετα). Здѣсь такты могутъ являться въ слѣдующихъ видахъ: –⏑⏑, ––, ⏑⏑–, ⏑⏑⏑, –⏑, ⏑⏑ или –∧, изрѣдка ⏑⏑⏑ и, какъ исключеніе, ⏑⏑⏑⏑. Только Шмидту удалось вполнѣ истолковать эти стихи и фразы Аристоксена: γίνεται δέ ποτε ποὺς καὶ ἐν τριπλασίῳ λόγῳ, γίνεται καὶ ἐν ἐπιτρίτῳ (см. Kstf. I, 26 f., 38 ff.; II, 80–87, 262 f., 287–290; IV, 477–496). Говоря вообще, ему послѣдовалъ и Христъ, не называя его (64 f.; 328–332). Мы отступили отъ него только въ обозначеніи ⏑⏑⏑, ибо у Шмидта тутъ есть ⏑⏑> (т. е. ⏑⏑⏑). Вестфаль вм. ⏑⏑, т. е. ♩♪ [или 3 : 1] принимаетъ тріоли 8/3 + 4/3 = ♩♪, а вм. ⏑⏑⏑, – 4/3 + 4/3 + 4/3 = ♪♪♪ (см. I, 616; 692 f.; II, 590–706, особ. 607–614).
41. по „одномѣрны" вкл.: Въ наибольшей чистотѣ сохраняются всегда конечные такты кола или стиха, ибо ими какъ бы увѣнчивается ритмъ. 42. по „кривой" вкл.: въ противоположность прочимъ, прямымъ, ὀρθοί.

12, 1. вм. „поэзіи" ч.: трагедіи, рѣдко въ комедіи, а еще рѣже у Римлянъ вм.: „есть .... хореемъ"
д. б.: ⏑–:–⏑–, т. е. кретикъ съ ямбичною анакрусью 3. кнц. прб.: какъ до >–:–>–, такъ до ⏑⏑⏑⏑⏑⏑
4. д. б.: Объемъ и расчлененіе колъ. 7. по „стали" вкл.: различать члены колъ, называя оные [тесисью и] арсью кола, и

12, 28 сл. вм. „чъмъ … иктами" д. б.: чъмъ разнообразнъе членение, зависящее отъ силы, числа и размъщения иктовъ, 29. по „коло" вкл.: Примъры членения: 2) –́⏑|–⏑‖; 3) –́⏑–⏑|–́⏑‖; 4) –́⏑–⏑|–́⏑–⏑‖; 5) –́⏑–⏑–́⏑|–́⏑–⏑‖; 6) –́⏑–⏑–⏑–⏑|–́⏑–⏑‖. 34. ч.: Она рѣдко бываетъ короче или длиннѣе

35. зач.: „и рѣдко … ея" кнц. прб.: Конецъ слова, совпадающій съ концомъ кольнаго члена, об… етъ секцію кола, *sectio*. 36. д. б.: (+) Насчитываютъ 32 варіаціи, но изъ нихъ многія не встрѣчаются. — Вмѣстѣ съ нѣкоторыми древними рѳомиками Шмидтъ, Брамбахъ и Христъ видятъ зд. д. изм. рѳома, хотя далеко и между собою расходятся и съ древними. 37. по „79 ff." вкл.: Kstr. I, 130 f., 133–141; 194–7, 248 f., 250 f., 268, 327 ff., 379 f.; II, 68 f., 189 f., 296, 312, 502 (ноты), ~~509–537~~; III, 79–83, 86 f., 92 ff., 126 f.; IV, 363–374, 395; 226–8, 231, 424, 509–537; Brambach Unters. 161–167; Christ Metr. 52 f., 70, 456–484)

38. ч.: бакхійный диметръ. 39. зач.: „кажется намъ, 40. прб.: Чтобы далеко не распространяться, тѣмъ болѣе что сей вопросъ имѣетъ мало значенія въ римской метрикѣ, мы сей разъ не станемъ ни разбирать мнѣній ученыхъ, ни доказывать своихъ, а выскажемъ коротко результатъ нашего изученія. Дохмій выяснился для насъ почти одновременно съ тѣмъ, какъ мы уяснили себѣ бакхіи (см. §26 съ доб.). Бакхіи суть кретики съ анакрузою, напр. ⏑–́–⏑–|–⏑…; антибакхіи — еще приподнятые легкою анакрузою бакхіи, или, что тоже, снабженные ямбичною анакрузою кретики, напр. ⏑–́–⏑–|–⏑–|…. Дохміи суть также кретики, но съ непрерывно повторяющеюся ямбичною анакрузою: ⏑–́–⏑–|⏑–́–⏑–|… и слѣд. состоятъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ антибакхіями; только тревожный характеръ послѣднихъ возводится въ дохміяхъ до почти безпорядочной бурности, ибо соединяется съ непрерывнымъ нарушеніемъ рѳома черезъ короткіе промежутки. Мы ~~…~~ сходимся въ этомъ и съ древними: Аристидомъ de mus. p. 39 W., Quint. IX, 4, 97 и Схол. Hephaest. p. 185 W. Только при такомъ объясненіи станетъ понятно, почему бакхіи встрѣчаются почти только въ дохмійныхъ строфахъ (Westphal, II, 863) и при томъ играютъ закруглительную для дохміевъ роль, или почему въ компатичной респонзіи могутъ отвѣчать дохміямъ (Schmidt, Kstr. III, 93; 96; 136 ff.), наконецъ, почему діалисъ 2-ой долготы бываетъ весьма рѣдко и почти не иначе, какъ при діализѣ и первой, которая распускается весьма часто (ср. дополн. къ §26). 47. вм. „гл. IV" ч.: §15.

13, 15. (Стихъ (см. §8) есть метричный отдѣлъ съ законченнымъ мелодіею и обыкновенно паузою рѳомомъ (Diom. p. 4?? K.: est pedum junctūra numerō modōque fīnīta). Онъ м. с. изъ 1, 2 и 3 (у Грековъ иногда и изъ большаго числа) к., т. е. быть или рѳомичнымъ предложеніемъ или періодомъ; въ двукольномъ стихѣ первый членъ является повышеніемъ періода, находящимъ себѣ закругленіе или антиѳесъ во 2-мъ членѣ, а въ 3-кольномъ стихѣ повышеніе и по- 18. по „центра" вкл.: Стихъ къ концу обкн. успокаивается, или какъ бы склоняется, и не терпитъ пертурбацій; посему дактильный заканчивается на –⏑⏑–– или на –⏑⏑–̂, а не на –́–́⏑⏑ и тѣмъ менѣе на –́–⏑⏑⏑⏑ и т. п.; пэонные кретикомъ –⏑–, а не ⏑⏑⏑⏑⏑, логаэдные на –⏑–⏑ или –⏑–̂, а не ⏑⏑⏑⏑⏑ или не –> –́ ^ и пр. По величинѣ онъ долженъ быть таковъ, чтобы могъ быть удобно произнесенъ и пропѣтъ безъ перерыва (God. Hermannus: Versus est numerus ūnus et integer, qui ūnō spīritū prōnūntiārī potest; Epit. 237; El. 666). 19. ч.: стихъ (кромѣ нѣкоторыхъ въ хоровой поэзіи Грековъ) не заключаетъ 21. по „апострофуется" вкл.: или подвергается эписиналöфѣ съ первымъ слогомъ слѣдующаго стиха 23. вм. „происх. сокращ." и „удлиненіе" д. б.: сокращается … удлиняется Послѣ 28-ой вкл.: Прим. Короткіе однокольные стихи лирическихъ строфъ разсматриваются какъ нѣчто среднее между колономъ и самостоятельнымъ стихомъ (versūs nexi назвалъ ихъ G. Hermann), а потому между ними чаще бываетъ эписиналöфа и даже иногда переносъ слова (nōn tibi Africulēja Cat. 61, 86), избѣгаются syll. anc., зіяніе и паузы. — Если за каталектнымъ стихомъ слѣдуетъ начинающійся анакрузою, то они могутъ быть произнесены безъ перерыва, ибо анакруса можетъ замѣстить собою эмметричную паузу (напр. …–⏑–^ ‖⏑–⏑|–⏑…). — Если въ концѣ стиха допускаемая произвольная, т. е. не эмметричная, пауза, то отсюда слѣдуетъ, что она и вовсе можетъ быть упразднена чтецомъ и пѣвцомъ, если по смыслу найдетъ это нужнымъ. — Интересное сопоставленіе случаевъ изъ Пиндара, доказывающихъ, что пауза въ концѣ стиховъ соблюдалась даже тамъ, гдѣ она находится въ разладѣ со смысломъ, напр. между предлогомъ и проклитикою, съ одной стороны, и тѣмъ словомъ, къ которому они примыкаютъ, — съ другой, и даже послѣ элизіи см. у Шмидта Kstr. IV, 337–345; ср. 366–374). 32. по „напр." вкл.: въ трох. тетраметрѣ: Tolle thyrsōs, aera pulsā ‖ jam Lyaeus advenit (ap. Serv., Gr. L. IV, 460 K.), т. е. [...]; или 40. вм. „Dum …", гдѣ дѣленіе спорно, другой примѣръ: Quae voluit lēgisse, volet rescrībere lectis (Ov. A. Am. I, 481). 42. уничтожить скобку (

14, 1. зач. скобку и вкл.: Въ первомъ случаѣ 2. вм. „называется" ч.: соединяется съ 3. по „tenue" вкл.: слова, напр. Quem modo fēlīcem invidiā admīrante ferēbant (Prop. II, 9, 11 ed. M.); во второмъ случаѣ стихъ вовсе остается безъ цэзуры или діэресы. 5. зач.: „напр. … XVI, 8" и напис.: ср. §16, 1 съ добавл.

10. всю строку зач. и напис.: въ логаэдныхъ пентаподіяхъ фалэковой (§23), сапфичной, алкэевой (§30)

11. ч.: въ этихъ стихахъ 13 (отъ: „Въ болѣе") — 17. зач. и вм. сихъ строкъ напис.: Кратчайшій перерывъ неизбѣженъ послѣ каждаго самостоят. слова; мы называемъ оный инцизіею, incīsio; она можетъ быть усилена интерпункціею. — Терминъ словамъ, употреблявшимся у Римлянъ безразлично (Diomed. p. 467 K.: incīsiōnes, quās aliī caesūrās appellant, nōnnullī sectiōnes nōminant), мы придали опредѣленное значеніе (см. къ 12, 35).

18. по „§12" вкл.: Стихотвореніе можетъ состоять или изъ самостоят. однокольныхъ стиховъ, или изъ 2-и 3-кольныхъ, или изъ строфъ и системъ. Въ 1-омъ случаѣ является аналогія для рѣчи отрывистой, во 2-мъ и 3-мъ для періодической. 20. по „періодъ" вкл.: Знакъ конца строфы или системы ‖.

21. зач.: „изъ одн. к., такъ и" 22. зач.: „наконецъ" 29. прб.: но были и 3-тактные танцы (Christ, Metr. 675 f.).

15, 20. по „декламаторною" сдѣлать вын.: *) Но далеко не исключительно. Извѣстно напр., что не только многія оды Горація распѣвались и что нѣкоторыя изъ нихъ даже были сочинены для хорового пѣнія (Carm. saec.), но что и нѣкоторыя эклоги Вергилія пѣлись въ театрѣ (Donat. Vita Verg. p. 60. R.: Bucolica eo successu edidit, ut in scaenā quoque per cantōres crēbrō prōnuntiārentur; Serv. ad ecl. VI: cum eam postea Cytheris meretrix cantasset in theātrō...); также значительная часть драмъ состояла изъ cantica. Да и самое чтеніе поэтовъ отличалось отъ прозаичнаго: Quint. I, 8, 2: Sit autem in prīmis lectio (sc. poētarum) virilis et cum suāvitāte quādam gravis et nōn quidem prōsae similis, quia carmen est et se poētae canere testantur... Ср. [illegible], доб. къ II, 3, 2 слѣд. [illegible] превосх. ст. O. Jahn'a въ Hermes 1867, II, 418–433.

24. по „въ хорѣ" вкл.: Даже и тѣ строфы, кои изобрѣтены эолійскими пѣвцами вполнѣ удобны для танцевъ и слѣд. составляютъ точное подражаніе хоровымъ формамъ. Чѣмъ болѣе эманципировалась поэзія отъ танцевъ и музыки, тѣмъ болѣе строфы ея теряли симметричность.

27. по „измѣненіе" вкл.: напр. у нихъ больше строгая схематичность, но меньше разнообразія и жизни; съ другой стороны, въ старыя формы вкладывалось иногда несоотвѣтственное содержаніе (напр. элегич. двустишіе послужило Овидію для дидакт. поэмъ; въ позднѣйшее время это несоотвѣтствіе усилилось).

35. ч.: обыкн. изъ двухъ   36. по „строфу" вкл.: Однокольные стихи лишь съ александрійской эпохи стали мало-по-малу проникать сюда изъ другихъ типовъ.   37. кнц. прб.: Лишь въ позднее время стали и для пѣнія сочинять стихотворенія безъ строфъ (ср. стр. 39 и доб.).

16, 8. по „центра" д. б.: въ прямомъ порядкѣ, напр. а b а, аb с аb и т. д. (палинодно), или въ обратномъ аb с bа и т. д. (антиѳетично)

9–10 зач. и вм. нихъ напис.: Сверхъ того всякій періодъ можетъ открываться особымъ короткимъ, однокольнымъ стихомъ (κόμμα), какъ бы интродукціею, – что называется проодомъ (ὁ προῳδὸς т. е. στίχος), или заканчиваться, закругляться подобнымъ же стихомъ (clausula).

11. по „эподомъ" вкл. (ἡ ἐπῳδός, т. е. строфа)   12. ч.: двустишная, иногда и трестишная, строфа.

14. кнц. сд. вын.: *) Названія сіи ведутъ начало отъ греч. метрика Гефестіона (2го в. по Р. Х.), но означали у него чередованіе строфъ. Россбахъ и Вестфаль приложили ихъ къ періоду и его частямъ, давши особое значеніе слову палинодный, которое у Геф. = антиѳетичный. Имъ послѣдовалъ Шмидтъ (Кн. Kstf. I, XXI и 47; Ltf. 133 ff.) и мы; потомъ и Крусiусъ, но оставаясь вѣрнымъ Геф. у всякой палинодный (s. 145).

26. прб.: или –∪∪|–∪|–∧||: Prīmus ab ōris (Ter. Maur. v. 2163).   28.: прб. рѣдко съ дакт. оконч.: –∪∪|–∪∪|–∪∪|–∪∪||, напр. Hōcine crēdibile aut memorābile? (Ter. Andr. 625); катал.: –∪∪|–∪∪|–∪∪|–∧|| Audio canticulum zephyri (Sept. Ser. ap. T. M. 1920).

31. прб.: Leviōre tapnū (Sen.).   32. посл. такть д. б.: |–∪||.   кнц. прб.: Это пагзою обыкн. удлиняется до тетраподіи. Примѣръ на настоящую триподію есть у Мар. Викт. II, 3, р. 76 К: Super ardua fertur equis, т. е. ∪∪|–∪∪|–∪∪|–.

37. прб.: Iāre injustās (Pl. Amph. 247) и Quid enim velit (Pl. Truc. III, 1, 7).   38. прб.: Hic ades Lyaee (Caes. Bass. ap. Rufin. [illegible]).

39. прб.: гдѣ было восклицаніе Βάκχε, Βάκχε, Βάκχε.   47. прб.: хромающая: [illegible] Omnes sunt dēnsi syllabīs versū (Laev. fr. 31).

49. по „однако" вкл.: большею частью Греки и всегда   50 кнц. прб.: чистая трох. гексаподія попадается и у Грековъ чрезвыч. рѣдко.

17, 7. по „гл. VI" вкл.: № XIV   22. зач. „не" и прб.: только разъ, и то лишь какъ 1е коло 1го priāpēa: Cui reserāta mūgiunt (Sept. Seren. ap. Ter. Maur. v. 1806).   28. прб.: напр. Flūmina constiterint acūtō (Hor. Od. I, 9, 4). — б) псевдохоріамбичная ∪∪|–∪|–∪|–|| только какъ 1е коло псевдохоріамбичнаго тетраметра, напр. Iāne pater, Iāne tuēns (Sept. Ser.).

по 34. вкл.: д) ∪∪|–∪∪|–∪∪|–∧|| и. Calabrius s. Faliscus: Quando flagellā jugās, ita juga (Anniān. 2го в. по Р. Х. ap. T. M. 2001).

1 сн. прб.: Также во 2-мъ ферекратѣ и 2-мъ гликонѣ и особенно въ фалакѣ встрѣчается иногда (но не у Горація) хиперсесъ, напр. Meās esse aliquid putāre nūgās (Cat. I, 4; см. на стр. 67, доб. къ II, 11, 39). Всѣ согласны въ томъ, что главный иктъ былъ здѣсь на 1-го такта; только Вестфаль иного мнѣнія (II, 356; 748 ff.).

18, 2 д. б.: ∪–∪∪|–∧|| Ex hōc gracilāns fit (Laev. fr. 22. M.).   4. д. б.: кретико-пэоныя и бакхійно-дохмійныя.

10. ч.: д) бакхійно-дохмійныя. У Грековъ довольно рѣдко бакхіи, нерѣдко дохміи; у Римлянъ наоборотъ.

11. ч.: ∪–∪|–∧|| Satis quod sit aegrē (Plaut. Trin. 260. Br.)   12. ч.: [illegible] Fugat sēipsus ab suō contuitū (ibid. 262).

по 13. вкл.: 29) Монометръ дохмійный (очень рѣдко): [illegible] Recordētur id: ... verbera, compedēs (Pl. Men. 972. 976).

Прим. Анакруса, синкопы, каталексъ, діэрези и контракціи совершенно измѣняютъ характеръ (ἦθος) кола, превращая оное напримѣръ, изъ спокойнаго въ оживленное или тревожное, изъ веселаго въ тяжелое или падающее и т. д. Кромѣ того характеръ кола модифицируется числомъ сильныхъ и распредѣленіемъ иктовъ, расчлененіемъ, интонаціею и инцизіями (?), быстротою темпа и свойствомъ мелодіи.

22. по „стихи" вкл.: раздѣленные между двукольными или впереди оныхъ, какъ comma, и позади, какъ clausula.

30. д. б.: изъ сросшихся дв. дакт. тр. со спондейнымъ окончаніемъ, но почти всегда не съ д. ме-

32. ч.: (гораздо рѣже)   37. вм. „рѣже" д. б.: Иногда, преимущ. въ лат. гексаметрѣ

19, 6. по: „VII, 47)" вкл.: Это т. н. caesūra būcolica, потому что любима въ греч. буколикахъ, но встрѣчается и въ другихъ родахъ поэзіи. напр. Lēgerit et nōlit rescrībere? cōgere nōli. (Ov. A. Am. I, 479).

7. вм.: Еще... бываетъ" ч.: Случается изрѣдка при цэзурѣ и   8. по „...134)" вкл.: При hephthēmimerēs считается почти обязательною инцизія послѣ арси 2го такта, сію именуютъ trithēmimerēs. При соблюденіи двухъ только что упомянутыхъ цэзуръ, къ коимъ римскіе поэты питали нѣкоторую склонность, стихъ изъ двукольнаго превращается въ 3-кольный, т. е. –∪∪|–|∪∪–∪∪|–|∪∪|–∪∪|––||, напр. Mōta dea 'st; sortemque dedit: Discedite templo (Ov. Met. I, 381); Discedunt, vēlantque caput, tunicāsque recingunt (ibid. 398). – Сдп. вын.: *) Вопросъ о цэзурахъ гексаметра, особ. латинскаго, до сего времени не разрѣшенъ окончательно. У Грековъ ясно видны только двѣ цэзуры въ 3-мъ тактѣ, изъ коихъ въ болѣе древнее время была чаще мужская, а въ позднѣйшее – особенно съ Нонна Панополитанскаго (5го в. по Р. Х.) – господствуетъ женская. У Гомера между 30-ю тысячами стиховъ насчитано всего 256 такихъ, въ 3-мъ тактѣ коихъ не заканчивается слово. Послѣдніе можно оправдать тѣмъ, что при пѣніи цэзура имѣетъ мало значенія. Посему Шмидтъ, вслѣдъ за Lehrs'омъ, объявляетъ всѣ остальныя цэзуры упраздненными (Ltf. 60 f. 88; Kstf. I, XIII; II, 301. 108–115; 152 f.; IV. 396 ff. 412–417. 429–437. 448–457), и дѣлитъ всякій стихъ на два триметра, хотя бы въ 3-мъ тактѣ слово не заканчивалось. Вестфаль

также признавъ правильными только двѣ цäзуры въ 3-мъ тактѣ (II, 135 f.), допустилъ по/тому возможность и другихъ (II, 334–340). Кристъ (181–205) чуть не возвращается къ пресловутой доктринѣ Г. Германна о 16 цäзурахъ гекзаметра (Elem. pp. 334–344, Epit. pp. 116–122). Что касается специально латинскаго гекзаметра, то Л. Мюллеръ, задавшийся въ длинномъ разсужденiи (Dē rē m. p. 176–202) и въ предисловiяхъ къ изданiямъ Горацiя, Катулла и пр. цѣлью найти subtīliōrēs caesūrārum hexametrī lēgēs (dē rē m. p. 197), хотя признаётъ только то чтенiе хорошимъ, которое размѣчаетъ ordinēs (p. 179), т. е. кōла, говоря, что apud veterēs metrī ratiōnēs ubīque potiōrēs habentur quam sēnsūs (p. 187), и потому нападаетъ на тѣхъ, которые не отличаютъ цäзуры отъ логическихъ отдѣловъ (177 sqq.), и тѣмъ болѣе на тѣхъ, кои смѣшиваютъ концы словъ съ концами ordinum (189), — самъ однако, какъ и Г. Германнъ, высказываетъ самое смутное представленiе объ ordinēs, такъ что даже упрекаетъ тѣхъ, кои не отличаютъ цäзуры отъ конца ordinis (177), что ему не помѣшало выразиться потомъ (180), что цäзурою constituitur finis ordinis metricī! По его наивному мнѣнiю, цäзура искусственно придана стиху ради изящности (ūnā lēge ēlegantiae esse temperātam, p. 177; prō simplicis ēlegantiae lēge, p. 180; haud ineptum vīsum est etiam in sequentī pede aliquam adesse distinctiōnem, p. 190, и т. п.), такъ что prīmum omnium anquīrendum illud, an sonōrae ēvadānt partēs (180); изящно же то де, что чаще встрѣчается, а посему „longē pulcherrima" есть „sēmiquīnāria" (178); но такъ какъ у Грековъ была всегда очень употребительна, а у позднѣйшихъ даже господствовала „tertia trochaica", которая, по словамъ Мюллера, у Римлянъ была крайне рѣдко, а напротивъ была довольно обычна „sēmiseptēnāria", рѣдкая у Грековъ: то выходитъ, что одно и тоже можетъ быть вмѣстѣ и весьма изящнымъ и крайне неизящнымъ!

И такъ у Римлянъ, кромѣ sēmiquīnāria есть де почти только sēmiseptēnāria, которая proxima est nōbilitāte atque adeō praeter illam sōla lēgitima (183), ибо tertia trochaica встрѣчается де изрѣдка и почти только у Горацiя и Луцилiя (184. 201). Къ сему заключенiю онъ пришелъ потому, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ концы словъ двояко разсѣкаютъ стихъ — посреди арсисъ 3-го такта и послѣ тесисъ 4-го, — онъ послѣднее сѣченiе принимаетъ за цäзуру, даже если бы первое было соединено съ интерпункцiею. Рядомъ съ послѣднею цäзурой имѣетъ большое значенiе caesūrae sēmiternāriae, такъ что оказываются уже trēs lēgitimae caesūrae (p. 198), но считаетъ „изящнымъ", чтобы при двухъ послѣднихъ была и tertia trochaica. Напримѣръ стихъ Infandum, rēgīna, jubēs renovāre dolōrem (Verg. Aen. II, 3) онъ считаетъ весьма изящнымъ, потому что въ немъ есть де главная цäзура послѣ jubēs, 2-ая lēgitima послѣ infandum и 3-ья, въ видѣ прикрасы, послѣ rēgīna (184. 198). Мало того: въ противность собственному заявленiю о томъ, что цäзура обусловливается исключительно метрическимъ строемъ, а не смысломъ или концомъ предложенiя и интерпункцiею (177. 178. 179. 187), — вслѣдствiе чего имъ не признаются даже соединенныя съ сильною интерпункцiею женская цäзура въ 3-мъ тактѣ и цäзура буколическая (p. 192 sqq.), — онъ отдаетъ возлюбленной имъ hephthēmimeris предпочтенiе даже передъ penthēmimeris, если съ первою соединена интерпункцiя; напр. въ стихѣ Oscula lībāvit nātae, dehinc tālia fātur, цäзура, по его мнѣнiю, есть не послѣ lībāvit, а послѣ nātae (183. 198 и пр.). — Лук. Мюллеръ такъ увѣренъ въ истинности своихъ разсужденiй, что тѣмъ болѣе бранитъ древнихъ (189), чѣмъ менѣе они съ нимъ согласны, а вполнѣ сходятся съ нимъ относительно женской ц. 3-го такта только де нѣкiй авторъ apoghasmatii, изд. Гейзингеромъ (точнѣе было бы сказать нѣкiй Юлiй Северъ dē pedibus; ап. Gr. Lat. VI, p. 645 K.), а о sēmiternāria никто изъ древнихъ и не упоминаетъ, кромѣ Авзонiя (Praef. cent. nupt.). Въ цитованномъ стихѣ Вергилiя древнiе грамматики помѣщаютъ цäзуру послѣ rēgīna, а Атилiй Фортунацiанъ (p. 284 K.) и не упоминаетъ о другихъ цäзурахъ, кромѣ двухъ въ 3-мъ тактѣ. — Ср. его же Praef. ad Hor. p. LVI sqq., ad Cat. LXXXIX sq., ad Tib. XXVIII sq., ad Prop. XLVII sq. Только при своемъ правилѣ признавать женскую цäзуру лишь въ томъ случаѣ, когда никакое слово не заканчивается ни на 3-ей ни на 4-ой тесисъ, онъ могъ открыть, что у Проперцiя она попадается всего 7 разъ, и сказать, что Tibullus cum suīs cum paullō neglegentiōrēs essent circā hephthēmimerin, eā tamen rē valdē laudāndī [?], quod omnīnō ex carminibus exclūsēre τομὴν κατὰ τρίτον τροχαῖον. Но то не они исключили, а Лук. Мюлл., видящiй свою милую hephthēmimerin даже въ стихахъ въ родѣ (testantur) Ērigonē Canisque, neget nē longior aetās (Tib. IV, 1, 11). По нашему счету въ 1-ой элегiи Тибулла въ 39 гекзаметрахъ есть 30 разъ sēmiquīnāria и по кр. мѣрѣ 2 раза, v. 35 и 47, tertia trochaica; на semisept. остается 7 стиховъ (да и сiи возможно оспаривать, ибо 6 изъ нихъ имѣютъ инцизiю въ арсисъ 3-го такта (11, 59, 67, 69, 73, 75), а въ 17-мъ принятъ тмесисъ).

А. К. Дёмленъ говоритъ: Caesūra plānē nōn pendet ex distinctiōne, quia interpunctiō saepe ibī invenītur, ubī caesūra minimē esse potest (Doctr. metr. p. 56). Но все таки и у него не опредѣлено, что же должно быть признано за цäзуру. Хотя о „третье-трохейной" онъ выражается почти согласно съ Лук. М.: Haec tamen ā Rōmānīs nōn solet ferē ūsurpārī nisi quandō nōn fīnītum est verbum post arsin quartam" (55), однако, вопреки Мюллеру, признаётъ ее въ стихѣ Quidve dolēns rēgīna deūm tot volvere cāsūs (Verg. Aen. I, 9); съ другой стороны онъ принялъ semiseptēnāriam даже тамъ, гдѣ и Л. М. едва ли ее не признаетъ: Italiam fātō profugus Lāvīnjaque vēnit (V. Aen. I, 2).

Можно ли устанавливать цäзуру (вмѣстѣ съ Кристомъ) на основанiи интерпункцiи? Такъ поступать значитъ смѣшивать ритмику съ грамматикою. Возможно ли требовать, чтобы грамматическiе или логическiе отдѣлы вполнѣ совпадали съ ритмичными, даже съ самыми малыми? Другими словами, можно ли ожидать, чтобы какой нибудь поэтъ наложилъ на себя столь тягостныя оковы? Весьма достаточно, если то совпаденiе замѣтно въ большинствѣ случаевъ. Если передвигать цäзуру каждый разъ то туда то сюда на основанiи интерпункцiи, то это значитъ дѣлить

стихъ, не сообразуясь ни съ ритмичными условіями ни съ его происхожденіемъ, на произвольныя кола и на произвольное число колъ, а слѣд. подъ одною и тою же внѣшностью подразумѣвать весьма различныя фигуры. Если даже крупныя и самостоятельныя ритмичныя величины, какъ цѣлые и при томъ длинные стихи, напр. гексаметры, и даже строфы нерѣдко не совпадаютъ съ отдѣльными мыслями, то не нелѣпо ли требовать такого совпаденія отъ кôлъ стиха? Кто доискивается послѣдняго, тотъ долженъ подавну полагать (напримѣръ конецъ эпич. стиха или строфы) не тамъ гдѣ онъ указывается ритмичнымъ строемъ, а искать гдѣ нибудь въ слѣдующемъ стихѣ или строфѣ; а если это абсурдъ, то первое будетъ гораздо бо́льшимъ абсурдомъ. Интерпункція сама по себѣ можетъ служить въ сомнительныхъ случаяхъ надежнымъ указаніемъ только тогда, если регулярно встрѣчается на опредѣленномъ мѣстѣ, а не случайно. Итакъ, насчетъ интерпункціи мы въ принципѣ согласны со Шмидтомъ, Мюллеромъ и Дёлленомъ. – Теперь дѣло значительно упрощается. Если греч. гексаметръ послѣдовательно разсѣкается концомъ слова въ 3-мъ тактѣ, то мы имѣемъ право, вмѣстѣ съ Лерсомъ и Шмидтомъ, только тамъ и признавать мужескую или женскую цäзуру, т.е. считать всякій стихъ эпической поэзіи состоящимъ изъ 2хъ триподій. Немногіе стихи у Гомера, лишенные сей цäзуры, достаточно объясняются, какъ выше сказано, пѣніемъ. Если отдѣльные короткіе стихи строфъ, а иногда даже и самостоятельные и длинные стихи бываютъ связаны единствомъ слова, то можно удивляться не столько тому, что у Гомера есть стихи безъ цäзуры, сколько тому, что у него ихъ такъ мало. Кромѣ сихъ двухъ цäзуръ мы находимъ совершенно естественнымъ допустить и въ греч. и въ лат. гексаметрѣ, хотя и рѣдко встрѣчающуюся, особенно у Римлянъ, діäресь, и притомъ не только въ тѣхъ стихахъ, въ коихъ нѣтъ законной цäзуры, но вообще въ тѣхъ, гдѣ съ діäресью соединена бо́льшая законченность мысли (греч. примѣры см. у Вестфаля II, 334 сл.).

Въ нѣсколько иномъ видѣ дѣло представляется у Римлянъ. Хотя и у нихъ огромное большинство гексаметровъ, т.е. болѣе 3/4 всего числа, имѣетъ мужескую цäзуру въ 3-мъ тактѣ, но въ остальной четверти обкн. встрѣчаются рядомъ два сѣченія – въ серединѣ арсиса 3-го такта и послѣ θесиса 4-го; рѣдко не достаетъ которой нибудь изъ нихъ. Принимая во вниманіе какъ эту регулярность, такъ и то, что фразы чаще закругляются при второмъ изъ сихъ двухъ сѣченій, такъ наконецъ и заявленія грамматиковъ, должно заключить, что римскіе поэты дѣйствительно признавали hephthemimeres и что нѣкоторые изъ нихъ были даже склонны отдавать ей предпочтеніе предъ законною женскою цäзурою 3-го такта. Что у Гомера было случайно, – т.е. если слово не заканчивалось ни въ 3-мъ ни послѣ 3-го такта, то нужно же было ему закончиться въ 4-мъ, – у Римлянъ, подъ вліяніемъ того соображенія, что въ 3-мъ тактѣ цäзура бываетъ преимущ. послѣ θесиса, было возведено въ θеорію – и образовалась арриѳмичная цäзура semiseptenaria. Но такъ какъ стихъ чрезъ то дѣлился на двѣ несоотвѣтственныя части 4+2, то они съ одной стороны, для успокоенія совѣсти, обкн. при ней устраивали и старую женскую цäзуру, а съ другой – тетраподію подраздѣляли еще побочною цäзурою, послѣ θесиса 3-го такта, semiternaria. Так. обр. двукольный стихъ превращался въ 3-кольный, изъ 2+2+2. – По симъ причинамъ мы въ лат. гексаметрѣ признаемъ и это незаконное дѣленіе, но только тамъ, гдѣ оно несомнѣнно, т.е. при слѣдующихъ условіяхъ: 1) Если нѣтъ ни semiquinaria, т.е. если не заканчивается слово послѣ θесиса 3-го такта – все равно съ интерпункціею или безъ оной, – ни сильныхъ, т.е. соединенныхъ съ интерпункціею, женской цäзуры въ 3-мъ тактѣ или діäреси; 2) если стихъ явственно раздѣленъ на 3 части не только сѣченіями послѣ 2-го и 4-го θесисовъ, но еще и интерпункціею по крайней мѣрѣ при одной изъ нихъ, сильною при слабыхъ двухъ послѣднихъ, или слабою при обеихъ. Если не исполнено которое нибудь изъ сихъ условій, то лучше признавать незаконныя и законныя цäзуры. Слѣд. если встрѣчается tertia trochaica и semiseptenaria, ceteris paribus, напр. обѣ безъ интерп., то отдаемъ предпочт. первой. Еще примѣры: на semisept.: Inde toro/pater Aenēas/sīc orsus ab alto (Verg. Aen. II, 2); діäр.: Nec facundia dēseret/hunc nec lūcidus ordo (Hor. A.P. 41).

11. по „формою" вкл.: всѣхъ видовъ 17. по „поэтовъ" вкл.: Энній 24. вм. „только очень" д. ч.: не часто и лишь болѣе 25. вм. „474" ч.: 596. 27. ч.: въ классической р. л. 28. по „встрѣчаются" вкл.:, ибо есть только у Катулла одинъ стихъ (116, 3), но изрѣдка допускались болѣе древними и позднѣйшими поэтами.

29. по „Longam" вкл.: (Примѣры изъ позднихъ писателей см. у Люк. Мюллера д. r. m. p. 141 sq.). И у Грековъ в. рѣдко.

31. по „Овидія" вкл. особенно же у Катулла) 39. По „horret." вкл.: Тщательно избѣгали поэты заполнять 3-й тактъ цѣлымъ словомъ или даже концомъ слова имѣющимъ дактилическую или спондейную форму (исключенія есть у Эннія и Луцилія, по 2 раза у Лукреція и Горація) 40. в. н. „особенно" ч.: Также по „классич." вкл.: и позднѣйшими 43. прб.: У Катулла же въ 800 стиховъ 43 раза, въ томъ числѣ есть 3-жды сряду (а не 25 разъ, какъ увѣряетъ Л. Мюллеръ въ Praef. ad Cat. p. LXV; – именно: 64, 4. 11. 15. 24. 28. 36. 44. 67. 71. 74. 78. 79. 80. 83. 90. 96. 98. 108. 119. 252. 255. 258. 269. 274. 277. 286. 291. 297. 301. 357; 65, 23; 66, 3. 41. 57. 61; 68, 65. 87. 89. 105. 109; 76, 15; 100, 1; 116, 3). Вообще у него спондеи гораздо чаще чѣмъ у другихъ класс. поэтовъ. Напротивъ, число дактильныхъ стиховъ я замѣтилъ всего 3: 66, 85. 93; 68, 117. (Модестовъ, которому я сообщилъ и объ этой и о нѣкоторыхъ другихъ ошибкахъ и странностяхъ Л. Мюллера, нашелъ возможность, благодаря мнѣ, высказаться такъ: „Его [Л. Мюллера] разсужденіе о метрахъ Катулла не безъ промаховъ, но тѣмъ не менѣе можетъ быть рекомендовано", т. е. далъ понять, что онъ самъ позналъ и достоинства и недостатки, какъ будто есть у него достаточно для той цѣли познаній и усидчивости; да и кто интересуется его рекомендаціею? – См. Лекц. I, 418; ср. 410).

20, 1. по „образцовый)" вкл.: Тибуллъ и почти всѣ позднѣйшіе поэты далѣе ч.: никогда не заполняютъ 2-го такта и дактил- 2. по „рѣдки" вкл.: Катуллъ, Проперцій (по 2 раза), 3. по „labōret)" вкл.: При женской цäзурѣ обкн. исключался изъ 2-го и 4-го такта хорей, т. е. избѣгались стихи въ родѣ слѣдующаго: Dignum/mente domōque/legentis/honesta Nerōnis/ (Hor. Ep. I, 9, 4). 8. прб.: Избѣгается интерпункція и предъ послѣднимъ тактомъ (Л. Мюллеръ ошибочно говоритъ въ Praef. ad Tib. p. XXX, что у Тиб. „bis, nōn saepius, gravius interpunctum est post pedem quintum, т. е. I, 1, 57; 4, 3; но есть еще I, 3, 11: Ille sacrās pueri sortēs ter sustulit: illi).

11. по „Вергилія" вкл.: ещё чаще у Катулла и Луцилія. 17. вм. „гл. IV и V" ч.: §§ 14, 16, 18, 19.

20. ч.: тогда посредствомъ эписиналоэфы сливается. По 23-ей прб.: c) Совпаденіе икта съ акцентомъ бываетъ 3–4 (у Грековъ въ 2½) разъ чаще чѣмъ несовпаденіе; во 2-ой части они обкн. совпадаютъ. — Прим. Кромѣ гексаметра встрѣчаются изъ дактильныхъ стиховъ внѣ строфъ и слѣд. въ речит. типѣ (κατὰ στίχον), но только у позднихъ писателей: каталектные тетраметры (Inquit amicus ager domino, и пр. у Септимія Серена, см. Ter. Maur. v. 1978 sqq.) и триметры у Авзонія Prof. X: Nunc ut quemque mihi, и пр.) и некат. диметръ (у Тер. Мавра 2161 sqq.: Primus ab oris, и пр.).

26. по „бой" вкл.: (Cic. Disp. Tusc. II, 16, 37: Spartiatarum procedit agmen ad tibiam, nec ulla sine anapaestis pedibus hortatio) 27. ч.: и комическій хоръ 28. ч.: трагедій и комедій,

30. По „комедіи" вкл.: По своей схемѣ метричной они суть ничто иное, какъ дактильны съ анакрусою, но отличаются отъ послѣднихъ болѣе сильною анакрусою и арсью (см. выше, II, 65, доп. къ II, 8, 18). При скоромъ темпѣ на шагъ приходится цѣлый тактъ, а посему анапэсты обкн. дѣлятся на диподіи, въ коихъ каждый тактъ соотвѣтствуетъ выступленію то ~~правой~~ то лѣвой ноги. По этой причинѣ въ анап. стихахъ обкн. четное число тактовъ. вм. „падающій" ч.: каталектный 32. вм. „падающей" ч.: каталектной 36. по „ритма" вкл.: У римскихъ комиковъ встрѣчается даже діализь и 7-ой эеси, а въ анакрусѣ — трибрахъ.

Конецъ схемы вм. „|∪∪| – ∧||" изобразить такъ: |(∪∪) – | ∧ ∧||. См. стр. 67, дополн. къ II, 10, 21. Впрочемъ 2-ая половина паузы можетъ быть заполнена анакрусою слѣдующаго стиха; см. § 30 и° XVI. (Поправку въ схемѣ сдѣлалъ я по причинамъ изложеннымъ у Schmidt'a Kunstf. II, 292 f., III, 56 f.; IV, 381 f., 399, 469).

1. сн. прб.: Прим. Въ этихъ стихахъ гораздо чаще чѣмъ въ другихъ икты находятся въ разладѣ съ акцентами. У римскихъ комиковъ тутъ кромѣ того множество фонетическихъ вольностей, безъ сомнѣнія вслѣдствіе быстроты темпа, какъ то: сліяніе слоговъ (напр. filio, gratiam, dividam), нарушеніе позиціонной и природной долготы (argentum, improbae, pedes, даже satellites у Плавта, Trin. 833 Br.), выпускъ короткихъ гласныхъ (lib(e)ras). Напр. Maritumis moribus mecum experitur: ita meum frangit amantem animum|| (Plaut. Cist. II, 1, 11). Здѣсь въ анакрусѣ ∪∪∪; во 2-мъ и 3-мъ тактахъ нарушена позиція; въ цэзурѣ удлинено tur; въ 5-мъ тактѣ синизэсь; наконецъ діализь 7-ой эеси. — У Авзонія встрѣчаются стихично: монометры (Prof. 6: O flos juvenum и пр.) и катал. диметры (Parent. 17: Modulamine naenia tristi, и пр.).

21, 17. прб.: Хорейно-ямбичные стихи при четномъ числѣ тактовъ обкн. читаются по диподіямъ (§§ 6 и 10). Оно несомнѣнно, если въ четныхъ тактахъ допущена, а изъ нечетныхъ устранена иррац. долгота. 21. вм. „но не" д. б.: и — хоть какъ рѣдкое исключеніе и лишь у римскихъ комиковъ —

28. по „допускается" вкл.: по греческимъ образцамъ, 33. по „иктомъ" вкл.: и явственно отдѣляя каждую диподію (см. объясненіе сего явленія, выведенное изъ разбора, или подтвержденное разборомъ нѣкоторыхъ современныхъ народныхъ мелодій, у Schmidt'a Kunstf. II, 138–160; ср. IV, 316. 445.)

35. д. ч.: Но болѣе древніе латинскіе писатели, до Варрона включительно, мало заботившіеся 36. ч.: старавшіеся 37. ч.: особенно комики, напр. Плавтъ и 38. по „метриковъ" вкл.: Mar. Victor. II, 4, и за нимъ Rufin. въ Gr. L. VI, p. 81 и 557. K.; ср. Atilius ap. Prisc. въ Gr. L. III, 420, fr. Par. VI, 630 и Ter. M. 2232 sqq.)

39. по „правилъ" вкл.: Они сочли возможнымъ замѣнять хореи всѣхъ тактовъ, кромѣ двухъ послѣднихъ всѣми указанными способами (но ∪∪∪ оч. рѣдко) съ почти неограниченною свободою.

40. кнц. прб.:, кретики и амфибрахи, особенно въ началѣ стиховъ, 41. кнц. прб.: Съ другой стороны, они ограничивали свою свободу стремленіемъ согласовать икты съ акцентами (въ чемъ, конечно, должно видѣть слѣдъ древне-націон. стихосложенія; см. §§ 3 и 24 съ доп.). Посему они старались чтобы при діализѣ эеси первый изъ двухъ короткихъ слоговъ былъ акцентованный; напр. Plaut. Trin. 635: Quae res | bene consulere | cupio. || Tun mi's | melior | quam ego mihi? ||

22, 2. кнц. прб.:, иногда съ цэзурою въ 4-мъ тактѣ, а изрѣдка и безъ той и другой. 1. вм. „§ 19" ч.: § 20 6. кнц. прб.:, Энній 7. д. ч.: въ оживленныхъ діалогахъ и въ кантикахъ комедій и трагедій, 9. вкл.: Имъ написалъ и Авзоній три стихотворенія (Prof. 11, Sent. Sap. 5, Ecl. 16).

10. по „прим.)" вкл.:, особ. въ діонисовомъ культѣ (диѳирамбъ); 11. ч.: agitatus et volubilis послѣ 13-й вкл.: Латинскій образчикъ изъ диѳирамба: Tolle thyrsos, aera pulsa | jam Lyaeus advenit." (ap. Serv. in Gramm. Lat. IV, 460. K.). — Законно замѣняютъ хореи во 2, 4 и 6 тактахъ спондеями, въ 1, 3, 5 трибрахами.

15. ч.: исчисленныя въ § 19 замѣны По 17-ой вкл.: Нерѣдко, особенно въ началѣ каждаго кола римскіе комики относились ко 2-му слогу ямбообразныхъ словъ, какъ къ короткому; напр. Plaut. Stich. 98: Viros nostros, quibus | tu nos | voluisti esse | matres | familias? || Здѣсь первые два такта по обыкновенной фонетикѣ имѣютъ такую схему: ∪ – – | – ∪ – |, 4-й ∪∪ –, 7-ой ∪∪∪, 3-й и 6-й – –; кромѣ того нѣтъ сѣченія.

По 21-ой вкл.: Съ многими діализами: Nimis homo nihili est, qui piger est || nimisque id | genus odi ego male hominum (Plaut. Rud. 920), т. е. ∪∪ ∪ | – ∪∪ | – > | ∪ ∪ > || ∪ > > | ∪ ∪ > | ∪ ∪ ∪ | ∪ ∪ ∪ ||. (Ни одного хорея!)

Прим. Не самостоятельно, т. е. не κατὰ στίχον, а спорадично встрѣчаются въ драмахъ: a) Monometer trochaicus: jure injustas (Pl. Amph. 247); б) id. catalecticus: Occidi! (Ter. Eun. 292); в) ithyphallicus: Linquere hos custodes (Pl. Pseud. 141); г) id. catal.: Heus, ubi estis vos? (Pl. Pseud. 1136); д) dimeter: Quin prius me ad pluris penetravi? (Pl. Trin. 291); е) dim. catal.: Pro deum atque hominum fidem! (Ter. Andr. 246); ж) Trimeter, или вѣрнѣе hexapodia изъ 2-хъ триподій съ діэресью: Nulla'st neque ego sum usquam, perdita perdidit me (Plaut. Cist. IV, 2, 18); з) hexapodia dicatal. изъ двухъ каталектныхъ триподій съ діэресью (чаще предыдущей): Quis tu's? quis mihi's? | quor meam tibi? (Ter. Andr. 635), т. е. – > | – ∪ | – || – ∪ | – ∪ | – ∧ ||.

22. вм. „§ 20." ч.: § 21. и вкл.: Ямбы соединяютъ легкость хореевъ съ силою, ибо бодро идутъ вверхъ.

22, 23–26 зач., а вм. того д. б.: 5) Versus sēnārius s. trimeter iambicus, состоящій изъ 6 тактовъ, кои могутъ соединяться въ три сυзυгіи или диподіи. Характеръ его можетъ весьма разнообразиться какъ строемъ тактовъ такъ и сѣченіями. Въ простѣйшемъ видѣ, т. е. какъ одноколный стихъ съ чистыми хореями, онъ отличается энергичнымъ достоинствомъ, потому что въ немъ ямбы соединяютъ свою живость и силу съ ровнымъ, степеннымъ ходомъ и образуютъ крупную ритмичную величину, снабженную только однимъ главнымъ иктомъ. Распущеніе весей и особ. арсей даетъ ему то больше летучести, то тревожность и пр., а иррац. долготы и сѣченія сдерживаютъ его быстроту и приспособляютъ стихъ къ отрывистой разговорной рѣчи.

къ 1 сн. прб.: Стихъ сей трактовался поэтами, то какъ одноколный, то какъ двуколный, т. е. состоящій изъ 2-хъ триподій; въ первомъ случаѣ онъ подчиненъ одному главному икту, во второмъ — снабженъ 2-мя. Въ качествѣ одноколнаго онъ есть собственно стихъ лирическій, а въ качествѣ двуколнаго принадлежитъ речит. и деклам. поэзіи. Диподійное членeніе свойственно первому, но состоитъ въ разладѣ со строемъ второго. Однако Греки были такъ привычны къ диподіямъ, что членeніе мелическаго стиха перенесли и на речитативный. Мелическій (одноколный) стихъ обкн. дѣлился секціею (см. §§10 и 11 съ доб.) на 2+4, т. е. послѣ арси, рѣже послѣ веси 2-го такта, иногда на 4+2, т. е. послѣ 4-ой веси; речитативному (двук.) свойственно дѣленіе на 3+3, обкн. поср. діäреси, иногда поср. цäзуры. Но сіи два вида ямб. hексаподіи оказали вліяніе другъ на друга: речитативный вмѣстѣ съ сυзυгіями принялъ и состоящую въ связи съ ними секцію, мелическій иногда явственно показываетъ заимствованное изъ речитативнаго дѣленіе на 3+3. Впрочемъ, при секціи бываетъ обкн. низведенная на степень инцизіи (см. §11 съ доб.) діäресь или цäзура, и на оборотъ. Такъ какъ Римляне не только не были побуждаемы, подобно Грекамъ, родною традиціею къ диподійному членeнію, а напротивъ находили въ ней (см. о Сат. ст.) побужденіе къ противоположному пріему, то ихъ древніе поэты до Варрона включ., введя иррац. слоги и въ нечетные такты, въ сущности уничтожили то членeніе, но сохранили всѣ греч. сѣченія стиха, отдавая особенное предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, кои у Грековъ наичаще встрѣчались, т. е. секціи послѣ 2-го такта, а за тѣмъ діäреси. Горацій, Катуллъ и ихъ послѣдователи возстановили греческое строеніе стиха, выступивши однако и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ съ болѣе ригористичнымъ схематисмомъ. Они почти совсѣмъ устранили всякое сѣченіе кромѣ двухъ сейчасъ указанныхъ, да и діäресь у нихъ гораздо рѣже секціи (хотя и сопровождаетъ обкн. послѣднюю въ качествѣ инцизіи). Такъ какъ изъ вышесказаннаго видна законность всѣхъ сихъ сѣченій, то если есть ихъ нѣсколько въ стихѣ, отдаемъ предпочтеніе тому, которое соединено съ интерпункціею или съ отдѣломъ мысли, ставя впрочемъ условіемъ, чтобы при рѣдкихъ сѣченіяхъ логическое членeніе было особенно замѣтно. Къ пяти означеннымъ сѣченіямъ прибавляемъ 6ое — послѣ арси 4-го такта.*)

Послѣ сего сд. вын.: *) Вопросъ о происхожденіи, членeніи и сѣченіи ямб. сēнарія столь же споренъ, сколько и вопросъ объ hексаметрѣ (см. ч. II, стр. 69 сл.). Мы рѣшились выставить здѣсь θеорію, устраняющую трудности, разъясняющую столь же загадочную при диподности, сколько несомнѣнную, діäресь, и, кажется, достаточно опирающуюся на факты. Если въ греч. хоровой лирикѣ стихъ этотъ одноколенъ и является то триметромъ то hексаподіею, т. е. съ явственнымъ членeніемъ на сυзυгіи или безъ того, и обкн. съ секціею, то, при естественности и самородности греч. литературы, невозможно сомнѣваться, что таковымъ онъ былъ уже въ древнѣйшей, т. е. до-архиловской, народной меликѣ. Триподное дѣленіе, соотвѣтственное дѣленію дакт. 6-метра и хор. 4-метра на 2 кола, обнаруживается уже въ скоптичной лирикѣ Архилоха, у кого есть по кр. м. девять несомнѣнныхъ случаевъ сего рода (а не 2, какъ увѣряетъ Кристъ, Metr. 357; именно fr. 29.3, 33, 34, 87.1, 88.3, 91, 94.3, 97.3, 119.3; кромѣ того вѣроятно и fr. 123 и 127, и въ хорейной катал. 6-подіи, fr. 99), не считая тѣхъ стиховъ, въ коихъ такую же діäресь можно принять опираясь на интерпункцію и логич. связь словъ, хотя и есть тамъ сѣченіе и послѣ 2-го такта. Еще чаще она встрѣчается у Симонида и др. и особенно у драматиковъ: въ софокловой „Антигонѣ“ насчитано Преусомъ (кого диссерт. De sēnārii gr. caesūris, цитуемую Шмидтомъ и Кристомъ мнѣ не удалось добыть) между 898 речит. и лирич. стихами сего рода только 529 съ секціею послѣ 2го такта. Слѣд. чѣмъ болѣе сей стихъ освобождался отъ музыки и отдалялся отъ народной мелики, тѣмъ чаще дѣлился онъ на 2 кола. Это дѣленіе не стало исключительнымъ или хотъ преобладающимъ вѣроятно лишь въ силу мощной традиціи. Если не смотря на ея мощность, о кой можно составить себѣ понятіе изъ того, что каждая сυзυгія могла заканчиваться на syll. anceps, словно малый періодъ, все таки нерѣдко встрѣчается крайне неудобная при диподности діäресь, разсѣкающая 2-ую диподію, то въ этомъ есть явное доказательство того, какъ сильна была потребность дѣлить сей стихъ на 2 кола. Стѣснительное для поэтовъ стремленіе соединять въ стихѣ секцію съ діäресью едва ли можно объяснить иначе какъ попыткою согласить старое (мелическое) условіе съ новымъ (реч.-деклам.) и дать возможность читателю прочесть по тому или другому способу. Дѣло это не получило дальнѣйшаго развитія, т. что позднѣйшіе поэты, александрійскіе и римскіе, обкн. не развивали искусства, а работали по готовой схемѣ.

23, 1–4 зач., а вм. нихъ д. б.: Итакъ нашъ стихъ имѣетъ такія схемы: а) hексаподіи или сēнарія: ⏑ : – ⏑ | – ⏑ | – ⏑ || – ⏑ | – ⏑ | – ∧ ||, обкн.[1] съ діäресью (т. н. c. hephthēmimerēs s. sēmiseptēnāria), рѣдко[2] съ цäзурою (c. media); б) триметра: ⏑ : – ⏑ – ⏑, | – ⏑ –, ⏑ | – ⏑ – ∧ ||, обкн.[3] съ секціею послѣ 2го такта (penthēmimerēs s. sēmiquīnāria), рѣдко[4] во 2-мъ т. (tertiāria prīma), [5] въ 4-мъ т. (tertiāria secunda) и[6] послѣ 4-го т. (sēminōnāria). Примѣры:

5. вм. „Правильная“ д. б.: 1) — кнц. прб.: или Suīs et ipsa Rōma | vīribus ruit (Hor. Epod. XVI, 2). — послѣ 5го вкл.: 2) Цäзура: Vīvit victūraque'st. | — Bene | hercle nūntiās (Pl. Trin. 56); Manūsque tendēbat | subjectum vulneris (Prud. ep.).

6. вм. „Діäресь“ ч.: 3) Главная секція — 8. вм. „Должно бы быть“ ч.: Бываетъ и — послѣ 10го вкл.: 4) Секція во 2-мъ т. послѣ веси: Stant in vadīs | caenō retentae sordidae (Verg. Cat. 5, 25). — 5) Послѣ веси 4го т.: Amanti amoenitās malō'st, | nōbīs lucrō'st (Pl. Men. 356). — 6) Послѣ 4го т.: Tamen illa'st potior, quae tē peperit | — Nōnitās' (Pl. III, 15, 9).

II. Метр.

А. Ивановъ

11. вм. „напр." ч.: таковъ 12. ч.: Катулла (carm. 4 и 29), Тибулла (см. Priāp. 82. M.), Вергилія (Cat. 3.4.8) и у одного анонима (Priāp. 84). и сд. вын.:+) Какъ мало можно полагаться на свидѣтельства Лук. Мюллера, показываетъ его увѣреніе въ Praefatio къ Горацію, будто въ греч. литературѣ не обрѣтается таковыхъ стиховъ (p. LXIX sq.: apud Graecōs nōn jam extat), тогда какъ у любого автора нужно очень недолго искать, чтобы найти таковые; напр. у Архилоха fr. 29,2: ῥοδῆς τε καλὸν ἄνθος, ἡ δὲ οἱ κόμη (p. 691. Bgk., ed. 3.; также fr. 41, 88.3, 92); у Эсхила Agam. 10: ἁλώσιμόν τε βάξιν· ὧδε γὰρ κρατεῖ; у Софокла Elec. 5: πάλαι κυνηγετοῦντα καὶ μετρούμενον; у Эврипида Alc. 22: ἐγὼ δέ, μὴ μίασμά μ' ἐν δόμοις κίχῃ; у Аристофана Nub. 82: ἰδού. τί ἐστιν; — εἰπέ μοι, φιλεῖς ἐμέ; И въ лирич. мѣстахъ, напр. Aesch. Agam. 1039, 1047 и пр. (ср. выше, стр. 71, доб. къ II, 19,43, и 20,8). 13. ч.: почти вовсе вм. „комиковъ" ч.: драматиковъ (у Федра есть, кажется, только одинъ стихъ, III, prol. 2: Vacēs oportet, Eutychē, ā negōtiīs). 15. по „произведеній" вкл.:
xx) Cōmicōrum sēnāriī, говоритъ Цицеронъ (Ōrāt. 55, 184), propter similitūdinem sermōnis sīc saepe sunt abjectī, ut nōnnunquam vix in eīs numerus et versus intelligī possit. 18. по „рѣдко" вкл.: и почти исключительно въ больше чѣмъ двусл. словахъ, 19. по „исключенія" вкл.: изъ нею (⏑⏑) никогда не слѣдуетъ діалисъ θеси (⏑⏑).
27 кнц. прб.: ; за распущенною анакрусою изрѣдка слѣдуетъ діалисъ θеси 1-го такта.
32. по „дактилы" вкл.: (Также поступали и трагики, особ. Сенека, да и комики имѣли къ тому склонность).
40. Вышло неясно: взялъ ровно 100 стиховъ, т. е. Prol. и 1 сн. прб.: у Марц. въ 31 стихѣ анакр. 9 разъ ⏑, 2-го и 4-го т. 4 раза ⏑.

24, 2. По „и т. п." вкл.: Вотъ главныя ихъ особенности: 1) Они уничтожили всякое различіе между тактами четными и нечетными, кое у Федра все-таки замѣтно; 2) анакрусъ часто имѣетъ у нихъ форму ⏑— или —⏑, напр. studēnt facere (Ter. Ad. 900), unde saturitāte (Pl. Capt. 109); 3) допускаются такты, имѣющіе видъ ⏑⏑— и ⏑—— (ср. Грамм. § 14, 3. и доб. къ II, 20, 1 сн. и 22, 17), а изрѣдка и ⏑⏑⏑, напр: Ita faciam. At enim nimis longō sermōne ūtimur (Pl. Trin. 806). кнц. прб.: Слѣд. триметръ можно прочесть и какъ дакт. 6-метръ: Exclūsit; revocat; redeam? nōn, sī mē obsecret (Ter. Eun. 49). — Прим. Попадается и некатал. сенарій съ секціею въ 4 т., напр. Fit ipse, dum illīs cōmis est, inops amātor (Pl. Trin. 255).
5. кнц. прб.: Самостоятельно лишь у позднихъ писателей: Авита Альфія (см. Ter. Maur. 2444 sqq.), Авзонія, Пруденція
6. вм. „или" ч.: рѣже 8 кнц. прб.: Иногда бываетъ зіяніе на мѣстѣ цезуры, или syll. anceps, напр. Plaut. Amph. 190. Quod multa Thēbānō poplō acerba objēcit fūnera; ibid. 203: Prīncipiō ut illō advēnimus, ubi prīmum terram tetigimus.
9. по „septēnārius" вкл.: обкн. съ цез. въ 4-мъ т., гораздо рѣже съ діэресью послѣ онаго, иногда и безъ той и другой.
11. д. б.: Въ 6-мъ тактѣ, какъ послѣднемъ полномъ и слѣд. самомъ характеристичномъ, долженъ быть, по греч. законамъ, чистый хорей. Но римскіе комики очень мало стѣснялись этимъ условіемъ. Такъ у Теренція въ 394 септенаріяхъ (по изд. Флекейзена), разсѣянныхъ въ 6 комедіяхъ, оказываются по моему счету, если руководиться обыкновенными правилами о количествѣ, спондей 192 раза, хорей 129, далѣе 38 разъ ⏑⏑—, 20 р. ⏑⏑⏑, 10 р. —⏑⏑ и даже попадаются 3 раза ⏑—— и 2 р. ⏑⏑—⏑. Впрочемъ, если стать на точку зрѣнія комиковъ (Грамм. § 14,3), то хореи получатъ преобладаніе, а ⏑—— и ⏑—⏑ и вовсе исчезнутъ. За то они обратили большее вниманіе на конецъ 1-аго кола, что видно какъ изъ большей правильности цезуры чѣмъ у Грековъ, такъ и изъ сравнит. чистоты 3-го и 4-го тактовъ. Въ 3-мъ т. у Теренція 329 р. —⏑ и 42 р. ⏑⏑⏑; спондей же только 8 р., и сверхъ того по 5 р. —⏑⏑, ⏑⏑— и ⏑—⏑; въ 4-мъ т. лишь въ видѣ исключенія допускается діалисъ θеси (у Тер. 13 р. ⏑⏑— и 10 р. ⏑⏑⏑); преобладаетъ здѣсь спондей (231 р.), за нимъ идетъ —⏑ (73 р.), далѣе 52 р. —⏑⏑, 13 р. —⏑— и 2 р. ——⏑ (Andr. 694 и Hec. 828). Замѣч., что римскіе комики позволяли себѣ (неслыханную у Грековъ) даже діалисъ 7-ой θеси (у Тер. 72 р.), напр.: Tū jam pendēbis, quī stultum adulēscentulum nōbilitās (Ter. Eun. 1021). Въ семъ стихѣ: 1) есть діалисъ 7-й θеси; 2) въ 3-ч и 6-мъ т. —— (т. е. —⏑), а въ 4-мъ ⏑⏑—; 3) нѣтъ ни цезуры, ни діэресы.
12. вм. „§ 21" ч.: § 22. 16. д. б.: въ первой диподіи; въ 3-мъ и 4-мъ тактахъ обыкновенно
17. по „иногда" вкл.: (въ 4 весьма рѣдко, напр. Gn. Mattii fr. 5 L. M.) по „quaeris" вкл.: (Martial. X, 100,4).
24. по „Римлянъ" вкл.: Гн. Маттій (fr. 1–8), Левій (fr. 9. 18), Г. Лициній Кальвъ (fr. 3), Вергилій (Cat. 2 и 7), особенно
25. по „1 в. до Р. Х." вкл.: Carm. 8. 22. 31. 37. 39. 44. 59. 60) и по „1 в. по Р. Х." вкл.: въ 72-хъ стихотвореніяхъ; св. того есть 9 стихотвореній класс. эпохи, коихъ авторы неизвѣстны (Priāp. 31. 36. 47. 51. 58. 63. 78. 79. и Ep. de Rūfō); нкц. Теренціанъ Мавръ и Боэтій.
27. кнц. прб.: У Римлянъ весьма рѣдко; напр. у Варрона: Ideōque alterum appellātum ā calendō calōrem, Alterum ā ferfrōre febrim... (ap. Nōn. 46, s. v. febris. Cf. L. Müller de rē m. p. 84; 150). — О пентаподіи см. доб. къ II, 16,47.
(+) (вын.) Чрезв. странно, что Вестфаль (II, 489 f.) считаетъ холіамбъ за обыкнов. ямб. триметръ только съ удлиненною послѣднею арсью. Совершенно непостижимо, какъ чрезъ такое удлиненіе, которое могло бы только замедлить и затемнить ритмъ и приблизить его къ прозаичному, стихъ оказывается „хромающимъ, какъ образчикъ человѣческой жизни съ ея слабостями и темными сторонами"! Уже почти постоянный акцентъ на предпослѣднемъ слогѣ стиха не только у Римлянъ, но и у Грековъ, свидѣтельствуетъ, что въ семъ слогѣ заключается θесь, а не арсь; если же такъ, то находящаяся передъ нимъ θесь должна быть трехморною. Уже Германнъ правильнѣе обозначилъ окончаніе „антиспастомъ" ⏑——⏑ (El. p. 142, Ep. p. 60; cf. El. 89, Ep. 44).
Прим. Въ родствѣ съ сими состоятъ синкопованные или т. н. кретико-трохейные стихи, попадающіеся б. ч. спорадично въ комедіяхъ, напр. тетраметръ —⏑—|—⏑—‖—⏑—|—⏑— Nē quid in tē malī faxit īra perdita (Pl. Cas. III, 5,7).
28. д. б.: § 23. — b) Логаэды выработались изъ ускореннаго пѣнія и чтенія дактиловъ и впервые
36. по „каталектными" вкл.: , синкопованными 40. ч.: одно коло съ 2-мя дактилами рядомъ).
По 1 сн.: Прим. Германнъ считалъ этого рода стихи за хоріамбы. — Вестфаль говоритъ (II, 710): „Вѣроятно теперь есть мало такихъ, по кр. м. въ Германіи, кои думаютъ о германовскихъ хоріамбахъ." — Не то въ Россіи...

25, 12 д. б.: почти только 2-й, и лишь въ одномъ отрывкѣ Септимія Серена и 1-ый
26. кнц. прб.: (У Римлянъ въ началѣ 1-го кола —⏑ или —⏑, а у Грековъ въ началѣ обоихъ колъ не только —⏑ и —⏑, но и ⏑⏑⏑, ⏑—⏑⏑).
29. по „Римлянъ" вкл.: у Варрона, Левія (fr. 12), Лиц. Кальва (fr. 1. 2), Цинны (fr. 1), М. Фурія Бибакула (fr. 1–3), Корнифиція (fr. 1), Мецената, Стація, Петронія, Авзонія, вм.: „далѣе... Мецената" д. б.: (въ 40 стихотвореніяхъ), у авторовъ Priāpēōrum (въ 37 стихотв.) и у 30. вм. „и др." вкл.: (въ 241 стихотв.). 31. по „у Грековъ" вкл.: первонач.
32. кнц. прб.: въ алекс. эпоху, особ. у Фалека, и 34. зач.: „только" по „получилъ" вкл.: почти 40. д. б.: и почти всѣхъ
41. по „трохея" вкл.: бываетъ и ирреесь; см. II, 67 и 69 въ доб. къ II, 11,39 и 17,1 сн.) По 43-й вкл.: Прим. 1. Катуллъ въ 15 стихахъ (изъ 32) одного стихотв. позволилъ себѣ употребить —— вм. —⏑, напр. Ōrāmus, sī forte nōn molestum 'st (55,1). —
Прим. 2. Изрѣдка и почти исключительно въ позднюю эпоху римской литер. употреблялись стихично и нѣкоторые другіе логаэды. Таковы: а) Tetrameter pseudo-choriambicus Sapphicus. Псевдохоріамбами называемы такіе логаэды, кои начинаются сизигіями изъ кикл. дактила и синкоп. хорея, т. е. —⏑⏑—, и заканчиваются полными или синкоп. хореями. Грамматики назвали сію сизигію хоріамбомъ, п. что по метричной (не ритмичной) схемѣ она похожа на соединеніе хорея съ ямбомъ; древніе музыканты именовали ее бакхіемъ (Ps. Atil. p. 263 K.), также киклическимъ тактомъ (Schol. Hēph. p. 135. W.). Ритмъ въ началѣ тревоженъ, порывистъ, но къ концу успокаивается. Выработался онъ въ плясовыхъ пѣсняхъ бакханокъ; встрѣчается и во взволнованныхъ мѣстахъ греч. трагедіи. Въ сохранившейся римской драмат. литер. находятся только 2 стиха у Теренція Ad. 612 sq.; далѣе въ строфахъ у Септ. Серена и стихично у Авзонія (Idyll. VII, 2 и Sent. Sap. 6). — Схема: —⏑⏑—|—⏑⏑—|—⏑⏑—|—⏑—, или обкн.: —⏑⏑—|—⏑⏑—|—⏑⏑—|⏑——, напр. Membra metū dēbilia sunt, animus timōre Obstipuit, pectore consistere nīl consiliī quit. (Ter. l. c.) — б) V. Ibycēnus — лишь очень поздно внѣ строфъ, такова Praefatio Теренціана Мавра: Audīvī veterem virum (v. 1) и пр. — в) V. Calabrius у Авіана, см. доб. къ II, 17,34. — г) V. Sapphicus у Сенеки, Авс. у Пруденція и пр.

26, 1. д. б.: былъ самымъ употребительнымъ изъ стиховъ въ народныхъ празднично-хоровыхъ, торжественныхъ
и веселыхъ пѣсняхъ, 2. по „флейты" вкл.: и въ ритмичныхъ импровизаціяхъ въ шутливомъ разговорѣ и перебранкѣ
4. по „-ныхъ" вкл.: обѣтныхъ, тріумфальныхъ (см. Ps.-Bass. s. Ps.-Atil. въ Gr. L. VI, 265 K.; Atil. Fort. ibid. p. 293; Charis. ibid. I, 28 с.; Fest. s. v.
nāvālis corōna, p. 162 M.) 6. по „vātēs" вкл.: (коего изреченія были въ 215 г. собраны въ двѣ книги по расп. сената) по XXV, 12."
вкл.: изъ Ливіевой передачи сего пытался возстановить сатурнiи Керманнъ El. p. 614 sq. (и Вестфаль въ Form. d. r. ält. poesie, но
послѣднее мнѣ неизвѣстно). 7. по „видѣ" вкл.: т. е. подведеннымъ подъ болѣе строгія ритм.-квантит. условія) 8. по „Андроникъ"
вкл.: въ переводѣ Одиссеи по „Нāвій" вкл.: въ Bellum Pūnicum. 10. по: „incompti)" вкл.: ритмичныхъ эпитафій и т. п.
12. вм. „большею ..... видѣ" д. б.: да и между сими чтеніе и дѣленіе многихъ весьма спорно 14. ч.: метричная схема
по „т. е." вкл.: как они именуютъ, кнц. прб.: или хромой (catal., claudus, amphicholus, colobos, curtus) 15–16. вм.: „и тож
..... такъ" д. б.: съ ифифалликомъ; но имѣя въ виду: 1) что ямб. диметръ заключаетъ 4 такта и слѣд. 4 повышенія,
что т. н. ифифалликъ нерѣдко есть падающая тетраподія и что вообще въ стихахъ, особ. народныхъ, 2-е кōло обыкнов.
бываетъ = 1-му; 2) что на мѣстѣ 3-й и 7-й оесей (см. ниже въ текстѣ) встрѣчается и хорей – ∪; 3) что синкопа арсей была очень
употребительна въ сатурнiи; 4) что 4-тактныя кōла господствуютъ въ поэзіи всѣхъ народовъ, и 5) что у грамматиковъ
попадается сравненіе сатурнія съ 8-тактными греч. стихами, эврипидовыми, архилоховыми и др., — должно признать,
что означенный метричный рядъ слоговъ имѣетъ слѣдующій ритмичный смыслъ: 17. д. б.: двухъ, обкн. падающихъ,
иногда каталектныхъ, тетрапо- 20 сл. д. б.: 2) всякая оесь, кромѣ послѣдней (т. е. 4-ой) въ каждомъ колѣ, особенно же
анакрусь и всякая арсь допускаютъ діалисъ, но не дозволяются двѣ діализи рядомъ; 25. зач.: „если ... несомнѣнны"
26. по „т. н." вкл.: 14-сложный 27. по „..... – ∪ – ||" вкл.: а изрѣдка и на 15-сложный Eurīpidēus: [illegible]
29. зач.: „5-тактные стихи" 30. по „ніяхъ" вкл.: замѣтна сильная наклонность къ согласованію икта съ акцентомъ,
32. д. б.: (см. "Грамм." § 18, 3), напр. въ оконч. им. и зв. п. вкл. -ā. Кромѣ сатурніевъ попадаются въ надписяхъ полустишія и сти-
хи иного рода. Два сатурничныхъ полустишія представляетъ и Carm. fr. Arv., слѣд. религіозная лирика. — Прим.:
35. вм.: „есть ..... 473)" д. б.: вм. insecē „скажи", „воспой"; симъ словомъ переведено равнозначительное (см. Aufrecht u. Kirchhoff, Umbr.
Sprachdenkm. II, 330; Curtius, d. Verb. d. gr. Spr. I, 190, особ. Fick, Vgl. Wtb. d. indog. Spr. I, 790) по формѣ и смыслу греч. ἔν-νεπε изъ ἔν-σεπε
отъ √sak. (По Corssen'у, Ausspr. II, 473, insecē есть imper. для insecere = insecēre; но этого не можемъ принять, ибо нѣтъ и слѣдовъ
глаг. insecēre въ лат. яз. — Несравненно вѣроятнѣе, что конечный слогъ удлиннился здѣсь въ оеси отъ силы икта, что въ са-
турніяхъ не рѣдкость, и есть, по моему мнѣнію, одинъ изъ признаковъ прежняго акцентоваго стихосложенія. Или не бы-
ло ли здѣсь insecēs, какъ prōspicēs, или какъ въ греч. imp. aor. ἔνι-σπες и ἔνι-σπε и т. п.? (См. I, 97 и особ. добавл. въ II, 61 сл.).
36–37. зач., а вм. нихъ д. б.: Argênteô pôlûbrô | aureô et glûtrô || (Liv.) съ двойнымъ зіяніемъ и ассонанціею. — Нāвій
началъ свою поэму такъ: Novem Iovis concordēs | filiae sorōrēs ||. — По преданію (Ascon. ad Cic. Verr. I, 10) — впрочемъ невѣр-
ному — на ямб. сенарій Нāвія въ одной комедіи „Fātō Metellī Rōmae fiunt consulēs" 39. по „poetae" вын.: *) Я прежде,
исходя изъ того предположенія, что Метеллу естественнѣе всего было отвѣчать стихомъ того же разряда, къ̄мъ былъ
выраженъ упрекъ, заключилъ, что и стихъ Нāвія „Fātō ..." былъ также сатурніемъ, и въ такомъ видѣ помѣстилъ оный на стр. 26.
Хотя и нѣтъ доказательствъ несомнѣнныхъ, чтобы сатурніи употреблялись въ древнѣйшей лат. комедіи Ливія и Нāвія,
но мнѣ и до сего времени кажется весьма невѣроятнымъ, чтобы ихъ тамъ вовсе не было. Нѣкоторые ученые находили ихъ даже у Плавта
42. вм. „(изъ одн. эп.")" ч.: (Mon. Caec. 3). вм. „Turdis ..... Fort.)" д. б.: Sacrā in mēnsā Penātium | ōrdinē(d) pōnuntur || (Naev. 3. B).
— Безъ синкопы 3-й арси 2-го кола: Ob hāsce rēs bene gēstās | quod in bellō vōverat || (Tit. Mumm. 3).

27, 23. по „б. ч." вкл.: въ сомнительномъ или и прямо по „гексаметра" вкл.: или ямб. триметра, см. L. Müller, R. m. 111.
25. зач. „нѣсколько" ч.: — ли все то сатурніи, что слыветъ подъ симъ именемъ 26. вм. „XXVII" ч.: XXVIII. кнц. прб.: От-
вѣтъ Дюнцера въ Phil. 1870, bd. XXX, 444 ff. — Кристъ, Metr. 395 также рѣшит. противъ Дюнцера; но и Корсенъ, II, 479 и Кристъ, 400 сл., созна-
ются, что нѣкоторые стихи никакъ не хотятъ улечься въ схему сатурнія 32. по „согласны и" вкл.: древніе; таковы Ennius
(см. въ текстѣ, стр. 26), Vārrō (L. L. VII, 36), Festus (p. 325 M.) зач.: „M. Vict. III, 1. P." 33. по „dei)" вкл.: ; свидѣтельствуютъ о распространенности
такого повѣрья, но сами его не раздѣляютъ Pseudo-Atilius (Gr. L. VI, 265), Atil. Fortun. (ibid. 283), Mar. Vict. (ibid. 139), Ter. Maur. v. 2501 (ibid. 399)
40. вм. „эврипидовымъ" ч.: метрикою 41. по „220)" вкл.: Съ нами сошелся и Кристъ, 394 сл. — Тоже мнѣніе было категорично
заявлено и развито важнѣйшимъ римскимъ метрикомъ Кāзіемъ Бассомъ, какъ видно изъ отзывовъ его послѣдователей
Псевдо-Атилія (l. c.), Теренц. Мавра (v. 2503 sq.), Мар. Виктōр. (l. c.), М. Плōція (ibid. 531). Сравнивалъ онъ со стихами Эврип., Каллим. и Архил.
41 сл. зач.: „Теренц. ..... происхожденіе". 42. д. б.: Lpz. 1867, ss. 33–50), 43. по „languers" вкл.: представляющимъ большую
аналогію сатурнію, до мелочей, вм. „Древніе" вкл.: Мы думаемъ, что того же мнѣнія былъ и К. Бассъ; но позднѣйшіе
римскіе метрики, считавшіе только слоги, 44 сл. зач.: „Atilius ..... 2679 sq." 45. д. б.: Псевдо-Атилій (l. c.) 46. ч.: custō-
dītō, ut inter sē consentiant versūs 47. по „безъ нихъ" вкл.: По мнѣнію Мунка (G. d. röm. L. I, 93) Нāвіемъ „упорядоченъ" сатур-
ній. — Керманнъ (Elem. p. 611, Epit. 220) и за нимъ Дöмленъ (Doctr. Metr., Petrop. 1876, p. 104) обозначаютъ схему такъ [illegible]
т. е. ни на волосъ не отступаютъ отъ грамматиковъ.. по „арсей" вкл.: и аналогію древне-нѣмецкаго стиха (о чемъ молчитъ Бартъ)

28, 3. вм. „а ... также" ч.: рѣже 4. по „эпоху" вкл.: для оч. вольныхъ насмѣшекъ, 5. по „Энній" вкл.: для сатиръ;
ему въ этомъ родѣ послѣдовалъ и М. Тер. Варрōнъ, а трагикъ Аттій въ Didascalia"; 7. по „1500 с." вкл.: изъ Praefātiōnēs
9. по „содержаніемъ" вкл.: Есть по нѣскольку стиховъ у Петрōнія (с. 23), Марціāла (III, 29) и вѣроятно у Плавта (Amph. 168–172).
18. передъ „напр." вкл.: Греки въ 1 и 3 тактахъ часто допускали анáкласъ; у Римлянъ чистый іоникъ сохраняется только
во 2-мъ тактѣ (иногда съ контракціею въ ⏑ – –); въ 1 и 3-г почти всегда анáкласъ, причемъ въ 3-мъ почти всегда и діалисъ
2-го хорея („quō magis vibrāre videātur", Ps.-Atil. c. 4, p. 262. K.); діалисъ во 2-мъ т. и въ 1-мъ хореѣ 1 и 3-го т. чрезвыч. рѣдко. Итакъ обыкн. схема
у Римлянъ: [illegible] 20. Стихъ 5-й по изд. Л. Мüллера должно исправить такъ: Dēvolsit ilei ..... ponderē silice. —
(v. 60 оканчивается такъ: ... et gymnasiīs.) Чтобы устранить іоникъ изъ 3-го такта, Л. М. пишетъ et gumnasiīs. Но 1) эта форма странна
для Катулла; 2) еще страннѣе класть иктъ на летучій, вставочный звукъ, и притомъ 3) вопреки сосѣднимъ акцентованному слогу. Все это
крайне неестественно и ненужно: Іоникъ въ 3-мъ тактѣ есть не только у Грековъ, но и у Варрōна (p. 132. R.). — Рѣдкіе стихи некаталект-
ные: a) Ūvās nitidātīs frondibus || Ēnān hederīs illigat || (Caes. Bass.? ap. Mar. Vict. p. 91, Atil. p. 289); б) Venerāndōs mihi | fātūs reverendōsque lacuta || (M. Cap.)
21. д. б.: IV. Стихи крēтико-пāонные и бакхійно-дохмійные. 23. ч.: танечно-хоровыхъ по „Пāану" вкл.: и Арею
23 сл. вм.: „а также" вкл.: (пāанъ) и 29. в. м. „Огненная" д. б.: , особ. въ т. н. кантикахъ (canticum). У Грековъ сии сти-
хи обкн. въ строфахъ, у Римлянъ часто самостоятельно. — Порывистая 30. вм. „стиха" ч.: ритма 31–32. вм. „2) ..... 4)" д. б.:
2) отъ многочисленности и силы иктовъ (см. доб. къ II, 8, 29 и 35; 12, 40); 3) отъ обилія анакрусей, восходящихъ въ антибак-
хіяхъ и дохміяхъ до силы ямбовъ (⏑ –); 4) отъ частости діализей, контракцій, ирраціонал. долготъ и каталексей, ибо
34. по „и пр." вкл.: , а изрѣдка даже – ⏑⏑ –, [illegible] и т. п. 35. д. б.: бакхійно-дохмійные 36. по „бакханалій" вкл.: (діони-
самбовъ, процессій, плясокъ). кнц. прб.: Пāоны обкн. завершаются крēтиками, какъ дактилы спондеями.
37. по „гексаподій" вкл.: дохміи въ диметрахъ или въ монометрахъ. Мѣсто дохміевъ собств. въ трагедіяхъ
(какъ и у Грековъ); посему, за утратою древне-лат. трагедіи, встрѣчаются лишь слабые отголоски ихъ въ комедіи.
38. кнц. прб.: , и притомъ послѣдніе у Римлянъ часто тамъ, гдѣ онѣ повидимому не умѣстны. Мы объясняемъ это
слабостью иктовъ: если вм. ⏑ – – ⏑ – ..... произнести слабо, напр. ⏑ – – ⏑ –, то бакхій изъ бурнаго превратится въ игривый.
46 (1 сн.). зач.: „[Trōnēs ..... выноску]" и прб.: ~~[illegible]~~ невѣжество выказалъ Модестовъ ~~[illegible]~~ заявленіемъ, что
въ сатурніи „каждое полустишіе оканчивается двусложнымъ повышеніемъ", однако „полустишіе состоитъ изъ трехъ
стопъ"! Если кто усомнится въ томъ, чтобы тамъ былъ такой, лишенный всякаго челов. смысла наборъ словъ, тотъ
пусть заглянетъ въ его „Лекціи" I, 56. Слѣд. повышеніе изъ двухъ долгихъ слоговъ въ хорейномъ тактѣ!.. Хорей съ двойною
долгою оесью и безъ арси!... Эта дичь произошла отъ того, что онъ, узнавъ отъ меня — и только отъ меня (въ сент. 1871 г. когда
я ему прочелъ свое изложеніе сатурнія и передалъ 4-й листъ „Метр.") — о 4-хъ повышеніяхъ въ каждомъ колѣ сатурнія,
пожелалъ скрыть заимствованіе и „пооригинальничать", ничего не смысля въ метрикѣ. Когда я ему по отпечатаніи того по-
лулиста его „Лекцій" растолковалъ дѣло, то онъ, чтобы выпутаться изъ курьезной петли, приказалъ въ якобы опечат-
кахъ "читать: „какъ бы дв. н." Какъ хитро!.. Можно дать большую премію тому, кто въ этомъ найдетъ смыслъ!.. Прежде
была просто чепуха, а потомъ вышла „какъ бы чепуха"; но къ чему было говорить „какъ бы чепуху"? О прочихъ его промахахъ
не желаю распространяться, тѣмъ болѣе что отчасти сдѣлалъ это въ другихъ мѣстахъ. — О Carm. fr. arv. см. I, 22 и 97
съ доб. (II, 46 и 61 сл.). — О моей попыткѣ устроить публичное чтеніе съ диспутомъ (въ авг. 1874) о семъ гимнѣ см. въ Предисл. къ Б. Ф.
„Игр. Древнихъ", стр. XXIV сл. — У меня подготовлено теперь большое изслѣдованіе о сатурніи, значительно расширяющее и измѣ-
няющее теорію о немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о древнихъ грамматикахъ. Я намѣренъ издать оное отдѣльно, равно какъ
и объ арв. гимнѣ, а до того времени нахожу возможнымъ ввести лишь въ очень малой мѣрѣ въ свои „Записки" результаты тѣхъ работъ.

29, 2 сн. ч.: преим. у Плавта; встрѣчается и во фрагментахъ другихъ драматиковъ и у Теренція (ср. Diom. p. 513). по 5й прб.: Очень вольнаго строя напр.: Pellecebrae, perniciēs, adulescentum exitium (Pl. Asin. 133) [метрич. схема]. 7. по „513. K.)" сд. вын.: 1) Первый ictъ мы признаёмъ анакрусью, ибо только въ такомъ случаѣ является законное отношеніе весиъ къ арси = 3 : 2; 2) чрезв. частая діалисъ первой долготы, столь частая, что по замѣч. Шмидта Kstl. II, 70 форма ◡◡– чаще чѣмъ ––◡, тогда какъ –◡◡◡ очень рѣдка (хотя не рѣдка в.н. [схема]), возможна и понятна лишь тогда, если ictъ не на 1-ой долготѣ; въ противн. случаѣ оказалась бы противоестественная схема [схема] (какая и есть у Шмидта l. c.). По Шмидту Kstl. IV, 505 ff. передъ пэонами врѣдко бываетъ анакрусъ – или ◡. Да, ◡ чрезв. рѣдко, а когда есть –, то говорятъ „бакхій", слѣд. не столь рѣдко. Кристъ проводитъ слишкомъ искусственную грань между анакрусными пэонами и бакхіями, но не можетъ (s. 441).

8. по „антибакхіяные" зач. всю строку и то, что есть между 8 и 9 строк., т. е. „н. такъ ... ◡––‖", а вм. сего д. б.: „т. е. кретичные съ ямбичною анакрусью. 9–10. Примѣры разбить на такты по схемѣ!, прб.: Въ чистомъ видѣ: Maritē beatē, parentes nepotēs! (Diom. 513 K), съ вольностями, напр. Morīri sīt pār, nec melius sīt morte in miserīīs.‖ (Pl. Rud. 675). 11–13. Иначе разбить на такты схему и примѣръ, и зач.: „(т. е. не ..... не возможенъ)". – Прб.: 20) Dimeter dochmiacus съ діэресью, оч. рѣдко, напр.: Bonus sit bonīs‖, malus sit malīs‖ (Pl. Bacch. 660), т. е. [схема]; или Bona Spēs, obsecrō,| subventā mihī‖ (Pl. Rud. 230). – Прим. Менѣе употребительны: а) Tetrameter crēticus catal., напр. Apage te| sīs amor,| tuās rēs tibi habētō‖ (Pl. Trin. 266. Br.). – б) Tetrameter bacchiacus catal., или, можетъ быть, вѣрнѣе, кретичный триметръ съ ямб. анакрусью; напр.: Sed memet moror,| quom hoc agō| sēcius.‖ (Pl. Cist. IV, 2, 24). (Ср. §15 съ доб.)

16. по „сложныхъ" вкл.: „иногда простыхъ. кнц. прб.: съ повтореніемъ или 24: по „обр." вкл.: Лэвій, кнц. прб.: сочинявшіе болѣе для чтенія, чѣмъ для пѣнія (рѣдко хороваго подъ звуки музыки, обкн. лиры или кифары, рѣже (Hor. Od. IV, 1, 23. 15, 30) флейты и еще рѣже свирѣли (Hor. IV, 1, 24). Есть и антифонныя оды (см. §33; O. Jahn въ Hermes, 1867, II, 431; ср. доб. къ II, 15, 20. – Болѣе даетъ мѣста пѣнію Schiller, l. l.)

38. по „колъ" вкл.: (но есть и рѣдкія исключенія, напр. Cat. 73, 6: Quam modo quī mē ūnum atque‖ ūnicum amīcum habuit.‖).

43. по „труднѣе" вкл.: Также невозможно, по разнымъ причинамъ, послѣдовать произвольному мнѣнію Криста, который, выставивши для бакхіевъ троякую схему [схема] ....., [схема] ..... и [схема] ..., выразился (стр. 444), что у Грековъ будто бы господствуетъ почти безраздѣльно первая, которою однако бакхіи въ сущности упраздняются, ибо превращаются въ синкопованные ямбы, да притомъ силится разорвать связь между лат. и греч. бакхіями; но соверш. непонятно и съ противорѣчіями. 44. ч.: [схема] ..., или слабѣе [схема] ..., 45. зач.: „но анакрусъ ... ◡––|." и прб.: Ср. доб. къ II, 12, 40 и 29, 7. – Вѣрность нашей мысли, которая и въ 1871 г. казалась намъ самою вѣроятною, видна и изъ того, что въ греч. литерат. чрезвыч. рѣдка и сомнительна дохмійная варіація [схема], но весьма обыденна [схема] (см. Westphal II, 855–861; Schmidt, Kstl. IV, 511 ff.; Christ 456 ff.).

30, 10. по „Овидій" вкл.: (всѣ соч. кромѣ Metam. и Halieut.) 11. по „Марціалъ" вкл.: „(1241 пьеса изъ 1571, т. е. почти ¾), Авзоній. 24. кнц. прб.: ; у Авз. 2 раза: Ep. 3. 10. по 32. вкл.: Впервые у Кринія, Аоин. въ концѣ 5 го в. – Въ Римѣ еще только у Тер. Мавра 1580–1720. 38. кнц. ч.: (у Горац. Epod. 1–10; у Верг.? Cat. 5; у Марц. I, 50; III, 14; IX, 78; XI, 59; у Авз. Epigr. 17. 25. 26. 50. 68; Par. 13; Prof. 2. 4. 5. 26. Epist. 15. 22).

31, 3. кнц. прб.: Впрочемъ 2-стишная Archilochia I есть у Авз. Par. 26 и Praef. 2 ad Ed. 7. – У него же есть: 1) строфа изъ трох. кат. 4-метра и ямб. триметра (Epigr. 51), а у Марціала: 2) изъ холіамба и ямб. диметра (I, 62: Vērōna doctī syllabās amat vātis,‖ Marōne fēlīx Mantua). 34 прб.: есть еще: 4) изъ 2 анап. диметровъ и монометра у Авз. Prof. 21. – 5) изъ 2-го катал. гликонея, меньш. и больш. асклеп. у Пруденція Praef.

32, 5. по „спондеемъ" вкл.: Кромѣ діэресы предъ ионофалликомъ есть еще инцизія послѣ весиъ 3-го такта, а чрезъ то стихъ образуетъ какъ бы „несводный періодъ. Такъ же дѣлится онъ и у Пруденція. Строфа эта есть и въ греч. Анѳологіи (Бакхилида?) 40. по „строфы)" сд. вын.: *) Въ греч. литер. эта строфа да и отдѣльно т. н. большій Сапфинъ стихъ не встрѣчаются. Посему Вестфаль (II, 766) предполагаетъ, что Горацій передѣлалъ сей стихъ изъ бывшаго у Сапфо и у Алкэя [схема]‖.

33, по 18. вкл.: Прим. 2. У Авзонія Par. 25 есть строфа изъ полной дакт. тетраподіи и кат. дакт. триподіи. Смыслъ соединяетъ двѣ воедино. 36. вкл.: фраза у Авзонія: Ephem. 1, Prof. 7. 8. 43. прб.: стр. 77. 47. вм. „съ собою" ч.: съ понятіемъ хоріамбъ. 48. кнц. прб.: хотя онъ и расходится съ ними. Такъ у него 4-й слогъ „хоріамба" (–◡◡–) обозначается то какъ обыкновенный долгій (–), то какъ болѣе чѣмъ двухморный (—), то 3-морнымъ (⌙) и даже 4-морнымъ (⌴), то наконецъ „хоріамбъ" отождествляется съ иониками. – Вообще онъ подъ консервативное знамя становится противъ чужихъ теорій, но покидаетъ оное, когда выступаетъ со своими. Ср. доб. къ II, 24, 1 сн.

34, 10. ч.: II, 16, 7. 12. ч.: Hor. IV, 2, 17. кнц. прб.: У Горація Сапфинъ стихъ б. ч. оканчивается долгимъ слогомъ (по Ш. 406–209).

35, по 3-й строкѣ вкл.: Прим. 1. V-имъ Септимія Серена къ Яну былъ, судя по началу цитуемому Тер. Мавромъ (v. 1803 sqq.), раздѣленъ на строфы, въ конхъ 3 псевдохоріамбичные тетраметра обыкновенной формы (см. Прим. 2. въ доб. къ II, 25, 43) закруглялись 1-мъ Пріапеемъ (§23, no 12). Вотъ оно: Iāne pater,| Iāne tuens,| dīve biceps biformis,‖ Ō cate rērum sator,| ō prīncipium deōrum,‖ Strīdula cui| līmina, cui| cardinei tumultus,‖ Cui reserāta| mūgiunt| aurea claustra mundī.‖ 7. по „ionica" вкл.: decametros. по 24. вкл.: Прим. Кажется, подобное устройство имѣли и строфы въ Phoenix, послѣдней одѣ Erotopaegnion Лэвія. Судя по отрывку и свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Харисіемъ (кій здѣсь впрочемъ увидѣлъ сатурніи! см. p. 288. K.), въ сей одѣ чередовались „крылья", pterygia изъ 10 и 9 иониковъ ā majōre, но съ катал. окончаніемъ (см. L. Müller dē rē m. p. 78. 116), съ анакласами и діалисами. Строеніе 10-тактной строфы отличается отъ гораціева по видимому только тѣмъ, что два первые диметра или кола соединены въ одинъ стихъ. Мы дѣлимъ такъ: Venus amōris| altrīx,| genetrīx cuppiditātis, mihi‖ Quae diem serēnum hilarula| praepandere‖ Crēstī opsecullae tuae ac ministrae‖ т. е.: [схема]

Гораздо труднѣе рѣшить, какъ дѣлить 9-тактное „крыло". Единственное дѣленіе возможное при условіи, чтобы каждый стихъ начинался весью и заканчивался арсью, есть 2+5+2; но оно не можетъ быть названо вѣрнымъ ... вын.: Etsī ne utiquam, quid foret‖ Expavida gravis dūra fera asperaque famultās, potīre dominiō‖ Accipere superbō‖ (fr. 6). т. е.: [схема]

Въ 6-мъ тактѣ 1-ой строфы и въ 5-мъ и 7-мъ тактахъ 2-ой строфы я принялъ –◡◡◡◡ за дитрохей, а въ 3-ъ и 8-ъ тактахъ 2-ой строфы за ионикъ, руководясь акцентомъ словъ, который и Горацій и Лэвій, очевидно, старались въ ионичныхъ строфахъ привести въ полное согласіе съ иктами. – Что 2-ой стихъ 2-ой строфы оканчивался на dominiō, тому можно представить два доказательства: 1) устраняется придуманная Мюллеромъ вставка ego; 2) окончаніе на долгій слогъ ō, кій внутри стиха долженъ былъ бы подвергнуться синалэфѣ, а здѣсь только сокращается передъ гласнымъ заключительнаго versus пекі. – Л. М. принялъ прямо 10 и 9 иониковъ за отдѣльные стихи. Но это немыслимо: невозможно произнести однимъ духомъ столько иониковъ съ надлежащимъ соблюденіемъ долготы и иктовъ (ср. §4 съ доб.). Кристово дѣленіе на трехстишія 4+4+2 и 2+4+3 (или точнѣе, 3½+3½+2½ и 1½+4+3½, см. 512), которому онъ впрочемъ и самъ не придаетъ никакого значенія, совершенно неосновательно, ибо 1) произвольно само по себѣ, 2) устраиваетъ въ перемѣшку стихи изъ ion. ā maj. съ таковыми же ā min. и 3) разъ даже разбиваетъ весь ионика между 2-мя стихами и скрѣпляетъ ихъ эписиналэфою (... crēsti‖ opsecullae ..). – Но под. сомнѣніе и то, считались ли позволительными ионичные пентаметры: хотя Кристъ (стр. 525) указываетъ какъ на таковые Eur. Phoen. 1539 и Aesch. Ag. 711, но Шмидтъ признаётъ – и кажется съ большимъ правомъ – въ первомъ изъ сихъ стиховъ лог. дактил. эннеаподію (см. Kunstf. III, p. DXXXI), а второй разбилъ на 2 стиха – диметръ и триметръ (Kstf. I, 168 ff.). 54. вм. „Schmidt" ч.: Christ.

36, 27. прб.: „а два послѣдніе ея стиха, изъ коихъ одинъ по гречески еще у Авзонія въ концѣ 12-й эпистолы). 33. ч.: пришлось бы

37, 2. сн. д. б.: (Gr. Lat. VI, 606), „... ā vetere quōdam auctōre, quī ante Iubam metricum fuit" petītae, т. е. отъ Кэзія Басса (ibid. p. 607). – 1 сн. в. м. „4) ... диметрамъ" д. б.: Наконецъ, 4) и тѣ грамматики, кои цитуютъ 1-й стихъ какъ тетраметръ, могутъ хоть отчасти считаться въ числѣ нашихъ союзниковъ, ибо они высказываются по крайней мѣрѣ противъ тѣхъ, кто придумалъ дѣленіе на 3+3+4. Да кромѣ того очень легко можетъ быть, что они просто захотѣли написать два короткихъ стиха въ одной строкѣ, – чему примѣровъ не мало. Словомъ, если они не вполнѣ наши союзники, то и не враги.

38, 20. сн. прб.: (И здѣсь Вестфаль, Шмидтъ, Кристъ считаютъ нашъ ферекратей за тетраподію –⌙|–◡◡|–|–|∧‖). 13. сн. ч.: стиховъ

39, 19. прб.: Системы послужили въ алекс. и римскую эпохи переходною ступенью къ лирич. пьесамъ безъ дѣленія на строфы и системы.

40, 20. ч.: Пр... Praef. и у Т... М... v. 2714–22. 1. сн. прб.: Впрочемъ вообще о выраженіи на письмѣ метр. членовъ см. Christ 151–6.

41, 3 сн. ч.: Pelae et T... 1 сн. кнц. прб.: (Ср. его же Carm. 62. и предисл. Л. Мюллера, p. XXII sqq.).

42, 4 по „(1)" вкл.: Еще труднѣе рѣшить, какъ слѣдуетъ раздѣлить Вергиліевы эклоги, хотя онѣ несомнѣнно дѣлились на системы и распѣвались (см. доб. къ II, 15, 20; ср. Ladewig, Einl. zu Verg. I, 14 ff.): дѣленіе, предложенное O. Ribbeck'омъ (см. въ его изд.), по самому существу дѣла не могло стать общепринятымъ. – Явственно оно только въ 8-й эклогѣ (v. 17–61 и 64–108), гдѣ два параллельныхъ ряда строфъ и антистрофъ съ эфимніями. 14. по „цѣлое" сд. вын.: Въ опредѣленіи „перикопъ" слѣдуемъ Гефэстіону (p. 62. 69. 75 ed. W.); у иныхъ понимается иначе (ср. § 80 съ доб.)

Эпилогъ(+)

I

Прошло болѣе 4½ лѣтъ съ того времени, какъ я приступилъ къ литографованію своихъ „Записокъ", и около 3½ лѣтъ, послѣ того какъ изданіе ихъ пріостановилось, по выпускѣ послѣдняго листа 1-ой части и 4-го листа 2-ой. Много воды утекло въ теченіи этого времени; измѣнилось мое положеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнились и задачи и цѣль и характеръ и объемъ моего труда. Въ августѣ 1871 г., когда я успѣлъ издать только 6 листовъ 1-ой части и 4 листа 2-ой (вполнѣ приготовивши и 7-й листъ „Грамматики"),[xx] я выбылъ изъ 1-го кіевскаго гимназія — по прошенію поданному мною почти за годъ передъ тѣмъ — вслѣдъ за тѣми учениками, коимъ я посвятилъ свои „Записки",[xxx] и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился совсѣмъ устраниться отъ казенной и вообще служебной сферы... Если бы кто заинтересовался причинами, пусть, кромѣ Предисловія и сего послѣсловія прочтетъ мою статью „О нашемъ классич. образованіи" (Р. Вѣстн. 1871 г., № 4), которая была отправлена для напечатанія въ началѣ августа 1870 г., но вышла въ свѣтъ только въ маѣ 1871, можетъ быть „въ самое удобное время для дѣла" (по словамъ одного изъ редакторовъ, покойнаго П. М. Леонтьева, въ письмѣ ко мнѣ) — ибо за недѣлю до дня (12-го мая т. ст.), въ которомъ Госуд. Совѣтъ долженъ былъ рѣшить вопросъ о реформѣ гимназій, — но въ самое неудобное время для меня, ибо лишь тогда, когда я, казалось, успѣлъ одержать рѣшительную побѣду въ тяжелой 3-лѣтней борьбѣ (см. указ. ст. Р. В-а, особ. главу II)... Какъ бы то ни было, я не могъ уже имѣть въ виду ближайшей цѣли своей — пользоваться сими „Записками" при преподаваніи; а отсюда вышли два слѣдствія: 1) я отложилъ на неопредѣленное время изданіе 3-й (историко-литературной) и 4-ой (миѳолого-антикварной) частей „Записокъ", на которыя подписка никогда не принималась;[xxxx] 2) не стѣсненный школьными условіями, я болѣе могъ дать свободы своему влеченію къ предмету, которымъ много лѣтъ спеціально занимаюсь, т. е. обратилъ преимущественное вниманіе на свою вторую цѣль (см. Предисл.) — сдѣлать оныя руководствомъ для студентовъ, учителей, профессоровъ (ибо когда я преподавалъ и приступилъ къ изданію, даже всѣмъ профессорамъ классич. филологіи въ нашихъ университетахъ, за исключеніемъ развѣ даровитаго и ученаго г. П. въ Петербургѣ, было terra incognita то, что изложено въ моемъ трудѣ, такъ какъ они большею частью принадлежатъ къ старой школѣ,[xxxxx] а о нѣкоторыхъ „новыхъ" лучше промолчать; въ послѣднее время наша филологія начала значительно оправляться: она можетъ, кажется, возлагать надежды на г. А. въ Кіевѣ, г. Ц. въ Варшавѣ, [см. стр. 87], на Филол. институтъ и Филол. Общество). Потому 3-ій отдѣлъ „Грамматики", т. е. Этимологія (листы 8–14) изложилъ я несравненно обширнѣе и научнѣе, чѣмъ предполагалъ (впрочемъ лишь послѣ нѣкотораго колебанія, см. выноску на стр. 55-й „Грамм." съ дополн. къ ней во 2-й ч., стр. 54)[xxx xxx]. Прошу читателей не упускать сего изъ виду при сужденіи о моемъ трудѣ. Впрочемъ и начало его изложено значительно обширнѣе, чѣмъ было въ рукописи служившей мнѣ при преподаваніи, ибо съ первыхъ же страницъ я, отдавая преимущество „первой" цѣли, никогда не упускалъ изъ виду и „второй". Такъ лишь при издаваніи я впервые составилъ нѣкоторыя статьи (въ Грамм. § 14 о слогахъ, § 15 объ интонаціи, въ метрикѣ гл. IV); всѣ прочія статьи я болѣе или менѣе расширилъ и исправилъ, насколько мнѣ позволяла поспѣшность изданія первыхъ листовъ (6+4) при множествѣ гимназичныхъ обязанностей. Такое расширеніе не могло меня стѣснить въ преподаваніи, ибо всегда имѣлъ я возможность сдѣлать сокращенія, смотря по классу и по способностямъ и подготовкѣ учениковъ. 3-й же Отдѣлъ „Грамматики" почти составленъ на ново, ибо прежде я его излагалъ только устно, пиша на доскѣ таблицу склоненій и спряженій (см. Предисл. и выноски на стр. 55 и 65 „Грамм." съ доб.), и онъ вышелъ во много разъ обширнѣе, чѣмъ я преподавалъ. Вообще въ той первоначальной

+) Послѣднюю редакцію онъ получилъ въ концѣ 1875 г. и за тѣмъ немедленно былъ представленъ въ цензуру. По нѣкоторымъ соображеніямъ я помѣщаю оный въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ разрѣшенъ цензурою, вмѣстѣ съ окончаніемъ метрики, 20 января ст. ст. 1876. Необходимыя дополненія и поправки помѣщаются въ выноскахъ. Всѣ онѣ прибавлены лишь теперь при перепискѣ. Переписывается и издается сей конецъ въ сентябрѣ 1878.

xx) Листы 7–10 части I-ой составлены и отлитографованы въ концѣ 1871 г., остальные (11–14) листы 1-й части — въ 1-ой половинѣ 1872 г. — Окончена вчернѣ 2-ая ч., съ перечнемъ добавокъ и поправокъ, въ 1873 г., но была переработана въ 1875 и разрѣшена 20/I 1876. Однако я приступилъ къ перепискѣ и изданію только въ послѣдніе дни того года, такъ что листы 6–8 части 2-ой изданы въ началѣ 1877. Тутъ я старался не отступать отъ рукописи, составленной въ 1875, за исключеніемъ 2–3 мѣстъ, гдѣ я позволилъ себѣ легонькое дополненіе или поправку. Такъ какъ для окончанія оказалась надобность въ новомъ цензурномъ разрѣшеніи, то таковое было получено 7-го окт. 1877. Однако окончаніе 2-й ч., т. е. листы 9–11, а также новые загл. листы и посвященія издаются въ ~~авг.~~ сент. (и окт.) 1878.

xxx) И вотъ уже 7 лѣтъ я или прямо отклонялъ всѣ многочисленныя и самыя разнообразныя предложенія (въ гимн., универс. и пр.), сдѣланныя мнѣ и здѣсь и изъ столицъ и др. мѣстъ, или ставилъ такія условія, которыя признавались равнозначительными отказу... Въ I. гимн. долго крѣпился я только потому, что тяжело мнѣ было оставить недовершеннымъ и неупроченнымъ свое дѣло и покинуть своихъ учениковъ. [xxxx), xxxxx), xxx xxx) см. на слѣд. стран.]

рукописи по „Грамм." (Введеніе и Фонетика) и „Метрикѣ", которую ученики прежде должны были списывать и изучать, было всего 5 листовъ обыкн. писчей бумаги, не очень густо написанныхъ; если прибавить сюда краткую этимологію (которую ученики сами составляли по моимъ устнымъ объясненіямъ — что даетъ меньше 2-хъ листовъ — то окажется всего меньше 7 обыкн. листовъ средняго почерка; приступая же къ литографованію, я объявилъ, что распространю „Записки" такъ, что обѣ первыя части будутъ заключать около 10 листовъ обыкн. писчей бумаги и средняго почерка, а на самомъ дѣлѣ вышло, кромѣ „Добавленій", 19 листовъ большаго формата, и притомъ послѣдніе листы „Грамматики" (7-14) написаны такъ, что изъ каждаго можно сдѣлать среднимъ числомъ отъ 3-4 листовъ, написанныхъ подобно предыдущимъ.[x])

Но преслѣдованіе двухъ цѣлей — гимнасической и университетской, или учебной и ученой — не могло обойтись безъ взаимныхъ между ними уступокъ. Говоря вообще, въ первыхъ 7 листахъ „Грамм." и 4-хъ листахъ „Метрики" данъ перевѣсъ первой цѣли, въ остальныхъ же листахъ обѣихъ частей — второй; но и здѣсь я долженъ былъ до извѣстной степени поддерживать характеръ приданный работѣ съ самаго начала (наименѣе стѣснялся я симъ соображеніемъ въ издающихся послѣ большаго промежутка послѣднихъ листахъ 2-й части). Словомъ тѣ двѣ цѣли постоянно боролись между собою, и я отдавалъ предпочтеніе то одной то другой, смотря по обстоятельствамъ. Какъ сими обстоятельствами, такъ и натурою этихъ обширныхъ предметовъ объясняется, такъ сказ., неровность въ характерѣ и въ обработкѣ частей. „Грамматика" есть болѣе самостоятельный трудъ чѣмъ „Метрика"; наиболѣе самостоятеленъ въ „Грамм." Отдѣлъ III-й, наименѣе — §12 (физіологія звука); напротивъ въ „Метрикѣ" первая половина послѣдней главы (VI-й Лир. метръ) уступаетъ въ этомъ отношеніи прочимъ частямъ. Во всякомъ случаѣ я сдѣлалъ гораздо болѣе того, что обѣщалъ въ Предисловіяхъ. Кто знаетъ, какая масса камней преткновенія есть въ научной грамматикѣ и метрикѣ, тотъ пойметъ, что исполнить мою задачу, и при томъ двойную, очень не легко. Но трудъ этотъ былъ для меня пріятенъ, и тѣмъ болѣе, что мнѣ выпало на долю внести кое что отъ себя въ науку, такъ какъ нерѣдко приходилось или представлять совершенно новое разрѣшеніе вопроса, или точнѣе уяснить, развить, подтвердить и т. п. какую нибудь изъ спорныхъ мыслей высказанныхъ до меня (см. напр. въ „Грамм." стр. 22, 29, 30 сл., 33 сл., 64 сл., 69, 70, 72, 84 сл., 92 сл., 97, 100 и пр.; въ „Метр." стр. 9, 23, 27 сл., 34-42 и пр., и особ. въ „Добавленіяхъ"[xx])). Сознаніе нѣкоторой — хотя бы и малой — пользы, принесенной мною и наукѣ и педагогамъ и учащемуся юношеству, позволяетъ мнѣ теперь съ ..... равнодушіемъ смотрѣть и на тѣхъ, которые нѣсколько лѣтъ изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы за мои научныя стремленія и любовь къ своему дѣлу устроить мнѣ тысячи непріятностей и козней и на ихъ активныхъ и пассивныхъ сообщниковъ, между коими однако одинъ/не ...зато затруднился подкрѣплять свою худобу плагіатами изъ моихъ работъ... Только одно лицо нашлось въ Кіевѣ, которое, понявъ, благодаря своему уму и знаніямъ, суть дѣла, пыталось, въ концѣ апрѣля и въ маѣ 1871 г., оказать мнѣ дѣятельную поддержку: это Мих. Андр. Тулов, управлявшій въ то время учебн. округомъ. Послѣ основательнаго разсмотрѣнія моихъ „Записокъ", онъ отнесся къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ и выразилъ въ офиц. бумагѣ отъ 1 (13) мая 1871 г. на имя директора „убѣжденіе въ усердной дѣятельности и обширности научнаго образованія" автора, что, по его мнѣнію, „ясно для всякаго сколько нибудь знакомаго съ дѣломъ" и желаніе, чтобы мой трудъ, „который составитъ немаловажное пріобрѣтеніе въ нашей филологической литературѣ", „былъ скорѣе конченъ и сдѣлался извѣстнымъ въ нашей ученой литературѣ". Кромѣ того и вообще чѣмъ болѣе онъ ознакомлялся съ дѣломъ моимъ посредствомъ многократнаго посѣщенія моихъ уроковъ, продолжительныхъ бесѣдъ со мною и присутствія въ теченіи полныхъ двухъ дней на первомъ (и послѣднемъ) выпускномъ экзаменѣ моихъ учениковъ, который былъ совсѣмъ не похожъ на всѣ прежніе по обширности, разносторонности и строгости, тѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе переходилъ на мою сторону. Онъ утвердилъ мою программу, удостоилъ меня лестныхъ знаковъ внимательности и т. п., благодарилъ тѣхъ членовъ совѣта, которые мнѣ сочувствовали, обратился къ оканчивавшимъ курсъ ученикамъ съ рѣчью обо мнѣ, въ которой сказалъ имъ между прочимъ, что они имѣли такаго учителя, которому должны быть всю жизнь благодарны и котораго самые недостатки выше достоинствъ инаго. — Само собою разумѣется, что я не беру на себя никакой отвѣтственности за эти отзывы, и напротивъ считаю оные въ весьма значительной степени лишь воздаяніемъ мнѣ за пережитое, и цитую ихъ тоже преимущ. какъ воздаяніе за другимъ..... Высокую отраду доставляетъ мнѣ и теперь воспоминаніе о первой половинѣ мая 1871 г., а виновнику оной приношу глубокую благодарность, хотя изъ его вмѣшательства не вышло для меня почти никакой пользы. Ему же по праву посвящаю первую часть сего труда.[xxx])

[xxxx]) (Къ предыд. стр.). Можетъ быть скоро по выпускѣ въ свѣтъ первыхъ 2-хъ частей примусь я за остальныя двѣ части; но теперь онѣ получили бы сильное приращеніе сравнительно съ первоначальнымъ планомъ.

[xxxxx]) Сіи слова не могутъ быть сочтены за укоризну ученость и труды нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма почтенны.

[xxx]) (Къ пред. стр.) Еще въ гораздо большей мѣрѣ можно сказать тоже объ изданныхъ послѣ весьма продолжительнаго перерыва послѣднихъ (5-10) листахъ 2-ой части, т. е. объ окончаніи „Метрики" и о дополненіяхъ и поправкахъ" къ обѣимъ частямъ. Эти листы совершенно отличаются своимъ характеромъ отъ всѣхъ предыдущихъ.

[x]) Съ „добавленіями и поправками" 23½ листа, а всего вообще (съ „послѣсловіемъ" и пр.) 25½ листовъ (по 8 стран.).

[xx]) См. стр. 43, 46, 48 сл., 52 сл., 54 (къ I, 61, 30), 55 (къ I, 64), 56, 57, 58, 59 сл., 61 сл., 62, 63, 64, 65-67, 68, 69 сл., 73 сл., 75, 76, 84. — Ср. стр. 80 конц. и 82.

[xxx]) Въ началѣ книги „Игры Древнихъ", обѣтномъ дарѣ „Памяти П. М. Леонтьева", я высказалъ давнее свое намѣреніе — по доброму и ведущему свое начало изъ классич. древности, рѣдкому у насъ, но оч. распространенному въ другихъ странахъ обычаю — посвящать свои труды нашимъ, живущимъ или почившимъ, дѣятелямъ на поприщѣ филологіи или классиче-

Вторую часть счелъ я пріятнымъ долгомъ обречь имени Ал. Ив. Георгіевскаго, какъ по причинѣ неутомимыхъ и важныхъ его трудовъ по „великому и славному дѣлу" „прочнаго водворенія ~~классическаго~~ образованія въ Россіи" (слова изъ письма ~~его отъ~~ 14/2 Ноября 1871), такъ и за весьма доброе и цѣнное отношеніе его ко мнѣ и къ моимъ „Запискамъ", выразившееся въ 1871 и 1872 г. въ письменномъ и личномъ приглашеніи прибыть въ Петербургъ, чтобы послужить „общему, дорогому для насъ дѣлу" на „той или другой должности, смотря по" моимъ „склонностямъ .... и желанію", и въ особенности заняться славянскими учителями-стипендіатами. Такая любезность была для меня въ то время чрезвычайно дорога, а первое личное мое свиданіе съ нимъ, въ Кіевѣ лѣтомъ 1872 г., исполнило меня искреннею симпатіею къ нему. Посвящая ему свою „Метрику", я удовлетворяю также своей потребности хоть чѣмъ нибудь ослабить то, что по обстоятельствамъ принципнаго свойства, измѣненіе коихъ не лежало въ его власти, я вынужденъ былъ наложить тяжелый для меня запретъ на собственное влеченіе горячо ухватиться за его просвѣщенныя и гуманныя предложенія.

Лично я слѣд. уже отъ М. А. Т. и А. И. Г. получилъ ~~полное~~ нравственное возмездіе... Но этого оч. недостаточно.[x])

II

Двойственною цѣлью „Записокъ" объясняется система изложенія и цитованія.

Въ способѣ изложенія я строго держался правила — все излагать догматически, нигдѣ не вступать въ полемику и выражаться какъ можно кратче и сжатѣе. По сей послѣдней причинѣ требуется отъ читателей самое полное вниманіе и умѣнье извлечь изъ каждаго слова все, что оно можетъ дать. При преподаваніи я разсчитывалъ (см. Предисл.) на устныя объясненія. Лишь въ случаѣ особенной надобности, напр. когда была рѣчь о спорномъ и трудномъ вопросѣ, или требовалось отстоять и защитить свое мнѣніе, или опровергнуть отечественныхъ „ученыхъ" и т. п., я позволялъ себѣ въ выноскахъ, да и то почти только съ III-го отдѣла „Грамм." отступать отъ догматичнаго разсказа, доводя въ нихъ сжатость и краткость до крайнихъ предѣловъ, или, вѣрнѣе за крайніе предѣлы (см. I, 55, 59, 60, 61, 62, 65, 69 и т. д.). Въ первыхъ же двухъ отдѣлахъ „Граммат." и въ „Метрикѣ" (за исключеніемъ окончанія, отличающагося совсѣмъ инымъ характеромъ, см. выше стр. 78), даже такія отступленія весьма рѣдки (какъ-то I, 33 сл.: II, 27 сл.). Часто я даже пускаю въ оборотъ новую собственную мысль, тѣ не встрѣчающуюся въ моихъ источникахъ, или противорѣчащую имъ, ничѣмъ не давая понять, что она принадлежитъ мнѣ (напр. стр. 22. о sins, стр. 29 о нёбномъ смягченіи, стр. 26, 30, 31, 40, 41 — объ ↑, стр. 64–71 многое въ объясненіи склоненій, стр. 84 сл. объ аористѣ и пр.). Впрочемъ и подобныя умолчанія и чрезмѣрную сжатость выносокъ считаю я за недостатокъ, к-й отчасти исправляю въ „Добавленіяхъ".

Что касается до цитатъ и рекомендованія сочиненій, то я старался быть умѣреннымъ до крайней степени и почти вовсе исключилъ то и другое изъ текста, ограничившись выносками въ началѣ нѣкоторыхъ рубрикъ и въ кое какихъ другихъ самыхъ необходимыхъ мѣстахъ. Впрочемъ, въ 3-мъ отд. „Грамм.", особенно начиная отъ глагола, я былъ менѣе воздерженъ.

Указываніе сочиненій должно имѣть троякую цѣль: 1) указать путь къ дальнѣйшимъ занятіямъ; 2) защитить положеніе, выводы, факты, или опровергнуть все ошибочное и ложное, и 3) воздать должное тѣмъ, кому мы обязаны своимъ поученіемъ. (Къ сожалѣнію у весьма многихъ есть вмѣсто этихъ трехъ одна цѣль — хвастовство своею ученостью, что тѣмъ противнѣе, если и ученость та мнимая, фальшивая). Сообразно съ сими цѣлями и въ особенности стремясь быть полезнымъ для молодыхъ филологовъ и указать имъ (см. Предисл.), какъ итти твердо, не сбиваясь и не растрачивая времени, по тому пути, который считаю единственно-правильнымъ и разумнымъ (что особенно необходимо для студентовъ кіевскаго универс., въ к-мъ филологія находится уже много лѣтъ въ такомъ жалкомъ состояніи, что многіе изъ выпускаемыхъ кандидатовъ не знаютъ элементарной латинской, не говоря уже о греч. грамматикѣ, но за то съ изряднымъ запасомъ верхоглядства)[xx]: я старался указывать на важнѣйшія изъ изученныхъ мною сочиненій, не упоминая безъ особенной нужды ни о монографіяхъ (хотя бы ими самъ я пользовался, напр. Schömann, Redetheile, De articulo, Lübbert, Gramm. Studien, Bücheler De Claudio Caesare gramm., Peters De digamm.), ни объ источникахъ (fontes), ни объ устарѣлыхъ сочиненіяхъ, ни о тѣхъ, которыя лишь косвенно касаются предметовъ, излагаемыхъ въ моихъ „Запискахъ". Путь, указываемый мною молодому филологу, таковъ: прежде всего солидно ознакомиться съ научными грамматикою и метрикою въ общемъ очеркѣ, не входя до времени ни въ исторію науки, ни въ ея закоулки, а потомъ постепенно расширять и углублять свои знанія.

скаго образованія; въ особенности тѣмъ, коимъ лично чѣмъ-либо обязанъ.[x] Научныя работы М-а А-а суть филологическія; въ моемъ процессѣ онъ энергично выступилъ борцомъ за класс. образованіе; наконецъ, лично я ему многимъ обязанъ не только морально но и матеріально, ибо по выбытіи моемъ изъ гимназіи я, благодаря М. А-у, — хотя между нами не было никакихъ сношеній, получилъ отъ частныхъ уроковъ до 3000 р., и могъ бы имѣть въ нѣсколько разъ болѣе, если бы я захотѣлъ принять все то, что мнѣ по его рекомендаціи предлагалось.

x) Могу сказать вообще, что лица просвѣщенныя всегда стояли на моей сторонѣ. Это выразилось напр. въ доброй поддержкѣ, оказанной мнѣ въ моей борьбѣ въ 1870 г. директоромъ Черниг. (впослѣдствіи Кіевск. II) гимн. Н. П. Кустовымъ (недавно умершимъ), выдававшимся сильно по знаніямъ, уму и способностямъ преподавателемъ древнихъ языковъ. — Проявлялось это и въ многократныхъ приглашеніяхъ дѣлавшихся мнѣ въ теченіи многихъ лѣтъ нѣкоторыми профессорами здѣшняго универс. вступить въ ихъ среду, въ сдѣланныхъ мнѣ изъ разныхъ мѣстъ различныхъ предложеніяхъ, изъ коихъ послѣдними были въ 1876 г. — варшавское — штатной доцентуры и ставропольское — инспектора гимназіи, съ указаніями на скорое повышеніе въ обоихъ случаяхъ. — Можно ли мнѣ смотрѣть теперь иначе чѣмъ со спокойнымъ презрѣніемъ на ту узкоголовую личность, которая была постояннымъ источникомъ смутъ въ гимназіи и о которой я выразился въ Русск. Вѣстн., какъ о „соединяющей съ узкимъ кругозоромъ и тощимъ образованіемъ властолюбивое и злое сердце"? Его давно нѣтъ въ гимназіи, но слѣдовало его удалить оттуда гораздо раньше и придать совсѣмъ инымъ способомъ. — (Директоръ же по моемъ увольненіи относился ко мнѣ заочно такъ, что въ 1876 г. я принялъ редакцію „Игръ Др.").

xx) Теперь лучше, ибо подготовка студентовъ значит. (хотъ и недостаточно) возвысилась.

Посему изучившій мои „Записки" пусть перейдетъ къ изученію наиболѣе доступныхъ книгъ, отмѣченныхъ звѣздочками, а потомъ къ другимъ; дальнѣйшія указанія найдетъ онъ тамъ и безъ меня. Кто сначала усвоитъ науку въ цѣломъ, тотъ получитъ прочное основаніе, на коемъ потомъ можетъ воздвигать какое угодно зданіе. А если бы я вздумалъ съ самаго начала отсылать къ В. Гумбольдту, Корссену, Вестфалю (Метр.) и т. д., скрывая то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ новичкамъ, то меня или совсѣмъ не послушались бы и отказались бы отъ научнаго пути, или — что еще хуже — ограничились бы заглядываніями въ эти книги и превратились бы въ свистунчиковъ. Такъ и дѣлается у иныхъ профессоровъ: каковъ попъ — таковъ и приходъ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда я считалъ необходимымъ указать на такое сочиненіе, которымъ самъ еще не пользовался, то прямо оговариваю (см. оба „перечня сочиненій", гдѣ впрочемъ мои оговорки должно зачеркнуть, ибо вскорѣ по изданіи первыхъ листовъ я сталъ пользоваться, какъ видно изъ цитатъ, и 2-мъ изданіемъ Ausf. gr. Gr. Kühner'a и Kunstformen Schmidt'a; св. того см. „Грам-н." стр. 72 и 76, „Метр." 35 сл. и въ добавл. къ I, 31.33, 55.5, 105.9), или же умышленно, вопреки своему постоянному обычаю, такъ указываю на сочиненіе, что всякому читателю ясно, что была бы излишнею та оговорка, — именно въ I, 97 при абсолютно-необходимыхъ указаніяхъ на Origg. (безъ обозначенія и года и мѣста изданія, и страницы, и только съ намекомъ на названіе сочиненія) и на Ланци (даже и безъ намека на названіе, хотя мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда привести тутъ полнѣйшія цитаты; на стр. 22 я ни объ этихъ книгахъ, ни объ ихъ авторахъ вовсе не упоминалъ, потому что тамъ не было въ томъ необходимости).

Изъ сказаннаго видно, что пріемы мои совершенно противоположны тѣмъ, которые, къ несчастію, чуть ли не преобладаютъ въ нашей „ученой" литературѣ и которые я издавна считаю долгомъ уличать при всякомъ удобномъ случаѣ... Есть ... преподаватели, которые добившись ученыхъ степеней ... непозволительными путями ...., непрерывно хлопочутъ — при столь же поразительной „учености", сколько и при беззастѣнчивости — о томъ, чтобы наполнить міръ своею славою (напр. покупая или вымаливая статьи о себѣ); но не будучи въ состояніи, не смотря на всѣ усилія оригинальничать, ничего новаго придумать, или прямо присвоиваютъ себѣ то, что принадлежитъ другимъ (особенно, если оно еще не было опубликовано), или, чтобы скрыть слѣды, такъ пересказываютъ „своими словами" чужую мысль, что могутъ доходить до утвержденія, что напр. 1+1=1, или разбавляютъ ее обильнымъ потокомъ фразъ, или усиленно отстаиваютъ какую-нибудь старую, всѣми отвергнутую теорію и т. п., или надрываются надъ тѣмъ, чтобы опровергать новую, хотя бы безусловно вѣрную мысль, если только кто нибудь ознакомилъ съ нею русскую публику прежде того профессора и т. п., а иногда въ добавокъ еще, вмѣсто благодарности, очернитъ или оклевещетъ того, кто и такъ уже имъ обиженъ. Такой псевдо-ученый шарлатанъ, не изучивъ и даже не прочтя почти ни одного серіознаго сочиненія, но усердно стараясь пускать пыль въ глаза массами цитатъ, особенно изъ книгъ ученыхъ, рѣдкихъ и дорогихъ, — хотя бы онѣ были написаны на тѣхъ языкахъ, которые „ученому" (lucus a non lucendo!) совсѣмъ не извѣстны, заглядываетъ въ массу книгъ (словно въ справочные словари) только для того, чтобы сдѣлать ссылку на нихъ или выписать изъ нихъ готовыя цитаты, или цитуетъ ученыя сочиненія по журнальнымъ замѣткамъ о нихъ и т. д., а для вящщаго обмана иногда замѣчаетъ, что такого-то сочиненія онъ не читалъ (слѣдовало бы спросить его, да какое онъ читалъ?). Вмѣсто того чтобы на чемъ нибудь сосредоточиться и хоть что-нибудь изучить основательно, онъ берется съ отчаянною смѣлостью почти каждый годъ за изложеніе новаго предмета; но имѣя о немъ лишь самое смутное понятіе, онъ слегка впервые учится ему во время самаго чтенія, а потому излагаетъ малыми порціями, такъ что студентъ оканчиваетъ курсъ, не выслушавъ ничего цѣльнаго, а только кусочки разныхъ предметовъ, и только изъ этихъ кусочковъ держитъ и экзаменъ, а за тѣмъ получаетъ дипломъ или аттестатъ, свидѣтельствующій о знаніи цѣлаго предмета и дающій соотвѣтственныя цѣльному знанію права! Профессоръ, знающій (да и то какъ знаетъ!) лишь то, что уже излагалъ, можетъ немедленно свой курсъ, т. е. свои ученическія упражненія, выпустить съ апломбомъ въ свѣтъ, пересыпая безчисленными цитатами... Разсматривая свое мѣсто исключительно какъ доходную статью и какъ арену для хвастовства своею „ученостью" (!), онъ не только не старается (да и не можетъ) чему нибудь серіозно научить своихъ слушателей, но умышленно пугаетъ ихъ сочиненіями недоступными для нихъ и проходитъ въ молчаніи или оставляетъ въ тѣни тѣ, которыя дѣйствительно были бы полезны и необходимы для новичковъ на поприщѣ науки, основательно разсчитывая на достиженіе двоякой цѣли: 1) чтобы студентъ не занялся ни тѣми ни другими и слѣд. не сдѣлался бы ученѣе своего профессора (который самъ знакомъ съ тѣми трудами преимущественно по наслышкѣ) и не узналъ бы его... пріемовъ и плагіатовъ; 2) чтобы ослѣпить простаковъ колоссальностью своей учености, которая не можетъ снизойти до ссылокъ на труды доступные...— Но пока довольно о такихъ доблестныхъ въ наукѣ мужахъ. Надѣюсь и впредь ихъ съ усердіемъ и помимо преслѣдовать...

Итакъ при составленіи „Записокъ" въ цѣломъ и въ частностяхъ, какъ и вообще въ моей дѣятельности, забота моя была направлена на то, чтобы быть полезнымъ, собственная же личность была отодвинута на далекій планъ. Я не старался ни блистать напускною ученостью, ни выжимать изъ себя оригинальность, а просто хотѣлъ извлечь по возможности весь медъ изъ тѣхъ источниковъ, коими я располагалъ. Если же мой трудъ оказывается, говоря вообще, оригинальнымъ, то это вышло скорѣе вопреки моей волѣ, чѣмъ согласно съ нею. Напротивъ, сколько разъ ради полезности я сильно сглаживалъ оригинальность своего первонач. изложенія, или перерабатывалъ самостоятельно-создавшуюся во мнѣ теорію, хотя и могъ бы ее бойко отстаивать! Сколько разъ я отказывался отъ предъявленія своихъ правъ на открытіе, если другой меня предупредилъ въ опубликованіи (напр. объясн. [illegible] Такъ стр. 33 сл., кое я излагалъ въ классѣ съ 1868 г., а съ Вайдомъ ознакомился только въ 1870). (Донатъ сказ.: Pereant, qui ante nos nostra dixerunt!).

III.

<u>О приложеніяхъ ко „Грамматикѣ" и о новыхъ заглавіяхъ</u>. Подымая въ гимназіи латинскій языкъ, не смотря на преслѣдованія и противодѣйствія, на возможную высоту, я все таки сознавалъ, что ученики не получаютъ еще классич. образованія, и безъ греч. языка чувствовалъ себя на каждомъ шагу стѣсненнымъ даже при научномъ объясненіи лат. языка и римскихъ авторовъ. Потому то я, неустанно но безуспѣшно ратуя за введеніе греч. яз., открылъ въ 18⁶⁸/₆₉ уч. году во внѣклассное время для самыхъ лучшихъ учениковъ болѣе спеціальный (безплатный) курсъ, на которомъ глубже объяснялъ то, чего лишь кратко касался предъ цѣлымъ классомъ, или что тамъ считалъ за лучшее совсѣмъ опустить, <u>впервые</u> познакомилъ съ римскою поэзіею и метрикою (но со 2-аго полугодія сталъ это излагать и на обыкновенныхъ классныхъ урокахъ, о чемъ до меня въ кіевскихъ гимназіяхъ и помину не было), началъ кратко изъяснять нѣкоторые отдѣлы изъ миѳологіи и древностей и т. д. и сверхъ того приступилъ ко греч. языку, сжато излагая его <u>преимущ.</u> какъ пособіе или поясненіе для лат. яз. (также какъ въ классное время я извлекалъ поясненіе изъ русскаго и слав.), однако систематично, т. е. <u>и ради него самого</u>, чтобы ученики, нѣсколько войдя въ оный, не считали его себѣ совсѣмъ чуждымъ и захотѣлись продолжать эти занятія. Въ томъ году успѣлъ я представить краткія свѣдѣнія объ греч. языкѣ вообще, фонетикѣ и изъ этимологіи до глаголовъ. Такъ какъ еще важнѣе для объясненія лат. языка италійскія нарѣчія (напр. изъ нихъ видно, что и во 2-мъ скл. род. ед. и имен. мн. ч. оканчивались нѣкогда на <u>-s</u>, или что перфектныя окончанія <u>-vi</u>, <u>-ui</u> происходятъ отъ √fu, что Jūpiter изъ Jūpater и т. д.): то я извлекъ изъ оск. и умбр. нарѣчій то, что находилъ особенно полезнымъ для научнаго пониманія лат. яз. — Но если греч. яз. я излагалъ <u>преимущ.</u> какъ пособіе для лат., то италійскія нарѣчія <u>исключительно</u> въ этомъ смыслѣ и потому сообщилъ лишь <u>кое-что</u> изъ нихъ. Однако, чтобы дать моимъ отборнымъ ученикамъ болѣе живое понятіе о сихъ нарѣчіяхъ, заинтересовать ихъ ими и извлечь оттуда приманку къ филол. занятіямъ, я представилъ краткія свѣдѣнія о судьбѣ сихъ нарѣчій, объ ихъ отношеніи къ лат., ихъ алфавитѣ, познакомилъ съ facsimile надписей по Unterital. Dial. <u>Момзена</u> и Umbr. Sprachdenkm. <u>Ауфрехта и Кирхгоффа</u>, сдѣлалъ изъ сихъ изданій самую тщательную выборку нѣсколькихъ мѣстъ, представляющихъ интересъ въ какомъ нибудь отношеніи, объяснилъ оныя и сообщилъ лат. переводъ, а мои волонтеры выучили эти отрывки съ переводомъ наизусть (1868 г.). — Ознакомившись въ 1870 г. со <u>Шлейхеровою</u> Indogerm. Chrestom., я сдѣлалъ въ своей статьѣ объ итал. нарѣчіяхъ нѣкоторыя перемѣны и дополненія. Такъ вышло <u>Приложеніе II</u> (стр. 111 сл.).

Въ 18⁶⁹/₇₀ уч. году я намѣренъ былъ значительно расширить свой спец. курсъ, но... мнѣ было запрещено продолжать оный даже въ маломъ видѣ, чтобы не отвлекать учениковъ отъ „полезныхъ" занятій; оставались безуспѣшными всѣ мои хлопоты ввести греч. яз. и какъ обязательный и даже какъ необязат. предметъ, преподаваніе котораго я бралъ на себя безмездно... Наконецъ, стѣсненный до крайности и другими мѣрами, и чувствуя себя въ той средѣ, куда .... οὐδέ ποτε ....

Ἠέλιος φαέθων καταδέρκεται ἀκτίνεσσιν, ... ἀλλ' ἐπὶ νὺξ ὀλοὴ τέταται δειλοῖσι βροτοῖσιν (Odyss. XI, 16. 19),

я подалъ 17 (н. с.) сентября 1870 г. прошеніе объ увольненіи, что и послѣдовало лишь 28 (16) августа 1871 г., черезъ 3½ мѣсяца послѣ того какъ мои супостаты были на голову побиты, а меня стали превозносить за то самое, за что прежде преслѣдовали (см. выше, стр. 78).

Я намѣренъ былъ (см. Предисл.) помѣстить въ <u>приложеніяхъ</u> то, что излагалъ о греч. и объ италійскихъ языкахъ. Но скоро пришелъ я мало по малу къ убѣжденію, что полезнѣе будетъ непрерывно приводить для лат. яз. параллели изъ греч. (какъ и изъ слав.), что я и сдѣлалъ, начиная съ 6-го листа „Граммат." (отъ стр. 41) и особ. въ этимологіи. Но такъ какъ это не было сдѣлано съ первыхъ листовъ (если не считать нѣсколькихъ отрывочныхъ сравненій): то греч. грамматика осталась у меня какъ бы безъ начала; потому то я въ <u>I-мъ Приложеніи</u> (стр. 109 сл.) помѣстилъ только статью о Грекахъ и ихъ языкѣ вообще, о звукахъ и буквахъ и объ интонаціи. „Метрика" тоже вездѣ сравнивается съ греческою.

Сообразно съ измѣненіями въ цѣляхъ, въ планѣ и въ характерѣ моей работы, я даю ей и иное названіе: „Филол. Записки. Ч. I. Опытъ научной лат. грамм. сравн. съ греч. и слав.; Ч. II. Опытъ научной римск. метрики сравн. съ греч." Называю эти труды „Опытами" уже потому, что <u>вынужденъ</u> былъ издавать оные, прежде чѣмъ имъ придалъ окончательную обработку. Въ этомъ заключается и отвѣтъ тѣмъ, которые меня упрекали за то, что я ихъ литографовалъ, а не печаталъ. Я держусь того мнѣнія, что въ печать должно выступать лишь съ произведеніями вполнѣ отдѣланными и притомъ не раньше какъ по изученіи <u>всѣхъ</u> прежнихъ работъ имѣющихъ какое-нибудь значеніе, а я далеко не могъ считать себя исполнившимъ оба эти условія. Знаю, что многіе изъ нашихъ т. наз. ученыхъ выступаютъ въ печать, имѣя на то гораздо менѣе правъ, чѣмъ я имѣю (см. напр. выноски въ Ч. 1-ой на стр. 62, 78, 85, 104 сл. и въ „добавл.", напр. къ I, 17 и 18 и пр.); но чѣмъ строже относишься къ другимъ, тѣмъ безукоризненнѣе долженъ дѣйствовать самъ.

Не исполнилась и моя надежда (см. Предисл.) получить замѣчанія, кромѣ нѣсколькихъ, сдѣланныхъ устно на 1-ую главу „Грамм." М. А. Тулбвымъ (кои дали мнѣ поводъ сдѣлать добавку къ I, 5. 3 сн.), краткаго замѣчанія учителя П., что греч. inf. (стр. 105) объясненъ сжато до неясности (что теперь исправлено въ добавл.) и учит. Ю., что 3-ю главу „Метрики" желательно пополнить примѣрами (что отлагаю до 2-го изд.); я не принимаю въ разсчетъ заявленій о томъ, что эти руководства слишкомъ обширны и учены для гимназистовъ, — что я и самъ знаю. — Для послѣднихъ я намѣренъ напечатать краткую „Метрику". Прошу друзей науки сообщать мнѣ свои замѣчанія, чтобы я могъ ими воспользоваться при 2-мъ изданіи, воздавши, разумѣется, suum cuique. — 2-ое изданіе, въ коемъ, вѣроятно, скоро окажется надобность, разсчитываю сдѣлать тоже литограф., но болѣе четкимъ.

IV.

Внѣшній видъ, добавленія и поправки, орѳографія. По мѣрѣ увеличенія содержанія, я старался какъ бы сжать оное въ изложеніи и въ письмѣ. Кромѣ наклонности моей ко краткости и желанія дать менѣе простора лживому языку моихъ „пріятелей", здѣсь было и экономическое соображеніе. Такъ какъ всѣхъ экземпляровъ было только 200, изъ коихъ безъ малаго половина разобрана по первонач. подписной, весьма малой, цѣнѣ — 1 р. (часть роздана безплатно, почти лишь по окончаніи Грамм., и еще небольшая часть по возвышавшейся съ годами цѣнѣ до 1½, 2, 2½, 3 и 4 р.) [см. стр. 84 и IV-ю], то продолжая писать тѣмъ почеркомъ, какимъ началъ, я бы наполнилъ болѣе 40 листовъ, что было бы очень убыточно. Впрочемъ писалъ я такъ тщательно, что въ томъ видѣ, какъ рукопись у меня выходила изъ подъ пера, самыя мелкія и густыя мѣста читались безъ малѣйшаго затрудненія; но при литографированіи рукопись всегда болѣе или менѣе (смотря по различнымъ обстоятельствамъ) расплывается и вообще портится; нѣкоторыя же мѣста и страницы такъ испорчены (напр. ч. I, стр. 64, конецъ стр. 72-й и пр.), что я вынужденъ теперь вновь написать тоже (см. доб.). Въ этомъ одинъ видъ „добавленій и поправокъ". Здѣсь я позволю себѣ дать также совѣтъ желающимъ изучать мои руководства: навести чернилом на всякой буквѣ и черточкѣ, вышедшей не вполнѣ отчетливо (особ. на стр. 74 сл., 112); кто разъ это сдѣлаетъ, тотъ будетъ имѣть потомъ возможность читать свободно и безъ непріятностей.

Продолжая заниматься своимъ предметомъ и углубляться въ оный, я снабдилъ свой ручной экземпляръ многими дополненіями и поправками. Часть оныхъ я прилагаю ко 2-й части. Нѣкоторыя изъ нихъ разрослись въ длинныя монографіи, особ. о склоненіи, о сатурн. стихѣ, такъ что я нахожу необходимымъ напередъ опубликовать таковыя отдѣльно и ужъ потомъ результаты оныхъ помѣстить въ „Запискахъ" (ср. доб. къ I, 61.30, 64, 69, 42 сл., 70–72, 101.9 сн., къ II, 28, 46). Все, что есть у меня на поляхъ, войдетъ въ текстъ 2-го изданія (кромѣ упомянутыхъ монографій, ибо онѣ далеко вышли изъ полей*) — Пока это — 2-й видъ „доб. и попр."

Третій видъ составляютъ описки, происшедшія отъ того, что окончательную форму своей работѣ часто давалъ я во время самой переписки. Кто знаетъ, сколько терній есть при изложеніи грамматики и метрики и какъ при томъ трудно писать мелко и четко т. наз. химическою тушью, тотъ скорѣе будетъ удивляться не тому, что подъ перо подкралась какая ниб. ошибка, а тому, что ихъ все таки такъ мало, т. е. меньше чѣмъ во многихъ книгахъ опечатокъ, хотя тамъ каждый листъ выходитъ послѣ нѣсколькихъ корректуръ. Въ то самое время какъ я не просто переписывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и создавалъ, мысли мои непрерывно отвлекались заботою о четкости и о способахъ справиться съ тушью, которая то расплывается, то не пишетъ, то излишне черна, то блѣдна, черезъ что буквы могутъ на камнѣ или слиться или не оттиснуться, и т. д. [Ср. стр. 84]. Къ сему добавлю, что издавая довольно поспѣшно первые листы (7+4) ко дню впередъ назначенному для раздачи каждаго изъ нихъ и занятый по горло гимназичными обязанностями, я или вовсе не прочитывалъ переписанныхъ тушью листовъ, или ограничивался бѣглымъ просмотромъ; да и исправленіе такой рукописи весьма затруднительно. Увидѣвъ потомъ случайно описки, я тщат. исправилъ весь свой экземпляръ и болѣе важныя изъ нихъ помѣстилъ выше въ „доб. и попр.", опуская однако тѣ, которыя легко могутъ быть исправлены каждымъ изъ моихъ читателей (напр. I, 2. 1 филологовъ, или если опущена запятая, или не закрыта вставка второю скобкою и т. п.); на пропускъ (весьма рѣдкій) въ обозначеніи долготы греч. или лат. звука, я указываю только въ томъ случаѣ, если то же слово не встрѣчается гдѣ-ниб. въ сосѣдствѣ правильно-написаннымъ. Но я долго колебался, обозначать ли въ стихахъ природную долготу звуковъ: тамъ часто она не отмѣчена.

Четвертый видъ ошибокъ состоитъ въ неправильныхъ ссылкахъ на тѣ главы и параграфы, которые во время переписки даннаго мѣста еще не были отлитографованы. Это произошло вслѣдствіе объясненнаго уже расширенія моей работы и измѣненія плана сравнит. съ прежними записками (см. выше, стр. 77 сл.), по коимъ я дѣлалъ ссылки. Добавлю, что первые листы обѣихъ частей выходили параллельно.

— Еще объ орѳографіи. До сихъ поръ я не привелъ въ исполненіе своего намѣренія высказаться въ печати о необходимости реформъ въ нашемъ правописаніи, особ. въ передачѣ греч. и лат. словъ*). Впрочемъ, въ покойномъ „филолог. кружкѣ", который я пытался было основать въ Кіевѣ въ сент. 1873 г. съ нѣсколькими учителями изъ Австріи (но который распадался съ самаго начала, а продержался нѣсколько мѣсяцевъ — менѣе 6 — только вслѣдствіе моихъ неимовѣрныхъ усилій), я читалъ объ этомъ двѣ довольно обширныя статьи: „Dē vōcibus gr. et lat. in nostrum sermōnem petītīs" и „Quae sint prāva et incommoda in scrībendī ratiōne Gr., Rōm., Russōrum", cet. — Участники, одобривъ вполнѣ эти статьи въ теоріи, сочли себя въ правѣ лишь малую часть предложенныхъ реформъ осуществить на практикѣ. У насъ въ письмѣ вообще и особ. въ письмѣ и произношеніи греч. и лат. словъ такъ много неправильностей и произвола, что необходимо регуловать это дѣло. Кого коробитъ все, что фальшиво, кто стремится во всемъ къ истинѣ и правдѣ, кто преданъ наукѣ, тотъ необходимо долженъ стать моимъ союзникомъ въ семъ дѣлѣ. Я строго опираюсь на науку и на геній языковъ и отвергаю то, что ненаучно и ложно и что наложено невѣжествомъ въ качествѣ клейма на нашу рѣчь и наше письмо. Самъ по себѣ я лишь отчасти могу слѣдовать своей же теоріи; но если дѣлаю уступки ūsuī tyrannō, то съ прискорбіемъ, и уже ни въ какомъ случаѣ не стану изъ-за него съ подкожнымъ жаромъ ломать копья, какъ поступаетъ г. Модестовъ въ предисл. къ 1-му курсу „Лекцій", очевидно, по крайне мизернымъ мотивамъ... Такъ онъ (якобы) надсаживается, во имя консерватизма, противъ Вергилія, Гелленовъ (по моему, Hellēnовъ), а въ то же время поправляетъ другаго, пишущаго (консервативно) Кай вм. Гай, и вводитъ разныя нелѣпыя новшества въ письмо, въ родѣ Дасьэ вм. Дасье. Сей „филологъ", желающій считаться докою и въ фонетикѣ, очевидно, и понятія не имѣетъ о томъ, что Дасьэ = Дасе, т. е. какъ первые два слога въ словѣ досѣмъ (см. мою „Грамм.", стр. 29 съ доб.), тогда какъ франц. Dacier произносится Дасьjэ или Дасье**). Но его логика, знанія и пріемы таковы, что достаточно здѣсь повторить то, что я замѣтилъ о немъ во 2-й изъ упомянутыхъ лат. статей: omnia ējus verba nē assis quidem faciō (Comm. Circulī philolog. Kijevie[n]sis, p. 44***).

*) Теперь это отчасти исполнено: см. безъ-Букера Игры Древнихъ, стр. II–VII и XX сл. м. объ „Экзаметръ" см. Игры Др., стр. XXIV.

**) О „Саллустіи" см. выше, стр. 49.

***) Эти „Комментаріи" я изданъ въ 4-й ч. „Записокъ", а потомъ передалъ рукоп. книги въ учив. библ.

V.

Въ **заключеніе** не могу не выразить горячаго желанія, чтобы трудъ мой оказалъ содѣйствіе къ осмысленному и научному изученію познанію грамматики и метрики въ нашемъ отечествѣ, гдѣ таковаго знанія почти нѣтъ, натолкнулъ возможно большее число лицъ на занятія сими предметами и оказалъ вліяніе на гимназичное преподаваніе... Но тутъ же трудно мнѣ не сказать съ тяжелымъ чувствомъ, что изъ того гимнасія, въ которомъ уже было установлено такое изученіе — и установлено цѣною тяжкой борьбы и траты силъ и физик- — тщательно изгоняли послѣ меня мои „Записки" и **переучивали** моихъ же учениковъ; вмѣсто раціональной метрики возстановлена старая безсмысленная, да и та въ какомъ жалкомъ видѣ и объемѣ! (впрочемъ, можетъ быть это и лучше, что съ чепухою лишь слегка знакомятся, такъ что ученики ея почти не знаютъ); [Безобразіе этого поступка выступало еще рѣзче чрезъ то, что въ тоже время дир. II гимн. сталъ учить по моей Метр." и сказалъ это ученикамъ.] Знаніе и соблюденіе долготы и краткости, введенное мною во **всѣ** классы, т. е. и въ тѣ, гдѣ я не преподавалъ, теперь совершенно забыто: оно сначала было изгнано невѣждою-учителемъ (недавно умершимъ) — въ облегченіе себѣ и въ угоду моимъ „пріятелямъ" — изъ 6 и 7 классовъ, едва помнилось года два тому назадъ въ 5-мъ, немножко лучше держалось въ 4-мъ и 3-мъ и сносно сохранялось только въ 1-мъ. Какой извращенный порядокъ! (Ср. „добавл." къ I, 24, 5-8 сн.; 34, 4 сн. 39, 5 сн.; 52, 11 сн. и 2 сн.; къ II, 2, 10). Къ тому же въ гимназіи, получившемъ извѣстность солидностью и серiозностью ученія и строгостью оцѣнки знаній и успѣховъ, мало по малу дѣло дошло до того, что учителя пустились чуть не въ запуски насчетъ того, кто больше наставитъ четверокъ и пятерокъ, что всегда неизбѣжно ведетъ къ пониженію уровня учениковъ... Подобное случилось, сколько могу судить, чуть ли не вездѣ. Отчасти тутъ виноваго новыя правила, запрещающія допускать къ экзамену даже послѣ вакацій тѣхъ, кои въ году имѣли въ среднемъ выводѣ менѣе 3. Это строгое требованіе повело совершенно не къ тому, что ожидалось авторами онаго. Вредно также судить исключ. по письм. отвѣтамъ.

Но что можетъ быть извращеннѣе того, какъ осмысленное и правдивое ученіе вмѣнять въ вину и требовать безтолковаго и ложнаго? А такъ поступаютъ многіе и между прочимъ отживающіе филологи и quasi-филологи и „любители" старой школы (см. Предисл.), позволяющіе себѣ смѣло судить и рядить о томъ, чего не разумѣютъ... Они просто не хотятъ, чтобы другіе знали то, чего сіи „знатоки" не знаютъ. Толкуютъ иногда и они объ отсутствіи у насъ самостоятельности во всемъ и въ тоже время сами подавляютъ всякую жизнь, всякій проблескъ самодѣятельности и не допускаютъ ни малѣйшихъ отступленій отъ той рутины, которая у Нѣмцевъ хотя и вымираетъ, но еще **не окончательно** вымерла... Что за рабомліе!... (20 декабря н. ст. 1875). [См. стр. 77 вын.].

Но на эту тему можно было бы говорить слишкомъ много. Скажу одно, что то, къ чему я стремился, почти съ каждымъ днемъ усиливается теперь въ Европѣ. Такъ, въ только что полученной мною книгѣ проф. **Шанье** (**Chaignet**, Théorie de la décl., Paris, 1875) я съ восторгомъ прочелъ массу тѣхъ самыхъ мыслей, которыя я неустанно проводилъ въ 1868–1871 годахъ и устно и во множествѣ оффиц. бумагъ и печатно, но для которыхъ уши невѣждъ были заперты. Вся разница между нами лишь въ томъ, что онъ, увлеченный значеніемъ раціон. изученія грамматики, идетъ дальше меня, и идетъ, по моему убѣжденію, дальше чѣмъ слѣдуетъ. Для него „нѣтъ сомнѣнія", что изученіе грамматики въ гимнасіяхъ должно стать сравнительно-историческимъ и раціональнымъ и замѣнить собою теперешній „сухой и отвратительный механизмъ"; вполнѣ справедливо утверждаетъ онъ (что я тысячу разъ высказывалъ и на дѣлѣ проводилъ и провожу въ своемъ преподаваніи, см. Предисл. къ 1 ч.), что изученіе грамматики должно быть не только **средствомъ** къ пониманію поэтовъ и ораторовъ, но и цѣлью по ней самой, что языкъ стóитъ того, ибо „самое удивительное изъ образцовыхъ произведеній писателей все таки менѣе удивительно, чѣмъ самый языкъ, которымъ оныя написаны"; справедливо и глубокомысленно доказываетъ онъ, что механическая система изученія грамматики убиваетъ мыслительныя силы, а не развиваетъ ихъ. Такъ должно изучать грамматику, чтобы языкъ какъ бы **возсоздавался** и чтобы **все** въ немъ было уяснено: такимъ способомъ развивается и укрѣпляется разумъ, получая пищу истинную и естественную. Столь же вѣрно замѣчаетъ онъ, что такое преподаваніе должно быть устнымъ; этого правила и я держался, особ. въ исторіи формъ: Записки мои должны были служить собств. для повторенія и укрѣпленія въ головѣ того, что было устно разъяснено (см. ч. I, стр. 3 и 65 вын. и въ ч. II стр. 55. доб. къ I, 65, 1 сн.). Вполнѣ вѣрно говоритъ онъ также, что **такое** преподаваніе можетъ увлекать учениковъ: я это испыталъ много разъ и продолжаю испытывать. Но мнѣ пришлось бы почти цѣликомъ выписать предисловіе г-на Шанье, если бы я захотѣлъ перечислить все то, въ чемъ онъ сходится со мною. Замѣчу лишь, что во Франціи онъ теперь только разрѣшаетъ заданный себѣ вопросъ о возможности такаго преподаванія, а я ужъ много лѣтъ тому назадъ не только разрѣшилъ оный, но и рѣшеніе съ полною увѣренностью три года приводилъ въ исполненіе. Это было не экспериментомъ, а сознательнымъ и твердымъ шествіемъ въ знакомой области. Шелъ однако я воздержнѣе чѣмъ идетъ Шанье: такъ онъ повидимому чтеніе авторовъ желаетъ отодвинуть на второй планъ, тогда какъ у меня они были на первомъ; или онъ, напримѣръ, всюду проводитъ сравненіе съ санскритомъ, тогда какъ я санскрита лишь изрѣдка касался и старался избѣгать даже этого слова (см. доб. къ I, 40, 19 сн.). Впрочемъ и до Шанье высказывали между Французами болѣе или менѣе подходящія желанія о реформѣ обученія въ лицеяхъ и коллегіяхъ (гимнасіяхъ) такіе ученые, какъ **Egger** (Notions), **Bréal** (Discours d'ouverture du cours), **Brachet** (Gramm. histor.). — Началось это стремленіе ранѣе у Нѣмцевъ (**Curtius**, **Schweizer-Sidler** и мн. др.); но Нѣмцы идутъ langsamer. Впрочемъ см. въ Ж. М. Н. Пр. 1875, № 9 отд. класс. фил., статью **Ф. Гельбке** „О примѣненіи результ. сравн. языкозн. къ препод. древн. яз. въ гимн.", особ. отзывъ Мейе.

Еще гораздо раньше чѣмъ возникло сравнительно-историческое языковѣдѣніе, мыслящіе и ученые педагоги чувствовали потребность въ „общей или философской грамматикѣ", хотя весьма долго она находилась на ложной колеѣ. Великій языковѣдъ **А. Ф. Поттъ** въ выходящемъ нынѣ выпусками трудѣ „W. v. Humboldt u. Sprachw.", стр. XC и сл. справедливо говоритъ, что общая грамматика „со своей стороны помогла намъ выбраться изъ отвратительнаго пребыванія въ гнилой и удушливой атмосферѣ (versumpfung u. verdumpfung), въ коемъ грамматика, т. е. прежде — почти исключительно латинскаго языка, предъ блескомъ коей меркли всѣ прочія, должна была такъ долго жить и чуть не задохлась". Требовалось, продолжаетъ онъ, встряска старой эмпиричной грамматики, погруженной въ летаргію. Жизнебудителями послужили общее и сравн.-истор. языковѣдѣнія. Какъ за ни тяжело было классич. филологіи, какъ существенно-традиціонной наукѣ, она должна была подвергнуться этой операціи. Долгое упорство ея объясняетъ Поттъ закономъ инерціи (trägheit) и недовѣріемъ къ неизвѣстному новому. — Но теперь, скажемъ мы, это новое стало уже старымъ. — Онъ думаетъ, что введеніе всеобщей грамматики — вмѣсто ли логики или въ связи съ нею — въ высшіе классы гимназій окажется полезнымъ и указываетъ на многія прежнія попытки такаго рода, напр. **Фр. Авг. Вольфа**, **Сильвестра де Саси**, **Фатера**, **Бернгарди**, **Нимейера** (и др.).

Мое правило — требовать отъ **всѣхъ** учениковъ знанія и соблюденія **долготы** во **всѣхъ** словахъ, — безъ чего изучается не настоящій латино-латинскій яз., гибнетъ ритмъ и прозы и поэзіи и пр. (см. ч. I, стр. 2, 52 и 54) [ср. „Игры Древн.", посвящ. стр. д и предисл. стр. XX сл.], — теперь также пріобрѣтаетъ себѣ право гражданства въ Германіи. Отзывъ **Латтмана и Мюллера** см. въ „доб." къ I, 52, 1 сн. [ч. II, стр. 54]. — **Шмидъ** и пр.

Наконецъ, раціональная метрика тоже болѣе и болѣе прочищаетъ себѣ путь за границею. Всѣ современные **ученые** метрики стоятъ на новой стезѣ (см. „доб." къ II, 2, 34 и 9, 31.); учебникъ **Шмидта** переведъ въ сокращеніи на чешск. яз. (при переводѣ лат. грамм. **Gossrau**'a).

Словомъ, могу сказать — и конечно съ гордостью и удовольствіемъ — что тѣ стремленія и задачи, которыя я имѣлъ, болѣе и болѣе одерживаютъ верхъ надъ рутиною въ цивилиз. мірѣ; они сокрушаютъ препятствія, ихъ сила растетъ съ каждымъ днемъ, ихъ близкое торжество несомнѣнно. Мужи мысли и науки на моей сторонѣ (см. стр. 78 сл.)...... Преподаваніемъ своимъ я опережалъ Европу (ибо тамъ лишь кое гдѣ устанавливается то, что было у меня прочно установлено), но она съ каждымъ днемъ меня подтверждаетъ и одобряетъ..... Казалось бы, такаго рода дѣятельности должно бы было видѣть мою заслугу.... Да, такъ судили бы въ болѣе цивилизованной средѣ..... — Но со Скизами я еще далеко не покончилъ счетовъ.... А. Ш.

20 янв. (н. ст.) 1876. [Окончена перепиcка 15/3 окт. 1878]. (См. стр. 77).

Прибавка къ „добавлен. и поправкамъ" и къ „эпилогу" (ч. II, стр. 43-83).

къ **43**, 11 (т.е. къ I, 2,5) прб.: Окончено въ 1876 г. въ 2 томахъ: 1-й т. (стр. I-CCCCXXI) есть введеніе Потта подъ назван. „Wilh. v. Humboldt u. d. Sprachw."; 2-й т. заключаетъ трудъ В. Гумбольдта (стр. 1-422) и примѣчанія Потта (стр. 423-544).
19 (т.е. I, 2, 37) прб.: 2-er bd. Lpz. 1876. 26. вкл.: Бѣлявскій сблизилъ слав.-русскую граммат. съ греч. и лат., напр. подвелъ слав. имена подъ тѣже 3 склоненія, на кія дѣлятся греч. имена, т.е. сдѣлалъ въ 1875 г. то, что я проводилъ въ своемъ преподаваніи съ 1868 г. и въ своей „Грамм.", литографированной въ 18⁷¹/₇₂ г. Впрочемъ незамѣтно, чтобы онъ ею пользовался. Книжка Б-го показываетъ значит. прогрессъ въ сравненіи съ прежними слав. и русскими грамматиками, но все таки съ большими недостатками (ср. выш. въ „Грамм." стр. 78, 81, 85, 93, 105. и доб. къ I, 42, 11; 60, 26; 70, 32; 78, 53; 85, 1 сн.).
30. вкл.: M. Bréal, Les Tables Eugubines. Texte, trad. et comment. avec une gramm. et une introd., съ фотограв. атл. Par. 1875. — Цвѣтаевъ, Осскія надписи съ лат. перев. и глоссар. и Грамм. Осск. яз. К. 1877 (Ун. Изв." 1-9), стр. VI+IV+124+140. Симъ солиднымъ (хоть и не безупречнымъ, см. внизу сей стр.) трудомъ г. Цв. далеко шагнулъ отъ прежней ея статьи о лат. скл. (о кой я высказался въ „доб." къ I, 55, 4 сн.). Эта статья есть чисто ученическая компиляція: тутъ вездѣ видно, что авторъ — новичекъ въ излагаемомъ имъ предметѣ, что онъ робко, точно ощупью бродитъ въ темной и незнакомой области, или, говоря проще, онъ только учится и составляетъ для себя — и для публики — конспектикъ изъ читанныхъ книгъ; нѣкоторые изъ цитуемыхъ трудовъ онъ собств. не изучалъ и даже не читалъ, а только просматривалъ по мѣстамъ (напр. Боппа) и притомъ слишкомъ поздно, когда уже часть статьи была отпечатана. (Кто хоть немножко понимаетъ дѣло, не можетъ безъ усмѣшки сожалѣнія читать похвалы г. Модестова сей статьѣ, — разумѣется, голословныя — въ Ун. Изв." 1876, №1. Сему „ученому" достаточно было для похвалъ получить отъ автора фотограф. снимки, да увидѣть въ статьѣ обиліе цитатъ...). Впрочемъ при скудости нашей фило(л). литер. и эта компиляція полезна, однако можно упрекнуть автора, что онъ пишетъ и печатаетъ, весьма недостаточно поучившись. Для знакомаго съ этою статьею ясно, что г. Цв. приступилъ и къ новому труду хоть съ неср. большею, но все таки съ недост. подготовкою, т.е. что онъ писалъ сочиненіе почти одновременно съ изученіемъ осск. нарѣчія: отсюда мало самостоятельности, промахи и шаткость иныхъ мнѣній. Впрочемъ, теперь онъ уже освоился и сжился съ этою сферою. Трудолюбіе и рачительность автора даютъ нынѣ возможность повторить съ гораздо большею рѣшительностью ту надежду, которую я осторожно выразилъ въ 1875 г. (см. стр. 77). Ср. ниже къ II, 57, 3 сн. и 63.
— М. А. Тиховъ, Обозрѣніе мнимыхъ категорій; объ элемент. звукахъ челов. рѣчи, и др.
43. прб.: 1-й вып. вышелъ въ 1877 (Изданіе 2-го и 3-го замедлилось не по моей причинѣ). См. Тамъ стр. XXIII сл.: Ср. Зап. II, 82.
— (къ I, 4, 35.: Чтобы уберечься отъ зложелат. толкованій, я въ строкѣ 34-й подчеркнулъ слово вась: но и этого не всегда достаточно)

44, 4. по „дѣятельности" вкл.: Ср. Pott, W. Humb., s. LXXV-LXXXV.
45, 12 прб.: 2-й и 4-й томы въ 1876. 12. сн. прб.: Также на стр. 49. М-ъ увѣряетъ, что лат. языкъ [не письмо!] до Эннія не зналъ удвоенія.
47, 19 сн. прб.: Ср. къ I, 34, 4 сн. [47, 4 сн.] и 39, 5 сн. [52, 4 сн.] См. стр. 83 во 2-й ч. — О важномъ значеніи фонетики см. Pott, l. c. p. CLXII.
48, 9. сн. — Къ сожалѣнію, я поздно и случайно узналъ, что въ „Опечаткахъ" это мѣсто немножко исправлено, т.е. прибавлено словцо „между". Я и не воображалъ, что „опечатки" пріютились тамъ далеко отъ „Доп. и Испр." — Но и это д. б. такая же „опечатка", какъ см. II, 75, 8 сн.
49, 1. по „стр. 29" вкл.: съ доб.; ср. II, 82. кнц. 2. вн. „б-го" ч.: великорусско-семинарскаго 15. сн. прб.: См. Игры Др.", стр. XXI.
54, 20 сн. (къ I, 59, 6 сн.) прб.: О нераціональности нѣкоторыхъ граммат. терминовъ см. Pott, l. l. XCIX-CIII. (къ I, 60, 26) прб.: (Miklosich, IV, 24).
55 (къ I, 65, 1 сн.) прб.: См. „Эпилогъ", стр. 77 сл. и 83. (къ I, 66, 10) прб.: и вѣроятно всѣ отвлеч. имена на -тъ: бытъ, трепетъ—; ср. strepitus.
56, 21. вкл.: Bréal, Tab. Eugub. p. 342. Ср. доб." къ I, 112, 61. 10 сн. прб.: Ср. къ I, 82, 35.
57, 3 сн. прб.: Напрасно г. Цвѣтаевъ и тутъ и въ „Осской Грамм." (стр. 121) заявляетъ какъ фактъ, что nom. pl. 1 и 2 скл. въ лат. и греч. образованъ поср. суфф. -i: таковаго въ nom. pl. не было ни въ одномъ индоевр. яз. — Мнѣ и то, будто въ области лат. род. п. вторая мѣстн. (стр. 107).
60 (къ I, 78, 33). Для полной параллельности съ лат. примѣромъ зач.: „пар". (къ I, 78, 53) доб.: Даровитый и плодовитый Ф. Вестфаль, кого разносторонность не можетъ однако оставаться безъ ущерба для его работъ (ср. доб. къ I, 85, 1 сн.), переселившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москву, представилъ въ „Р. Вѣстн." 1875 (№ 11 ?) новую теорію русскаго глагола, въ основѣ сходную съ тою, кая у меня изложена. Иные его выводы опрометчивы, напр. объ исконной древности фор. нъ боги, богъ (см. 3я-31).
61 (къ I, 86, 60) прб.: Поттъ l. c. p. CCLIII. считаетъ суфф. 2 и 3 л. тожественными. (къ I, 87, 60): Критику теорій Шлейхера, Курціуса и др. см. у Д. Б-ва въ ЖМНПр. 1875, № 12, отд. кл. ф., стр. 92-99. — По Потту l. c. возвр.-страд. окончанія возникли изъ дѣйств. поср. подъема глас.
63, 20 (къ 109, 1 сн.) прб.: стр. 81. 29. ч.: низшій 38. ч.: V(ibius) 40. ч.: такъ какъ 42 сл. ч.: V(iibiis) 44 ч.: Púmpaiians, trííbúm
49. по „XXXIV, 2, 28)" вкл.: Bruppacher (Lautlere, s. 28, 60, 81, 87), Цвѣтаевъ (Осск. надп. стр. 7 и 73. Грамм. 136; ср. стр. 65 и 133)
51. зач.: „eestaíent", а вм. того д. б.: ee-sta-í-nt (cf. 3. sg. opt. sta-í-t, послѣднее слово въ томъ же памятникѣ), а это вм. ee-sta-ie-nt (cf. sta-ie-(n)t въ Cipp. Abell., v. 57). 52. кнц. прб.: На основаніи разницы въ формахъ -stint и staie(n)t мы заключаемъ, что въ осск. было отъ √sta два глагола, съ основами sta- и stā- (= staja-), или 3 и 1 спр., т.е. съ первоб. формами stā-mi и staja-mi, съ разнымъ значеніемъ — „стать" и „стоять", под. тому какъ въ лат. есть (si-)ste-re (греч. ἵ-στα-ναι) и sta-re. При такомъ объясненіи форма -stint не представитъ ничего страннаго (ср., кромѣ указанныхъ формъ, лат. dem и duim изъ daim, edim, velim, саб. pedí = лат. pendēt, т.е. pendat). Глагольную же основу stí = лат. sta-" (стр. 73. Цв.) нужно передать въ область сказокъ. Въ особенности говоритъ за наше толкованіе смыслъ, кій, очев., есть таковъ: „да возстанутъ (т.е. да воздвигнутся) сіи алтари" такимъ-то богамъ. Optativus подтверждается и аналогіею желат. выраженій той же доски „sakahiter" (A. 19, т.е. sacretur, sanciatur) и „staít" (B. 23) и другой надписи stahínt и stahint (№ 32. Цв.). Но къ моему удивленію и эти всѣ формы выдаются у г. Цвѣтаева, вслѣдъ за цитуемымъ имъ Bugge (Сборн. стр. 7, 8, 14, 113; Гр. 135 и пр.) за изъявительныя. Но какъ же въ так. случаѣ согласить ихъ съ одной стороны съ pr. ind. faamat, imper. deivā-tud, pf. prúfatted, fut. deivā-st, censā-zet и страд. pr. ind. sakarā-ter, fut. II. comparā-scuster, а съ другой ст. съ желат. tadait, deivaid? Почему staít есть, наперекоръ смыслу и очевидности, изъяв., а tadait желат.? Замѣчаніе, что staít и т. п. будто бы соотвѣтствуетъ лат. 2-му спр., не правильно; ибо 1) оно и не похоже на то; 2) 2-е спр. есть ничто иное какъ фонет. модификація 1-го (см. въ моей „Грамм." стр. 90 сл.), и 3) мудрено что-то, чтобы осск. нарѣчіе выбрало себѣ въ чуть не единственнаго представителя 2-го спр. именно (въ pr. ind.) глаг. отъ √sta. — Умбрійскія формы, какъ stahitato (Bréal, l. c. pp. 174, 184), также не могутъ подорвать нашего толкованія. — Кстати, г. Цвѣтаевъ грубо ошибается, воображая (Гр. стр. 42 и 139, но съ противор. на стр. 137), будто окончаніе -st въ буд. I и II (deivā-st, fu-st) произошло изъ praes. conj. (opt.) -sit, -siet. Долгій и харак. суфф. жел. наклоненія -ī, -iē никакъ не могъ пропасть (см. мою Грамм." стр. 97 вын.) Здѣсь изъяв., какъ въ умбр. и греч. (и Грамм." стр. 99 и 112).
53. прб.: Heinr. Bruppacher Versuch e. Lautlere d. osk. Spr. Zürich. 1869. — Цвѣтаевъ и Бреаль см. выше къ II, 43, 30. 1 сн. ч.: осск. ĺíg-is, умбр.
64, 12. прб.: Al. Döllen, Doctrinae metricae Summarium. Petrop. 1876. pp. 14+139. 22. прб.: стр. II-VII и XX-XXIV. Ср. выше къ II, 43, 43.
28. прб.: Ср. доб. къ II, 5, 33. 33. прб.: Christ Metr. s. 401-4. 36. прб.: см. „Игры Др." XXI и XXVII. 52. ч.: Huschke 56. прб.: По однимъ резонамъ съ нами и Бреаль призналъ здѣсь imper.; но его переводъ отличается отъ нашего, и съ пробѣлами: terrēto, tremefacito, —, —, —, prōpellito, profugato (= previlatu, Tab. VI) или devincito (= previślatu, Tab. VII, хотя они тожеств.!): pp. XLVII, 21, 189 sq. 211.
65, 23. Однако отнюдь нельзя ставить на одну доску А. М. и В. М.: первый есть серіозный ученый, второй — фельетонистъ.
71, 7. сн. Не должно впрочемъ думать, чтобы для того требовались какія-нб. великія познанія или особая усидчивость; но — тѣмъ хуже. См. о Мод-ѣ доб. къ I, 4, 51; 17, 32; 18, 10; 22, 20; 23, 1 сн.; 31, 33; 69, 23; 71, 62; 78, 35; 97, 14 сн. и 1 сн.; къ II, 2, 34; 5, 33; 6, 26; 19, 43; 28, 46; 43, 30; 45, 12; 48, 9. сн.; 65, 23; ср. Эпилогъ, стр. 78, 80, 81, 82. и „Игры Др." стр. XXIII-XXVI; также статью г. Верта въ Ж. М. Н. Пр. 1876, № 5.
77, 13. по „№ 4" вкл.: за буквами θ. V.: но я разрѣшалъ и полную подпись. **79**, 9 сн.: Но въ послѣдніе годы онъ былъ почти безполезенъ.
80 сн. вычеркн. неразборчиво (напр. объясненія потолковой грамматики въ „Граммат."). 81, 5 сн. [illegible]
82, 7. Не точно, вслѣдствіе сжатости; точнѣе — см. стр. IV. 18. и 32. Простѣйшее средство — смыть всю тушь и развести вновь, не зная.
къ **83**. Тотъ же новый духъ завоевалъ себѣ мѣсто и въ Италіи: см. Предисловіе G. I. Ascoli, Corsi di glottol., Tor. 1870, v. I, XIV sq.; D. Pezzi, Gr. stor.-comp. d. l. lat., Tor. 1872; Fornaciari Gr. st. d. l. it., Tor. 1872; циркуляръ мин. Коррентти 9/5 1871. — И у насъ дѣло улучшается. — Но чтобы упрочился классицизмъ необходимо, чтобы всѣ его адепты были симпатичны обществу.
Кончаю. Не ища ни почестей ни выгодъ, я не торопился издавать, т.е. бравшся за тушь. Таковъ мой, такъ сказать, стоическій эпикуреизмъ!

Кіевъ, 18 окт. (н. ст.) 1878. Конецъ II части. —[illegible]й Ивановъ—

Цѣна

остающихся экземпляровъ „Филологическихъ Записокъ"

за 2 части 4½ р., съ перес. 5 рублей.

При покупкѣ въ одинъ разъ болѣе одного экземпляра, цѣна 4 р., съ перес. 4 р. 25 к. Большей уступки никому не дѣлается. Уступкою могутъ пользоваться только обращающіеся непосредственно ко мнѣ. (О льготѣ, предоставляемой владѣльцамъ сихъ „Записокъ" въ случаѣ 2-го изданія, см. „замѣтку" въ ч. I, стр. IV. — Лицамъ со слабымъ зрѣніемъ, какъ сообщается и въ „объявленіи" не могутъ быть рекомендованы сіи „Записки"). (Изданіе на алекс. бумагѣ съ большими полями — 6 р.; остается 1 экз.).

Отъ автора „Филол. Записокъ" могутъ быть пріобрѣтаемы также слѣдующія его брошюры (при „Запискахъ" безъ приплаты за пересылку):

Рецензія изданнаго г. Ростовцевымъ перевода рѣчи Цицерона о назначеніи Помпея полководцемъ. Кіевъ. 1864. 8°. — 32 стр. Ц. 50 к., съ пер. подъ зак. бан. 70 к.

О классическомъ образованіи вообще и по отношенію къ Россіи въ особенности (изъ Цирк. К. уч. окр. 1863—64), б. 8°. — 32 стр. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. (Есть нѣсколько экз.).

Игры Древнихъ. Описаніе, происхожденіе и отношенія ихъ къ религіи, исторіи, искусствамъ и нравамъ. Л. Бекъ-де-Фукьера (L. Becq de Fouquières). Съ гравюрами по антикамъ. Перев. со 2-го фр. изд. (1873 г.) подъ редакціею, съ примѣчаніями и съ предисловіемъ А. А. Иванова. Вып. I. Кіевъ. 1877. — 8°. стр. 8 + XXVIII + 210. — Ц. 1 р. (Все изданіе будетъ состоять изъ 3-хъ выпусковъ. Выходъ въ свѣтъ 2-го и 3-го выпусковъ замедлился не по моей причинѣ; надѣюсь впрочемъ, что оба они выйдутъ въ 1879 г. — Складъ сей книги въ книжномъ магазинѣ Редакціи Кіевскаго Народнаго Календаря при Кіевск. I гимн.; отъ меня же можно получать ее не иначе какъ вмѣстѣ съ „Записками").

Содержаніе 1-го вып.: Памяти П. М. Леонтьева. Предисловіе къ переводу. Предисловіе автора. Игрушки. Игры дѣвицъ. Подражательныя игры. Игры съ гонкою и увертливостью. Игры и упражненія силы и гибкости. Игры ловкости. Игры съ животными.

Имѣя въ виду, что „Записки" изданы въ маломъ количествѣ экземпляровъ, и желая скорѣе покончить всѣ хлопоты изъ за нихъ, я назначаю крайній срокъ для пріобрѣтенія ихъ отъ меня — конецъ марта 1879 г. — Учебныя заведенія могутъ обращаться ко мнѣ и безъ приложенія денегъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при требованіи было заявлено, что деньги будутъ немедленно высланы по полученіи „Записокъ". (Болѣе см. въ „Объявленіи").

Можно обращаться также и въ кіевскіе книжные магазины Оглоблина, Федорова и при I гимназіи. — Съ января 1879 даже лучше туда обращаться.

Моихъ кіевскихъ подписчиковъ прошу ко мнѣ пожаловать за полученіемъ окончанія, а находящихся въ другихъ мѣстахъ прошу извѣстить меня съ приложеніемъ 30 к., куда имъ выслать окончаніе. — Срокъ тѣмъ и другимъ также конецъ марта 1879. — Отдѣльные листы (запасъ малый!) для пополненія экземпляровъ — 20 к., съ пер. 25 к. — А. И.

Адрессъ: Андрею Акимовичу Иванову, Кіевъ, Нижне-Владим. ул., д. Тальберга.

29 окт. 1878.

Дозволено цензурою. Кіевъ 28 октября 1878.

